

ИСТОРИЯ КОРЕИ

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ КОРЕИ

(с древнейших времен до наших дней)

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Б. Г. Гафуров, Ю. В. Ванин, Г. Ф. Ким, М. Н. Пак,
В. Д. Тихомиров, Ф. И. Шабшина*

РЕДАКТОР ТОМА

Ю. В. Ванин

Настоящая книга — впервые издаваемый в СССР обобщающий коллективный труд по истории Кореи. Первый том охватывает период с древнейших времен до 1917 г., второй — посвящен Корее новейшего времени. В книге на основе первоисточников и обширной литературы на корейском, японском и западных языках рассматриваются основные процессы социально-экономического и политического развития страны на разных этапах ее истории, достижения в области корейской культуры, показаны важнейшие антифеодалные выступления, борьба против иноземных завоевателей и национально-освободительное движение корейского народа.

И $\frac{10603-085}{013(02)-74}$ 117-73.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга является первой частью двухтомного труда, в котором впервые в советской историографии делается попытка осветить историю корейского народа с древнейших времен до наших дней. В первом томе изложение доведено до конца периода новой истории, второй том целиком посвящен новейшей истории.

Неразрывной частью входит в историю человечества многовековая история корейского народа, создавшего богатую и самобытную культуру, в упорной и героической борьбе отстаивавшего свое независимое национальное развитие от многочисленных попыток порабощения могущественными иноземными завоевателями.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и успехи лагеря социализма за истекшие десятилетия дали сильнейший толчок развитию национально-освободительного движения; полностью сбылось предвидение великого Ленина, что народные массы Востока, которые долгое время служили только объектом колониальной политики империализма, подвергавшего их жесточайшему гнету и эксплуатации, вслед за революцией в России поднимутся «как самостоятельные участники, как творцы новой жизни». В. И. Ленин предсказывал, что «за периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»¹.

После освобождения Советской Армией от японского колониального ига корейский народ в короткий исторический срок ликвидировал тяжелое наследие колониального прошлого, создал народно-демократическое государство в северной части страны. В отечественной освободительной войне (1950—1953) он отразил вооруженную агрессию американского империализма и южнокорейских марионеток, залечил тяжелые раны, нанесенные этой войной, и в послевоенный период достиг больших успехов в социалистическом строительстве. Ныне корейский народ отстаивает завоевания социализма в борьбе против происков агрессивных империалистических сил и их южнокорейских союзников, активно добивается мирного объединения родины на демократических началах. Изменения в исторических судьбах Кореи — закономерный итог развития мирового революционного процесса и многотрудной борьбы корейского народа, результат взаимодействия интернациональных и национальных факторов исторического прогресса.

Исторический опыт корейского народа, ныне ставшего активным фактором мировой истории, — поучительный пример для многих других народов Азии и Африки, поднявшихся на борьбу за свою независимость.

Только объективное изучение взаимодействия внутренних и международных факторов исторического процесса может дать ключ к правильному пониманию исторического опыта корейского народа. Этот опыт помогает раскрыть общенсторические закономерности движения общественно-экономических формаций с учетом темпов развития и национальной специфики страны. Он свидетельствует об идейной несостоятельности антинаучных концепций поборников колониализма и буржуазного национализма.

Колониальная политика империализма породила огромную литературу, фальсифицирующую историю Кореи в угоду политике колонизаторов, стремившихся принизить корейский народ и сломить в нем дух сопротивления. Впереди других в этом смысле стояли японские колонизаторы, чьи измышления повторялись на страницах европейской печати. Уже в конце XIX — начале XX в. японские буржуазные историки, пытаясь обосновать и оправдать захватническую политику в Корее, «законность» притязаний Японии на эту страну, сочиняли версии, что какие-то части корейской территории в древности принадлежали японцам. Особенно большую шумиху они подняли вокруг вопроса о Мимане, которую без всякого основания объявили древней японской колонией на Корейском полуострове. Для распространения этих идей спешно компоновались труды по истории Кореи, хотя существовавший уровень научных исследований был недостаточен для их написания. Так, изданная в период русско-японской войны «История Кореи» Кубо Токудзо изобиловала фактическими ошибками, но весьма бойко излагала пропагандистские «додводы» в пользу захвата Кореи Японией. После ложных утверждений, что раннее корейское государство Силла представляло якобы японскую колонию, автор книги, перейдя к современности, уподоблял Корею «Балканскому полуострову на Востоке», а захват этой страны Японией считал необходимостью «во имя мира и исторической справедливости»².

После аннексии Кореи японскими империалистами в 1910 г. историк Фукуда Ёсиносукэ старался оправдать этот акт рассуждениями о том, что история Кореи лишь придаток к истории Японии. Он пытался доказать, что возвышение или падение корейских государств «объяснялось всецело воздействием извне — со стороны континента и нашего государства» (т. е. Японии); установление японского господства в Корее он представил как вполне естественную «историческую миссию»³. Полную зависимость от колониальной политики своего правительства откровенно признал один из зачинателей японского корееведения — Сиратори Куракичи (возглавлявший в то время научный центр при компании ЮМЖД); цель изучения истории Кореи он видел в том, чтобы оказывать услуги «практическому управлению Кореей»⁴.

После Октябрьской революции в России и народного восстания 1919 г. в Корее рост национально-освободительного движения корейского народа вынудил японских колонизаторов маневрировать, отказаться от методов прямого военно-террористического колониального господства и даже провозгласить «эру культурного управления».

В новых условиях, когда национальное самосознание корейцев росло, колонизаторская историография вынуждена была начать поиски более гибких форм идеологического обоснования колониализма. Такие историки, как Инаба Ивакити, считали необходимым, управляя Кореей, учитывать особенности ее истории и выступали против «механического перенесения всего японского на корейскую почву без учета исторического опыта»⁵. Нащупав слабые стороны в идеологии корейского национализма (например, обоснование его мифологией), Инаба пытался «научно» опровергнуть легенды «национального самоопределения»⁶. В новых условиях

(особенно с середины 20-х годов), несомненно, возрос общий уровень японской историографии по Корее. При генерал-губернаторстве было создано Чосэнси хэнсюкай (Общество по составлению истории Кореи), в Сеульском университете начали работу семинары Иманиси Рю и Ода Сёго по проблемам корейской истории, создавались более насыщенные фактами обобщающие труды по истории Кореи [например, «Чосэн иппанси» («Общая история Кореи»)], в которых, однако, настойчиво проводилась мысль о «бескорыстной» цивилизаторской роли Японии в просвещении «отсталой» Кореи.

Прогрессивные ученые, сочувствовавшие освободительной борьбе корейского народа, изгонялись из университетов, а тон в историографии задавали оголтелые шовинисты. Один из них, Сидэхара Тайра (состоявший чиновником генерал-губернаторства), не только проповедовал миф о том, что корейское государство Силла якобы основано японцами, но даже критиковал средневековых японских пиратов за мелкий, недостаточный размах их грабежей в Корее. Он писал: «Большой бандитизм, могущий перекрыть политическую карту, не по плечу мелким воришкам, крадущим портмоне... Нам приходится лишь сожалеть, что они (средневековые пираты.— *Ред.*) не оставили нам реального наследия, и мы должны в свою очередь предостеречь наших потомков, чтобы они не повторили эту досадную ошибку»⁷.

После оккупации японскими империалистами Маньчжурии и превращения Кореи в плацдарм «большого бандитизма» японские кореееды изо всех сил старались доказать историческую общность Кореи и Маньчжурии (представляемых как «единое целое») и убедить корейское население в необходимости поддерживать агрессию японского империализма на Азиатском материке. Этим идеологическим целям служили и солидные научные издания [например, многотомная подборка источников «Чосэн си» («История Кореи»)], переиздания летописей династии Ли, а также разнообразные популярные очерки.

Примечательной среди популярных изданий была книга, опубликованная без имени автора к 25-летию японского генерал-губернаторства в Корее⁸. Под видом обобщения исторического опыта в ней не только развивался тезис о неразрывной связи между Кореей и Маньчжурией, но и возрождались старые концепции — о решающем значении влияния соседей (Китая, Японии и др.) на историческое развитие Кореи, о правомерности господства над ней Японии — «гегемона на Востоке», — благодаря чему корейцы якобы «могут жить в условиях высокой общественной безопасности и материального достатка, приобщаясь ко всем благам нашей (японской.— *Ред.*) культуры, представляющей собой гармоническое сочетание восточной и западной культур», и т. п.⁹. Любопытно, что именно эта книга, чуть подновленная и слегка очищенная от прямых шовинистических проповедей и восхвалений колониального режима, в наше время переведена на английский язык и распространяется во многих странах так называемым Центром по изучению культур Восточной Азии¹⁰.

В послевоенные годы в Японии также дают о себе знать рецидивы колониалистских концепций истории Кореи; изучение ее стало ареной острой идеологической борьбы между реакционными и прогрессивными силами. Представители реакционного направления в корееведческой историографии приспособливаются к новым условиям, опираясь на заокеанский империализм, на неоколониализм возродившихся монополий самой Японии.

В интересах этих сил возрождаются старые колониалистские концепции. Известный буржуазный историк Сиката Хироси в географическом факторе нашел «объяснение» фатальной якобы неизбежности иностран-

ного господства в Корее, заявив, что на судьбы корейской нации «оказывала решающее, даже роковое, влияние прежде всего ее „полуостровность“, т. е. то обстоятельство, что Корея представляет полуостров, сжатый между континентальной Азией... и Японскими островами»¹¹.

Модифицируя эти представления, Мисина Сёэй проповедует коренную противоположность исторических судеб двух (северной и южной) частей Кореи, обусловленную якобы доминирующим влиянием внешнего мира; по его мнению, «политическая стабильность на полуострове до сих пор регулируется внешними силами». Исходя из этого, он осуждает всякую борьбу корейского народа против иностранных захватчиков, якобы приносивших Корее «политическую стабильность». Конечно, исторические экскурсы понадобились Мисине лишь для оправдания агрессии японского империализма. Он хочет убедить читателя в том, что без господства Японии корейцы распались на враждующие кланы («как пешки в руках крупнейших международных лагерей») и «воюют между собой, жертвуя миллионами человеческих жизней»¹². Здесь содержится прозрачный намек на то, что и в будущем проблемы Кореи останутся нерешенными, пока за это не возьмется Япония, выступающая в качестве «стабилизирующего фактора». Эти идеи, несомненно, отражают неокOLONиалистские вожделения реакционных кругов.

Однако в наше время колониалистской историографии в Японии противостоят растущие прогрессивные, демократические силы. Видный японский специалист по истории Кореи Хатада Такаси писал: «Изучение истории Кореи, затрагивающее вопрос о сознании и идейной убежденности, должно способствовать изменению взглядов на Корею и Азию и заставить японцев призадуматься над тем, какой страной должна стать сама Япония. Задачей нашего изучения истории Кореи, изучения, имеющего столь глубокий смысл, следует считать выяснение и понимание самостоятельного характера развития истории корейцев»¹³. Хатада еще в 1951 г. издал первый в послевоенной Японии обобщающий труд по истории Кореи, в котором поставил задачу прежде всего «изучать историю самих корейцев, исторические пути, которыми шел народ Кореи»¹⁴. За книгой Хатада последовали и другие работы прогрессивных японских ученых, посвященные истории Кореи¹⁵.

В американской историографии также прослеживается прямая связь исторических концепций с политикой правительства США в отношении Кореи, с политической пропагандой и идеологической обработкой общественного мнения¹⁶. Когда правительство США, заключив сделку с японскими империалистами, содействовало установлению их господства в Корее, американскую прессу наводняли инспирированные правящими кругами нелепые измышления о неспособности корейского народа к самостоятельному существованию, рекомендации Японии не рассматривать Корею как суверенное государство (например, статьи Д. Кеннана в журнале «Outlook» в 1905 г.). Но и в более серьезных книгах, написанных такими знатоками Кореи, как миссионер Х. Б. Хальберт (его труды до сих пор остаются непревзойденными в американской историографии по Корее)¹⁷, прослеживается все та же зависимость исторических концепций от колониальной политики, выразившаяся прежде всего в восхвалении цивилизаторской миссии колониальных держав.

Несмотря на неодобрительное отношение к установлению японского протектората над Кореей, Х. Хальберт оправдывал эти действия тем, что Япония якобы выпущена защищать свои жизненные интересы, сдерживая русское проникновение в Корею¹⁸. Констатировав факт предательства США, отказавшихся от выполнения своих договорных обязательств, Х. Хальберт тем не менее призвал США впредь оставаться «другом Ко-

реи», оказывая ей помощь в просвещении, которое может послужить залогом ее будущей независимости. Американцам (прежде всего миссионерам) он отводил роль просветителей и учителей корейцев¹⁹.

Эти концепции, отражавшие колониальные интересы США, оказали влияние почти на всю последующую американскую буржуазную литературу.

Критическое отношение к японской колониальной политике появилось в американской литературе лишь со времени обострения японо-американских империалистических противоречий, приведших к войне на Тихом океане. Усилившийся интерес к проблемам Кореи был связан с созреванием программы колониальных захватов самого американского империализма. Особое внимание уделялось раннему этапу американского проникновения в Корею, связанному с деятельностью христианских миссионеров, добивавшихся усиления политического влияния США в Корее и хлопотавших о приобретении горнорудных и других концессий для американских предпринимателей²⁰, а также истории колониальной экспансии Японии, рассматриваемой как образец «западной» колониальной политики в отношении Кореи²¹.

После разгрома японского империализма в 1945 г., когда правящие круги США приступили к насаждению новых колониальных порядков на Дальнем Востоке, в американской буржуазной литературе наметилась тенденция утонченного оправдания японского колониализма и идеализации предшествующей истории американской политики в Корее. Именно эту цель преследовали публикации в 50—60-х годах документов по истории ранних корейско-американских отношений²². Их составители стремились доказать, что в период активной борьбы держав за гегемонию в Северо-Восточной Азии в конце XIX в. США представляли якобы «единственно нейтральную» сторону, действовавшую в интересах целостности Кореи²³. Вопреки истине они хотели изобразить США поборником прогресса и надеждой всех корейцев, «стремившихся к независимости»²⁴, а японскую захватническую политику оправдать тем, что для Японии Корея представляла «не только единственную жизненно важную базу для континентальной экспансии, но также и прикрытие от вторжений»²⁵, что так называемые реформы японцев якобы сулили «мир, процветание и просвещение ее народу»²⁶.

С усилением идеологического наступления империалистической реакции в 60-х годах американские буржуазные авторы целиком подчинили изучение истории японской агрессии в Корее задачам борьбы против идей коммунизма, попыткам «опровергнуть» теорию марксизма-ленинизма. Типичной в этом отношении можно считать книгу Х. Конроя, стремящегося оправдать японский захват Кореи и заодно обелить аналогичные агрессивные действия самих США²⁷.

Попытку приукрасить задним числом империалистическую политику США в Корее в конце XIX — начале XX в. и изобразить Америку «давним» и «верным» другом Кореи предприняли также американские историки Юджин и Хангё Кимы²⁸. Они стараются преуменьшить значение сопротивления корейского народа японской агрессии, повторяя лживые доводы Т. Рузвельта, что корейцы якобы не в состоянии были нанести ни одного удара в свою защиту. Они стремятся убедить читателей, что США продолжали оставаться верными друзьями Кореи, хотя и не пришли ей на помощь в решающий час. Крайне преувеличена ими и роль американских христианских миссионеров, изображенных бескорыстными друзьями Кореи и чуть ли не главными организаторами национального движения.

Даже беглый обзор свидетельствует о том, что освещение истории колониального закабаления Кореи Японией, политики США и других им-

периалистических держав служило главными темами японского и американского корееведения, в котором наглядно проявилась фальсификаторская роль «исследований» буржуазных историков, призванных оправдать прошлую колонизаторскую политику и способствовать современным призываниям неоколониалистов.

Что же касается других проблем исторического прошлого Кореи, то многие из них, особенно социально-экономические процессы в феодальном обществе, редко и весьма поверхностно рассматриваются буржуазными авторами. Главное внимание в их трудах обычно уделяется политической истории (борьба за престол, соперничество феодальных кланов и т. д.), и менее всего можно узнать из них о положении народных масс, их борьбе за социальное и национальное освобождение.

Несомненно, новый этап в освещении истории Кореи начался после освобождения Кореи Советской Армией от ига японского империализма и победы социалистического строя в Корейской Народно-Демократической Республике, которые обеспечили благоприятные условия для развития марксистской историографии. Осуществляя задачи революционного воспитания народных масс, Трудовая партия Кореи и народная власть считали актуальным развертывание исследований по национальной истории. К этому не раз призывали Ким Ир Сен и другие руководители ТПК и правительства. Молодая прогрессивная историография Кореи могла в своей деятельности опираться на идейное наследие основоположников марксизма-ленинизма и опыт советской исторической науки.

В 1947 г. в качестве центра научных исследований была создана Комиссия по составлению истории Кореи (Чосон ёкса пхёнчхан вивонхва), издававшая журнал «Ёкса чемундже» («Вопросы истории»). Даже в трудных условиях войны против американских агрессоров деятельность историков КНДР не прекращалась. В состав Академии наук, учрежденной в 1952 г., вошли Институт истории и Институт археологии и этнографии. В послевоенное время они приступили к изданию журналов «Ёкса квахак» («Историческая наука») и «Мунхва юсан» («Культурное наследие»), получившего впоследствии название «Кого минсок» («Археология и этнография»). Важное значение имело учреждение в составе Академии сначала отдела, а затем Института по изучению и изданию памятников классической литературы, который опубликовал (в том числе в переводе на современный язык) ряд важнейших памятников корейской историографии.

Исследования по разным периодам истории Кореи позволили подготовить издание первых обобщающих трудов. В 1956—1958 гг. Институт истории АН КНДР опубликовал двухтомный труд по истории Кореи с древнейших времен до 1956 г.²⁹ Одновременно Пхеньянский университет выпустил «Очерки истории Кореи»³⁰, доводящие изложение до 70-х годов XIX в. Составлялись также общие труды по истории национально-освободительного и революционного движения³¹. Эти труды, а также работы последующих лет внесли много нового в понимание почти всех периодов истории корейского народа.

С начала 60-х годов корейские ученые усиленно изучали одну из труднейших проблем ранней истории Кореи — вопрос о социально-экономическом характере Древнего Чосона, первого известного в истории политического образования среди корейских племен. Ряд историков (среди них, например, Ли Джирин³²) пришли к выводу об очень раннем возникновении Древнего Чосона, рассматриваемого как первое рабовладельческое государство в истории Кореи. Однако вопросы, связанные с установлением времени его возникновения или определением его местонахождения, нуждаются в дальнейшей разработке³³.

Корейской историографией проделана также большая работа по изучению истории Кореи в период трех государств (Когурё, Пэкче и Силла). Вопрос о социально-экономической природе этих государств не раз служил предметом научных дискуссий в КНДР. Во время дискуссии 1956 г. были подведены итоги изучения этой проблемы³⁴ и выяснены основные точки зрения историков по вопросу о времени возникновения и социально-экономической сущности трех государств. Если одна группа историков по-прежнему продолжала считать три государства рабовладельческими, то другая признавала их складывающимися феодальными. Эти различия во взглядах были обусловлены различным толкованием как некоторых методологических проблем (последовательность развития социально-экономических формаций и др.), так и данных письменных источников. В последние годы большинство историков КНДР склонны признавать три государства феодальными, относя существование рабовладельческого строя к более раннему периоду.

В трудах ученых КНДР получили разностороннее освещение проблемы социально-экономического и политического развития корейского феодального общества. Пак Сихён и другие историки подвергли детальному исследованию аграрные отношения и систему эксплуатации крестьян феодалами и государством в целом³⁵. Подробному анализу сословно-классовой структуры феодального общества посвящены монографии Ким Сокхёна³⁶. Большое место в исследованиях Ким Сокхёна и других ученых занимает история антифеодальной борьбы крестьян в средневековой Корее³⁷. Seriously изучаются историками КНДР процесс разложения феодального строя и зарождения внутренних предпосылок формирования капиталистических отношений³⁸, новые тенденции в развитии общественной мысли, в частности творчество прогрессивных ученых-сирхакистов³⁹.

Среди проблем истории Кореи конца XIX — начала XX в. в исследованиях ученых КНДР ведущее место заняло изучение национально-освободительной борьбы корейского народа против агрессии капиталистических государств, а также этапов зарождения и развития буржуазного национального движения, особенно характеристика сущности и исторического значения реформаторского движения 80-х годов, возглавленного Ким Оккюном⁴⁰.

Несмотря на спорность постановки и решения отдельных проблем, а также незавершенность некоторых исследований, историческая наука в КНДР открыла принципиально новые направления в изучении многовековой истории своей страны, положив начало всестороннему выявлению внутренних закономерностей исторического процесса, содержанием которого является борьба классов, обусловленная социально-экономическим развитием общества, а также важного вклада корейского народа в развитие мировой истории и культуры. Достижения марксистской историографии в КНДР служат убедительными аргументами в идеологической борьбе против колониалистских концепций и буржуазно-националистической историографии Южной Кореи⁴¹.

Установившиеся после освобождения Кореи дружба и сотрудничество с историками КНДР способствовали более плодотворному развитию изучения Кореи в советской историографии. Прежде всего, знакомство с новым кругом исторических источников и литературы, поступающих из братской Кореи, значительно расширило тематику и повысило уровень исследований советских ученых. Они стремятся уделить истории Кореи подобающее место при освещении всемирной истории, в преподавании общих курсов истории стран Востока в высших учебных заведениях, в справочных и других научных изданиях. Ведется углубленное изучение процессов внутреннего развития Кореи в более удаленные от современно-

сти периоды: истории древней Кореи по археологическим памятникам ⁴², ранних письменных источников ⁴³, процессов социально-экономического и политического развития, а также истории общественной мысли в средние века ⁴⁴, истории крестьянских движений в XIX в. ⁴⁵, а также национально-освободительного движения в период пробуждения Азии ⁴⁶. Большое внимание уделяется разоблачению японской агрессии и колониальной политики в Корее, сопереживанию империалистических держав за господство в этой стране ⁴⁷. Несомненно, ведущее место в работах советских корееведов занимают проблемы новейшей истории, рассматриваемые во втором томе данного труда.

Опираясь на свой скромный опыт в изучении истории Кореи, а также на значительный материал, представленный в современном корееведении, советские ученые в настоящей работе делают первую в советской историографии попытку представить в обобщенном виде картину исторического развития корейского народа. Авторы прекрасно понимают всю трудность и сложность этой задачи в условиях, когда многие коренные вопросы периодизации истории Кореи и социально-экономической характеристики различных ее периодов остаются нерешенными или недостаточно исследованными. По ряду важнейших проблем имеются скудные и подчас противоречивые данные, не позволяющие показать некоторые процессы, особенно в феодальной экономике, во всей их полноте и динамике развития. В меру своих сил и возможностей, строго следуя историческим фактам, авторы излагают корейскую историю различных эпох как определенную систему производственных отношений, из которых с неизбежностью выростали противоречия и борьба классов. Прежде всего авторы стремились показать многовековую героическую освободительную борьбу трудящихся, поднимавшихся против внутренних угнетателей и иноземных захватчиков, памятуя, что традиции этой борьбы и ныне служат делу антиимпериалистического и освободительного движения корейского народа против внутренней и внешней реакции, делу борьбы народных масс всей Кореи за объединение родины на мирной демократической основе.

Авторы приносят искреннюю благодарность всем товарищам, оказавшим помощь в работе над этой книгой.

Главы первого тома «Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)» написаны следующими авторами:

Часть первая. Древняя история и средние века

Гл. 1. — М. В. Воробьев (разд. «Древний Чосон» — М. Н. Пак).

Гл. 2. — М. Н. Пак (разд. «Культура трех государств» — совместно с Л. Е. Еременко).

Гл. 3. — М. Н. Пак (разд. «Культура Силла» — совместно с Л. Е. Еременко).

Гл. 4. — Ю. В. Ванин.

Гл. 5. — Ю. В. Ванин (разд. «Осуществление закона о чиновных делах (кваджон). Установление новой династии» — М. Н. Пак; разд. «Культура Корё» — Л. Е. Еременко).

Гл. 6. — М. Н. Пак.

Гл. 7. — М. Н. Пак (разд. «Наука и общественная мысль в XV — первой половине XVII в. Зарождение сирхак» — Ю. В. Ванин; разд. «Литература и искусство» — Ю. В. Ванин, Г. В. Ли).

Часть вторая. Корея в новое время

Гл. 1. — Ю. В. Ванин.

Гл. 2. — Ю. В. Ванин (разд. «Наука. Литература. Искусство» — совместно с Г. В. Ли).

Гл. 3. — Г. Д. Тягай.

Гл. 4.— Г. Д. Тягай (в разд. «Культура Кореи в XIX в.» материал о театре — Г. В. Ли).

Гл. 5. — Г. Д. Тягай.

Гл. 6. — Г. Д. Тягай.

Гл. 7. — Г. Д. Тягай.

Гл. 8.— Ю. В. Ванин.

Гл. 9. — В. И. Шипаев (разд. «Корейская культура в конце XIX — начале XX в.» — В. И. Иванова).

Чтобы облегчить чтение, в тексте не приводятся сноски на использованные источники и литературу (за исключением произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также архивных материалов).

В книге осуществлено дальнейшее уточнение корейской транскрипции.

Унификация транскрипции корейских терминов, имен и географических названий проведена Л. Р. Концевичем. Указатели составил В. П. Пак. Карты подготовили: М. Н. Пак («Корея в VII в.»), Ю. В. Ванин («Корея в XIII—XIV вв.», «Имджинская война 1592—1598 гг.»), Г. Д. Тягай («Народное движение в Корее во второй половине XIX в.»). Карта «Национально-освободительное движение в 1906—1911 гг.» заимствована из книги Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 года в Корее» (М., 1952).

Часть первая

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
И СРЕДНИЕ ВЕКА

ПЕРВОЫТНООБЩИНСКИЙ СТРОЙ. ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Естественно-географическая среда

Появление древнейшего человека на Корейском полуострове, равно как формирование культуры первобытной Кореи, в немалой степени обусловлено естественно-географической средой, которая не оставалась неизменной на протяжении тысячелетий.

Основные очертания Западной Кореи намечались еще в палеозое (Китайская платформа) и продолжали формироваться в третичное и четвертичное время. Восточная Корея, относящаяся к тихоокеанской геосинклинали, т. е. к неустойчивой части суши, находилась под водой еще в раннечетвертичное время. Современный физико-географический облик Кореи сложился в основном в четвертичное время, которое на земном шаре является эпохой древнейшего ископаемого человека.

В начале четвертичного периода, в так называемую доледниковую эпоху (по общей для всего Дальнего Востока геологической терминологии, хотя на территории Кореи прослеживаются лишь местные очаги оледенения, к тому же кратковременного), развились сильное наступление моря на сушу и бурная вулканическая деятельность. Вскоре произошло частичное поднятие суши, сопровождавшееся появлением упомянутых очагов местного оледенения. В это время Азия соединялась с Америкой сухопутным коридором, а тихоокеанский островной мир (Сахалин, Японский и Малайский архипелаги) был прикован к матерiku. Нынешние Охотское, Японское, Китайское моря были внутриматериковыми водоемами. Поднятие сменилось погружением (в соседнем Приморье — до 500 м), а ледниковая фаза — межледниковой. В Корею сложился теплый субтропический климат, сменившийся похолоданием при новом, менее сильном поднятии суши (вторая ледниковая фаза). В дальнейшем более резкое опускание суши (до 1000—1200 м) знаменовало переход к послеледниковой фазе и привело к отделению Азии от Америки, Японии от Сахалина и от Кореи. В современную фазу геологической истории небольшие поднятия и опускания суши приводили только к частичному изменению очертаний береговой линии.

В четвертичное время на Дальнем Востоке происходило формирование четко выраженных ландшафтных зон — тундры, тайги, маньчжурской тайги, лиственного леса, тропического леса. В доледниковый период флора Корейского полуострова отличалась большим богатством видов (но без пальмовых и почти без вечнозеленых растений). В первую ледниковую фазу она немного обеднела, но в теплую межледниковую бурно разрослась широколиственная растительность. Вторая ледниковая фаза не-

сколько отодвинула к югу границу лиственных лесов и привела к исчезновению многих влаго- и теплолюбивых представителей третичной эпохи (секвойя). В послеледниковую, а особенно в современную пору в Корее сложилась растительная среда, привычная для нынешнего населения страны.

История образования корейской фауны обнаруживает те же закономерности. В ранние фазы четвертичного времени в Корее еще жили такие крупные и теплолюбивые млекопитающие, как корейский носорог, индийский слон, гигантский олень, саблезубый тигр. В период второго оледенения они почти все вымерли. Однако отсутствие сплошного оледенения в Корее обеспечило сохранение многих представителей реликтовой флоры и фауны (магнолия, гинкго, женьшень, тигр).

Палеолит

Несмотря на то что описанная естественно-географическая среда в четвертичное время была благоприятна для жизни в Корее палеолитического человека, археологи и по сей день могут предъявить лишь зыбкие или единичные свидетельства его изолированного существования в нескольких пунктах на полуострове¹.

В 1929—1931 гг. в долине р. Туманган (Северная Хамгён) были найдены остатки крупных млекопитающих плейстоценового возраста, а с ними — костяное орудие. Сравнительно недавно, в 1962—1963 гг., близ Кульпхо, все в том же северо-восточном углу Северной Хамгён исследовано многослойное местонахождение: в его нижних слоях и на поверхности найдена серия изделий палеолитического облика. Стоянка расположена недалеко от морского залива, и нынешние очертания местности приняла в послеледниковое время. Существенное стратиграфическое значение приобретает латеритовая прослойка, находящаяся ниже неолитического и выше обоих палеолитических слоев Кульпхо. Она результат наступления тропического, жаркого и влажного климата, возможно связанного с меж- или послеледниковой фазами.

В верхнем слое (Кульпхо I) оказались чопперовидные орудия и ядрища из роговика; в нижнем (Кульпхо II) — рубилообразные орудия, односторонне оббитые кварцитовые гальки. К ним присоединяются скребки, остроконечники, пластины и отщепы из подъемных сборов. Крупные орудия обработаны техникой одностороннего скола, на мелких есть следы ретуши. В описании и в иллюстрациях орудия невыразительны, аморфны и охарактеризованы нечетко. Предлагаемые сопоставления Кульпхо I с Осиновкой (Южное Приморье, СССР), а Кульпхо II — с Динцунем (Северный Китай) довольно условны, как и разграничение толщи отложений на два культурных горизонта, налегающих друг на друга.

По предлагаемой интерпретации в Кульпхо II прослеживаются элементы нижнепалеолитической культуры ручных рубил Запада, а в Кульпхо I — верхнепалеолитические азиатские традиции. Несхожесть находок из обоих горизонтов объясняется значительным хронологическим разрывом между ними. Скудные находки (рубила и скребки) позволяют лишь предполагать охотничье-собирательную ориентацию хозяйства создателей этих орудий.

Предметы из Кульпхо в сочетании с предшествующими палеонтологическими находками в этих местах и палеолитическими — в Осиновке подтверждают перспективность этого ареала для разведчиков палеолита. Теоретически и остальная территория Кореи не должна была оставаться безлюдной в позднечетвертичное время: об этом говорят находки палео-

литических изделий по границам ареала — в Маньчжурии и в Японии. Однако, по имеющимся в настоящее время данным, можно получить подробное представление о материальной культуре корейского населения только с неолитического периода.

Неолит

В неолитическую пору сложилось пять центров культуры Кореи, сохранивших свое доминирующее значение в ее культурной истории вплоть до эпохи раннего железа и в последующее время. Эти центры тесно связаны с долинами рек: крайний северо-восток страны — с бассейном Тумангана; район Пусана — с устьем Нактонгана; район Сеула — с низовьем Хангана; п-ов Хванхэ — с рядом мелких рек; район Пхеньяна — с нижним течением Тэдонгана. Напомним, что в одном из них, на северо-востоке, ведутся наиболее перспективные разведки палеолитических памятников.

Неолитические стоянки Кореи относятся к двум основным разновидностям — к стоянкам с раковинными кучами и к стоянкам на холмах. Первые были разбросаны по морскому побережью и в устьях рек; появились еще в раннем неолите, но дожили до железного века включительно. Вторые располагались на вершинах невысоких изолированных холмов, на террасах или склонах гор в непосредственной близости от низин; возникли в позднем неолите. Если первые связаны преимущественно с развитием морского и речного собирательства, то вторые свидетельствуют о появлении примитивного земледелия и оседлости.

На стоянках обоих типов можно заметить остатки землянок округлой, а иногда прямоугольной формы. В среднем насчитывается 3—7 жилищ на стоянку, но известны поселения и с сотнями землянок (о. Чходо). Как правило, чем моложе поселение, тем оно крупнее. Крыша землянки (а с конца неолита — полуназемного жилища) держалась на столбах, вкопанных в пол и достаточно прочных, чтобы выдержать тяжесть жердей и слоев водонепроницаемой глины. В центре жилища выкапывали углубление и выкладывали его камнями; оно служило очагом. В поздне-неолитических жилищах удается заметить следы каналов для обогрева теплым воздухом; пол плотно трамбовался, промазывался глиной, иногда мстился плоскими камнями. Судя по размеру, такое жилище предназначалось для одной семьи из пяти-семи человек. На подветренной стороне стоянки росла кухонная (или раковинная) куча, часто огромной протяженности.

Обитатели таких стоянок вели присвояющее хозяйство. Охота, рыбная ловля, собирательство — и непременно в сочетании — обеспечивали неолитическому населению Кореи необходимый минимум продовольствия. Удельный вес в хозяйстве тех или иных форм, естественно, не везде был одинаков. На приморских стоянках ловили камбалу, тунца, минтая, сельдь и другую рыбу, пользуясь рыболовными крючками, острогами и сетями, собирали ракушки, моллюсков, мелких мягкотелых обитателей моря; охота имела подсобное значение. Жители глубинных районов страны, наоборот, усердно охотились на оленей, косуль и кабанов, не говоря уже о более мелких животных, применяя лук и стрелы, силки, западни, собирали дикорастущие желуди, каштаны, орехи, плоды, ягоды и коренья. Рыбная ловля играла подсобную роль.

Население Корейского полуострова эпохи раннего и развитого неолита, оставившее стоянки с раковинными кучами, использовало каменный и костяной инвентарь, а также керамику; и то и другое обладало оп-

ределенным единообразием для ареала в целом. Впрочем, это не исключало существования ряда локальных культур.

Наиболее ярким примером последних служит неолитическая культура обеих провинций Хамгён, более тесно связанная с Приморьем, чем с западными или южными областями полуострова. Обилие в этих местах твердых кристаллических пород с раковистым изломом — обсидиана, роговика, кварцита — предопределило господство техники оббивки над шлифовкой, не говоря уже о составе инвентаря: скребках разного типа, ножевидных пластиках, проколках, наконечниках стрел и копий, покрытых вторичной мелкой оббивкой — ретушью.

Свидетельством сильных традиций обработки кости и рога служит стоянка в Кунсапе (Южная Пхёпан). На этой ранней неолитической стоянке найдена масса костяных наконечников стрел и копий, шильев, пил, серпов, гарпунов, керамических штампов, мотыг и «копалок» из оленьего рога, а также желобчатая керамика с выемками ямок, черточек. Несколькое изолированное положение этой стоянки среди корейских неолитических памятников пока не позволяет выделить эти находки в особую «культуру кости».

Кроме уже упомянутого инвентаря локальных культур для раннего и развитого неолита Кореи в целом характерны оббитые каменные топоры — цилиндрические, вальцовые (цилиндрические, но сужающиеся к одному концу) и прямоугольные — из сравнительно мягких галек, оббитые мотыги или плечиковые топоры (особенно часто встречающиеся в Северной Хамгён), оббитые и слегка отшлифованные наконечники копий с черенком и наконечники стрел с ровным или вогнутым основанием, ножи, зернотерки. Набор шлифованных изделий частично совпадает с оббитыми или слегка отшлифованными — это топоры, наконечники копий и стрел. Типичная керамика — гладкие толстостенные сосуды кирпично-бурого цвета; тесто довольно грубое и содержит частые включения крупных песчинок, кварцита, полевого шпата, поэтому пористость стенок значительна. Сосуды изготовлены либо техникой налепа, либо с применением поворотной площадки (предшественницы гончарного круга). Форма таких сосудов незамысловата — горшок, котелок, миска, плошка. Дно на начальных этапах округлое, впоследствии плоское, иногда с поддоном. Венчик простой, прямой; тулово образует равномерно изогнутую линию. Если не считать одного-двух рядов дуг, тянущихся по горлышку, орнамент отсутствует.

Судя по размерам землянок, у неолитического населения Кореи уже существовало деление на небольшие семьи. Несколько таких семей (иногда несколько десятков их) составляли род, которому принадлежала стоянка. Набор орудий производства в землянках и погребениях подтверждает определенную индивидуализацию хозяйства, равно как естественное разделение труда по полу и возрасту. Однако крупные хозяйственные дела (облавы на оленей, ловля рыбы сетями и пр.) осуществлялись коллективно, хотя совместная добыча потом делилась. Внутри ранне-неолитических коллективов господствовало равенство их членов: все известные нам погребения — ямные, очень просты по форме и однородны по погребальному инвентарю.

В развитом и позднем неолите Кореи стоянки с раковинными кучами потеряли свое ведущее положение. Их понемногу вытеснили стоянки на холмах, появление которых знаменовало важные перемены в хозяйстве и культуре. Население перешло к примитивному земледелию и скотоводству. Зависимость от моря и рек сменилась зависимостью от суши; однако террасы, склоны гор и даже некоторые горные долины не годились для посевов при существовавшей низкой технике производства. Другое дело

пойма или долины близ устьев рек — здесь легче было найти заливные луга, поднять пашню под просо или выбрать заболоченный участок под рис. Для обработки таких земель не требовалось сложного инвентаря и тяглого скота. Обработанные земли требовали постоянного надзора во избежание потрав и набегов (не то что охотничьи угодья), а его легче всего было осуществить с близлежащего холма, к тому же никогда не затопляемого разливами реки.

Увеличилась оседлость населения, и это сказалось на облике поселений и форме жилищ. Стоянки выросли, так как в одном месте стало возможным прокормить больше людей. Сто и более землянок по соседству не редкость в это время. Поселения создавались на известном расстоянии друг от друга — не так близко, чтобы нужно было опасаться внезапных нападений, но и не слишком далеко — чтобы можно было поддерживать обмен.

Корейское население позднего неолита знало уже довольно много культурных растений: чумизу, просо, бобы, фасоль, а на юге полуострова — рис, но земледелие оставалось на стадии огородничества. Волосье или лошадиное ярмо отсутствовало; каменные сошники, найденные в деревне Читхап (Северная Хванхэ), вероятно, тащили люди. К числу земледельческих орудий относятся каменные мотыги и цилиндрические тесла с площадкой для прикрепления обуха — для расчистки и разрыхления пашни, полунунные ножи и серпы — для снятия урожая, зернотерки — для обдирки и размола зерна. Такая техника в сочетании с ограниченными возможностями использования орошения вследствие пересеченности рельефа позволяла обрабатывать лишь мягкие земли.

Время приручения, а главное, распространения таких домашних животных, как корова, свинья, лошадь, в точности неизвестно: вероятно, это произошло довольно поздно. Незначительное развитие скотоводства в Корее в эпоху неолита в свою очередь сдерживало прогресс земледелия. Тем не менее в позднем неолите земледелие стало важнейшим видом хозяйства и вместе с охотой снабжало население почти всеми необходимыми продуктами питания.

В позднем неолите Кореи кроме уже упомянутого земледельческого инвентаря надо отметить топоры миндалевидные в сечении и топоры-долота со скошенным лезвием, клиновидные или прямоугольные тесла и тесла с отверстием — все из сравнительно твердых пород, а также наконечники копий с черенком, ромбовидные в сечении, наконечники стрел, листовидные или треугольные в сечении, с нечетко выделяющимися черенками — из шифера и сланца.

Среди керамических изделий ведущее место заняли сосуды с так называемым гребенчатым орнаментом, появившимся в Корее уже в начале эпохи неолита. Примесь в тесте слюды, асбеста, стеатита придавала стенкам значительную прочность при относительно небольшой толщине. Поворотная площадка позволяла лепить из такого теста шаровидные сосуды с округлым дном, иногда и с поддоном. Цвет сосудов равномерно кирпично-бурый, что говорит о ровной, хотя и не очень высокой температуре обжига. Обычно почти вся поверхность сосуда покрыта орнаментом, напоминающим оттиск гребенки (и поэтому получившим название гребенчатого). Венчик украшен рядами коротких параллельных черточек, расположенных вертикально или горизонтально. Сравнительно простой узор на шейке и тулове усложнялся и превращался в комбинацию из черточек, ямок, зигзагов, иногда принимавшую вид елочки. Разновидностью такого орнамента был желобчатый, состоявший из рядов и дуг, прочерченных и выемчатых точек и черт (так называемая пунктирная гребенка).

В конце неолита появляются толстостенные, хорошо обожженные сосуды, выделанные на гончарном круге из отличного теста. Эти более сложные по форме сосуды (чаши на подставке, вазы с плоским дном) были обработаны окисью железа или киноварью и подвергнуты лощению («крашенная керамика»).

Поздненеолитические коллективы, как уже указывалось, значительно выросли численно. Половое разделение труда углубилось: мужчина сохранил за собой охоту и быстро перехватил у женщины огородничество, развив его в мотыжное земледелие, женщина же освоила прядение нитей из дикорастущих трав и ткачество. Разделение труда пошло и дальше: поиски и добывание нужных пород камня, изготовление сложных по форме тесел, яшмовых дисков и бус, роскошных крашеных сосудов стало уделом сначала особых лиц, затем целых семей и родов, специализировавшихся в домашнем ремесле. Но это разделение труда не привело в недрах неолита к имущественной дифференциации; верный признак — разные по сложности и богатству погребения — еще отсутствует.

Истоки и локализация корейских палеолитической и неолитической культур, время их появления и исчезновения, преимущественные связи с культурами соседних территорий, этническая принадлежность и общественный строй их носителей — все это вопросы, на которые еще не получены однозначные ответы. Палеолитические находки слишком скудны и изолированы. Древнейшая стадия корейского неолита (гладкая округлодонная керамика, оббитые слабо дифференцируемые по форме и назначению орудия) только еще нащупывается, хотя и связывается с первой половиной IV, даже с V тысячелетием до н. э. (Сопхохан I). По мнению видных этнографов (М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова), ранненеолитические насельники (носители культуры гладкой керамики) принадлежали к байкальской ветви сибирских монголоидов. Двигаясь с запада, они принесли с собой упомянутую керамику и навыки в изготовлении особого каменного инвентаря — мелких ножевидных пластин, вкладышей («микролитические традиции»), обнаруживавших определенное тяготение к культуре Монголии и прилегающих областей (Линси и др.), восходящей по крайней мере к середине IV тысячелетия до н. э. Культура гладкой керамики продолжала свое существование и после того, как где-то на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. на полуостров проникли носители упомянутой уже культуры гребенчатой керамики.

Если подтвердится принадлежность корейской гребенчатой керамики к североазиатскому культурному ареалу, то ее носителей, по всей вероятности, надо причислить к северо-восточным палеоазиатам. Некоторое подтверждение этому предположению дает находка в Кунсане костей домашнего оленя — типичного для палеоазиатов — и сходство между приморскими и корейскими находками этого времени. Культура гребенчатой керамики первая по времени охватила весь полуостров и прилегающие материковые районы и может считаться первой или древнейшей общекорейской неолитической культурой. И это несмотря на то, что уже на ранней стадии она представлена двумя вариантами: на северо-востоке страны — собственно гребенчатой керамикой, тесно связанной с восточносибирскими и особенно с приморскими памятниками, и сосудами с желобчатым, выемчатым узором («пунктирная гребенка»), близкими к монгольским находкам. Последний вариант несколько моложе, сочетается с земледелием (плуг на людской тяге) и кое-где не избежал влияния культуры металла.

Чем дальше на юг в глубь полуострова, тем сильнее ощущается смешение двух вариантов, на севере часто представленных самостоятельны-

ми стоянками или самостоятельными слоями на одной стоянке. Местная особенность гребенчатого узора корейской неолитической керамики заключена в его технологической стороне: он чаще прочерчивался острым предметом, а не оттискивался, как в евразийской культуре ямочно-гребенчатой керамики. Особенно это относится к желобчатому варианту. Впрочем, роль его в общем потоке культуры гребенчатой керамики относительно подчиненная.

В позднем неолите в Корее происходила инфильтрация восточноазиатского типа монголоидов — носителей культуры крашеной керамики (II—I тысячелетия до н. э.). Именно в это время сформировался маньчжуро-корейский вариант восточноазиатской ветви монгольской расы.

К сказанному можно добавить самые общие соображения о структуре общества, об искусстве и религии корейского каменного века в целом. Безусловно, господствовал родовой строй — возможно, с матрилокальными тенденциями. Такое предположение позволяет высказать находки нескольких женских статуэток и некоторые мифологические сюжеты, разумеется более поздние, например предания о женских духах-прародительницах. Стоянки были местом обитания семейных общин или отдельных родов, часто не особенно многочисленных. В семейном строе победила малая парная семья. Люди исповедовали примитивную веру в духов-тотемов, в духов — покровителей рода (статуэтки животных), существовал культ плодородия (женские статуэтки) и мертвых (погребения). Эстетические потребности удовлетворялись ожерельями из яшмы, головными повязками, ушными кольцами, поясными и шейными подвесками из костей животных, браслетами из раковин, резными костяными шпильками, наконец, орнаментом на сосудах.

Период бронзы

Точная дата и характер смены каменного века периодом раннего металла, равно как протяженность во времени и пространстве нового культурно-исторического этапа, во многом еще относятся к области гипотез. Споры начинаются уже по вопросу о том, каким этапом сменился неолит — бронзовым и лишь потом железным веком или же сразу железным веком? Где проходит граница во времени между бронзовым и железным веками, если признать первый вариант? Каков в этом случае ареал распространения культур?

Решение проблемы осложняется плохой документированностью археологического материала, когда некоторые типы памятников (такие, как погребения в траншеях с каменной кладкой или мегалиты) разными исследователями относятся к разным культурным этапам; отсутствием объективных научных датировок; наконец, неопределенностью критерия, которым руководствуются разные авторы, определяя признак «века», — сам факт появления предметов из бронзы (железа) или же ведущее место их в общей массе находок.

Мы исходили из того, что в Корее существовал, хотя и непродолжительное время, период бронзы. Раннее — применительно к началу эпохи металла в Корее — присутствие железных изделий лишь сблизило многие формы материальной культуры смежных периодов, которые таким образом стали для них общими (раковинные кучи и гладкая керамика — в неолите и в периоде бронзы; погребения с каменной выкладкой, мегалиты — в периоде бронзы и в раннем железном веке). Инфильтрация железных предметов северокайского происхождения хотя и могла ощущаться в одних районах (Чосон) в начале периода, а в других — немного

позже, но очертания ее ранней стадии в Корее смутны, она еще не могла определить характер культуры и тем более изменить общественные отношения. Существуют памятники, на которых есть только бронзовые изделия, но нет железных или последние численно значительно уступают первым, а их целевое назначение второстепенно; налицо замещение функций железных орудий каменными (серпы, полулунные ножи), копировка в камне не железных, а бронзовых экземпляров (например, коротких мечей).

Облик стоянок в эту пору претерпел дальнейшие изменения. Стоянки на холмах становятся ведущими, что, впрочем, совсем не означает вытеснения стоянок с раковинными кучами как типа. Первые росли не только численно; они увеличивались в размере, превращаясь в целые поселения, и приобретали оборонительные валы — верный признак городищ. Намечалась тенденция к трансформации поселений разного типа в земледельческое городище на холме, окруженное раковинными слоями, тянущимися по его склонам.

Жилище к этому времени превратилось в полуземлянку, уходящую в почву на 30—40 см. Пол из спекшейся глины отличался значительной твердостью и влагонепроницаемостью. Очаг, сложенный из камней, скрепленных глиной, размещался в середине жилища. Стены были промазаны глиной, а иногда оплетены прутьями. Массивные столбы располагались вдоль стен довольно плотно, выдерживая солидную тяжесть крыши, уже двускатной. Несколько десятков (до сотни) таких полуземлянок теснились друг к другу, образуя поселение.

Население Кореи в период бронзы продолжало накапливать познания в области земледелия; оно уже прочно освоило рисосеяние, в том числе и поливное. Несколько окрепло скотоводство (особенно разведение коров). Заметную роль продолжали играть рыболовство и охота. В китайских письменных источниках нашла отражение определенная хозяйственная дифференциация корейских племен и неравномерность их развития, по крайней мере в конце периода бронзы и при переходе к раннему железу. Древний Чосон обладал ярко выраженным земледельческо-скотоводческим хозяйством. У его соседей — пуё — эти два уклада сочетались с охотой, а у юмну господствовал морской промысел.

Обитатели Кореи периода бронзы пользовались уже более разнообразными — по материалу, назначению и форме — орудиями, оружием и утварью, чем неолитические насельники. В бронзовом инвентаре ведущее место занимали мечи и наконечники копий. Последние похожи на мечи, но короче, с более толстым лезвием и втульчатым насадом. Корейские мечи и копья относятся к категории узких и массивных. И мечи, и наконечники копий близки к китайским образцам эпохи «борющихся царств» (V—IV вв. до н. э.), хотя и отличаются некоторыми деталями. То же можно сказать о бронзовых секирах и алебардах, ножевидных монетах — мёндо (кит. миндао) и лопатовидных — пхо (кит. пу). Некоторые предметы, например квадратный боевой топор-секира, возможно, сохраняли следы влияния более древней и южной культуры бронзы (государства Чу). С другой стороны, со скифо-сибирской культурой связан более обширный перечень изделий из бронзы: топоры прямоугольной формы с полым телом (или концом), приспособленным для насада (кельты), бронзовые сосуды, колокольчики и бубенчики, иногда с железным язычком, бляшки, крючки, застежки, кольца.

Несмотря на те или иные генетические связи, многие перечисленные типы вещей представлены в местном варианте, характерном лишь для Южной Маньчжурии и Северо-Западной Кореи, а иногда очень далеко от предполагаемого прототипа. Находки литейных форм подтверждают

местную выделку (с рядом локальных отклонений) даже таких типов вещей, которые сравнительно тесно связаны с иноземными образцами. Все это говорит в пользу существования местного центра культуры бронзы.

В период бронзы население продолжало широко пользоваться предметами из камня, кости и рога: каменные полированные тесла — толстые, с крутым лезвием; с поперечным желобком или с отверстием у обуха; шлифованные наконечники копий и стрел из шифера, длинные, ромбовидные в сечении. Наиболее интересны и многочисленны каменные кинжалы или короткие мечи, копировавшие по форме как местные, так и китайские и скифо-сибирские образчики.

Несмотря на кратковременность периода бронзы, в стране успела сложиться оригинальная, так называемая вымеобразная керамика (бэнги). Кирпично-красные сосуды с широким округлым туловом и с узкими шейкой и днищем обладают довольно твердым черепком, снабжены характерными ручками в виде рога. Лощеная, крашенная в красный цвет керамика в это время распространилась с севера по всему Корейскому полуострову. Она дала ветвь лощеной керамики без раскраски, сближающейся с вымеобразной.

Переход к ранней бронзе, по-видимому, соотносился с заменой гребенчатой керамики гладкой. В конце неолита пропорция гладких сосудов в общей массе керамических изделий возросла. Этот процесс оказался не прост, он прошел несколько стадий: геометризации гребенчатого узора, появления раскраски и лощения, победы лощения, использования в виде украшения лепного жгутика и, наконец, создания типа гладкой бурой вымеобразной посуды. В каменном инвентаре тесла со скошенным или округлым лезвием, изящные палицы и кинжалы, личные украшения из яшмы становятся наиболее заметными новинками.

Сама бронза появляется лишь на развитом, среднем этапе периода. Вопрос о наиболее ранних бронзовых предметах или о наборах таких предметов, равно как и о культурном окружении, дискуссионен. Дискуссионность усиливается датировкой и направлением связей, вытекающих из каждого предполагаемого варианта. По традиционной концепции такими изделиями считаются узкие бронзовые мечи, родственные бронзе «борющихся царств», по другой — бронзовые ручные топоры-секиры, возможно не избежавшие воздействия южнокитайской, чуской бронзы; по третьей, распространенной сейчас в КНДР, — короткие бронзовые мечи со слегка вдавленным в центре лезвием, так называемые скрипкообразные, или маньчжурские, не имеющие аналогий (пипха).

В целом ранний комплекс включает бронзовые ножи и блестяшки, топоры-секиры и короткие мечи, зеркала с линейным изображением примыкающих друг к другу треугольников и с парой петелек, гладкие сферические сосуды, часто с ровным дном, двумя ручками и высокой изогнутой шейкой, каменные «звездные» палицы и т. п. Такой комплекс, как правило, находят в траншейных погребениях, обложенных камнем, вместе с мегалитическими сооружениями.

Если изменения, характерные для раннего этапа, территориально всеобщие, хотя и не повсюду одновременны, то культура среднего этапа заметно локализуется в китайских провинциях Гирич, Ляонин и в Северо-Западной Корее. На последнем этапе бронзовый инвентарь более разнообразен и встречается чаще, но к нему примешиваются изделия из железа. Вымеобразная керамика потеряла свое ведущее положение; появились ровное днище, отогнутый венчик, криволинейные очертания тулова, а красно-бурый цвет изменился на черноватый (следствие повышения температуры обжига), сопровождающийся лощением. Культурная ха-

рактика этого этапа вскрывает его связи с периодом раннего железа.

В обществе все явственнее проступали черты упадка родоплеменной системы. Они заметны на примерах общественной дифференциации внутри родов и неравномерности развития племен всего ареала.

Разнообразие типов погребений тоже отражает как этническую, так и социальную дифференциацию сородичей. Прежние ямные погребения приобрели черты траншейных, выложенных камнем и иногда прикрытых сверху каменными же плитами. Возникла такая своеобразная форма погребений, как двойные глиняные урны, известные в Маньчжурии, Японии и на Индокитайском полуострове. В них хоронили преимущественно детей, поэтому погребальный инвентарь обычно скуден. В тех же районах известны надмогильные каменные насыпи — кельны. А если учесть, что с этого же времени в Корее начали строить дольмены — огромные погребальные сооружения в виде стола, — отличающиеся столь же специфичным распространением, как и упомянутые выше погребения в урнах, то вполне логично допустить проникновение в это время на полуостров южных, по-видимому малайских, переселенцев, для которых характерны эти формы погребальных сооружений. С другой стороны, распространение погребений в траншеях с каменной кладкой, похожих на ящичные могилы Сибири и Монголии, говорит о непрекращающейся инфильтрации населения и из этих мест, подтверждаемой уже отмеченными аналогиями в вещественных находках. Сопровождающий инвентарь таких погребений состоит из каменных кинжалов и наконечников стрел, отдельных экземпляров бронзового и, реже, железного вооружения, а также из кирпично-красной выемчатой керамики. Многие из этих форм сохраняются до железного века, а некоторые, как, например, дольмены, достигают там настоящего расцвета. Несомненно, все это говорит о переходном характере периода бронзы, или по крайней мере таковым он выглядит на нынешнем этапе наших знаний о нем.

Развитие техники и производства вызвало изменения в общественных отношениях.

Сами роды в этот период выросли численно и создавали крупные земледельческие поселения. Патриархальный род обладал уже довольно концентрированной общественной властью. Такая власть осуществлялась семьей вождя и семьями родовой знати. Именно они руководили строительством городищ, определяли режим посева и жатвы на затопляемых низинах, ведали общественными делами. Именно им в зависимости от их места в роде или племени воздвигали после смерти то или иное погребальное сооружение и клали в могилу бронзовые украшения и оружие. По-видимому, с ними же поддерживали меновые отношения иноземные торговцы, оставившие монеты мёндо и пхо. В наиболее передовых районах, очевидно, уже возникли союзы племен или даже зачатки государственности (чосон, пухё). Однако пока существует немало трудностей в определении начального и конечного рубежей периода бронзы в Корее.

Начальная дата определяется учеными по-разному — от конца II тысячелетия до IV в. до н. э. Впрочем, все чаще рамки периода бронзы ограничивают VII/VI—V/IV вв. до н. э. Учитывая трудность датировок корейской первобытности, мы думаем, что протяженность периода бронзы вряд ли превышала четыре века (с VI/V по III/II в. до н. э.), если судить по находкам китайских монет и бронзы, испытавшей влияние стиля времен «борющихся царств» или скифо-сибирского, т. е. относительно хорошо датированных. В ряде областей страны этот период был значительно короче или замещался железным веком, а кое-где изолированные наход-

ки могли отличаться большей древностью. Все это свидетельствует о неравномерности экономического и культурного развития населения Корейского полуострова и примыкающей территории. Может быть, этим можно объяснить и длительность процесса разложения первобытнообщинного строя, утверждения классового общества и государственности в данном районе. Трудность выяснения этих процессов связана прежде всего со скудостью известий письменных источников.

Проблема Древнего Чосона

В последнее время ученые все настойчивее связывают культуру бронзы этого ареала или даже выразительные типы памятников (мегалиты, погребения в траншеях с каменной выкладкой) или находок (бронзовые мечи маньчжурского типа) с Древним Чосоном — первым политическим объединением, которое упоминается в сочинениях китайских авторов в связи с взаимоотношениями его с китайскими государствами древности.

Происхождение, местонахождение и социально-экономическая основа Древнего Чосона, с которым обычно связывают истоки корейской государственности, относятся к числу наиболее трудных проблем исторической науки, требующих дальнейших поисков и исследований.

Как и в истории многих других стран, начальный этап истории Древнего Чосона уходит в туманную даль мифологических рассказов, обусловленных в свою очередь определенными социально-политическими и идеологическими устремлениями времени их возникновения. По одной версии корейской мифологической традиции, сохранившейся в «Самгук юса» (историческом сочинении буддийского направления XIII в.), «основателем» древнего царства Чосон считается Тангун, сын небожителя и медведицы, превращенной в красивую женщину. Согласно этой легенде Тангун правил тысячу лет, а затем превратился в духа. Многие исследователи усматривают в имени «Тангун» возможную персонификацию нарицательного имени (звания) вождя или колдуна периода первобытности, считая, что слово «тангун» может быть родственным, например, слову «тенгри» (шаман) в монгольском языке и т. д. Легендарная дата начала «правления» Тангуна (2333 г. до н. э.), однако, воспринята в современной Южной Корее в качестве начального года «национальной» эры ее летосчисления.

Более ранней по происхождению была легенда о приходе в Чосон опального вельможи династии Инь Киджа, который после ее свержения якобы не захотел служить правителям из новой династии Чжоу и основал на востоке (в 1121 г. до н. э.) новое царство (Чосон), признанное затем домом Чжоу.

В существующей литературе не отрицается историческая достоверность личности Киджа (по-китайски Ци Цзы, или «государь» княжества Ци), но, поскольку в таких сочинениях, как «Шаншу дачжуань» (III в. до н. э.) и др., ничего не говорится о его связи с Древним Чосоном, отвергается вся версия об основании им государства Чосон. Впервые эта версия появилась в «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, составленных в I в. до н. э. Затем она повторялась в «Хань шу» («История [династии] Хань») и других более поздних исторических сочинениях и была канонизирована последующей конфуцианской историографией в Корее, которая даже хронологически поставила время правления Киджа после «тысячелетнего правления» Тангуна.

Единственный вывод, который можно сделать на основании леген-

ды о «приходе Киджа на Восток», состоит в том, что около конца III или начала II в. до н. э., когда, вероятнее всего возникла эта легенда, в Китае или в самом Древнем Чосоне существовали политические силы, которые были заинтересованы в том, чтобы обосновать тесную династическую связь между правителями тогдашнего Чосона и государствами Древнего Китая.

Во всяком случае, по сохранившимся древним китайским источникам установлено, что название «Чосон» было известно в Китае уже в VII в. до н. э., когда существовали какие-то торговые связи между Китаем и населением районов, расположенных к востоку от тогдашнего Китая. Более подробные известия о Древнем Чосоне появляются в III в. до н. э. — в связи с его взаимоотношениями с Китаем.

После эпизодических столкновений между Древним Чосоном и китайским государством Янь в начале III в. до н. э., правители последнего повели наступление на востоке, и в результате граница Древнего Чосона была отнесена до р. Манбонхан (к западу от современной р. Ляо). В период возвышения династии Цинь, приступившей к строительству Великой стены (214 г. до н. э.), правитель (ван) Древнего Чосона Пу попытался вернуть потерянные западные земли, но безуспешно. Преемник его — ван Чун принимал большое число беглых людей из китайских государств Янь, Ци и Чжао и селил их на западных землях Древнего Чосона, надеясь таким образом расширить владения и укрепить свое влияние. После установления в 206 г. до н. э. власти династии Хань, объединившей Китай, Древнему Чосону пришлось обороняться против ханьских правителей, с которыми была установлена граница по р. Пхэсу (кит. Пхэйшуй).

В это время в Чосоне, как свидетельствуют источники, появился некий Ман (или Виман) с тысячей своих подчиненных и отдался под власть чосонского вана Чуна. Последний присвоил ему звание пакса и передал в управление земли, где поселились беглые люди из Ханьской империи. Укрепив свое влияние в западных пределах Чосона, Виман в 194 г. до н. э. напал на столицу Вангомсон и занял место правителя Древнего Чосона. Ван Чун вынужден был бежать морем на юг, где потом якобы стал правителем Махана. Захватив власть, Виман подчинил соседние племена чинбон и имдун; Чосон стал важной политической силой на северо-восточных границах Ханьской империи. При ване Уго (внуке Вимана) отношения между Чосоном и Ханьской империей обострились особенно сильно.

Урегулировав отношения с гуннами, династия Хань начала завоевание земель своих восточных соседей; она явно стремилась для этого воспользоваться противоречиями внутри Древнего Чосона. Так, в 128 г. до н. э. благодаря усилиям ханьского императора У-ди один из местных правителей (может быть, вождей племен?), Намнэ, отделился от Древнего Чосона, и в его владениях был учрежден ханьский округ Чханхэ (кит. Цанхай), постепенно превратившийся в опорный пункт ханьского проникновения. Однако из-за упорного сопротивления Чосона династия Хань через три года вынуждена была ликвидировать этот округ.

Но поползновения ханьской династии не прекратились. В 109 г. до н. э. император У-ди развернул военные действия, направив огромную сухопутную армию к западным границам Древнего Чосона (у р. Пхэсу) и морские силы для нападения на Вангомсон. Упорное сопротивление Древнего Чосона заставило ханьцев вступить в переговоры, которые, однако, не привели к миру из-за продолжавшегося наступления ханьских войск, окруживших столицу. Во время длительной осады Вангомсона внутренние трения в правящих кругах Чосона усилились. Летом

108 г. часть чосонской аристократии перешла на сторону противника и Уго был убит. Сопротивление населения возглавил Сонги, однако и его убили предатели. Столица пала. На месте Древнего Чосона ханьский император учредил четыре области (кун): Аннан (кит. Лолан), Чинбон (Чэньфань), Хэнтхо (Сюаньту) и Имдун (Линтунь).

Такова политическая история Древнего Чосона, известная по китайским источникам. Однако остаются нерешенными важные проблемы исторической географии и социально-экономической истории Древнего Чосона.

Хотя легендарная традиция помещала его столицу Вангомсон в район современного Пхеньяна, такое определение его местоположения не отвечало на вопросы, выдвигаемые историческими источниками о перемещениях границ Древнего Чосона на огромном пространстве. Трудность решения этой задачи связана с тем, что название р. Пхэсу, служащей ориентиром для определения границ Древнего Чосона, относилось в разное время к разным рекам (от Чхончхонгана в Корею до рек, находящихся к западу от р. Ляо в Северо-Восточном Китае). В современной историографии КНДР² принято считать, что центральную часть Древнего Чосона составляла территория Ляодуна и Ляоси.

Из-за отрывочности фактических данных в источниках немалые трудности представляет выяснение уровня социально-экономического развития Древнего Чосона и времени формирования там государственной власти. В первом издании «Чосон тхонса» («История Кореи») говорится следующее по этому вопросу: «В Древнем Чосоне, который находился на высшей стадии первобытнообщинного строя и представлял союз племен, опирающийся на деревенские общины, князь (ху или ван) являлся верховным вождем союза племен, выступавшим в качестве представителя вождей отдельных племен. Несомненно, тогда уже существовала определенная политическая организация. Но по сравнению с развитым аппаратом классового государства она была крайне несовершенной. По мере того как ван усиливал свои позиции в экономическом, политическом и военном отношениях, это общество быстро перерастало в классовое государство. В это время Древний Чосон находился как раз на пороге цивилизации»³.

Но такая обобщенная характеристика всего периода Древнего Чосона потребовала, конечно, дальнейшего уточнения. Исходя из сведений о существовании в Древнем Чосоне определенных законов или норм обычного права (так называемых восьми запретительных статей⁴, предусматривавших наказание за убийство смертной казнью, за телесные повреждения — зерновым штрафом, а за воровство — превращением в раба того дома, где совершена кража), историки КНДР сейчас делают вывод о том, что Древний Чосон представлял довольно развитое классовое (рабовладельческое) государство: «Законы Древнего Чосона представляли собой жестокие законы, защищающие абсолютную власть и интересы класса рабовладельцев. И общество, в котором действовали такие законы, свидетельствует о существовании рабовладельческого государства, в котором главенствующую форму составляла рабовладельческая экономическая система. Класс рабовладельцев Древнего Чосона установил жесточайшие законы для того, чтобы превратить бедняков в рабов»⁵.

По известным фактам можно утверждать, что власть правителей Древнего Чосона стала наследственной, а сам правитель жил в постоянной столице Вангомсон. Если считать достоверными китайские сообщения, то уже существовала определенная иерархия должностных лиц, составлявших аппарат управления, были законы, каравшие за преступле-

ния против чужой собственности. В распоряжении вана (верховного правителя) находились значительные вооруженные силы и общественные запасы. Источники не дают возможности судить о характере этих вооруженных сил — представляли ли они профессиональные войска (армию) или вооруженный народ,— равно как и о степени сохранения институтов родового строя, так как китайские авторы применяли обычные для них термины, исходящие из представлений о вечности таких категорий, как государство и его атрибуты.

Социальные отношения в Древнем Чосоне, очевидно, отличались значительной сложностью, особенно если представить неодинаковый уровень социально-экономического и культурного развития различных этнических групп (племен), вошедших в состав Древнего Чосона или оказавших влияние на его формирование. По-видимому, в стране существовало рабство (об этом рассказывает одна из «запретительных статей»), хотя и трудно установить степень его развития. Это говорит в пользу раннегосударственного характера Древнего Чосона, во всяком случае на последней стадии его существования. Древний Чосон был первым в ряду политических объединений (или государственных образований), возникавших среди корейских племен в результате постепенного разложения первобытнообщинного строя.

Ранний железный век

Уже со второй половины периода бронзы появляются предметы иного культурного содержания — железные изделия, крепкая керамика с высокой шейкой и отогнутым венчиком. Впервые они примешиваются к погребальному инвентарю могил с каменной кладкой или с деревянным гробом. Сначала это было железное оружие, позднее прибавились железные детали колесниц и упряжи. Вскоре бронзовое оружие исчезло, а железный инвентарь сопровождался указанной керамикой, лаковой утварью и монетами мёндо. В такой последовательности процесс развивался в Северо-Западной Корее и прилегающих областях Маньчжурии; в глубинных районах Корейского полуострова описанные переходы смазывались.

Типичными памятниками эпохи оставались стоянки (в том числе с раковинными кучами) с землянками и полужемлянками, в которых находят гладкую черную керамику, полированные каменные орудия и литейные формы; погребения в каменной кладке и под дольменами с бронзовым и железным оружием и лошадиной упряжью, каменными мечами (или рукоятками от них), теслами с желобком или с площадкой, палицами, наконечниками дротиков и сосудами (вазами, чарками, кувшинами) с лощеной черной поверхностью или серой, покрытой оттиснутым (набивным) узором.

По мере утверждения раннего железного века железные изделия широко входили в обиход, становясь его отличительной чертой. Многие экземпляры из районов застенного Китая, Маньчжурии и Северо-Западной Кореи вызывают интерес у специалистов по древней технологии. Есть предположения, что одни из них представляют собой чугунные отливки (или железные вещи, сделанные из переработанного чугуна), другие близки по составу к углеродистой стали. Если это так, значит, в этом ареале общенациональная последовательность открытия важнейших процессов железного дела (ковка — плавка — закалка) претерпела изменения и в IV—III вв. до н. э. здесь должны были быть настоящие железоделательные мастерские с оборудованием, позволяющим получать высо-

кую температуру в печи (1500°), осуществлять плавку чугуна, отжиг и закалку стали.

Железо проникает и в сферу хозяйства: появляются железные топоры, ножи, серпы, мотыги, некоторые орудия ремесла. Все это сильно меняет характер производства и образ жизни — у разных племен по-разному. Появляется керамика с набивным или тисненым орнаментом, например сосуды сложной конфигурации, обожженные в гончарных печах при температуре свыше 1000°. Ранние экземпляры желто-бурого цвета (они обжигались в закрытых печах) покрыты оттисками веревочного мата. Поздние — серо-черные, крепкие, обожженные в полузакрытых печах — украшены геометрическими узорами. Первые («прото-Силла») возникли в период бронзы и скоро стали бытовой посудой, вторые («обжиг Силла») играли роль погребальных и церемониальных.

Разделение бронзовых и глиняных изделий на парадные и повседневные предполагало имущественную дифференциацию в среде их обладателей. Еще в большей степени об этом свидетельствует различие погребальных сооружений и погребального инвентаря, косвенно отражающее значительно усложнившуюся общественную и духовную жизнь народа. Захоронения в траншеях с деревянными гробами и в траншеях с каменной выкладкой стали уделом рядовых сородичей. Сопровождающий инвентарь в этих случаях довольно скромный и однообразный: меч, копье (железные или бронзовые), железный нож, каменные наконечники стрел, сосуд в мужских погребениях, украшения и керамика — в женских. Если знатных людей и хоронили в каменной кладке, то сопровождали такое погребение возведением дольмена.

Любопытно, что по погребальному инвентарю такие захоронения выглядят не богаче обычных, каменных.

Однако в относительно позднем варианте дольменов, «южном», один надмогильный памятник ставился над несколькими погребениями, т. е. служил знаком семейного захоронения, безусловно, не рядового значения. Погребения в траншее и под дольменом распространены почти по всей стране. Траншеи с каменной кладкой, по-видимому, восходят к погребениям монголо-сибирского каменного века. Дольмены же образуют загадочный оазис. На юге Кореи обе формы объединились в дольмене южного типа с захоронением в каменной кладке.

Наконец, появилась такая специфичная форма погребения знати, как курган. Хотя в бассейне рек Амноккан и Тэдонган известны так называемые архаичные (когурёские) курганы, последующие сооружения этого характера складывались под влиянием курганов Лолана и в меньшей степени Монголии. Конструктивно ранние корейские курганы состоят из элементов, в сущности, уже известных в стране: сферическая насыпь — увеличенный кельн, погребальная камера — вариант камеры дольменов, гроб — разновидность каменной кладки. Между этими элементами устанавливается и конкретная генетическая связь.

Курганы начала железного века лучше известны у когурёсцев; не случайно только у них современники описали нечто похожее. Среди курганов с земляным холмом наиболее древние — с ямными погребениями, а из курганов с каменной насыпью — сооружения в виде стола. Первые, несомненно, развились из траншейного погребения; к ним был добавлен сферический холм. Вторые сохранили дольменную камеру из четырех огромных плит вместо стен, с потолком из пятой, еще большей плиты, но все это было прикрыто каменной засыпкой.

Первобытнообщинный строй в раннем железном веке у всех корейских племен уже изживал себя, однако глубина этого процесса оказалась далеко не одинаковой в разных частях страны.

Попытка выделить ранний железный век во времени наталкивается на те же трудности, что и в случае с периодом бронзы. Примечательно, что одни археологи, предлагая датировку периода раннего металла, называют его бронзовым, а другие — ранним железным веком. Наиболее часто встречающаяся начальная веха раннего железного века — VII—V вв. до н. э. — обладает всеми указанными особенностями и, возможно, допускает сосуществование двух культур — бронзовой и железной — в течение известного времени применительно к полуострову в целом. Хотя отдельные памятники, как, например, Помыйкусок (Северная Хамгён), по данным радиоуглеродного анализа, относятся к VII в. до н. э., пока вряд ли можно датировать начало этого периода в целом для Кореи раньше чем V/IV в. до н. э.

Культура Аннана

Заметное стимулирующее влияние на ранний железный век в Корее оказала китайская культура развитого железа ханьского и послеханьского времени. Источники не дают точной локализации четырех областей (или уездов), созданных на территории Древнего Чосона и названных по имени корейских племен, расселение которых приблизительно известно. Некоторые полагают, что область Аннан занимала территорию нынешних провинций Пхёнан и Хванхэ; Хёнтхо — Северную Хамгён и часть Северной Пхёнан (в обоих случаях не считая маньчжурских земель); Имдун — провинцию Канвон и часть Южной Хамгён; причем оказалось особенно затруднительным определить положение Чинбон, которая, по сообщениям, находилась к югу от Аннана. Поскольку они не вполне «умещались» на территории Корейского полуострова, часть историков придерживается мнения, что четыре области, равно как и Древний Чосон, находились за пределами современной Кореи.

По-видимому, китайцы удерживали в Корее лишь опорные пункты с прилегающими землями, а включение обширных территорий в границы областей оставалось на бумаге. Во всяком случае, уже в 82 г. до н. э. области Имдун и Чинбон пришлось упразднить. Округа в области Хёнтхо поделили между Аннаном и вновь созданным управлением землями к востоку от него, но около 22—23 гг. и новое управление прекратило свое существование.

Переформирование областей нельзя объяснять чисто административными нуждами. Очевидно, вся эта система трещала под напором местных племен. Так, в 12 г. племя когурё восстало и сбросило ханьское иго. Наиболее уязвимыми для ударов оказались северные и крайние восточные округа. В 209 г. новая, поздниханьская династия восстановила бывшее восточное управление в виде области Тэбан (кит. Дайфан), в ведение которой передавались вообще все дела с южными землями, включая и Японию. В таком виде эта система и просуществовала до 313 г.

Краткость и известная неопределенность этих сведений привели к тому, что споры о местонахождении четырех китайских областей и об их значении не утихают до сих пор и переплетаются с дискуссией о расположении Древнего Чосона. Сторонники крайнего мнения вовсе отрицают существование на корейских землях китайских областей, считая памятники и находки китайского типа остатками деятельности торговых факторий. Однако за несколько последних десятилетий в районе нынешнего Пхеньяна исследованы остатки крепости и огромное поле погребений, состоящее примерно из 1400 курганов. Структура погребальных сооружений и сопровождающий инвентарь — не местного об-

лика. Скопление в этом пункте изделий из лака, черепицы, монет — с датирующими надписями, свыше двухсот именных печатей, в том числе и печати округа Ятумэ (кит. Етоумэй), уже не существовавшего при Поздней Хань, вполне определенно свидетельствуют о присутствии в этих местах официального центра (судя по обилию печатей с надписями «Аннан» — области Аннан). Соответствующие разделы «Хоухань шу» содержат сведения о непосредственных контактах местных племен с китайской администрацией, находящейся тут же, на месте. Так, когурё, окчо вошли в область Хэнтхо; с 86 г. до н. э., окчо, е, мэк включены в Аннан; к югу находились земли «трех хан» (махан, чинхан, пёнхан).

Независимо от решения спора в историко-географическом плане несомненно присутствие памятников материальной культуры китайского типа, подкрепленное данными ряда письменных источников, относящимися к первым векам нашей эры. Здания официального назначения, как и камеры в курганах, строились из кирпича, крылись неглазурованной черепицей — те и другие разной конфигурации, иногда орнаментированные, с датами I — начало V в. н. э. Сферические курганы (диаметр 10—30 м) скрывают либо деревянные срубные камеры, во многом сохраняющие облик монгольских степных (II в. до н. э.— II в. н. э.), либо кирпичные, отчетливо китайского типа (II—IV вв.). Судя по деревянным же лакированным гробам, богатому погребальному инвентарю и эпиграфическим данным, это погребения китайских чиновников и, возможно, местной знати.

Поскольку археологический материал добыт в основном в курганах, орудия труда известны плохо. Зато многочисленны и разнообразны железные предметы вооружения (мечи, пики, секиры, арбалеты, части боевых колесниц); бронзовые сосуды — бытовые и церемониальные (миски, чашки, тарелки, вазы, триподы), бронзовые же ковчезцы, курительницы, зеркала; изделия из лака на деревянной основе и из папье-маше (посуда, подносы, столики, шкатулки, туалетные принадлежности); неглазурованная керамика (посуда, триподы, жаровни, подсвечники, глиняные модели домов, животных). При всех местных особенностях они похожи на синхронные северокитайские образцы.

Аналогичные вещи, хотя и в меньшем количестве, найдены в других районах, на которые распространялась власть областей и где жили когурё, окчо, е, мэк и др. Эти вещи не принадлежат к повседневной, бытовой утвари или изделиям, и обладание ими было доступно лишь местной знати и китайским чиновникам.

Подводя некоторые итоги изучению материальных (археологических) памятников как источников древнейшей и древней истории Кореи, необходимо отметить, что первобытные культуры Кореи не всегда являлись однородными и не везде они развивались равномерно, но были вполне своеобразными. На наш взгляд, этими тремя качествами, если не считать пока еще недостаточной археологической изученности страны и прилегающих территорий, объясняется трудность их идентификации, классификации и датировки.

Лишь условно можно говорить об общем — применительно ко всему полуострову — характере культур гребенчатой керамики, вымобразной керамике, бронзовых мечей и копий, могил с каменной кладкой, мегалитов и др. Даже большие исторические эпохи — бронзовый и железный века — как бы «обходят» целые области. Это объясняется особенностью проникновения в страну отдельных культур и их носителей, когда такие диффузии или миграции происходили, или их возникновения на месте и распространения в условиях пересеченного рельефа и посторонних влияний. Локальность приводит к тому, что на археологи-

ческих памятниках в масштабе всей страны отсутствуют четкие линии археологического спектра. Анализ известных нам радиоуглеродных дат подтверждает неравномерность культурного развития в разных концах полуострова, приведшую к затяжному доживанию ряда форм, к сосуществованию культур нескольких историко-археологических периодов.

Раковинные кучи копились более 3 тыс. лет — с неолита и до раннего железного века включительно (Капхён в провинции Кёнги датируется III в. н. э.). На северо-западе страны известная нерасчлененность культур есть скорее результат поглощения одной культуры другой. В центральной Корее лучше выделяются памятники бронзового века (Осанни в провинции Кёнги, VII в. до н. э.), а в Северо-Восточной — раннего железного века (Помыйкусок в провинции Северная Хамгён, IV—V вв. до н. э.). Но по мере удаления в глубь и к югу полуострова смена этапов иногда подменяется наслоением (Кимхэ в провинции Южная Кёнсан, предположительно I в. н. э.).

Ни одна культура не развивалась в отрыве от внешнего мира. Корея не составляла исключения. Оказав влияние на культуру соседних стран, она сама испытала воздействие многих культур. Это воздействие прежде всего осуществлялось из Аннана, расположенного непосредственно на Корейском полуострове. Оценка результата культурных контактов не сводится к установлению пропорции «своего — чужого». Она включает в себя проверку жизнеспособности культуры — ее способности обогатиться, усвоив чужое и не утратив своего, существенно важного. В этом отношении корейская культура продемонстрировала свою жизнеспособность. Крайнее положение Кореи на континенте, несомненно, способствовало сравнительно плавному и изолированному ее развитию, хотя и не столь изолированному, как у Японии в первобытное время. Скифо-сибирская или ханьская культуры, миграции восточных монголоидов или малайцев — все они не захлестывали страну, а задевали ее «краем». В итоге соотношение влияния и автохтонности, миграций и коренного населения оказалось для Кореи благоприятным, более благоприятным, чем для Маньчжурии, так как на рубеже нашей эры корейские племена вступили в эпоху государственного строительства. Пришлые культуры, наслаиваясь на местные, создали локальные и временные культурные смешения. Причем эти смешения не легко расслаиваются, они образуют некий конгломерат, опять же ни на что не похожий. Оригинальность такого конгломерата есть концентрированное выражение прочности местных культурных традиций. В то же время способность оказывать заметное влияние на соседей (как, например, на Японские острова начиная по крайней мере с бронзового века) свидетельствует об активности таких традиций.

ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ — КОГУРЁ, ПЭКЧЕ И СИЛЛА

Процесс возникновения феодализма, равно как и время появления феодальной государственности в Корее, относится к трудным и недостаточно выясненным проблемам корейской истории, несмотря на то что за последние десятилетия в исследование этих сложнейших проблем много труда вложили ученые КНДР и историки-марксисты других стран. Решение проблем осложняется прежде всего недостатками самих письменных источников, содержащих скудные сведения и дающих порой весьма искаженные представления о действительности, порожденные заблуждениями высокомерных иностранцев (китайских авторов) или модернизацией прошлого людьми более позднего, феодального периода. Отрывочность и противоречивость фактических данных допускают возможность различного их истолкования.

Для выяснения путей формирования ранних корейских государств необходимо, хотя бы вкратце, познакомиться с положением племен и народностей, вошедших в их состав или повлиявших на их становление. Судя по упоминаниям китайских авторов, они были известны китайцам с глубокой древности, однако подробно описаны лишь в первых веках нашей эры, когда стремительная их политическая консолидация поставила вопрос о самом существовании находившихся в северо-западной части Корейского полуострова китайских округов Лолан и Дайфан.

Корейские племена в первые века новой эры

В китайских исторических хрониках они были описаны под общим названием «восточных варваров» («дун-и»), занимавших не только Корейский полуостров, но и сопредельную территорию восточно-азиатского материка. Наиболее детальным из ранних китайских известий о корейском населении является «Описание восточных варваров» в династийной истории «Сань-го чжи» («Описание трех государств», история государства Вэй), составленной во второй половине III в. н. э. по материалам, собранным прежде всего вэйскими войсками, которые в 246 г. захватили главный город Когурё, а затем через земли корейских племен прошли до побережья Восточного (Японского) моря. Это первая конкретная картина расположения и социально-экономического развития корейских племен; по детальности она превосходит более ранние известия китайских династийных историй («Ши цзи», «Хань шу»). Несмотря на некоторые искажения, обусловленные предвзятыми предста-

влениями китайского автора, эти материалы при правильном сопоставлении с данными позднейших корейских летописей и других источников дают ключ к пониманию важных процессов ранней истории Кореи.

Как сообщает «Сань-го чжи», к общей ветви емэкских племен (е и мэк), с которыми связано происхождение корейского населения, принадлежал и народ пуё (кит. фуэй), занимавший в начале нашей эры равнинную территорию к северу от китайского округа Сюаньту (примерно в районе современных Нунаня — Чанчуня в Северо-Восточном Китае). Указывается, что на этой территории (протяженностью 2 тыс. ли) проживало около 80 тыс. семей (дворов). Они занимались земледелием и скотоводством, вывозили в Китай лошадей, яшму, собольи и другие меха, крупный жемчуг. Здесь уже существовали «дворцы, склады, тюрьмы», а также «городские укрепления». Социальные различия сказывались и на внешнем облике населения. Преобладала простая белая холщовая одежда, но тэин («большие люди») подбивали халаты из шелков и шерстяных тканей дорогими мехами, а головные уборы украшали золотом и серебром.

Правили страной кунван или ван (государь) и га (аристократы), носившие титулы, включавшие названия домашних животных (лошадь, вол, свинья, собака и т. д.). Крайними, или расположенными за пределами «столицы», землями («четырьмя концами») правили га; под их властью были от нескольких тысяч до нескольких сот дворов. Умершего правителя хоронили в яшмовом гробу (который заблаговременно заказывали у китайцев) и делали ему человеческие жертвоприношения («до ста человек»).

Простой народ назывался «хахо» («низшие дворы») и, как сообщается, находился на положении нобок (рабов). При появлении неприятеля «все га воюют сами, а хахо поставляют им продовольствие и кормят их». Уже явно шло классовое расслоение общества. За кражу устанавливалось двенадцатикратное возмещение. Убийцы подлежали смертной казни, а их семьи превращались в рабов. Полностью утвердилось бесправие женщины. Вероятно, существовали многоженство и калым. Так, ревнивых жен убивали, а их родные могли получить останки, лишь прислав быков и лошадей (взамен полученных ранее). Если умирал старший брат, младший женился на его вдове.

Несмотря на интенсивное классовое образование, все еще сохранялись отдельные институты родового строя. Ван был по происхождению вождем, совмещавшим когда-то и функции жреца («повелителя дождей»). В «Сань-го чжи» прямо указывается: «По старинному пуёскому обычаю, если случались наводнения или засуха, не созревали хлеба (пять хлебов), то вину за это возлагали на вана, которому тогда предлагали или немедленно отречься, или покончить с собой». В III в. н. э. еще сохранялась выборность вана, оставался такой атрибут периода военной демократии, как народное собрание — ёнго (приурочиваемое к религиозному празднику), которое рассматривало судебные тяжбы.

К югу от пуё на территории протяженностью 2 тыс. ли располагались когурё с населением 30 тыс. дворов. По преданиям, люди когурё обособились от племени пуё, однако у них было много общего в языке и обычаях. Они принадлежали к общей группе мэкских племен. Обицаши по р. Тэсу (Большая река) назывались большереченскими мэкцами, а мэкцы, жившие по р. Сосу (Малая река — северный приток Амноккана, теперь р. Тунцзя), — малореченскими. Одними из первых они начали борьбу против ханьских округов, причем возглавили ее малореченские мэкцы, объединившие затем и остальные племена.

Непрерывные нападения мэкцев вынудили китайских завоевателей

передвинуть центр округа Сюаньту от Амноккана далеко на запад (сначала в район современного Синьцзина, а затем в район Мушуня). Они пытались умиротворить соседние племена, присваивая их вождям княжеские титулы и посылая соответствующие печати и парадные одеяния. Уже в I в. до н. э. вождь малореченских мэкцев (или гурё) имел титул вана. Это позволило некоторым ученым считать, что здесь уже имелось государство. Но источники говорят лишь о начале этого процесса, проявившемся в консолидации родо-племенных групп. По «Сань-го чжи», у малореченских мэкцев было пять таких групп — ённо (или соно), чолло, сунно, кванно и керу, — сыгравших важную роль в создании государства Когурё и положивших затем начало его основным территориальным округам.

Сначала ведущая роль в союзе племен принадлежала племени ённо (соно), которое выдвигало ванов, но, как сообщает «Сань-го чжи», «оно постепенно ослабело и теперь (т. е. к III в. н. э. — Авт.) его сменило племя керу».

Легендарная традиция об основании государства Когурё пришельцем с севера Чумоном (Чхумо, Тонмён), сохранившаяся в эпиграфике и летописях, отражает, по мнению ряда исследователей, этот факт перехода гегемонии в союзе мэкских племен от ённо (соно) к керу, которое впоследствии носило фамилию Ко.

В корейских источниках нет прямых указаний на существование только пяти родовых групп, или племен, но в названиях «государств», объединенных Чумоном, можно встретить сходство с названиями пяти племен, упоминаемых в китайских источниках. Так, в легенде о том, как Чумон отнял «государство» Пирю у князя Соняна, угадывается факт утраты гегемонии соно (причем в легенде родовое название могло превратиться в личное имя), точно так же как упоминаемые в корейских летописях «государства» Кванна и Чена соответствуют кванно и чолло из «Сань-го чжи». Дата «основания государства» Когурё легендарным Чумоном (по корейским летописям — 37 г. до н. э.) может приблизительно соответствовать времени смены старшинства соно (ённо) гегемонией керу, которое в корейских летописях именуется царством Хольбон, или Чольбон. Конечно, переход гегемонии от одной родо-племенной группы к другой еще не может служить показателем существования государства.

Упоминание в источниках факта присвоения китайских титулов местным вождям (или заимствования их последними) само по себе не может служить убедительным свидетельством существования государства, если не учитывать всех сторон социально-экономического развития общества, где встречались эти титулы. Автор «Сань-го чжи» сообщает, что в Когурё «имеется ван, а чинами... являются санга, тэро, пхэджа, кочхуга, чубо, утхэ, сын, саджа, чобый, сонин, каждый из которых соответствует определенной степени, выражающей старшинство или подчиненное положение», причем «чины устанавливаются так, что если есть тэро, то нет пхэджа, а если назначен пхэджа, то нет тэро».

Из приведенного не ясно, были ли это названия должностей или действительно чиновные ранги, поскольку выясняется, что звание кочхуга, например, вовсе не было чином, а служило обозначением принадлежности к главенствующим родо-племенным группам: керу, ённо (соно) и чолло. Другие звания также связывались с отдельными общинами, поэтому можно предположить определенную связь этих «чинов» с должностными званиями в племенах или родо-общинных группах.

Титул вана принадлежал вождю союза родственных племен, который избирался их старейшинами или аристократией (га). Это, прав-

да, не умаляло его верховной власти над ними, судя по тому, что ему сообщались имена дружинников или слуг (чобый, сонин), находившихся в подчинении у отдельных га. Представители ванского рода и аристократии ведущих племен превращались в эксплуататорский правящий класс, уже не занимавшийся производительным трудом, а ведавший лишь делами в политической, военной и религиозной сфере. Как отмечается в «Сань-го чжи», «большие дома в центре страны не обрабатывают полей, более десяти тысяч человек живут в праздности (букв.: „сидят и едят“), а низшие дворы (хахо) издалека приносят им и поставляют хлеба (зерновые), рыбу и соль». Однако больших (государственных) складов не было, а в каждом доме существовали кладовые. Богачи носили шелка и парчу, украшали одежду золотом и серебром. По форме головных уборов различали степень знатности. В ведении знати находились и религиозные обряды.

Несмотря на классовое расслоение, в Когурё сохранялись и определенные институты родового строя. Так, ежегодно в 10-м месяце¹ в дни праздника жертвоприношений Небу и духам устраивалось громадное народное собрание — тонмэн, на которое стекались люди со всех концов страны. Во время многодневных пиршеств, надо полагать, решались и важные общие дела. Тюрем еще не было, а судебные решения о преступниках выносило совещание старейшин, по приговору которого убийц предавали смерти, а их семьи превращали в ноби (рабов). В нравах и обычаях народа Когурё также можно найти следы родового строя. Сообщение китайского автора о том, что «обычай (в Когурё) развратны», следует, по-видимому, понимать в том смысле, что там сохранялись те или иные пережитки группового брака. Напоминанием о временах матриархального родового строя, вероятно, служит свадебный обычай в Когурё, по которому молодой муж должен был жить с женой в доме ее родителей (в специальном «домике для зятя») до тех пор, пока не родится и не вырастет сын. И только тогда он мог взять в свой дом жену и сына.

Разложение родового строя и классовое расслоение когурёского общества (мэксских племен) происходили одновременно с многочисленными войнами против соседних племен и китайских округов. Нападения на округа Ляодун и Сюаньту стали особенно частыми на рубеже I—II вв., при ване Гуне, которого в корейских летописях называют «Тхэджо», или «Ван-основатель». Борьба против китайских округов продолжалась и после падения Поздней династии Хань в III в. Вытесняя китайское влияние, когурёские правители подчинили своему господству и сделали зависимыми (данниками) соседние племена окчо и е.

Земли окчо, находившиеся к востоку от когурё, в «Сань-го чжи» получили название Восточного Окчо (подобным же образом и земли е названы Восточным Е). Они простирались вдоль побережья Восточного моря, «сплюснутые» с запада на восток, «продолговатые» с севера на юг, где они граничили с землями е. Окчо и е располагались в пределах современных провинций Северная и Южная Хамгён; они принадлежали к эмэкским племенам, поэтому имели много общего с пуйе и когурё в языке, пище, жилье, одежде и обычаях. С образованием четырех ханьских округов (после завоевания Древнего Чосона) Восточное Окчо и Восточное Е входили в состав округа Имдун (Линьтун), а с ликвидацией его — в число семи уездов восточной половины, управлявшейся специальным администратором (дувзем) округа Лолан.

В 30 г. н. э. эта административная единица была упразднена и вожди местных общин получили ханьские титулы уездных князей (ху),

а общины стали называться княжествами (хугук). Восточное Окчо, составлявшее уезд Пуджо среди бывших семи уездов, находилось в районе современного Хамхына, а к северу, на расстоянии 800 ли, простиралось Северное Окчо, граничившее с племенами ымну (илоу). Около 56 г. н. э. окчо попали в зависимость от когурё.

В описываемое в «Сань-го чжи» время окчо занимали пространство в 1 тыс. ли и насчитывали 5 тыс. дворов. У них не было одного общего правителя, и из поколения в поколение селениями (общинами) правили старейшины (самно). Основным занятием населения было земледелие, крупного рогатого скота и лошадей разводили мало. По замечаниям китайского автора, люди здесь отличались «прямотой характера, силой и храбростью», «сражаются пешими, ловко владея копьем». Зависимость от когурё, видимо, не разрушила местных институтов родового строя, но старейшины обязаны были собирать и поставлять дань. Окчосцы, сообщает «Сань-го чжи», «за тысячу ли должны поставлять мэкские (пеньковые) холсты, рыбу, соль и другие морские съедобные продукты, а также отправлять красивых девушек, которых [в Когурё] превращают в наложниц и обращаются с ними, как с рабами».

В свадебных и похоронных обычаях здесь были свои особенности. Девочки (с 10 лет) воспитывались в доме своего будущего мужа и перед замужеством на короткое время возвращались к своим родителям. Умерших хоронили в больших семейных деревянных гробах (саркофагах), куда клали истлевшие (после временного погребения) останки, маленькие деревянные изображения покойников и сосуд, наполненный рисом. Еще слабой была связь населения материковой части Кореи с жителями более удаленных островов, где полностью сохранился первобытный родо-племенной строй. По рассказам окчосцев, далеко к востоку от них на острове (очевидно, современный Уллындо) жили люди, которые говорили на ином языке и совершали жертвоприношения — в 7-м месяце топили в море девушку.

Земли е, граничившие на юге с Чинханом, стали зависимыми от Когурё около конца II в. н. э. В описываемое в «Сань-го чжи» время их население составляло 20 тыс. дворов. Отдельными общинами управляли старейшины (самно, ыпкун), которые иногда носили китайский княжеский титул (ху). Эта родовая аристократия уже выделилась из общей массы населения. Но родовая общинная организация, видимо, еще сохраняла свою силу. Между однофамильными (т. е. лицами общего родового происхождения) не заключали браков. Горы и реки были «разделены на участки», т. е. на владения отдельных общин; вторгаться в чужой участок не разрешалось. А если «случается ссора одного селения с другим, то в качестве наказания (для нарушителя) установлен штраф людьми (рабами?), крупным рогатым скотом и лошадьми, и это наказание называется чхэхва („ответ за беду“, т. е. за нанесенный вред)».

Праздник поклонения Небу (в 10-м месяце) назывался «Мучхон» («танцы Небу») и отмечался большим народным собранием, на котором, вероятно, обсуждались и важные дела. По сообщению китайского автора, убийца наказывался смертью, воровство или грабежи были редки. «По характеру люди добродушны, не жадны и очень совестливы, чем не похожи на людей Когурё», они «жемчуг и яшму не ценят как сокровища». Вооружением служили длинные копья, «иногда в пешем бою их могут держать вместе несколько человек». О первобытных религиозных представлений свидетельствовало поклонение тигру как духу (тотему); о видах на урожай гадали по небесным светилам.

Основным занятием населения было земледелие. Выращивали

туговые деревья. Разводили шелковичных червей, производили пеньковые и шелковые ткани. Предметами вывоза в Китай служили небольшие, но крепкие лошади местной породы.

Зависимость от Когурё, вероятно, не была постоянной или абсолютной, судя по тому, что некоторые еские старейшины самостоятельно поддерживали отношения с китайскими округами и получали даже титул вана.

Таким образом, опираясь на «Сань-го чжи», можно прийти к выводу, что в III в. н. э. среди северных корейских (емэкских) племен процесс разложения первобытнообщинного строя привел к возникновению в обществе классов. Но функционирование институтов родового строя еще не прекратилось, хотя они все более перерождались в свою противоположность, служа имущим и влиятельным элементам орудием угнетения и эксплуатации не только соседних племен, но и сородичей. Если аристократия Когурё и зависимых племен превращалась в господствующий класс, то основная масса общинников все больше попадала в условия, сближавшие ее с положением рабов или крепостных (поби, нобок)². Эта общая тенденция была характерна и для племен и общин, населявших южную часть Корейского полуострова.

Согласно «Сань-го чжи» и «Хоухань шу» («История Поздней [династии] Хань»), в южной части Корейского полуострова, т. е. к югу от устья р. Ханган, находились три объединения: Махан, Чинхан и Пёнджин (или Пёнхан), в которые входили «78 государств», занимавших пространство 4 тыс. ли, ограниченное с запада и востока морем. «Все они,— утверждают китайские авторы,— в древности составляли государство Чин», причем самым большим из них был Махан, который выдвигает «чинского вана», правящего «государством Мокчи» (или Вольчи, по «Сань-го чжи»). Это нагромождение «государств» едва ли соответствовало смыслу употребляемой терминологии, явно нуждающейся в расшифровке. Поскольку по уровню социально-экономического развития (о чем пойдет речь далее) «государства» представляли родоплеменные группы или их союзы, едва ли возможно говорить о существовании монархической власти, или о государстве в подлинном смысле этого слова.

В этом случае «чинский ван» мог быть только вождем союза племен или родо-общинных групп, оставаясь одновременно старейшиной общины мокчи (вольчи). Вероятно, лингвистически «чинван» («чинский ван») представлял собой иное написание слова «синджи» (или «чинджи»), означавшего крупного старейшину или вождя, причем «чин» в данном случае означал «большой», а «джи» («чхи») — «человек, должностное лицо». Трудно представить себе существование в древности какого-то единого и централизованного «государства Чин», поэтому и слова «чин гук» лучше переводить как «чинские государства (или страны)» («государства или страны чинов»), имея в виду совокупность родоплеменных групп или общин во главе со своими старейшинами — синджи или чинджи. Но в период, описанный в «Сань-го чжи», уже, несомненно, существовал политический союз, возглавлявшийся вождем с титулом чинвана.

Составляет также проблему и определение расположения племенных объединений Махан, Чинхан, Пёнджин, взаимоотношений между ними и числа входивших в их состав общин. В «Хоухань шу» по этому поводу сказано: «Махан, находящийся на западе, имеет 54 государства и граничит на севере с Лоланом, а на юге — с Вэ (Японией); Чинхан, находящийся на востоке, имеет 12 государств и соприкасается на севере с Емэком (Восточное Е); Пёнджин, находящийся к югу от Чинхана,

также имеет 12 государств и на юге граничит с Вэ. Всего насчитывается 78 государств, одним из которых является Пэкче». Особое выделение Пэкче объяснялось тем, что ко времени составления Фань Юем «Хоухань шу» (V в. н. э.) это государство уже объединило под своей властью общины Чинхана и Махана.

Географическое положение объединений Махан и Чинхан определялось границей по р. Унчхон, к югу от которой находились общины махан (на территории современных Чхунчхон и Чолла), а к северу от нее — общины чинхан (на территории современных Кёнги и Канвон). Такое расположение подтверждается еще и тем, что по сравнению с чинханскими маханские и пёнджинские общины состояли из более ранних пришельцев с севера и поэтому расположились к югу от чинханцев, которые позднее поселились севернее, на землях, первоначально входивших в маханские владения. В этих маханских и чинханских общинах большие «государства» насчитывали по 10 с лишним тысяч дворов, а маленькие — по несколько тысяч; всего в 50 с лишним «государствах» было более 100 тыс. дворов (семей). «[Люди] Пёнджина жили вперемежку с [людьми] Чинхана», — утверждали китайские авторы; поэтому половину пёнджинских общин они и относили к чинханским. Источником ошибки считается то, что около половины пёнджинских общин в своем названии имели приставку «пёнджинский», что должно было служить для особого обозначения общин Пёнджина или Пёнхана в отличие от Чинхана.

Однако, по мнению корейских исследователей, эта приставка не имела отношения к названию объединения Чинхан, а подчеркивала лишь независимость от чинского вана (возглавлявшего особый союз племен), судя по китайским сообщениям, что «12 государств из них (т. е. пёнджинских) зависят от чинского вана». Те общины (с приставкой «пёнджинский»), которые не имели отношения к чинскому вану, согласно этим же данным, имели своего общего правителя или вождя (вана). Итак, из 25 общин (а не 24, как указывают китайские авторы) объединения Пёнджин 12 находились в зависимости от чинского вана, а 13 образовали самостоятельный политический союз. И этот союз возник примерно в конце поздней ханьской династии Китая (конец II в.), когда Куя (Кая) и другие общины установили самостоятельные связи с китайскими округами Лолан и Дайфан. С ослаблением союза под главенством чинского вана и эти общины образовали самостоятельный политический союз. Согласно китайским описаниям, в 20 с лишним «государствах» (общинах) объединения Пёнджин насчитывалось всего 40—50 тыс. дворов (по 4—5 тыс. в крупных и по 600—700 в малых). Но 20 с лишним «государств» не исчерпывали всех общин этого района: из китайских сообщений следует, что имелись еще и «маленькие округа», что подтверждается корейскими и японскими источниками. «Самгук саги» называет не упоминаемые в китайских источниках «государства» Саболь, Таболь, Ымджипполь, Сильджик, Апток, Сомун, Чхопхаль, Кульболь, Пхосанпхаль, Усан. И в японских летописях встречаются такие названия «государств», как Чада, Китхам и ряд других.

Для суждений об уровне социально-экономического развития населения «трех хан» необходимо обратиться к сведениям «Сань-го чжи», характеризующим состояние их производительных сил, хозяйства и идеологии.

Основным занятием населения «трех хан» было земледелие. Здесь выращивали все основные зерновые культуры, тутовые деревья, разводили шелковичных червей, выделяли шелковые и пеньковые ткани. Разводили также крупный рогатый скот и лошадей, которые еще не ис-

пользовались в качестве тягловой силы, но шли, например, на жертвоприношения по смерти их владельцев. В земледелии преобладали суходольные поля, но уже начали строить водохранилища и другие оросительные сооружения, необходимые для культуры риса. Окаменелые рисовые зерна, найденные в раковинных кучах в Кимхэ, датируются I в. н. э.

Для прогресса производительных сил важное значение имело применение железа. Согласно «Сань-го чжи», производимое в Пённджине железо вывозилось в Махан, Е, Японию и китайские округа Лолан и Дайфан. Но трудно судить о том, какое распространение получило железо как материал для изготовления сельскохозяйственных орудий.

Во всяком случае, при достигнутом уровне развития производительных сил культурные контакты и борьба с китайскими завоевателями и пришельцами, особенно развитие торговых отношений между отдельными общинами, а также с китайцами и японцами немало способствовали ускорению процесса разложения первобытнообщинного строя, развитию частной собственности и классовому расслоению населения южной части Корейского полуострова. Хотя по сравнению с северными районами эти процессы шли медленнее, но борьба с китайскими завоевателями и здесь ускорила консолидацию родо-племенных групп в более крупные политические объединения, такие, как союз чинханско-маханских общин во главе с чинским ваном.

Политическая консолидация в течение второй половины II в. настолько укрепила ханские общины, что обеспокоенные этим китайские завоеватели в конце II — начале III в. создали на северной границе ханских земель административный округ Дайфан, призванный осуществлять прямой захват ханских общин или подчинить их китайскому контролю, чтобы обеспечить в дальнейшем устойчивые торговые и политические связи. Для распространения китайского влияния власти этого округа раздавали вождям местных общин «трех хан» китайские чиновные звания удельных князей (ыпкун) и удельных начальников (ыпчан), вручая соответствующие печати и форменные парадные одеяния. В процессе контактов с китайскими округами у местных вождей усиливались тяга к роскоши, стремление к обособлению от массы рядового населения, что также ускоряло наметившееся классовое расслоение. Местная родо-племенная знать уже отличалась знанием китайского этикета, носила китайскую одежду и употребляла в быту различные предметы, приобретаемые в китайских округах. В описании махан автор «Сань-го чжи» сообщает, что «только людей, имеющих свои парадные одеяния и головные уборы и пользующихся собственными печатями, насчитывается более тысячи человек» и даже хахо, приезжающие в окружной центр, «наряжаются в одеяния и головные уборы, взятые у других взаимы». Имеются также сведения, что некоторые из представителей местной знати переходили на службу к китайским завоевателям (например, некие Ёмсачхи и Сомаси в I в. н. э.).

Но китайское влияние коснулось сначала лишь незначительного меньшинства населения районов, граничивших с китайскими округами, и не могло стать заметным фактором подрыва устоев первобытнообщинного строя. Автор «Сань-го чжи» отмечал, что среди общин («государств») «трех хан» находящиеся на севере, по соседству с (китайскими) округами, «имеют некоторое понятие о правилах приличия» (т. е. знакомы с китайским этикетом), а отдаленные места якобы «напоминают скопище преступного люда или рабов (ноби)». Он писал о незнании населением китайских церемоний, первобытной простоте нравов, преобладании простой одежды (из холста) и простой обуви. «Здесь не

ценят ни золота с серебром, ни парчи и вышивок», хотя «очень дорожат жемчугом как сокровищем», «им украшают одежду, делают ожерелья для ношения на шее, а также серьги для ушей».

Можно предположить (хотя прямые указания в источниках отсутствуют), что в сельских общинах здесь еще существовала коллективная собственность на землю и коллективная обработка ее. Из массы сельских поселений не успели выделиться города, хотя не исключена возможность существования городов как крепостей для обороны. Сведения на этот счет противоречивы. В описании объединения Махан говорится, что его население живет в селениях между горами и морем и там «нет укрепленных городов», но одновременно сообщается о существовании укрепленных городов в объединениях Чинхан и Пёнджин. О первобытном укладе жизни ханцев можно судить по сообщению в «Сань-го чжи», что «в обычае людей хан мало установлений и, хотя имеется главный вождь (чусу) в центре государства (страны), селения их разбросаны в беспорядке, поэтому он [вождь] не может управлять ими как следует». Об образе жизни в селениях сказано: «Здесь нет в обычае и коленопреклонений. Жилье делают в виде шалашей и землянок, напоминающих по форме могилы с входной дверью наверху. В них живут вместе всей семьей, не делая различия между старшими и младшими, между мужчинами и женщинами». Возможно, к более позднему времени относится известие «Вэй люэ» («Краткая история [государства] Вэй») ³ о том, что в Пёнджине «дома строят путем поперечного расположения в несколько рядов бревен» (наверное, в виде сруба). При похоронах не делали саркофагов, ограничиваясь простыми гробами.

Таким образом, существование главного вождя (чинского вана) не ограничивало самостоятельности отдельных родо-племенных групп и общин. В этих общинах (или «маленьких государствах», по терминологии китайских авторов) наряду с вождем или старейшиной существовал шаман, ведавший жертвоприношениями Небу и называвшийся «чхонгун» («князь Неба»). В его распоряжение выделялось особое место под названием «сото», «где стоит большое дерево, на которое вывешивают колокольчики и барабаны, чтобы взывать к духам». Прибежавшие к дереву пользовались защитой от преследователей. Первоначально, очевидно, поклонялись самому дереву, а затем оно стало символическим посредником для общения с духами.

Для характеристики уровня социально-экономического развития ханских общин принципиальное значение имеет правильное понимание следующего места из «Сань-го чжи»: «Когда возникает надобность произвести какие-либо работы в центре государства или властям требуется возвести укрепления, то собирают сильных и здоровых молодых людей, которым пробивают отверстие в коже спины и продевают толстую веревку и привязывают кусок дерева длиной в сажень (чжан) и в течение целого дня побуждают усиленно работать, и те, кто, не жалуясь на боль, выполняют всю порученную работу, признаются здоровыми».

Это описание вызвало разные объяснения. Одни историки склонны видеть здесь пример жестокого обращения с рабами, другие — первобытный обряд инициации (испытания) молодых людей, переходящих в разряд взрослых мужчин. Наконец, третьи вообще отрицают возможность продеть через живую ткань веревку, к которой привязывался бы кусок дерева, и полагают, что китайский историк допустил ошибку и так изобразил применение на строительных работах известного в Корее деревянного приспособления для ношения тяжестей (чиге), которое обычно прикреплялось к спине перетянутыми через плечи веревками. Для некоторых авторов приведенный рассказ служит обоснованием вывода о

существовании не только рабовладения, но и государственной власти, ведавшей строительством укрепленных городов.

Однако при сопоставлении с другими фактами, говорящими о первобытном укладе жизни, анимистических религиозных представлениях, об обычае татуировки и пр., в этом рассказе можно усмотреть первобытный обряд инициации молодых людей, который китайским автором представлен в виде принудительных работ, организованных государственными властями. Между тем некоторые детали описанного обряда полностью совпадают с обрядом инициации, сохранявшимся до недавнего времени у некоторых индейских племен Северной Америки. У шеванезов при посвящении юношей во взрослых воинов колдун (шаман) пробивал ножом отверстия в коже на груди испытуемых, продевал через них кожаные ремешки и привязывал к тотемному дереву, а юноши резкими движениями должны были оторваться от привязи. Такие этнографические параллели позволяют говорить о сохранении в ханских общинах институтов родового строя, о том, что процессы классового расслоения еще не привели к установлению государственности, несмотря на появление рабов и эксплуатируемых. Нехватка фактических деталей не дает возможности судить о степени разложения первобытнообщинного строя, изменявшегося с развитием новых производительных сил.

На распад первобытнообщинных отношений в объединениях Махан, Чинхан и Пёнхан определенное влияние оказали китайские завоеватели, ибо борьба с ними ускорила политическую консолидацию племен. К этому времени относятся и оживленные связи пёнджинских общин с Японскими островами, где существовали многочисленные родо-племенные объединения, или «маленькие государства». Надменные китайские завоеватели считали их (как и корейские «государства») своими «вассалами» (если они поддерживали хоть какие-нибудь отношения с китайцами). Между тем уже в I в. н. э. некоторые пёнджинские общины (жуя и др.) выступали посредниками в торговых и культурных связях между китайцами и населением Японских островов, о чем можно судить по «Сань-го чжи» и мифам, вошедшим в ранние японские исторические хроники «Кодзики» («Записи древних деяний») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»). Не только мифологические предания, но и памятники материальной культуры на территории Японии свидетельствуют о посещении и постоянном пребывании пёнджинских выходцев. В мифических именах отдельных пришельцев в Японию из соседней Кореи (например, Сонакасити или Цунугарасити) прослеживаются топонимы или названия должностных лиц пёнджинского происхождения.

С полным разложением первобытнообщинного строя среди населения северной и южной частей Корейского полуострова было связано возникновение и утверждение трех государств — Когурё, Пэкче и Силла. Неравномерность социально-экономического развития в различных частях Корейского полуострова обусловила и разное время возникновения государственности: раньше она появилась в Когурё и Пэкче и значительно позднее — в Силла. На смену многочисленным племенам и общинным объединениям пришли эти три государства, которые к V—VI вв., полностью разделив территорию Корейского полуострова, вступили в борьбу между собой за утверждение господства во всей Корее.

Утверждение государства Когурё

Отсутствие в исторических источниках датированных сведений, характеризующих переход от родовой организации общества к делению населения по территориальному принципу, затрудняет точное определение

времени возникновения каждого из трех государств, поэтому в исторической литературе нет единого мнения по этому вопросу. Существующие трактовки этой проблемы объясняются также различным пониманием историками-марксистами и буржуазными учеными самой категории государства и связанным с ним разным истолкованием известных исторических фактов. Не стремясь к детальному рассмотрению существующих взглядов историков или категорическому решению этой сложной проблемы, мы в дальнейшем изложении попытаемся представить конкретную картину становления каждого из трех государств до того времени, когда они вступили друг с другом во взаимные — мирные и немирные — отношения.

Государство Когурё выросло в результате разложения первобытно-общинного строя у когурёских (или, как они назывались первоначально, гурёских) и сопредельных им племен. Старая родовая организация пяти коренных когурёских общин (племен?) превратилась в территориальную державу для господства как над своими сородичами, так и над иноплеменным населением в интересах имущего класса, сложившегося главным образом из родо-племенной знати Когурё, но допустившего в свои ряды и представителей аристократии покоренных (или союзных) племен. Так союз когурёских племен перерос в государство Когурё. Но установить точное время этого качественного скачка от родо-племенной организации к государственной трудно. При определении этого рубежа историки называют разные даты — от I в. до н. э. до IV в. н. э.

Ко времени складывания государственности в Корею, вероятно, относятся и первые попытки определить ее истоки, что отразилось в легендах о первых царях. Эта легендарная традиция, зафиксированная в ранних летописях (которые затем вошли в состав «Самгук саги»), приписывала основание государства Когурё пришельцу из Северного Пуё — некоему Чумону (Чхумо), или Тонмёну. Его имя скорее не личное, а нарицательное, обозначавшее в древности вождя или какое-то должностное лицо. Историчность Чумона, этого «основателя государства», и несколько первых «ванов» Когурё подлежат сомнению, тем не менее корейская историография феодального периода воспринимала легендарный рассказ о приходе Чумона и о начале его царствования в Когурё как подлинный исторический факт и датировала его 37 г. до н. э.

Ряд современных историков, поддерживающих эту традиционную датировку, обычно ссылаются на то, что уже при первых «ванах» Когурё (например, при третьем из них — Тэмусине, 19 г. н. э.) объявлялись амнистии и освобождались властью «вана» заключенные преступники, а это будто бы свидетельствует о существовании такого института государственности, как тюрьмы. Между тем, рассматривая сложный процесс складывания государственности, нельзя не учитывать особенностей сообщений об этом ранних летописей, в ряде случаев представляющих простую запись легенд, датированных соответствующими годами китайского календаря и служивших для восполнения недостающих подлинных исторических фактов.

Систематизируя фольклорные произведения и располагая их в определенной хронологической последовательности, авторы корейских хроник феодального времени стремились показать непрерывающуюся линию правления ванов, чьи деяния должны были полностью соответствовать предписаниям конфуцианских канонов о добродетельном правлении. И в тех случаях, когда по нарицательным именам реконструировались периоды правления мифических царей, эти годы заполняли такими рассказами, которые по своему дидактическому смыслу соответ-

ствовали нормам добродетельного правления и показывали милость царей (включая совершаемые ими акты милосердия в отношении преступников), сыновнюю почтительность их детей, мудрость и преданность их слуг («министров» государства). Упомянутые в такой связи акты амнистий никак не могут служить надежными ориентирами для определения времени возникновения государства. Преувеличения и неточности в таких рассказах видны хотя бы из сообщения о том, что в 11-м году правления Тэмусина (28 г. н. э.) в Когурё вторглась миллионная ханьская армия; отразить вторжение помогли только мудрые советы чвабо («министра») Ыль Туджи. Совершенно очевидно, что сообщения ранних частей корейских хроник нуждаются в определенной проверке и поправке по данным других источников, более близких по времени к описываемым событиям.

Признавая фантастическое содержание ранних частей корейских летописей, некоторые исследователи древнейшей истории Кореи в легенде о приходе Чумона в Когурё и основании им «государства» склонны видеть отражение исторического факта перехода гегемонии в когурёском союзе племен от рода (племени) соно (ённо) к роду (племени) керу, который, создав опорный пункт в районе среднего течения р. Амноккан (крепость Куннэсон — современный Цзиань в Северо-Восточном Китае), в ходе дальнейших завоеваний (или угрожая войной) подчинил соседние родо-племенные группы или общины. Так, до середины I в. н. э. или на протяжении его, согласно корейским летописям, Когурё подчинило племена (общины) пирю, хэнин, янмэк, кальса, кэма, куда, северное и восточное окчо.

Один из известных буржуазных историков Южной Кореи, Ли Бёндо, с позиций буржуазного национализма трактует проблему становления государственности в Когурё. В качестве признака становления государственности он избрал «укрепление духа самостоятельности Когурё», которое стало проявляться с тех пор, как, по примечательному сообщению «Сань-го чжи», правители Когурё загордились и больше не приезжали в китайские округа за парадной одеждой и головными уборами, а предлагали китайцам складывать эти вещи в специально устроенном пограничном городке Чхэккуру («куру» означало «город»). По мнению Ли Бёндо, это произошло после третьего (по традиционной хронологии) «вана» — Тэмусина (18—44 гг. н. э.). Но «в строгом смысле этого слова»⁴ государство в Когурё, по его мнению, сложилось во времена шестого «вана» — Тхэджо тэвана (известного китайцам под именем Гун), или «Великого вана Основателя», так как этот титул наряду с «чиновными званиями» пхэджа, утхэ и другими свидетельствует о появлении бюрократической организации. Допуская возможность возникновения этих «чиновных званий» еще во времена родового строя, Ли Бёндо стремится подкрепить свой тезис о существовании государства во времена Тхэджо фактами объединения клановых обществ бассейна рек Тэсу и Сосу и начавшейся внешней активности Когурё, которая выразилась в нападениях на китайские округа Ляодун и Сюаньту, подчинении племен окчо и расширении границ на юге до р. Сальсу.

Таким образом, возникновение государства Ли Бёндо прямо связывает с завоевательными войнами, хотя в действительности, даже при наличии в данном обществе зачатков классового деления и определенной градации должностных лиц, они не могут служить признаком возникновения государства, если деление общества по кровнородственному принципу не сменилось территориальным. Как признает Ли Бёндо, родовая организация сохранялась тогда в пяти ведущих общинах, возглавлявших политический союз Когурё, о чем свидетельствовали и титул «коч-

хуга», подчеркивавший особо привилегированное положение родовой аристократии общин керу, соно и чолло, и то, что должностные звания не употреблялись без упоминания родовой принадлежности их носителей. Учитывая большое значение родовых отношений, но вместе с тем и появление у представителей аристократии (га) своих служилых людей, которые носили такие же звания (саджа, чойй, сонин), что и находящиеся при главном вожде (ване), Ли Бёндю назвал общественный строй Когурё этого времени своеобразным «первобытным феодализмом». При этом, конечно, он исходил из буржуазных представлений о феодализме как системе только политических отношений, основанных на определенной иерархии подчинения (вассалитета).

Однако завоевательные войны и расширение территории Когурё не могут подтвердить ни существование государства, ни того, что родовой строй уже ушел в прошлое. Хотя завоевательные войны и способствовали классовому расслоению общества, они могли быть и до появления государства. На той стадии, когда еще сильные родо-племенные связи и общинные отношения, захватнические войны велись развитым союзом племен или «варварским государством», предшествующим становлению рабовладельческого или феодального строя. Покорение союзом когурёских племен их соседей еще не означало (до определенного времени) полной победы классового общества, ибо, несмотря на возникновение эксплуатации (в форме дани), ни общество завоевателей, ни общество покоренных не утрачивали прежней социальной организации по кровнородственным связям, несмотря на усиление имущественных различий и социальных градаций в старом обществе. Но, с другой стороны, процесс классовой дифференциации, вероятно, тормозился тем, что «покорившиеся» или завоеванные Когурё соседние племена зачастую выступали в качестве его союзников в борьбе против общих угнетателей — ханьских (китайских) завоевателей.

Китайские округа Сюаньту (в верхнем течении р. Ляохэ) и Ляодун (на западном ее берегу), ведя регулярную торговлю с корейскими племенами, не оставляли намерений подчинить их силой, поэтому Когурё и его соседи в своих отношениях с ними также сочетали мирные и военные средства борьбы. После крупных походов в 49 и 55 гг. н. э. на китайские владения к западу от р. Ляохэ Когурё на время прекратило военные действия против сильной династии Хань (Поздней) и вынуждено было налаживать с ней дипломатические отношения, направив свои усилия на покорение юго-восточных земель.

После подчинения в начале II в. племен е (или емэк) когурёский «ван» Гун (Тхэджо) в 118 г. совершил нападение на крепость Хуали в округе Сюаньту. В 121 г., когда китайцы убили емэкского вождя, войска когурёского вана вторглись в округе Сюаньту и Ляодун, сожгли там города, убили и взяли в плен более 2 тыс. человек. По сообщениям корейских летописцев, в этих походах союзниками Когурё были маханцы и емэкцы. В 146 г. (при том же Гуне) когурёские войска напали на крепость Сианьпин (в округе Ляодун), убили дайфанского чиновника и взяли в плен семью лоланского управителя. В 172 г., когда многочисленные ханьские войска вторглись в Когурё, когурёсцы упорно оборонялись за стенами крепостей, а затем ударили по истощенным силам противника. Еще одно поражение ханьским войскам было нанесено в 197 г.

В период троецарствия в Китае (после падения династии Хань в 220 г.) государство Вэй усилило агрессивные действия на востоке. Несмотря на попытки Когурё наладить мирные отношения (оно даже оказало военную помощь в усмирении мятежного ляодунского наместника), вэйский правитель явно стремился к завоеванию Когурё, о чем свиде-

тельствовала отправка войск в округа Лолан и Дайфан. Чтобы опередить противника, когурёские войска в 238 г. нанесли удар по г. Сианьпину — вероятной базе китайского наступления. После этого из округа Сюаньту выступили вэйские войска под предводительством Гуаньцю Цзяня, которые напали на Когурё с севера, в то время как на юге наступали войска из округов Лолан и Дайфан. Под двойным ударом когурёские войска потерпели тяжелое поражение (было убито более 18 тыс. человек).

Заняв столицу Хвандо (построена в 198 г.), Гуань Цю-цзянь снарядил отряд для преследования когурёского «вана», бежавшего в пределы окчосцев (в район современной провинции Южная Хамгён). Перелом в борьбе приписывается героическим действиям когурёских воинов Миру и Нью, но вероятнее, что для полного изгнания вэйских войск большое значение имела помощь местного окчосского населения. Этот факт свидетельствует, что око не находилось в такой рабской зависимости от Когурё, как изображается в китайских источниках, а скорее было на положении союзника, сохранявшего традиционные общественные порядки (родовой строй), о чем можно судить и по описанию в «Сань-го чжи».

Войны начала нашей эры усиливали классовое расслоение среди корейских племен (в результате разорения рядовых общинников и обогащения знати), однако они могли способствовать и сохранению старых общественных (родо-племенных) отношений, особенно когда сплачивали племена в борьбе против иноплеменных захватчиков. Между тем опасность вторжения с севера не исчезла и впоследствии, когда в Северном Китае кочевники-сяньбийцы (из рода муюн) основали свое государство Янь. Уже нашествия войск Муюн Вэя в 293 и 296 гг. создавали серьезную угрозу, поэтому ответом со стороны Когурё были нападения на Сюаньту в 302 г. (8 тыс. захваченных пленных было поселено в новой крепости Пхеньян, строившейся с 247 г.), на Сианьпин в 311 г., на округ Дайфан в 314 г., нападение и разрушение крепости Сюаньту в 315 г. и пр. После восстановления столицы Хвандо (с цитаделью Куннэсон) и возвращения резиденции вана в 342 г. произошло новое нашествие муюнов. Они захватили столицу и стали преследовать бежавшего вана (Когугвона). Им удалось взять в плен жену и мать вана. Чтобы сломить сопротивление Когурё, муюны решили захватить и останки отца вана. Как сообщает «Самгук саги», Муюн Хван, «открыв могилу вана Мичхона, увез его прах, завладел сокровищами многих поколений, хранившимися в казенных кладовых, захватил более 50 тысяч душ обоого пола, сжег дворцы и, разрушив крепость Хвандо, двинулся в обратный путь».

В следующем году Когугвон вынужден был снарядить большое посольство с дарами к муюнам и признать себя слугой (вассалом) государя царства Янь. Укрепление политической и военной мощи Когурё позволило потом дать отпор муюнам. В 385 г. 40-тысячная армия Когурё выступила против муюнов и заняла округа Ляодун и Сюаньту, захватив около 10 тыс. пленных. Муюнам стоило больших усилий восстановить свою власть над этими округами. Территориальная экспансия Когурё направлялась и на юг, что приводило к конфликтам с Пэкче.

Хотя становление классового общества и утверждение государства происходили в обстановке многочисленных военных конфликтов, этих фактов недостаточно для датировки времени зарождения государства. Нужны конкретные данные, показывающие положение классов и борьбу между ними, которая сделала неизбежным появление государства. Недостатки сохранившихся материалов состоят не только в том, что они не делают различий между понятиями «государство» и «страна». Китайские источники, содержащие описание социальных процессов в Когурё,

как правило, фиксируют положение в данное время и не позволяют судить о развитии этих процессов. А корейские летописи, приводя последовательную запись исторических событий, исходят из существования государства уже во времена мифических «царей» (их «правление» точно датировано годами, месяцами, даже днями). В них употреблены термины и понятия (чины, округа и пр.), возникшие значительно позже того времени, которым они датированы в ранних частях летописей.

При датировке времени появления государства следует учесть, что применение железных орудий и связанные с этим сдвиги в развитии сельского хозяйства и ремесел подготовили в конечном счете разложение первобытнообщинного строя и переход к новой общественно-экономической формации, что социально-классовые различия стали возникать в Когурё еще при сохранении родового строя (в рамках политического союза племен), когда различались господствующие и покоренные племена, а внутри племен наметилось расслоение на привилегированную знать (га) и рядовых общинников (хахо), которые иногда опускались до положения рабов (ноби).

От достигнутого уровня производительных сил, расстановки сил формирующихся общественных классов и результатов борьбы между ними мог зависеть характер нового способа производства и соответствующей государственности. А войны Когурё могли или ускорить, или замедлить этот процесс. О разорении основных масс общинников можно судить по многочисленным упоминаниям корейских летописей о бедствиях и голоде населения в первые века нашей эры. Голод доводил иногда до людоедства. И это происходило в то время, когда, как показывают археологические памятники, когурёская знать накапливала огромные богатства, строила величественные подземные склепы, украшенные произведениями искусства. Сюжеты настенных фресок этих могил говорят о роскоши, празднествах и развлечениях знати, которая богатели за счет военной добычи и эксплуатации своих соплеменников.

Массы разорившихся общинников, естественно, стремились сохранить традиционные институты родового строя как средство борьбы против попыток порабощения их складывающимся господствующим классом. Даже по легендарным рассказам ранних частей когурёских летописей можно получить представление о направлении классовой борьбы в этом обществе. Насилия и жестокость знатных получали явный отпор соплеменников. В записи, датированной 51 г. н. э., говорится: «С каждым днем ван становился все более жестоким — когда садился, подкладывал людей для сидения, когда ложился, они должны были служить ему подушкой, а если кто ерзал, того убивал без всякой пощады. Если кто из слуг пытался вразумить его, то расстреливал из лука». Убийство этого «вана» одним из приближенных в летописи оправдывается тем, что «ван» стал «врагом народа». Место «вана» теперь занял не сын убитого, а Гун (Тхэджо), которого «поддержали люди страны» (63 г. н. э.). Хотя летописец представляет эти события как эпизод смены лиц на престоле, в них нельзя не усмотреть один из моментов классовой борьбы против попытки установления деспотической власти «вана», за сохранение традиций первобытной демократии. Этим же, по-видимому, объясняется убийство в 165 г. «вана» Чхадэ (преемника Тхэджо), который, как говорится в летописи, «стал невыносимым для народа».

Сохранились также рассказы о том, как «ван» (вождь), считающийся с интересами народа, вступал в конфликты с представителями родо-племенной знати. В записях, датированных 190 и 191 гг. н. э., мы читаем, что, когда пхэджа Обиру и пхэнджа Чвагарё, будучи близкими родственниками жены «вана» (ванху), «захватили всю власть в стране»

и, «полагаясь на их влияние, сыновья их настолько распустились, что стали отбирать у людей их детей, землю и дома, отчего люди страны негодовали», «ван» попытался наказать их за бесчестия. И тогда Чвагарё и другие составили заговор, «напали на столицу вана, но ван, подняв войска окрестных мест, подавил их». Хотя и не ясно, что означали «войска окрестных мест», нетрудно предположить, что против военных дружин аристократов выступило окрестное население или народное ополчение, что тогда вооруженный народ сохранял еще решающее значение. Обращает внимание также сообщение о том, что после этих событий «министром государства» стал некто Ыль Пхасо, якобы знатного происхождения, но живший тем, что сам обрабатывал землю. Ему приписывают организацию (в 194 г.) зерновой ссуды (чиндэ) из казенных складов для помощи нуждающимся в весенне-летнее время. Судя по сообщению «Сань-го чжи», что еще в III в. в Когурё не было казенных складов, организацию зерновой ссуды, может быть, следует отнести к более позднему времени.

Для суждений о процессе формирования государственной власти весьма важны сообщения, датируемые последним годом правления «вана» Понсана (300 г.), когда из-за голода «люди ели друг друга», а «ван», не считаясь ни с чем, сгонял на строительство дворца «всех мужчин и женщин страны старше 15 лет». В бегстве народ искал спасения от голода и непосильного труда. Когда «министр» обратил внимание «вана» на то, что неурядицами и тяжелым положением народа смогут воспользоваться внешние враги и вторгнуться в страну, «ван» рассердился и сделал примечательное заявление: «Государь поставлен высоко, чтобы народ смотрел на него снизу, и если не будет величественного и роскошного дворца, то как он сможет показать свое величие и важность», а затем спросил, неужели он («министр») хочет умереть ради народа. «Министр» Чханджори, почувствовав опасность, сговорился с остальными и сверг «вана». На престол возвели племянника свергнутого «вана» — Мичхона, долгое время скрывавшегося от преследований своего жестокого дяди и испытывавшего тяжелые лишения. Наряду со стремлением иллюстрировать конфуцианские идеи о торжестве справедливости рассказ этот, вероятно, содержал в своей основе и подлинные события периода борьбы за утверждение государственной власти в Когурё.

Трудно лишь определить тот наиболее ранний хронологический рубеж, которым можно датировать утверждение территориального принципа деления населения и говорить о конце родового строя и начале государственности. В этой связи весьма важным является один из комментариев к составленной в V в. «Хоухань шу», сообщавший, что «сейчас в Ко[гу]рё имеется пять округов, из которых один называется Центральным (Нэбу), или Хванбу, что соответствует (роду?) Керубу. Второй называется Северным (Пукину), или Задним (Хубу), что соответствует Чоллобу. Третий называется Восточным (Тонбу), или Левым (Чвабу), что соответствует Суннобу. Четвертый называется Южным (Намбу), или Передним (Чолбу), что соответствует Квапнобу. Пятый называется Западным (Собу), или Правым (Убу), что соответствует Сонобу». В источнике, к сожалению, нет точных указаний на то, с какого времени деление на пять родов (или племен?) переросло в систему пяти административных округов, знаменовавших рождение государства. Бесспорно, это произошло до V в., но остается вопрос: насколько раньше? К тому же утверждение государственности представляет собой не какой-то момент, а длительный процесс.

Как известно из «Сань-го чжи», к середине III в. в Когурё классовое

общество развивалось уже быстро; зародились элементы государственности в виде власти вана, опиравшейся на определенную иерархию знати. Среди свидетельств установления государственных начал вместо обычаев периода варварства, наверное, можно отметить сообщение о том, что в 248 г. после смерти вана Тончхона новый ван Чунчхон запретил человеческие жертвоприношения при похоронах вана. Несмотря на то что были желающие «последовать» за умершим, новый ван объявил такие действия «не соответствующими правилам (приличия)». Возможно, с этого времени и началось установление тех институтов политической и идеологической надстройки, которое продолжалось и в IV в., судя по датированным сообщениям корейских летописей.

Конфуцианские идеи, проникавшие на Корейский полуостров, очевидно, еще в период разложения первобытнообщинного строя среди корейских племен, в IV в. стали государственной идеологией Когурё, определявшей принципы организации господствующего класса в чиновно-бюрократическую иерархию. На основе конфуцианских канонов сложились государственно-правовые нормы, и уже в 373 г. были обнародованы «Юллён» («Законы и наставления»), или свод государственных законов, предусматривавших повиновение народа господствующему классу.

Почти одновременно в качестве общегосударственной религии в Когурё утвердился буддизм, заменивший родо-племенных богов и местные верования, которые уже не соответствовали интересам господствующего класса. Его более устраивало буддийское учение (с догмами о милосердии, спасении души и пр.). Верой в потусторонний мир оно позволило отвлечь народные массы от борьбы против жестокости и несправедливости в реальной жизни. По приглашению когурёского правителя в 372 г. из цзиньского Китая прибыл монах Сундо, привезший религиозную литературу и изображения Будды. При поддержке правящего класса буддизм быстро распространился в Когурё. После постройки в 375 г. монастырей Чхомун и Ибуллан (в столице) буддийские монастыри и храмы стали возникать повсеместно. Постепенно монахи превратились во влиятельную социальную силу, а монастыри — в серьезный фактор формирования крупного (феодалного по характеру) землевладения.

Внедрением идеологии конфуцианства и буддизма, вероятно, и завершилось формирование политической организации (государства) господствующего класса Когурё. Для управления огромной территорией, сложившейся с начала завоевательных войн когурёского союза племен, была создана централизованная государственная машина, обеспечивавшая возможность эксплуатации всего населения независимо от прежней родо-племенной принадлежности. Правда, костяк господствующего класса состоял из аристократии пяти первоначальных родо-племенных групп, и прежде всего трех наиболее привилегированных из них (соно, керу, челло).

Следы прежней родо-племенной организации сохранились в новой системе администрации в виде деления на пять центральных (столичных) и столько же периферийных округов. Пять столичных округов назывались Внутренними пределами (Нэпхён), а пять провинциальных — Внешними пределами (Вэпхён). Усложнение чиновной иерархии также произошло на базе званий (чинов) предшествующего периода. Чин «тэ-дэро» (иногда с усиливающей приставкой «тхэ» — «величайший») носил главный министр государства, назначаемый на три года, но зачастую захватывавший власть и на более длительный срок, пока его не вытеснял более сильный соперник. Чиновные ранги присваивались всем представителям центральной (столичной) администрации, а также начальни-

кам пяти провинциальных округов (они носили чин «ёксаль»), которым подчинялись начальники отдельных крепостей. Функция всей административной организации сводилась к господству над сельскими общинами, являвшимися самой низшей административной единицей.

Эксплуатация крестьян-общинников государством становилась основной формой эксплуатации непосредственных производителей господствующим классом. Вполне вероятно, что, утверждаясь в качестве верховного (номинального) собственника всей земли, государство требовало от крестьянского населения уплаты налогов и выполнения различных повинностей.

Государство Когурё сложилось в тот период, когда достигнутый уровень развития производительных сил, по-видимому, делал невыгодным применение рабского труда, а массовое сопротивление крестьянства, опиравшегося на общинную организацию, сделало невозможным порабощение его в масштабах, необходимых для развертывания рабовладельческого хозяйства. Поэтому основную массу эксплуатируемых составляли не рабы, а крестьяне-общинники. Эпизодическая дань последнего периода родового строя, вероятно, переросла в регулярный государственный поземельный налог-ренту, присваиваемый правящим классом в лице государства (распределявшего доход по чиновным рангам) или отдельных его представителей, получивших от государства особые пожалования, например кормовые округа (сигып).

При скудости данных можно лишь предполагать, что эксплуатация подневольных ноби (составлявших собственность своих хозяев и предмет купли-продажи) по форме (а не по степени) не отличалась от эксплуатации остальной массы производителей, так как ноби, за исключением домашних слуг, сажали на землю и они вели свое хозяйство, неся повинности в пользу хозяев. Эта категория населения образовалась из военнопленных, должников и семей преступников. Ноби принадлежали как отдельным представителям знати, так и государству, которое нередко использовало их (как можно судить по данным источников) для охраны могил членов ванской семьи. Так, к могиле вана Квангэтхо было приписано 300 семей.

Несмотря на отсутствие подробных экономических данных, в целом можно судить о том, что государство Когурё сложилось в условиях, когда сохранялись общинные отношения и зарождались элементы рабовладения и крепостничества, причем ведущее место занимала эксплуатация всей массы крестьян-общинников правящим классом на основе верховной государственной собственности на землю, в рамках которой, однако, формировалась и крупная частная феодальная собственность⁵. По социально-экономической природе это государство, очевидно, относилось к типу раннефеодальных. В процессе дальнейшего расширения своей территории Когурё пришло в прямое столкновение с однотипными соседними государствами, и происходившая между ними борьба за гегемонию на Корейском полуострове совпала по времени с формированием новых — феодальных — общественных отношений.

Утверждение государства Пэкче

Государство Пэкче возникло в результате разложения первобытно-общинных отношений у южных ханских племен. Вначале это была одна из чинханско-маханских общин («маленьких государств»), которая, опередив другие в своем развитии, превратилась в сильную территориальную державу.

В исторической науке нет единого мнения о времени возникновения государства Пэкче. Историки, придерживающиеся традиционной хронологии ранних корейских летописей, склонны считать, что оно появилось еще до нашей эры. Те же, кто признает достоверность сообщений «Сань-го чжи», относят его возникновение к более позднему времени.

Как известно, помимо «Сань-го чжи», в источниках нет подробных сведений, характеризующих социальные процессы в ханских племенах до середины III в. н. э. А эти сведения позволяют представить их как общество, находившееся накануне формирования государства. Они говорят о том, что возвышение Пэкче совпало с периодом активной борьбы маханских общин против династии Вэй. Так, «Сань-го чжи» сообщает, что нападение ханского вождя на дайфанскую крепость Цзилин повлекло якобы разгром и уничтожение Махана (246 г.). Из контекста же следует, что в действительности китайцы захватили часть (несколько десятков) общин, но это не привело к ликвидации политического союза племен махан. И лишь впоследствии гегемония в союзе чинханско-маханских племен перешла к Пэкче, которое утвердило иные государственные порядки, пришедшие на смену родовому строю.

При выяснении этого процесса определенную помощь могут оказать фольклорные материалы — легенды об основании Пэкче, составляющие органическую часть ранних разделов корейских летописей. Авторы их даже точно датировали сказочные сюжеты, относя основание Пэкче к 18 г. до н. э. В легендах говорится, что государство Пэкче основано определенным лицом. В «Самгук саги» имеются два варианта рассказа. По одному варианту основателем Пэкче был Онджо, сын Чумона — основателя Когурё. Согласно легенде у Чумона от второго брака в Чольбон Пуё (или Когурё) было два сына — Пирю и Онджо. Когда из Северного Пуё прибыл Юри, сын от первой жены Чумона, Пирю и Онджо решили покинуть страну, опасаясь неприятели законного наследника. Прибыв на юг, Онджо со своими людьми выбрал место на берегу р. Ханган и основал город Вире, а Пирю, которому не понравилось там, решил поселиться на морском берегу в Мичхухоле. Когда выяснилось, что эта местность из-за влаги непригодна для жизни, а город, основанный Онджо, процветает, Пирю умер от огорчения, и его люди переселились в Вире.

По другому варианту Пирю и Онджо были пасынками Чумона, с которыми тот обращался, как с родными. Когда из Пуё прибыл сын Чумона, Юри, Пирю и Онджо решили уйти на юг. Там Пирю поселился в Мичхухоле и стал основателем государства Пэкче.

При всей нереальности описанных событий и сомнительности дат, к которым они привязаны, нельзя отрицать, что в легендах могли сохраниться какие-то подлинные исторические воспоминания. Так, в них засвидетельствованы этническая общность и связи между северными и южными племенами. Пирю и Онджо, названные «основателями» государства Пэкче, могли быть вовсе не именами реальных людей, а персонификацией каких-то исторических понятий. Некоторые историки находят в имени Пирю созвучие с общиной (племенем) Пирю, присоединенной к Когурё, а Онджо считают персонификацией этнонима Окчо. Вся же легенда об Онджо и Пирю рассматривается как свидетельство миграции части северных племен (пуёской ветви) на юг и поселения их на территории ханских племен. Этническая общность «основателей» (или общины, положившей начало) государства Пэкче с Когурё подтверждается также фактом существования в обоих государствах одинакового алтаря, посвященного предку Тонмёну. По третьей легендарной версии (сохранившейся в японских исторических хрони-

ках) Тонмён даже считается основателем государства Пэкче. Но ни одна из легенд не дает основания датировать начало государственности в Пэкче 18-м годом до н. э.

Четвертая версия об основании государства Пэкче сохранилась в китайских династийных историях — «Чжоу шу» («История [династии] Чжоу») и др. Государство Пэкче по этой версии появилось лет на 200 позже, чем указывают корейские летописи, и было создано якобы неким Кутхэ, который был женат на дочери ляодунского тайшоу Гунсунь Ду. В этом рассказе Кутхэ явно перепутан с Вигутхэ (Ви Кутхэ) — «пуёским ваном», который действительно был женат на дочери китайского управителя в Ляодуне (о чем имеются известия и в «Сань-го чжи»). Несмотря на эту фактическую неточность, версия китайских династийных историй об основании государства Пэкче неким Кутхэ заслуживает внимания потому, что основывается на донесениях китайского посла, лично видевшего в Пэкче храм (алтарь) основателя государства Кутхэ, которому ежегодно четыре раза делались жертвоприношения. В «Чжоу шу», опирающейся на эти сведения, сообщается, что «Пэкче раньше было государством, зависимым от Кэмахана (Махана), и представляло отдельную ветвь (род) Пуё. Кутхэ положил начало государству на бывших [землях] Дайфана». Китайские авторы основание государства Пэкче отнесли к 6—7-му годам эры Чжэнши (245—246 гг. н. э.).

Опровергая это сообщение, корейские историки, придерживающиеся традиционной хронологии и допускающие возможность существования государства Пэкче еще в I в. до н. э., обычно ссылаются на сообщение «Самгук саги», где говорится о том, что в 13-м году «правления» Онджо (6 г. н. э.) «отправили посла в Махан, чтобы передать о перенесении столицы, а затем определили границы, которые на севере доходили до р. Пхэха, на юге — до р. Унчхон, на западе омывались Великим морем, а на востоке достигали Чуяна». Речь идет о перенесении столицы из г. Вире в г. Хансон, или Пэкче (что соответствует современному Кванджу близ Сеула), и о расширении территории Пэкче, охватывавшей пространство от р. Пхэха до р. Унчхон. Хотя в ранних сообщениях летописей эти события отнесены ко времени легендарного Онджо, из последующих известий выясняется, что в действительности они произошли значительно позднее.

Китайская версия отнесла основание государства Пэкче ко временам Кутхэ, т. е. к середине III в., когда шла интенсивная борьба чинханско-маханских племен против династии Вэй. Можно полагать, что Кутхэ был или основателем государства Пэкче, или таким вождем чинханских племен, который сыграл важную роль в их консолидации. В ранних сообщениях китайских династийных историй правитель Пэкче назван «ваном» Чинхана (со столицей в г. Вире), поэтому можно считать, что название Пэкче появилось позднее середины III в. и его возникновение было связано с перемещением столицы на юг, в город (общину) с этим названием.

Корейские летописцы тоже считают вторую половину III в. важной вехой в формировании государства Пэкче, поэтому ряд корейских историков не без основания отождествляют Кутхэ (из китайских источников) с ваном Кои, восьмым правителем Пэкче по традиционной генеалогии пэкческих царей, правившим с 234 по 286 г. Вполне возможно, что в старину чтение нероглифов, которые теперь произносятся как «Кутхэ» и «Кои», совпадало.

В корейских летописях Кои приписывается создание государственных институтов. В записи, помеченной 27-м годом правления этого вана

(260 г.), говорится: «В первом месяце учреждены должности (звания) нэсин чвапхён, которому поручались дела, касающиеся повелений вана; нэду чвапхён, который ведал кладовыми и сокровищами; нэбоп чвапхён, который ведал обрядами и церемониями; виса чвапхён, который ведал войсками, охранявшими вана; чоджон чвапхён, который ведал судами и наказаниями; пёнган чвапхён, который ведал внешними (провинциальными) военными делами». Шесть чвапхёнов, возглавлявших основные отрасли государственного управления, представляли чин 1-го класса, или ранга (пхум). За этим чином следовали еще 15 чиновных рангов: тальсоль (2-й класс), ынсоль (3-й класс), токсоль (4-й класс), хансоль (5-й класс) и т. д. В соответствии с чинами была предусмотрена форменная одежда (пурпурного, темно-красного и синего цвета) и головные уборы, украшенные серебряным цветком.

В записи, относящейся к следующему, 28-му году правления Кои (261 г.), сообщается, что «в первом месяце, в первый день, ван, облачившись в пурпурный халат с большими (широкими) рукавами, в синие шелковые штаны, надев шелковую шапку с золотыми цветами, подпоясавшись белым кожаным кушаком, в обуви из черной кожи, восседал в Южном зале и выслушивал [государственные] дела». В других записях называются имена лиц, назначенных чвапхёнами. В записи 29-го года (262 г.) упомянуто об издании закона, по которому должностные лица, виновные во взяточничестве и казнокрадстве, возмещают присвоенное в трехкратном размере и подвергаются пожизненному тюремному заключению.

Основываясь на этих записях, многие историки делают вывод, что около 27—28-го годов правления Кои (260—261 гг.) произошло формирование государства Пэкче. Во всяком случае, можно думать, что период правления вана Кои явился важным и даже переломным этапом в становлении государства Пэкче, хотя и нет в корейских источниках достаточного количества конкретных материалов, показывающих процесс смены институтов родового строя государственными порядками. Датировка в этом случае затруднена тем, что корейские летописцы последующего времени пытались представить более древними те государственные порядки, которые утвердились позднее, и приурочивали их к «правлениям» мифических царей-основателей.

Не менее интересен вопрос о времени перенесения столицы из Вире в Хансон. Оно ознаменовало значительное расширение территории пэкческого государства за счет земель маханских племен. Как уже отмечалось, корейские летописцы отнесли это событие к 13-му году «правления» легендарного вана — основателя Онджо (что соответствует 6 г. н. э.). О том, что это событие на деле произошло позднее отмеченной даты, можно узнать из тех же корейских летописей, которые и впоследствии не раз упоминали Вире как главный город государства Пэкче. Некоторые историки датируют перенесение столицы из Вире в Хансон началом IV в., ссылаясь на запись 327 г. (24-й год правления Пирю), где упоминается г. Пукхансон (Северный Хансон), бывший Вире — в отличие от Южного Хансона, являвшегося новой столицей. Однако в «Самгук саги» имеется и запись 371 г. (26-го года правления вана Кынчхого), содержащая прямое указание на то, что «столица перенесена в Хансан», т. е. в крепость на горе Хансан, или в Хансон. Правдивость этой записи может быть подтверждена еще и тем, что в это время завершалась экспансия Пэкче на юг от р. Ханган.

Постепенный захват маханских общин и оформление государственной территории Пэкче падают на время правления ванов Пирю (304—344), Ке (344—346) и Кынчхого (346—375). При последнем не

только завершилось присоединение маханских общин (ок. 369 г.), но и была захвачена вся территория бывшего китайского округа Дайфан (ок. 371 г.). После установления в это же время отношений с китайской династией Цзинь и Японией ван Кынчхого стал известен за пределами Кореи как объединитель всех маханских, чинханских и дайфанских земель. В китайской истории «Тхун дянъ» («Общий обзор») отмечается, что со времен государства Цзинь Пэкче «присоединило все земли, составлявшие древние владения Махана».

Из приведенных примеров, показывающих хронологический сдвиг в ранних корейских летописях фактов последующего периода ко времени мифических царей (I в. до н. э. — II в. н. э.), ясно, что сообщения ранних частей корейских летописей, говорящие о существовании государственных учреждений, об обширной территории государства Пэкче и его войнах, могут быть использованы для датировки возникновения государства лишь с учетом того, что в них отразились представления последующего времени. Можно считать, что период со второй половины III до последней четверти IV в. был временем не только территориального расширения Пэкче, но и оформления там государственности.

Этому предшествовало разложение первобытнообщинного строя у корейских племен южной части страны в результате перемен в их социально-экономическом строе, вызванных развитием производительных сил — применением железных орудий, внедрением поливного земледелия и культуры риса, совершенствованием ремесел и т. д. Прежде однородное население распалось на классы: росли имущественные различия между аристократией и массой рядовых общинников внутри отдельных племен, разница между слабыми (отставшими в развитии) и более сильными (или передовыми) родо-племенными группами, составлявшими ядро зарождающихся государств.

При становлении государства Пэкче такое ядро образовали пришлые элементы с севера, объединившие чинханские общины. Как уже известно, они входили в общий союз чинханско-маханских племен, возглавляемый старейшиной маханской общины Мокчи (Вольчи), который назывался «чинским ваном». С ослаблением этого союза в результате агрессии династии Вэй на первый план выступила чинханская община Пэкче, которая, вероятно, со второй половины III в. приступила к объединению чинханско-маханских общин, находившихся раньше под главенством Махана. С включением все большего числа иноплеменных элементов утверждался государственный принцип территориального деления подчиненного населения, хотя ядро господствующего класса Пэкче продолжала составлять аристократия нескольких привилегированных родов. Ванский род носил фамилию Пуё или Ё. Кроме того, существовали еще восемь аристократических родов: Хэ, Са, Ён, Хён, Чин, Коль (Кук), Пэк и Мок, — члены которых выдвигались на высшие должности.

Надо полагать, что в ходе завоевания и покорения иноплеменных общин ухудшалось положение рядовых общинников, несших тяготы этих войн, которые для аристократии означали увеличение земельных владений и числа сидящих там зависимых крестьян, а также ноби из военнопленных, использовавшихся в качестве или домашних рабов, или крепостных с наделом для ведения хозяйства. А в неблагоприятные голодные годы и свободные общинники, обремененные долгами, вынуждены были продавать себя и своих детей в рабство, становиться ноби у богатой аристократии. Летописи пестрят сообщениями о голоде и обнищании народа. В одной из записей «Самгук саги», отнесенных ко вре-

менам мифических царей, можно прочесть: «Из-за сильной засухи народ голодал до такой степени, что [люди] поедали друг друга, и так поднялись разбойники, что ван должен был умиротворять их». В записи 331 г. также говорится: «Год выдался голодный, люди ели друг друга». Часто голодающие составляли «банды разбойников» и выступали против аристократии. Иногда, чтобы избавиться от жестокого гнета в Пэкче, сотни людей убегали в соседние государства — Когурё и Силла. В 373 г. из крепости Токсан во главе с ее начальником (сонджу) убежали в Силла 300 семей.

В обстановке острых противоречий между формирующимися классами власть вана служила целям жестокого подавления народных масс. О вane Кынчого, правившем в завершающий период становления государства Пэкче, в «Самгук саги» сообщается: «Характером был свирепый и жестокий, без [всякого] милосердия, в делах был мелочен и придирчив и, полагаясь на влияние (силу), чинил произвол, поэтому люди страны ненавидели его».

Территориальное расширение Пэкче и утверждение нового общественного строя повлекли создание и соответствующей политической и идеологической надстройки. Формируется военно-бюрократический административный аппарат для управления новой территорией и эксплуатации сидящего на ней населения. Всю иерархию правящего класса возглавлял наследственный монарх (ван). 22 центральных бу (государственных управления) подразделялись на нэбу (дворцовые) и вэбу (правительственные), состоявшие из основных ведомств: военного, строительного, юридического, финансового, подворного, образования и др. В административном отношении государство Пэкче делилось на пять пан (сторон-провинций), а столица — на пять бу (округов). Столичные округа (Верхний, Передний, Центральный, Нижний и Задний) в свою очередь делились на пять хан (улиц или кварталов). В каждом бу размещалось по 500 солдат. Пан, во главе которых стояли начальники с чином 2-го класса, подразделялись на 10 кун (уездов); каждым из них управляли три военачальника, распоряжавшиеся войсками численностью от 1200 до 700 человек. Крупными городами (их насчитывалось 22) управляли в качестве наместников сыновья вана или другие члены царствующего рода. Самой низшей административной единицей являлись сельские общины или деревни. Цель создания всей военно-чиновной иерархии состояла в том, чтобы принуждать минхо (крестьян-общинников) платить налоги и нести повинности.

Политическая организация господствующего класса подкреплялась новой идеологией, заимствованной из Китая. Хотя нет сведений о времени проникновения конфуцианства в Пэкче, но в IV в. оно уже получило достаточное распространение в среде местной аристократии, судя по тому, что в 374 г. была составлена в конфуцианском духе первая история страны, призванная служить укреплению государства, а некий Ваньбин с книгами «Цяньцзывэнь» («Тысячеслов») и «Луньюй» («Рассуждения») Конфуция направился из Пэкче в Японию, чтобы преподавать там китайский язык и конфуцианское учение. В целях смягчения социальных противоречий господствующий класс в качестве государственной религии принял буддизм. Для проповеди буддийского учения в 384 г. из Восточного Цзинь (в Китае) был приглашен индийский монах Марананда. Его с большим почетом встретил ван Симню и поселил в своем дворце. Уже в следующем году на горе Хансан (теперь Намхансан) был построен первый буддийский монастырь, где священнослужителями стали 10 аристократов. Имеются также сведения о начале распространения в Пэкче даосизма. Внедрение идеологии классово-

вого общества, очевидно, завершало процесс формирования государства Пэкче.

При определении социальной природы этого государства следует исходить из того, что господствующий класс в нем составляли аристократия Пэкче и родо-племенная знать присоединенных земель, а основная функция его состояла в осуществлении непосредственной эксплуатации основной массы крестьян-общинников. Эксплуатация зависимого крестьянства, сохранявшего еще общинную организацию, осуществлялась государством путем взимания поземельного налога зерном и подворных сборов, состоявших из поставок населением шелка, пеньки, тканей и других изделий домашней промышленности и промыслов.

Главной государственной повинностью всего крестьянского населения (мужчин старше 15 лет) являлась военно-трудовая, состоявшая из отработок на строительстве дворцов, крепостей или в непосредственном несении военной службы. Определенную роль, конечно, играла и эксплуатация государственных и частновладельческих ноби. В том случае, когда они наделялись землей и вели свое хозяйство, эксплуатация их носила феодальный характер и их можно считать феодально-зависимыми. Вероятно, с ростом крупного землевладения знати эта форма эксплуатации приобретала большее значение. Хотя и нет на этот счет конкретных данных, нельзя отрицать возможности развития крупного землевладения в рамках верховной государственной собственности на землю. Во всяком случае, намек на формирование влиятельных сил на местах можно усмотреть в сообщении летописцев о мятеже в 327 г. одного из министров, Убока, опиравшегося на крепость Пукхансон. Так же как и Когурё, государство Пэкче можно рассматривать как государство периода зарождения феодальных отношений, т. е. как раннефеодальное.

Войны, которые вело это государство, имели целью расширение земельных владений и увеличение сидящего на этой территории населения, т. е. численности зависимого крестьянства, являвшегося объектом государственной эксплуатации посредством налогов и повинностей. Заняв земли Дайфана, Пэкче в своем дальнейшем продвижении на север столкнулось с государством Когурё, разгромившим Лолан (около 313 г.) и в свою очередь расширявшим владения в южном направлении. Первое столкновение произошло в 369 г. в районе Чхияна, где было разгромлено 20-тысячное войско Когурё. Пэкческие войска вернулись с 5 тыс. пленными и праздновали победу торжественным парадом на южном берегу р. Ханган.

В 371 г., отразив ответное нашествие когурёсцев, 30-тысячная пэкческая армия осадила когурёскую столицу Пхеньян, являвшуюся форпостом экспансии на юг. Во время осады был убит когурёский ван Когугвон, но крепость взять не удалось. В 377 г. пэкческие войска вновь попытались захватить Пхеньян, и опять неудачно. Тем не менее они смогли на время приостановить активное продвижение Когурё на юг. Спустя несколько лет столкновения возобновились. Летом 392 г. в результате выступления когурёского вана Тамдока (Квангэтхо) Пэкче потеряло 10 пограничных крепостей; последующие военные действия были для него также безуспешными. В 395 г. пэкческие войска потеряли более 8 тыс. пленными.

Чтобы укрепить свои позиции, Пэкче проявляло большую дипломатическую активность, устанавливая торговые и политические отношения с государствами Китая и Японии.

Утверждение государства Силла

Государство Силла появилось в результате разложения первобытнообщинного строя у южных, пёнджинских общин, где дольше сохранялись родо-племенные отношения. В ряде источников Силла отнесено к чинханским племенам, но такое утверждение, по-видимому, нуждается в поправке, так как чинханские общины располагались значительно севернее. Пёнджинские племена, населявшие бассейн р. Нактонган, отделенный горами от западной и северной частей страны, позже других вступили в контакт с соседними народами и в меньшей степени испытывали давление китайских завоевателей. Может быть, поэтому они сохранили ббльшую самобытность к тому времени, когда столкнулись с развивающимися соседними государствами — Когурё, Пэкче — и с пришельцами с Японских островов.

Несомненно, и здесь к началу нашей эры развитие производительных сил исподволь подрывало устои первобытнообщинного строя. Начало применения железных орудий и рост производительности сельского хозяйства (для развития которого существовали благоприятные естественные условия), выделение ремесел (в частности, обработки металлов), развитие обмена способствовали имущественному расслоению населения, распаду родовых отношений и возникновению классовых различий внутри племен, прежде всего между родовой аристократией и рядовыми общинниками. Одновременно более сильные племена превращали своих соседей в объект завоеваний и эксплуатации, создавая для этой цели аппарат политического господства. Зачатком такой организации являлись союзы племен, которые служили не только для обороны, но и для нападений и подчинения своему господству соседних общин. Среди пёнджинских племен центрами зарождающихся политических союзов в первые века нашей эры являлись саро (силла), кая (кара, карак) и др. Община саро стала ядром государства, которое сначала утвердилось в юго-восточной части Корейского полуострова, а затем объединило и всю страну.

Сведения иностранцев о появлении этого государства крайне отрывочны, а корейские летописи содержат лишь мифы и легенды, созданные в свое время для возвеличения его и изображения самым древним из трех государств. По традиционной хронологии корейских летописей государство Силла возникло в 57 г. до н. э. (в начальном году эры Уфын ханьского императора Сяосюаньди). О том, что эта дата являлась искусственной реконструкцией последующей эпохи, свидетельствует не только сказочный характер датируемых материалов, но и тот факт, что вообще летописание началось в Силла не раньше середины VI в. Искажения в ранних частях летописей, конечно, крайне затрудняют решение вопроса о времени возникновения государства Силла. В «Сань-го чжи» оно упоминается среди «20 с лишним государств» Пёнджина под названием Саро (в других китайских источниках — Силло, Сара), тогда как корейские летописи называют его Сонаболь, Сояболь, Сораболь. Легенда об основании (в 57 г. до н. э.) этого «государства» неким Пак Хёккосе, избранным в качестве косогана (вана), записана в «Самгук саги»: «Государство называлось Сонаболь. Первоначально пришлые из Чосона расселились посреди гор и ущелий, образуя шесть деревень... Они являлись шестью общинами (бу) Чинхана. Однажды старейшина деревни Кохо Собольгон, глядя на склон горы Янсап, на середину бора, что возле Наджона, увидел лошадь, которая стояла на коленях и рыдала. Тотчас же он направился туда, чтобы рассмотреть ее, но лошадь внезапно исчезла, и осталось только боль-

шое яйцо, разбив которое он обнаружил маленького ребенка. Он взял с собой ребенка и вырастил его. Когда минуло ему десять лет, он очень рано созрел в мудрости, поэтому люди шести общин, почитавшие его из-за удивительного происхождения, с этого времени сделали его князем. Чинханцы тыкву называли „лак“, а так как большое яйцо, которое было вначале, напоминало тыкву, то и дали ему фамилию Пак. Косоганом чинханцы называли вана (или некоторые считают, что это было звание знатного человека)».

Несмотря на фантастический характер этого рассказа, в нем помимо названий (несомненно, позднейших) силласких общин можно обнаружить воспоминание о тех временах, когда эти общины избирали своего вождя. В вымышленном имени Хёккосе и его титуле зафиксированы паричательные имена (титулы) вождей силласких общин в давние времена. Не только «основатель», но и более полутора десятков последующих ванов представляли вымышленных лиц, а их титулы «чхачхаун», «исагым» и пр., как и «косоган», очевидно, существовали ранее как звания вождей родо-племенных коллективов. Титул «чхачхаун» или «чачхун» («жрец») напоминает о временах, когда в одном лице совмещались вождь и жрец. Поскольку годам «правления» вымышленных царей летописцы приписали реальные события и дела более позднего времени (для придания им архаичности или исконности), очень трудно выявить тот рубеж, когда на смену союзу родо-племенных групп пришло государство Силла, в котором деление населения по кровному родству сменилось территориальным, а на смену первобытной демократии пришла какая-то форма монархии.

Именно эта путаница в традиционной хронологии в немалой степени обусловила различия во взглядах современных историков на время возникновения государственности в Силла. Так, например, к годам «правления» мифического «вана» Юри (третьего по традиционной хронологии) приписаны такие важные, характерные для процесса формирования государства факты, как преобразование шести силласких (кровнородственных) общин в территориальные единицы (столичные округа) и введение 17 чиновных рангов. По сообщению «Самгук саги», в 9-м году «правления» «вана» Юри (т. е. в 32 г. н. э.) «были изменены наименования шести общин (переименованы в округа? — *Авт.*) и им присвоены фамилии: община Янсан [бу] переименована в Янбу с фамилией Ли, община Кохо [бу] — в Сарянбу с фамилией Чхоэ, община Тэсу [бу] — в Чомнянбу (некоторые называют Морянбу) с фамилией Сон, община Уджин [бу] — в Понпхибу с фамилией Чон, община Кари [бу] — в Хангибу с фамилией Пэ и община Мёнхвальбу (или Коя) — в Сыппибу с фамилией Соль...». Одновременно учредили 17 чиновных степеней (ибольчхан, ичхокчхан, чапчхан, пхаджинчхан и т. д.). Если бы факты в этом сообщении соответствовали отмеченной дате, то нетрудно было бы установить и точное время возникновения государства Силла.

Однако приведенное сообщение, подобно другим рассказам об актах милосердия (например, амнистиях) мифических царей, об областях и уездах, о некоторых завоеваниях соседних земель, отражает события более позднего времени, смещенные летописцами для восполнения недостающих фактов при реконструкции истории легендарного прошлого. А действительный уровень социально-экономического развития даже по описаниям III века н. э. не дает еще основания говорить о сложившемся государстве, поскольку в целом сохранялась родо-племенная организация у всего населения южной части Корейского полуострова. Вот почему некоторые историки предлагают сообщение 9-го года «прав-

ления» третьего «вана» Юри считать относящимся к 9-му году «правления» четырнадцатого «вана» с тем же именем Юри (иногда его называют Юре во избежание путаницы), т. е. к 292 г. н. э. Но другие историки и такую передвижку считают недостаточной, полагая более вероятным учреждение территориальных округов при 20-м правителе — марипкане Чаби, ибо в записи 12-го года его правления (469 г.) говорится о том, что «установлено наименование столичных районов (кварталов и улиц)». Позднее происхождение приведенного сообщения об установлении фамилий шести общин объясняет и несовпадение названных фамилий с фамилиями (наименованиями) родов (с которыми были связаны все легендарные «ваны» вплоть до семнадцатого), игравших ведущую роль в союзе племен общины Кымнямбу (фамилия Пак), Понпхибу (фамилия Сок) и Сарямбу (фамилия Ким).

Время возникновения государства может быть выяснено лишь путем изучения социально-экономических и политических процессов, сделавших неизбежным его появление, т. е. процессов зарождения классов и развития классовой борьбы. Именно изучение этих процессов затрудняется отмеченными недостатками ранних летописей (хронологическое смещение фактов, искаженное представление о социальных процессах и пр.). И тем не менее из летописей Силла можно узнать о том, как силлаские общины, образовав политический союз, заняли ряд территорий соседних общин, расположенных по левобережью р. Нактонган (в среднем течении), а затем вступили в борьбу за расширение своих владений в северном, южном и западном направлениях.

Надо полагать, что включение иноплеменных элементов в ходе завоеваний в состав Силла усиливало разложение родовых отношений и выдвигало задачу территориального деления населения. Господствующий класс стал формироваться не только из аристократии племен-завоевателей, образовавших союз во главе с Саро, но также и из родоплеменной знати покоренных общин. В летописях сообщается, что уже в 236 г. (если можно довериться точности этой даты) правитель (вождь) общины Кольболь покорился власти Силла и получил земельное имение (чонджан) на территории силласких общин. Хотя и нет уверенности в абсолютной точности дат, в записях с III в. все чаще говорится о социальной дифференциации и конфликтах. Попадают весьма красноречивые записи о том, что «год (253) выдался голодный, было множество воров и разбойников, «год (259) был неурожайный, было множество воров». Разорение народа, видимо, вызывалось не только стихийными бедствиями, но и социальными причинами, судя по записям (например, 293 г.) о появлении «богачей» (хomin).

Процесс социальной дифференциации, вероятно, усиливался по мере развертывания захватнических войн и расширения территории союза племен, а позднее — зарождающегося государства Силла. В конце III в. этот процесс не получил еще большого развития, судя по тому, что рядом с Силла пока оставались самостоятельные общины, например община Исого, которая в 297 г. совершила нападение на столицу Силла — Кымсон.

Значительное расширение территории и укрепление политической организации Силла начались со второй половины IV в., когда также установились непосредственные отношения с Пэкче и другими государствами. Появление сильных государств на территории Корейского полуострова (Когурё и Пэкче) не могло не повлиять на быстрое укрепление политической организации в Силла.

Примечательно и появление у силласких правителей титула марипкана, носившего определенную классовую окраску и тем отличав-

шегося от прежних званий старейшин и вождей. Этимологически слово «марипкан» восходило к словам «мари» (голова) или «мару» (башня, возвышенное место, крыльцо), придававшим титулу возвеличительное значение. Появление этого титула «Самгук саги» относит к правлению девятнадцатого (по традиционной хронологии) правителя Силла — Нульджи (417—458), а «Самгук юса» — ко времени семнадцатого правителя Намуля (356—402). Правильным считается сообщение «Самгук юса», подтверждаемое другими источниками. Китайские династические истории указывают на то, что впервые в 18-м году эры Цзянь-ань императора Фу Цзянь династии Цзинь (т. е. в 382 г.) «силлаский ван Рухан (Лоухан) прислал (посла) Виду, который преподнес (китайскому императору) красивую девушку». По времени это сообщение совпадает с 27-м годом правления Намуля и подтверждает существование тогда титула марипкана, так как названный китайцами «Рухан» представлял не личное имя, а титул силлаского правителя (испорченное слово «марипкан»). Некоторые историки считают марипкана Намуля даже подлинным основателем государства Силла, а не только родоначальником династии Ким, как сообщают летописцы. В годы правления Намуля пэкчешский ван Кынчхого захватил все маханские общины, и Пэкче стало непосредственным соседом общин, находившихся под силласким влиянием. Серьезные заботы Силла вызвало также усиление каяских «государств», действовавших к тому же в союзе с воинственными вождями японских племен.

Каяскими «государствами» назывались общины пёнджинских племен в бассейне нижнего течения р. Нактонган (преимущественно по западному берегу). Многие из них упоминаются при описании корейского населения в «Сань-го чжи», как, например, Пульса (в районе современного Чханнёна), Куя (в районе современного Кимхэ), Анъя (в районе современного Хамана), Миояма (в районе современного Корёна) и др. Вокруг сильных общин (или племен) в III—IV вв. образовались политические союзы — Верхняя и Нижняя Кая, или «Шесть Кая» (Юккая) и «Пять Кая» (Окая). Верхней Кая, или Большой Кая — Тэкая (Имна, или Мимана, по японским источникам) назывался политический союз во главе с общиной Миояма. Нижняя, или Южная, Кая (собственно Кая) называлась «государством Кымгван» или Кара, Каран, Карак (иногда Тэжарак, или Великий Карак). Но все это — варианты одного и того же названия, восходящего к слову «каннара», или «ка'нара», означавшему «крайнюю» или «прибрежную» страну. С началом политического объединения общин появились и мифы об «основателях государств». Так, основателем Кымгван Кая мифы называли Ким Суро, который якобы правил с 42 г. н. э. и прожил 158 лет. Возможно, что под этим именем был изображен один из позднейших реально существовавших вождей (чинджи) пёнджинских или каяских общин. Мифическая версия о давнем происхождении каяского «государства» не выдерживает критики, так как за почти пятисотлетний период названо всего лишь десять имен «правителей». Вместе с тем мифы говорят о временах, когда каяские общины избирали своих вождей.

Каяские общины издавна поддерживали торговые связи с японскими племенами (часто выступая посредниками в их торговле с китайцами): продавали им железо, золото и серебро, ткани, зерно, жемчуг. Возможно, что временами возникали какие-то торговые поселения японцев на каяской земле (например, Имна), которые в IV в. они пытались превратить в оплот своего военного разбоя, поскольку каяские общины нуждались в военной поддержке для борьбы против поднимаю-

щихся соседних государств, особенно Силла. Но, с другой стороны, укрепление союза каяских племен и объединение их усилий с действиями вождей японских племен (или варварских государств) для нападений на Силла сделали естественным его стремление к еще большему упрочению внутривластительской организации и к поискам союзников вовне. В такой ситуации Силла неоднократно (в 377 и 392 гг.) снаряжало послов к китайскому императору династии Цзинь и устанавливало отношения с государством Когурё (первый когурёский посол прибыл в Силла в 392 г.).

Из текста стелы на могиле когурёского вана Квангэтхо известно, что в 399 г., когда каяские войска и японцы стали нападать на силлаские города (крепости) и разрушать их, Силла направило в Когурё посла с просьбой о военной помощи. В следующем году 50-тысячное когурёское войско изгнало японцев из занятых городов, а затем, преследуя их, дошло до имнаской Кая и добилось ее капитуляции. Одновременно сообщается о захвате силласких земель каяской общиной Алла. Спустя некоторое время японские отряды попытались помочь Пэкче в борьбе против Когурё, но были разбиты войсками вана Квангэтхо в 404 и 407 гг. Эти поражения серьезно ослабили активность японцев в каяских общинах и силу сопротивления последних силласкому продвижению. В первой половине V в. все земли по восточному берегу Нактонгана стали владением Силла, но продвижение на западный берег все еще наталкивалось на сопротивление каяских общин и японцев. Этот период борьбы Силла с японскими вторжениями запечатлен в легендах о мужественных борцах против японских захватчиков Пак Чесане и др.

Появившийся во второй половине IV в. титул «марипкан», видимо, служит показателем важного перелома в социально-политическом развитии силлаского общества. Возможно, что с этого времени вождь политического союза племен превращался в главу новой государственной организации. Может быть, тогда и началось создание приписываемых мифическим царям государственных институтов и чиновных степеней; возможно, смутным отголоском этого является сообщение «Самгук саги», что в 357 г. «лица, отличавшиеся сыновней почтительностью и благонравием, [были] повышены в чине на одну степень». Кстати, с этого же времени летописи становятся более достоверными и по ним уже можно судить о том, что в течение V в. (а затем и в первой половине VI в.) обострение классовых противоречий и необходимость военной борьбы с соседями заставляли господствующий класс создавать новые органы власти и совершенствовать систему управления. Убийство правителя Сильсона и воцарение в 417 г. марипкана Нульджи, изображенное в летописи как акт самообороны, в действительности, вероятно, имели связь с острой борьбой за власть в правящем классе, происходившей одновременно с общим ухудшением положения народа. Об этом говорят, например, сообщения, что в 420 г. народ голодал и многие продавали своих детей, что весной 432 г., когда вздоржало зерно, люди ели сосновую кору, и т. д.

Характерно, что обнищание народа происходило на фоне подъема производительных сил, когда развернулось строительство больших ирригационных сооружений (в 429 г. была построена плотина Сидже длиной 2170 по), расширилось применение упряжки крупного рогатого скота для перевозки грузов в телегах (с 438 г.) и для пахоты (с 502 г.). Эти нововведения благоприятствовали развитию земледелия. Об уровне ремесла можно судить по высокохудожественным изделиям из «Кургана золотой короны» (около г. Кёнджу), где археологами раско-

паны многочисленные золотые украшения, составлявшие парадное убранство похороненной царской четы. Факт учреждения (в 490 г.) особого управления столичным рынком свидетельствует о возросшей роли торговли. Для осуществления перевозок по стране (с 487 г.) была создана особая служба казенных дорог, состоявшая из разветвленной сети почтовых станций (ёк). Экономические перемены в развивающемся классовом обществе сопровождались и развитием политических институтов.

Многие историки считают, что к концу V в. уже давно завершилось складывание государства Силла (территориальное деление населения и создание публичной власти). Однако факты свидетельствуют, что еще и в первой половине VI в. создавались там государственные институты. В прямой связи с утверждением государственных начал находилось запрещение с 502 г. варварского обряда человеческих жертвоприношений после смерти правителя, когда «убивали по пять мужчин и женщин для захоронения [вместе с ним]». Именно в это время в Силла воспринимаются китайские феодальные образцы для построения государственного аппарата. В 503 г. марипкан Чиджын (500—514) принял титул вана и ввел устойчивое название государства — «Силла». Символическое толкование иероглифов этого названия подчеркивало, что новое государство представляет соединение («ра» или «ла» — «сеть», «ткань») различных земель, вошедших в его состав.

В это время сложилась и структура централизованного административного управления страной. В 505 г., как сообщается в «Самгук саги», «ван лично определил области (чу), округа (кун) и уезды (хён) и с учреждением области Сильджик назначил Исабу правителем этой области — кунджу. Так впервые возникло название кунджу». Следовательно, термины «кунджу», «чу», «кун», «хён», неоднократно упоминаемые в более ранних рассказах, не могут служить в качестве неоспоримых свидетельств существования в те времена государства.

При вана Чиджыне наряду с областями, округами и уездами была установлена и согён (малая столица). Это административное устройство осталось и в дальнейшем, хотя менялись общее число, наименования и расположение областей, округов, уездов и малых столиц. При преемнике Чиджына — вана Попхыне (514—540) — формирование государственных институтов продолжалось. В 517 г. учредили центральное военное ведомство (Пёнбу), в 520 г. выработали законы об уголовных наказаниях и порядке административного управления, а также о ношении всеми чиновниками форменной одежды различного цвета. В 531 г. ввели должность первого министра — сандэдына.

С установлением государственных начал внедрялась и новая идеология. Буддизм, проникший из Когурё (с 528 г.), получил официальное признание: в 544 г. был построен монастырь Хынюн, а подданным государства разрешено уходить в монахи. С 545 г. началось составление истории силлаского государства, которая путем утверждения принципов конфуцианства должна была способствовать укреплению государственности.

Создание нового государственного аппарата Силла совпало со временем напряженной борьбы против соседних государств и племен. В 512 г. морская экспедиция силласцев, ловко использовав для устрашения деревянные изображения львов, покорила жителей о-ва Уллындо, называвшегося «государством» Усан. Велась длительная дипломатическая и военная борьба за присоединение каяских общин, находившихся накануне возникновения собственного государства. Японские

источники рассказывают, что силласких принцесс часто выдавали замуж за каяских вождей, и с этими принцессами прибывала многочисленная свита, вмешивавшаяся в дела Кая. Однако правители Силла с трудом преодолевали сопротивление каяских общин в районе Тэгу и других частях бассейна р. Нактонган. Несомненно, крупной победой Силла было присоединение государства Кымгван, или Основной Кая (Понкая), в 532 г. Летописи передают, что в этом году «прибыл и отдался под власть [Силла] глава кымгванского государства Ким Гухэ с супругой и тремя сыновьями: старшего из них звали Ноджон, среднего — Мудок и младшего — Мурёк, а также со всеми сокровищами казны. Ван принял их согласно обычаям и пожаловал им высшие чины, а их исконную землю превратил в кормовое владение — сигып». Конечно, капитуляцию Кымгван Кая можно объяснить только его тяжёлым положением: каяские общины, оказавшись под давлением государств Пэкче и Силла, вынуждены были считаться с возрастающей мощью последнего.

Если раньше в борьбе со своими противниками Силла прибегало к помощи Когурё, то в 50-е годы VI в., серьезно усилившись, оно вместе с Пэкче повело борьбу против дальнейшей экспансии Когурё на юг. Эта борьба на время отвлекла его от каяских общин. Воспользовавшись усталостью когурёских и пэкческих войск в борьбе за крепости Тосальсон и Кымхёнсон, Силла в 550 г. захватило эти крепости, а затем вместе с Пэкче вытеснило когурёские силы из бассейна р. Ханган. Заняв территорию по нижнему течению р. Ханган, Силла вовсе немышляло о возвращении Пэкче его исконных владений, а стремилось к укреплению своих позиций на западном побережье, открывавшем путь для прямого сношения с китайскими государствами. Одновременно на северо-востоке оно расширило свои владения вплоть до современного Анбёна. После этого ван Чинхын направил свои силы против каяских общин. В 562 г. он разгромил и присоединил Тэкая (или Имна Кая). Затем эту участь разделили Алла и другие каяские общины — всего около десяти. Японцы после этого утратили всякую опору среди корейских племен, и на всем Корейском полуострове не осталось более самостоятельных политических сил, кроме трех государств — Когурё, Пэкче и Силла.

Овладев бассейном двух важнейших рек — Нактонган и Ханган, Силла во второй половине VI в. превратилось в могущественное государство. На его границах высились громадные каменные межевые столбы, высеченные при посещениях пограничных мест ваном Чинхыном. Сохранились четыре из них, найденные в разных концах страны: в Чханнёне (Южная Кёнсан; поставлен в 561 г.), на горе Пукхансан (Кёнги; поставлен между 561 и 568 гг.), на Хванчхорёне и Мауллёне (Южная Хамгён; поставлены в 568 г.).

Для управления этой территорией существовала разветвленная администрация. Государственно-бюрократическая иерархия возглавлялась ваном, возвеличению которого были посвящены заимствованные из Китая обычаи ношения подданными траура по умершему монарху, символические наименования (девизы) годов правления ванов, посмертные титулы и пр. Важнейшие государственные дела ван должен был обсуждать на совещании высшей аристократии — Хвабэк, все решения которого принимались единогласно. От имени вана главный министр (сандэдын) руководил всеми правительственными ведомствами: общих дел (Пхумджу), военным (Пёнбу), по делам чиновников (Вихвабу), налогов и финансов (Чобу), транспорта и сообщений (Сынбу), церемоний (Йебу), внешних сношений (Ёнгэкпу), управления рынком

(Тонсиджон) и др. Центральному правительству подчинялась вся местная администрация.

Армия состояла из столичных и провинциальных войск; основной единицей первых были отряды (тэдан), а вторых — крепостные гарнизоны. Во главе армии стоял главнокомандующий (тэгван тэгам), подчинявшийся непосредственно вану. Армию набирали на основе обязательной (трехлетней) воинской повинности всего мужского крестьянского населения. Большой удельный вес свободного крестьянства, сохранявшего общинную организацию, незначительность слоя ноби, находившихся у аристократии, обеспечивали большую прочность государственной централизации в Силла по сравнению с Пэкче или Когурё.

С созданием государственного аппарата правящий класс был озабочен организацией отбора людей на службу. Первое время при дворе устраивались большие приемы, на которых ван присматривался к молодым аристократам, чтобы самых способных взять на службу. Со второй половины VI в. большую роль стал играть институт хваранов (цветущей молодежи). Хвараны (молодые люди из аристократических семей), организованные в отряды, на протяжении многих лет проходили особую выучку, получали духовную и физическую закалку. Кодекс их морали — «Сесок оге» («Пять предостережений к поведению в свете») — включал конфуцианские идеи преданности государю, почтительности к родителям и верности друзьям, даоский завет о магическом спасении при безграничной храбрости и буддийское учение о милосердии. Наряду с этим большое внимание уделялось военной и физической тренировке, выработке хороших манер, обучению песням и танцам. Институт хваранов служил для подготовки своеобразной элиты правящего класса, призванной обеспечить государственное управление. Заметная роль хваранов проявилась уже в VI в. При завоевании Тэкая (562 г.) наибольшие заслуги были признаны за пятнадцатилетним хвараном Садахамом. Летописи отмечают, что, получив в награду 300 пленных, он не поработил их, а отпустил на свободу. Роль хваранов еще более возросла в VII в., когда из их рядов вышли многие выдающиеся полководцы и политические деятели.

Многие историки считали Силла (равно как Когурё и Пэкче) рабовладельческим государством, но оказалось весьма трудным выявить роль рабов в общественном производстве. В то же время, по сообщениям источников, видно, что основным эксплуатируемым классом в силласском государстве являлись зависимые от него крестьяне, сохранявшие, по всей вероятности, общинную организацию. Уже при самом зарождении классового общества племена завоевателей эксплуатировали население завоеванных общин в качестве зависимых данников.

Процесс территориального расширения Силла фактически означал утверждение государственной собственности на землю, создавшей предпосылку для присвоения правящим классом труда крестьян зависимых общин. В целом все крестьянство было объектом эксплуатации правящего класса, организованного в государство. В «Самгук саги» помещен указ 144 г. (дата сомнительна, мог быть издан значительно позднее), содержащий примечательные слова: «Земледельцы (крестьяне) составляют основу государственности, а питание народ приравнивает к Небу (т. е. считает его столь же важным для благополучия государства, как и повеление бога.— Авт.), и поэтому в областях и округах для расширения обрабатываемых полей должны быть построены плотины и дамбы».

Государство принуждало крестьян заниматься земледелием, фак-

тически прикрепляя их к земле. В 489 г., как сообщается в «Самгук саги», власти вернули к земледельческим занятиям «народ, который гулял и тунеядствовал». Таким образом, государство приобрело неограниченную власть над народом, регламентируя все стороны его жизни. Бесправное положение масс закреплялось сословной структурой общества.

Костяк правящего класса, состоявший из аристократии шести основных общин (затем столичных округов) Силла, делился на пять разрядов (сословий). Первый, высший составляли представители царского рода, или «священная кость» («сонголь»), куда входили прямые потомки глав трех родов — Пак, Сок и Ким. Во второй разряд включались потомки сонголь по боковой линии и старейшины остальных трех общин, которые вместе назывались «истинной костью» («чинголь»). Только они могли получать 5 высших чиновных рангов (из 17). Третий разряд назывался «юктупхум» («шестиглавая степень»), четвертый — «одупхум» («пятиглавая степень») и пятый — «садупхум» («четыреглавая степень»). Вожди завоеванных или покорившихся общин назывались «чинчхонджу» или «чхачхонджу» и приравнивались к четвертому и пятому разрядам. Разряды знатности строго соблюдались при присвоении чинов, заключении браков и пр. Ими регламентировался выбор жилья, колясок, одежды и пищи.

Крестьяне стояли вне разрядов и назывались «пхёнмин» («просто-народье»); они подлежали строгому надзору и контролю государственного аппарата, устанавливавшего всевозможные запреты (жить в больших домах, одеваться в шелка, носить кожаную обувь и т. д.), обязаны были нести повинности в пользу государства и правящего класса.

Основными формами государственной эксплуатации крестьян являлись земельный и подворный налоги (составлявшие продуктовую ренту), а также трудовая повинность. О существовании земельного и подворного налогов можно узнать из сообщений летописей об эпизодическом освобождении от их уплаты. Так, в 555 г. после путешествия вана Чинхына в Пукхансан был издан указ о том, что «в областях и округах, через которые он [ван] проехал, население освобождается на один год от уплаты поземельного и подворного налогов». Эти налоги взимались зерном, лучшими колосьями риса, тканями, а также разнообразными местными изделиями и разными редкостями — например, длиннохвостыми белыми фазанами. Широкое распространение получили отработки крестьян на строительстве крепостей, дворцов, оросительных сооружений и пр. Так, например, в 504 г. одновременно были согнаны крестьяне для постройки 12 городов (крепостей): Пхари, Мисиль, Чиндок, Корхва и др.

Государственная эксплуатация крестьян являлась не единственной, но преобладающей формой эксплуатации. В источниках имеются сообщения о возникновении некоторых форм частного землевладения. Уже упоминалось, что после перехода на сторону Силла правителя Кымгван Кая эта территория была передана ему в качестве кормового округа (сигып). Говорилось и о пожаловании представителям знати земельного имения — чонджан. Несомненно, значительную часть крупного землевладения составляли владения буддийских монастырей. Можно предположить, что в этих владениях употреблялся и труд подневольных ноби (например, из числа военнопленных). В том случае, когда последние наделялись участками земли и вели свое хозяйство, их эксплуатация не отличалась от феодально-крепостнической.

При всей неполноте имеющихся экономических данных все же можно полагать, что общественные отношения в этот период развива-

лись в государстве Силла как феодальные, поскольку в основе их была заложена эксплуатация зависимого общинного крестьянства. Государство при этом играло активную роль в закреплении крестьян и подчинении их власти крупных землевладельцев. По мере развития этих отношений усиливалась борьба между тремя государствами за захват друг у друга земельных владений и сидящих там крестьян.

Развитие трех государств и их взаимоотношения. Войны и внешние связи

Борьба молодых корейских государств за расширение и укрепление своего влияния облегчалась тем, что в то время и в Китае существовали многочисленные соперничавшие между собой государства. Уже в начале IV в. из Когурё совершались непрерывные нападения на китайские округа Сюаньту и Ляодун (особенно на г. Сианьпин); оно присоединило часть земель сушеней (илоу) и ликвидировало округ Лолан на Корейском полуострове (313 г.). Захват северо-западного побережья открывал Когурё не только возможность установления международных морских связей, но и путь к плодородным равнинам юга.

Когурё предстояла, однако, тяжелая борьба с сяньбийским государством Муюнов (государством Хоуянь, Северный Китай) за территорию округов Сюаньту и Ляодун. Как известно, в 342 г. сяньбийские войска захватили и разорили столицу Когурё. Продвижение последнего на юг наталкивалось на сопротивление Пэкче, овладевшего округом Дайфан и стремившегося расширить свои владения в северном направлении. Пэкче активно устанавливало связи с Восточной Цзинь и Японией, где выходцы из Пэкче способствовали распространению китайской письменности и конфуцианских идей.

Рост и укрепление корейских государств привели к ожесточенной борьбе за объединение Корейского полуострова под властью одного из них. Социально-экономическую основу этой борьбы, несомненно, составлял процесс формирования государственной собственности на землю и подчинения общинного крестьянства складывающемуся классу феодальных землевладельцев. Более быстрые темпы социально-экономического развития Когурё и Пэкче столкнули сначала именно эти государства. За 22 года (391—413) правления вапа, получившего посмертное имя «Расширитель земель» — Квангэтхо (его звали также Ённак, Хотхэ), Когурё одержало решающие победы на севере и юге.

Нанеся поражение сяньбийскому государству Муюнов, Когурё на севере присоединило территорию бывших китайских округов Сюаньту и Ляодун, отодвинув границу к р. Ляохэ и к верховью р. Сунгари. С вытеснением Пэкче владения Когурё на юге включили бассейн р. Имджинган. В состав Когурё вошли также еские земли на восточном побережье Корейского полуострова и остававшиеся до того независимыми сушенейские (илоуские) общины. Квангэтхо, как уже отмечалось, посылал войска на помощь Силла в борьбе с каяскими общинами и японцами, во время походов он захватил или разрушил 64 вражеских города и более 1400 селений. Об этом повествует каменная стела на могиле Квангэтхо, сохранившаяся на месте бывшей столицы Когурё — Хвандо (сейчас в уезде Цзиань, КНР).

Политику Квангэтхо по расширению и укреплению Когурё продолжал его преемник — ван Чансу («Долгожитель», проживший 98 лет). При нем в 427 г. столицей Когурё стал Пхеньян в бассейне р. Тэдонган. Основанный еще в начале IV в., Пхеньян тогда состоял из крепости на

горе Тэсонсан, дворцового городка Анхаккун у ее южного подножия и ряда укреплений, доходивших до северной окраины современного города.

Хотя сведений о социально-экономических процессах сохранилось мало, однако по памятникам материальной культуры можно судить о заметных сдвигах в экономическом и культурном развитии Когурё после перенесения столицы в Пхеньян. С выходом к плодородным долинам юга, на основе развития сельского хозяйства был обеспечен высокий уровень развития ремесел, архитектуры и живописи, о чем говорят возведенные в то время величественные гробницы в районе Пхеньяна.

Экономические и культурные достижения позволили Когурё развивать обмен материальными и духовными ценностями со своими соседями. Торговля с северными китайскими династиями протекала в традиционной форме обмена «данью» и «подарками» — предметами роскоши или культурного обихода господствующих классов. Когурё оказало заметное влияние на развитие ранней культуры Японии. Буддийские монахи из Когурё (Ходжа, Тамджон) пропагандировали в Японии буддийские и конфуцианские идеи, передавали разнообразные знания, в том числе и производственные.

Укрепление государства Когурё в V—VI вв. привело к утверждению на всей его территории единой налогово-податной системы, основой которой была верховная государственная собственность на землю. Налоги уплачивались зерном и полотном, причем существовала градация по имущественному положению. Об этом говорится в «Суй шу» («История [династии] Суй»). Наряду с номинальной государственной собственностью на земли, находившиеся во владении отдельных крестьян или общин, вероятно, существовала и фактическая собственность государства на земельные угодья, названные в летописях «кванвон» («казенные угодья»); данных об их удельном весе нет. А о тенденциях формирования крупного феодального землевладения можно лишь догадываться по сообщениям о влиятельных местных властителях, которые располагали собственными вооруженными отрядами и пользовались ими в борьбе за власть. Однако рост этих сил еще не привел к ослаблению централизованного государства, служившего орудием захвата новых земель и подчинения общинного крестьянства.

Укрепившись после перевода столицы в Пхеньян, Когурё в 475 г. возобновило наступление против Пэкче. 30-тысячная армия вана Чансу захватила столицу Пэкче — Хансон. Захваченный в плен пэкческий ван Кэро был убит. Бассейн р. Ханган (до самых южных пределов современной провинции Кёнги) присоединили к владениям Когурё, а на юго-востоке когурёская территория доходила до района современного Самчхока. Одновременно Когурё упрочило свое положение и на севере: после присоединения Пуё северо-восточная граница проходила в бассейне р. Сунгари, а западная граница прочно установилась по р. Ляохэ. О престиже Когурё как сильного государства в Восточной Азии свидетельствовали наибольшие почести, воздаваемые его послам при дворе династии Вэй в Северном Китае.

В VI в. развернулось строительство г. Чапансон (на горе Моранбон, где расположена центральная часть современного Пхеньяна), который стал столицей Когурё с 586 г. Новая столица представляла хорошо защищенную крепость, усиленную естественными преградами — скалистой горой Моранбон и реками Тэдонган и Потхонган. Для большей надежности обороны город разделили на внутренний и внешний. Было завершено также административное деление Когурё на пять областей и три столицы.

Когурё выступало как сильный претендент на объединение страны.

Его усиление серьезно потеснило позиции Пэкче, где также происходило формирование феодальных отношений.

В Пэкче быстрое развитие земледелия (особенно орошаемого рисоводства) обусловило общий подъем производительных сил. Высокого уровня достигли различные отрасли ремесла: обработка металлов (пэкчские мечи и копья находили большой спрос в Японии); производство керамики (черепицы, изразцовых кирпичей и различных сосудов), шелковых и других тканей. Изделия пэкчских мастеров вывозились в Когурё, Силла, Японию и китайские государства. Торговля в свою очередь стимулировала развитие ремесел и судостроения в Пэкче. Развитие производительных сил сопровождалось социальными сдвигами.

Основу формирующихся феодальных отношений составляла государственная собственность на землю и общегосударственная система эксплуатации крестьян посредством налогов, поставок и трудовых повинностей. Разорение крестьян-общинников вследствие роста крупного землевладения (за счет крестьянских земель), войн и стихийных бедствий усугубляло классовые противоречия в Пэкче. Распространенной формой крестьянской борьбы являлось бегство в соседние государства — Когурё и Силла. Усиление внутренних противоречий ослабляло позиции Пэкче в борьбе с Когурё.

Когурё стремилось всячески обострить внутренние раздоры в Пэкче. В летописях сохранился легендарный рассказ о том, как когурёский ван отправил в Пэкче лазутчика — буддийского монаха Торима. Воспользовавшись любовью пэкчского вана Кэро к падуку (шашкам), Торим вошел к нему в доверие. В задушевных беседах Торим говорил, что для величия Пэкче не хватает лишь крепких городских стен, дворцов и других великолепных сооружений, выражал сожаление, что даже «прах прежнего вана остается в низине еле похороненным», а население города постоянно страдает от наводнений. Послушавшись его советов, ван развернул огромные строительные работы и настолько истощил силы народа, что вызвал всеобщий ропот. А Торим тем временем бежал в Когурё и сообщал, что настало время ударить по ослабленному Пэкче. Так рассказывают летописи о причинах поражения Пэкче и гибели вана Кэро в 475 г.

Потеряв бассейн р. Ханган, перенесли столицу Пэкче в Унджин на р. Кымган. Территориальные потери и ухудшение экономического положения усилили внутренние противоречия в Пэкче, о чем свидетельствовали неоднократные покушения знати на престол: убийство вана Мунджу (477 г.), вана Тонсона (501 г.) и т. д. После пережитых потрясений правящая династия стремилась укрепить центральную власть и вооруженные силы, упорядочить эксплуатацию крестьян путем прикрепления их к земле. Для обеспечения военной безопасности ван Сон в 538 г. перенес столицу в г. Саби и попытался возродить силы пэкчского государства. Была налажена централизованная административная система (в 22 округах управляли представители ванского рода), создан ряд центральных и провинциальных правительственных учреждений, размещены войска в пяти провинциальных центрах. Активизировалась внешнеполитическая деятельность — поиски союзников для борьбы с Когурё.

Прежде всего, Пэкче искало союза с южными китайскими династиями и государством Силла. Однако Силла не было заинтересовано в том, чтобы сразу порвать союз с Когурё. Лишь в середине VI в., когда его позиции достаточно упрочились, Силла вместе с Пэкче выступило против Когурё. В 551 г. союзникам удалось выбить Когурё из захваченных земель в бассейне р. Ханган. Однако через два года эти земли были

заняты государством Силла, пробившим себе путь к западному побережью для прямых связей с Китаем, что привело к войне между союзниками. В 554 г. пэкческий ван Сон двинул 30-тысячную армию против силлаской крепости Квансан, но потерпел тяжкое поражение. Ван был убит, а большая часть его войск погибла или попала в плен. Незначительные успехи пэкческих войск не смогли изменить ухудшающейся обстановки. Наступление когурёских сил Пэкче тщетно старалось сдерживать при помощи китайских династий, а в борьбе против Силла опереться на японцев.

Международная обстановка борьбы между тремя корейскими государствами резко изменилась в 80-х годах VI в., когда после 400 лет войн и раздробленности Китай оказался объединенным под властью династии Суй, создавшей огромное военно-бюрократическое государство. Проводя захватническую политику в отношении соседних стран, суйская династия стала накапливать силы для покорения Когурё, граничившего с ее владениями. Перед лицом внешней опасности Когурё пыталось ослабить внутренние противоречия, вызванные ростом феодальных сил и разорением крестьян (сокращались повинности, принимались меры к поощрению земледелия и др.). Но прежде всего совершенствовалась организация войск, создавались государственные запасы продовольствия для длительной борьбы.

В 598 г. Когурё направило 10-тысячный отряд конницы из мальгалей (мохэ) против суйских войск в Ляоси. После этого суйский император Вэнь-ди (Ян Цзянь) начал большую войну против Когурё, бросив против него 300-тысячную армию. Сухопутные войска были остановлены когурёсцами у р. Ляохэ. Провальные дожди и наводнения вскоре отрезали суйскую армию от ее основных баз. Голод и болезни вместе с непрерывными атаками когурёсцев развалили армию, а буря разнесла суйский флот, направлявшийся к Пхеньяну. После огромных потерь («8—9 человек из десяти», как сообщают летописцы) суйская армия была вынуждена отступить. Внутренняя борьба в империи Суй, убийство Вэнь-ди (Ян Цзяня) и воцарение его сына (отцеубийцы) Ян-ди (Ян Гуана) не устранили угрозы для Когурё. Поэтому Когурё наряду с военными приготовлениями налаживало дипломатические связи (с торками и др.) для организации совместной борьбы против династии Суй, оказывало давление на Пэкче и Силла, чтобы улучшить свои позиции на юге.

Между тем династия Суй, собрав ресурсы всего Китая тех лет, начала в 612 г. новую войну против Когурё. Целью ее объявили «наказание непокорных вассалов», которые «выпали из сетей небесного закона», и избавление народа Когурё от тягот и повинностей. Ян-ди заявил, что якобы хочет «пожалеть людей и спросить с виновных». В 1-м месяце 612 г. из Чжоцзюня (район современного Пекина) Ян-ди двинул 24 армии, чтобы «уничтожить теперь же нечестивых мятежников». Как сообщает корейская летопись, общая численность войск вместе со вспомогательными силами доходила до 3 млн. Летописцы отмечают, что «знамена и стяги [двигавшихся колонн] простирались на 960 ли» и никогда «ни в прошлом, ни в близкие времена не было собрано в поход столько войск».

Этим силам противостояло 300-тысячное войско, а также население Когурё. Полководец Ыльччи Мундок избрал тактику упорной обороны в крепостях и превращения в пустыню районов на пути продвижения врага. Нанеся первый удар по суйской армии при переправе через р. Ляохэ, когурёские войска упорно обороняли крепость Ляодун (Ёдон в корейском чтении), сковавшую главные силы захватчиков. Окруженная сотнями рядов превосходящих сил вражеской армии, эта крепость пять

месяцев отбивала все атаки и развеяла хвастливые угрозы Ян-ди о медленном уничтожении Когурё.

Когда борьба безнадежно затянулась, суйский правитель решил снарядить специальный экспедиционный корпус для захвата когурёской столицы. 300-тысячная сухопутная армия (под командованием Юйвэнь Шу) должна была переправиться через Амноккан и ударить по Пхеньяну с севера в то время, когда туда прибудет из Шаньдуна флот. Но прибывшие раньше срока морские силы попали в западню, устроенную защитниками Пхеньяна, и были разгромлены. Это облегчило борьбу с войсками, переправившимися через Амноккан. 300-тысячный экспедиционный корпус изматывался непрерывными боями в невыгодных условиях. Когурёские войска Ыльччи Мундока по 6—7 раз в день внезапно нападали на него и так же внезапно отступали. Суйская армия не могла рассчитывать ни на единое зернышко за счет местного населения. Воины несли на себе тяжелое вооружение и стодневные запасы продовольствия. Даже под страхом тяжелых наказаний они старались тайком избавиться от изнурительной ноши.

В район Пхеньяна суйские войска пришли настолько изможденными и деморализованными, что не было никакой надежды на захват столицы Когурё. Это прекрасно понимал Ыльччи Мундок, когда направил суйскому командующему письмо с обычным выражением лояльности и советом уйти восвояси. Он писал: «Заслуги [Ваших] военных побед высоки, и, если можно довольствоваться ими, не лучше ли было бы остановиться на этом». На обратном пути, при переправе через р. Сальсу, на изнуренную суйскую армию со всех сторон напали следовавшие по пятам когурёские войска. Под грохот барабанов они обрушили на противника град стрел и копий. В коротком бою были разбиты все суйские экспедиционные силы. Из 300-тысячной армии в Ляодун вернулась лишь горсточка — 2700 человек. Остальные погибли или попали в плен.

Поход суйского императора в 612 г. закончился полным поражением. И тем не менее даже нарастающее недовольство внутри страны не остановило Ян-ди от продолжения войны. В четвертом месяце 613 г. он снова двинул войска против Когурё. После неудачной попытки захватить когурёскую крепость Синсон (в районе современного Шэньяна) армия суйского императора обрушилась на крепость Ляодун, но ее защитники 20 дней героически отбивали все атаки противника. Полученные в это время известия о выступлении заговорщиков в Китае вынудили Ян-ди вернуться. Однако победной войной против Когурё он хотел поправить свои внутренние дела, поэтому затеял и третий поход — в 614 г. Упорное сопротивление Когурё и развернувшиеся крестьянские восстания вынудили Ян-ди прекратить безнадежную войну. Поражения в войне против Когурё ускорили падение суйской династии и воцарение династии Тан (618 г.).

Танская династия, в сущности, не изменила политики своей предшественницы, но, пока не стабилизировалась ее власть, поддерживала мирные отношения с Когурё. По мере выявления ее истинных целей для Когурё становилась очевидной надвигающаяся опасность. Вот почему в течение 16 лет, начиная с 631 г., строились длинные оборонительные стены протяжением 1 тыс. ли от крепости Пуё до Бохайского побережья.

Подготовка к борьбе против династии Тан стала интенсивнее после переворота Ён Гэсомуна, когурёского аристократа (тэин) из западной области. Назначенный надзирателем над строительством «длинных стен», он в 10-м месяце 642 г. расправился с ваном Ённю и его приближенными, которые уступали нажиму Танской империи (о чем свидетельствовало, например, уничтожение ими памятников, возведенных в

честь побед Когурё над суйскими войсками). Посадив на престол вана Поджана (младшего брата убитого), Ён Гэсомун захватил всю власть в качестве главнокомандующего (манниджи). Он взял курс на противодействие захватнической политике династии Тан и стремился организовать антитанскую коалицию народов маньчжуро-монгольского района. Сближением с Пэкче он хотел парализовать враждебное государство Силла. Ён Гэсомун укреплял центральную власть и военное могущество государства, развернув борьбу с феодально-сепаратистскими тенденциями, чем объяснялось, по-видимому, и поощрение даосизма в ущерб буддийской церкви.

Союз с Когурё позволил Пэкче перейти к активной борьбе с Силла и занять ряд силласких пограничных крепостей. Оказавшись в изоляции, Силла обратилось за помощью к Танам. Это послужило поводом для танского вмешательства и возобновления войны против Когурё.

Провозгласив, что война имеет якобы целью покарать узурпатора Ён Гэсомуна, танский император в девятом месяце 644 г. начал поход против Когурё, двинув одновременно сухопутные и морские силы. Уже в 3-м месяце 645 г., переправившись через Ляохэ в ее верхнем течении, танские войска вторглись в Когурё, а морские силы (прибыв на 500 с лишним кораблях) высадились в южной части Ляодунского полуострова. Сухопутные войска избрали необычный путь вторжения, поэтому и смогли внезапно захватить ряд когурёских крепостей в среднем течении р. Ляохэ. Несмотря на это, главные силы когурёских войск стойко защищали крепости Ляодун и Анси. Обрушившись сначала на Ляодун, танская армия 12 дней и ночей штурмовала крепость, применяя тяжелые катапульты и тараны. Только тогда, когда удалось поджечь одну из крепостных башен и пожар распространился на город, танские войска смогли захватить Ляодун.

Тяжелые потери (десятки тысяч убитых и пленных) не сломили сопротивления когурёсцев. В крепости Анси стойко оборонялась 100-тысячная армия Ян Манчхуна. Несмотря на разгром 150-тысячной армии Ко Ёнсу, двигавшейся на помощь Анси, защитники этой крепости успешно отбивали в день по 6—7 атак противника, быстро исправляли поврежденные участки стен и наносили тяжелые ответные удары по вражеским позициям. 60 дней танские войска возводили земляную насыпь, чтобы одолеть крепостные стены, но защитники Анси овладели ею и отсюда повели контратаки.

К этому же времени были разбиты и морские силы китайцев, высадившиеся в районе Цзяньани (к западу от Анси). Наступали холода, надвигалось неизбежное поражение. Войска танского императора вынуждены были отступить.

Героическая борьба народных масс позволила Когурё выстоять против полумиллионной армии и расстроить захватнические замыслы Тайцзуна. Однако поражение не остановило танского императора. В 647 г. он снова двинул свои сухопутные и морские силы, но первые были остановлены у когурёских крепостей, а вторые разбиты в многочисленных стычках у южных берегов Ляодунского полуострова. В 648 г. закончился поражением и третий поход Тайцзуна. Перед смертью император предостерег своих преемников от войны с Когурё.

Самоотверженная борьба народных масс Когурё сорвала агрессивные планы династий Суй и Тан, по тяжелой войне с ними серьезно ослабила Когурё, являвшееся, несомненно, первым претендентом на роль объединителя всей Кореи. Феодальные династии объединенного Китая стали серьезным фактором, осложнявшим борьбу трех раннефеодальных государств Кореи за объединение страны.

Культура трех государств

В период трех государств началось становление феодальной культуры, пришедшей на смену первобытнообщинной. Для корейской культуры раннего средневековья были характерны как унаследованные от прежнего общества самобытные черты, так и своеобразное усвоение культурных достижений соседнего феодального Китая, создание новых культурных ценностей, которые оказали большое влияние на последующее культурное развитие не только самой Кореи, но и ее соседей, особенно Японии.

Неравномерность социально-экономического развития, проявившаяся в разном времени возникновения ранних корейских государств, сказалась и на темпах культурного развития различных районов, вошедших в состав Когурё, Пэкче, Силла. Явно прослеживается влияние более развитых районов и государств на отставшие (например, Когурё и Пэкче на Силла).

Источниками для изучения корейской культуры раннего средневековья служат различные археологические памятники (остатки городов и сооружений, курганы и гробницы, предметы быта и произведения искусства) и сообщения летописей.

Скачок от прежней культуры первобытнообщинного строя к культуре классового общества был подготовлен прежде всего качественными изменениями в развитии производительных сил, о чем можно судить по многочисленным памятникам материальной культуры.

В период трех государств широко распространилось применение железа. Об уровне когурёской металлургии говорит, например, изготовление из стали сельскохозяйственных орудий, оружия, гвоздей, жаровен и других предметов, сохранившихся в погребальном инвентаре в когурёских гробницах (Ноамни в провинции Чаган, Янхори в Северной Пхёнан). Применение железных орудий, орошение полей, использование крупного рогатого скота в упряжи для пахоты обеспечили новый подъем земледелия в трех государствах, политические центры которых выросли в плодородных равнинах бассейнов рек Тэдонган, Ханган (затем Кымган) и Нактонган. Наряду с плавкой железа совершенствовалась обработка меди, бронзы и благородных металлов, о чем свидетельствуют многочисленные украшения из золота, золоченой меди и бронзы, извлеченные из могильных курганов Когурё и Силла.

С потребностями земледелия были связаны и первые шаги в развитии науки. Во всех трех государствах возникла постоянная служба наблюдения за небесными светилами и состоянием погоды. Материальными свидетельствами развития астрономических знаний могут служить высеченные на камнях или парисованные на стенах гробниц в Когурё небесные светила, Чхонсондэ («Башня для наблюдений за звездами») в Силла и другие памятники.

Применение железных орудий содействовало прогрессу ремесел и всех областей материальной культуры. С развитием классового общества и классовых противоречий было связано строительство укрепленных городов, культовых сооружений (храмов) и лучших домов для знати. Это стимулировало развитие архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства.

Об архитектуре и строительной технике в Когурё можно судить по остаткам его бывших столиц в Куниэсоне (Хвандо) на р. Амноккан, в горной крепости Тэсонсан с примыкающим дворцом Анхаккун у ее подножия (в пригороде современного Пхеньяна) и в Чанансонэ (в пределах современного Пхеньяна). Столицы, как правило, строились в жи-

вописных местах с естественными рубежами (излучина или гористый берег реки), удобными для обороны от нападений вражеских войск. Дворцовый город Анхаккун располагался на равнине в форме правильного квадрата, а рядом с ним была построена горная крепость с запасами оружия и продовольствия, рассчитанными на длительную оборону. Пэкчская столица Унджин, судя по остаткам валов, стен и фундаментов сооружений, тоже была хорошо защищена естественной преградой — рекой и скалистыми горами. Столица Силла Кымсон, или Вангён, была расположена в речной долине, окруженной горами, и имела цитадель Вольсон («Лунный град»), возвышающуюся над городом.

О постройках того времени позволяет судить воспроизводящая их архитектура подземных гробниц (с их колоннадами, серией помещений — как правило, передним залом и погребальной камерой, — со стенами, карнизами и потолками, расписанными фресковой живописью). По следам дворцового комплекса Анхаккун можно установить, что длина основного прямоугольного помещения составляла 50 м. Главное здание («Золотой зал») в храмовом комплексе монастыря Хваннён имело такую же длину. Буддийский монастырь Мирык в Пэкче занимал площадь 9,2 тыс. пхён. По-видимому, это были наиболее крупные здания, доступные тогдашнему уровню строительной техники.

Архитектурный стиль Когурё хорошо представляют сохранившиеся до наших дней подземные гробницы-дворцы — построенная в виде ступенчатой пирамиды «Могила полководца» на территории Цзиани, скрытая под огромным курганом гробница № 3 в Анаке и ряд гробниц («Три могилы») в уезде Кансо.

В анакской гробнице № 3 (IV в.) шесть помещений, сложенных из гладкого, хорошо обработанного камня. Внутри этого величественного сооружения ведет квадратный портик, вместо обычного дромоса за ним следует прямоугольное переднее помещение. По бокам его западная и восточная кладовые, далее главное помещение, напоминающее женскую половину традиционного корейского жилища.

Главный зал имеет три восьмигранные колонны, а по его северной и восточной сторонам тянется галерея. Потолки всех помещений, кроме главного, плоские; в главном зале потолок ступенчатый, напоминающий в плане три вписанных друг в друга квадрата.

Некоторое представление об архитектуре Силла дает строгая каменная кладка упомянутой «Башни для наблюдения за звездами». Ее высота — около 9 м, диаметр у основания — 5 м. Фрески с изображениями зданий из когурёских гробниц (в Цзиани, в уездах Ёнган и Анак), а также сохранившиеся в письменных источниках описания девятирусной пагоды храма Пунхван в Силла, девятирусной (высотой 70 чхок) пагоды храма Мирык в Пэкче и другие дополняют представление о самобытной архитектуре периода трех государств.

С сооружением дворцов, храмов и гробниц, с бытом представителей господствующего класса было связано развитие живописи, скульптуры, художественных ремесел и других отраслей прикладного искусства. Найденные на месте бывших дворцов и храмов куски черепицы и керамические плиты (облицовочные кирпичи) периода трех государств поражают прочностью и художественностью отделки. Наиболее интересна с точки зрения прикладного искусства так называемая торцовая черепица, оформляющая края кровли. Круглый торец этой черепицы украшался сложным орнаментом в виде лотоса или фантастического злого духа. Кирпичи, изготовленные в Пэкче, порой представляли собой настоящие картины с изображением фениксов, горных пиков, языков пламени и лепестков лотоса. Сохранились великолепные по мастерству из-

готовления кирпичи с изображением «Таоте» — фантастического чудовища с вытаращенными глазами, клыкастой пастью и уродливым туловищем на коротких лапах. Керамика Силла представлена разнообразными сосудами (кубками, чашами, горшками), отличавшимися изяществом и совершенством обжига («обжиг Силла»). Свидетельством высокого уровня развития ремесел являются и многочисленные предметы из бронзы — зеркала, чаши, сосуды, напоминающие чайник, а также изделия из цветных тканей.

До распространения буддизма с его вниманием к скульптурным изображениям божеств буддийского пантеона в Корее существовали простые, непритязательные статуэтки из обожженной красной глины и дерева. Буддийские монастыри требовали больших, искусно выполненных скульптурных изображений Сакьямуни, Амитабхи, Майтрейи и других божеств. Их вскоре и начали изготавливать во всех трех государствах.

К сожалению, до нас дошло очень мало образцов металлической скульптуры тех времен, но и то немногое, что сохранилось, вместе с описаниями в летописях дает возможность представить весьма значительный уровень ее развития. Среди скульптурных изображений периода трех государств имеются и миниатюрные, едва превышающие 10 см, например относящееся к V—VI вв. изображение Амитабхи, найденное в Коксане, и такие исполинские, как статуя сидящего Будды высотой 5,2 м, отлитая в 574 г. для монастыря Хваннён, на изготовление которой пошло 27 т меди и около 4 кг золота. Особо следует сказать о таком произведении корейских мастеров этого времени, как знаменитая скульптура бодхисатвы Авалокитешвары (VII в.) из храма Хорюдзи в японском городе Нара (кстати, и черепица кровли здесь аналогична применявшейся в государствах Пэкче и Когурё).

Сохранились каменные изваяния и резные изображения буддийских святых. Таково, например, рельефное изображение бодхисатвы на большой глыбе естественного камня в уезде Сосап (Южная Чхунхон), передающее мягкие черты человеческого лица, спокойного и счастливого. Из других скульптурных произведений сохранились лишь высеченные из камня изображения львообразной собаки из монастыря Пунхван.

Об искусстве и художественных ремеслах периода трех государств дают наглядное представление гробницы и их погребальный инвентарь. В гробницах Когурё найдены выдающиеся образцы настенной фресковой живописи. Связанные с представлениями о загробной жизни, эти фрески, однако, с большой живостью воспроизводят картины реальной когурёской действительности. В анакской гробнице № 3, где роспись на потолке изображает райскую жизнь в небесах, настенная живопись реалистически повествует о земной жизни покойника, показывает его богатую домашнюю обстановку, воинские подвиги и могущество, парадный выезд с многочисленной свитой и большим оркестром, его пиры и развлечения, сцены охоты. На фресках изображены также сотни людей в самой различной одежде, занятые всевозможными делами, кухня, двор с колодезем, повозки, утварь и прочие предметы обихода.

В фресках когурёских гробниц более позднего времени бытовые сюжеты вытеснялись мифологическими или религиозными, среди которых ведущим был мотив «Четырех геннев», или «Духов четырех частей света», охранявших потусторонний покой погребенных. Особенно знамениты фрески из погребальных камер «Трех могил» в уезде Кансо. На каждой из четырех стен размещены фантастические животные — духи четырех сторон света: синий дракон — на восточной, белый тигр — на западной, пурпурная птица — на южной, черепаха, обвитая змеей, — на северной. Несмотря на фантастический сюжет, животные изображены с

огромной художественной силой и реалистическим мастерством, что делает эти фрески шедеврами мирового искусства.

Фресок пэкческих гробниц сохранилось не так много, но они также свидетельствуют о высоком уровне развития живописи. Не случайно пэкческих художников наряду с когурёскими приглашали в Японию, где они оставили весьма известные творения. Уехавший в Японию в 597 г. принц Аджва написал знаменитый портрет японского принца Сэйтоку. Прославленные фрески храма Хорюдзи в Нара были написаны когурёским мастером Тамджином в 610 г.

Силлаская живопись не сохранилась, но по письменным источникам известна деятельность замечательного художника Сольго, расписавшего стены храма Хваннён (конец VII в.). Как говорит предание, на стене храма Хваннён Сольго нарисовал сосны до того похожими на настоящие, что, стремясь сесть на нарисованные ветви, птицы разбивались о стену.

Из могильных курганов извлечены сокровища силлаского искусства более раннего периода (V—VI вв.). Самый знаменитый по богатству погребального инвентаря «Курган золотой короны» открыт в уезде Кёнджу в 1921 г. Там обнаружено несколько тысяч различных предметов, в том числе замечательные украшения, оружие, конская упряжь и пр. Наряду с железными мечами, наконечниками копий и стрел, стременами в погребении оказалось огромное количество тончайших ювелирных изделий, прежде всего корона из чистого золота. Очень красивая, украшенная крылообразными золотыми пластинами со множеством узорных отверстий, корона эта изготовлена нарочито примитивно. Сама манера изготовления этого дорогого головного убора как бы выражает пренебрежительное отношение к золоту, подчеркивающее богатство обладателя короны. В кургане найдены золотые серьги, золотые и серебряные браслеты и кольца, пояс, украшенный многочисленными золотыми подвесками, золотые туфли, подбитые фигурными гвоздиками, и т. д. По времени это царское погребение относится, вероятно, к периоду утверждения государственной власти в Силла.

При раскопках, особенно на территории бывшей столицы Силла, найдено множество золотых бус, порой весьма сложных по технике изготовления, большое число поясных украшений в виде рыбки, колокольчиков, коробочки для лекарств и пр. Подвешенные к поясу аристократа, эти безделушки свидетельствовали о его богатстве и знатном происхождении.

Среди изделий из драгоценных металлов особый интерес вызывают редко встречающиеся украшения из крыльев золотой цикады. Эти крылья имеют золотисто-зеленый или золотисто-синий оттенок, на них выделяется поясок яркого фиолетового цвета. Крыло накладывали на украшаемую поверхность и сверху прикрепляли тонкую золотую пластинку с фигурными отверстиями, достигая таким образом очень приятного и эффектного сочетания цветов. Особенно красиво выглядели такие украшения на ярком шелке.

В разных частях Корейского полуострова в раскопках обнаружены художественные изделия из драгоценных камней, относящиеся к периоду трех государств. Наиболее распространены украшения из яшмы, имеющие самую различную форму, реже — из стекла в виде бус и трубочек. Слаборазвитая техника изготовления предметов из стекла делала эти украшения более дорогими, чем золотые.

Изменения в материальной культуре трех государств отражали процесс развития классового общества и государственности, вызвавший одновременно важные перемены в духовной культуре и идеологии.

Для времени зарождения трех государств характерным являлось сосуществование первобытных анимистических культов (поклонения Солнцу, Луне, Земле и различным природным стихиям) с новыми верованиями и культами, порожденными развитием классового общества. С появлением первых политических объединений (союзов) племен и возрастанием роли их вождей, постепенно превращавшихся в ванов, зародился культ «Основателя» или родоначальника племени, игравшего роль гегмона в союзе. Появившись еще в первобытном обществе, культ предков стал трансформироваться в идеологию, призванную освящать вновьявленную государственную власть.

Предки захвативших политическую власть ведущих родов считались происходящими от всевышнего духа Неба, а сама власть — выражающей волю Неба. Государство канонизировало мифы об «Основателях», а поклонение им превратило в общегосударственный культ, посвящая им алтари и храмы. От поклонения духам Пуё и «Матери — основательницы» (прародительницы) в Когурё перешли к культу «Основателя» (Чумона или Тонмёна). В Пэкче по четыре раза в год совершались жертвоприношения на алтаре «Основателя» Кутхэ (или Кудэ). В Силла существовал культ нескольких «Основателей», считавшихся зачинателями родов Пак, Ким и Сок, и с каждым из них был связан свой миф о происхождении.

Появление культа «Основателя» не отменило и различных анимистических верований, унаследованных от первобытности. Ваны, представлявшие зачаток государственной власти, зачастую совмещали свои функции с жреческими, руководя жертвоприношениями духам стихий. В Когурё, например, поклонялись духам светил и Пещерному духу. Высшими божествами в Пэкче считались духи Неба и Земли. Наряду с ними в Силла совершали жертвоприношения духам Трех гор и Пяти холмов.

В идеологии трех государств своеобразно сочетались первобытно-анимистические культы с религиозными системами, проникшими извне и служившими для освящения и упрочения государственного начала. К ним относилось прежде всего конфуцианство с его учением о Небе как первопричине и властелине всего сущего, о государстве как большой патриархальной семье, где отношения людей определяются сыновней почтительностью младших к старшим. Для подготовки и воспитания государственных чиновников в духе этих принципов в Когурё в 372 г. открыли Высшую школу (Тхэхак), в которой преподавались конфуцианские каноны («Пятикнижие») и китайские династийные истории. Почти в то же время конфуцианские идеи получили распространение в Пэкче, где для ученых-конфуцианцев существовал чин «пакса» (доктор). Его носили, например, Кохын, автор первой истории страны, а также распространитель китайской письменности в Японии Ванъин. В Силла примерно с начала VI в. конфуцианские идеи стали оказывать решающее влияние на организацию государственных учреждений и развитие культуры.

Вместе с конфуцианством и буддизмом в трех государствах внедрилась китайская письменность, которую постепенно приспособили и для передачи особенностей фонетики и грамматики местного языка. В VII в. силлаский ученый Сольчхон на базе китайских иероглифов создал систему письма «хянчхаль», или «иду», позволявшую переводить на местный язык канонические сочинения конфуцианства. Будучи довольно сложной, она не получила значительного развития, поэтому почти все корейские письменные памятники дошли до нас в записях на китайском языке.

Во всех трех государствах возникла также историография (летописание), следовавшая конфуцианским традициям. В 374 г. Кохын составил «Соги» («Исторические записи») — историю государства Пэкче, а в Силла в 545 г. Ким Гочиль с другими учеными составили историю Силла под названием «Кукса» («История государства»). В Когурё уже в ранний период существования этого государства была составлена в 100 книгах историческая хроника «Юги» («Записи о минувшем»), на основе которой Ли Мунджин в 600 г. скомпилировал «Синджип» («Новое собрание») в пяти книгах.

С утверждением буддизма в качестве государственной идеологии (в Пэкче и Когурё — в IV в., в Силла — в VI в.) и формированием буддийского духовенства стала создаваться и местная литература, посвященная толкованию религиозных догм. Сочинения силлаского священника Вонхё получили известность за пределами Корейского полуострова. В корейские государства проник и даосизм, который в Когурё, например, получил особенную поддержку в период борьбы против агрессии династии Тан, а в Силла был составной частью идеологии хваранов (в частности, учение о самоотверженном служении долгу).

В связи с потребностями государственного управления и военного дела получили развитие географические, медицинские и другие знания. К VII в. во всех трех государствах велись работы по составлению географических карт и описаний, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Понъёкто» («Карта владений и границ») в Когурё или «Тоджок» («Собрание карт») в Пэкче и др. Погребальные сооружения периода трех государств, дающие яркое представление об архитектуре, живописи и прикладном искусстве, в какой-то мере позволяют судить и об уровне математических и естественнонаучных знаний (например, геометрии), применявшихся при их создании.

Систематизировались также знания в области врачевания, что позволило готовить хороших лекарей. В VI в. в Японии с большим почетом встречали пэкческих лекарей и фармацевтов. Когурёское пособие по фармакологии («Носабан») и силлаское руководство по лечению («Попсабан») высоко ценили в Суйской и Танской империях. В конце VII в. в Силла для подготовки лекарей была открыта специальная медицинская школа.

Идеологические перемены, связанные с утверждением классового общества и государства, повлияли на развитие литературы и искусства. Появляются книжные стихотворения на китайском языке (хянси), посвященные темам патриотическим (например, стихи Ыльчи Мундока) или лирическим (например, «Стихи об одиноком камне» мопахы Чонбоса и др.). В жанре песенной поэзии (каё), восходившей к устному народному творчеству и существовавшей неразрывно с музыкой и танцами, началось индивидуальное творчество. Причем только с изобретением системы записи местной речи китайскими иероглифами (иду) появились тексты сочинений этих поэтов, выражавших мировоззрение своей эпохи. В то время, вероятно, поэтическому слову придавали какие-то магические свойства. Так, в «Песне о хвостатой звезде — хесон (комете)» (начало VII в.) рассказывается о трех хваранах, собравшихся в дальнюю поездку и вдруг увидевших на небе хесон; это было плохое предзнаменование, и хвараны отложили путешествие. Но как только один из них сочинил об этом песню, хвостатая звезда исчезла, а вместе с ней исчезли угрожавшие на границе японские войска.

Прозаические произведения художественной литературы, тесно связанные с историографией, сохранились вместе с ранними летописями, вошедшими затем в состав таких сочинений, как «Самгук саги» и «Сам-

гук юса». Художественные описания исторических событий (рассказы о возникновении государств, правлении ванов, подвигах полководцев и героев) легли в основу ранних произведений повествовательного жанра. Рассказы о реальных событиях перемешивались с легендой и сказкой, биографии реальных лиц — с художественным вымыслом о жизни идеальных героев. Часто прозаические сочинения представляли запись устных рассказов со сказочными или басенно-сатирическими сюжетами. Впервые появляются как прозаический жанр и путевые записки.

Подобно литературе, музыка и танцы в трех государствах также служили идеологическим целям возвеличения господствующего класса. Фрески когурёских гробниц воспроизводят парадные выезды правителей и аристократии, в свите которых было много музыкантов (в анакской гробнице они составляли половину изображенной там свиты в 250 человек). По фрескам из «Муёнчхон» («Гробницы танцующих») и летописям можно узнать о разнообразных танцевальных жанрах и музыке трех государств (танцы с играми, в масках, с пением и т. д.). Известно также об огромной популярности корейской музыки и танцев в соседних странах — Китае и Японии. Наиболее распространенными струнными музыкальными инструментами являлись созданный музыкантом Ван Санакком комунго в Когурё и каягым, внедренный в Силла музыкантом Урыком.

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. УТВЕРЖДЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

Борьба против танских завоевателей и объединение страны под властью Силла

Многочисленные войны между тремя государствами имели целью расширение территории и подчинение находящихся на ней крестьянских общин, чтобы принудить общинников к уплате налогов и несению повинностей. Хотя по мере разложения общинных отношений неизбежно было складывание крупных феодальных собственников земли в рамках общины или вне ее, этому процессу предшествовал период подчинения общинного крестьянства господствующему классу при помощи государства, выполнявшего роль коллективного эксплуататора. Поэтому расширение ранних государств за счет новых территорий и борьба между Когурё, Пэкче и Силла имели тенденцию к созданию одного большого государства, господствующего над массами общинного крестьянства в масштабе всей страны.

Сохранившиеся источники не дают сколько-нибудь ясных сведений о внутренних процессах социально-экономического развития трех государств (особенно об изменении общинных отношений в деревне), поэтому по ним можно получить представление лишь об основных моментах внешнеполитической и военной истории, приведших к падению Когурё и Пэкче и к объединению страны государством Силла. Из-за недостатка фактических данных остаются невыясненными важные внутренние процессы истории Силла, превратившие его в течение VII в. в сильное государство на Корейском полуострове. В частности, не вполне ясны причины прихода к власти новой аристократии, которая укрепила военное могущество государства и повела активную борьбу за расширение его территории путем захвата земель соседей — Пэкче и Когурё. Несомненно, эта военная активность Силла привела к сближению враждовавших между собой Когурё и Пэкче.

С начала VII в. Силла испытывало постоянный военный нажим. Отношения между Силла и Пэкче, ухудшившиеся уже с середины VI в., в VII в. приняли характер непрерывных конфликтов. Нападения пэкческих войск на западные земли Силла участились с восшествием на престол пэкческого вана Ыйджа в 641 г. Осенью 642 г. пэкческие войска захватили 40 силласких крепостей. Очень тяжелой для Силла оказалась потеря крепости Тэя, служившей опорным пунктом обороны на западной границе. Сговорившись с Когурё, правители Пэкче стремились захватить и крепость Танхап на западном побережье, отрезав Силла путь для прямых сношений с Танской империей.

В тяжелых условиях правители Силла попытались расколоть союз Пэкче и Когурё. Один из видных представителей новой военной знати, Ким Чхунчху, возглавил посольство в Когурё с просьбой о военной помощи против Пэкче. Но в Когурё и слышать не хотели об этом. Более того, когурёские правители выдвинули свои претензии на территорию Силла к северо-западу от Чугёна и задержали посла, которого отпустили только при известии о приближении к границе силласких войск. Для Силла оставалось лишь сблизиться с танской династией, которая имела свои планы, вмешиваясь в раздоры корейских государств. В 644 г. танский император Ли Ши-минь (Тайцзун) отправил посла в Когурё и потребовал прекратить враждебные действия против Силла, но Ён Гэ-сомун категорически отверг эти требования, заявив, что Силла в свое время воспользовалось трудным положением Когурё и заняло его земли протяженностью 500 ли, поэтому до их возвращения не может быть никакой речи о мире.

Между тем нападения Пэкче не прекращались. В отражении этих нашествий выдающуюся роль сыграл силлаский полководец Ким Юсин, который нанес войскам Пэкче ряд тяжелых поражений. Одновременно Силла добивалось активного вмешательства танской династии. Отправленный послом в Чанань, Ким Чхунчху заверял императора в вассальной преданности Силла («мы многие годы неустанно служили Небесной империи») и утверждал, что теперь этим отношениям угрожают враждебные действия Пэкче. На обратном пути корабль с послом был захвачен когурёским дозором, и лишь случайно Ким Чхунчху удалось избежать смерти (убили слугу, облаченного в парадное одеяние посла). Силла избежало одновременной схватки с двумя сильными соседями только потому, что Когурё пришлось в то время вести тяжелую борьбу против танской армии.

К 650 г. силласцы одержали значительные победы над Пэкче и вернули ряд захваченных крепостей. За все это правители Силла воздавали хвалу танскому императору, направляя к нему пышные посольства с дарами.

С восшествием в 654 г. на престол Силла представителя новой знати (из чинголь) Ким Чхунчху (ван Тхэджон-Мурёль) союз и сотрудничество с Танской империей укрепились. Когда в 655 г. войска Когурё, поддержанные одновременными действиями Пэкче и племен мальгаль (мохэ), захватили на северной границе 33 силлаские крепости, правители Силла вновь обратились за помощью к Танской империи. Поскольку Пэкче стремилось укрепить свои позиции союзом с Когурё и дружбой с Японией, Танская империя и Силла решили разбить их по отдельности. Сначала союзники обрушились на более слабое государство — Пэкче, правители которого к тому же проявляли явную беспечность, увлеченные пирами и разгульными празднествами.

В 660 г. против Пэкче морем двинулась 135-тысячная армия Танской империи (под командованием Су Дин-фана) и должна была встретиться с наступавшими с востока силласкими войсками под командованием Ким Юсина. Силлаская армия вступила в бой с пэкческими войсками полководца Кебэка, охранявшими подступы к столице на Хвансанской равнине. После четырех безуспешных атак силлаские войска нанесли полное поражение пэкчесцам; Кебэк был убит, другие военачальники попали в плен. Тем временем танская армия нанесла тяжелое поражение пэкческим войскам у порта Кибольпо (в устье р. Пэккан).

Пэкческий ван безуспешно пытался уговорить танского полководца увести свои войска, а затем в 7-м месяце 660 г., когда столицу окружили танские и силлаские войска, бежал на север и укрылся в крепости Унд-

жин, а его сын Пуё Юн с несколькими сановниками сдался на милость победителей. Спустя несколько дней и сам Ыйджа ушел из Унджина и капитулировал. Несмотря на продолжавшееся сопротивление местных крепостей и населения, судьба государства Пэкче была решена. Пэкческий ван, около ста членов царского рода и сановников и 12 тыс. человек из простого народа в качестве пленников были уведены в Танскую империю.

В Саби — столице Пэкче — водворился 10-тысячный отряд танских войск. Для управления территорией Пэкче танские завоеватели учредили 5 тодокпу (округов) под властью наместника в крепости Унджин. До завоевания эта территория состояла из 5 пан (концов или частей), 37 кун (округов), 200 крепостей с населением, как сказано в летописи, 760 тыс. дворов (очевидно, речь идет не о дворах, а о людях, так как в большем по размерам Когурё было 697 тыс. дворов). Устанавливая свою административную систему, танская династия стремилась закрепить за собой земли Пэкче.

Захват столицы и свержение правившей династии не привели сразу к установлению господства завоевателей, так как не было сломлено сопротивление гарнизонов ряда крепостей и населения. Остатки пэкческих войск повели активную борьбу в районе столицы, и вскоре их действия поддержало восставшее население двадцати с лишним городов. Восстание возглавили представитель ванского рода Поксин (племянник вана Му) и буддийский монах Точхим. Они собрали крупные военные силы в крепости Чурю. В северо-западной части Пэкче их действия поддержал военачальник Хыкчхи Санджи, обосновавшийся в крепости Имджон. Восставшие решили объявить ваном сына Ыйджа — Пхуна, находившегося в Японии в качестве заложника, и обратиться за помощью к Когурё и Японии, а затем во главе с Поксином окружили бывшую столицу и отрезали от внешнего мира находившиеся там танские войска. Только помощь силласцев спасла осажденных от голодной смерти.

В 661 г. Поксин нанес новые удары танским войскам в Унджине и силласким войскам, попытавшимся осадить крепость Чурю. На сторону Поксина перешло около 200 городов. Тем временем из Японии прибыл объявленный ваном Пхун в сопровождении 5-тысячного японского отряда. В 663 г. Танской империи пришлось направить крупные подкрепления на выручку своих войск в Унджине и для дальнейшей борьбы с повстанцами. Последним пришлось снять осаду Унджина и обороняться в крепости Имджон.

В это трудное время в лагере повстанцев начались распри. Сначала Поксин убил Точхима, затем Пхун убил Поксина, так как боялся его растущего влияния. С помощью Когурё и японцев Пхун рассчитывал укрепить свое положение, но ему не удалось отразить наступления вражеских сил. В устье р. Пэккан танские моряки разгромили прибывший на помощь повстанцам японский флот (из тысячи кораблей). Танские и силлаские войска захватили у повстанцев Чурю и другие города. Пхун бежал в Когурё, а в Имджоне под руководством Хыкчхи Санджи народ продолжал сопротивление. Еще до падения этой крепости танские завоеватели решили прекратить военные действия и перешли к новой тактике умиротворения Пэкче при помощи местной знати. Сын бывшего вана Пуё Юн был назначен танским наместником в Унджине. Танские правители принудили Силла заключить с Пуё Юном (в 665 г.) вечный мир, скрепленный клятвой на крови жертвенной лошади. В результате правители Силла вопреки своему желанию не могли претендовать на бывшие пэкческие владения.

Теперь все усилия династии Тан были направлены на борьбу против

Когурё. Военные действия начались сразу же после падения Пэкче в 660 г., но в связи с последовавшими за этим событиями танские и силлаские войска не смогли одновременно вести борьбу с пэкчскими повстанцами и Когурё.

После подавления восстания в Пэкче положение Когурё изменилось к худшему. Дело было не только в том, что руки завоевателей были развязаны. Сказывались и результаты длительных разорительных войн и их социально-экономические последствия, выразившиеся прежде всего в усилении классовой дифференциации когурёского общества. Вполне можно предположить, что основная масса рядовых общинников намного обеднела и от тягот войны (военных повинностей и налогов), и от засилья на местах феодализирующихся крупных землевладельцев, о чем можно догадаться по некоторым косвенным свидетельствам. Так, жесткий курс Ён Гэсомуна на укрепление центральной власти, вероятно, был обращен против сепаратистских устремлений землевладельческой знати на местах, чтобы обеспечить возможность успешной борьбы против Танской империи и Силла.

Однако искусственно сдерживаемые Ён Гэсомуном внутренние противоречия в Когурё (вероятно, вызванные ростом крупного землевладения) не замедлили сказаться сразу же после его смерти (666 г.). Вновь обострившиеся распри вылились в ожесточенную борьбу между сыновьями Ён Гэсомуна — Намсэном, Намгоном и Намсаном — за должность фактического правителя страны (манниджи), которую занимал их отец.

Внутренние раздоры в Когурё благоприятствовали танским завоевателям. Изгнанный своими братьями Намсэном перешел на сторону танского императора (Гао-цзуна) и стал помогать ему в подготовке войны против Когурё. Гао-цзун под видом поддержки обиженного Намсэна спарядил крупную армию (под командованием Ли Ши-цзи) для завоевания Когурё. Уже в 667 г. танская армия заняла важную когурёскую крепость Синсон. Одновременно против Когурё двинулись войска силлаского вана. Однако из-за сильного сопротивления когурёсцев союзникам в 667 г. не удалось добраться до столицы Когурё. Лишь в следующем году, заняв важнейшие крепости на Ляодуне — Пуё и другие, танские завоеватели преодолели сопротивление когурёских войск у Амноккана и приступили к осаде Пхеньяна. Силлаские войска нанесли поражение когурёским силам, выставленным Намгоном для обороны столицы с юга. Через месяц после начала осады Пхеньян был полностью отрезан от остальных районов страны. Считая бессмысленным дальнейшее сопротивление, ван Поджан, Намсан и другие подняли белый флаг. Не принесла успехов и отчаянная попытка Намгона организовать отпор.

В 9-м месяце 688 г. ван Поджан, представители знати и тысячи людей из простого народа были уведены в плен в Танскую империю, а территория Когурё (776 крепостей с населением 697 тыс. дворов) попала под власть завоевателей, учредивших в Пхеньяне Андон тохобу (Наместничество умиротворения восточных земель). Оно подразделялось на 9 тодокпу (провинций), 42 чу (области) и 100 с лишним хён (уездов). Танскому наместнику Сюэ Жэнь-гую оставили 20 тыс. охранных войск, начальниками провинций и областей назначили представителей когурёской знати, перешедших на сторону Танской империи.

Установление власти танских завоевателей вызвало в Когурё, как и в Пэкче, освободительную борьбу народа, причем эта борьба уже пользовалась поддержкой Силла, которое начало испытывать прямую угрозу своей собственной независимости, особенно когда стало ясным стремление Танской империи установить господство на всем Корейском полуострове.

Истинные стремления Танской империи, угрожавшие жизненным интересам Силла, обнаружались уже после падения Пэкче. Но до тех пор пока оставался на севере такой сильный противник, как Когурё, правители Силла не осмеливались открыто выступить против танских завоевателей. Положение изменилось с падением Когурё и началом борьбы населения Когурё и Пэкче против иноземных захватчиков. Используя старую знать Когурё и Пэкче, танские правители пытались всячески ущемить Силла. Как отмечалось, танский император принудил силлаского вана Мунму заключить договор о вечной дружбе с Пуё Юном, чтобы закрепить за своим ставленником всю территорию Пэкче, на которую претендовало Силла. Танские завоеватели отвергли и законное требование Силла вернуть ему земли, захваченные в прошлом когурёсцами.

Политика танской династии, направленная на превращение Силла в слабого и послушного вассала, встретила активный отпор. Выражая на словах свою готовность «служить» империи, силлаские правители неприемлемо отвергали попытки утверждения танского господства не только в Силла, но и на завоеванных землях Пэкче и Когурё.

В Когурё сопротивление танским войскам не прекратилось с падением столицы и капитуляцией двора. Об этом свидетельствовали и стойкая оборона 10 крепостей к северу от Амноккана, и стихийное движение против захватчиков, поднявшееся на занятой танскими войсками территории. Эту борьбу возглавляли выходцы из правящего класса. Они явно тяготели к Силла — единственному государству на Корейском полуострове, противостоявшему захватническим устремлениям Танской империи. Так, отряд когурёских повстанцев во главе с Ком Моджамом, действовавший в 670 г. между крепостью Кунмо и южным берегом р. Пхэган, перебил всех танских чиновников и буддийских священников, а в г. Хансон (современный Чэрён) основал базу для борьбы за освобождение бывшей столицы Когурё. На принадлежавшем Силла о-ве Саядо Ком Моджам встретился с одним из членов ванского рода Когурё, Ансыном (по одной версии он был внуком вана Поджана, по другой — сыном Ён Джонто, брата Ён Гэсомуна, перешедшего еще до начала войны на сторону Силла), который во главе 4 тыс. повстанцев обосновался на силлаской территории. В Хансоне Ансын был провозглашен ваном Когурё. Тогда Ком Моджам обратился с письмом к силласкому вану и сообщил, что после гибели Когурё он «нашел благородного отпрыска своего государства Ансына и признал его государем» и «хочет стать пограничным вассалом (Силла) и на веки вечные сохранить свою верность». Он писал, что в стремлении возродить государство Когурё «теперь наша надежда только на великое государство (Силла)».

Через некоторое время Ансына торжественно встретили в Силла как вана Когурё и поселили в г. Кыммаджо, снабдив всем необходимым. Это была открытая демонстрация поддержки Силла когурёских повстанцев. Когда же танские войска после расправы с повстанцами в Анси в 671 г. напали на ополчения, действовавшие в районе горы Пэкпинсан, силлаские войска уже непосредственно вмешались в борьбу и разгромили танскую армию (было взято в плен более 2 тыс. человек). Одновременно Силла начало освобождение бывших пэкческих земель. В 670 г. силласцы заняли 82 города. В следующем году были освобождены новые территории. Танский император Гао-цзун, стремясь помешать дальнейшим действиям Силла, направил в Корсю армию Сюэ Жэнь-гуя. В письме к силласкому вану Сюэ Жэнь-гуй обвинил его в непокорности императору и угрожал прибегнуть к силе, если тот не прекратит захвата пэкческих земель. Однако в ответном письме, исполненном достоинства, силлаский

ван Мунму доказывал свою правоту и обвинил Танскую империю в стремлении использовать бывших пэкческих правителей («вражеские осколки») во вред Силла. Наряду с формальными заверениями в преданности танскому императору он выразил надежду, что танские войска «не выступят в бой прежде, чем будет выяснена истина» (справедливость действий Силла).

Отвергнув дипломатический нажим, ван Мунму дальнейшими военными действиями на территории Пэкче ликвидировал танское наместничество в Унджине и основал новую область силлаского государства — Собури.

Конфликт между Силла и Танской империей обострялся. Для расправы со своим бывшим союзником танские правители отправляли все больше войск, в том числе киданей и мохэ (672 г.). Когда началось танское наступление из района Пхеньяна, на стороне Силла стали действовать когурёские повстанческие отряды.

Уверения в преданности императору не мешали силласкому вану Мунму действовать весьма решительно. В 673 г. флот Силла установил прочный контроль над западным побережьем, а сухопутные войска в девяти сражениях нанесли поражение танской армии, подкрепленной отрядами киданей и мохэ. В 674 г., посылая войска на усмирение Силла, танский император прибег к новому политическому маневру, объявив о низложении силлаского вана Поммина (Мунму) и лишении его всех присвоенных ранее танских чинов. Ваном Силла был провозглашен оказавшийся в танской столице Ким Инмун (брат Поммина), который должен был занять престол при помощи танских войск. Но эта затея, по-видимому, встретила такой отпор, что император вынужден был «простить вана», восстановив его во всех чинах, и вернуть с полдороги незадачливого претендента на трон.

Между тем силласцы достигли заметных успехов, заняв большую часть пэкческих земель и распространив свои области и округа вплоть до самых южных пределов Когурё.

В 675—676 гг. в десятках больших и малых сражений силлаские войска одержали победу над танскими армиями.

После многократных поражений своих войск Таны в 677 г. были вынуждены оставить бывшую когурёскую столицу Пхеньян и перенести административный центр Андонского (кит. Аньдунского) округа на территорию Ляодуна.

Провалились попытки Танской империи установить господство в Корее, используя ставленников из числа бывших правителей Когурё и Пэкче. Так, бывший когурёский ван Поджан к этому времени был назначен «ляодунским губернатором и корёским (т. е. когурёским) ваном», а сын последнего пэкческого вана Пуё Юн — «наместником (тодоком) Унджиша и ваном Дайфана». Поражение танских завоевателей и их ставленников свидетельствовало о том, что под главенством Силла произошла консолидация населения Корейского полуострова, поднявшегося на борьбу против иноземного господства. Это проявилось и в совместных действиях когурёских повстанцев и силласких войск против танских завоевателей, и в той легкости, с какой Силла отвоевывало у них города и крепости на землях бывшего Пэкче. С прочностью образовавшегося государства вынуждена была считаться и Танская империя, которая в 735 г. признала границу по р. Тэдонган, ибо вся территория Корейского полуострова к югу от нее составляла области и округа объединенного Силла. Но обширная территория материковой части государства Когурё не вошла в состав Силла; большая ее часть была присоединена к Танской империи.

Так или иначе, победой Силла завершилась длительная борьба за объединение страны. Причину того, почему эту историческую миссию удалось осуществить Силла, а не возникшим ранее и более развитым Когурё или Пэкче, следует искать не только в международных условиях (вмешательство китайских империй), но и в особенностях социально-экономического развития каждого из трех государств.

Недостаток фактического материала затрудняет выяснение всех внутренних факторов, определивших падение Когурё и Пэкче, а также возвышение и жизнеспособность Силла, выдержавшего тяжелую борьбу против сильных соперников на Корейском полуострове и захватнической политики Танской империи. Но известные факты политической истории все же дают основание полагать, что более раннее развитие государственности в Пэкче и Когурё раньше привело и к обострению социальных противоречий, ослабивших позиции господствующего класса Когурё и Пэкче перед лицом внешней агрессии. Повествуя о гибели этих государств, летописи отмечают роскошь и праздность господствующего класса Пэкче, падение нравов при дворе (фаворитизм, пренебрежение к справедливым советам мудрых людей и пр.), а также пагубные междоусобицы, раздиравшие Когурё. Можно, следовательно, высказать предположения о далеко зашедших там процессах распада общинных отношений, о росте имущественной дифференциации, приводившей к развитию крупного частного землевладения и тенденций к феодальной раздробленности.

Что же касается государства Силла, утвердившегося позднее и потому дольше сохранявшего устои общинных отношений, то оно, по-видимому, оказалось внутренне более прочным для последующего объединения страны. Населению Когурё и Пэкче, страдавшему от более жестокой эксплуатации правящего класса, казалось привлекательным вхождение в состав государства Силла, где еще не достигли такой остроты классовые противоречия. Хотя эти предположения нельзя обосновать прямыми данными источников, они косвенно подтверждаются фактами политической истории и позднейшими социально-экономическими процессами в объединенном Силла, где в известной мере повторились и нашли продолжение тенденции, наметившиеся в период трех государств (ослабление раннефеодального государства в результате развития процессов феодализации, разорение общинного крестьянства и рост крупного землевладения).

Объединение населения Корейского полуострова государством Силла ознаменовало важный исторический этап в формировании единой корейской народности, а также в становлении и развитии феодального строя в Корее.

Совместная борьба против танских завоевателей, единая территория, утверждение одного общегосударственного языка — все это подготовило формирование новой исторической общности — корейской (силлаской) народности, сложившейся на основе одинакового способа производства, общности языка и культуры. Но единая народность включила не все население трех государств, так как значительная часть когурёсцев консолидировалась с иноплеменными элементами (мохэ и др.) и участвовала в формировании других народностей Восточной Азии, оказав важное влияние на складывание политического облика и культуры таких средневековых государств, как, например, Бохай (кор. Пархэ).

Таким образом, со времен объединенного Силла в Корее сложилась компактная этническая, языковая и культурная общность населения, послужившая основой для формирования в будущем единой корейской нации со своей самобытной культурой.

Социально-экономический и политический строй объединенного Силла

Определение сущности общественно-экономических отношений в объединенном Силла тесно связано с трактовкой характера социально-экономического строя трех государств. Поскольку среди историков, как уже отмечалось, нет единого мнения о социально-экономической характеристике Когурё, Пэкче и Силла, неизбежны различия и в понимании исторических процессов на следующем этапе — после объединения их территории. К тому же и в этом случае имеющиеся источники не дают сколько-нибудь детальных сведений об указанных процессах.

Несмотря на существующие различия мнений при определении характера общества предшествующего периода, большинство современных корейских историков (КНДР) считают, что эпоха объединенного Силла была временем, когда уже развивались феодальные отношения. При этом одни из них (Пэк Намун, Лим Гонсан и др.) думают, что феодальные отношения сменили существовавший прежде рабовладельческий строй, а другие (Ким Гванджин, Ким Сокхён и др.) полагают, что с объединением страны получили лишь дальнейшее развитие элементы феодальных отношений, возникшие в период трех государств.

По мнению первых, после объединения страны утвердилась качественно новая (т. е. феодальная) государственная власть. Так, например, Лим Гонсан утверждает, что существовавшая до VI в. н. э. государственность в Силла представляла собой примитивную монархию, служившую для подавления рабов и зависимых крестьян-общинников, поработанных в результате завоевания, в то время как государство после объединения служило целям эксплуатации распыленных (утративших общинные связи) мелких крестьян путем прикрепления их к земле и принуждения к уплате поземельного налога, к подворным поставкам и несению отработочных повинностей. И это качественное изменение государства Силла, по его мнению, выразилось в вытеснении в VII в. старой, родовой знати новой, военной знатью из числа крупных землевладельцев, сложившихся в результате классового расслоения в силласких общинах. Борьба за объединение объяснялась усилением политической власти этих феодальных помещиков (во главе с ваном), стремившихся к расширению сферы своего экономического господства.

Впрочем, сторонники этой концепции оставляют невыясненным вопрос о принципиальном отличии старой (так называемой консервативной) аристократии от новой (так называемой военной знати), равно как и вопрос о происхождении «феодальных помещиков» в результате крушения «рабовладельческой системы», олицетворяемой «консервативной» родовой аристократией.

По известным в настоящее время фактам невозможно установить принципиальные отличия в формах эксплуатации непосредственных производителей (представленных массой зависимых от господствующего класса крестьян) и в характере собственности на основные средства производства в период трех государств и после объединения. Что касается государства Силла, то там после объединения произошли прежде всего количественные изменения. По сравнению с периодом до объединения у господствующего класса стало гораздо больше зависимого эксплуатируемого населения. Это было результатом расширения территории, а не качественных изменений в способе производства. Во всяком случае, можно наблюдать заметное возрастание богатств, которыми распоряжался господствующий класс.

И до и после объединения господствовавшие в Силла производствен-

ные отношения основывались на феодальной собственности на землю. Государственная собственность на землю позволяла правящему классу коллективно эксплуатировать крестьян. В то время когда общинные отношения в деревне мешали прямым земельным захватам, силлаская знать пользовалась государственной властью как средством господства над крестьянскими общинами. После объявления крестьянских (общинных) земель собственностью вана (государства) они попадали во владение отдельных представителей господствующего класса в виде различных пожалований вана.

При самом своем возникновении государственная собственность на землю уже предполагала различные формы крупного частного землевладения, которое могло колебаться от права временного сбора в свою пользу поземельного налога до права закрепления за наследниками и превращения в фактическую частную собственность. Однако этот процесс формирования частной феодальной собственности на землю растянулся на многие столетия. Вначале удельный вес этих земельных пожалований был весьма незначительным. Как известно, еще до объединения страны в Силла существовали земельные пожалования правящей знати в форме так называемых кормовых округов (сигып), состоявших из определенных населенных территорий (деревень) или некоторого количества крестьянских дворов, которые обязаны были платить налоги и выполнять повинности в пользу держателя таких наделов. В результате пожалований государства буддийской церкви возникла категория монастырских земель (саджон). Наиболее внушительную часть крупного землевладения составляли дворцовые земли (чикхальджи), находившиеся в распоряжении царствующей династии.

Несмотря на зарождение этих форм крупного землевладения, абсолютно преобладали земли, находившиеся в распоряжении крестьян (общинников) и составлявшие номинальную собственность государства. Принцип государственной собственности предполагал выполнение населением этих земель триады повинностей — уплату земельного налога, поставку податей, а также несение трудовой повинности (пуёк). При передаче государственных земель во владение знати последние присваивала то, что полагалось государству. Однако крупные земельные пожалования в период до объединения составляли исключительное явление. Известно, что в VII в. такие пожалования были сделаны за особые заслуги лишь Ким Юсппу и Ким Инмуну.

И после объединения сообщения летописей о земельных отношениях весьма немногословны. Первое из них гласит, что в 687 г. был издан указ о раздаче гражданским и военным чиновникам в качестве жалованья полей (ногып, или квалтёджон) с соответствующими различиями. Отсюда видно, что целью государственной власти (являвшейся собственником всех земель) было обеспечение земельными наделами представителей господствующего класса. Однако через два года, в 689 г., был издан другой указ — об упразднении этих земельных пожалований и выдаче жалованья зерном. Эта мера, видимо, объяснялась тем, что при значительном расширении территории Силла (после объединения страны) опасались ослабления центральной власти в результате земельных раздач. В тот момент для всего господствующего класса первостепенное значение имели укрепление государственной собственности на землю и эксплуатация крестьянского населения возросшей территории посредством централизованного государственного аппарата, который был особенно необходим для подчинения свободных общинников и для борьбы с антисилласкими элементами на присоединенных землях.

С упрочением централизованного государства земельные раздачи

возобновились. Сообщается, что в 757 г., «отменив помесячное жалование центральным и местным чиновникам, возобновили раздачу в жалование ногып». Впоследствии (в 799 г.) целый уезд был выделен в качестве ногып для содержания учащихся столичной конфуцианской высшей школы.

В этой практике был заложен источник роста частного землевладения и ослабления централизованного государства, так как рост частного землевладения подтачивал основы государственной собственности на землю, обостряя заложенные в ней внутренние противоречия. Государственная собственность на землю могла иметь реальное значение лишь до тех пор, пока существовало сильное централизованное государство, а последнее могло быть сильным лишь при реальном сохранении государственной собственности на землю.

Почти столетие с конца VII в. Силла оставалось централизованным государством, основывавшимся на государственной собственности на землю и общегосударственной системе эксплуатации крестьян путем прикрепления их к наделам, за которые они обязаны были нести феодальные повинности — платить земельный налог-ренту, делать поставки изделиями домашней промышленности или местных промыслов, нести военные или трудовые повинности. Именно в этом состоял смысл введения в 722 г. крестьянских наделов (чонджон). Краткое сообщение летописей о наличии такой категории землевладения истолковывалось по-разному. Одни историки видели в этом подтверждение факта существования надельной системы, другие — особых солдатских земель.

Сущность чонджон прояснилась лишь с введением в научный оборот найденного в Японии (в храме Сёсёэн, г. Нара) отрывка из силлаского подворного списка (чанджок), относящегося к VIII в. Из этого документа, сохранившего описание нескольких деревень вблизи малой столицы Совон (современный Чхонджу), стало понятным содержание слова «чон», которое в данном контексте служило для обозначения совершеннолетнего субъекта мужского пола, наделяемого участком государственной земли и обязанного за это платить налоги и нести повинности. По достижении 60-летнего возраста это лицо освобождалось от повинностей, а его земельный надел подлежал возврату в казну. Чонджон, таким образом, представлял собой категорию крестьянского землевладения при надельной системе и государственной собственности на землю.

Документ сообщает и о других формах землевладения, существовавших в Силла в VIII в. В описанных деревнях имелись поля, выдаваемые в качестве жалования чиновникам (кванмо дап); поля, принадлежащие дворцовому ведомству (нэсирён дап); поля, приписанные к должности деревенского старосты (чхонджуви дап), и, наконец, уже упоминавшиеся поля, составлявшие наделы крестьянских семей (ёнсуо дап) или дворов, называвшихся «ёнхо» («двор с дымовой трубой»). Чонджон, следовательно, выдавались не из какого-то особого государственного фонда, а это были исконные крестьянские земли, которые указом 722 г. объявили государственной собственностью.

Надельная система являлась формой прикрепления крестьян к земле и эксплуатации их с помощью централизованного государственного аппарата. И пока существовала эта система, крестьянские земли в какой-то степени были гарантированы от захвата крупными землевладельцами, которые на своих землях, возможно, применяли труд подневольных поби. Однако по мере усиления крупных землевладельцев, которым принадлежала государственная власть, не исключалась возможность захвата ими и наделов свободных крестьян на государственной земле.

Наряду с лично свободным крестьянством, составлявшим подданных государства и основное податное население деревень, входивших в адми-

нистративные округа и уезды, по источникам более позднего времени, известно существование таких категорий деревенских общин, как пугок, хян или со, население которых было более принижено в сословном отношении, чем обычные крестьяне, и находилось в «подлом» (презренном) состоянии. Оно занималось земледелием (в пугок, хян) или производством ремесленных изделий (в со). Хотя нет сведений о положении этого населения в ранний период, историки, считающие три ранних государства рабовладельческими, полагают, что в ту эпоху оно преобладало среди подневольной (рабской) части населения, образовавшейся из покоренных племен, целыми общинами попадавших в рабскую зависимость от завоевателей, а после объединения страны государством Силла эта форма зависимости была переходной от рабства к крепостничеству. Как и остальные крестьяне, такие общинники несли триаду повинностей, но они были настолько бесправны, что напоминали рабов. Один из историков назвал их «крепостными, похожими на рабов, или рабами, похожими на крепостных». Во всяком случае, такая категория крайне приниженного населения сохранялась в феодальной Корее очень долго, вплоть до начального периода правления династии Ли.

В объединенном Силла государство служило орудием централизованной эксплуатации крестьянства на всей территории страны в интересах господствующего класса, организованного в бюрократическую иерархию во главе с монархом — ваном. Структура централизованного государства складывалась длительное время. Большинство центральных правительственных учреждений было создано еще до объединительных войн, но затем столичные органы усложнились, возросло их число.

При неограниченной власти вана государственное управление осуществляли Исполнительный совет (Чипсасон), занимавшийся всеми основными делами государства, и Совет по дворцовым делам (Нэсон); возникли также отраслевые палаты — по военным делам (Пёнбу), финансам (Чобу), государственным запасам (Чханбу), церемониям (Йебу), контролю (Санджонбу), сухопутным перевозкам (Сынбу), строительству (Йеджакпу), корабельным делам (Сонбу), внешним сношениям (Ёнгэкпу), по делам чиновников (Вихвабу), наказаниям чиновников (Чвау ибанбу) и др. В административном отношении все государство делилось на чу — области (в некоторых из них были учреждены согён — наместничества или малые столицы во главе с тодоком), кун — округа во главе с тхэсу и хён — уезды во главе с сосу. Самой низшей административной единицей являлась чхон — деревня во главе с чхонджу — старостой. Эксплуатация деревень составляла смысл существования всей бюрократической иерархии господствующего класса.

Общее число и названия областей и округов в разные периоды менялись. Во время войн за объединение области и округа учреждались по мере присоединения новых земель. С включением всей бывшей пэкческой территории были созданы четыре новые области: Вансанджу, Чхонджу (современный Кванджу), Унчхонджу и Муджинджу. Ряд областей и округов возник на присоединенных землях бывшего Когурё. Затем в 757 г. провели реорганизацию административного деления. Государство разделили на девять областей (три — на исконно силласких землях, три — на бывших пэкческих и три — на бывших когурёских). Области получили новые названия: Сабольджу стала Санджу, Самянджу — Янджу, Чхонджу — Канджу, Хансанджу — Ханджу, Суякчу — Сакчу, Хасоджу — Мёнджу, Унчхонджу — Унджу, Вансанджу — Чонджу, Муджинджу — Муджу. Всего в них входило 410 округов и уездов. Как и прежде, имелось пять малых столиц, но и их почти все переименовали (Кымгван —

в Кимхэ, Чунвон — в Чхунджу, Пугвон — в Вонджу, Совон — в Чхонджу). У Намвона сохранилось старое название.

Действенность централизованной администрации подкреплялась военной организацией, которая после объединения служила главным образом для внутренних целей — укрепления существующих порядков. Войска обеспечивали исправное поступление налогов и исполнение повинностей, подавляли выступления народных масс против господствующего класса. При учреждении новых областей или округов для них предусматривались и соответствующие контингенты вооруженных сил. Всего было свыше 20 видов военных формирований, в числе которых 9 отрядов столичных войск (отдельно существовала и личная гвардия вана), 16 отрядов, охранявших крепости в важнейших областных и окружных центрах, около 20 отрядов провинциальных войск, подчиненных местным управителям, и др. Существовали также специализированные войска: арбалетчики (нобён), воины для штурма крепостных стен (унджебён), катапульты (соктхубён), воины рукопашного боя (кыкпён), лучники (кунбён) и др. Основной контингент армии набирался из свободных крестьян, держателей податных наделов на государственной земле, для которых военная служба была одной из главных повинностей. Командный состав армии (чангуны, тэгамы и согамы) состоял исключительно из землевладельческой аристократии.

После объединения страны для упрочения власти центрального правительства были приняты меры по преодолению былой обособленности отдельных районов. Чтобы поощрить столичную аристократию селиться в малых столицах и областных центрах, были установлены специальные провинциальные чины, которые по значению и материальному обеспечению не уступали званиям военно-чиновной знати в главной столице Вангён. А такой факт, как отзыв из Кыммаджо когурёского вана Подока (Ансына) и предоставление ему в столице подобающего звания и земельного пожалования (в 683 г.), свидетельствовал о стремлении ликвидировать даже номинальное существование отдельных государств как несовместимое с принципом единого централизованного государства.

Для пресечения сепаратистских тенденций на окраинах была установлена система заложничества (сансури), предусматривавшая постоянное пребывание в столице на мелких чиновных должностях представителей местной знати, по одному от каждой области. Как правило, все основные административные должности в малых столицах, областях, округах и уездах занимала столичная аристократия, практически состоявшая из близких или дальних родственников царствующей династии. Не довольствуясь этим, ван регулярно совершал инспекционные поездки в малые столицы. Расположение главной столицы на крайнем юго-востоке создавало определенные неудобства в управлении отдаленными областями, поэтому не раз обсуждался вопрос о ее переводе в глубь страны; но осуществление этой идеи оказалось непосильным делом вследствие упорного сопротивления привилегированной столичной знати.

Потребности централизованного государства сделали необходимым особое покровительство конфуцианской идеологии. С 788 г. отбор чиновников на государственные должности стал производиться не по их воинской доблести и умению, как это было принято раньше, а по уровню знания конфуцианских классических сочинений, для проверки чего ввел государственный экзамен на три степени учености (токсо чхульсинква). С этого времени особенно усилился поток аристократической молодежи в танский Китай для получения конфуцианского образования.

Развитие производительных сил в Силла

Создание централизованного государства и установление определенной системы эксплуатации крестьянских масс способствовали дальнейшему развитию производительных сил страны. Положительное значение имела проводимая государством политика поощрения земледелия (квоннон), которая в необходимых случаях предусматривала предоставление крестьянам ссуды зерном или скотом из государственных запасов, уменьшение или отмену на определенный срок налогов, оказание помощи («чинхюль» — «милостей») голодающему или терпящему бедствия населению, а также беспомощным старикам или сиротам. Так, например, в 705—707 гг. на эти цели было истрачено 200 тыс. сок зерна.

Важнейшей составной частью этой политики была забота об увеличении площади пахотных земель, постройке и содержании в порядке оросительных систем, своевременном выполнении полевых работ, так как от всего этого зависели урожай и получаемые государством доходы. Государственный надзор за полевыми работами существовал в Силла и раньше, но он, по-видимому, значительно усилился после войн за объединение, когда настоятельно потребовалось поднять земледелие, чтобы преодолеть разруху многих военных лет.

С присоединением больших пространств плодородных равнинных земель, пригодных для посевов риса, заметно возросли масштабы строительства плотин, водохранилищ и оросительных каналов. По сообщениям летописцев, в 790 г. только при ремонте плотины Пёккольдже на принудительные работы было согнано население семи округов и уездов.

В столицу Силла стекались огромные богатства, ибо успешное развитие земледелия обусловило и рост добычи полезных ископаемых, и развитие различных ремесел, внутренней и внешней торговли. Выплавка меди и железа, обработка благородных металлов имели давнюю историю, но заметного размаха они достигли в VIII в. в связи с возросшим спросом на металлы. Из железа делали оружие и сельскохозяйственные орудия, а медь и бронза в больших количествах шли на изготовление изображений буддийских святых, колоколов и утвари для храмов и монастырей.

Хотя и нет прямых сведений о социально-классовой принадлежности ремесленников той эпохи, но, по многочисленным упоминаниям в источниках, можно считать, что преобладало государственное ремесло, подчиненное центральному правительственному ведомству Конджапбу (Управление мастерами), которое ведало производством различных тканей, одежды и украшений, домашней утвари, предметов культурного обихода, шорных и кожаных изделий, оружия, фарфора, черепицы и пр. Государственное ремесло основывалось на труде мастеров, приписанных к казенным учреждениям, или мастеров, обязанных нести отработочные повинности. Помимо этого, по всей вероятности, ремесла возникали как в среде свободного крестьянства, так и в хозяйствах зарождающихся крупных феодальных землевладельцев, располагавших достаточным числом закрепощенных людей. О высоком уровне казенного ремесла можно судить по тому, что изделия силласких мастеров пользовались спросом далеко за пределами страны. Из перечня предметов, отправленных ко двору танского императора, видно, что среди них наряду с чистым золотом, серебром и лекарствами находились различные сорта парчи, тонкие шерстяные ткани и полотна, ювелирные изделия — золотые и серебряные винные приборы, шпильки, колокольчики, колчаны с золотой и серебряной отделкой и другие изделия. Особенно славились разного рода луки и арбалеты силласких оружейников.

Изменения в уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве и ремеслах создали предпосылки для товарного обмена. Основная масса прибавочного продукта непосредственных производителей поступала в распоряжение господствующего класса в виде продуктовой ренты (налогов и податей), причем из этой массы какая-то часть излишка превращалась в товар, о чем свидетельствует рост рыночного оборота. Однако не исключена возможность того, что часть избыточного продукта оставалась у самих производителей. Так или иначе, оба источника могли обеспечивать товарный обмен. Если до объединения страны в столицу Силла существовали только два рынка, то в 695 г. там открылись еще два. Торговая деятельность на всех рынках регулировалась чиновниками государственного Рыночного управления (Сиджон).

Часть избыточного продукта, находившегося в распоряжении господствующего класса, шла и на внешний рынок. Во внешнеэкономическом обмене Силла первое место занимала Танская империя, связи с которой (после кратковременного перерыва) усилились. Вместо получения военной помощи (как это было до объединения) Силла было заинтересовано теперь в налаживании экономического и культурного обмена, поэтому развивало кораблестроение и мореходство. Обмен подарками и «данью» при официальных посещениях дипломатических представителей фактически носил характер межгосударственной торговли, ибо эквивалентный характер обмена ценностями строго соблюдался (их подробный перечень оговаривался в переписке). Кроме этого традиционного обмена в довольно широких масштабах велась и частная торговля. О размахе деятельности силласких купцов свидетельствует существование в ряде портов Танской империи специальных факторий и поселений — «силлабан», — где всеми административными и торговыми делами ведали силлаские купцы.

Обычный торговый маршрут проходил от силласких портов на западном побережье — Хельгуджин в устье р. Ханган или Тансонпхо — через Шаньдунский полуостров (порт Дэнчжоу) вдоль восточного побережья Китая до уезда Динхай (около современного Шанхая), откуда сушей или водным путем добирались до Чанани — столицы Танской империи. Очевидно, купцы торговали теми предметами, которые интересовали господствующий класс обеих стран. По источникам известен лишь перечень предметов, которыми обменивались обе стороны при посещении посольств. Послы Танской империи передавали правителям Силла различные шелка, одежду, лекарства, ювелирные изделия, книги. Примерно те же предметы вывозились из Силла. К названным ранее предметам, может быть, следует добавить вывозившихся из Кореи мелких лошадей, собак, шкуры морских зверей и пр.

Оживленно велась торговля и с Японией. После разрыва дипломатических отношений в первой половине VIII в. обмена посольствами между Силла и Японией вплоть до 803 г. не существовало, но и тогда купцы обеих стран поддерживали торговые связи. Японские купцы довольно часто приезжали в порты Силла, а силлаские регулярно ездили на Кюсю и другие японские острова. Корабли силласких купцов перевозили пассажиров (паломников-монахов, учащихся и др.) и грузы, направлявшиеся из Японии в танский Китай.

С ослаблением централизованного государства и его контроля над деятельностью купцов объем частной торговли силласких купцов в отдельных случаях рос, некоторые из них становились весьма серьезной экономической и политической силой на местах.

Развитие морских связей Силла некоторые историки объясняют ослаблением контактов с соседями на материке после утверждения на

севере государства Бохай. Это государство возникло в начале VIII в. (в 700 г. оно называлось Чжэнь, а с 713 г. — Бохай) в результате освободительной борьбы, развернувшейся среди местного населения и свергнувшей господство династии Тан на Ляодуне. Оно занимало Ляодун и северную часть Корейского полуострова. Подавляющее большинство его населения составляли мохэские племена (в прошлом известные, по китайским источникам, как сушень и илоу), среди которых развернулся процесс классового расслоения, а костяк господствующего класса составила пришедшая аристократия разрушенного государства Когурё. Выходец из Когурё Тэ Джоён основал царствовавшую здесь династию. В 30-х годах VIII в. Танская империя пыталась использовать Силла (чем и объяснялись уступки ему со стороны династии Тан) против Бохая, но безуспешно. С тех пор длительное время между Силла и Бохаем не было никаких дипломатических отношений, а потому, несмотря на двухвековое соседство, в корейских источниках не осталось никаких сведений о Бохае. Впрочем, отсутствие официальных отношений не исключало возможности контактов, в том числе и торговых, между населением пограничных районов обоих государств.

Развитие феодальных отношений. Ослабление централизованного государства

Объединение страны и создание централизованного государственного аппарата не могли привести к полному преодолению местной обособленности и сепаратистских тенденций. До тех пор пока централизованная власть как олицетворение государственной собственности на землю служила орудием закрепощения крестьян, подавлявшим сопротивление их общинной организации, она поддерживалась формирующимся классом феодальных землевладельцев. Однако централизованное государство довольно скоро исчерпало свою миссию в результате социально-экономических изменений, происшедших в VIII в. Можно полагать, что развитие производительных сил и связанные с этим (особенно с расширением торговли и ростовщичеством) интенсивное разложение общинных отношений и усилившаяся классовая дифференциация ускорили процесс феодализации и рост крупного частного землевладения, подрывавшего еще недостаточно прочные устои государственной собственности на землю, на которой держалось раннефеодальное централизованное государство.

После узаконения в 757 г. земельных пожалований чиновникам (в форме погып) дальнейшее расширение государственных учреждений и рост их общего числа непрерывно увеличивали эту категорию землевладения. Количественный рост неизбежно должен был привести и к качественным изменениям в характере самих земельных наделов, прежде всего в районах, удаленных от столицы, где особенно сильна была тяга к закреплению их в качестве наследственных владений и превращению в фактическую частную собственность.

Об экономическом могуществе высшей служилой знати Силла можно судить, например, по сообщению «Син Тан шу» о том, что «в доме силлаского министра (чэсан) не прерывается жалованье», что большое количество принадлежащих ему домашних животных — лошадей, крупного рогатого скота и свиней — пасется на морских островах (и по мере надобности их отстреливают для стола), что в его распоряжении находятся рабы или личная гвардия. Правда, из текста источника не совсем ясно, имеются ли в виду 3 тыс. латников (из отряда арбалетчиков — подан)

или «3 тысячи юных невольников (нодон) и латников». Во всяком случае, из этого сообщения можно сделать вывод о наличии собственных войск у крупных землевладельцев. Известно также, что после VIII в. общей тенденцией в Силла стало появление местных феодальных владетелей, располагавших своими вооруженными отрядами.

Обширные земли принадлежали буддийской церкви. Когда буддизм стал официальной религией, а церковь получила различные привилегии (важнейшая из них — освобождение земельных владений от налогов), пожертвования в ее пользу стали делать не только во имя спасения души, но и для облегчения налогового бремени жертвователей. Вероятно, именно поэтому ван Мунму еще в 664 г. запретил самовольно передавать монастырям и храмам богатства и земли. Однако с того времени земельные владения буддийских храмов и монастырей значительно возросли, главным образом за счет щедрых пожертвований самого государства, нуждавшегося в услугах церкви. Даже отрывочные сведения свидетельствуют о весьма крупных дарениях: 10 тыс. кён государственной земли было передано церкви в 693 г., ван Хегон в 779 г. пожаловал 30 кель храму Чхусон и т. д.

И наконец, растущая имущественная дифференциация и разложение общинных отношений в деревне подрывали надельную систему, являвшуюся основой эксплуатации крестьян государством. Об имущественной дифференциации крестьян свидетельствуют и упомянутые выше остатки подворного списка. Из него видно, что крестьяне по имущественному положению были разделены на девять категорий, в соответствии с чем определялись и размеры налоговых ставок. Подчеркивая привилегированное положение деревенского старосты, документ констатирует факт выделения из среды крестьянства тхохо (богачей), превращавшихся постепенно в мелких феодалов. Расширение земельных владений чиновников, буддийских монастырей и местных богачей означало постепенное поглощение ими крестьянских наделов, составлявших материальную основу централизованного государства, сокращение его доходов от крестьянских налогов и повинностей.

Таким образом, по мере развития процесса феодализации, связанного с ростом различных форм крупного землевладения, все более обострялись противоречия, заложенные в системе классового господства, основывавшегося на государственной собственности на землю. Несмотря на непрерывное сокращение сферы своего фактического господства, центральная власть по-прежнему требовала от населения уплаты налогов и выполнения всех повинностей. Чтобы спастись от невыносимого произвола правительственных чиновников, многие из крестьян, еще не попавших в крепостную зависимость от крупных землевладельцев, старались добровольно отдаться под покровительство сильных и влиятельных людей. Это называлось тхутхак. Такая форма закрепощения крестьян еще более усиливала местных феодалов — владельцев обширных имений. Попытки центрального правительства применить силу для взыскания налогов встречали на местах упорное сопротивление.

Кризис системы централизованной эксплуатации крестьян, порожденный ростом числа крупных феодалов, привел к крайнему обострению политической борьбы в Силла. Власть центрального правительства парализовалась не только сопротивлением податного крестьянства, которое не в состоянии было выдержать двойной и тройной гнет, но и противодействием местных феодальных властителей, сформировавшихся из числа государственных чиновников провинциальной администрации или из стихийно выросших на местах богачей (преимущественно из крестьян). Развитие этих процессов привело к тому, что централизованное государ-

ство Силла в конце IX в. уже фактически распалось под ударами крестьянских восстаний и сепаратистских движений.

Социальная природа мятежных выступлений против центрального правительства не раскрывается в сообщениях летописцев, которые и крестьянскую борьбу против эксплуататоров, и сепаратистские мятежи местных феодалов характеризовали одинаково как выступления «воров и разбойников». И в этих условиях рассмотрение некоторых моментов политической истории может помочь выяснению социально-экономических процессов, не нашедших прямого отражения в источниках.

Как известно из «Самгук саги», средневековые авторы делили всю историю государства Силла на три периода: правление первых 28 ванов (до Чиндок) называли древней эпохой, правление 8 ванов (от Тхэджон-Мурёля до Хегона) — средней эпохой и правление 20 ванов (от Сэндокка до Кёнсуна) — поздней эпохой. Иначе говоря, древнюю эпоху заканчивали в 654 г., среднюю — в 780 г., позднюю — в 935 г. В «Самгук саги» поясняется, что первые 28 ванов назывались «сонголь», или «священная кость», а последующие — «чинголь», или «истинная кость».

Китайские авторы того времени отмечали, что первой (т. е. «священной») костью назывался род вана, а второй («истинной») — вся остальная аристократия. Более точны указания, что к сонголь принадлежали лица, находившиеся в родстве с ваном по отцовской и материнской линии, а к чинголь — родственники вана лишь по одной отцовской линии. Хотя социальная природа деления на «кости» еще не вполне выяснена, связываемая с ним периодизация истории Силла (по линии родства правителей), несомненно, говорит о происшедших социальных переменах.

Сообщение о том, что линия правителей, принадлежавших к сонголь, или «священной кости», закончилась в 654 г. ваном Чиндок (женщина), дает основание предполагать, что связанная родством по мужской и женской линии эндогамная группа сонголь охватывала крайне узкий круг привилегированных людей, старавшихся не допускать в свои ряды чужаков. Возможно, она ограничивалась родовой аристократией первоначальной общины (саро), которая покорила соседние общины и племена и положила начало силлаской государственности (или даже первого союза племен). Однако дальнейшее развитие государства Силла и включение в господствующий класс аристократии иноплеменного происхождения постепенно уменьшали удельный вес и роль первоначальных родов (пока наконец вовсе не прекратилась линия их потомков), и этот процесс отразился в смене царствующей аристократии сонголь на чинголь, ряды которой постепенно расширялись.

С приходом ванов из аристократии чинголь было осуществлено объединение страны. В течение так называемого «среднего периода» существования централизованного государства ванский престол удерживался за прямыми потомками вана Тхэджон-Мурёля (Ким Чхунху), первого вана из рядов чинголь. «Поздний период» истории Силла был временем, когда в борьбу за ванский престол включились многочисленные представители боковых ветвей царского рода, именуемого чинголь. Эти изменения в генеалогическом древе правителей Силла явились отражением и социальных перемен, и изменений в характере политической борьбы.

В ранний период создание бюрократического аппарата сопровождалось сохранением привилегий родовой аристократии племен, вошедших в состав государства Силла, причем ванская власть монопольно закрепилась за аристократией определенных (первоначальных) родов, образовавших группу сонголь. Такое своеобразное положение объяснялось сохранением сильных пережитков первобытнообщинных отношений в период зарождения класса феодальных землевладельцев в Силла. Здесь

также следует искать причину того, почему оказался столь длительным процесс постепенной утраты политической гегемонии столичной аристократией Силла, которая по происхождению была связана с родо-племенной знатью периода возникновения раннефеодальной государственности.

Создание централизованного государства после войны за объединение страны, по-видимому, существенно не изменило положения и не прекратило борьбы между различными группами аристократии (разноплеменного происхождения) за политическую гегемонию и захват ванской власти. Об этом напоминают сообщения летописцев, касающиеся разоблачения заговоров против ванской власти в 681 г. (заговор Хымдоля, Хынвопа и Чингона) и в 700 г. (заговор Кёнъёна и др.), в которых оказались замешанными весьма высокопоставленные сановники. И впоследствии представители высшей родовой знати не переставали оспаривать право на престол. После восшествия на престол вана Хегона в 768 г. против него выступили 96 какканов (самый высокий чиновный ранг, присваивавшийся аристократии чинголь), претендовавших на высшую власть.

Междоусобная борьба охватила столицу и все области. Войска одного из какканов, Тэгона, 33 дня осаждали ванский дворец. Правительству вана потребовалось целых три месяца для разгрома мятежников. Как отмечает летописец, «казненных было неисчислимо», а все имущество мятежников перевезли в казну вана. Это крупнейшее вооруженное выступление против центрального правительства свидетельствовало не только о соперничестве аристократии различных родов, но и о симптомах ослабления централизованной власти под влиянием роста крупного землевладения на местах. Несомненное отражение этих процессов — обострение соперничества и борьбы за власть в среде столичной аристократии, принадлежавшей к разветвившемуся ванскому роду.

В 780 г. ван Хегон был убит во время мятежа, поднятого одним из членов царствующего рода — Ким Чиджоном. Со смертью Хегона закончилась линия прямых потомков Тхэджон-Мурёля; началась полоса междоусобных распрей в среде столичной аристократии. Мятеж Ким Чиджона был подавлен войсками первого министра Ким Нянсана и ичхана (чин 2-го ранга) Ким Гёнсина. В результате ванами последовательно стали Ким Нянсан (ван Сэндок, до 785 г.) и Ким Гёнсин (ван Вонсон, до 792 г.). Внук Вонсона ван Эджан в 809 г. был убит во время переворота, совершенного его дядей Онсыном (ван Хондок).

В правление Хондока произошло выступление (822 г.), которое указывало на прямую связь междоусобной борьбы в столице с сепаратистскими устремлениями на местах. Летописцы отмечают, что правитель области Унчхонджу Ким Хончхан, «недовольный тем, что отец его Ким Джувон (он был приемным сыном вана Сэндока.— Авт.) в свое время не стал ваном, поднял мятеж и провозгласил создание государства Чанан («Длительное спокойствие»); он «угрозами подчинил себе правителей четырех областей — Муджинджу, Вансанджу, Чхонджу и Сабольджу, а также наместников малых столиц Кугвон, Совон, Кымгван, а также начальников округов и уездов, входящих в эти области».

Для подавления этого мятежа центральному правительству пришлось двинуть несколько армий, действовавших по восьми направлениям, дать ряд кровопролитных сражений, в результате которых было убито или взято в плен множество мятежников. По сообщениям летописей, Ким Хончхан после упорной обороны в осажденной крепости покончил с собой; «одновременно были казнены двести тридцать девять человек из его родственников и единомышленников, а их люди были отпущены на волю». Из последней фразы можно установить наличие у

местных феодалов значительного числа закрепощенных подневольных людей. В 825 г. сын Ким Хончхана — Ким Поммун «в сговоре с кодальсанским разбойником Сусином и другими ста с лишним своими сторонниками замыслил мятеж» и пытался основать свою столицу в Пхёнъяне, но потерпел поражение. На этом распри в правящем классе не прекратились. В 836 г. после смерти вана Хындокка борьба за престол завязалась между его братом Кюнджоном и племянником Черюном. Кюнджон погиб в завязавшейся схватке, а престол занял Черюн (ван Хигап), но через некоторое время (в 838 г.) был свергнут бывшим своим сторонником Ким Мёном (ван Минэ). Между тем Уджин, сын Кюнджона, ранее бежавший со своей семьей в порт Чхонхэджин, решил начать борьбу за престол при помощи правителя этого порта Чан Бого. Таким образом, в междоусобицы среди столичной аристократии был вовлечен и один из крупных окраинных феодалов.

Чан Бого представлял собой весьма колоритную фигуру той эпохи. Выходец из крестьян, он выдвинулся на военной службе в Суйчжоу (Танская империя), где стал мелким военачальником. По возвращении в Силла в 828 г. был назначен правителем порта Чхонхэджин (о-в Вандо), где, собрав 10-тысячную армию, развернул борьбу с морскими пиратами. После успешной расправы с пиратами ему удалось монополизировать торговлю с Китаем и Японией, что принесло ему огромные богатства. Чан Бого не только принял под свое покровительство одного из столичных аристократов, но и вступил непосредственно в борьбу за центральную власть. Посланный им 5-тысячный отряд помог Уджину свергнуть вана Минэ и занять престол в 839 г. Так воцарился ван Синму. Чан Бого за свои заслуги получил титул почетного военачальника и 2 тыс. дворов в виде кормового владения (сиксильбон). Вскоре, при новом ване Мунсоне (сыне Синму), Чан Бого приобрел огромное влияние на государственные дела и даже собирался женить вана на своей дочери, но это вызвало противодействие родовой столичной аристократии. В конце концов Чан Бого был убит подосланным убийцей в 846 г., а порт Чхонхэджин закрыт.

Несмотря на эти политические потрясения, столица Силла сохраняла свое прежнее величие и производила впечатление богатого и даже процветающего города. По преувеличенным данным летописцев, в ней проживало 170 тыс. семей. Все дома были под черепичными кровлями, а у многих богачей украшены золотом. Для отопления применяли древесный уголь. Но вся пышность столицы держалась на зыбком основании, ибо бывшее могущество централизованного государства и власть столичной аристократии уже были подточены ростом крупного землевладения и самостоятельности феодальных властителей на местах.

Упадок централизованного государства средневековые историки, проникнутые конфуцианскими предрассудками, пытались объяснить прочным правлением вана-женщины (Чинсон, 887—897), окружившей себя молодыми фаворитами, которые, захватив власть, допускали всевозможные злоупотребления. Этим будто бы объяснялись народные волнения и беспорядки. Но истинная причина последних состояла в том, что на местах выросли могущественные силы самостоятельных феодалов, а центральное правительство не располагало средствами, чтобы заставить их выполнять указы и распоряжения. В результате из областей не поступали налоги, казна опустела. С ослаблением центрального правительства усилился произвол местных чиновников и богачей. Попытки центрального правительства, несмотря на голод и неурожай в стране, собрать налоги привели в 889 г. к всеобщему восстанию.

Главной причиной восстаний было усиление феодального гнета. Уже

в 819 г. начались голодные бунты крестьян. Местные феодалы пользовались недовольством народа для борьбы против центрального правительства. Нередко они возглавляли народные выступления и затем становились правителями целых районов. Наиболее крупными были восстания под предводительством Вонджона и Эно в Санджу, Янгиля в Вонджу, Кихвона в Чуксане, Кёнхвона в Чонджу и др.

Силла распалась на многочисленные уделы, и власть правительства ограничивалась столицей и прилегающими землями.

В противовес Силла возникали новые государства; одно из них — на юго-западе. Его основал сын крестьянина из Санджу — Кёнхвон. Он выдвинулся на службе в войсках, охранявших юго-западное побережье, но в 892 г. оставил службу и возглавил повстанческий отряд около Кванджу (современная Южная Чолла). Повстанцев с восторгом встретило население области Чонджу, где Кёнхвон объявил о создании государства Хубэчхе («Позднее Пэкче»). Он недвусмысленно претендовал на власть в столице Силла.

Другое государство было основано в центре Корейского полуострова. Его возглавил Кунъе — отпрыск царского рода Силла, бывший монах храма Седадь. Сначала Кунъе примкнул к отряду Янгиля. При его поддержке он подчинил местных властителей в бассейне р. Имджинган и в 898 г. превратил в свой удел округ Сонак. Вскоре его вассал Ван Гон разгромил Янгиля, и Кунъе захватил принадлежавшие последнему владения. В 901 г. он провозгласил себя ваном, а свое владение — государством Позднее Корё (т. е. Когурё, подчеркнув стремление возродить былое величие этого государства). Впоследствии оно переименовывалось дважды — сначала называлось Маджин, а затем Тхэбон (когда его столицей стал Чхорвон).

Этот период феодальной раздробленности обычно называют временем Позднего троецарствия (Хусамгук).

Культура Силла

Объединение страны, создавшее условия для развития экономики, и формирование единой народности ознаменовались несомненным подъемом в области культуры, особенно в VIII в. Они привели к преодолению различий в уровне культуры тех частей, из которых сложилось единое государство.

Как и в период трех государств, в это время идеология представляла соединение исконных элементов (в частности, верований в различных духов) с идеями конфуцианства, буддизма и даосизма. Сплав этих идей нашел свое выражение в идеологии хваранов, в так называемых правилах поведения цветущей молодежи, служивших целям борьбы за объединение страны. Культ воинской доблести получил еще большее распространение в ходе войн за объединение страны, в которых выдающуюся роль сыграли Ким Юсин и другие полководцы из среды хваранов.

После объединения страны и создания централизованного государства первостепенное значение приобрели вопросы, связанные с организацией управления. Вот почему на первое место выдвинулось конфуцианство с уже выработанной теорией и практической системой государственного управления. К концу войн за объединение, в 682 г., в Силла для подготовки чиновников была создана Кукхак (Государственная школа), где главным предметом было изучение сочинений китайских конфуцианских классиков (прежде всего «Луньюй» и «Сяо цзин»), а учащимися — выходцы из аристократических семей в возрасте от 15 до

30 лет. Для преподавателей были установлены звания пакса (доктор) и чоге (ассистент). К концу VII в. в Силла большую известность приобрели такие знатоки конфуцианских идей и китайского языка, как Им Гансу, Сольчхон (создатель письма иду) и др.

Конфуцианство, которое вначале составляло лишь элемент в системе воспитания хваранов, постепенно приобрело доминирующее значение в качестве государственной идеологии. В 788 г. были введены специальные экзамены на чии. Оканчивающим государственную школу в зависимости от их познаний в конфуцианской классической литературе присваивали тот или иной чиновный ранг. Отныне не военная доблесть, а конфуцианская ученость стала главным мерилom при отборе чиновников на государственную службу.

Нужды государственного управления и потребности производства, прежде всего сельского хозяйства, сделали необходимым развитие элементов точных, естественных и практических наук, особенно таких, как математика (счет) и астрономия. В 718 г. в столице была учреждена Нугак чон (Палата водяных часов), служители которой составляли календарь, занимались наблюдениями за небесными телами.

Однако, говоря о «науке» того времени, следует иметь в виду, что истинные знания зачастую переплетались с суеверием, магией и чернокнижием. Особенно большое место занимала геомантия, исходившая из представления о существовании благоприятных и неблагоприятных мест для поселений и погребений, из необходимости угадать и найти для этих целей такое счастливое сочетание гор и вод, при котором их духи будут способствовать процветанию людей. Эта лженаука получила в дальнейшем еще большее «теоретическое» обоснование и распространение.

Если конфуцианство преобладало в области государственного управления и политики, то не меньшую роль играл буддизм в сфере непосредственного духовного воздействия на народные массы, парализуя их недовольство существующими порядками. Распространяемый при поддержке государства буддизм в Силла был представлен разнообразными течениями. Если к середине VII в. существовало только пять основных сект махаянистской ветви, то в VIII в. в противовес им возникло девять новых сект («Девять гор») разного направления, именовавших себя названиями гор и имевших свои монастыри и своих основоположников. В Силла появился ряд проповедников (Вонхё, Ыйсан и др.), пытавшихся дать собственное толкование буддийского учения.

Много буддийских монахов направлялись на учение в Танскую империю и совершали паломничества к «святым местам» буддизма. Еще в первой половине VI в. силлаский монах Ариябхарма сушей добрался до Индии, но умер на обратном пути. Такая же судьба постигла и других монахов, попавших в Индию. Несколько более удачным было путешествие Хечхо, который в начале VIII в. пешком направился в Китай, а оттуда морем в Индию, посетил «святыя места» буддизма, затем через Кашмир и другие североиндийские государства и далее через Иран дошел до Сирии. Обратный путь он совершил также пешком — по всей Средней и Центральной Азии. Перевалив Памир, в 727 г. он дошел до Чанани, столицы Танской империи, где и умер.

Фрагменты записок Хечхо «Повесть о посещении пяти индийских царств», случайно найденные в начале XX в. в пещерах Дупьхуана, — ценный исторический источник, повествующий о тогдашних государствах Индии и Средней Азии. Хечхо был крупным буддийским ученым, переведшим на китайский язык санскритские религиозные сочинения.

Литература и искусство объединенного Силла развивались в тесной связи с идеологией господствующего класса. Конфуцианскими учеными

и писателями VII—VIII вв. была создана значительная литература на китайском языке. В источниках упоминается множество имен писателей, но их произведения не сохранились до наших дней. Так, например, Ким Дэмун (начало VII в.) известен своими биографическими трудами, посвященными жизнеописанию отцов буддийской церкви («Повести о высших священниках») и знаменитых хваранов («Записки о поколениях хваранов»).

Поэзия в объединенном Силла, как и в предшествующий период, была представлена главным образом жанром каё, получившим широкое распространение в VIII—IX вв. Образцы каё периода Силла (всего 14) дошли до нас в передаче автора «Самгук юса», у которого отбор их был явно односторонним, так как его интересовали преимущественно дела буддийской церкви. Неудивительно, что среди авторов сохранившихся каё было много буддийских монахов — Вонхё (конец VII в.), Вольмёнса, Чхундамса и Ёнчхэ (VIII в.), Тэгухвасан (IX в.). Немало каё было создано хваранами (Тыгокок в VII в., Евон, Ехын, Кевон и другие в IX в.). В «Песне о Чукиране» хваран Тыгокок воспевал его доблести, призывая следовать этому примеру верного служения государству. Той же теме была посвящена «Похвальная песня о Кипхаране», сочиненная монахом Чхундамса, которому принадлежала и «Песня об успокоении народа», затрагивавшая вопрос о гуманном правлении. Автор призывал правителей любить свой народ и заботиться о нем. Наряду с политическими и гражданскими темами в каё определенное место занимали лирика и приключения. В 888 г. первый министр Вихон и поэт Тэгухвасан составили антологию корейской поэзии «Самдэмок» («Произведения [для] трех поколений»), в которой было собрано более тысячи сочинений.

К последнему периоду существования Силла относится деятельность знаменитого конфуцианского ученого и писателя Чхве Чхивона (858—951). По распространенному тогда обычаю он юношей был отправлен на учение в танский Китай, где выдержал государственные экзамены и добился расположения императора Си-цзуна. Чхве Чхивон создал много разнообразных по тематике стихотворений, в которых воспевал красоту родной страны, предавался глубоким раздумьям о человеческой судьбе. Большой заслуга поэта состояла и в том, что в его стихотворениях впервые в корейской поэзии прозвучала тема сочувствия простому человеку. Поэтическое наследие Чхве Чхивона оказало большое влияние на корейскую поэзию последующих столетий.

В объединенном Силла получили дальнейшее развитие музыка и хореография периода трех государств. Здесь продолжал свою деятельность знаменитый когурёский музыкант Ван Сана, создавший более ста произведений. Однако подлинным главой силлаской школы музыкантов считается Ок Пого. Музыкальные произведения исполнялись на основных струнных (комунго, каягым, липха) и духовых (тэхам, чунхам и сохам) инструментах, которые отличались весьма широким диапазоном звучания. Развитие музыки и танцев привело к созданию своеобразных вокально-танцевальных ансамблей, состоявших из трех-четырех музыкантов-аккомпаниаторов, одного-двух танцоров и нескольких певцов. Силлаская музыка оказала заметное влияние на музыкальное искусство в тогдашних Китае и Японии.

Изобразительное искусство периода трех государств также нашло продолжение и развитие в объединенном Силла в VII—VIII вв. Оно было тесно связано с идеологией буддизма и культовыми сооружениями, которые определяли комплексное развитие архитектуры, скульптуры, живописи и художественных ремесел. Несмотря на ограниченность сю-

жетов, в произведениях этого времени отразились одаренность и само-бытность художественного мышления народа. Для скульптуры особенно характерно изображение «Царя четырех небес», или духа — покровителя государства.

Важное место занимали в ней намогильные памятники, среди которых особенно типичен монумент на могиле вана Тхэджон-Мурёля, сыгравшего выдающуюся роль в возвышении Силла. На спине огромной каменной черепахи, символизирующей спокойствие и величие, возвышалась каменная стела, увенчанная характерной скульптурной капителью (из этих элементов не сохранилась лишь стела). Поразительная монументальность памятника сделала его образцом для многочисленных последующих подражаний.

Идея укрепления государственности была воплощена в храме Сачхонван, возведенном в правление вана Мунму. Как показывают найденные на месте бывшего храма облицовочные плиты, на их лицевой стороне были рельефные изображения «Царя четырех небес» с мечом, вознесенным над поверженными врагами. Среди выдающихся мастеров, работавших над скульптурами и сюжетами на облицовочных плитах, был художник Янджи, оформлявший храмы Ёнмё, Помим, Сачхонван и др.

С сооружением мемориальных памятников связано и искусство каллиграфии на камне. В конце VII в. по прописям художника и каллиграфа Янджи были высечены на камне тексты жалованных грамот монастырям Ёнмё и Помим, по прописям Ким Инмуна — текст стелы памятника вану Тхэджон-Мурёлю. Выдающимся каллиграфом VIII в. был Ким Сэн (род. в 711 г.), расписавший пагоду «Пэкволь соун».

Укрепление централизованного государства в VII—VIII вв. стимулировало развитие изобразительного искусства, связанного с оформлением храмов и других монументальных сооружений. О многих из них известно лишь по рассказам летописцев. Более ясное представление об искусстве того времени дают некоторые из сохранившихся памятников, такие, как храм Пульгук, искусственный грот Соккурам и др.

Период существования объединенного Силла — это время наивысшего расцвета буддийских монастырей и храмового изобразительного искусства. Если ранее право на строительство монастырей принадлежало только ванскому двору, то в VII—X вв. его получили местные феодалы и духовенство.

Возрастание количества буддийских монастырей явно сопровождалось уменьшением их размеров. Самый большой и самый известный из монастырей этого периода — Пульгук — по размерам не достигал и четвертой части крупнейшего монастыря Мирык, построенного двумя столетиями ранее. Зато гораздо больше внимания стали уделять отделке зданий, их внешнему великолепию.

Монастырь Пульгук, расположенный недалеко от столицы Силла — г. Кёнджу, был возведен в 751 г. на западном склоне горы Тхохамсан. К высокому каменному двухъярусному основанию площадью около 7 тыс. кв. м ведут четыре красивые лестницы с поэтическими названиями: «Белые облака», «Голубые облака», «Лотос» и «Семь сокровищ». В момент постройки в монастыре насчитывалось около 70 различных строений, но лишь немногие из них сохранились до наших дней (некоторые только в реконструкциях). Центром всего монастыря был «Золотой зал», богато отделанный и расписанный лучшими мастерами того времени. В первоначальном виде сохранились две постройки — «Пагода больших сокровищ» и «Пагода Сакьямуни». Первая — шестиярусное, очень изящное благодаря обилию колонн строение, украшенное тонким шпилем; вторая — более массивна, ближе к традиционному для Кореи

стилю пагод. Три ее яруса покоятся на двухъярусном фундаменте. Очень удачно поставленные, обе пагоды выгодно дополняют друг друга и свидетельствуют о большом художественном вкусе зодчих. Монастырь Пульгук по праву занимает видное место в истории корейского строительного искусства.

Замечательным образцом храмового зодчества Кореи является пещерный храм Соккурам, именуемый также Сокпуль. Как известно, буддийские храмы в Индии иногда размещались в пещерах, выдолбленных в скалах. В Корее твердые горные породы не позволяли при тогдашней технике выдолбить пещеры достаточных размеров, поэтому строители предпочли сооружение из камня искусственной пещеры, в которой и разместился единственный в Корее храм подобного рода. Как и монастырь Пульгук, Соккурам располагался поблизости от столицы Силла, в горах Тхохамсан. Храм состоял из двух помещений — квадратной формы передней и круглого главного зала, — соединенных широким проходом. Эти помещения как бы символизировали два мира — реальный и потусторонний в буддийском понимании. Аналогия подчеркивалась и тем, что потолок в первом помещении плоский, как Земля в представлении древних, а во втором — куполообразный, подобный сферичному небосводу.

Однако подлинная художественная ценность Соккурама заключается не в его архитектурных особенностях, а в тех скульптурах, которые украшали стены, — более 40 изваяний и рельефов, изображавших различные божества буддийского пантеона. Переднее помещение украшено барельефами восьми буддийских святых и двумя изображениями дварапала — духов-хранителей. На стенах прохода высечены четыре дэва, которые в Китае и Корее именовались «Небесными царями» (ванами).

В центре главного помещения установлена статуя сидящего Сакьямуни высотой почти 3 м. Скульптура эта отличается от прежних изображений Будды полной гармонией всех частей тела, тщательной отделкой деталей. Твердость материала и чистота отделки статуи свидетельствуют, что техника обработки камня достигла в то время высокого уровня. Стены круглого зала украшены изображениями одиннадцатилетнего Авалокитешвары (божества милосердия), высших буддийских божеств — Брахмы, Манджушри, Индры и Самантхи, а также десяти архатов — учеников Сакьямуни.

Статуи и рельефы в пещерном храме Соккурам — вершина буддийской скульптуры в Корее. Рожденные к жизни мастерством талантливых ваятелей, эти изображения заняли достойное место в ряду скульптурных шедевров мира.

Еще одним свидетельством художественного вкуса и технических способностей безвестных корейских мастеров являются храмовые колокола; многие сохранились до нашего времени. Наиболее древний из них (в храме Санвон) отлит в 725 г. Самый большой, красивый и звучный из сохранившихся колоколов — колокол монастыря Пондок, отлитый в 771 г., его диаметр — 2,47 м, а вес — 72 т. Исторические записи утверждают, что в 754 г. мастер Ли Сантхэк отлил для монастыря Хваннён колокол-гигант весом 298 т. Поверхность колоколов украшали богатым орнаментом, фигурами святых и т. д.

Достойное место в музеях всего мира занимают художественные изделия из драгоценных металлов, керамики и самоцветов, изготовленные в объединенном Силла. Эти экспонаты отличаются от изделий периода трех государств тщательностью отделки, большей художественностью и являются бесспорным доказательством высокого для тех времен уровня развития техники. О прекрасных изделиях прикладного искусства гово-

рит, например, описание в «Самгук юса» макета «Горы 10 тысяч будд», отправленного как подарок в Танскую империю. Письменные источники сообщают и о деятельности силласких художников в соседних странах (Понмарё, Панманнё и других в Японии, Ким Чхуный в Танской империи, где он был придворным художником, и т. д.).

Во времена трех государств и особенно в период объединенного Силла были выработаны те своеобразные формы и традиции, которые стали истоками дальнейшего развития национальной корейской культуры, явившейся одновременно вкладом в сокровищницу общечеловеческой культуры. В последние годы существования Силла, когда оно утратило былое единство и раздиралось междоусобицами, культура и искусство в значительной мере пришли в упадок.

ГОСУДАРСТВО КОРЁ В X—XII вв.

Создание единого централизованного государства Корё

Феодалная раздробленность, воцарившаяся с конца IX в., отрицательно сказывалась на положении страны. Государства Силла, Тхэбон и Хубэкче постоянно враждовали между собой, вели разорительные войны. В 901 г. Кёнхвон, правитель Хубэкче, напал на Силла и ограбил прибрежные селения. В 905 г. часть земель Силла захватил правитель Тхэбона — Кунъе. В 907 г. Кёнхвон присоединил еще более десятка силаских крепостей, а Кунъе в 909 г. послал свои войска занять часть южных островов. В 910 г. Кёнхвон с 3 тыс. воинов пытался завладеть крепостью Наджу, но после десяти дней осады был отбит отрядом, присланным Кунъе.

Одновременно повсюду усилились влиятельные местные феодалы. Каждый из них считал себя неограниченным властелином своей округи. Их вооруженные дружины совершали опустошительные набеги на соседей, грабили и притесняли население. Особенно тяжело приходилось крестьянам. Их земли и имущество беспрепятственно захватывали феодалы и чиновники. Крестьян заставляли служить в войсках правителей и крупных феодалов, их то и дело сгоняли на строительство крепостей, дворцов и храмов.

Междоусобные войны повлекли за собой резкое увеличение налогов и податей. Впоследствии основатель нового государства Корё Ван Гон говорил: «Правитель Тхэбона (Кунъе) думал только о взимании налогов с народа, не соблюдая при этом старой системы. С 1 кён брали 6 сом (зерна), а с дворов, приписанных к почтовым станциям,— по 3 пучка шелковых нитей. Из-за этого народ перестал пахать землю и заниматься ткачеством. Люди разбегались один за другим». Значительная часть крестьян попала в долговое рабство, многие покидали родные места и уходили далеко в горы, спасаясь от грабежей и произвола феодалов. Большой ущерб понесли земледелие, составлявшее основу всей феодалной экономики, ремесло и торговля.

Распад Силла лишь на время приостановил неизбежный процесс слияния корейских земель в единое государство. Потребности социально-экономического развития делали необходимой решительную борьбу с феодалной раздробленностью. В этом прежде всего были заинтересованы крестьяне, ремесленники и торговцы, более других страдавшие от бесконечных войн. За объединение выступали мелкие и средние феодалы, составлявшие основную часть господствующего класса. Им самим приходилось немало терпеть от произвола и насилий крупных земельных магнатов. Интересы класса феодалов в целом требовали единства для борьбы с непрекращавшимся народным движением. Таким образом, в

вопросе о ликвидации феодальной раздробленности совпадали интересы различных социальных групп.

Обстановка за пределами Корейского полуострова также настоятельно диктовала необходимость объединения страны. В соседнем Китае в 907 г. пала династия Тан и развернулась ожесточенная борьба феодальных кланов. На северо-востоке усилились племена киданей, основавшие в 916 г. свое государство. Их войска, захватив земли Северного Китая, создавали угрозу непосредственно у корейских границ. На юге беспрепятственно действовали японские пираты, разорявшие население островов и приморских уездов. Укрепить оборону границ было невозможно без прекращения феодальных усобиц и объединения страны.

Воссоздание единого корейского государства связано с именем Ван Гона. Он происходил из могущественной феодальной семьи, владевшей огромными землями в районе Сонака (современный Кэсон). Предки Ван Гона выдвинулись в последний период существования объединенного Силла. Через зависимых купцов они вели обширную торговлю в различных местах Корейского полуострова и в Китае, содержали многочисленные отряды воинов и даже собственный флот. Эта богатая и могущественная семья некоторое время поддерживала правителя Тхэбона Кунъе, а сам Ван Гон участвовал в ряде походов. Выдвинувшись как крупный военачальник, он пользовался большим влиянием среди феодалов и воинов.

В 918 г. Ван Гон сверг с престола Кунъе, который бежал и вскоре был убит. Провозгласив себя ваном, Ван Гон дал государству новое название — Корё, подчеркнув тем самым преемственность его от Когурё. Придя к власти, Ван Гон прежде всего стал укреплять собственные позиции. Чтобы успокоить бунтовавших крестьян, он издал указ, запрещавший жестокое обращение с народом, обещавший покончить с вымогательствами и произволом чиновников и провозглашавший амнистию всем заключенным. Ван Гон на три года освободил крестьян от налогов, значительно снизил размеры обложения, на собственные средства выкупил более тысячи ноби. Политика умиротворения, в основе своей демагогическая, способствовала укреплению ванской власти и позволила приступить к собиранию разрозненных корейских земель.

Борясь за объединение страны, Ван Гон использовал все средства, чтобы подчинить крупных феодалов. Одних он принуждал к покорности силой, других привлекал высокими чинами, почетными титулами и щедрыми дарами. Более 2 тыс. гражданских и военных чиновников получили от него золото, серебро, а также шелк и прочие ткани в подарок. Уже через месяц после захвата власти на сторону Ван Гона стали переходить многие влиятельные феодалы Силла и Хубэкче. Одним из первых изъявил покорность Аджаге — отец самого правителя Хубэкче, обосновавшийся в Санджу, за ним последовали владетели Канджу, Чинбо, Ёнджу и других мест. В большинстве случаев Ван Гон оставлял крупным феодалам прежние владения, ограничившись признанием их политической зависимости.

В короткий срок Корё стало самым сильным государством на полуострове. В 920 г. ван Силла объявил себя союзником Корё, признав тем самым свое подчинение. Однако правитель Хубэкче, пытавшийся опереться на союз с крупными феодалами Китая, долгое время оказывал сопротивление притязаниям Ван Гона и даже вел военные действия против Корё. Одновременно он продолжал нападения на Силла, которое в результате бесконечных войн и отпадения крупнейших владений окончательно ослабело. В 935 г. последний силлаский ван направил послов к Ван Гону с просьбой принять его под свою власть. В следующем году

Ван Гон со 100-тысячной армией разгромил правителя Хубэчхе и присоединил его территорию.

Так было завершено объединение почти всех корейских земель. После этого сохранили самостоятельность лишь некоторые феодалы, но и они со временем вынуждены были покориться центральной власти.

Создание единого государства Корё стало важным этапом в истории феодальной Кореи. Объединение страны, прекращение междоусобных распри открывали благоприятные возможности для развития производительных сил и культуры, способствовали укреплению ее международного положения. Объединение создало предпосылки для превращения Корё в прочное централизованное государство. Политику укрепления центральной власти начал проводить Ван Гон и продолжили его ближайшие преемники.

В результате роста феодальной раздробленности административная система времен Силла развалилась, и ее пришлось создавать заново. Через год после захвата власти Ван Гон перенес столицу своего государства в родные места — в Сонак, который с тех пор стал называться Кэ-гён. В 940 г. было решено ввести новое административное устройство; определили даже названия округов и уездов, но претворить в жизнь это решение не удалось. Крупные феодалы, властвовавшие на местах, не желали мириться с ущемлением своих прав, и понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы заставить их подчиниться окончательно.

Административная система Корё создавалась в несколько этапов. В 983 г. 12 крупнейших городов были объявлены центрами соответствующих мок (областей). Размещенный в них чиновный персонал должен был осуществлять контроль над местным населением. Таким образом, областные центры стали опорными пунктами влияния ванского двора. В 995 г. всю страну разделили на 10 провинций, которые в свою очередь подразделялись на области, округа и уезды разных категорий (в зависимости от их важности и численности населения). Всего в то время было создано 580 областей, округов и уездов.

В начале XI в. достигнутая устойчивость нового режима позволила несколько укрупнить административное деление. Вместо 10 было учреждено 6 провинций: Кёнги (столичная), Сохэ, Янгван, Кёджу, Чолла и Кёнсан. Кроме них создали два особых пограничных края: Северный (позднее он стал называться Северо-Западный) и Северо-Восточный. В провинции и пограничные районы входили 516 областей, округов и уездов. С некоторыми изменениями такая административная система просуществовала до самого конца истории Корё. Она стала важным средством укрепления государственной централизации.

Одновременно с созданием административной системы происходило формирование чиновного аппарата. Многие годы в Кэ-гёне продолжали действовать центральные учреждения, сохранившиеся еще со времен Силла и Тхэбона. Лишь в конце X в. их структура была преобразована. При ване, пользовавшемся самодержавной властью, учредили высший совещательный орган (Топёнмаса), в который входили виднейшие сановники страны. Важнейшие функции управления государством выполняли три центральных управления. Одно из них (Нэса мунхасон) ведало работой правительственных учреждений, второе (Сансо тосои) занималось делами чиновников, третье (Самса) стало высшим финансовым органом.

Практическое осуществление указов вана возлагалось на шесть отраслевых ведомств — чинов (Ибу), военное (Пёлбу), подворное (Хобу), наказаний (Хёнбу), церемоний (Йебу) и общественных работ (Конбу). Помимо них при дворе имелось девять си (канцелярий), занимавшихся устройством поминок, жертвоприношений, различных торжественных об-

рядов, приемов послов и т. д. Несмотря на недостаточно четкое разграничение функций, центральные учреждения сосредоточили в своих руках основные нити управления государством.

В провинциальных, областных, уездных и окружных центрах были созданы соответствующие управления, во главе которых стояли чиновники, утвержденные ваном. В деревнях из среды богатейших крестьян были назначены старосты, подчинявшиеся уездным начальникам. Такая разветвленная система управления, охватывавшая мельчайшие административные единицы, обеспечивала существование Корё как единого централизованного государства.

Опорой вана в управлении страной была многочисленная армия чиновников. Первоначально важнейшие должности сосредоточивались в руках крупнейших феодалов и приближенных Ван Гона. С течением времени расширение государственного аппарата потребовало значительного увеличения чиновного персонала. В 958 г. были возобновлены экзамены на чип (с этих пор их стали называть «кваго»), к которым формально допускались даже свободные крестьяне. Исключение делалось лишь для выходцев из бывшего Хубэчхе в наказание за то, что их правители некогда враждовали с Ван Гоном. Государственные экзамены стали важным средством пополнения рядов чиновничества. Все чиновничество Корё делилось на гражданское и военное. От этого возникло общее название «янбан» («два подразделения»), обозначавшее часть феодального класса, близкую по своему положению европейскому дворянству. После объединения страны господствующее положение в системе управления занимали гражданские чиновники (мунбан), обладавшие рядом привилегий. Военные (мубан), пользовавшиеся большим влиянием во времена завоевательных походов Ван Гона, были затем оттеснены на второй план и ущемлены в жалованье, почестях при дворе государя и т. д.

В целом чиновный персонал, насчитывавший несколько десятков тысяч, олицетворял собой воссозданную централизованную систему угнетения трудящихся масс феодалами и служил целям укрепления господства новой династии. Централизованное государство создавалось и охранялось с помощью боеспособной армии. Военная система в Корё сложилась к концу X в. Правительственные войска в это время состояли из двух кун (армий) и шести ви (охранных корпусов). Армии предназначались для обороны страны, охранные корпуса несли сторожевую службу у ванского дворца, городских ворот, важнейших ведомств и т. д. Каждое из этих подразделений включало в себя соответствующее число ён (полков). Всего в правительственных войсках в мирное время было 45 тыс. рядовых и более 3 тыс. военачальников различных рангов.

Корёские войска формировались на основе пубён — обязательной воинской повинности. Призыву в армию подлежали только янбины — свободные крестьяне. Содержание войск целиком ложилось на плечи крестьянства. В Корё была введена система, по которой каждого рекрута обеспечивали всем необходимым два-три других военнообязанных из числа односельчан. Они должны были поставлять средства и продукты питания, заботиться о хозяйстве призванного на службу. В случае войны мобилизации подлежали не только свободные крестьяне, но и крепостные (ноби). Одновременно с созданием армии проводился ремонт старых и строительство новых крепостей, увеличивалось производство оружия и снаряжения. Упрочение обороноспособности Корё содействовало укреплению его государственного суверенитета.

Превращение Корё в централизованное государство давало возможность значительно расширить его пределы. Феодалы мечтали о возвращении когурёских земель, утраченных еще в VII в. после войн с Танской

империей. Правитель Тхэбона Купье сумел подчинить себе древнюю столицу Когурё — Пхеньян, находившийся до того в крайнем запустении. Сразу же после прихода к власти Ван Гон уделил серьезное внимание и продвижению на северо-запад.

Центром освоения новых земель стал Пхеньян. Ряд лет здесь велись обширные строительные работы. В Пхеньян переселили жителей Хванджу, Понсана, Хэджу и других районов, а также большую группу столичных чиновников. В крепости разместили значительные отряды войск. Чтобы поднять престиж города, его стали называть Согён (Западная столица). Наместником назначили одного из родственников вана. В Согёне открыли отделения столичных ведомств, сюда неоднократно навещался сам ван. В сравнительно короткий срок Согён сделался вторым после столицы городом Корё. К северу от него были построены крепости Тхондок, Ансу, Анбук, Сонсу и многие другие. Одновременно были посланы войска на северо-восток, чтобы освоить эту часть полуострова.

К 80-м годам X в. в пределы Корё вошел весь северо-запад, вплоть до южных берегов р. Амноккан. На северо-востоке земли Корё включали в себя территорию современной провинции Южная Хамгён примерно до нынешнего Ёнхына. Земли к северу занимали племена чжурчжэней.

Помимо Согёна были созданы еще две «малые столицы», которые должны были стать центрами своеобразных наместничеств корёского вана. Бывший главный город Силла — Кёнджу — называли Тонгён (Восточная столица), а Южной столицей (Намгён) стал Янджу, некогда являвшийся столицей Пэкче. В эти города из Кёгёна направили наиболее доверенных сановников, в задачу которых входило не допустить здесь сепаратистских движений и обеспечить власть правящей династии.

В результате мер, принятых Ван Гоном и его преемниками, в стране почти прекратились феодальные распри, утвердилась влиятельная центральная власть. Стабилизировалось внутреннее положение, окрепла оборона государства. К концу X в. Корё превратилось в централизованное феодальное государство, значительно более сильное, чем его предшественники.

Экономика Корё

Объединение страны и прекращение феодальных смут создали благоприятные возможности для некоторого роста производительных сил. Ван Гон и его ближайшие преемники уделяли внимание укреплению экономики, без чего невозможно было существование достаточно сильного централизованного государства. Предметом особых забот стало земледелие, составлявшее основу всего феодального хозяйства. Вновь была провозглашена политика «поощрения земледелия», которая считалась важнейшей задачей новой династии.

Прежде всего правители Корё приняли меры к увеличению сельского населения. После окончания военных действий значительно сократили численность солдат, на землю посадили часть казенных ноби. В деревню отправляли заключенных, освобожденных из тюрем, бродяг, схваченных на дорогах, и даже группы городских ремесленников и торговцев. Ван Гон издал указ, призывавший крестьян, бежавших в горы, вернуться на покинутые земли. Большое значение для роста земледельческого населения имело указанное выше временное облегчение налогового гнета.

Местным властям вменялось в обязанность взять на учет все пустующие поля и обеспечить их обработку. Они должны были ссужать крестьян семенным зерном и рабочим скотом. В 967 г. было приказано со-

брать во всех уездах металлическое оружие, перековать его на сельскохозяйственные орудия и раздать крестьянам. Правительство издало указы, запрещавшие отвлекать крестьян на побочные дела во время сельскохозяйственных работ. С наступлением весны в деревнях вывешивались подготовленные местными чиновниками наставления по обработке земли. Деревенские грамотеи знакомили с ними остальных жителей.

Каждый год, когда начинались пахотные работы, весь ванский двор выезжал на специально отведенное поле. При огромном стечении народа под звуки музыки ван, наследник престола, крупнейшие сановники брались за соху и проводили по несколько борозд. Эта церемония должна была не только символизировать «близость» к народу верхушки господствующего класса, но и подчеркнуть всю важность сельскохозяйственного труда.

Политика «поощрения земледелия» принесла некоторые плоды. Значительно возросло сельскохозяйственное население. Расширилась площадь пахотных земель, особенно за счет освоения территории к северу от р. Тэдонган. Чтобы привлечь туда жителей, власти даже обещали дать права вольных тем, кто принадлежал к «подлому» сословию. Земли, поднятые из целины, на несколько лет освобождались от налогов. В старых, обжитых районах были обработаны все пригодные участки. Сунский дипломат Сюй Цзин, составивший в первой половине XII в. «Иллюстрированную книгу о Корё» («Гаоли туцзин», по-корейски «Корё тогён»), отмечал, что в этой стране распаханы даже склоны гор и издали кажется, что вся земля состоит из многочисленных террас.

Была сделана попытка наладить ирригационную систему, от которой во многом зависело земледелие, особенно на юге Корё. Силами крестьян построили ряд дамб и небольших водоемов, провели ремонт старых сооружений. Но в целом система ирригации была развита слабо. Как правило, использовались примитивные способы полива и не применялось даже такое несложное приспособление, широко распространенное на Востоке, как водоподъемное колесо. Крестьянские земли продолжали страдать от засухи, наводнений и других стихийных бедствий. Когда случались стихийные бедствие, об этом докладывали в столицу, и оттуда приезжали чиновники ведомства финансов, определявшие размер ущерба. Если пострадало 40% урожая, крестьян следовало освободить от земельного налога, при 60% потерь с них списывали и подать холстом, а если ущерб составлял 70% и более, их должны были освободить от всех налогов и повинностей. Со временем фальсификация понесенных потерь стала одним из распространенных приемов ограбления крестьян.

Главными сельскохозяйственными культурами оставались рис, ячмень, просо, бобы. Расширялось огородничество. Уделялось некоторое внимание разведению технических культур (лен, конопля, рами — китайская крапива и т. д.). В 1028 г. был издан указ, обязавший крестьянские дворы высаживать каждый год по 15—20 тутовых деревьев. Проводились посадки лакового и бумажного дерева, выращивались фруктовые сады. Животноводство, как и на протяжении всей истории феодальной Кореи, было развито очень слабо.

Несколько расширились домашние промыслы. В крестьянских семьях производили различные сорта тканей, циновки и плетеные изделия, многие виды поделок из бумаги, дерева и металла. В условиях господства натурального хозяйства основные потребительные населения удовлетворялись за счет домашних промыслов. Частично их продукция в виде подати поступала в распоряжение государства.

Помимо домашних промыслов существовало и собственно ремесленное производство, которое, как уже указывалось, велось руками масте-

ров, приписанных к казне. В столице было учреждено несколько ведомств, занимавшихся вопросами ремесла. В их число входили ведомства: вооружения (Кунгигам), литейного дела (Чангъясо), производства украшений для нужд двора (Чунсансо), одежды (Саныйрём) и др.

Объединение страны благотворно сказалось на промыслах и ремесленном производстве. Возросла добыча полезных ископаемых, особенно золота, серебра, железа. В Корё имелось несколько сотен мест, где солевары в специальных чанах выпаривали соль. Корейские мастера производили различные сорта ткани, оружие и доспехи, одежду, посуду и украшения. В основном их продукция шла на нужды ванского двора и других феодалов, небольшая часть поступала во внутреннюю торговлю. В соседних странах большим спросом пользовались изготовленные в Корё разноцветные шелка, мечи и кинжалы, ювелирные изделия, фарфор, веера и бумага. Современники с похвалой отзывались об искусстве корёских мастеров.

Основные силы ремесленников сосредоточились в столице — Кэгёне, лишь немногие из мастеров работали в провинциальных городах. Разумеется, в рассматриваемую пору разделение труда внутри отдельных ремесел было крайне слабым. Вместе с тем в столице, где работали сотни мастеров, наметилась определенная специализация ремесленного производства. Так, в военном ведомстве имелись мастера по изготовлению кожаных и металлических лат, мечей, луков, стрел и наконечников к ним, чехлов для луков, обмундирования. Обработкой металла занимались литейщики, кузнецы, специальные мастера по латуни, меди, железу, зеркальщика, ювелиры и пр. Всего в Корё имелось более 50 ремесленных специальностей, что свидетельствовало о сравнительно высоком уровне производства.

Некоторое развитие получила внутренняя и внешняя торговля. Крупнейшим центром торговли стала столица. Здесь были устроены обширные торговые ряды (сиджон) и множество больших (пан) и мелких (ли) лавок. В середине XI в. их насчитывалось в общей сложности 379. Кроме того, велась мелочная торговля на улицах. В Согёне и еще нескольких крупных городах существовали рынки (хянси), на которых торговля разрешалась раз в пять дней. Помимо рынков имелось некоторое число мелких лавок.

Экономические связи между районами Корё почти отсутствовали. В лавках и на рынках торговали преимущественно товарами местного производства. Пути сообщения были развиты крайне слабо, основные перевозки совершались по рекам или вдоль морского берега. В основном перевозили налоговое зерно и изделия, собранные как подать, лишь небольшая доля приходилась на перевозку частных товаров. В начале XI в. казне принадлежало свыше 100 судов. Некоторые из них были крупных размеров и вмещали до тысячи сок зерна. Свои суда имели и богатейшие купцы.

Внутренняя торговля находилась под строгим контролем государства. В столице было создано торговое ведомство (Кёнсисо), которое осуществляло надзор за торговлей на рынках и в лавках. На местах для этих целей выделялись соответствующие чиновники. Они проверяли патенты торговцев, следили за порядком, собирали пошлину. Кроме того, в их обязанности входило наблюдение за правильностью мер и веса. Чиновники контролировали цены и в случае необходимости могли повышать их или понижать. Такая опека усиливала зависимость торговцев от централизованного государства, превращала их в объект бесконечных поборов и произвола.

Во внешней торговле Корё основное место занимал сунский Китай.

Туда вели два торговых пути. Один начинался на п-ове Онджин (Хванхэ), шел на север до о-ва Чходо в устье Тэдопгана, затем поворачивал на запад и заканчивался в порту Дэнчжоу в провинции Шаньдун. Другой простирался от центральных районов до Хыксапдо на юге, а оттуда морем до китайского порта Минчжоу. Только с 1010 по 1080 г. в Корё побывало 1705 сунских купцов. Как правило, они сопровождали одно из грех посольств, посетивших за эти годы Корё. Из Корё в указанный период в Китай было отправлено 13 посольств, с которыми ездили большие группы купцов.

Корёский экспорт состоял из золота, серебра, женьшеня, шелка, фарфора, бумаги, мехов и пр. Из Китая ввозились высшие сорта тканей, посуда, ароматические вещества, лекарства, письменные принадлежности и различные безделушки. Велась также торговля книгами. Например, в 1027 г. один из китайских купцов привез в Корё около 600 томов, а в 1091 г. из Корё в Китай отправили более 5 тыс. корейских книг.

Корё установило торговые отношения и со своими северными соседями — киданями и чжурчжэнями. Эта торговля была невелика и велась в пограничной полосе. В XI в. в Корё побывало свыше 8 тыс. чжурчжэньских купцов и большое число киданьских. Торговые связи с Японией наладились лишь в начале XI в., после того как были разгромлены морские пираты. Центром торговли стал Кымджу. В XI в. там побывало около 350 японских купцов, которые привозили мечи, жемчуг, морские продукты, цитрусовые и т. д., а вывозили зерно, ткани, меха, женьшень, изделия из фарфора.

Свидельством значительного роста внешней торговли Корё явились визиты арабских купцов. В 1024—1025 гг. их прибыло более ста. Вторая большая группа посетила Корё в 1040 г. Они доставили ртуть, различные благовония и лекарства, краски. Арабских купцов приняли приветливо; за свои товары они получили золото, серебро и шелковые ткани. Внешняя торговля Корё, как и внутренняя, находилась под постоянным контролем государства.

Подъем производительных сил, развитие ремесла и торговли вызвали появление металлических денег, которых феодальная Корея до того почти не знала. Функции денег раньше выполняли зерно и ткани. В 996 г. впервые были изготовлены железные монеты и даже назначен день, с которого следовало начать их употребление. Но ввести таким путем металлические деньги не удалось. Вновь к этому вопросу вернулись только в 1097 г. Был издан указ, обязывавший правительственные учреждения и всех жителей пользоваться монетами. В течение пяти лет ремесленники изготовили 15 тыс. кван. Одновременно пустили в обращение серебряные бутылки (ынбён) весом в 1 кын, на которых был изображен рельеф Кореи. Они должны были выполнять роль денежных единиц высшего достоинства.

Чтобы поощрить применение металлических монет, правительство выдавало их в качестве жалованья чиновникам и солдатам. В Кэгёне открыли казенную харчевню, в которой принимали только новые деньги. Власти поощряли владельцев тех лавок, в которых торговля велась на монеты. И все же металлические деньги не прижились. Они обращались преимущественно в столице и нескольких крупных городах и совсем не получили распространения в сельской местности, где население предпочитало по-прежнему пользоваться в торговле зерном и тканями. Металлические деньги находились в обращении в XI—XII вв., а затем на долгое время почти совершенно исчезли (использовались только серебряные бутылки). Но сам факт их появления был свидетельством определенного роста феодальной экономики в Корее.

Земельная система

В качестве экономической основы централизованного государства Корё была воссоздана государственная собственность на землю. Она формировалась долгое время в процессе укрепления власти вана над феодалами. Уже в 940 г. Ван Гон пытался ввести выдачу ёкпунджон (служебных наделов) чиновникам в зависимости от их должности при дворе. Но эти наделы не получили широкого распространения из-за ограниченности государственного земельного фонда. Огромные владения продолжали оставаться в руках крупнейших феодалов. После объединения страны прошло еще несколько десятков лет, пока усиление центральной власти позволило перестроить систему земельной собственности.

Прежде всего правители Корё обратились к условным держаниям за службу. В 976 г. ван Кёнджон издал указ о введении наделов, именовавшихся «чонсиква» («земля и лес по рангам»). Все обрабатываемые земли и леса подлежали занесению в соответствующий государственный реестр. Аристократию и чиновников разделили на 79 категорий в зависимости от происхождения и служебного положения. Позднее вместо такой сложной и путаной градации ввели 18 чиновных рангов, охватывавших все служилое сословие, включая казенных ремесленников и солдат.

В соответствии с присвоенным рангом чиновники получали от правительства земельные наделы. Первоначально высшему рангу полагалось 110 кель пахотной земли и такой же участок леса для сбора топлива, а низшему — соответственно 21 и 10 кель. Позднее в связи с ростом числа чиновников размеры чонсиква неоднократно сокращались. В 1076 г. для высшего ранга был установлен надел в 100 кель пахотной земли и 50 кель леса, а низшему рангу предоставлялось только 17 кель земли. Чиновникам последних четырех рангов прекратили выдачу участков для сбора топлива.

Надел чонсиква предоставлялся чиновнику пожизненно и оставался за ним даже после выхода в отставку. В случае повышения в должности чиновник получал новый надел, а прежний должен был сдать своему преемнику. Хотя военную повинность несли с 16 лет, по земле воинам давали начиная с 20 лет. Ее отбирали по достижении шестидесятилетнего возраста, когда истекал срок военной службы. Выдача наделов чонсиква отнюдь не означала передачу их в полную собственность чиновников. По закону владельцы наделов получали лишь право сбора земельного налога, который крестьяне обязаны были уплачивать казне. Земля продолжала формально считаться собственностью государства. Власти могли за провинность лишить чиновника земли или переменить его надел, хотя на практике такие меры принимались не так уж часто.

В связи с некоторым уменьшением служебных наделов в 1076 г. ввели уплату жалованья чиновникам зерном, чтобы «воспитать бескорыстие и скромность». Зерновое жалованье полагалось членам ванской семьи, чиновникам всех степеней, вплоть до самых мелких, и даже ремесленникам, работавшим на казну. «Все, кто имел должность, — сообщает „Корё са“, — имели и жалованье, чтобы заменить им обработку земли». Размеры зерновых выдач определялись служебным положением и рангом получателя; они колебались от 460 до 4 сок в год.

Помимо чонсиква были отведены также земли для государственных учреждений (конхэджон). Собираемый с них земельный налог шел на нужды провинциальных и уездных органов власти. Размеры наделов устанавливались в зависимости от численности населения и насчитывали

от 10 до 300 кель. Столичные учреждения также имели обширные земли для обеспечения своих расходов. Соответствующие участки выделялись почтовым станциям, речным переправам, конфуцианским учебным заведениям, смотрителям ванских гробниц и т. д.

В ряде мест страны, главным образом на северо-западе, были созданы особые военные поселения, в которых жители несли службу по охране государственных границ. Поселения располагали большими участками туцджон (земля поселений). Эта пахотная земля обрабатывалась самими поселенцами. Урожай с таких полей тратился на содержание размещавшихся там отрядов правительственных войск, а контроль за использованием земли осуществляли столичные ведомства. Кроме того, в Корё были введены особые кубунджон (пенсионные наделы), которые отводились вдовам и детям умерших чиновников, а также некоторым категориям мелких служилых людей (тюремные стражники и пр.), вышедших в отставку. Эти небольшие участки выдавались на время: их надлежало вернуть казне после смерти или совершеннолетия тех, кому они были даны.

Регистрация всех обрабатываемых земель, выдача чиновникам служебных наделов, которые юридически оставались в собственности государства, предоставление обширных владений ведомствам, почтовым станциям, военным поселениям и т. д. означали, что к концу X в. в Корё была реально восстановлена государственная собственность на землю. Это отвечало интересам большинства господствующего класса, и в первую очередь мелких и средних феодалов, которые получили определенные гарантии обеспеченного существования и защиты от посягательства «влиятельных семей».

Крупнейшим собственником земли в Корё была правящая династия. Часть владений (нэджанджон) принадлежала непосредственно самому вану, а остальные (кунвонджон) предназначались для содержания двора и числились как дворцовые. Можно предположить, что их площадь была весьма велика. Известно, например, что дворцовые земли располагались в 360 местах страны. Управлял этими владениями обширный аппарат чиновников.

Земли царствующего дома не входили в разряд государственных, но, по существу, были очень близки к ним. Ван считался юридически собственником тех и других. На практике он также не делал между этими землями особых различий, свободно распоряжаясь ими в случае необходимости. Ванские и дворцовые земли были той материальной базой, на которой основывались могущество и авторитет правящей династии. Они выступали как важный фактор существования централизованного государства.

Утверждая в Корё государственную собственность на землю, законы конца X в. отнюдь не отрицали частной феодальной собственности. Более того, последняя получила официальное признание. Именно со времен Корё все земли стали подразделять на конджон (казенные) и саджон (частные). Были подтверждены некоторые прежние и введены новые категории частной земельной собственности. Существование государственной и частной феодальной собственности определяло все своеобразие земельной системы в Корё.

Придя к власти, Ван Гон восстановил систему кормовых округов (сигып). Когда ему покорились правители Силла и Хубэкче, он оставил им «в кормление» их бывшие столичные округа. Впоследствии эта система распространилась на самую высшую феодальную знать. В середине XI в., в правление Мунджона, были установлены определенные нормы сигып в зависимости от аристократического титула¹. Каждому полага-

лось от 3 тыс. до 300 крестьянских дворов. Хотя формально речь шла только о доходах с этих дворов, но на деле в собственность получателя переходили и крестьянские земли.

При Ван Гоне были введены также саджон (дарственные земли), которыми наделяли родственников и приближенных вана. Так, Пак Ёнгу, одному из первых примкнувших к нему крупных феодалов, Ван Гон пожаловал 1 тыс. кён. Большие дарения делала и его преемники: в 1029 г., например, Хёнджон передал своему наследнику 300 кэль земли, 2 тыс. сок зерна и 30 ноби. Дарственные земли переходили в неограниченную собственность тех, кто их получал. Однако они доставались сравнительно узкой прослойке высшей аристократии. Между тем правящая династия считала необходимым расширить пожалования, чтобы привлечь на свою сторону большую часть господствующего класса.

В 977 г. вслед за чонсиква были учреждены конымджонси (наградные земли). Они выдавались за особые заслуги высшим сановникам, правителям областей и провинций, начальникам крепостей и другим представителям чиновной бюрократии. Сначала величина наделов колебалась от 20 до 50 кэль, но позднее была несколько уменьшена. Наградные земли переходили в полную собственность получателя и передавались по наследству. Их нельзя было отбирать в казну, даже если владелец совершал тяжкое государственное преступление. В этом случае надел сокращали до $\frac{1}{3}$ прежнего размера, но все-таки оставляли его потомкам «заслуженного сановника».

Обширные земли сосредоточивались в руках буддийской церкви, которая в период Корё пользовалась особым расположением государства и феодалов. Крупнейшие церковные деятели входили в принятую в конце X в. «табель о рангах», им полагались чиновные наделы по 30—40 кэль. Кроме того, каждый монастырь или храм получал несколько десятков кэль конхэджон. Эти земли формально оставались в казенном реестре, но фактически выходили из ведения государства.

Однако основная часть церковных владений складывалась за счет различных пожалований. Так, в 1057 г. ван Мунджон подарил храму Хёнхва в окрестностях Хэджу (провинция Сохэ) 1240 кэль, а позднее монахам храма Тэуп — 100 кэль плодородной земли. Не отставали и крупные феодалы, щедро дарившие церкви землю, зерно и разное имущество. Немало земли доставалось и от крестьян, «спасавшихся» от феодальной эксплуатации и переходивших под покровительство монастырей. В результате буддийская церковь стала в Корё одним из самых богатых земельных собственников.

Указанные выше категории довольно скоро обнаружили тенденцию к расширению. Учитывая высокий для того времени уровень изучения исторического прошлого, можно предположить, что правители Корё знали о событиях последнего периода истории Силла, когда крупная феодальная собственность, разрушившая государственную собственность на землю, стала одной из причин развала единого государства. Поэтому они делали попытки не допустить чрезмерного роста частных земель. Ван Хёнджон даже ввел в 1013 г. особый налог на земли высшей аристократии, гражданских и военных чиновников. С каждого кэль сверх 30, установленных в указе как предельная норма, было велено собирать по 5 сын зерна. В 1069 г. Мунджон увеличил налог до 7,5 сын. Такое незначительное обложение не могло, конечно, задержать рост частной феодальной земельной собственности.

Преобразования, проведенные в Корё во второй половине X в., коснулись и крестьянского землевладения. Провозглашение государствен-

ной собственности на землю означало восстановление прежней наделной системы. За крестьянами вновь были закреплены небольшие пахотные участки. Со времен Корё они получили название «минджон» («народные земли»). Как и прежде, их собственником считалось государство, которое оставило за собой право менять наделы, отбирать их для своих нужд и т. д. Так, например, в 1022 г. Подворная палата доносила, что в Саджу (Южная Кёнсан) часть минджон передали ванскому двору и эту потерю необходимо возместить за счет казенных земель, чтобы крестьяне могли платить налоги.

Видно, на первых порах власти следили за тем, чтобы сохранялось равномерное распределение земли среди крестьян. В середине XI в. Подворная палата неоднократно просила уравнивать в ряде уездов размеры минджон в зависимости от их плодородия. Законы строго ограничивали куплю-продажу крестьянских наделов.

Освоение территории на северо-западе и северо-востоке несколько уменьшило земельный голод. Сюда переселили часть страдавших от безземелья крестьян из южных и центральных районов. Правительство давало им ссуду и на несколько лет освобождало от налогов. Однако эти меры не могли удовлетворить основную массу свободного крестьянства. Довольно скоро его земли снова стали объектом феодальной экспроприации. Именно за их счет делались пожалования сановникам и монастырям. Несмотря на строгие запреты, феодалы опять начали присваивать крестьянские наделы, превращая их владельцев в бесправных арендаторов.

Таким образом, в результате преобразований, проведенных в конце X — начале XI в., вновь была установлена государственная собственность на землю, которая качественно несколько отличалась от существовавшей во времена Силла. Принятые в этот период законы полнее формулировали привилегии правящего класса и выразителя его интересов — феодального государства, упрочили их господство над главным средством производства — землей. Феодальное государство взяло на учет весь обрабатываемый фонд и закрепило за собой право распоряжаться им; ввело детальную систему наделения за службу и усилило контроль за использованием земли.

Законы конца X — начала XI в. выделили из общей собственности государственную, дали ей более четкое юридическое оформление. Впервые были определены категории земельных держаний, находившихся в ведении самого феодального государства, в них включили значительную часть пахотной площади. Все это позволяет считать, что в Корё, особенно сразу после реформы, верховная власть государства над всеми землями страны стала гораздо эффективнее, а его непосредственная собственность — более реальной и широкой, чем в Силла.

Можно полагать, что именно в начальный период истории Корё в основном завершилось формирование государственной собственности на землю, определявшей характер феодального общества в Корее. Она способствовала созданию такого сильного и прочного централизованного государства, каким стало Корё.

Вместе с тем государственная собственность на землю не исключала частной феодальной собственности. Последняя не только получила в Корё определенный юридический статус, но и оказалась более развитой и многообразной, чем прежде. Законы конца X — начала XI в. открывали возможность для ее расширения путем всевозможных пожалований и дарений. Укоренившаяся вскоре практика передачи должностей по наследству способствовала превращению в частновладельческие и условных наделов чонсиква. Следовательно, наряду с государственной

собственностью на землю сохранилось крепкое ядро частного феодального землевладения, которое располагало всеми условиями для быстрого роста.

Классовая структура

В X—XII вв. феодальное общество в Корее в основном сложилось, определилась его классовая структура.

Господствующий класс составляли феодалы, которых именно с этих пор стали называть янбанами. В их руках сосредоточилась основная часть богатств страны и вся политическая власть, они занимали ведущие должности в государственном аппарате и армии. Но как единое целое господствующий класс выступал лишь при эксплуатации непосредственных производителей. На самом деле он состоял из нескольких прослоек, отличавшихся по своему экономическому и политическому положению.

На верхних ступенях лестницы феодальной иерархии располагались ван, члены его семьи и их ближайшие родственники. К ним примыкали высшие сановники — члены Топёнмаса, главы основных правительственных ведомств. Несколько ниже стояли крупные чины столичных учреждений и верхушка провинциального чиновничества. Вместе с высшими военачальниками они составляли среднее звено феодальной бюрократии. На самых нижних ступенях находилось мелкое чиновничество провинций и уездов, низшие военные чины, которые по своему экономическому положению и политическому весу мало чем отличались от простого народа. Как уже указывалось, буддийское духовенство входило в чиновную бюрократию и также подразделялось на соответствующие прослойки.

Уже в начальный период существования государства Корё в господствующем классе обнаружилось противоречия, обострившиеся с течением времени. Далекое не равным было положение гражданских и военных чиновников. Эта разница сказывалась в размерах земельных наделов, должностном окладе и различных привилегиях, которых у военных чинов было меньше, чем у штатских. Последние помимо гражданских постов могли занимать и воинские со всеми вытекающими отсюда материальными выгодами. Военным такое «совместительство» не разрешалось. Существовало и своего рода «географическое» неравенство. Более высоким жалованье было у столичных сановников, за ними следовали чиновники трех малых столиц (Согён, Тонгён, Намгён), имущественное положение которых также не было одинаковым. Еще меньше были доходы служилого сословия провинций и уездов.

Превращение Корё в централизованное государство проявлялось и в том, что правительство в интересах всего господствующего класса ввело обложение налогом феодалов — собственников земли. Кроме того, феодалы должны были вносить определенную долю во время экстренных сборов средств, периодически проводимых правительством, а также участвовать в выполнении некоторых видов трудовой повинности. Впрочем, феодалы всегда стремились переложить основную тяжесть земельного налога и повинностей на плечи мелких чиновников и крестьянства.

Имущественное неравенство в среде господствующего класса с течением времени становилось все сильнее. Происходила концентрация богатств на одном полюсе и постепенное обеднение на другом. В начале XI в. высшие сановники из числа родственников вана получали от казны 460 сок зерна, а в XII в. это жалованье возросло до 600 сок. Зато мелкое служилое сословие, которому сначала платили 8—10 сок в год, стало

получать вдвое меньше. Противоречия между различными прослойками господствующего класса, вызванные прежде всего неравным положением в системе эксплуатации трудящихся масс, являлись причиной частого обострения политической борьбы.

Феодалам противостоял класс непосредственных производителей — крестьян. Его основу составляли свободные крестьяне, для которых утвердилось название «янъины» («добрые люди»). Именно на них ложилась главная тяжесть налогов и податей, поступавших в казну, они выполняли основную долю трудовой повинности. Из числа свободных крестьян набирали воинов, за их счет содержалась правительственная армия. Они составляли тот фундамент, на котором держалось централизованное государство.

Крестьяне-янъины считались свободными только в том смысле, что не принадлежали отдельным феодалам; хозяином был весь господствующий класс в лице феодального государства. Свободные крестьяне владели небольшими наделами земли, все они были вписаны в подворные реестры и должны были жить и нести повинности там, где жили их предки и где были приписаны они сами. Всякие самовольные перемещения крестьян преследовались как бродяжничество. Их жизнь и труд находились под постоянным контролем чиновников. Все это ставило крестьян-янъинов в прямую и прочную зависимость от феодального государства, для которого они были главным объектом эксплуатации.

Ниже свободных крестьян по социальному положению были «чхонины» («подлые люди») — самое бесправное и угнетенное сословие феодального общества. Его основой являлись ноби, принадлежавшие казне или частным лицам. Большинство составляли наследственные ноби, зависимость которых переходила из поколения в поколение. Имелась категория долговых ноби, пополнявшаяся преимущественно за счет продажи детей разорившимися крестьянами. Казенными ноби становились и члены семей некоторых преступников из среды чиновничества.

Государство нещадно эксплуатировало казенных ноби, но их положение все же было несколько лучше, чем положение частных ноби. Первых по закону освобождали от повинностей по достижении 60 лет, для вторых никаких ограничений не существовало. Ноби составляли часть имущества казны и феодалов, их можно было свободно продать или купить. Мужчина от 15 до 60 лет стоил 100 пхиль холста, старше 60 лет — 50 пхиль; женщина от 15 до 50 лет стоила 120 пхиль, старше 50 лет — 60 пхиль. Женщины ценились несколько выше потому, что по закону ноби наследовали зависимость по материнской линии.

В период Корё, по-видимому, завершился процесс превращения ноби из рабов в крепостных. Феодальные законы, подчеркивавшие зависимость ноби от хозяев, запрещали последним убивать их. Все чаще феодалы сажали своих ноби на землю, превращая их в зависимых арендаторов. Сам Ван Гон сделал крепостными земледельцами часть дворцовых ноби. Для последующих ноби практически был закрыт путь в сословие свободных крестьян — янъинов. Даже если за какие-то заслуги хозяин давал ноби свободу, он затем снова мог вернуть его в крепостное состояние. Примерно в таком же положении были входившие в число «подлых людей» мясники, корзинщики, бродячие актеры и люди других «презираемых» профессий. В Корё имелось несколько сот пугок — поселений людей «подлого» сословия.

Граница между свободными крестьянами и ноби была очень неустойчивой. Во время феодальных междоусобиц, происходивших в период Позднего троецарствия, резко возросло число долговых ноби. В середине X в. была проведена ревизия ноби и часть из них, попавшая в это

сословие сравнительно недавно, была освобождена. Тем самым власти стремились расширить податное население. Но уже в 987 г. был издан указ о возвращении таких людей в «подлое» состояние под тем предлогом, что они непочтительно относились к своим бывшим хозяевам. Такая мера явно была принята под давлением феодалов, не желавших терять даровую рабочую силу. С тех пор число ноби вновь стало увеличиваться за счет разорившихся крестьян-янгинов.

Ремесленники и торговцы составляли незначительные прослойки в феодальном Корё. Традиция располагала их на социальной лестнице ниже феодалов и земледельцев. Но экономические процессы, протекавшие в Корё после его превращения в централизованное государство, несколько изменили их общественную роль.

Процесс отделения ремесла от земледелия, происходивший в феодальном обществе, во времена Корё проявлялся в существовании сравнительно большой группы мастеров, для которых ремесленный труд был главным средством существования. Как правило, этих мастеров включали в государственный реестр, они выполняли главным образом заказы казны. По закону каждый из них должен был отработать на государство не менее 300 дней в году, за что полагалось годовое жалованье от 6 до 20 сок зерна. Кроме того, верхушка ремесленников получала небольшие служебные надель. Казенные ремесленники, в руках которых сосредоточивалась основная часть производства, были под постоянным контролем специально назначенных чиновников и фактически находились в крепостной зависимости от государства. Помимо них было небольшое число частных мастеров, принадлежавших отдельным феодалам и происходивших, как правило, из среды ноби.

Купечество формировалось преимущественно за счет разбогатевших крестьян. Расширение внутренних и внешних связей Корё вызвало соответствующее увеличение числа купцов. Некоторые из них вели обширные по тем временам операции и накопили большие капиталы. Но основные сделки они совершали по поручениям казны и крупнейших феодалов, что ставило торговцев в зависимое положение. Господствующий класс с презрением относился к тем, кто занимался торговлей. Жизнь и имущество купцов не охранялись законом, и даже самые богатые из них могли стать жертвой произвола феодалов и чиновников.

Феодальная эксплуатация

В руках феодалов была земля — важнейшее средство производства; соответственно главным объектом эксплуатации было крестьянство — основной производительный класс феодального общества.

Как уже сказано, сразу же после прихода к власти Ван Гон провел упорядочение налоговой системы. Он не только на три года освободил крестьян от уплаты налогов, но и значительно снизил размеры главного из них — земельного, который в начале X в. достигал 50—60 и более процентов урожая. Ван Гон издал указ о введении налога в одну десятую урожая. Это означало серьезное смягчение налогового гнета, но длилось оно сравнительно недолго. Уже в конце X в. само государство стало повышать размеры земельного налога до четверти урожая. Фактически поборы были еще больше, так как крестьяне дополнительно оплачивали перевозку в центр собранного налога и несли другие расходы. Кроме того, земельный налог стал объектом махинаций местных чиновников, которые произвольно определяли качество земли, от чего зависели размеры налога, изготовляли собственные мерки для приема зерна и т. д.

Помимо налога крестьяне вносили подворную подать, для которой не было определенной ставки. Известно, например, что все пограничные уезды на севере страны сдавали казне в 1039 г. 50 209 пхиль податного холста и 140 490 ту сухого провианта. Провинциальные власти ежегодно устанавливали общую норму для каждого уезда, а местные чиновники делали раскладку по деревням и дворам. Такой порядок создавал большие возможности для злоупотреблений. В качестве подати сдавались главным образом ткани, изготовленные в крестьянском хозяйстве. Кроме того, в зависимости от местных условий население поставляло золото, серебро, железную руду, соль, различное сырье, продукты животноводства и рыбной ловли. Существовала круговая порука, и жители каждой деревни обязаны были расплачиваться за тех, кто по каким-либо причинам уклонился от уплаты податей.

Среди форм феодальной эксплуатации одной из самых тяжелых была пук (трудовая повинность). Хотя ее должно было нести все без исключения население, но практически всей тяжестью она ложилась на плечи крестьянства. Крестьян сгоняли на строительство дворцов, крепостей, храмов, различные ремонтные работы. Зачастую это делали летом, отрывая крестьян на длительные сроки от полевых работ. Тяжким бременем для крестьян была военная повинность, особенно содержание рекрутов, поставка средств на военные расходы, извозная повинность и т. д.

Наиболее тяжелым было положение крестьян-арендаторов. Арендная плата оставалась очень высокой. По правилам она устанавливалась в зависимости от качества земли и могла колебаться от одной четверти до половины урожая. Феодалы имели неограниченные возможности сделать ее еще выше. Например, они возлагали на арендаторов те платежи, которые по закону должны были вносить в казну сами собственники земли. Кроме того, арендаторов обязывали выполнять все повинности, которые несло свободное крестьянство.

Усиленная эксплуатация заставляла крестьян идти в кабалу к ростовщикам. Ростовщичеством занимались многие феодалы, купцы, деревенские богатеи, буддийские монастыри. Сначала годовой процент ограничивался одной третьей зерновой ссуды; запрещалось увеличивать проценты, если их сумма становилась равной основному долгу. Но уже в 1047 г. под давлением ростовщиков были приняты правила, узаконившие рост платежей по ссуде. Годовой процент был официально повышен вдвое. Разрешалось наращивать проценты в течение шести лет, и их общая сумма могла составить 200% основного долга. Но и после принятия этих правил ростовщики их нарушали, назначая ссудный процент по своему усмотрению. Особенно высоким он был в неурожайные годы.

Крупнейшим ростовщиком стало само феодальное государство. Власть Корё под предлогом «заботы о народе» создала сеть ыйчхан (ссудных канцелярий со складами), с помощью которых надеялись укрепить финансовое положение государства. Самые большие ыйчхан были открыты в Кэгёне и Согёне, поменьше — еще в 15 городах, провинциальных и уездных. Зерно на складах накапливалось за счет отчислений от земельного налога, дополнительных поборов с населения, ростовщических операций. В результате зерновой фонд ыйчхан довольно быстро вырос с 10 тыс. до 60 тыс. сок.

Как правило, взяв ссуду весной, жители должны были вернуть ее осенью, уплатив процент в одну десятую долга. Эти сравнительно льготные условия делали казенную ссуду более популярной, чем частная. О размахе ссудных операций говорит такой факт. В один из весенних месяцев 1052 г. только в столице взяли в долг зерно и соль более 30 тыс.

человек. Так же активно, хотя и в меньших размерах, занимались ростовщицеством ссудные канцелярии на местах.

Казенная ссуда стала одним из важных средств эксплуатации населения. Чиновники сбывали голодающим порченное зерно, требуя вернуть долг доброкачественным. Они спекулировали ссудным зерном, произвольно устанавливали проценты, обманывали при расчетах и т. д. Из-за этого многие крестьяне годами не могли выплатить свои долги.

Как было показано выше, в Корё в X—XI вв. оформилась присущая феодализму земельная система, сочетавшая в себе государственную и частную феодальную собственность, определились основные социальные группы общества, сложились важнейшие формы феодальной эксплуатации. Поэтому, вероятно, можно считать это время началом периода развитого феодализма в Корее.

Войны с киданями

Вскоре после возникновения государства Корё международная обстановка усложнилась. В соседнем Китае еще в 907 г. пала танская династия и развернулась ожесточенная борьба враждующих военно-феодальных кланов. В это время на крайнем северо-востоке, в верховьях р. Ляохэ, объединились племена киданей, которые основали собственное государство, располагавшее большой и сильной армией. Пользуясь феодальной раздробленностью Китая, кидани сумели захватить значительную часть Северного Китая и в 946 г. провозгласили создание своей империи Ляо.

В середине X в. после длительной междоусобной борьбы южные и центральные районы Китая были объединены под властью правящего дома Сун. Сунская династия неоднократно пыталась отвоевать у империи Ляо северокитайские земли, но всякий раз терпела неудачу. Империя киданей постепенно приближалась к Корейскому полуострову. Во второй половине X в. кидани стали усиленно теснить западные племена чжурчжэней, обитавшие в бассейне р. Амноккан. Несмотря на длительное и упорное сопротивление, чжурчжэни были покорены, и кидани вышли непосредственно к рубежам Корё. На правом берегу Амноккана они построили три крепости, используя их для давления на Корё.

Корёское правительство в этих условиях старалось проводить политику нейтралитета. Сохраняя дипломатические отношения с династией Сун, оно не отвечало на ее просьбы прислать на помощь войска. Одновременно Корё отвергало и предложения правителей Ляо об установлении союзнических отношений, которые наверняка приняли бы антисунскую направленность.

После того как кидани захватили земли у р. Амноккан, власти Корё стали уделять больше внимания укреплению северо-западных границ: на левом берегу Амноккана построили несколько новых крепостей, отремонтировали старые оборонительные сооружения, приняли меры к увеличению численности армии. Было совершенно очевидно, что завоевание Корё входило в планы правящей верхушки киданей, стремившейся расширить сферу своего господства. Дружественный нейтралитет в отношении династии Сун, проводимый корёским правительством, отказ от союза с империей Ляо правители киданей использовали как предлог для нападения на Корё.

Осенью 993 г. большая киданьская армия форсировала Амноккан и вторглась в Корё. Основные силы корёских войск в это время располагались в районе крепости Анбук. Лишь сравнительно небольшой аван-

гард был выдвинут на северный берег р. Чхончхонган. Армия киданей сумела обойти с юга важнейший опорный пункт на северо-западе Корё — крепость Куджу. В соседнем уезде Понсан она столкнулась с передовыми частями корёских войск. Пользуясь своим численным превосходством, кидани нанесли поражение авангарду корёской армии и вышли к берегам Чхончхонгана.

Предводители киданей, встретившись с сопротивлением передовых частей корёских войск, постарались избежать решительного сражения с основными силами и, воспользовавшись плодами первой победы, заключить мир. Они выдвинули крайне тяжелые условия: Корё должно было передать империи Ляо обширные северные земли, входившие некогда в состав государства Когурё, порвать все связи с династией Сун и признать вассальную зависимость от киданей.

Известие о неудачном сражении в уезде Понсан вызвало переполох при дворе. Ван Сонджон, выехавший было в Согён, поближе к войскам, срочно вернулся в столицу и созвал высших сановников, чтобы обсудить грабительские требования киданей. Некоторые придворные, напуганные неудачным началом войны, предлагали принять эти требования и даже соглашались отдать земли севернее Согёна. На их сторону склонялся и ван, который еще до созыва совещания отправил чиновника в ставку киданей с уведомлением о согласии заключить мир. Против капитулянтской позиции двора выступил один из крупнейших военачальников того времени, Со Хи, призвавший не отдавать без боя ни одного клочка земли.

Решающим аргументом в споре стали успешные действия корёских войск. Переправившись на южный берег Чхончхонгана, кидани не смогли овладеть крепостью Анюнджин, расположенной недалеко от Анбука. Продвинувшись затем вперед, они встретились с основными силами корёской армии под командованием Тэ Досу и Ю Бана и потерпели серьезное поражение. Вскоре начались мирные переговоры, которые с корёской стороны вел Со Хи. Ему удалось заставить киданей отказаться от территориальных притязаний. За это Корё соглашалось установить «дружеские отношения» с империей Ляо и прекратить все связи с Сунами. В конце 993 г., после заключения мира, войска киданей покинули Корё.

Но опасность новых вторжений не была ликвидирована. Правители империи Ляо, столкнувшись с сильным сопротивлением Корё, не оставили планов завоевания этой страны. Поэтому сразу же после заключения мира, пользуясь временной передышкой, власти Корё продолжили укрепление северо-западных рубежей. Войска под командованием Со Хи покорили чжурчжэней, обитавших на корейском берегу Амноккана и враждовавших с Корё. Были построены новые крепости — Хынхваджин (южнее Ёйджу), Квакчу, Мэнджу, Сонджу. Оборонительные сооружения возвели у городов Куджу, Аный, Квихва и др. Вскоре после ухода киданей Корё восстановило дипломатические отношения с Сунами, надеясь таким путем укрепить свое международное положение.

Правители киданей с тревогой следили за ростом обороноспособности Корё. Они искали предлог для нового вторжения.

В 1009 г. Кан Джо, командующий оборонительными силами северо-запада Корё, с большим отрядом войск отправился в Кэгён. Там он сверг вана Мокчона и возвел на престол своего ставленника Хёнджона. Пользуясь тем, что в столице царил неразбериха, вызванная обострением политической борьбы, а оборона северо-западных границ временно ослабла, кидани решили сделать новую попытку завоевать Корё.

В конце 1010 г. киданьский император Шэн-цзун с большой армией вступил в пределы Корё под предлогом расследования преступлений Кан Джо. Первой подверглась нападению крепость Хынхваджин в нижнем течении Амноккана. Защитники ее во главе с полководцем Ян Гю отказались сдаться и отразили натиск превосходящих сил противника. Вынужденные снять осаду, кидани направились в глубь страны. В районе Тхонджу, северо-западнее Сонджу, их поджидали основные силы корёской армии под командованием Кан Джо. Первоначально Кан Джо сумел сдержать натиск неприятеля и даже нанес ему урон. Но решив, что победа уже обеспечена, он ослабил руководство войсками, чем и воспользовался противник. Армия Кан Джо была разбита, а сам он попал в плен и погиб.

Корёская армия в других местах вела более успешные боевые действия. Отряды под командованием Ян Гю изгнали киданей из захваченного ими г. Квакчу, перебив многих из них. Когда противник подошел к Согёну, часть местной знати и чиновников бежала из города. Жители и солдаты, во главе которых встал чиновник Чо Вон, мужественно обороняли Согён и отвергли все предложения о сдаче. Когда известие о разгроме армии Кан Джо достигло столицы, многие высшие сановники в панике предлагали немедленно капитулировать перед киданями. Против них решительно выступил полководец Кан Гамчхан. Он настаивал на продолжении сопротивления, но предлагал избегать больших сражений, изматывать врага мелкими стычками и готовить силы для контрнаступления. По его совету ванский двор покинул столицу и переместился на юг, в Наджу.

В самом начале 1011 г. кидани вступили в Кэгён. Они находились здесь всего десять дней, но успели нанести древнему цветущему городу серьезный ущерб. Город был разграблен, многие здания разрушены или сожжены. Однако захват столицы не принес киданям желанной победы. Хотя корёский ван и прислал посла с предложением о мире, он отказывался от безоговорочной капитуляции. На занятой территории продолжалось сопротивление Хынхваджина и Согёна, повсюду население создавало отряды, нападавшие на врага. Правительственная армия готовилась к новым боям. Тогда кидани сочли за лучшее оставить Кэгён.

Отступающие кидани подвергались непрерывным нападениям корёских войск и отрядов местных жителей. Решительный удар они получили возле крепости Куджу, где полководцы Ян Гю и Ким Сукхын заранее сосредоточили большие силы. Приблизившийся авангард противника они разбили наголову. Когда подошла основная часть киданьской армии, корёсцы в ряде сражений нанесли ей значительный урон, освободив более 30 тыс. соотечественников, угоняемых в плен. И хотя в этих боях пали смертью героев оба полководца, Ян Гю и Ким Сукхын, все же после десятидневных битв корёская армия сумела обратить неприятеля в бегство. Последний бой с отступающими киданями произошел под Хынхваджином; во время переправы через Амноккан остатки армии императора Ляо были серьезно потрепаны отрядами корёсцев.

Неудача второй попытки завоевать Корё лишь подхлестнула воинственные настроения представителей правящей верхушки киданьского государства. Они начали готовить силы для нового похода, угрожая Корё и шантажируя его правителя. Вскоре после отступления из Корё они казнили взятого в качестве заложника корёского посла, приезжавшего с предложением о мире. Ван Хёнджон неоднократно получал повеления явиться ко двору императора Ляо и изъявить свою покорность. Затем

кидани потребовали передать им шесть важных крепостей, размещавшихся на северо-западе Корё. Фактически это означало претензии на все корёские земли к северу от Чхончхонгана. Правительство Корё решительно отвергло грабительские притязания.

Начиная с 1013 г. кидани неоднократно устраивали стычки на границах Корё. Вооруженные группы переправлялись через Амноккан и нападали на местное население. Корёские войска отгоняли их, но кидани вторгались снова и снова. В 1014 г. в Кэгёне вспыхнула очередная междоусобица. Группа высших военачальников, недовольных засильем гражданских чиновников, устроила переворот и на время захватила власть в столице. Известия об этом мятеже побудили киданей ускорить подготовку к новым завоеваниям.

В 1015 г. кидани построили плавучий мост через Амноккан, а на берегах реки стали возводить крепости, причем одну из них, Поджу, — на корейском берегу. Корёским войскам не удалось вытеснить оттуда киданей. Начались нападения на Хынхваджин, Тхонджу и другие укрепленные пункты Корё; кидани расширяли плацдарм для третьего завоевательного похода. Видя это, корёское правительство обратилось к Сунам с предложением объединить силы в борьбе с киданями. Однако правители Китая отказались поддержать Корё, ссылаясь на недостаток сил.

В конце 1018 г. армия киданей снова вторглась в Корё. Незадолго перед этим была увеличена численность корёских войск, размещавшихся на северо-западе. Значительная их часть сосредоточивалась вблизи границ с киданями. Во главе армии, насчитывавшей 208 тыс. человек, встал выдающийся полководец Кан Гамчхан; он организовал засаду возле Хынхваджина и разбил неприятеля.

Первая неудача не остановила киданей. Их основные силы устремились на юг, прорываясь к Кэгёну. На всем их пути жители укрывались в лесах или горных местностях, уничтожая продовольствие и фураж. В районе Чаджу и во время переправы через Тэдонган кидани потерпели поражение от преследовавших их корёских войск. Остановившись в нескольких десятках километров от Кэгёна, они выслали вперед разведывательный отряд, который был тут же уничтожен. Узнав, что для обороны корёской столицы стянуты большие силы, кидани не рискнули ввязываться в сражение и начали отступать, преследуемые по пятам корёскими войсками.

Обойдя хорошо укрепленный Согён, кидани устремились на север, к Виджу. Встретив и здесь сопротивление и понеся большие потери, они направились к Куджу, надеясь прежним путем покинуть Корё. Но у Куджу их поджидал Кан Гамчхан во главе большой армии. Его поддержали своевременно подошедшие войска, гнавшие киданей от самого Кэгёна. Кидани были наголову разбиты и бежали. Корёская армия с триумфом вернулась в столицу, где были устроены празднества. Прославившегося в этой войне полководца Кан Гамчхана ван увенчал золотыми ветвями.

Героическая борьба корейского народа и его армии заставила киданьских правителей отказаться от попыток завоевания Корё. Вскоре после провала последнего похода империя Ляо установила с Корё обычные дипломатические отношения. Однако крепость Поджу еще некоторое время оставалась в руках киданей. Чтобы обезопасить страну от нападений с севера, власти Корё начали строительство огромной оборонительной стены. Ее возводили тысячи местных жителей и солдат с 1033 по 1044 г. Кидани старались помешать строительству; в знак протеста они на время порвали отношения с Корё. Тем не менее оборони-

тельная стена была построена. Она протянулась более чем на тысячу ли. Начинаясь у устья Амноккана, стена проходила через 14 крепостей и заканчивалась на восточном побережье у Торёнпхо.

Начало ослабления Корё

Преобразования, проведенные первыми правителями Корё, лишь на время сгладили противоречия в феодальном обществе. Довольно скоро эти противоречия снова усилились и в конце XI — начале XII в. оказались настолько острыми, что привели к ослаблению государства. Среди факторов, вызвавших это ослабление, в первую очередь следует назвать изменения в системе феодального землевладения.

Значительный рост числа чиновников, особенно после введения экзаменов на чин, привел к тому, что уже в середине XI в. правительство вынуждено было приостановить выдачу служебных наделов чонсиква. К тому времени многие такие наделы из условных — связанных с государственной службой — превратились в безусловные, наследственные, ничем практически не отличавшиеся от других форм частного феодального землевладения.

Несмотря на растущую нехватку земли, необходимой для обеспечения государственных расходов, правители Корё не скупались на пожалования многочисленным «заслуженным сановникам». Значительно выросло число людей, которым выдавались большие участки наградных земель. Особенно много пожалований получали родственники вана и его жены, прибавшие к рукам высшие должности в государстве. Помимо обширных служебных и наградных земель им предоставляли «в кормление» тысячи крестьянских дворов.

Немало владений перепало приближенным вана из среды крупных столичных чиновников, начальников провинций и уездов, верхушки буддийского духовенства. Не довольствуясь официальными дарами, многие из них незаконно присваивали казенные земли, объявляя их своей собственностью. В результате в Корё, как и некогда в Силла, стали складываться крупные частные земельные владения «влиятельных семей», подрывавшие государственную собственность на землю. От столичной знати не отставали местные чиновники. Часть из них разными способами захватывала крестьянские земли, записанные за казной, и пополняла ряды феодалов. Чаще всего крестьяне лишались земли за долги: усиливавшаяся эксплуатация не давала им возможности выпутаться из кабалы, и, пользуясь этим, феодалы и чиновники отбирали у крестьян их земельные наделы. К концу XII в. это стало настолько обычным, что даже ван Мёнджон вынужден был признать в своем указе 1188 г.: «Повсеместно богатые и могущественные янбаны, если бедный и слабый народ взял долг и его не возвращает, силой отнимают издревле принадлежащие ему наделы (чонджон.— Авт.), отчего народ лишается работы и еще более беднеет». В указе содержалось требование вернуть отнятую землю крестьянам.

Мелкие феодалы, люди из служилого сословия также подвергались притеснениям и прямому грабежу. В том же указе Мёнджона говорилось: «В каждой области и уезде у столичных и местных янбанов и военных есть „каджон“ и „ёнопчон“². Но вероломные, хитрые чиновники и простолюдины, рассчитывая на поддержку влиятельных лиц, ложно называют эти земли свободными и записывают их на имя [влиятельных лиц]. А влиятельные лица также ложно называют их своими „каджон“ и даже стремятся получить на них официальные бумаги». В указе отме-

чалось, что уездные чиновники не решаются противиться таким действиям.

Расширение частного феодального землевладения происходило за счет облагаемых государством пахотных земель; началось сокращение числа налогоплательщиков и уменьшение поступлений в казну. Финансы страны истощались, а правящий дом тратил огромные суммы, не делая различий между собственными средствами и государственной казной. Недостаток средств старались возместить усилением феодальной эксплуатации.

К концу XI в. в Корё заметно увеличился земельный налог, составлявший главную статью доходов казны. Собиравшие его чиновники по собственному произволу устанавливали высокие нормы обложения. Постоянно вводились дополнительные сборы якобы для возмещения потерь при транспортировке, оплаты погрузки и перевозки зерна, канцелярских расходов и т. д. Если первоначально земельный налог составлял 2 сок зерна с одного кёль земли, то в конце XI в. он уже превысил 3, а в начале XII в. с учетом дополнительных поборов возрос до 4 с лишним сок. В нарушение введенных ранее законов крестьянам часто не делали скидки и заставляли платить требуемую сумму, даже если произошли стихийные бедствия. Нередко с одного надела брали налог 2—3 раза в год.

Местные власти незаконно присваивали значительную часть собранных налогов. Не довольствуясь этим, они открыто обирали крестьян, наживая большие состояния. Росло число неплательщиков. При сборе задолженности чиновники чинили произвол и насилия. Правители Корё вынуждены были неоднократно издавать указы, призывавшие положить конец бесчинствам сборщиков недоимок. Нищета и разорение толкали крестьян в руки ростовщиков, которые устанавливали грабительские проценты по ссуде. Ростовщическая кабала вновь вызвала увеличение числа долговых ноби.

Тяжелее прежнего стала трудовая повинность. Не считаясь ни с временем года, ни с установленными правилами, крестьян принуждали выполнять многочисленные работы. Еще в 1108 г. в указе Еджона отмечалось, что «в областях и уездах провинции Кёнги помимо обычной подати есть обременительная и тяжелая трудовая повинность. Народ страдает из-за нее и постепенно разбегается». Так было не только в Кёнги, но и в других провинциях Корё. Власти жестоко преследовали тех, кто уклонялся от трудовой повинности. В этом случае наказывали не только провинившегося, но и главу семьи и старосту села.

Не менее тяжело, чем на казенных, приходилось крестьянам и на частных землях. Их собственники так же мало, как и чиновники, считались с правилами, регулировавшими отношения с арендаторами. Они по своему усмотрению повышали плату за пользование землей, устанавливали дополнительные платежи, забирая у крестьян большую часть урожая. Бесправный арендатор, по существу, почти ничем не отличался от ноби. И все же, хотя зависимость от феодалов не предвещала ничего хорошего, многие крестьяне предпочитали перейти под покровительство «влиятельных семей», добровольно отдав им себя и свою землю. Они надеялись таким путем спастись от грабежей и насилий своры ненасытных чиновников. Вновь широко распространилась система «тхутхак».

Общее усиление феодальной эксплуатации коснулось не только крестьян, но и других категорий трудящихся. В упоминавшемся указе Еджона говорилось, что в Кёнги «сверх меры требуют медь, железо, фарфоровую посуду, бумагу, тушь и другие виды особой подати. Ремесленники от этого страдают и разбегаются». Торговцы также подверга-

лись ограблению. Наименее состоятельные из них разорялись, пополняя ряды городской бедноты.

Расширение частного землевладения и рост феодальной эксплуатации сочетались в Корё с заметным ослаблением политической стабилизации. Крупные феодалы, приобретавшие разными путями обширные земли, превращались в своего рода владетельных князьков. В провинциях и уездах чиновники послушно выполняли волю «влиятельных семей» и мало считались с указами и распоряжениями из столицы. В ряде мест усиливались сепаратистские тенденции.

Центральная власть постепенно слабела. Участились дворцовые перевороты. Управление государством прибирали к рукам влиятельные временщики, делавшие номинальную суверенную власть вана. Во второй половине XI в. самым могущественным был инчхонский феодал Ли Джаён. Трех своих дочерей он по очереди выдал замуж за вана Мунджона. Сам Ли Джаён занял высший пост главного советника вана и стал фактическим правителем государства. Он получил «в кормление» три тысячи крестьянских дворов, присвоил много земель и сделался одним из самых богатых людей Корё.

В начале XII в. власть в стране захватил внук Ли Джаёна — Ли Джагём. Он также использовал для возвышения родственные связи с ваном, женив Инджона на двух своих дочерях. Добившись назначения на должность главного советника вана, Ли Джагём, кроме того, взял на себя руководство военной и чиновной палатами, а в остальные центральные ведомства посадил своих ставленников. Ему принадлежали две тысячи дворов, данных «в кормление», и большие площади пахотной земли.

В 1126 г., когда Инджон попытался отстранить своего не в меру властолюбивого тестя, Ли Джагём с собственным отрядом сжег ванский дворец, перебил многих придворных, а самого вана посадил под арест у себя дома. И хотя через год Ли Джагёма все же удалось свергнуть, центральная власть по-прежнему оставалась в руках временщиков из числа крупных феодалов. Каждый из них использовал пребывание у власти для обогащения своего и своих приближенных, расхищая и без того скудные государственные средства.

Общее ослабление централизованного государства неизбежно сказывалось и на его обороне. Военная система, введенная после образования Корё, постоянно нарушалась. Крупные феодалы и монастыри создавали собственные вооруженные отряды, необходимые для борьбы за землю и власть. Зато правительственная армия стала приходить в упадок. Усиливавшееся закабаление крестьян феодалами значительно сузило круг людей, из которых можно было набирать солдат, ухудшило снабжение армии провиантом и фуражом, а разорение ремесленников вызвало трудности с вооружением. Снижение оборонной мощи Корё происходило в условиях, когда у его границ возникла новая серьезная опасность.

Во второй половине XI в. усилилась консолидация племен чжурчжэней, обитавших к северо-востоку от Китая. Пользуясь ослаблением государства киданей, они стали расширять свою территорию. В начале XII в. их правитель Уяшу вел войны с целью подчинить восточных чжурчжэней, населявших земли, где ныне расположена провинция Северная Хамгён. Неизбежным было его столкновение с Корё. В 1104 г. его конница дошла до пограничной крепости Чонпхён. Корёский военачальник Лим Ган, руководивший обороной, потерпел поражение, потеряв половину войска. Его сменил присланный из столицы полководец Юн Гван, который также не смог отеснить чжурчжэней.

Потерпев неудачу, Юн Гван принял меры к укреплению обороны. По его настоянию правительство создало армию в 170 тыс. В нее набирали не только свободных, но и крепостных крестьян и даже призвали часть чиновников и монахов. В помощь сухопутным войскам был придан флот. Когда в 1107 г. чжурчжэни снова вторглись в северо-восточные пределы Корё, их остановили и отбросили далеко на север. Корёские войска заняли 135 поселков чжурчжэней, убили или взяли в плен около 10 тыс. человек.

На отвоеванной у чжурчжэней территории построили девять крепостей (Хамджу, Кильчу, Ёнджу и др.), которые нужны были для защиты от новых набегов чжурчжэней. В крепостях разместили гарнизоны, сюда переселили часть жителей из южных провинций. Однако у Корё не хватило сил долго удерживать занятые земли. Армию Юн Гвана вскоре отозвали в центр и распустили. Через некоторое время чжурчжэни возобновили нападения; население и гарнизоны крепостей с трудом сдерживали их натиск, не получая помощи из столицы. В 1109 г. правитель Корё пришлось отказаться от территории, на которой располагались девять крепостей, и вернуть ее чжурчжэням. Эта вынужденная мера была свидетельством дальнейшего ослабления государства Корё.

Консолидация чжурчжэньских племен привела к образованию их государства. В 1115 г. правитель Агуда провозгласил себя императором и назвал свое государство Цзинь. Возникновение империи Цзинь значительно осложнило внешнеполитическое положение Корё. В Северо-Восточном Китае враждовали между собой чжурчжэни, кидани и сунская династия. Каждая из сторон искала помощи и поддержки у Корё. Корёское правительство старалось сохранить нейтралитет, поддерживая регулярные дипломатические отношения только с династией Сун. Пользуясь кризисом империи Ляо, оно вернуло под свою власть крепость Поджу на Амноккане, которая с тех пор стала называться Ёйджу.

В 1125 г. чжурчжэни разгромили киданьскую империю Ляо, в следующем году начали завоевание земель сунского Китая, а к началу 1127 г. захватили территорию к северу от Хуайхэ. В руках Сунов остались лишь южные провинции Китая. Во время этих завоевательных походов правители империи Цзинь потребовали от Корё признания вассальной зависимости. Несмотря на возражения многих высших сановников, Ли Джарём, стоявший тогда у власти, настоял на принятии этих требований, что усилило внутренние противоречия в Корё.

Феодалные междоусобицы и крестьянские восстания в XII в.

В истории Корё XII век стал временем острых классовых конфликтов. Усилились противоречия в самом господствующем классе. Борьба за власть и большую долю участия в эксплуатации народных масс неоднократно перерастала в кровавые распри. В свою очередь во много раз активнее стала антифеодалная борьба народных масс. Как это не раз случалось в средние века, феодалные мятежи и крестьянские восстания часто переплетались между собой.

Крестьяне Северо-Западного края, испытывая тяготы и лишения, общие для крестьянства всей страны, должны были дополнительно содержать пограничные войска и обеспечивать корёские и иноземные поезда, проезжавшие по землям северо-запада, оплачивать поездки вапа и членов его семьи за границу, готовить для них дары монархам соседних государств и т. д. Не случайно жители Северо-Западного края в числе первых поднялись на борьбу против феодального гнета (1135 г.).

К движению присоединились феодалы и чиновники Согёна, недовольные засильем столичной знати. В их среде росли сепаратистские настроения, особенно после того, как ван Инджон, борющийся за власть с кликой Ли Джагёма, вынужден был прибегнуть к помощи феодалов Согёна.

Идеологом движения стал Мёчхон. Он проповедовал, что жизнь человека зависит от того, где расположены его жилище и могилы предков, а судьба государства определяется тем, насколько удачно выбрано место для столицы. Трудности, переживавшиеся Корё, Мёчхон объяснял именно неудачным расположением Кэгёна, от которого якобы отвернулись небесные духи. Он настаивал на переносе столицы в район Согёна, «сокровенные свойства» которого принесут стране процветание и даже господство над всем миром. В мистических построениях распространенной в то время геомантии нетрудно обнаружить взгляды согёнской верхушки, стремившейся выйти на первые роли в государстве. Выражая общее недовольство, Мёчхон возражал против вассальной зависимости от империи чжурчжэней, которых в среде феодалов и чиновников считали стоящими на более низкой ступени развития.

Находившаяся у власти кэгёнская знать отвергла притязания феодалов и чиновников Согёна. Воспользовавшись крестьянскими волнениями, руководители феодальной оппозиции в 1135 г. подняли в Согёне мятеж. Перебив или заточив в тюрьму сановников, назначенных из Кэгёна, они прекратили всякие сношения со столицей. Мёчхон и его сподвижники провозгласили создание нового государства, выдвинув на должности только местных феодалов и чиновников. Одновременно они приступили к созданию своей армии, стали укреплять оборону Согёна. Под властью мятежников оказалась значительная часть земель Северо-Западного края и провинции Сохэ.

Напуганное разрастающимся движением, правительство в Кэгёне срочно принимало меры к его подавлению. Была собрана большая армия, во главе которой поставили видного государственного деятеля и ученого Ким Бусика. Ким Бусик в первую очередь расправился со сторонниками Мёчхона в столице, а затем направил 5 тыс. солдат на Северо-Восток, чтобы не допустить там выступлений в поддержку мятежников. В Согён послали чиновников, предложивших мятежникам капитуляцию. Одновременно правительственные войска совершили обходной марш на север, удачно миновав заслоны, выставленные руководителями мятежа.

Осадив Согён, Ким Бусик несколько раз предлагал населению сдаться. Его обращения поколебали некоторых руководителей движения. Один из них, Чо Гван, организовал убийство Мёчхона и его ближайших сподвижников. Их головы в качестве выкупа были отправлены в Кэгён. Не получив, однако, прощения, Чо Гван и его сторонники решили продолжать сопротивление. Они опирались на жителей Согёна и крестьян окрестных уездов, которые выступали против кэгёнских правителей, потому что видели в них главных виновников своего тяжелого положения.

Целый год правительственная армия осаждала Согён. Войска мятежников и население отражали один штурм за другим. Даже женщины и дети участвовали в обороне города. Осаждавшие окружили крепость высокой земляной стеной и воспрепятствовали подвозу туда продовольствия. Голод подорвал силы защитников. Разбив катапультами и таранами крепостные стены, правительственные войска весной 1136 г. ворвались в Согён и жестоко расправились с восставшими. Движение, длившееся семнадцать месяцев, было подавлено. В нем объединились

разнородные социальные силы, преследовавшие разные цели, что в основном и обусловило его поражение.

Восстание под руководством Мёчхона было первым крупным социальным конфликтом, серьезно потрясшим государство Корё.

В середине XII в. волна крестьянских восстаний захлестнула центральные провинции. Наиболее значительные произошли летом 1162 г. в районе Ичхона в провинции Янгван, Кокчу в провинции Сохэ, Пхёнган, Сонджу и Тонджу в провинции Кёджу и других местах. В 1166 г. началось восстание на о-ве Тхамна (Чеджудо)³, где население изгнало наиболее ненавистных чиновников. Одновременно продолжала усиливаться борьба внутри господствующего класса.

Как уже указывалось, в Корё исторически сложилось так, что военные чиновники занимали второстепенное положение по сравнению с чиновниками гражданскими. Уже на ранних этапах истории Корё военные не раз пытались изменить положение. Но с особой силой их давнее недовольство вырвалось наружу в ту пору, когда сама правящая верхушка раздиралась острыми противоречиями.

В 1170 г. Чон Джунбу и другие крупные военачальники подняли в столице вооруженный мятеж. Они перебили многих из высшей столичной знати, а затем свергли вана Ёйджона, прославившегося своим распутством. На престол возвели его брата Мёнджона, при котором страной фактически правил Чон Джунбу. Военные чиновники заняли высшие посты в правительстве, захватили и поделили между собой земли и богатства многих отстраненных сановников. Высшим органом управления стал штаб военного дворянства (Чунбан), а в провинциях и уездах власть перешла в руки местных военачальников.

Гражданские чиновники неоднократно пытались восстановить свои привилегии. Не раз дело доходило до вооруженных столкновений. Особенно активно участвовали в борьбе буддийские монахи, которые прежде получали немало милостей от свергнутого вана. Так, в 1174 г. в Кэгён вошел отряд из 100 монахов храма Квибоп и попытался изгнать военных чиновников. Его разгромили, но на следующий день соседние храмы послали еще 2 тыс. вооруженных монахов, с которыми новым правителям едва удалось справиться. Одновременно был подавлен очередной мятеж в Согёне. Усиливавшиеся междоусобицы в среде господствующего класса создавали дополнительные стимулы для роста антифеодальной борьбы.

Небывалый подъем народного движения в Корё произошел в последней четверти XII в. Центр выступлений переместился на юг, в основной сельскохозяйственный район, где крестьяне подвергались особенно жестокой эксплуатации. Уже в 1175 г. начались волнения в ряде южных уездов. В самом начале 1176 г. восстали жители деревни Мёнхаксо области Конджу в провинции Янгван. Во главе восставших стал крестьянин Манъи, которому удалось сколотить большой отряд. Помимо него действовали и другие крестьянские отряды: в горах Каясан (провинция Кёпсан) — отряд Сон Чхона, на востоке Кёнсан — отряд Ли Гвана, в горах Мирыксан (провинция Чолла) — отряд крестьян из округа Ёсан и т. д.

Наиболее крупным и активным был отряд Манъи. Вскоре после начала восстания он захватил областной центр Конджу, разгромив посланное против него карательное войско, состоявшее из 3 тыс. солдат. Не сумев подавить восстание силой, правительство пыталось это сделать путем мелких подачек. Оно объявило о переводе деревни Мёнхаксо в разряд уездных центров. Жителей этой деревни, прежде относившихся к «подлому» сословию, обещали сделать вольными крестьянами. Но пов-

станцы не поддались на обещания правительства и уговоры специально присланных чиновников. Они продолжали боевые действия и овладели городом Есан в провинции Чолла.

Крестьянские отряды в южных провинциях громили феодалов и чиновников, внушая все большие опасения властям в Кэгёне. В конце 1176 г. на юг были направлены крупные силы во главе с военачальниками Чон Сею и Ли Бу. Последние умело воспользовались разобщённостью действий крестьянских вожakov. Для начала им удалось нейтрализовать отряд Манъи, самый опасный для феодальных властей. Сам Манъи в начале 1177 г. был приглашен в столицу якобы для переговоров с правительством. Здесь его встретили с почестями, а затем уговорили вернуться на родину. Между тем правительственные войска сумели сломить сопротивление и разгромить поодиночке действовавшие в провинции Кёнсан отряды Сон Чхона и Ли Гвана.

Несмотря на некоторые успехи, все же не удалось полностью подавить антифеодальное движение на юге. Зная восстания вновь поднял крестьянский вожак Манъи, семья которого в качестве заложников была похищена властями. Дав клятву дойти до столицы, Манъи создал новый большой отряд, который в короткий срок захватил Хваннё в уезде Ёджу, Чинджу в уезде Чинчхон и другие города. Весной 1177 г. повстанцы заняли Аджу — важный пункт на пути к столице. Пламя восстания охватило значительную часть провинции Янгван и некоторые уезды провинций Кёнги, Кёджу и Кёнсан. Всего в руках повстанцев оказалось более 50 административных центров.

Повсюду восставшие крестьяне расправлялись с феодалами и чиновниками, громили монастыри, раздавали голодавшему населению продовольствие из государственных и помещичьих складов. Правительству, напуганному размахом движения, снова удалось склонить Манъи к переговорам. Во время переговоров Манъи был схвачен и казнен. Оставшийся без предводителя отряд разогнали правительственные войска.

Летом 1177 г., когда были подавлены основные очаги антифеодальной борьбы на юге, усилилось народное движение на северо-западе Корё. В числе первых вновь восстало население Согёна. Командующий войсками Северо-Западного пограничного края Ли Ыймин подверг крепость длительной осаде, но отряд из 500 повстанцев сумел вырваться и ушел в горы Мёхянсан. К этому времени там собралось несколько больших крестьянских отрядов. Их вожаки сделали попытку объединить свои силы и внести в движение элементы организованности. Во главе основных сил встали крестьянские командиры Саджин, Сиктан, Чингук и Кёхун, авангардом командовал Ким Бо, тылы охранял арьергардный отряд во главе с Квансу.

Восставшие активно действовали в районе городов Касан, Пакчхон, Тхэхчон, Чаджу и др. Они фактически держали под контролем всю территорию между реками Тэрёнган и Чхончхонган и штурмовали такие крупные крепости, как Анджу и Ансу. Правительство неоднократно смещало военачальников за то, что те более года не могли справиться с повстанцами. Однако сама крестьянская армия оказалась недостаточно прочной. Она стала распадаться на самостоятельные отряды. Входившие в них бойцы постоянно страдали от недостатка продовольствия и оружия. Новый командующий карательными войсками Пак Чегом сумел воспользоваться этим. Выдав голодавшим крестьянам продовольствие, он добился их покорности. Одновременно были подкуплены некоторые командиры отрядов, которым присвоили чиновные звания. К концу 1178 г. карательные войска и феодальное ополчение разгромили

повстанческое движение на северо-западе, хотя мелкие отряды крестьян еще долгое время продолжали действовать в глухих местах.

В 1193—1194 гг. вновь поднялись крестьяне провинции Кёнсан. Самые крупные отряды создали Ким Сами — на севере провинции, в горах Унмунсан, и Хёсим — на юге, в районе Чходжона. Направленные против них войска потерпели поражение. Летом 1193 г. на помощь карателям были посланы крупные силы под командой нескольких военачальников. Один из них, Ли Джисун, сын тогдашнего кэгёнского временщика Ли Ыймина, пытался использовать повстанцев для укрепления своего влияния. Он завязал с их вожаками тайные связи, продавал им продовольствие и снаряжение и даже выдал некоторые военные планы. Пользуясь этим, крестьянские отряды снова разгромили армию карателей.

В конце 1193 г. правительство собрало огромное войско для борьбы с восставшими. С помощью подкупа и обещаний удалось разбить повстанческие отряды. Один из крестьянских командиров, Ким Сами, сдался присланным из столицы чиновникам и был убит. Весной 1194 г. возле Мильсона правительственная армия нанесла серьезное поражение отрядам восставших: было убито и взято в плен 7 тыс. крестьян. После этого повстанческое движение на юге Корё пошло на убыль. В конце 1194 г. был разгромлен и пленен другой видный вождь восставших — Хёсим. Так закончилось поражение еще одно выступление народных масс против феодальных угнетателей. Как и в 1176—1178 гг., это выступление приняло характер крестьянской войны, потерпевшей поражение из-за слабости, плохой организованности и разобщенности ее участников.

В Корё между тем не прекращалась борьба феодальных кланов. В частности, усилилось соперничество правивших страной военных чиновников. В 1196 г. власть захватил крупный военачальник Чхе Чхунхон. Он сам и три поколения его потомков управляли государством более 60 лет. Чхе Чхунхон оказался самым могущественным из временщиков. За годы своего правления он изгнал двух и возвел на престол четырех ванов. Каждый из них оставался номинальным властелином, лишенным реальных прав. Чхе Чхунхон сделал попытку восстановить расшатавшееся и ослабевшее централизованное государство.

Для этой цели Чхе Чхунхон создал подчинявшийся лично ему разветвленный аппарат управления. Он сурово преследовал всякую оппозицию со стороны феодалов; при нем междоусобная борьба несколько затихла. Некоторых феодалов заставили вернуть незаконно присвоенные казенные земли; издавались указы, запрещавшие самовольный захват крестьянских наделов. В то же время сам правитель и его многочисленное окружение значительно расширили собственные владения и превратились в крупнейших землевладельцев. Придя к власти, Чхе Чхунхон обещал сделать некоторые послабления крестьянам, надеясь таким путем добиться умиротворения.

Все обещания, данные Чхе Чхунхоном, были демагогической уловкой. При нем продолжали расти налоги и подати, увеличились различные дополнительные поборы и трудовая повинность. Поэтому, несмотря на жестокость властей и огромные жертвы, понесенные крестьянством при подавлении недавних восстаний, антифеодалная борьба не прекращалась. В конце XII — начале XIII в. даже несколько расширилась социальная база движения. Помимо крестьян в нем активно участвовали и городские низы.

В 1198 г., например, в Кэгёне раскрыли заговор казенных и частных ноби. В подготовке восстания участвовало несколько тысяч человек, которыми руководил ноби по имени Манджок. Он и еще несколько человек создали тайную организацию. Предполагалось поднять восстание в Кэ-

гёне, перебить правителей во главе с Чхве Чхунхоном, уничтожить документы о крепостном состоянии и ликвидировать все различия между простолюдинами и «подлым» сословием. В результате предательства заговор столичных ноби был раскрыт. Сам Манджок и более 100 его сподвижников были зверски утоплены в реке; жестоко наказали и других участников неудавшегося восстания. Это был первый в истории Корё случай, когда самостоятельно попытались выступить ноби.

В следующем, 1199 г. восстали крестьяне в районе г. Мёнджу в Северо-Восточном крае. На первых порах повстанцы одержали несколько побед и завладели крупными городами на восточном побережье — Самчхоком и Ульджином. Вскоре к ним присоединились восставшие крестьяне из Кёнджу в провинции Кёнсан. Однако уже через месяц восстание пошло на убыль. Сказалась общая для всех крестьянских движений вера их участников в «добраго правителя». Крестьяне поверили Чхве Чхунхону, обещавшему улучшить их положение. Руководители восстания, расправившись с самыми ненавистными чиновниками, отправились затем в Кэгён, чтобы изъявить свою покорность.

Одно из самых крупных восстаний произошло в 1200 г. в Чинджу (Кёнсан). Его начали казенные и частные ноби, которые сожгли более 50 домов наиболее жестоких чиновников. Ряды повстанцев быстро росли за счет местного крестьянства. Созданный ими отряд при поддержке населения уничтожил или захватил в плен более 6 тыс. чиновников и феодалов. Однако к руководству восстанием пробрался чиновник Чон Банный, который стремился использовать движение в корыстных целях. Он всячески ограничивал его антифеодалную направленность, ограждая феодалов и чиновников от расправы. Одновременно, опираясь на силы восставших, Чон Банный повел переговоры с правительством, посылал в столицу дары, чтобы задобрить Чхве Чхунхона. Предательское поведение руководителя вызвало возмущение среди крестьян, и часть повстанцев покинула отряд. Они соединились с восставшими крестьянами из уезда Хапчхон и вместе с ними повели борьбу против Чон Банного. В результате вооруженных столкновений силы повстанцев были порожваны, и движение закончилось поражением в 1201 г.

Но уже в 1202 г. в провинции Кёнсан вновь началось восстание. Первыми поднялись располагавшиеся здесь войска, недавно набранные из крестьян. Они объединились с буддийскими монахами, выступавшими против Чхве Чхунхона, а также с повстанцами, действовавшими до этого в горах Унмунсан. К ним примкнули восставшие крестьяне из других мест провинции. Под руководством вожака унмунсанских повстанцев, Пхэджва, сложилась многочисленная крестьянская армия, состоявшая из трех больших отрядов. Восставшие провели несколько удачных боев против местных гарнизонов, однако весной 1203 г. потерпели поражение от правительственных войск в кровопролитных битвах возле Кьяна и Ёнпя. Остатки крестьянской армии отошли в горы Унмунсан, но там от руки подосланного убийцы пал их предводитель Пхэджва, и восстание было подавлено.

Восстанием 1202—1203 гг. завершился длительный период активной борьбы крестьян против феодальных правителей. После этого установилось сравнительно непродолжительное затишье в классовой борьбе. Крестьянские войны в Корё, как и везде, велись стихийно и без ясной цели, восставшим крайне не хватало организованности, последовательного руководства, чем всегда страдало крестьянское движение. И все же, несмотря на поражение, борьба народных масс в XII в. повлияла на весь ход событий в Корё, вызвав дальнейшее ослабление феодального централизованного государства.

БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ. ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ КОРЁ

Корё накануне монгольских нашествий (1218—1231)

В первой четверти XIII в. на границах Корё снова сложилась напряженная обстановка. Северный Китай еще в середине XII в. был завоеван чжурчжэньским государством Цзинь. Чжурчжэни постоянно воевали с Южным Китаем, оставшимся под властью династии Сун. Длительные войны ослабляли оба государства перед военной опасностью, надвигавшейся с севера. Там, в монгольских степях, в начале XIII в. возникла сильная централизованная держава Чингисхага, которая росла и крепла за счет ограбления других народов.

В 1211 г. армия монголов вторглась в Северный Китай. Взяв огромную добычу, она ушла на запад. Характеризуя этот период монгольских завоеваний, К. Маркс отмечал: «Чингис-хаг проникает в глубь Сибири, подчиняет затем монгольские и тюркские племена на севере Кореи, в пустыне Гоби, на запад от Китайской стены до границы Тибета»¹.

Нашествие монгольских войск еще более ослабило империю Цзинь. От нее отпали восточные земли, на которых местные феодалы создали зависимое от монголов государство Дунчжэнь. Племена киданей, находившиеся под властью Цзинь, также пытались возродить свое государство. Правительство Корё старалось занять нейтральную позицию, не поддерживая никого из своих соседей. Тем не менее оно не смогло остаться в стороне от событий, развертывавшихся вблизи корейских границ. Монгольская конница и войска Дунчжэнь напали на племена киданей, вытесняя их с занимаемых ими земель. Не выдержав натиска, кидани решили укрыться за Амнокканом, заняв северные земли Корё.

Летом 1216 г. несколько сот тысяч киданей форсировали Амноккан у Ыйджу. Они дошли до крепости Куджу, возле которой встретились с войсками Корё. В нескольких сражениях корейские воины под командованием Ким Чхирё разгромили врага и изгнали его со своей земли. Однако вскоре новая армия киданей вторглась в Корё. Она сумела прорваться на юг и в начале 1217 г. подошла к столице Корё — Кэгёну. Отброшенные от Кэгёна, кидани осадили небольшую крепость Воиджу, закрывавшую путь в южные провинции. Местный гарнизон и почти все жители погибли, но не сдали крепость. Подошедшая туда корейская армия во главе с Ким Чхирё и другими полководцами нанесла поражение киданям и вытеснила их из пределов Корё.

Весной 1218 г. несколько десятков тысяч киданей вновь перешли границы Корё. На первых порах корейская армия не сдержала их натиска

и отступила к Согёну. Здесь она привела себя в порядок, пополнила ряды и в нескольких боях разгромила киданей. Остатки их были окружены в крепости Кандон. Судьба осажденных уже была почти решена, когда в конце 1218 г. без всякого приглашения со стороны Корё в его пределы вошли 10 тыс. монголов и 20 тыс. воинов Дунчжэнь. Их предводители получили приказ Чингисхана покорить киданей и установить «дружественные отношения» с Корё.

В самом начале 1219 г. крепость Кандон пала. Но корёской армии не довелось воспользоваться плодами победы. Около 50 тыс. взятых в плен киданей и все богатые трофеи достались монголам.

Прежде чем покинуть Корё, монгольские предводители направили в Кэгён десять своих послов с поручением завязать «дружественные отношения». На деле эти отношения должны были стать союзом между «старшим» (Монголия) и «младшим» (Корё), т. е. своеобразной формой вассальной зависимости. Ван Коджон отказался дать аудиенцию послам, поручив вести переговоры своим чиновникам. Но монгольские послы в нарушение придворного этикета явились во дворец при полном вооружении и заставили вана принять послание Чингисхана. После длительных колебаний корёское правительство было вынуждено согласиться на требования монголов, надеясь таким образом избавиться от их дальнейших притязаний.

С установлением «дружественных отношений» войска монголов и Дунчжэнь ушли из Корё. Однако у его границ периодически появлялись крупные монгольские отряды. В Кэгён то и дело приезжали послы Чингисхана, требовавшие уплаты дани. В 1221 г., например, в состав дани входили 10 тыс. меховых шкур, 5 тыс. пхиль шелка и других тканей, 10 тыс. листов бумаги, 1 тыс. бутылок туши и пр. Корёское правительство либо всячески уклонялось от уплаты дани, либо поставляло только какую-то ее часть. Жители столицы и других городов возмущались бесцеремонным поведением монгольских послов, чинивших повсюду насилие и произвол. В 1225 г. при переправе через Амноккан были убиты монгольский посол и его свита, возвращавшиеся в Монголию с данью и дарами. Корёское правительство возложило ответственность за убийство на обитавших в этом районе киданей, однако в Монголии не поверили и прекратили всякие отношения с Корё.

Борьба с киданями, пребывание в Корё монгольских войск тяжело отразились на экономике страны. Расходы на войну, уплата дани, содержание монгольских посольств вызвали дальнейшее усиление феодальной эксплуатации. В ряде мест снова вспыхнули крестьянские восстания. Крупнейшее из них произошло в 1217 г. в уезде Чинви провинции Янгван. Повстанцы под руководством Ли Джандэ изгнали чиновников, раздали бедноте зерно из складов. Они разгромили посланные против них местные отряды. Восстание было подавлено лишь после того, как правитель Чхве Чхунхон стянул сюда войска из других провинций.

Одновременно обострилась междоусобная борьба в среде корёских феодалов. Многие из них были недовольны засильем дома Чхве (в 1219 г. правителем стал Чхве У, сын Чхве Чхунхона). В пограничных районах снова усилились сепаратистские тенденции. Как и прежде, феодалы использовали в своих целях крестьянское движение. Когда в 1219 г. в Ыйджу вспыхнуло восстание, к его руководству пробралась начальники расположенных здесь войск Та Жи и Хан Сун. Не рассчитывая на свои силы, они обратились за помощью к влиятельным феодалам Дунчжэнь. Однако те ограбили население Ыйджу, а затем выдали корёским властям головы мятежных военачальников. В последующие годы здесь еще не раз происходили выступления сепаратистов, прибегавших к помощи

войск Дунчжэнь. Такая ориентация на внешние силы надолго стала обычной для феодальной оппозиции в Корё. Лишь в 1226 г. кэгёнские власти подавили смуту на крайнем северо-западе.

Однако и после этого борьба крестьянских повстанческих отрядов не прекращалась. Судя по сообщениям источников, основными центрами их действий были горы Кванаксан в Кванджу (провинция Янгван) и Масан на севере (точное местоположение неизвестно). Правительству приходилось тратить много усилий, чтобы сдерживать нарастающее крестьянское движение.

Вторжение монгольских завоевателей в 1231—1232 гг.

Разрыв «дружественных отношений» с Корё и гибель посла не вызвали со стороны Монголии немедленных ответных действий. В это время главные силы монголов были заняты завоевательными походами в странах Азии и Европы. В 1227 г. умер Чингисхан, и несколько лет шла борьба его сыновей за ханский престол. В 1229 г. великим ханом Монголии был избран Угэдэй, начавший подготовку к завоеванию Китая. Наряду с этим в планы монгольских феодалов входил также захват Корё. В 1231 г. хан Угэдэй приступил к покорению Китая. Одновременно часть монгольских войск он направил в Корё. Началась героическая борьба корейского народа против монгольских завоевателей, длившаяся более 40 лет.

Летом 1231 г. монгольская армия во главе с Саритаем вторглась в Корё. Взяв плохо защищенный Ыйджу, монголы разделились на две большие группы: одна направилась на юг, другая подошла к крепости Куджу, где собрались корёские воины из окрестных городов и сёл. Их возглавили местные военачальники Пак Со и Ким Гёнсон. Осадив крепость, монголы неоднократно пытались взять ее штурмом, но всякий раз наталкивались на решительное сопротивление гарнизона.

Вот как описаны в хронике «Тонгук пёнгам» боевые дела защитников Куджу: «Собрав 300 отборных конников, монголы атаковали северные ворота, но [Пак] Со отогнал их. Тогда монгольская армия пошла на штурм, катя перед собой повозки, на которые положили сухую траву. [Ким] Гёнсон из повозок с катапультами лил расплавленный металл, поджег траву и вынудил монгольскую армию отступить. Монголы снова соорудили осадную башню, сделали настил из больших деревьев и покрыли коровьими шкурами. Посадив туда воинов, подтащили башню к основанию крепости и устроили подкоп. Но [Пак] Со вылил на них расплавленный металл. Земля обрушилась на монгольский отряд, погибло более 30 человек. Скоро огонь перекинулся на деревянный настил, и монголы в беспорядке разбежались».

После месяца безуспешной осады основная часть находившихся здесь монгольских сил ушла от Куджу и присоединилась к армии, направлявшейся в центральные районы. Тем временем правительство Корё срочно собирало войска. Из разных провинций прибывали недостаточно обученные и плохо вооруженные воины. Из них сформировали три армии, которые направились против монголов.

В связи с нашествием многие повстанческие отряды прекратили борьбу и пришли на помощь правительственной армии. В «Корё са» имеется об этом следующая запись: «Вождь разбойников с горы Масан сам покорился, посетил [Чхве] У и сказал: „Позвольте мне с пятью тысячами отборных воинов помочь в разгроме монголов“. [Чхве] У очень обрадовался, наградил его весьма щедро... [Чхве] У также послал чело-

века в Кванджу уговорить разбойников, собравшихся в горах Кванаксан. Пять вожаков и 50 отборных воинов щедро наградили и назначили служить в правую армию². Главари разбойников из отряда ноби в Чхунджу — ёнса Чи Гвансу и монах Убон также пришли к [Чхве] У, и тот наградил их».

Авангард монгольской армии стремительно продвигался вперед, к Согёну. Но гарнизон этой крепости и местное население отбили натиск монгольской конницы, которая направилась оттуда в провинцию Сохэ. Здесь у небольшой почтовой станции Тонсон произошло первое крупное столкновение корёских и монгольских войск. Корёская армия, расположившаяся на отдых, пришла в замешательство. Положение спасли находившиеся здесь крестьянские отряды с горы Масан. Приняв на себя основной удар, они дали возможность остальным полкам собраться с силами и перейти в контратаку. Обе стороны понесли большие потери, но монгольская конница была разбита.

Генеральное сражение произошло на севере, у крепости Анбук, и закончилось поражением армии Корё. Погибли многие военачальники и более половины воинов. Это предопределило последующие события.

Продвижение монголов на юг по-прежнему тормозилось сопротивлением Куджу. На помощь осаждавшим был послан большой отряд конницы, подтянуто 30 крупных катапульт. Часть стен Куджу разрушили, а после одного из штурмов монголы через проломы ворвались в крепость. Но и на этот раз ее защитники не дрогнули, изгнали противника и восстановили укрепления.

В конце 1231 г. монгольские войска подошли к столице и окружили ее со всех сторон. Силы обороны были крайне незначительны, и правительству Корё пришлось направить противнику предложения о мире. После длительных проволочек монголы согласились вести переговоры, не прекращая при этом военных действий. Они вторглись в несколько соседних областей, разорили их и ограбили. В ряде мест они натолкнулись на решительное сопротивление. Из крепости Чхунджу, например, в панике бежали местные начальники и феодалы, но городская беднота взяла в свои руки защиту крепости и разгромила подошедший сюда монгольский отряд.

Армия завоевателей так и не смогла захватить Куджу. Положение не изменилось и после того, как к осаждавшим прибыл сам монгольский предводитель Саритай. Защитники крепости отвергли все предложения о сдаче и мужественно отбивали один штурм за другим. Они открыли ворота лишь после подписания мира, получив соответствующий приказ из столицы. Длившаяся пять месяцев героическая оборона Куджу является одной из самых славных страниц истории борьбы народа Кореи за свою независимость.

В начале 1232 г. монголы согласились на мир, потребовав огромную дань (1 млн. комплектов одежды, 10 тыс. пхиль шелка, 20 тыс. меховых шкурок, 20 тыс. лошадей и т. д.) и отправки ко двору хана 2 тыс. юношей и девушек из аристократических семей. Корёскому правительству пришлось принять эти грабительские требования. Оно выплатило часть дани, обязавшись позднее внести остальное. Саритай и другие монгольские полководцы получили роскошные дары. После этого монгольская армия покинула Корё. В столице и крупнейших центрах осталось 70 монгольских даругачи (наместников), которые должны были следить за действиями властей и выколачивать дань.

Характеризуя дальнейший ход монгольских завоеваний, К. Маркс писал: «После уничтожения Хорезмского государства монголы принудили румского или иконийского султана подчиниться им; одновременно

они вели войну с императором Южного Китая, который тогда еще отстаивал свою независимость; подчинили, с другой стороны, владетеля полуострова Кореи»³.

Борьба корейского народа против монгольских нашествий (1232—1259)

Правительство Корё пошло на заключение мира, когда народные массы еще могли продолжать борьбу с завоевателями. В ряде случаев защитники крепостей складывали оружие лишь под нажимом центральных властей. Гарнизон небольшой крепости Чаджу отказался впустить столичного чиновника, привезшего известие о мире. Даже специальный посланец вана долгое время не мог уговорить руководителя обороны Чхве Чхунмёна сдаться монгольскому отряду, безуспешно осаждавшему Чаджу.

Господствующий класс также не был удовлетворен условиями мира. Корёских феодалов возмущали тяжелая дань, требования отправить в Монголию детей аристократов, вызывающее поведение даругачи. Правитель Чхве У опасался, что монголы станут вмешиваться во внутренние дела и лишат его власти. Внушал тревогу и полученный им вызов к ханскому двору.

Весной 1232 г. Чхве У собрал высших гражданских и военных чиновников на совещание. Некоторые его участники высказались за сохранение зависимости от монголов. Против капитулянтской позиции протестовали Ким Сечхун, ведавший обороной столицы, и многие другие сановники, настаивавшие на том, чтобы ван и правительство остались в Кэгёне и возглавили антимонгольскую войну.

Возобладала точка зрения Чхве У, предлагавшего покончить с зависимостью, уклоняясь от активных боевых действий против завоевателей. Вскоре в Кэгёне и других городах перебили монгольских даругачи. Столицу спешно перенесли на о. Канхвадо, недостижимый для монгольских конников. Туда переселились ванский двор, высшие ведомства и вся знать. Жителей Кэгёна также обязали переехать на Канхвадо. Во все уезды и округа разослали гонцов с манифестом, призывавшим население в случае прихода монголов укрываться на морских островах и в глухих горных крепостях.

Разрыв мирных отношений свидетельствовал, что господствующий класс Корё еще не утратил решимости сопротивляться притязаниям монгольского хана. Это решение совпадало с общими настроениями народных масс. Вместе с тем перенос столицы на Канхвадо отражал эгоистическое стремление правящей верхушки переложить всю тяжесть неизбежной войны на плечи народа. Главные силы правительственных войск были выведены на Канхвадо и почти не принимали участия в схватках с врагом. Около сорока лет основное сопротивление противнику оказывали стихийно возникавшие отряды крестьян и городской бедноты, к которым примкнула некоторая часть мелких феодалов и чиновников.

Летом 1232 г. монгольские войска под командованием Саритая вновь вступили в пределы Корё. Несмотря на длительную осаду, им не удалось захватить Кэгён. Его упорно обороняли жители, не последовавшие призывам Чхве У и не покинувшие столицу.

В конце 1232 г. основная часть монгольских войск под командованием самого Саритая подошла к небольшой крепости Чхоинсон (в современном уезде Ёнин провинции Кёнги). Ее оборону возглавил монах Ким Юнху. В одном из сражений метко пущенная стрела сразила Саритая.

Историческая традиция приписывает это Ким Юнху. Монгольская армия, оставшись без предводителя, в беспорядке покинула пределы Корё.

Но в 1236 г. в Корё вторглась новая монгольская армия во главе с Тангу. По пути она встречала сопротивление местных гарнизонов и населения. В провинции Кёнги монголы окружили небольшую крепость Чукчу. Более двух недель они штурмовали эту крепость, применяя катапульты и зажигательные снаряды. Защитники, руководимые опытным воином Сон Мунджу, участвовавшим в обороне Куджу, отбили неприятеля и вынудили его снять осаду.

Более двух лет армия Тангу оставалась в Корё, грабила и разоряла села и города. Все это время завоеватели встречали отпор лишь со стороны плохо вооруженных отрядов, созданных населением, и небольших местных гарнизонов. Правительственные войска, оставшиеся на Канхвадо, ограничились лишь несколькими мелкими вылазками.

Весной 1239 г. монголы направили на Канхвадо послов с предложением «дружбы» на следующих условиях: столицей вновь становится Кэён, жители возвращаются с островов и из горных крепостей на свои места; ван едет в Монголию, признает себя вассалом императора и оставляет там заложником своего сына. Правительство Корё заявило о согласии, и поэтому основная часть монгольских войск ушла из Корё. На самом деле принятие условий «дружбы» было простой уловкой, чтобы удалить из страны монгольские войска. Ни одно из этих требований не было выполнено. Ван и весь двор остались на Канхвадо, а под видом наследника престола в Монголию направили дальнего родственника вана.

В 1247 г. Корё снова подверглось опустошительному нашествию. Монгольские войска под предводительством Амуганя расположились возле Кэёна. Многочисленные отряды были разосланы в горные местности, где пряталось население. Всюду они встречали сопротивление местных жителей, бравшихся за оружие при приближении противника. В 1251 г. новый монгольский хан Мункэ вновь направил послов на Канхвадо, предлагая признать зависимость Корё от Монголии. Правитель Чхве Хан, в 1249 г. сменивший у власти своего отца, на словах соглашался, но также ничего не делал для выполнения выдвинутых условий. Однако прежняя тактика обещать все, лишь бы завоеватели ушли, теперь не помогала. Монгольские войска оставались в Корё и разоряли страну.

Несмотря на многочисленные жертвы и лишения, корейский народ не переставал давать отпор завоевателям. В 1253 г. Амугань прибыл ко двору Мункэ и вынужден был признать, что не в состоянии покорить Корё. Во главе армии поставили Егу, одного из родственников хана. С 10 тыс. всадников он вторгся в Корё с северо-востока, а Амугань со своей армией — с северо-запада. Соединившись, монгольские полчища обрушились на корейские села и города. Как и прежде, они повсюду встречали отчаянное сопротивление местных гарнизонов и населения.

В те годы особенно прославились защитники крепости Чхунджу в провинции Чхунчхон. Во главе их был уже упоминавшийся Ким Юнху, руководивший героической обороной Чхоинсона еще в 1232 г. Когда в крепости иссякло продовольствие, осажденные начали готовиться к решительному бою. Чтобы воодушевить их, Ким Юнху сжег на городской площади документы на казенных ноби. Этот беспрецедентный в истории феодальной Кореи случай, получивший широкий резонанс в стране, вызвал энтузиазм участников обороны. Собрав все силы, воины и жители крепости нанесли удар по неприятелю. Монголы, понеся серьезные потери, после 70 дней осады ушли от Чхунджу.

В 1254 г. монгольский хан вновь сменил полководцев, действовав-

ших в Корё. Во главе войск был поставлен Чэлодай, который не ограничился действиями в центральных районах и вторгся в южные провинции. Завоеватели жестоко расправлялись с населением тех мест, где наталкивались на сопротивление. Многие города и села были сожжены, а жители перебиты или угнаны в плен. Вот как описывает «Тонгук пёнгам» взятие небольшой горной крепости Янсан в провинции Сохэ: «В крепости было более 4700 убитых. Монгольская армия перебила всех мужчин старше 10 лет, а женщин и детей взяли в плен и поделили между воинами».

Долголетняя кровопролитная война истощала народ Корё, но тем не менее он не прекратил борьбы. Монголы встретили серьезный отпор у Чхунджу, Онсу, Санджу и других крепостей, были отбиты их попытки захватить некоторые прибрежные острова.

Перенесение военных действий в южные провинции, прежде почти не затронутые войной, серьезно отразилось на положении верхушки господствующего класса, укрывшейся на о-ве Канхвадо. Основная часть пахотных земель на острове была в руках правящего дома Чхве. Ему принадлежало там 3 тыс. кёль, тогда как казне — всего 2 тыс. Большинство феодалов и чиновников на Канхвадо кормились за счет продовольствия, поставляемого в виде налога крестьянами южных провинций. С 1257 г. монголы активизировали свои действия, и значительная часть их сил сосредоточилась на материке против Канхвадо, создавая непосредственную угрозу временной столице Корё.

Сокращение доходов знати и опасность вторжения монголов на Канхвадо усилили внутренние противоречия в среде господствующего класса. Гражданские чиновники по-прежнему не могли смириться с тем, что военные полностью оттеснили их от власти. Потомственную аристократию тревожило также возвышение ряда безродных людей из дворовой челяди дома Чхве. Феодалы и чиновники, многие месяцы не получавшие жалованья, все активнее высказывались за примирение с монголами. Росло недовольство засильем правящей семьи Чхве.

В 1258 г. группа придворных во главе с Ким Инджуном устроила заговор; преемник Чхве Хана — правитель Чхве Ёй — был убит. Формально власть в стране вернули вану, но фактически она перешла в руки Ким Инджуна и других влиятельных заговорщиков, которым досталась основная часть богатств, принадлежавших дому Чхве.

Пришедшая к власти группировка феодалов решила прекратить дальнейшее сопротивление завоевателям. Весной 1259 г. наследник корёского престола отправился в Монголию. В пути он узнал, что после длительной междоусобной борьбы ханом стал Хубилай, возглавлявший армию, действовавшую в Китае. Советники нового хана рекомендовали ему примириться с правящей верхушкой Корё, чтобы, опираясь на нее, держать эту страну в повиновении. Хубилай приветливо встретил корёского принца, отказался от некоторых предъявленных ранее унижительных требований (например, мужчинам носить косы), обещал вывести войска и запретить грабежи. За это Корё должно было признать вассальную зависимость от монгольского хана. Во время переговоров пришло известие о кончине престарелого вана Коджона. С согласия Хубилая наследный принц в сопровождении даругачи вернулся на родину и занял престол. Новый ван Вонджон стал ревностным проводником политики завоевателей.

Корейский народ в большинстве своем не смирился с капитуляцией. Даже после заключения мира монголы неоднократно наталкивались на вооруженный отпор. Серьезное сопротивление они встретили на северо-западе, в Сонджу, в нескольких крепостях провинции Сохэ и других ме-

стах. Несмотря на неисчислимые потери и предательское поведение правящей верхушки, корейский народ не утратил решимости продолжать освободительную войну.

Восстание войск Самбёльчхо

Свержение правящего дома Чхве не прекратило, а лишь усилило распри среди корёских феодалов. Первым министром стал Ким Инджун, всесилием которого были недовольны его недавние сподвижники. В 1268 г. они убили Ким Инджуна; власть захватил Лим Ён, возвысившийся в дни свержения дома Чхве. Новый правитель, как и его предшественник, не хотел делить свою власть с ваном.

В придворных кругах усилилась группировка, требовавшая передать вану всю полноту власти. Ее поддерживали монголы, для которых ван был бы более послушным орудием. В 1269 г. Лим Ён пытался свергнуть Вонджона, однако вскоре под давлением монголов вынужден был вернуть ему трон. Опасаясь нового монгольского нашествия, Лим Ён начал готовить силы для отпора, но был убит приближенными вана. Вскоре погиб и его сын Лим Юму, также пытавшийся организовать сопротивление монголам.

В результате кровопролитной борьбы были окончательно отстранены военные чиновники, которые при всей их непоследовательности и пассивности все же выступали против подчинения Корё монголам. Феодалная клика во главе с ваном Вонджоном совсем отказалась от сопротивления и, предавая интересы страны, пошла на союз с завоевателями.

Длительные раздоры в господствующем классе создавали благоприятные условия для роста антифеодального движения. В годы антимонгольской войны народные массы Корё не переставали бороться против феодального гнета, хотя в условиях иноземного нашествия эта борьба и отошла на второй план. Многолетняя кровопролитная война серьезно подорвала силы народа. Тем не менее и в это время возник ряд весьма острых классовых конфликтов. Наиболее крупными из них были восстания городских низов в Кэгёне и Чхунджу в 1232 г., выступления крестьян в провинции Чолла в 1237 г., в районе Тонгёна в 1239 г. и др.

После заключения мира с монголами большинство феодалов вернулись с Канхвадо на материк и с удвоенной энергией принялись грабить и без того разоренных крестьян. Огромные средства нужны были на уплату дани, подношения подарков монгольской знати, прием послов и частые поездки в Монголию вана и придворных. Казна увеличила налоги, чиновники на местах выколачивали недоимку за прошлые годы. В стране значительно сократился пахотный фонд. Еще в 1256 г. в указе вана Коджона говорилось: «Во всех провинциях, подвергшихся разорению в связи с войной, резко сократилось поступление налога. Настоящим повелеваем, чтобы в указанных областях и уездах люди обрабатывали пустующие земли и платили налоги, которые пойдут на пополнение средств».

Неурожай и голод стали хроническими. В 1255 г. один из чиновников доносил: «В эту весну большой голод. Много народу умерло». В 1259 г. в столице были даже отмечены случаи людоедства.

Крайне тяжелое экономическое положение, рост эксплуатации и недовольство капитулянтской политикой господствующего класса вызвали новый подъем антифеодальной борьбы, которая одновременно была направлена против монгольских завоевателей. Его высшей точкой стало восстание солдат Самбёльчхо.

Войска Самбёльчхо («Три особых корпуса») были сформированы

правителем Чхе У вскоре после начала войны с монголами. Созданные первоначально для борьбы с повстанцами, они вместе с тем участвовали и в боях с завоевателями; в 1232 г. их увели на о. Канхвадо и оставили там. Отряды Самбёльчхо состояли главным образом из свободных крестьян и казенных ноби. В их среде также росло возмущение тяжким гнетом и предательским поведением правящей верхушки. Большое воздействие оказывали вести о восстаниях, происходивших в разных концах страны.

Монгольские завоеватели были крайне встревожены тем, что на Канхвадо осталась боеспособная корёская армия. Весной 1270 г. они потребовали роспуска отрядов Самбёльчхо. Правительство пыталось перевести эти войска на материк, однако воины отказались выполнить приказ. Тогда Вонджон срочно направил одного из высших чиновников, чтобы тот захватил именные списки непокорных войск. Но, как сообщает «Корё са», «Самбёльчхо боялись, что именные списки будут переданы монголам, и затаили бунтовщические настроения».

Воины Самбёльчхо отказались передать властям списки, изгнали с острова посланца вана, провозгласили государем одного из принцев и создали собственные органы управления. Их предводителями стали заслуженные и опытные военачальники Пэ Джунсон и Но Ёнхи. Так в середине 1270 г. началось восстание Самбёльчхо.

Восставшие разослали гонцов с призывом к населению подняться на борьбу против чужеземных захватчиков и изменников-феодалов. Оружие и продовольствие, захваченные в казенных складах и у богатей, поделили между воннами и местными жителями. На кораблях повстанцы совершили несколько набегов на уезды юго-западного побережья.

Однако они понимали, что о. Канхвадо, находившийся очень близко от столицы, не мог быть надежной базой. Через неделю после начала восстания отряды Самбёльчхо с семьями покинули Канхвадо. На тысяче мелких кораблей и лодок они направились на юг и после длительного путешествия высадились на небольшом о-ве Чиндо, расположенном у южного побережья провинции Чолла. Вскоре после их ухода на Канхвадо вторглись 2 тыс. монголов, которые разорили остров. Несмотря на это, жители не прекратили сопротивления завоевателям, и через два месяца монголам вновь пришлось послать на Канхвадо карательную экспедицию.

Высадившись на Чиндо, воины Самбёльчхо построили здесь крепость и превратили остров в свой опорный пункт. Одновременно они начали военные действия на материке. В провинции Чолла было разбито несколько правительственных отрядов, в руки восставших перешел о. Чеджудо. Всюду они встречали горячую поддержку местного населения.

В борьбе против восстания, грозившего принять массовый характер, правящие круги Корё еще теснее сомкнулись с монгольскими завоевателями. В южные провинции стягивались войска, во главе которых был поставлен крупный военачальник Ким Бангён. Сюда же прибыли более 1 тыс. монгольских конников под командованием Ахая. Объединенная карательная армия несколько раз безуспешно пыталась разгромить базу повстанцев на Чиндо. Но в одном из боев карателей разбили, а их предводители едва спаслись бегством. Ахай вскоре был отозван из Корё и разжалован.

В начале 1271 г. воины Самбёльчхо били высылаемые против них войска, захватили многие близлежащие острова, вступили на территорию прибрежных уездов провинций Кёнсан, Чолла и Чхунчхон. В эти дни в послании монгольскому императору Вонджон сообщал: «Сейчас мятежники с каждым днем все более распространяются, они вторглись в Кым-

джу и Мильсон в провинции Кёнсан, захватили Намхэ, Чхансон, Кодже, Хапххо, Чиндо и другие местности. Что касается селений на морском побережье, то все они ограблены полностью... Все подати из провинций Кёнсан и Чолла получают не по суше, а непременно только морем. Сейчас бунтовщики захватили Чиндо, который является ключевой позицией на водном пути». Вонджон просил увеличить помощь в подавлении восстания.

Боевые действия Самбёльчо вызвали отклики во многих уездах юга Корё. Одним из самых крупных было восстание в уезде Мильсон (начало 1271 г.), в котором участвовало почти все население. Восставших поддерживали жители соседнего уезда Хондо. Местные власти с трудом разгромили повстанцев, стянув сюда войска из всей округи. В это же время было подавлено восстание на о-ве Тэбудо в Канхваском заливе, раскрыты антифеодальные заговоры городской бедноты в Кэгёне, Янджу и других местах.

Монгольский хан Хубилай, готовившийся к походу на Японию, требовал от корёского правительства скорейшего усмирения восстания Самбёльчо. За несколько месяцев на юге была создана большая объединенная армия под командованием Ким Бангёна и монгольского полководца Синьду. Высадившись на Чиндо, она нанесла поражение силам повстанцев. В бою погибли многие руководители восставших и рядовые воины.

Основная часть повстанческих отрядов во главе с Ким Тхонджоном на лодках и кораблях переправилась на о. Чеджудо, где спешно построили крепость, окруженную двумя рядами стен. Вдоль северного побережья возвели земляной вал, защищавший от нападений с моря. Население острова примкнуло к воинам Самбёльчо, сюда же стекались крестьянские отряды из прибрежных уездов южных провинций. Спустя некоторое время повстанческая армия возобновила боевые действия. Уже в конце 1271 г. Вонджон доносил Хубилаю об угрозе вторжения с Чеджудо на материк.

В 1272 г. воины Самбёльчо действовали еще активнее. Они громили посланные против них отряды правительственных войск и взяли в плен столичного чиновника, которому было поручено возглавить борьбу с восставшими. При поддержке местных жителей повстанцы завладели островами Коджедо, Корандо, Ёнхындо, неоднократно вторгались в приморские уезды, расправлялись с корёскими и монгольскими чиновниками, отбирали собранное у населения налоговое зерно, захватывали грузовые и военные суда. В Янджу, Чхансо и других местах произошли волнения; участники которых выступали в поддержку воинов Самбёльчо.

Размах восстания внушал все бóльшие опасения корёским феодалам. Летом 1272 г. Вонджон просил монголов выделить дополнительный отряд для охраны его дворца. Одновременно накапливались силы для борьбы с повстанцами. Хубилай специально прислал своего крупного чиновника, который возглавил все карательные войска. В них вошли и монгольские отряды, готовившиеся к походу на Японию. Весной 1273 г. объединенная карательная армия (более 10 тыс.) на 160 кораблях отправилась на Чеджудо. Высадившись на острове, она напала на воинов Самбёльчо. Произошло кровопролитное сражение, закончившееся полным разгромом восставших. Большинство воинов Самбёльчо погибло, лишь 1300 сдались в плен. Руководитель восстания Ким Тхонджон с 70 соратниками бежал в горы, где все они покончили самоубийством, не желая попасть в руки врагов.

Так закончилось восстание войск Самбёльчо, длившееся три года. Несмотря на мужество и героизм, его участники не смогли противостоять превосходящим силам объединенной армии корёских феодалов и мон-

гольских завоевателей. Восстание началось тогда, когда силы народа были уже подорваны несколькими десятилетиями напряженной борьбы с иноземными захватчиками. Сказались также тактические просчеты руководителей. Войска Самбёльчхо, базировавшиеся на островах, ограничивались лишь нападениями на уезды южного побережья, не решаясь перейти к развернутым боевым действиям на материке.

Тем не менее восстание сыграло выдающуюся роль в истории освободительной борьбы корейского народа. Только после его разгрома монгольские завоеватели смогли отнести Корё к числу покоренных стран. Выступив против той части господствующего класса, которая сомкнулась с иноземными захватчиками, восставшие нанесли ощутимый удар по всей феодальной системе Корё, значительно подорвав и ослабив ее.

Отношения Корё с Юаньской империей

Завоевав Китай, монголы создали огромную империю, которой правила династия Юань, основанная Хубилаем. Она включала в себя значительную часть завоеванных монголами земель Восточной Азии. Корё не вошло в ее состав, хотя и было с ней связано прочными узами. Его отношения с Юаньской империей были сложными и противоречивыми. В целом это был своеобразный союз двух феодальных государств, одно из которых было сильнее и чувствовало себя победителем.

Удовлетворившись изъявлением покорности, Хубилай не настаивал на включении Корё в состав своей империи. Он сам и его преемники неоднократно отклоняли предложения некоторых близких к ним корёских феодалов сделать Корё юаньской провинцией. Такая позиция определялась в первую очередь сорокалетним мужественным сопротивлением корейского народа, о котором монгольские правители не забыли и с которым не хотели столкнуться еще раз. К тому же их больше устраивало Корё как младший союзник у восточных границ империи.

Поэтому юаньская династия часто заигрывала с корёскими ванами, организовывала им пышные встречи в Пекине, награждала роскошными дарами, с подчеркнутым вниманием относилась к их жалобам и просьбам. Чтобы крепче привязать ванов к себе, Хубилай и его преемники использовали династийные браки. Начиная с Чхуннёля (1275—1306) и вплоть до Конмина (1352—1374) все корёские ваны должны были жениться только на монгольских принцессах. Нередкими были случаи, когда юаньские императоры и их приближенные брали себе жен в Корё. Такова была одна сторона корёско-юаньского союза.

Другая, не менее важная заключалась в том, что государственная самостоятельность Корё не была полной и постоянно нарушалась. Не включив формально Корё в состав Юаньской империи, монголы тем не менее не очень считались с его суверенитетом. Летописные материалы по истории Корё свидетельствуют, что чужеземные правители часто и весьма активно вмешивались во внутренние дела страны (особенно в последней четверти XIII в., хотя и в последующем они не отказались от такой политики).

После капитуляции правящей верхушки Корё монгольские завоеватели отторгли значительную часть его территории, использовав предательские действия местных сепаратистов, опиравшихся на внешние силы в борьбе против центрального правительства.

Еще в 1258 г. произошел мятеж в ряде уездов Северо-Восточного края. Его участники во главе с Чо Хви перебили присланных из Кэрёна чиновников и объявили о переходе под власть монгольского хана. При-

бывшие сюда монгольские войска первым делом ограбили местное население. Все попытки корёского правительства усмирить мятеж не принесли успеха. Сепаратисты, не ограничившись монголами, призвали на помощь большой отряд из Дунчжэня. На землях к северу от перевала Чхоллён монголы учредили свое Ссансон чхонгванбу (Управление двух крепостей) с центром в г. Хваджу. Правителем назначили главаря мятежников Чо Хви.

В 1269 г. произошла очередная смута в Северо-Западном крае. Поводом послужили известия о том, что тогдашний правитель Лим Ён сверг вана Вонджона. Руководитель мятежа — крупный военный чиновник Чхве Тхан — выступил с призывами восстановить на престоле «законного» монарха и покарать обидчиков. Однако истинной подоплекой событий были традиционные сепаратистские настроения местных феодалов, особенно усилившиеся в связи с неразберихой в столице.

Чхве Тхан и его сообщники захватили Согён и еще несколько десятков крепостей в Северо-Западном крае и в провинции Сохэ, но потерпели поражение. Тогда Чхве Тхан спешно направил послание Хубилаю с просьбой о помощи, и в 1270 г. хан объявил, что 60 крепостей северо-запада Корё передаются Тоннёнбу (Управлению по обеспечению спокойствия на Востоке), центром которого сделали Согён. Чхве Тхану дали титул правителя, а в крупнейших городах разместили 3 тыс. монгольских войск.

Скоре после разгрома восстания Самбёльчхо монголы захватили самый большой остров у южных берегов Корейского полуострова — Чеджудо. Здесь они устроили огромные пастбища для своих лошадей. Островом управляли монгольские чиновники. Лишь в самом конце XIII и начале XIV в. Чеджудо ненадолго вернули Корё, но затем он снова перешел в ведение юаньских властей.

Проводившаяся монгольскими завоевателями политика имела своей целью ослабить Корё, не дать возродиться там силам сопротивления. Большинство отпавших земель, включавших очень важные пограничные районы, лишь формально управлялись местной знатью, а на деле там хозяйничали монгольские чиновники. Северо-запад был возвращен корёскому правительству в 1290 г., остальные же земли оставались под монгольским владычеством вплоть до середины XIV в.

Несмотря на установление «мирных» и даже «союзнических» отношений, монгольские правители без стеснения эксплуатировали Корё. В Пекин периодически посылали дань императору и роскошные дары членам его семьи. В 1262 г. монголы потребовали передать им 20 тыс. кын меди. В 1277 г. корёские власти собрали 11,4 тыс. человек, которые 70 дней добывали золото для юаньского императора. В 1309 г. 2 тыс. солдат рубили лес в горах Пэктусан для строительства дворцов в Пекине. Одновременно был получен приказ построить в Корё 100 судов для перевозки 3 тыс. сок зерна. Как сообщает «Корё са», «люди Хэсо (одно из названий провинции Хванхэ.— Авт.), Кёджу и Янгван особенно страдали от этого бедствия». Население Корё постоянно голодало, а юаньские правители то и дело требовали поставок зерна. Только в 1289 г. Хубилай приказал отправить из Корё на Ляодун 100 тыс. сок зерна и другого продовольствия.

Корёским властям не раз приходилось устраивать дополнительные поборы с населения в пользу своих «союзников». В 1271 г., например, «из-за того что долгое время содержали монгольских строевых лошадей, все уездные склады были опустошены, поэтому не выдавался фураж. В столице с каждого среднего двора ⁴ [брали] по 2 сок. Многие люди убежали, потому сократили [поборы] до 1 сок». В 1289 г. Хубилай предписал ко-

рёским чиновникам, находившимся в отставке, сдавать на военные нужды хлопчатобумажные ткани, а в 1292 г. для возмещения дорожных расходов императора потребовали поставить серебро и полотно.

Ряд лет в Корё размещались монгольские войска. В пределах современной провинции Хванхэ им выделили лучшие земли, обрабатывать которые принуждали местных крестьян. В разных концах страны у населения отбирали рабочий скот, семена и земледельческие орудия. Все это шло на обслуживание монгольских поселений. Корёская казна содержала монгольские войска, на что ежегодно уходило несколько сот тысяч сок зерна.

Монгольские феодалы заставили Корё участвовать в своих военных авантюрах. Еще в середине 60-х годов XIII в. они задумали покорить лежащую далеко за морем Японию, о богатствах которой в то время ходили легенды. Героическая освободительная борьба народов Китая и Кореи помешала тогда осуществить эти планы. Лишь в начале 70-х годов к подготовке похода на Японию приступили уже вплотную; при этом важная роль отводилась Корё.

По требованию монголов в Корё спешно набирали солдат. В прибрежных портах более 30 тыс. человек строили корабли. Тысячи людей занимались подвозкой грузов, работали носильщиками, прислугой и т. д. Во многих местах землю обрабатывали лишь старики и женщины, так как все мужчины были мобилизованы. Монгольские чиновники захватили принадлежавшие казне склады с зерном, из-за чего корёские власти вынуждены были прекратить выплату жалованья.

Все приготовления закончились осенью 1274 г. В поход выступила армия, состоявшая из 25 тыс. монгольских и китайских воинов. В походе участвовали также большой корёский отряд (8 тыс. человек) и 6,7 тыс. корёских моряков. Флотилия, насчитывавшая 900 кораблей, достигла о-ва Ики и разгромила располагавшиеся там японские войска. Но начавшийся вскоре шторм уничтожил большую часть кораблей. Погибло свыше 13 тыс. человек. Через месяц после начала похода армия завоевателей с большими потерями вернулась в корейский порт Халпхо.

Слустья несколько лет монголы начали готовиться к новому походу. Часть кораблей строили в Южном Китае, но основные работы развернулись в Корё. По всей стране рыскали чиновники, сгонявшие народ на строительные работы. С помощью жестоких мер собрали 10 тыс. воинов и 15 тыс. моряков. Вновь начались реквизиции зерна. Только в 1280 и начале 1281 г. корёское правительство передало на нужды похода 86 тыс. сок провианта.

Весной 1281 г. из Китая и Корё отправились две большие эскадры, соединившиеся в пути. Почти стотысячная армия, разместившаяся на 3,5 тыс. кораблей, достигла японского острова Кюсю. Находившийся здесь гарнизон оказал сопротивление, но понес тяжелые потери. Как и во время первого похода, налетевший внезапно шторм погубил основную часть флота. Уцелевшие остатки армии завоевателей с трудом вернулись домой. В этом походе погибло около 7 тыс. корёских воинов.

После монгольских нашествий походы на Японию оказались самым тяжелым ударом по экономике Корё.

Юаньская империя не только эксплуатировала Корё, но и нанесла ущерб корейской культуре. Многие произведения искусства и архитектуры погибли в годы войны или были разграблены. В юаньскую столицу не раз вывозили книги древних писателей и ученых. В 1307 г., например, в Пекин отправили 185 томов корейских династийных хроник. Как сообщает «Корё са», «в это время люди неодобрительно говорили: не надо увозить в чужую страну хроники наших предков».

Особенно унижительной была отправка женщин и девушек для гаремов императора и юаньской знати (в 1274 г.—140 женщин и девушек, причем каждая получила по 10 пхиль шелка, в 1276 г.—500, в 1306 г.—26, в 1320 г.—53 женщины и девушки и т. д.).

Правители Юаньской империи постоянно вмешивались в политическую жизнь Корё. После заключения мира в столице расположившийся монгольский даругачи, следивший за сбором дани и контролировавший действия центральных властей. С его согласия происходили назначения высших чиновников, он мог наказывать и даже заточить в тюрьму любого корейца.

В 1278 г. даругачи был отозван, но через два года в Корё создали Чондонхэн чунсосон (Управление восточного похода). Во главе его стояла коллегия, в которую входили два монгольских чиновника и корёский ван. Формально главной задачей управления была подготовка к новому походу на Японию, фактически же триумвират, в котором ван не имел решающего голоса, стал центральным органом управления Корё. Входившие в него монгольские чиновники вели себя столь бесцеремонно, что ван рискнул пожаловаться на них в Пекин. После провала второго похода в Японию Хубилай упразднил Чондонхэн чунсосон, но в 1297 г. император Тимур (Чэн-цзун) восстановил его. Лишь в XIV в. его ликвидировали.

Чтобы не допустить усиления Корё, юаньские императоры содействовали обострению внутривнутриполитической борьбы и дальнейшему расколу корёской правящей верхушки. Они неоднократно способствовали свержению негодных им ванов, поддерживали оппозиционные группировки, выдвигали на высшие должности своих ставленников. Корёские феодалы также втягивались в междоусобные распри, начавшиеся в Юаньской империи. Когда, например, в 1289 г. несколько монгольских князей подняли мятеж против Хубилая, ван Чхуннёнль готовил войска в помощь императору. Эта помощь тогда не потребовалась, но вскоре самому Чхуннёнлю пришлось обратиться за поддержкой. В 1290 г. часть мятежных монгольских войск вторглась в Корё и была изгнана только через год.

В пограничных с Корё районах Северо-Восточного Китая, где проживало много корейцев, юаньские власти образовали зависимое от них правительство (Симванбу), возглавляемое кем-либо из родственников вана. Фактически это был второй ванский двор, соперничавший с кэгёнским. Там находили пристанище многие пособники монгольских завоевателей, не решавшиеся вернуться на родину, а также противники группировок, правивших в столице. Юаньским императорам была выгодна борьба между ваном и правительством Симванбу, которая многие годы лихорадила господствующий класс Корё.

Непрекращавшееся вмешательство во внутренние дела серьезно разрушило всю государственную систему Корё. По требованию Юаней часть центральных ведомств была ликвидирована или реорганизована, многие переименованы на монгольский лад. Прибывавшие из Пекина чиновники, особенно из числа лиц, сопровождавших монгольских принцесс, самовольно захватывали земли, грабили население, отменяли распоряжения властей. От их произвола не были ограждены даже высшие сановники. Корёская знать часто ездила ко двору императора, многие носили монгольскую одежду, принимали монгольские имена. Наиболее «удачливые» получали непосредственно из рук императора назначение на выгодную должность в Корё.

Особенно внимательно следили в Пекине за тем, чтобы Корё не укреплялось в военном отношении. Вану разрешалось иметь всего несколько тысяч воинов для охраны дворцов, ведомств и складов. Лишь в

экстренных случаях, как это было во время походов на Японию, он мог набирать армию. Всячески ограничивались производство оружия и ввоз его из-за границы. Населению вообще запрещалось иметь оружие. Наблюдение за этими ограничениями вели специально приезжавшие монгольские чиновники. В то же время крупным феодалам не возбранялось содержать вооруженные отряды. Это должно было содействовать усилению феодальных распрей, что было на руку завоевателям.

Социально-экономическое и политическое положение Корё в конце XIII — первой половине XIV в.

Монгольские нашествия и последующие события нанесли огромный ущерб экономике Корё. Особенно пострадало земледелие, составлявшее основу всего хозяйства. Повсеместно уменьшилось земледельческое население. Еще в 1253 г. один из сановников говорил вану: «Сейчас в народе из каждых десяти в живых осталось два или три человека». Только в 1254 г. монголы угнали в плен около 207 тыс. человек. Резко сократилась площадь пахотных земель; всюду не хватало семенного зерна, орудий труда и рабочего скота. Пришла в негодность значительная часть ирригационной системы. Поэтому более тяжелыми стали последствия стихийных бедствий. Не было года, чтобы одна или несколько провинций не страдали от голода и эпидемий, уносивших тысячи жизней. Традиционная политика «поощрения земледелия» почти не проводилась.

Корейское ремесло также потерпело серьезный ущерб. Многие мастера погибли, другие были угнаны в плен. К началу XIV в. удалось отчасти восстановить производство тканей и предметов роскоши, добычу соли и железной руды. Некоторые отрасли ремесла (изготовление оружия, фарфоровых изделий) пришли в упадок. В стране ощущалась постоянная нехватка ремесленной продукции.

Война и связанная с нею длительная разруха тяжело отразились на внутренней торговле. Сократились торговые связи, уменьшилось количество товаров, в несколько раз возросли цены. Как сообщает «Корё са», стоимость заменявшей деньги серебряной бутылки, равнявшаяся прежде 20 сок, в 1283 г. упала до 10 сок, что свидетельствует о резком вздорожании зерна. Когда в 1318 г. в четырех соляных лавках Кэгёна продавали соль, она попала в руки только «влиятельных лиц», но не досталась, по словам хроники, «тем, кто далек (от лавочников.— *Авт.*), и людям низкого происхождения». Не хватало и других продуктов и предметов первой необходимости.

После окончания военных действий в Китае внешняя торговля Корё несколько оживилась. В Юаньскую империю вывозили ткани высших сортов, золото, серебро и изделия из них, а также сушеную рыбу и другие продукты морского промысла. Большая часть товаров поступала через казенную торговлю. Периодически в Корё прибывали караваны купцов из Китая, доставлявшие преимущественно предметы роскоши. Основные перевозки осуществлялись морем, но пиратские флотилии, приплывавшие с Цусимы и других японских островов, постоянно нападали на купеческие корабли и опустошали побережье.

В послевоенные годы частное феодальное землевладение расширилось еще больше. Пользуясь ослаблением центральной власти, феодалы присваивали крестьянские надель, а также участки, принадлежавшие казне и служилому сословию. Многочисленными стали случаи подделок сапхэ (жалованных грамот). Еще в 1260 г. в указе Вонджона отмечалось, что «сильные и влиятельные семьи захватили все лучшие земли». В 1285 г.

ван Чхуннёл писал: «Все правители ведомств, а также члены свиты, сановники, монастыри и храмы захватывают пустующие земли. Государство, стремясь развивать земледелие и увеличить количество зерна, выдает им жалованные грамоты, а они, используя эти грамоты, захватывают также земли, занесенные в реестр и имеющие хозяев». Крупные феодалы посягали не только на земельные угодья, но и на леса, пастбища, водоемы, места рыбной ловли и т. д.

Государство нерегулярно выплачивало жалованье чиновникам, а иногда и вовсе не выдавало его. Чтобы как-то смягчить их недовольство, еще в 1257 г. ввели выдачу ноккваджон (земельное жалованье). Эти наделы предоставлялись только в столичной провинции и достались главным образом верхушке бюрократии, выдвинувшейся в годы войны с монголами и в послевоенное время. Казна довольно скоро исчерпала возможности предоставления земельного жалованья. С 70-х годов XIII в. власти не раз реквизировали земли у родовитой аристократии, чтобы наделить ими многочисленное чиновничество. Введение новых служебных наделов усилило внутренние противоречия в господствующем классе, подхлестнуло борьбу за захват земли.

Крупнейшим собственником стала буддийская церковь, влияние которой еще более возросло. Храмам и монастырям, разбросанным по всей стране, принадлежали десятки тысяч кель земли. Ван и феодальная знать жаловали монастырям обширные владения, большое число ноби, тратили на них огромные средства. Известно, например, что в 1308 г. Чхуннёл велел кормить за государственный счет 2,2 тыс. монахов, а в 1309 г. — 10 тыс. монахов; в 1310 г. Чхунсон роздал монастырям 100 кын серебра; жена вана Конмина подарила храму Унан 2240 кель земли и 46 ноби и т. д.

Крупнейшие монастыри и храмы наравне с феодалами участвовали в борьбе за землю, содержа для этого собственные вооруженные отряды. В 1298 г. в указе вана говорилось: «Монастыри и молельни повсюду захватывают земли янбанов, обманным путем получают на них жалованные грамоты и превращают в свои поля».

Центральные власти лишь изредка пытались остановить безудержный рост частного землевладения. Грозные указы, запрещавшие посягать на чужие владения, как правило, не выполнялись чиновниками, зависевшими от могущественных феодалов. Кроме того, сами ваны и часто менявшиеся временщики щедро раздавали приближенным государственные земли. С конца XIII в. особенно увеличилась общая площадь конымджонси (наградных земель). Размеры каждого пожалования возросли в 2—3 раза в сравнении с нормами, установленными в ранний период истории Корё. Значительно больше стало людей, которые, не имея юридических прав, претендовали на наградные земли.

Тяжелое экономическое положение и рост земельных захватов сочетались с дальнейшим усилением феодальной эксплуатации. Главную часть поступлений в казну должен был дать земельный налог. Однако вследствие расширения частного землевладения значительно сократилось число плательщиков. Государство возмещало недостаток средств повышенным обложением тех крестьян, которые оставались в ведении казны. Наряду со старыми налогами вводились и новые. Так, в 30—40-х годах XIV в. с населения приморских уездов взимали корабельный налог. Его брали даже с тех, у кого не было лодки. Многие жители этих мест укрывались от сборщиков налога в горах и на отдаленных островах.

Налоговый гнет усугублялся произволом чиновников. Они собирали сверх установленных норм, заставляли платить за необработываемые земли. Нередко с одного надела брали налог 4—5 раз. В 1311 г. при дворе

обсуждался вопрос о смещении ряда крупных чиновников и 96 уездных начальников в провинциях Кёнсан, Чолла, Янгван и Каннын (Каннын — одно из названий Северо-Восточного края). Им вменялись в вину несправедливый сбор налогов и использование собранного в своих интересах.

Помимо налогов население продолжало платить и старые подати. Однако на первый план выдвинулся «сбор средств», проводившийся по несколько раз в год: в казну сдавали то, что в данный момент требовалось вану и его семье для определенных целей (драгоценные металлы, зерно, ткани и другие продукты домашнего промысла). Твердой ставки не было, всякий раз по мере надобности устанавливались размеры обложения. Чаще всего правительство возлагало платежи на чиновников, а те в свою очередь с лихвой взыскивали истраченные суммы с населения. Собранные средства тратились на подарки юаньскому императору, поездки в Пекин вана или наследника, содержание двора и прием послов. Одновременно процветала система откупов, вылившаяся в откровенный грабеж.

Еще тяжелее, чем прежде, стала трудовая повинность. Уже говорилось об огромных работах, развернувшихся в Корё в связи с походами в Японию. Возводились новые дворцы, буддийские храмы, государственные учреждения. В 1312 г., например, в провинциях Сохэ и Янгван мобилизовали 1 тыс. человек для строительства в столице дворца Ёнгёнгун, а в следующем году 500 человек воздвигли статую Будды в храме Мунчхон. Население сгоняли на заготовку леса, добычу соли и железной руды. С расширением сети почтовых станций увеличилась извозная повинность, возросли поставки топлива, фуража и пр.

Собранного урожая крестьянам хватало всего на несколько месяцев. Как отмечал один чиновник в середине XIV в., «бедные люди в течение года обрабатывают несколько мё земли, но налог составляет половину [урожая], и поэтому они не в состоянии прокормиться до конца года. Когда наступает время весенних полевых работ, они вынуждены брать в долг у богатых [зерно] на семена и для пропитания». Власти лишились возможности контролировать рост процентов по ссуде. Задолженность населения ростовщикам стала хронической и приобрела огромные размеры. В 1325 г. в указе вана Чхунсуга говорилось: «Бедные люди не могут возратить старые долги и продают своих детей». Участились случаи утраты крестьянами наделов за долги.

Ухудшение экономического положения, рост эксплуатации вызвали заметные изменения и в социальной структуре. В верхушке господствующего класса оказалось немало людей незнатного происхождения.

Недостаток средств вынудил вана узаконить продажу должностей (1275 г.). За определенное количество серебра (от 3 до 6 кын) можно было стать чиновником, получить повышение и даже перепрыгнуть через один-два ранга. Такой порядок дал возможность возвыситься состоятельным людям из богатых крестьян, купцов и ростовщиков. Родовитая аристократия в большинстве своем была оттеснена от власти. У нее отняли часть владений, которые перешли в руки новой знати. Все это не могло не вызвать обострения противоречий в высших кругах господствующего класса. Кучка могущественных феодалов владела обширными землями и огромными богатствами. Они очень мало считались с законами, с указами вана, в их руках был весь чиновный аппарат. Зато зарождалась многочисленная прослойка мелких феодалов. Большинство из них жили теперь главным образом за счет жалованья, которое казна выплачивала от случая к случаю. Множество чиновных наделов досталось крупным землевладельцам или ростовщикам.

В связи с растущими финансовыми затруднениями в 30—40-х годах

XIV в. ввели должностной налог. Его возложили на провинциальное чиновничество, которое в зависимости от ранга должно было вносить каждый год 100—150 пхиль холста (ушедшие в отставку сдавали 15 пхиль). Введение крайне тяжелого должностного налога ухудшило положение прежде всего низших слоев чиновничества, резко усилив их недовольство.

Ситуация, сложившаяся в Корё, особенно сильно отразилась на положении основного производительного класса — крестьянства. В результате непрекращавшихся феодальных грабежей быстрее, чем прежде, росло обезземеливание крестьян. Многие, не выдержав налогового гнета и произвола чиновников, продавали или бросали свои участки. Число беглецов, покинувших родные места, росло; они укрывались в глухих горных местах, недоступных для чиновников.

Увеличилось и число беженцев из Корё. В 1331 г. ван Чхунхе сообщил юаньскому императору: «В последние годы в округах и уездах нашей страны люди, которые должны нести повинности, вместе с казенными, монастырскими и частными ноби убегают в Еян (Ляоян.— *Авт.*), Симян (Шэньян.— *Авт.*), Ссансон чхонгванбу и к чжурчжэням».

С разорением свободного крестьянства быстро пополнялись ряды ноби; большинство их сосредоточивалось в частных руках. Феодалы, расширяя свои владения, отнимали ноби друг у друга и у казны. Число ноби росло за счет сокращения податного населения. Поэтому в 1300 г. юаньские чиновники, возглавлявшие тогда Управление восточного похода, попытались провести реформу ноби: чтобы увеличить число плательщиков дани, они попробовали вернуть в разряд свободных простолюдников тех, кто лишь недавно попал в ноби. Но феодалы решительно воспротивились этой реформе, и она была отменена. Крестьян, получивших таким образом свободу, вернули прежним хозяевам.

В конце XIII—первой половине XIV в. усилилась политическая неустойчивость Корё. В немалой степени ей содействовало непрекращавшееся вмешательство правителей Юаньской империи. Обычными стали дворцовые заговоры, ожесточенное соперничество феодальных клик, борющихся за престол. В 1310 г., например, ван Чхунсон убил наследника и его приближенных, видя в них опасных соперников.

Если раньше феодальные мятежи происходили главным образом на окраинах государства, то теперь их ареной стала столица. В 1352 г. чиновник Чо Ильсин с группой сторонников захватил ванский дворец. Завладев государственной печатью, он назначил себя и своих сообщников на высшие должности в правительстве. На столичном рынке были выставлены головы многочисленных противников Чо Ильсина. Лишь через месяц мятеж был подавлен стянутыми в город войсками.

Сорокалетняя война против монгольских завоевателей и жестокая расправа с участниками восстания Самбёльчо подорвали силы антифеодального сопротивления. Начиная с последней четверти XIII в. в Корё уже не было таких массовых народных движений, какие наблюдались прежде. Тем не менее в разных концах страны периодически происходили выступления против гнета феодалов и чиновников. Самым значительным было восстание на о-ве Чеджудо, население которого еще хранило память о мужественной борьбе воинов Самбёльчо. В 1318 г. жители острова перебили чиновников и изгнали находившегося там наследника престола. Только через четыре месяца с помощью посулов и репрессий восстание удалось подавить.

В 1334 г. бунтовали крестьяне сразу в пяти провинциях Корё. А в 1361 г. в связи с голодом выступили жители ряда уездов северо-запада. Происходили волнения также и среди солдат. Отрывочные данные, со-

хранившиеся в хрониках, свидетельствуют, что в конце XIII — первой половине XIV в. в Корё не прекращалась борьба народных масс против феодального угнетения.

Крушение Юаньской империи. Разгром «армии красноголовых»

В середине XIV в. огромная Юаньская империя, основанная на угнетении завоеванных народов, стала разваливаться. Повсеместно поднималась волна освободительного движения, которое с особой силой развернулось в Китае. Там возникли тайные антимонгольские организации, создававшие многочисленные вооруженные отряды из крестьян и городской бедноты. Эти отряды в Китае получили название «красные повязки», а в Корее были известны как «хондугун» («армия красноголовых»). Повстанческие отряды после длительной борьбы освободили основную часть страны, а в 1368 г. разгромили главные силы монголов. Юаньский император с остатками войск бежал в Монголию. Один из руководителей восставших, Чжу Юань-чжан, провозгласил себя императором Китая и объявил о создании новой династии Мин.

Едва только началось крушение Юаньской империи, как Корё сумело освободиться от обременительного «союза». В этом значительную роль сыграла непрекращавшаяся мужественная борьба корейского народа. Ван Конмин, вступивший на престол после очередного заговора в 1351 г., отменил некоторые введенные при монголах правила и порядки, ликвидировал должности и звания, учрежденные по указке Пекина. В 1355 г. губернатор провинции Чолла бросил в тюрьму монгольского чиновника, совершавшего инспекционную поездку, за его бесцеремонное поведение. Подобные действия невозможно было бы представить за несколько лет до того.

Большое значение имел разгром в 1356 г. промонгольской группировки при ванском дворе. Часть корёских сановников во главе с Ки Чхолом получили высокие чины благодаря тесным родственным связям с монгольской верхушкой (сестра Ки Чхоля была второй женой императора Тогон-Тэмура (Шунь-ди)). Эти люди хотели целиком захватить власть и восстановить прежние связи с Юаньской империей. Но Конмин и его приближенные сумели отстранить и ликвидировать эту группировку самых ярых сторонников Юаней.

В 1356 г. корёские войска под командованием Ин Дана уничтожили на правом берегу Амноккана восемь юаньских крепостей. Их разгром позволил обезопасить северо-западные рубежи страны. Одновременно были посланы войска на северо-восток, в пределы созданного монголами Ссансон чхонгванбу. Местное население поддержало пришедшую сюда правительственную армию, как и часть крупных феодалов, имевших собственные вооруженные отряды. Среди них выделялся Ли Джачхун — отец будущего основателя новой династии Ли Сонге. При их активном содействии северо-восток был воссоединен с Корё. Через несколько лет корёские власти восстановили свою власть и над о-вом Чеджудо.

Укрепляя суверенитет страны, правящая верхушка действовала недостаточно последовательно. Установив связь с руководителями повстанческого движения в Китае, она не порывала отношений и с Юаньской империей. В 1354 г. на помощь ей направили 2 тыс. корёских солдат. Разгром монгольских крепостей на берегу Амноккана представили как инициативу самого Ин Дана; полководец был казнен.

В середине XIV в. Корё вновь пришлось отражать нашествие завое-

вателей. На этот раз сюда вторглась из Китая антимонольская «армия красноголовых». Некоторая часть китайских повстанческих отрядов со временем превратилась в разбойную вольницу. Терпя временные неудачи в боях с юаньской армией, антимонольские войска, действовавшие в Северо-Восточном Китае, надеялись захватить Корё.

Осенью 1359 г. около 3 тыс. «красноголовых» переправились через Амноккан, вступили в Корё, ограбили пограничные местности и затем ушли. Вскоре здесь появилась армия уже в несколько десятков тысяч человек. Завладев городом Ыйджу, «красноголовые» убили более тысячи его жителей, а затем захватили Чонджу, Инджу и Согён. Местные гарнизоны оказывали неприятелю отчаянное сопротивление, но не могли сдержать натиска превосходящих сил. Посланная из центра армия под командованием Ан У, Ли Бансиля и других полководцев в нескольких сражениях разгромила китайские войска. Большая часть их была уничтожена во время отступления.

В 1360 г. «красноголовые» продолжали тревожить границу Корё, неоднократно высаживаясь на западном побережье. Каждый раз туда прибывали их флотилии (от 70 до 100 кораблей). Захватив прибрежные уезды, китайские отряды пытались пробиться к столице, Согёну и другим крупным городам, но подтянутые сюда корёские войска сбрасывали их в море. Были отбиты также попытки мелких отрядов вторгнуться из Китая по суше.

В 1361 г. осенью около 20 тыс. «красноголовых» вновь перешли Амноккан; корёские войска отступили, и армия противника направилась к Кэгёну. На всем пути ее следования население прятали продовольствие и создавало отряды самообороны, нападавшие на врага. Ван и высшая знать бежали на юг, а «красноголовые», захватив столицу, начисто разорили ее. Жители окрестных городов и сел мужественно сопротивлялись прибывавшим туда китайским отрядам. Борьба ополченцев и отпор гарнизонов ряда крепостей позволили выиграть время для формирования корёской армии. В начале 1362 г. войска во главе с известными полководцами Чхве Еном, Ли Бансилем, Ли Сонге и Ан У освободили Кэгён и нанесли решительное поражение завоевателям. Остатки «красноголовых» окончательно были изгнаны из Корё.

Однако и после этого у границ Корё не скоро воцарился мир. В связи с ослаблением Юаньской империи в Северо-Восточном Китае возвысился ряд крупных феодалов, претендовавших на роль местных правителей. Один из юаньских военачальников, Нахачу, объявил себя владельцем огромной территории вблизи границ Кореи. В 1362 г. он с большой армией вторгся в Корё с северо-востока. Его поддержали несколько корёских феодалов, занимавших прежде высокие посты в Ссансон чхонганбу и бежавших после его ликвидации. Против Нахачу был послан полководец Ли Сонге, влияние которого усиливалось. В битвах при Хамхыне и Хонвоне его войска нанесли поражение Нахачу. Границы Корё продвинулись дальше на север, вплоть до Пукчхона.

Разгром в 1356 г. промонгольской группировки при корёском дворе не остался незамеченным юаньскими правителями. Занятые борьбой с разраставшимся в Китае повстанческим движением, они не могли принять активных ответных действий. Ставка была сделана на преданных юаньской династии корёских сановников во главе с Чхве Ю. Эти люди долгое время жили в Пекине, занимали там видное место в центральной администрации и группировались вокруг императрицы — сестры казненного в Корё Ки Чхоля.

В 1363 г. по их предложению император Тогон-Тэмур объявил о «смещении» вана Конмина. Чхве Ю получил приказ сформировать армию из

проживавших в Китае корёсцев. Ему были приданы также 10 тыс. юаньских солдат. В начале 1364 г. войска Чхве Ю перешли Амноккан и осадили Ёйджу. Встретив здесь решительный отпор, они продвинулись к Чонджу. Сюда же подошла основная часть корёской армии под командованием Чхве Ёна и Ли Сонге. В решительном сражении Чхве Ю был наголову разбит, остатки его войск бежали за Амноккан. Императору пришлось отменить свой указ и «согласиться» оставить Конмина на престоле. Вторжение Чхве Ю в значительной мере отражало внутреннюю борьбу, продолжавшуюся в господствующем классе Корё, но в то же время явилось завуалированной попыткой юаньской династии вновь втянуть Корё в неравноправный «союз».

В 1369—1370 гг. корёская армия во главе с Ли Сонге дважды совершала походы в соседние районы Северо-Восточного Китая, разгромила отряды местных правителей, часто нападавших на пограничные земли Корё, и на некоторое время обезопасила сухопутные границы.

Подлинным бедствием для Корё стали набеги японских пиратов. В 1350 г. на города южного побережья неоднократно нападали пиратские флотилии, насчитывавшие иной раз до 100 кораблей. В 1351 г. японцы на 130 судах напали на острова Чаёндо и Санмокто. Пираты убивали и грабили мирное население, жгли дома, захватывали продовольствие и имущество жителей. Только в 1360 г. на о-ве Канхвадо они убили более 300 человек и похитили 40 тыс. сок зерна. Пираты высаживались также на южном и западном побережьях, пытались даже проникнуть далеко на северо-восток.

Властям Корё пришлось собрать большие силы, чтобы оградить страну от этих нападений. В Японию направили специальное посольство, которое требовало у сёгуна Асикага пресечь разбой у берегов Корё, но безуспешно. В южные провинции послали чиновников, чтобы они собрали население на защиту прибрежной зоны. В ряде сражений корёский флот разгромил несколько пиратских флотилий. Одна из них, напавшая на Чинпхо (провинция Чолла) и состоявшая из 500 кораблей, была уничтожена в 1380 г., другую разгромили в 1383 г. у берегов провинции Кёнсан.

Обострение внутренних противоречий во второй половине XIV в.

Укрепление государственного суверенитета Корё позволило правящей династии усилить свои позиции внутри страны. Нужно было поднять авторитет центральной власти и ограничить произвол крупных феодалов. Выполнение такой задачи возложили на одного из виднейших государственных деятелей того времени — Синдона. Выходец из низов (его мать была ноби одного монастыря), Синдон, став буддийским монахом, благодаря своей энергии и способностям поднялся на высшие ступени церковной иерархии. Ван Конмин сделал его своим духовником, а в 1365 г. назначил первым министром.

Придя к власти, Синдон пытался вести борьбу с засильем могущественной знати. Он выдвинул на важнейшие посты способных людей, не принадлежавших к аристократии. Самым важным он считал ослабление экономических позиций земельных магнатов. В 1366 г. Синдон организовал и возглавил Чонмин пёнджон тогам (Управление по упорядочению земель и населения), которое должно было вернуть землю тем, у кого ее отняли, и способствовать росту численности податного сословия.

В разные концы страны разослали специальных чиновников. Им поручили выявить земли, захваченные «влиятельными домами», и тех лю-

дей, которых незаконно превратили в ноби. Эту работу предполагалось провести быстро, но она затянулась на несколько лет. Несмотря на сопротивление крупных землевладельцев, у них отняли часть земель, которую вернули прежним хозяевам. Кроме того, некоторые земли, превращенные в пастбища еще при монголах, снова стали пахотными полями: их передали для обработки безземельным крестьянам.

Были отстранены от должности чиновники, допускаявшие слишком уж вопиющие злоупотребления. Особенный резонанс имела ревизия ноби. В ходе ее получили свободу многие крестьяне, оказавшиеся в крепостной зависимости за долги или в результате принуждения.

Проводя реформы, Синдон исходил прежде всего из интересов правящего дома. Тем не менее его деятельность встречала отклик среди широких масс народа, особенно ноби, которые видели в нем борца против несправедливости. В период ревизии, сообщает «Корё са», «ноби выступали против своих хозяев, устраивали мятежи и говорили: „Появился святой человек!“»

Земельная аристократия не могла долго мириться с попытками ограничить ее могущество. Против Синдона было устроено несколько заговоров, закончившихся неудачей. Но в конце концов его врагам удалось восстановить Конмина против первого министра. В 1371 г. оклеветанный Синдон был уволен в отставку и сослан. Придворная клика поспешила затем уничтожить опасного противника и его сторонников. Падение Синдона означало провал попытки Конмина возродить сильное централизованное государство.

После изгнания Синдона власть в стране полностью захватили те, кто противился любым мерам, направленным против крупного землевладения. Высшие посты в государстве заняли члены наиболее влиятельных тогда семейств — Лим Гёнми, Ём Хынбан, Ли Иним и др. Все они выдвинулись сравнительно недавно, но успели завладеть огромными богатствами, в том числе землей. Пришедшая к власти группировка известна в истории Корё как клика Лима — Ёма.

Новые правители прежде всего отменили реформы, начатые при Синдоне. Они ликвидировали Чонмин пёнджон тогам, возвратили крупным землевладельцам конфискованные у них земли и ноби. Однако помехой для дальнейшего расширения господства клики Лима — Ёма стал ван Конмин, не желавший совсем уступить ей власть. В 1374 г. в результате дворцового заговора он был убит, а на престол возвели десятилетнего Сину⁵. При нем управление страной снова перешло целиком в руки феодальной знати.

В годы господства клики Лима — Ёма разложение государственного механизма Корё дошло до предела: земельная система оказалась в полном беспорядке, никто не соблюдал установленных ранее правил и законов. Приближенные новых правителей пополнили и без того многочисленную свору придворных сановников. Правители установили щедрые нормы даров своим фаворитам: каждому жаловали самое малое 200 кель дарственной земли и 15 ноби.

Вновь усилилась борьба за захват земли. Как написано в биографии Ли Инима, «высшие гражданские и военные чиновники, оставив свои дома, изо всех сил боролись за то, чтобы завладеть чужой землей и людьми, и не заботились о делах государства». Нередкими стали владения, включавшие многие тысячи кель. Неслышанно обогатились Лим Гёнми, Ём Хынбан и Ли Иним, особенно последний: «Его поля и сады разбросаны по всем провинциям, а дома переполнены золотом и шелками».

Многие феодалы и чиновники, не имевшие связей при дворе, терпели произвол и насилия правящей клики; уплата жалованья еще более со-

кратилась из-за действий японских пиратов, затруднявших доставку зерна с юга. В тех редких случаях, когда его все же выдавали, у ворот складов происходили кровопролитные схватки. Вот как описывает хроника выдачу жалованья летом 1378 г.: «Ноби влиятельных домов, размахивая палками и крича, бросились вперед. Они отнимали [зерно] друг у друга и задавили двух или трех человек». В 1381 г., когда снова возникли трудности с уплатой жалованья, Ли Иним забрал сам все зерно со складов, что вызвало ропот среди чиновников.

Коррупция пронизала весь государственный аппарат. Сановники из клики Лима — Ёма открыто торговали выгодными должностями, без стеснения брали взятки. Их примеру следовали все остальные чиновники. Ванский двор и высшая знать тратили огромные средства, разоряя казну. В «Корё са» содержится такая запись за 1388 г.: «Из-за многочисленных поставок продуктов для дворцов девяти жен и трех тестей [вана] склады опустели. Хотя подати собраны на три года вперед, но все равно их не хватает. К тому же народ очень страдает из-за произвольных поборов».

Постоянный дефицит казна возмещала усиленным обложением и без того разоренных крестьян. При Конмине в 1362 г. ввели еще один новый налог. «Вследствие того что принятые меры не привели к увеличению [доходов], стали собирать с народа: с больших дворов — по 1 сок зерна и 1 сок бобов, со средних — по 10 ту, а с малых — по 5 ту того и другого... Народу было очень тяжело». Крестьян разоряли повинности, связанные с транспортировкой собранных налогов в столицу. В 1362 г. один из чиновников доносил вану, что в провинции Кёнсан «расходы на перевозку по воде и суше вдвое больше налога, поэтому крестьянам остается на пропитание $\frac{1}{10}$ [урожая]». В известной мере это дает представление о норме феодальной эксплуатации в то время.

Клика Лима — Ёма еще больше увеличила налоги и подати. Почти каждый год устраивался сбор средств на военные нужды, содержание двора и пр. Характеризуя положение народных масс, группа видных чиновников писала вану в 1383 г.: «В последние годы из-за войн и непрекращающихся стихийных бедствий у народа голодный вид, в деревнях имеются умершие с голоду. К тому же на каждое поле претендуют два или три хозяина, каждый собирает арендную плату и тем самым губит душу народа. Местные учреждения, анчхальса и чхальбанса не могут им воспрепятствовать».

Безудержный рост феодальной эксплуатации вызвал новый подъем народного движения. Почти каждый год в разных концах страны происходили крестьянские волнения. В 1376 г. вновь восстало население Чеджудо. В 80-х годах XIV в. в ряде мест возникали небольшие вооруженные отряды. Они нападали на самых ненавистных феодалов и чиновников, сжигали правительственные учреждения. В 1382 г. взбунтовались частные ноби в провинции Кёнсан. Летом 1383 г. вспыхнуло восстание на восточном побережье, в уезде Мёнджу. Оно распространилось на Пхёнчхан, Вонджу, Сунхын, Хвенчхон и другие уезды центральной части Корё. Войска правительства и местных феодалов жестоко расправлялись не только с повстанцами, но и с их семьями. Несмотря на репрессии, антифеодальная борьба не прекращалась и грозила стать массовой.

В среде господствующего класса в те же годы сложилась сильная оппозиция правящей группировке. Ее социальную базу составили мелкие и средние феодалы, немало страдавшие от экономической разрухи и произвола столичной знати. Некоторую поддержку она получила и у родовой аристократии, недовольной тем, что ее оттеснили от власти. Во главе оппозиционной группировки, получившей название «партия ре-

форм», стал широко известный в то время полководец Ли Сонге. Его ближайшими сподвижниками были крупные чиновники и конфуцианские ученые Чо Джун, Чон Доджон, Чон Монджу и др.

Члены группировки Ли Сонге считали, что государство идет к катастрофе. Пытаясь избежать взрыва народного недовольства, они организовали кампанию подачи петиций вану Сину. В них описывалось бедственное положение, в котором оказалась страна: хозяйство пришло в упадок, крестьяне разорены, постоянно страдают от голода и стихийных бедствий; казна пуста, чиновники не получают жалованья; законы и указы вана не выполняются, царят произвол и насилие. Особую тревогу внушало ослабление обороны страны, отсутствие в Корё сильной, хорошо вооруженной и обеспеченной армии.

Главной же темой всех петиций был развал традиционной земельной системы. Чо Джун, ведавший при дворе вопросами законодательства, утверждал: «Закон о наделении земель и конфискации земли постепенно дошел до того, что ослаб и рухнул. Пользуясь удобным случаем, вероломные люди мошенничают, и этому нет предела!» Неразбериха с владельческими правами на землю, считал Чо Джун, вызвана непомерным ростом частного землевладения: «Накопились горы судебных дел. Споры из-за одного мё тянутся несколько десятков лет. Люди забывают о сне, отказываются от пищи, но не получают решения. Частные земли — причина раздоров и запутанных тяжб».

В своей петиции Чо Джун показал яркую картину ожесточенной борьбы за землю: «В последние годы захваты особенно усилились. Шайки вероломных злодеев занимают область или несколько уездов. По горам и рекам они ставят межевые столбы, эту землю называют своей наследственной. [Землю] друг у друга крадут или отнимают силой. У одного мё 5—6 и более хозяев, а арендную плату собирают 8—9 раз. Захватывают и делают своими владениями все — земли ванских конюшен, земли родственников вана, заслуженных сановников, членов свиты, гражданских и военных чиновников, земли деревенских чиновников, переправ, монастырей, подворий, а также выращенные простолюдинами в течение многих поколений тутовые деревья и построенные ими дома. Увы нам! Ни в чем не повинные [люди] обнищали и разбрелись на все четыре стороны».

В петициях Чо Джуна и других сторонников реформ немало места уделено тяжелому положению крестьян. Налоги и арендная плата забирают почти весь урожай, крестьян грабят «влиятельные дома», обирают алчные чиновники. Главная, по их мнению, причина всех бед — частные земли, которые Чо Джун называл «западной для людей». Он писал: «Предки (ванов. — *Авт.*) наделили землей, чтобы сановники и народ были великодушными, но она приносит им только вред. Частная земля стала главной причиной всех несчастий».

Выход из всех бед авторы петиций видели в укреплении центральной власти и восстановлении государственной собственности на землю. Они предлагали резко ограничить частное землевладение, вернуться к старой системе выдачи наделов за службу, пресечь произвол чиновников, сурово наказывать за злоупотребления при измерении участков и сборе налогов. Эта программа прежде всего отражала потребности основной части господствующего класса, но она в какой-то мере соответствовала также интересам трудящихся.

Группа Ли Сонге выступала и против внешней политики правительства. Среди господствовавшей тогда землевладельческой аристократии все еще было сильно влияние правителей распавшейся Юаньской империи (так называемых Северных Юаней). В них она видела возможную опору

для удержания своей власти. Клика Лима — Ёма, выразившая интересы крупнейших землевладельцев, сразу же после захвата власти разорвала отношения с минской династией. Китайский посол, направлявшийся в Корё, был убит по приказу Ли Инима. Одновременно была возобновлена дружба с монгольским ханом, которому отправили огромные дары.

Сторонники оппозиции требовали разрыва с Юанями и установления более тесных связей с минским Китаем. Под их давлением правительство вынуждено было в 1386 г. восстановить дипломатические отношения с Китаем и даже обязалось выплачивать ему символическую дань. Вместе с тем оно продолжало поддерживать контакты с монгольскими ханами. Такая двойственная политика вызывала недовольство большей части господствующего класса Корё.

Несмотря на преследования, силы оппозиции постепенно росли. Сначала она надеялась мирным путем, с помощью петиций, добиться изменения политики правящих кругов. Ухудшающееся экономическое положение, боязнь нарастающего народного движения заставили руководителей оппозиции активизировать борьбу. В 1388 г. клика Лима — Ёма, полностью утратившая влияние среди основной части феодалов, была силой отстранена от власти. В провинциях арестовали свыше тысячи ее сторонников. Понадобилось более 50 чиновников, чтобы учесть и конфисковать имущество свергнутых правителей.

Устранение клики Лима — Ёма было большим успехом оппозиции. Однако Ли Сонге и его сподвижники еще не располагали решающим перевесом сил, чтобы полностью обеспечить свое господство. Первым министром стал крупнейший полководец того времени Чхве Ён. Поддерживая некоторые внутренние преобразования, предлагаемые группой Ли Сонге, Чхве Ён серьезно расходился с ней по вопросам внешней политики.

В конце 80-х годов XIV в. отношения Корё с Китаем снова резко ухудшились. На этот раз причиной была агрессивная позиция минских правителей. Считая себя прямыми наследниками Юаньской империи, они требовали уплаты им огромной дани (100 кын золота, 10 тыс. кын серебра, 10 тыс. пхиль тонкого полотна и т. д.). Утвердив окончательно свое господство в Северо-Восточном Китае, Мины предъявили претензии на те корейские земли, которые в XIII в. были насильственно отторгнуты монгольскими завоевателями. Еще до отстранения от власти клики Лима — Ёма династия Мин потребовала передать ей обширную территорию севернее перевала Чхоллён (к северу от современного уезда Анбён в провинции Канвон). Несколько китайских чиновников в сопровождении отряда, насчитывавшего почти тысячу воинов, перешли пограничную реку Амноккан и заняли уезд Канге, где предполагалось создать управление этим районом.

Территориальные притязания Китая, переходившие в прямую агрессию, вызвали в Корё всеобщее возмущение. Вместе с тем они способствовали дальнейшему обострению противоречий в правящей верхушке. Чхве Ён и его сторонники настаивали на немедленной организации вооруженного отпора и даже предлагали послать войска на Ляодун. Группа Ли Сонге, в которой преобладали прокитайские настроения, предлагала всеми мерами избежать военного столкновения, добиваясь от минской династии уступок путем переговоров. Но в тот момент позиции Чхве Ёна оказались сильнее; во всех провинциях начали спешно набирать солдат. Весной 1388 г. армия, состоявшая из 50 тыс. воинов (включая вспомогательные войска), отправилась в поход на Ляодун. Во главе двух корпусов были поставлены Ли Сонге и Чо Минсу. Общее руководство походом взял на себя Чхве Ён.

Дальнейшие события показали, что Ли Сонге и его окружение лишь

для вида примирились с политикой Чхе Ёна. Во время продвижения войск на северо-запад Ли Сонге стремился восстановить против первого министра военачальников и рядовых воинов, используя их усталость от походов и недовольство тяжелым экономическим положением. Ли Сонге удалось привлечь на свою сторону командующего вторым корпусом Чо Минсу. Дойдя до Амноккана, авангард корёской армии атаковал пограничные китайские укрепления на правом берегу, основные же силы оставались на речном острове Вихвадо. Здесь Ли Сонге, Чо Минсу и другие военачальники подняли мятеж. Руководимая ими армия вернулась в столицу, Чхе Ён и его приближенные были арестованы и отправлены в ссылку.

Устранение главного соперника открыло Ли Сонге путь к власти. Он сверг Сину и передал престол его малолетнему сыну Синчхану, провозгласив себя регентом. Затем начались переговоры об урегулировании отношений с Минами. Одновременно усилилась борьба против японских пиратов. В 1389 г. корейская эскадра под командованием Пак Ви совершила рейд к о-ву Цусима, откуда чаще всего нападали пираты, потопила около 300 пиратских кораблей и уничтожила их береговые базы. Однако покончить с пиратами в то время еще не удалось.

Осуществление закона о чиновных наделах (кваджон). Установление новой династии

Группировке Ли Сонге, стремившейся возродить централизованное государство, надо было подорвать экономическое господство старой аристократии. Уступая ей пока первые места в правительстве, Ли Сонге стремился упрочить свое положение форсированием земельных преобразований.

Уже в середине 1388 г. основные ведомства получили указ срочно подать предложения об изменении земельных установлений. Одновременно казне возвратили ее бывшие земельные владения, попавшие в руки буддийских монастырей, а также ликвидировали категорию частновладельческих земель в двух северных провинциях, где она вообще не полагалась по закону.

Один из проектов, поданный вскоре Чо Джуном — единомышленником Ли Сонге, — предусматривал борьбу с крупным землевладением путем восстановления государственной собственности на землю в том виде, в каком она существовала в начальный период Корё, чтобы обеспечить раздачу земельных пожалований чиновникам и покрытие расходов государственных учреждений за счет приписанных к ним земельных участков. Для всех землевладельцев предусматривалось лишь право присвоения налога (ренты), но отнюдь не переход наделов в наследственное владение. Проект предусматривал также установление фиксированного размера ренты-налога, чтобы избавить население от дополнительных поборов и злоупотреблений.

В Государственном совете этот проект подвергся ожесточенным нападкам корёской аристократии. Из 53 членов совета за одобрение высказались лишь 18 — сторонники Ли Сонге. Несмотря на ожесточенное сопротивление придворной знати (в особенности, главного министра Чо Минсу), группировка Ли Сонге добилась указа об измерении всех пахотных земель и занесении их в общегосударственный кадастр. Предложение реформаторов временно собирать налоги со всех частных и государственных земель для пополнения запасов армейского провианта было принято с оговорками, а его осуществление наталкивалось на противо-

действие земельных магнатов. Чтобы помешать дальнейшим преобразованиям, они готовились втайне к восстановлению на престоле Сину и расправе с Ли Сонге. Но заговор был раскрыт. В 11-м месяце 1389 г. Ли Сонге сверг Синчхана и посадил на престол одного из отпрысков основанной Ван Гоном династии — Конъяна.

С этого времени Ли Сонге занял пост главного министра, а его единомышленники — все ключевые посты в правительстве. Они жестоко расправились с противниками. Находившиеся в ссылке Сину и Синчхан, а также Чхве Ён и другие видные сановники были убиты. Усилились меры, направленные на подрыв экономических позиций старой аристократии. После завершения земельной переписи сторонники Ли Сонге в 9-м месяце 1390 г. сожгли все старые документы о земельных привилегиях, устроив костры на улицах столицы. Впредь хранение таких документов частными лицами каралось тяжкими наказаниями. В начале 1391 г. после реорганизации войск не только административная, но и вся военная власть в центре и на местах перешла в руки Ли Сонге.

Важнейшим актом в земельных преобразованиях был закон о кваджон (чиновных наделах), принятый в 5-м месяце 1391 г. по докладу Государственного совета. Согласно докладу, в столичной провинции имелось 131 755 кель обрабатываемых и 8387 кель залежных земель, а в остальных шести обследованных провинциях (за исключением Хамгён) — 491 342 кель обрабатываемых и 166 643 кель залежных земель. Всего в распоряжении государства было тогда 798 127 кель земли (623 097 кель обрабатываемых полей и 175 030 кель залежных). По новому закону государству принадлежало право контроля над всем земельным фондом и право взимания налогов со всех земель. Но оно могло передать это право отдельным учреждениям или же лицам, находящимся на государственной службе. Для этого было создано Кыпчон тогам (Управление по распределению земель).

Исходя из принципа верховной власти государства над всеми землями страны, новый закон устанавливал порядок и нормы наделения земель как государственных учреждений, так и частных лиц. К категории государственных земель относились поля, приписанные к дворцовому ведомству, провинциальным и местным административным управлениям, государственным складам, Управлению военного провианта, храмам, дорожным, пристанским и почтовым службам, а также поля казенных ремесленников, военных поселенцев (несущих службу по охране границ), смотрителей ванских могил и др. По установленной норме следовало или дополнять наделы, или изъять излишки.

Основную категорию феодальных земельных держаний составляли кваджон, выдаваемые чиновникам в соответствии с присвоенным им рангом (всего рангов было 18). Все проживающие в столице и «защищающие царствующий дом» чиновники, как находящиеся на службе, так и отслужившие ранее, имели право на получение чиновного надела, предусмотренного исключительно в пределах столичной области Кёнги. Чиновники самого высокого, первого, ранга (главный министр или приравненные ему) получали 150 кель пахотной земли, второго ранга — 130 кель и т. д. вплоть до чиновников восемнадцатого ранга, которым полагалось 10 кель.

Принцип раздачи чиновных наделов, определенный в этом законе, оказался менее последовательным, чем в первоначальном проекте Чо Джуна, предлагавшего давать чиновные наделы только лицам, находящимся на действительной службе, предусмотрев для отставных значительно меньшие наделы — кубунджон (пенсионные).

Более распространенной категорией феодального держания, преду-

целью укрепить централизованное государство. Не восстанавливая во всей полноте старую систему государственной собственности на землю, реформа в то же время обеспечивала правительственные учреждения более устойчивыми доходами, а чиновников — земельными наделами, с которых они могли получать ренту. Внося изменения в состав крупного феодального землевладения (за счет пополнения новыми гражданскими и военными чиновниками), реформа подготавливала материальные условия для свержения старой династии теми силами феодального класса, которые выдвинулись в борьбе со стоявшей у власти группировкой.

Осуществление земельной реформы довело до предела политическую и идеологическую борьбу между реформаторами и теми, кто олицетворял собой «старые порядки». Летом 1391 г. в петициях правительственных чиновников ожесточенным нападкам подверглась и буддийская церковь. На протяжении всей второй половины XIV в. падение авторитета буддизма и рост влияния неоконфуцианства означали рост социальных противоречий в корейском феодальном обществе. Группировка Ли Сонге не столько выступала против собственно религиозно-философской системы буддизма, сколько критиковала образ жизни монахов и положение буддийской церкви, которая вопреки своему учению об уходе от суетного мира уделяла слишком много внимания мирским благам, захватывала обширные земли и многочисленных нохи.

В разгар борьбы за осуществление земельной реформы Чо Джун прямо заявлял, что, в то время как казна «не может выдать ничего на пропитание и поддержание жизни тем, кто несет государственную и военную службу, монахи в праздности тратят пищу и одежду, а монастыри богатеют и утопают в роскоши». Другие критики заявляли, что процветание буддизма ведет даже к гибели государства. После издания закона о чиновных наделах, когда возникли трудности в связи с наступившей засухой, некоторые сторонники реформ объявили буддийскую церковь причиной народных бедствий, указывая, что из-за обилия монахов и затрат на церковь не хватает средств на государственные нужды и содержание армии. Поэтому они предлагали не только подчинить монастыри контролю государства, но даже казнить тех, кто хочет идти в монахи.

Но на первом плане, конечно, стояла схватка реформаторов и крупных землевладельцев за власть в самом правительстве. Не без влияния старой аристократии ван Конъян приказал Ли Сонге запретить подачу всяких петиций и докладов, содержащих резкие нападки на кого-либо. Разумеется, это было направлено против реформаторов. Конфликт настолько обострился, что Ли Сонге не раз собирался уйти в отставку и, казалось, вот-вот должен был бежать в свои родовые владения на северо-востоке. Однако он вовсе не собирался отступать; вместе со своими сторонниками он яростно напал на живых и умерших аристократов, обвиняя их в подготовке заговоров и других преступлениях. Открытое разбирательство в присутствии вана нанесло тяжелое поражение старой аристократии.

Для полной победы Ли Сонге и его сторонникам необходимо было преодолеть сопротивление группы конфуцианских ученых во главе с Чон Монджу, которая по ряду вопросов внутренней и внешней политики поддерживала реформаторов, но категорически осуждала жестокие и не всегда обоснованные расправы, практиковавшиеся Ли Сонге.

В 3-м месяце 1392 г., воспользовавшись болезнью Ли Сонге, упавшего с лошади во время охоты, группа Чон Монджу перешла в наступление. По ее докладу видные деятели из группировки Ли Сонге (Чо Джун, Чон Доджон и др.) были сосланы в отдаленные места. Обеспокоенный этим, сын Ли Сонге, Ли Банвон (будущий ван Тхэджон), поспешил доставить отца в столицу. Желая разведать положение в лагере противника, Чон

Монджу отправился в дом Ли Сонге, чтобы «навещать больного». Во время визита Ли Банвон посулами пытался склонить Чон Монджу на сторону Ли Сонге, но, убедившись в его преданности царствующему дому, подослал убийц, которые под покровом ночи убили его. Сторонники Ли Сонге объявили, что Чон Монджу готовил заговор и казнен как изменник; его отрубленную голову выставили на всеобщее обозрение. Поплатились и сторонники Чон Монджу, а Чо Джун, Чон Доджон и другие вскоре вернулись из ссылки и стали активно готовить свержение Конъяна, лишившегося всякой опоры. Спустя некоторое время он был объявлен «недостойным, лишенным добродетелей» и отправлен в ссылку (где также был убит).

В 7-м месяце 1392 г. на престол вступил Ли Сонге, положив начало правлению династии Ли, стоявшей у власти более 500 лет.

Культура Корё

Многочисленные войны, особенно опустошительные монгольские нашествия, не смогли задержать рост материальной и духовной культуры корейского народа.

С XIV в. в Корё появилось хлопководство. В 1364 г. ездивший послом в Китай Мун Икчом привез оттуда немного семян хлопчатника. Его тесть Чон Чхоник выростил несколько кустов хлопчатника и полученными семенами наделил соседей. Он изготовил приспособление, позволившее отделить семена от волокон. Посевы хлопчатника постепенно расширялись.

Совершенствовались и литейное дело, улучшились способы изготовления холодного оружия. Важным событием в военной технике стало применение пороха. Во второй половине XIV в. корёский военачальник Чхве Мусон, получив от китайских купцов некоторые сведения о порохе, сумел наладить его производство. Корёские мастера довольно быстро овладели искусством изготовления пушек. Уже в 1380 г. в состав экспедиции, направленной против японских пиратов, входили корабли, вооруженные пушками.

Развивались кораблестроение и мореходство. Строились крупные для того времени торговые и военные корабли, длина которых превышала 25 м. Десять таких кораблей могли перевезти 3 тыс. воинов со всем снаряжением и большими запасами продовольствия. Корейские мореходы, пользуясь компасом, совершали дальние плавания, ходили даже к юго-западным берегам Азиатского материка.

Быстро распространилось в Корё книгопечатание. Начиная с X в. широко применялось печатание книг ксилографическим способом. Печатники вырезали на досках из твердой древесины рельефное зеркальное изображение рукописного оригинала, затем наносили на него тушь и получали оттиски на бумаге. Резьба по твердому дереву требовала большого искусства от резчика, но такой способ давал возможность получить с одного ксилографа много оттисков, по четкости почти не уступавших оттискам с металлических шрифтов.

Особенно много книг изготовили этим способом в XI в. Было отпечатано более 6 тыс. томов «Гэджангён» («Большой свод буддийских сутр»), на выпуск которого потребовалось свыше 60 лет (с 1021 г.). В 1085 г. известный буддийский ученый Ёйчхон побывал в Сунской империи, откуда привез обширную буддийскую литературу. В монастыре Хаом он создал специальную книгопечатню, где ксилографическим способом были изданы 4769 томов «Сокчангён» («Продолжение свода буддийских сутр»).

В течение 16 лет, начиная с 1237 г., печаталось еще одно издание «Большого свода буддийских сутр» (взамен сгоревшего в 1232 г.). Это издание насчитывает 86,6 тыс. ксилографов. Известно, что отпечатанные в Корё экземпляры «Сокчангёи» вывозились в Китай и Японию.

Начало применения в Корё металлического наборного шрифта относят к XIII в. В предисловии Ли Гюбо, написанном им к одному произведению в 1239—1241 гг., сказано, что это произведение напечатано с применением металлического шрифта. Само произведение не сохранилось, но предисловие Ли Гюбо известно по собранию его сочинений. Деревянный наборный шрифт, подготовивший появление металлического, применялся, видимо, еще раньше. Металлический шрифт в Корё был впервые применен через несколько лет после изобретения китайского керамического наборного шрифта, и все же это почти на два столетия опередило появление типографского книгопечатания в Европе.

В период Корё значительно усовершенствовалось производство бумаги, высокое качество которой отмечалось и в соседних странах. Ее производили из волокон так называемого бумажного дерева (одного из шелковичных деревьев). Очень прочная и белая, эта бумага во многом способствовала расширению книгопечатания.

Продолжалось накопление знаний в сфере науки и техники. Как и прежде, велись астрономические наблюдения, составлялись календари и небесные карты (несколько календарей различного назначения было создано, например, в 1052 г.). В исторических хрониках встречаются записи о наблюдавшихся на солнце пятнах (1151 г.), о солнечных затмениях (1356 г.) и т. д.

Имелись достижения и в области медицины. Этому способствовало основание в 930 г. специальной школы в Согёне, где изучали приемы врачевания. Известно, что в 1056 г. книги по вопросам медицины издавались в столице, а в 1058—1059 гг. — и в других городах.

В медицине широко распространился метод лечения болезней иглоукальванием. Успехи корёсцев в этой области были известны и за пределами страны. В 1093 г. по просьбе правителей Китая им было послано руководство по иглотерапии. Искусство врачевания, по-видимому, высоко ценилось в те времена: известный мастер иглоукальвания, лекарь Ли Санно, которого отправили в ссылку как участника крестьянских волнений, был за свои способности прощен властями и лечил знатных вельмож.

Известно, что ученые Корё составили большое количество исторических хроник, но многие из них не сохранились до нашего времени. До нас дошли «Самгук саги» («Исторические записи трех государств») видного государственного деятеля Ким Бусика (1145 г.) и «Самгук юса» («Забытые деяния трех государств»), автором которых был буддийский священник Ким Ирён (конец XIII в.). Эти труды содержат множество систематизированных сведений по истории страны, в них зафиксированы некоторые образцы литературы и устного творчества корейского народа.

Период Корё был временем наивысшего расцвета буддизма. Буддийская церковь не ограничивалась только сферой идеологии; она оказывала значительное влияние на политическую жизнь страны. Господствующий класс Корё щедро оплачивал ту идейную и политическую поддержку, которую долгое время получал от буддийской церкви. Страну покрыла обширная сеть монастырей, храмов, молелен, построенных, как правило, за счет казны.

Виднейшим деятелем корёского буддизма являлся Ёйчхон (1055—1142) — сын вана Мунджона. Он длительное время изучал буддизм в Китае и вывез оттуда множество канонических сочинений. Вернувшись на родину, Ёйчхон занялся изданием и распространением буд-

дийских трактатов, написал ряд произведений о буддизме (в большинстве своем не сохранившихся до наших дней). Другим известным проповедником буддизма был уже упоминавшийся Мёчхон, в трудах которого значительное место занимала геомантия.

В последний период существования Корё буддизм постепенно утрачивает свой авторитет. Став крупным земельным собственником, обладателем несметных богатств, буддийская церковь превратилась в опору сепаратизма и феодальных междоусобиц. Она противилась всем попыткам укрепить центральную власть.

Наряду с буддизмом продолжало распространяться и конфуцианство. Господствующий класс Корё считал это учение с его четко очерченными принципами беспрекословного подчинения младших старшим, подданных — государю весьма подходящей государственной нравственно-религиозной системой. Большое значение имели введенные в 958 г. экзамены на чип, уделявшие главное внимание проверке знания важнейших конфуцианских догм. Эти экзамены были многостепенными и более развернутыми, чем в период Силла. Они оказали заметное воздействие на воспитание в конфуцианском духе всего бюрократического аппарата, что в свою очередь способствовало усилению влияния конфуцианства. Однако события середины XII в. серьезно поколебали его позиции. Отделение от управления государством гражданских чиновников военными сопровождалось некоторым ослаблением всей системы конфуцианства в Корё. Военные власти неоднократно устраивали жестокие гонения на виднейших конфуцианских деятелей, пренебрежительно относились к распространению этого учения.

Заметное оживление конфуцианства произошло в середине XIII в., когда в Корё усиленно распространялось новое направление конфуцианского учения — чжусианство. Расходясь в отдельных философских вопросах с ортодоксальным конфуцианством, чжусианство не отвергало его основных этико-политических принципов (предопределенность свыше нравственной природы человека, пезыблемость существующих порядков, в том числе разделения на низших и высших, обязательное послушание низших и т. д.).

В этот трудный для Корё период многих особенно привлекала провозглашаемая в трудах неоконфуцианцев необходимость исправить недостатки в управлении государством, укрепить экономическое положение страны, улучшить жизнь простого народа, а также протест против чиновных злоупотреблений, чрезмерной роскоши и насильственных действий знати. Внимание к актуальным вопросам корёской действительности в немалой степени содействовало росту в Корё влияния неоконфуцианства и падению престижа буддизма.

Активными деятелями неоконфуцианства в Корё были видные в то время философы и ученые: Ан Хян (1243—1306), его современник Пэк Иджон, Квон Бу (1262—1346), Ли Сэк (1328—1396), Чон Монджу (1337—1392) и др. Его исповедовали и все сторонники «партии реформ». Среди чжусианцев были такие, кто выступал за полное запрещение буддизма как государственной религии (Чон Доджон), и люди, пытавшиеся объединить эти два учения, поставив их на службу феодальному обществу (Ли Сэк). Все они обращали особое внимание не столько на философскую, сколько на морально-этическую систему чжусианства, цель которой состояла в том, чтобы внушить массам дух покорности правящему классу.

Вся система образования в Корё находилась под воздействием конфуцианства. В 992 г. в Кэгёне открылось высшее конфуцианское учебное заведение — Кукчагам (Академия сынов отечества) с несколькими

отделениями, на которые принимали детей феодалов и чиновников в зависимости от их ранга. Помимо этого в столице и ряде крупных городов создали некоторое число казенных школ. В XI в. появилось много частных школ (только в столице их было 12), устроенных конфуцианскими учеными на собственные средства. Во всех этих учебных заведениях преподавали основы конфуцианского учения, обучали письму, арифметике, законоведению и т. д.

Как и в предшествующие столетия, буддизм и конфуцианство оказывали большое влияние на развитие всего корёского искусства. Буддизм с его вниманием к форме больше влиял на изобразительную сторону произведений искусства. Конфуцианство же, отличавшееся известной сухостью и строгостью, пренебрегало формой и обращало основное внимание на символику. Поэтому все искусство того периода, когда конфуцианство набирало силу как господствующее учение, столь символично и довольно однообразно с точки зрения формы. Однако слияние, переплетение буддийских и конфуцианских канонов, образов и мотивов привели к созданию своеобразных произведений изобразительного и прикладного искусства.

Художественные промыслы поставляли предметы роскоши для аристократии и изделия, вывозившиеся из страны. О высоком развитии производства предметов роскоши говорят содержащиеся в исторических хрониках перечни товаров, которыми Корё обменивалось с Китаем. Из Корё вывозили серебряную посуду с золотыми украшениями, золотые музыкальные тарелки, ларцы из лака, инкрустированные серебром, шелк, парчу и другие дорогие ткани, изделия из морских раковин, бумагу, тушь, кисти для письма и много других товаров, а ввозили яшмовые изделия в золотой и серебряной оправе, инкрустированную золотом серебряную утварь, дорогие ткани, письменные принадлежности, духовые музыкальные инструменты и прочие предметы, отличавшиеся от производимых в государстве Корё формой, качеством отделки.

Среди изделий художественного промысла самое видное место занимал фарфор. Корёсцы изготовляли замечательные изделия малахитового цвета. Делая соответствующие добавки к глине, мастера добивались чистоты этого цвета, столь характерного для изделий XII в. Их производство требовало большого мастерства и особых печей; уже само по себе оно свидетельствовало о высокой технике гончарного искусства.

На рубеже XII—XIII столетий в большом количестве появились изделия, получившие название сангамского фарфора — фарфора с инкрустацией. Процесс его производства был очень сложным и трудоемким. В необожженном теле сосуда делалась инкрустация из глины иного цвета — темнее или светлее основного тона. Затем изделие покрывалось голубой глазурью и обжигалось при определенной температуре. На этих сосудах обычно изображались драконы, бабочки, бамбук, сосны, хризантемы, рыбы, причем рисунки были сделаны исключительно четко (если учесть особую неподатливость глины как материала для художника). Изготавливались и фарфоровые сосуды с инкрустацией из золота. Фарфоровые изделия периода Корё представляют собой не только подлинные произведения искусства, но и являются прекрасным подтверждением высокого уровня развития техники того времени.

Сохранившиеся до наших дней образцы изделий из металла, шкатулки с перламутровой инкрустацией и другие предметы роскоши свидетельствуют о том, что прикладное искусство в период Корё непрерывно совершенствовалось.

Развивалось также изобразительное искусство — живопись и валяние. К сожалению, до нас дошло лишь несколько образцов корёской живо-

писи, однако многочисленные упоминания о художниках и написанных ими картинах, сохранившиеся в исторических сочинениях, в том числе и в труде суицкого чиновника Сюй Цзина «Корё тогёи», дают возможность судить о широком распространении живописи, хотя и не позволяют оценить по достоинству мастерство художников. В известной мере об уровне изобразительного искусства говорит и то, что во времена вана Еджона (1106—1122) в столице учредили придворную академию живописи — Тохвагон.

Большое место в изобразительном искусстве занимала скульптура, в основном буддийская. В X в. неизвестными скульпторами для монастыря Квондок была создана самая большая в Корее статуя Будды — высотой 21,5 м. Интересно, что отдельные части этой статуи высечены из огромных каменных глыб, сама транспортировка которых предполагает развитую технику перевозки больших грузов. Правда, это скульптурное изображение, как и буддийские статуи в монастыре Тэджо (10,9 м) и в местности Магаён в горах Кымгансан (14,5 м), в художественном отношении несовершенно.

Более примечательны скульптуры меньших размеров, сохранившиеся в большем числе. Характерно, что примерно с XIII в. художественность и выразительность буддийской скульптуры снижается, что объяснялось, по-видимому, постепенным усилением влияния конфуцианства. К концу периода Корё буддийская скульптура становится бледной, вялой, теряет рельефность.

Продолжалось, хотя и не в таком большом числе, строительство буддийских монастырей, которые были уже не столь грандиозными и пышными, как раньше, но с более строгой и тщательной архитектурной отделкой.

Большой опыт, накопленный строителями дел мастерами, был использован при возведении ванских дворцов, возникавших во множестве вокруг Кэгёна. По обычаю тех времен для каждого члена ванской фамилии строились отдельные покои. На это строительство затрачивались большие средства. Чтобы освободить место под новое здание, иногда сносили до полусотни крестьянских дворов, как было в случае с павильоном Тхэпхён близ Кэгёна, который построили только для того, чтобы ван мог любоваться красивым пейзажем.

По свидетельству одного из современников, девять из десяти дворцов пустовали, но тем не менее все время возводились новые.

Самый роскошный из ванских дворцов — Манвольдэ — располагался на склоне горы Сонаксан в Кэгёне. Архитектура дворца испытала большое влияние стиля буддийских монастырей, особенно Пульгук, строившихся в период объединенного Силла. Дворец Манвольдэ был окружен стеной с главными воротами Сынпхён, за которыми каменный мост вел через ручей к воротам Синбон и Еге; дальше высокая трехмаршевая лестница поднималась к воротам Хвегё, открывавшим доступ к главному зданию — павильону Хвегён. О дворце Манвольдэ говорили, что он превосходит по красоте все другие сооружения периода Корё.

Строительство ванских дворцов сопровождалось созданием искусственных ландшафтов, разбивкой роскошных парков с декоративными, заросшими лотосом прудами, искусственными горами и водопадами. В парковой архитектуре большое распространение получили изгороди из глазурованного кирпича голубого и малахитового цветов, чрезвычайно популярных в Корё. Во времена падения Корё стремление аристократии окружить себя роскошью все возрастало.

Характерные памятники архитектуры — ванские гробницы; самая выдающаяся из них находится близ Кэсона. Это гробница вана Конмина,

вернее, две: восточная — усыпальница самого Конмина и западная — его супруги. Каждая могила имеет форму почти правильного полушария, основание которого обнесено каменными плитами с рельефными изображениями двенадцати знаков зодиака. Перед каждой усыпальницей — массивный каменный стол, а чуть ниже — каменный светильник. По двум сторонам прямоугольной предмогильной площадки установлены по два изображения гражданских и военных чиновников. Гробница Конмина с неподражаемым мастерством вписана в пейзаж очень красивого горного ущелья.

Музыкальное искусство обогатилось новыми произведениями (оригинальными и заимствованными из Китая); совершенствовались музыкальные инструменты, ставшие со временем классическими для национальной музыки. В XI в. жил талантливый постановщик и исполнитель танцев Чо Ён. Им создано много новых танцев, исполнявшихся во время различных ритуальных праздников. Особенностью этих танцев была их тесная связь с песней, поэтому они назывались «каму» («танец с песней»). В столице и других крупных городах устраивались грандиозные представления. В Кэгёне на одном таком празднике в 1077 г. танцевали и пели одновременно 550 человек.

Ценными памятниками средневекового фольклора являются песни Корё (Корё каё). Среди них обрядовые, трудовые, лирические, шуточные песни. Многие из них рассказывали о жизни простого народа, тяжёлом крестьянском труде, жадности чиновников и богачей. До нашего времени дошло свыше 20 песен Корё.

На рубеже IX—X столетий корейские поэты начали использовать классическую пяти- и семисложную форму стиха. В период Корё прославились Пак Инпян, Чон Джисан (ум. в 1135 г.), Ли Инно, Чхве Чха (1188—1260), но сведений об их жизни и творчестве почти не сохранилось. Крупнейшим мастером стиха был Ли Гюбо (1169—1241), оставивший после себя огромное литературное наследие: до нас дошли около двух тысяч его стихотворений, большая поэма («Ван Тонмён») и ряд прозаических произведений.

Ли Гюбо — поэт с необычайно широким творческим диапазоном. Он создал прекрасные поэтические зарисовки, отражающие дивную красоту природы Кореи. В условиях господства сухой конфуцианской морали он смело обращался к миру человеческих чувств и переживаний, показав себя замечательным лириком. В творчестве Ли Гюбо важное место занимает тема сострадания к тяжелой доле простого народа. Одно из стихотворений он назвал «Пою для тех, кто трудится в поле». Ли Гюбо с гневом писал о богачах, наживавшихся на крестьянском труде, чиновниках, разорявших крестьян поборами. Его волновала судьба государства. В своих стихах он показал, сколько страданий принесли Корё вторжения монгольских завоевателей.

Творчество Ли Гюбо является одной из самых замечательных страниц в истории культуры Корё.

УКРЕПЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XIV—XV в.

Организация централизованного государственного управления

Усиление централизованной государственной власти диктовалось жизненными интересами господствующего класса — необходимостью ослабить народное недовольство, угрожавшее самим основам существующего строя («гибелью государства», как писали современники), и обеспечить безопасность страны от внешней угрозы. Однако и приход к власти новой династии не принес немедленного решения указанных проблем и политической устойчивости по всей стране.

Стабилизация новой династии заняла еще немало лет. Дело не в том, что восемь лет династия Мин, фактически признав происшедшие в Корее перемены, не хотела утверждать новых правителей в традиционных званиях и не присылала соответствующих печатей и посольств. Внутри страны и после свержения последнего вана старой династии — Конъяна — не были полностью разбиты ее приверженцы. Об их надеждах и планах свидетельствовало, например, распространение в 1394 г. пророчеств о предстоящей гибели новой династии. Разоблачив ряд видных сановников (в частности, Пак Ви) как виновников распространения злонамеренных слухов, правители новой династии перешли к еще более свирепым расправам со своими противниками. Были убиты не только находившиеся в ссылке бывший ван Конъян и его сыновья. Все представители правившей в Корё фамилии Ван, сосланные на отдаленные острова, были утоплены в море. Их участь разделили и те правительственные чиновники, которые сохраняли верность свергнутой династии.

О неустойчивости политического положения свидетельствовала и острая борьба за престол, которая завязалась между восемью сыновьями состарившегося основателя династии. Она началась в связи с назначением наследника престола. Из шести сыновей Ли Сонге от его первого брака более других выделялся Ли Банвон, который за свои заслуги в свержении старой династии мог претендовать на престол. Однако Ли Сонге, очевидно, под влиянием своей второй жены, сделал наследником ее младшего сына — Ли Бансока. Затаенное недовольство сыновей от первой жены вылилось впоследствии в кровавую распрю, известную в официальной историографии как «заговор наследника» или «заговор Чон Доджона».

Как считают корейские исследователи, подлинным инициатором заговора был рвавшийся к власти Ли Банвон (поддержанный Чо Джун-ном и др.), который в 1398 г. нанес внезапный удар Чон Доджону, Нам Нё и другим, поддерживавшим молодого наследника. После физической

расправы с ними заговорщики объявили, что наследник и Чон Доджон якобы готовили заговор (эта версия отражена в хронике династии Ли).

Став хозяином положения, Ли Банвон, однако, не спешил с оформлением власти и объявил наследником своего брата Ли Бангва. Поставленный перед совершившимся фактом, Ли Сонге отказался от престола в пользу Ли Бангва (это был ван Чонджон). Но в 1400 г. снова разгорелась драка между единоутробными братьями — на этот раз между Банвоном и Банганом. Догоняясь престолом, честолюбивый Ли Банган со своими сторонниками бросил войска против фактического правителя — влиятельного Банвона, но в завязавшейся борьбе потерпел поражение. После разгрома заговорщиков царствующий ван уступил престол Банвону, вошедшему в историю как ван Тхэджон.

Правление ванов Тхэджона (1401—1418) и Седжона (1419—1450) по праву можно считать временем укрепления централизованного государства, когда были заложены основы политической, экономической и идеологической системы, сохранявшейся на протяжении многовекового правления династии Ли (1392—1910). В годы их правления были осуществлены начатые еще в конце XIV в. преобразования, утвердившие сильное централизованное феодальное государство, экономическим базисом которого являлась верховная власть государства над всем земельным фондом страны с общегосударственной системой податей и повинностей, обеспечивавших устойчивые доходы центрального правительства и централизованную организацию вооруженных сил. Целям укрепления этого государства служила и политика в области культуры, связанная прежде всего с распространением неоконфуцианской идеологии.

Длительное время налаживался централизованный аппарат государственного управления. Первое время прежнее название государства и все старые правительственные учреждения сохранялись. Лишь в 1393 г. было принято новое название государства — Чосон¹, а затем и решение перенести столицу в город Ханян на р. Ханган (современный Сеул). Однако после «заговора Чон Доджона» двор вернулся в старую столицу, и по-настоящему Сеул стал ванской резиденцией лишь с 1405 г.

Старая корейская административная система сохранялась до 1395 г., хотя уже разрабатывались проекты будущих государственных преобразований. В 1394 г. Чон Доджон написал «Чосон кёнгукчон» («Законы для управления государством Чосон»), а Чо Джуну было поручено составить «Кёндже юкчон» («Шесть уложений по управлению и хозяйствованию»), которые впоследствии не раз подвергались переработке. В центре и на местах открывали новые конфуцианские учебные заведения для подготовки чиновников. Важным шагом к упрочению государственной централизации была отмена ряда старых феодальных титулов («кон», «ху», «пэк» и т. п.), дававшихся ранее членам царствующего рода и представителям савоной знати. Отныне княжеские титулы («тэгу», «гун», «кунджу») сохранялись лишь за крайне ограниченным кругом людей — сыновьями, дочерьми и некоторыми близкими родственниками вана, а вся остальная знать включалась в обычную чиновную иерархию и получала соответствующий ранг в общей 18-степенной системе.

Уже при основателе династии началось упорядочение деятельности многочисленных (более 80) центральных правительственных учреждений. В 1396 г. все они были сгруппированы по категориям и подчинены шести основным отраслевым ведомствам. При Чонджоне приступили к переустройству и уточнению функций ряда правительственных органов. Для решения важнейших государственных дел в 1400 г. создали Ыйджонбу (Государственный совет). Вместо Главного военного управления (Чун-

чхубу), занимавшегося также подготовкой и изданием ванских указов, было создано Самгун ыйхынбу (Управление войсками), а его невоенные функции переданы вновь утвержденной канцелярии вана — Сынджонвон.

С усилением субординации правительственных учреждений Ыйджонбу в 1401 г. сосредоточил в своих руках всю высшую правительственную власть по руководству всеми ведомствами; ранее существовавший в числе высших правительственных органов Мунхабу (кабинет) был упразднен, а его контрольно-ревизорские функции переданы новому органу — Саганвон (Канцелярии официальных предостережений). Контрольные функции принадлежали также Сахонбу (Управлению надзора за соблюдением законов). Йемун чхунчхугван (Управление по составлению государевых бумаг и исторических сочинений) было разделено на Йемунгван (Управление по составлению государевых бумаг) и Чхунчхугван (Управление по составлению исторических трудов). В 1405 г. было упразднено прежнее Ведомство финансов (Самса, с 1401 г. — Сапхёнбу), числившееся среди высших правительственных органов, и все его функции перешли к Подворной палате (Ходжо).

Отныне Ыйджонбу стало действительно единственным высшим правительственным органом, направлявшим деятельность отраслевых ведомств или палат (чо). Одновременно произошло уточнение и расширение функций шести отраслевых палат, которым подчинялись все столичные государственные канцелярии — амун.

При Тхэджоне была изменена структура административного деления, оставшаяся от государства Корё. Вместо деления на шесть провинций и два края утвердилось деление на восемь провинций, после того как в 1413 г. вместо Северо-Западного края была образована провинция Пхёнан, а в 1416 г. вместо Северо-Восточного края — провинция Хамгиль (впоследствии Хамгён).

Система централизованного государственного управления, сложившаяся в начале XV столетия, при дальнейшем совершенствовании не претерпела каких-либо коренных изменений и была закреплена в основном законодательном памятнике второй половины XV в. «Кёнгук тэджон» («Великое уложение для управления государством»).

Идея единства централизованного государства была воплощена в неограниченной власти монарха (вана), которому принадлежало последнее слово в решении всех вопросов государственного управления. Все законы представляли собой указы вана, издаваемые по его личной инициативе или, как правило, по представлению соответствующих правительственных учреждений. Однако юридически неограниченная власть вана вовсе не означала абсолютную независимость его от государственного аппарата. Об этом можно судить хотя бы по тому, что даже одобренные правителем указы поступали на рассмотрение контрольных управлений Сахонбу и Саганвон и только после их одобрения Йеджо (Палата церемоний) могла передать законы для исполнения. В «Кёнгук тэджон» сказано, что «установление новых законов, изменение старых законов, а также восстановление в должности лиц, находящихся в трауре², производятся путем доклада Ыйджонбу на высочайшее имя, изучения [вопроса] соответствующей палатой, одобрения в Сахонбу и Саганвон, и тогда издается указ». Для обсуждения сложных вопросов ван созывал крупнейших сановников, но решающее слово всегда оставалось за ним.

Высшим правительственным органом, непосредственно подчиненным монарху, являлся Ыйджонбу во главе с первым министром (ёныйджон) и его заместителями — чваыйджон («министр левой руки») и уыйджен («министр правой руки»). Ыйджонбу подчинялись шесть отрас-

левых палат. В правление Седжона был принят следующий порядок их перечисления (по значению):

Иджо (Палата чинов) ведала назначением и смещением гражданских чиновников, их продвижением по службе и награждением. Здесь готовились все необходимые материалы для решения этих вопросов ваном.

Ходжо (Подворная палата) ведала подворной переписью населения, учетом всех пахотных земель и других государственных богатств, раскладкой и сбором налогов и податей, а также распределением доходов, полученных в результате государственной эксплуатации непосредственных производителей.

Йеджо (Палата церемоний) выполняла идеологические и политические функции. Она устанавливала предписываемые конфуцианством общегосударственные церемонии и обряды (включая пиры, жертвоприношения и пр.) и следила за их соблюдением, руководила школами и государственными экзаменами на различные ученые степени, а также поддерживала сношения с иностранными государствами (отправляла и принимала посольства).

Пёнджо (Военная палата) ведала обороной от внешних врагов, подавлением внутренних смут и всеми военными делами (вооружением, охранной службой, организацией почтово-ямской и сигнальной служб), назначением и смещением военных чиновников.

Хёнджо (Палата наказаний) занималась установлением правопорядка и карательными мерами, а также делами о крепостных (поби).

Конджо (Палата общественных работ) ведала состоянием гор, лесов и вод страны, строительством и ремонтом общественных (государственных) сооружений, производством на казенных горнорудных и ремесленных предприятиях. В условиях полного преобладания домашней промышленности в крестьянских хозяйствах это ведомство обеспечивало государство теми ремесленными изделиями (оружием, предметами роскоши, изделиями из различных металлов), которые не могли производиться в крестьянском хозяйстве.

Шесть палат вместе с подчиненными им отраслевыми канцеляриями представляли основные ведомства централизованного государства. Но кроме них очень важную роль играли так называемые Самса (Три канцелярии), куда относились уже упоминавшаяся Саганвон, которая могла «осуждать и предостерегать» вана, подвергая критике его опрометчивые действия и ошибочные указы; Сахонбу, обсуждавшее текущие политические дела, следившее за нравами и поведением государственных чиновников, и Хонмунгван (Управление по конфуцианской канонической литературе), являвшееся совещательным органом при подготовке ваном новых законов и в его научных занятиях. Чиновники Хонмунгвана обычно служили и в управлениях Йемунгван и Чхунчхугван. Огромная власть чиновников этих управлений, имевших сравнительно небольшие ранги, объяснялась, вероятно, их близостью к правителю.

Непосредственно в осуществлении власти помогали вану Сынджонвон — его личная канцелярия, ведавшая входящими и исходящими бумагами, и Кёнъёнчхон — орган, занимавшийся личным образованием вана (чтение лекций и рекомендация соответствующей литературы). Кроме того, при ване Седжоне правительственным научным центром стала Чипхёнджон (Придворная академия), сосредоточившая наиболее способных молодых государственных чиновников. Впоследствии ее функции перешли к Хонмунгван. По мере усложнения административных задач возрастало и число столичных учреждений, подчиненных шести отраслевым ведомствам.

Задача центральной администрации состояла в том, чтобы обеспечить управление всей страной, делившейся на восемь провинций: Кёнги (столичная область), Чхунчхон, Чолла, Кёнсан, Канвон, Пхунхэ (впоследствии Хванхэ), Пхённан, Хамгиль. Названия их не раз менялись, но административная структура оставалась прежней. Для управления каждой провинцией из столицы назначался кванчхальса (губернатор, или «надзиратель»), которому непосредственно подчинялись правители округов (уездов) данной провинции.

Всего в Корее было более 350 округов (уездов). Они различались по величине и важности их административных центров, что зависело главным образом от численности населения и площади обрабатываемых земель. Округа (уезды) и их административные центры делились на пу или бу (правитель назывался пуюн), тэдохобу (правитель назывался тэдохобуса), мок (во главе с мокса), тохобу (во главе с тохобуса), кун (во главе с кунсу) и хён (во главе с хёнпёном или хёнгамом). Чиновный ранг правителей зависел от разряда управляемого округа (уезда). Несмотря на это, субординации округов (уездов) в пределах провинции не существовало, все они прямо подчинялись кванчхальса. Исключением являлись лишь те случаи, когда гражданские администраторы совмещали должности местных военачальников и занимали равное положение в воинских единицах, входивших в один военный округ. Из местных правителей не подчинялись кванчхальса лишь главы Хансона (Сеул), Кэсона и еще нескольких городов, находившихся в ведении центрального правительствa. Все администраторы (вплоть до правителей уездов низших разрядов) назначались из центра. Правители уездов сами подбирали свой административный штат из числа сори (мелких чиновников), а также старост мён, са (волостей) и ли, чхон, тон (деревень) из местных помещиков или зажиточных крестьян.

Конечная цель всей этой громоздкой чиновной иерархии — управление крестьянством, принуждение его к исправной уплате налогов и податей, к несению трудовых и военных повинностей. В несении государственных повинностей население деревень связали круговой порукой; при этом каждую деревню делили еще на тхон (пятидворки) с взаимной ответственностью их членов.

В целом административное устройство страны было подчинено задачам государственной эксплуатации всего крестьянского населения. Достоинства местных правителей законы оценивали по тому, как «процветает земледелие, растет податное население, преуспевают школы, совершенствуется военное дело, равномерно распределяются налоги и повинности, сокращаются судебные тяжбы и прекращаются мошенничества».

Контроль за деятельностью местной администрации центральное правительство проводило в форме различных обследований. Однако, несмотря на настойчивое стремление центрального правительства охватить все сферы жизни во всех частях страны своим контролем, последний всегда был относительным; частая смена администраторов, независимость и злоупотребления местных чиновников, возраставшие по мере роста феодального землевладения, впоследствии серьезно ослабили центральное правительство и государственную централизацию вообще.

Усиление централизованного государства в первой половине XV в. сопровождалось централизацией и укреплением вооруженных сил страны. Попытки объединить командование войсками делались уже в последние годы существования Корё, но и к началу правления династии Ли разрозненность вооруженных сил еще не была преодолена, поскольку у некоторых знатных феодалов оставались свои военные отряды, участ-

вовавшие в распрях между сыновьями основателя династии. Только после подавления выступления Ли Бангана решено было распустить все частные военные силы.

К началу правления династии Ли в корейских войсках насчитывалось 10 ви (корпусов), которые в 1395 г. были сведены к трем кун (армиям), причем в их составе с 1398 г. числились и принадлежавшие высшей знати частные военные отряды (до их полной ликвидации в 1401 г.). Позднее возникли еще два ви. В общей сложности вооруженные силы состояли из 12 корпусов, сведенных в 3 армии, для которых с 1409 г. был создан общий орган управления — Самгун Ыхынбу (позднее Самгун чинмусо), состоявший из профессиональных военных, а не гражданских чиновников, занимавших военные должности (как это было, например, в Военной палате).

Следующим этапом в преобразовании столичных войск был осуществленный в 1457 г. переход от 12 прежних корпусов к 5 новым ви: Ыхынпи («Растущей правоты») — центральный; Ёнъянви («Поднимающегося дракона») — левый; Хобунви («Тигриной ловкости») — правый; Чхунджави («Преданной помощи») — передний; Чхунмуви («Преданной силы») — задний. Ими командовало специальное управление, подчинявшееся Пёндо — органу гражданского чиновничества. Такой факт свидетельствует о сохранении второстепенного (по сравнению с гражданскими чинами) и подчиненного положения военного дворянства.

Структура корпусов определялась не только родами оружия, но также сословно-классовой и территориальной принадлежностью их личного состава. Так, в центральном корпусе существовало четкое различие между отрядами латников (капса), состоявшими из янбанов, и вспомогательными отрядами, комплектовавшимися из лиц «подлого» сословия. В левом корпусе специальный охранный отряд (Пёльсиви) набирался из янбанов, поставленных в более привилегированное положение, чем латники центрального корпуса. В правом корпусе привилегированную часть составляли отряды, набранные из дальних родственников вана (Чокчинви) или на родине основателя династии — в провинции Хамгён (Сингупи). Такие же различия существовали и в других корпусах.

Столичных войск было почти 50 тыс. человек. Примерно 100 тыс. человек насчитывали войска, размещенные в провинциях и подчиненные местной администрации и военному командованию. Около 50 тыс. человек служили во флоте. Общая численность регулярных вооруженных сил доходила до 200 тыс. человек. Около 400 тыс. составляли понджок, или поин (военнообязанные резервисты), которые должны были содержать тех, кто находился на службе и нес прямые воинские повинности. Основную массу военнообязанных составляли государственные крестьяне, пополнявшие ряды чолбён (регулярных войск). Тяжелые повинности в армии и на флоте (например, в качестве матросов-гребцов) несли люди из самого приниженого сословия (чхонины). Командный состав и привилегированные части комплектовались из среды господствующего класса — военных дворян (мубан или собан).

В каждой из восьми провинций предусматривалось от 1 до 3 военных округов во главе с командующими — пёнма чольтоса (сокращенно пёнса). Местонахождение каждого из них называлось Главной крепостью (Чуджин). Обычно губернатор провинции совмещал должность командующего войсками округа в своей провинции. В ведении главной крепости находилось несколько больших крепостей (коджин), каждой из которых подчинялись в свою очередь войска, размещенные на территории отдельных административных округов, составлявших особую крепость (чин) со своими войсками. Как правило, правитель данного

уезда занимал должность начальника войск крепости. Это называлось системой совмещения административных и военных должностей (чингван чедо).

Организация морских сил воспроизводила систему построения сухопутных войск. С 1467 г. для каждой провинции было предусмотрено от одного до трех командующих флотами (сугун чольтоса или, сокращенно, суса), причем одну из этих должностей обязательно занимал губернатор провинции. Каждый командующий флотом также имел свою Главную крепость, которой подчинялись морские силы данного округа. Большим крепостям в сухопутных войсках здесь соответствовали порты (пходжин), где находился флотский военачальник со званием сугун чхонджольджеса, командовавший морскими силами нескольких приморских крепостей. Низшей флотской единицей была отдельная приморская крепость — пхо, начальник которой назывался сугун манхо.

При господстве натурального хозяйства содержание регулярных войск обеспечивалось сочетанием военной службы солдат из крестьян с занятием земледелием. Военной службе они посвящали определенную часть года (до 2—3 месяцев), остальное время занимались своим хозяйством. На одного солдата, находящегося на очередной службе, полагалось по несколько резервных, которые должны были содержать его и помогать в хозяйстве. Вооружение и снаряжение производилось за их же счет.

Многочисленная армия набиралась на основе всеобщей воинской повинности (от 16 до 60 лет). От этой повинности освобождались только высшая знать и их крепостные, а также монахи и некоторые группы «подлого» сословия. Воинская повинность сводилась не только к непосредственной военной службе, а сочеталась с несением тяжелых трудовых повинностей. Особенно тяжелой эксплуатации подвергались зачисленные в так называемые смешанные войска казенные крепостные и государственные крестьяне, считавшиеся синян ёкчхон (янгин, несущий повинности «подлого» сословия). Эти повинности состояли из различных тяжелых работ (ремесленных, горнорудных, строительных, по обслуживанию казенных учреждений и пр.).

Положение сословий

При господстве натурального хозяйства централизованное государство могло существовать лишь путем установления своей власти над всем земельным фондом страны и налаживания общегосударственной налогово-податной системы.

Уже после издания закона о чиновных наделах (кваджон) государство в известной мере выступало как верховный собственник земли. Однако ни этот закон, ни земельные реформы начального периода правления династии Ли нельзя рассматривать лишь как восстановление существовавшей в прошлом государственной феодальной собственности на землю, так как усиление роли государства как феодального эксплуататора все же только дополняло развившуюся частную собственность феодальных землевладельцев, чьи интересы оно и выражало. Среди мер, направленных на укрепление государственного контроля над земельным фондом страны и обеспечение устойчивых доходов казны, первостепенное значение имели работы по перемериванию (переучету) пахотных земель, обнаружившие большое число полей, скрытых от налогового обложения. Если в 1392 г. по шести обследованным провинциям (исключая две северные) было выявлено 798 128 кэль (по данным «Корё са»),

то в 1404 г. после первых же работ по переучету площадь таких пахотных земель составила уже около 930 тыс. кёль, а спустя 22 года превысила 1260 тыс. кёль (по данным энциклопедии «Чынбо мунхон пиго»). Наконец, в правление Седжона, судя по летописи «Седжон силлок», площадь обрабатываемых земель в Корее составила 1 619 257 кёль.

Стремительное увеличение площади зарегистрированных пахотных земель произошло не только за счет поднятия нови и распашки заброшенных земель, в частности в приграничных и прибрежных районах, но и преимущественно за счет выявления земель, которые их владельцы скрыли от государственного кадастра и обложения. Переучеты, являвшиеся результатом усиления центральной власти, а также средством ее дальнейшего укрепления, способствовали уточнению поземельных прав и возвращению исконным хозяевам полей и крепостных, захваченных раньше крупными феодалами.

Экономическому укреплению центрального правительства содействовала и частичная секуляризация земель буддийских монастырей, этих оплотов крупного феодального землевладения. С 1402 по 1424 г. 4 раза производились конфискации монастырских земель и крепостных, а в 1424 г. была проведена реформа буддийской церкви. Существовавшие прежде многочисленные буддийские секты и течения были сведены только к двум направлениям — сонджон и кёджон. Каждое из них могло иметь только по 17 монастырей; для каждого монастыря устанавливалась определенная норма земельного владения (от 150 до 500 кёль) и число подвластных поби. Все земли и поби сверх установленного подлежали передаче государству. В результате за два десятилетия площадь монастырских земель сократилась в 4—5 раз: с 40—50 тыс. кёль до 10 тыс. кёль. Вместе с потерей экономического влияния буддийская церковь утратила и свою политическую роль, хотя продолжала оставаться орудием духовного порабощения народа ради утверждения господства феодального класса.

При династии Ли сохранилась унаследованная от предшествующего времени сословная организация, которая предопределяла и податную систему, служившую средством государственной эксплуатации народных масс. Господствующее положение занимало дворянское сословие янбанов, пользовавшееся исключительными политическими, экономическими и социальными преимуществами. Только из этого сословия пополнялись кадры государственных чиновников, составлявших (с ваном во главе) правящую административную иерархию. Янбанское сословие было освобождено от всех или почти всех государственных повинностей, ложившихся тяжким бременем на самые угнетаемые сословия эксплуатируемого класса.

Установление династии Ли повлекло за собой перестановки внутри привилегированного сословия. Костяк его, или самую высшую знать, в стране составляли представители царствующего рода и те из государственных чиновников, которые способствовали приходу новой династии («заслуженные сановники»), а также их потомки. Различия в происхождении и положении отдельных представителей янбанского сословия закреплялись в присваиваемых им пхум (рангах), определявших место каждого в административно-бюрократической системе феодального государства. От этого зависело количество земли, находящейся в их распоряжении, и доля в общегосударственном распределении прибавочного продукта, получаемого государством в форме налогов, повинностей или ренты с государственных земель.

Однако ранжированным чиновным дворянством (собственно янбанами) не исчерпывался состав эксплуататорского класса. Местные по-

мещики или зажиточные крестьяне, составлявшие низшую прослойку чиновничества или самую многочисленную часть персонала в низших звеньях административного аппарата, формально не входили в состав янбанского сословия, но называли себя «янбанами» (часто их именовали «местными янбанами» — тхобан или хянбан).

Столичное сановное дворянство (собственно янбаны) ревниво оберегало свои привилегии, не только стараясь не допускать в свою среду выходцев из провинциальных помещиков, но и принимая некоторые меры для «очистки». Так, уже в правление Тхэджона (в 1408 г.) был издан указ, по которому к занятию чиновных должностей не допускались дети от повторного брака вдов, что было равносильно запрещению вторично выходить замуж. Затем такие же ограничения были установлены для незаконнорожденных детей янбанов (сооль), т. е. их сыновей от побочных (недворянского происхождения) жен и наложниц, число которых не ограничивалось законом. Позднее эти меры были закреплены на века в уложении «Кёнгук тэджон».

В начале правления династии Ли из опасения сепаратистских поползновений центральное правительство специально ограничило доступ к высшим административным постам для выходцев из ряда окраинных провинций. Впоследствии такие дискриминационные меры стали обычаем, закреплявшим монопольную власть столичной знати. Во всем этом отразились противоречия между различными прослойками внутри господствующего класса, а их материальную основу составляла борьба за долю в эксплуатации трудящихся масс. Сложившееся положение не менялось существенно от того, что формально государственные экзамены открывали путь к государственным должностям (следовательно, и в янбанское сословие) лицам недворянского происхождения. Привилегии знати обеспечивались не только их богатством и связями, но и юридическими установлениями, предусматривавшими возможность занять государственные посты без экзаменов, например за «благонравное поведение» (как было установлено при Седжоне), за заслуги предков и т. д.

Сложные сословные перегородки были установлены и между различными группами эксплуатируемых. Они возникли в прошлом, но строго поддерживались правящим классом для сохранения существующих порядков и закрепления своего господства.

Основным эксплуатируемым сословием, самым многочисленным и разнообразным по составу, было сословие простолюдинов — янъинов, или ссанъинов («обычные люди»). В качестве подданных феодального государства они служили важнейшим объектом его эксплуатации. Главную их массу составляли лично свободные крестьяне, имевшие надел государственной земли или лишенные его и вынужденные обрабатывать помещичью землю на условиях аренды.

Наряду с рентой за пользование землей, уплачиваемой государству или частному землевладельцу, крестьяне-янъины как подданные государства несли бремя разнообразных повинностей (о них ниже), среди которых важнейшее место занимали воинская и трудовая. Чтобы обеспечить выполнение этих повинностей, феодальное государство фактически прикрепляло к земле (тяглу) всех лично свободных крестьян, т. е. независимых от отдельных феодалов. Для этой цели все население заносилось в подворные списки, которые стали более точными благодаря закону 1413 г. об обязательном ношении всеми мужчинами именных табличек — хопхэ (своего рода паспортов), — вырезанных из кости, рога или различных сортов дерева (в зависимости от социального положения). В них указывались имя и фамилия владельца, его адрес и род занятий. Лица без хопхэ признавались преступниками. После издания этого

закона было выявлено большое число людей, уклонявшихся от занесения в податные списки. Если в 1406 г. в них насчитывалось только 370 365 взрослых мужчин (чанджон, или «податных людей»), то через 30 лет их стало 800 тыс. (по данным «Седжон силлок»).

Для прикрепления крестьян к месту жительства в 1407 г. была установлена круговая порука людей, проживающих в одной местности, а позднее введена система пятидворок, члены которых должны были «ручаться друг за друга, защищать друг друга в соответствии с законами и обычаями». Эти меры были направлены прежде всего против бегства податного населения. Число беглых, по-видимому, было велико уже в первой половине XV в., судя по тому, что ловлей беглых и возвращением их к прежним местам жительства занимались особые должностные лица, например контролеры на речных переправах.

Для увеличения численности податного, прежде всего военнообязанного, населения правительство освобождало значительное число ноби, закрепощенных крупными землевладельцами и монастырями, и превращало их в государственных крестьян или в казенных крепостных. С 1395 по 1414 г. четырежды учреждалось специальное управление по пересмотру положения крепостных, которое рассмотрело более 10 тыс. дел.

Но государственными крестьянами не исчерпывался состав простонародного сословия. А разнообразие его социального состава объяснялось прежде всего неразвитостью классовой дифференциации в корейском феодальном обществе начального периода правления династии Ли. В сословие простолюдинов юридически входила и прослойка зажиточных крестьян или мелких помещиков (халлян, или «праздных простолюдинов»), которые тянулись к эксплуататорскому классу и сами называли себя «янбанами». Низшую же прослойку составляли синян ёкчхон, которые в социальном смысле стояли почти наравне с ноби. К таким относились, например, простолюдины, прикрепленные к казенным мастерским по производству фарфоро-керамических изделий и к различным рудникам, рыбаки, солевары, лесорубы и прочие представители своеобразного (закрепощенного по профессиям) предпролетариата.

К сословию простолюдинов принадлежали также ремесленники и торговцы. Для упрочения феодального господства правительство всемерно ограничивало и регламентировало ремесленное производство и торговлю; последняя по конфуцианской традиции считалась презренным занятием или погоней за «нечестной выгодой». В этих условиях серьезным препятствием для роста купеческого капитала служил ничем не ограниченный произвол государственных чиновников. Хотя и существовало незначительное число богатых купцов (пользовавшихся дарованными государством монопольными правами), подавляющее большинство мелких торговцев мало отличались от государственных крестьян. Что же касается ремесленников, то их положение зависело от характера отношений с государством, от выполнения государственных повинностей. Ремесленники, прикрепленные к казенным мастерским или промыслам, находились на положении чхонинов или синян ёкчхон. Наконец, были «свободные» ремесленники, принадлежавшие к сословию простолюдинов и платившие государству ремесленные налоги.

На самой низшей ступени сословной лестницы находились чхопины («подлые»), среди которых подавляющее большинство составляли казенные и частновладельческие ноби, лишённые всяких гражданских прав, испытывавшие нечеловеческие унижения и презрение (крепостное состояние было наследственным, их продавали и покупали, как скот). Занимая по численности второе место после простолюдинов, ноби составляли важную часть производительного и эксплуатируемого населения.

Частновладельческие ноби (саноби) не несли государственных повинностей и целиком принадлежали своим хозяевам, причем одна их часть оставалась челядью, а другая (большая), посаженная на землю, вела собственное хозяйство. Такие ноби платили сингон (оброк) своему хозяину и несли барщину в его хозяйстве. Казенные крепостные (кванноби) также разделялись на ведущих свое хозяйство на земле государственных учреждений (и плативших оброк) и на тех, которые непосредственно занимались обслуживанием этих учреждений, выполняя всевозможную черную работу. Политическая борьба в конце XIV в. и установление династии Ли привели к сокращению общего числа частновладельческих ноби и соответствующему увеличению числа крестьян-простолюдинов и казенных ноби. К 80-м годам XV в. численность казенных ноби достигла 352 651.

Промежуточное положение между привилегированным сословием янбанов и простым народом занимало сословие чунъинов («средних людей»), представлявших своеобразную профессиональную «интеллигенцию» феодального общества. Сюда относились переводчики, врачи, правоведы, астрологи, геоманты и прорицатели, находившиеся на службе в центральных и провинциальных государственных учреждениях. Специалисты из центральных правительственных канцелярий по занимаемому положению приближались к янбанам, а мелкие чиновники как в центре, так и на местах заполняли низшие звенья правительственного аппарата и играли важную роль в осуществлении эксплуатации.

Налоговая система

Сословный строй, закрепляя господствующее положение класса феодальных землевладельцев, служил для государства мощным средством эксплуатации народных масс. Эта государственная эксплуатация осуществлялась в форме традиционной для Китая и Кореи триады повинностей. В «Седжон силлок» (запись за 1426 г.) указывается: «Если имеется пахотная земля, то с нее полагается налог; если имеется человек, то с него полагается личная повинность; если имеются дворы, с них полагаются поставки различных предметов». Именно на такой экономической основе могло функционировать централизованное государство феодалов в условиях, когда между различными частями страны не развились естественные экономические связи, обусловленные общественным разделением труда.

Поземельный налог (чо, рента-налог), вытекавший из верховного права государства распоряжаться всем земельным фондом страны, составлял основной источник его доходов. Вот почему главной заботой династии Ли стало совершенствование учета земельной площади и порядка взимания ренты-налога. В первое десятилетие ее правления этот порядок определялся законом о чиновных наделах 1391 г., установившим, как известно, ренту-налог в размере $\frac{1}{10}$ урожая — 30 ту очищенного риса с каждого кель поливных земель или 30 ту прочими злаками с одного кель неполивных земель. На частновладельческих землях (саджон), где владелец имел право присвоения ренты, он платил государству из части ее налог (се) по 2 ту риса или прочих злаков с одного кель. За исключением полей, переданных чиновникам за службу, государственным учреждениям или отдельным лицам (например, за заслуги и пр.), со всех земель страны ренту-налог присваивало центральное правительство.

Пропорциональное обложение и сбор ренты-налога зависели от правильного определения плодородия почвы и «истинного» урожая в сло-

жившихся естественных условиях данного года. Налог в 30 ту с одного жёл составил $\frac{1}{10}$ урожая на самой лучшей земле и при самых благоприятных условиях, поэтому для учета отклонений был издан неоднократно уточнявшийся закон о возмещении ущерба при бедствиях, который предусматривал уменьшение размера налога в зависимости от понесенного ущерба или падения урожайности.

Определение «истинного» урожая было обставлено такой сложной бюрократической процедурой, что она намного увеличивала бремя налогов и вызывала возмущение крестьянства. Так, для учета ущерба от стихийных бедствий предусматривались комиссии «бескорыстных чиновников» из других провинций, после них работа начальников соответствующих уездов, а затем все проверялось столичным чиновником-ревизором (кёнчхагван), устанавливавшим наказание за неправильное определение ущерба. Каждый раз прибытие обследователей означало постой, поборы, взятки и другие злоупотребления вымогателей, поэтому крестьяне восклицали: «Лучше платить полную сумму налога за заброшенные поля, но только не видеть чиновника-ревизора!».

С начала 30-х годов XV в. почти полтора десятилетия правительство Седжона занималось проектами улучшения налоговой системы и разработкой новых критериев учета земельной площади и урожая. Наконец, в 1444 г. был опубликован податный закон, явившийся результатом опытного изучения на примере уездов Чхонан и Пини. Вместо прежнего деления земель на три категории, которое было менее точным и делало крайне проблематичным определение земельного налога в $\frac{1}{10}$ урожая, новый закон установил подразделение полей на шесть качественных разрядов³, а годов — на девять категорий по урожайности. Поземельный налог устанавливался в размере $\frac{1}{20}$ части урожая.

Деление годов на девять категорий учитывало падение урожая вследствие стихийных бедствий или изменения погодных условий в каждом районе. Земельный налог в размере 20 ту риса с одного жёл взимался при самых благоприятных условиях (в году наивысшей урожайности); при урожае 90% максимального взимался налог в размере 18 ту; при каждом дальнейшем понижении категории годов урожайности делалась скидка налога на 10% вплоть до 9-го разряда, когда урожай составлял лишь 20% максимального и налог взимался в размере 4 ту. При урожае меньше 20% максимального земельного налог отменялся.

Введение шести качественных разрядов земли позволяло более объективно устанавливать размер налога, так как до этого большая часть пахотных земель значилась в третьем, низшем разряде и соответственно государство получало меньший налог, в то время как крестьяне больше страдали от махинаций обследователей состояния урожая (по закону о возмещении ущерба). Осуществление податного закона означало, таким образом, более равномерное распределение бремени поземельного налога, что облегчило положение налогоплательщиков-крестьян при одновременном увеличении доходов центрального правительства за счет устранения злоупотреблений местных чиновников. Однако это не означало, что были полностью достигнуты цели податного закона и что он устранил все проделки чиновников при определении качества и количества земли, состояния урожая и размеров поземельного налога.

Само установление качественных разрядов полей в масштабе государства оказалось очень сложным и трудоемким; в полной мере оно никогда не было достигнуто. Достаточно сказать, что перемеривание земельной площади во всех провинциях для определения (в присутствии правительственных эмиссаров) качественных разрядов полей заняло 45 лет (с 1444 по 1489 г.). Кроме того, изменения качества земельных

угодий делали необходимым периодический пересмотр пражных записей в земельном кадастре. Уложение «Кёнгук тэджон» считало необходимым производить такой пересмотр один раз в 20 лет.

Несмотря на все недочеты, реформа поземельного обложения, увеличившая доходы центрального правительства, способствовала укреплению его экономического и политического положения. Этим целям была подчинена и остальная система общегосударственных повинностей, выполняемых преимущественно государственными крестьянами-простолудинами. Повинности также вытекали из верховной власти государства над всем земельным фондом страны. Законы указывали, что для выполнения подушных (личных) повинностей «с каждых 8 кель выставляется 1 мужчина, а его работа (повинности.— *Авт.*) не превышает 6 дней [в году]; однако если далека дорога (к месту работы.— *Авт.*), то она может продолжаться больше 6 дней, тогда соответственно уменьшаются повинности следующего года».

Запрещалось принуждать крестьян выполнять повинности по два раза в год, но в действительности повинности были значительно тяжелее, чем предусматривалось законом.

Все ремонтные и строительные работы, связанные с городами, военными укреплениями, казенными учреждениями и ирригационными сооружениями, а также транспортировка податного риса и прочие общегосударственные работы осуществлялись силами крестьян в порядке выполнения личных повинностей. Иногда на такие работы собирали массы людей. В 1405 г. на строительство столицы согнали 118 тыс. человек из пяти провинций. В 1413 г. собрали для этого 100 тыс. человек. Мобилизации крестьян потребовало и строительство южных и северных пограничных крепостей. Этой трудовой (одновременно военной) повинности подлежали государственные крестьяне в возрасте от 16 до 60 лет.

Повинности определялись по числу военнообязанных (совершеннолетних) мужчин в дворах. В самом начале правления династии Ли большими считались дворы, имевшие по 10 и более совершеннолетних мужчин: с каждого такого двора выставляли по одному человеку для выполнения государственных повинностей. Средними считались дворы, имевшие более пяти мужчин, и от двух таких дворов выставляли одного человека. Малыми считались дворы, имевшие менее четырех мужчин, и от трех таких дворов выделяли по одному человеку. С 1435 г. размеры податных дворов стали определяться по количеству имевшейся у них земли. Большие дворы — это те, которые владели более 45 кель, средние — более 30, малые — более 10, низшие — более 6 и самые низшие — менее 5 кель. В столице величина дворов определялась числом комнат в домах. А «Кёнгук тэджон», как уже упоминалось, впоследствии установило, что с каждых 8 кель следует выделять одного человека для выполнения повинностей.

Для несения военной и других повинностей крестьянские дворы объединялись в податные дворы, и от этой единицы выставлялся один совершеннолетний — военнообязанный. От дворов с тремя военнообязанными полагался один солдат для несения военной службы. Но богатые дворы, располагавшие множеством совершеннолетних мужчин, не соблюдали этого правила, как можно судить по многочисленным жалобам в правление Седжо и Сонджона (вторая половина XV в.). Именно в это время было установлено, что двое военнообязанных поддерживают третьего, находящегося на действительной службе, и это положение было закреплено в «Кёнгук тэджон».

Для точного определения числа лиц, обязанных нести повинности, были введены ходжок (подворные списки), пересматривавшиеся раз в

три года. На их основе составлялся кунджок (воинский реестр), введенный впервые в 1393 г. и охвативший все мужское население страны с 1404 г., когда произвели учет военнообязанного населения всех провинций. По этим спискам можно получить представление об общей численности населения. По данным «Седжон силлок» (т. е. до середины XV в.), во всех восьми провинциях Кореи насчитывалось 220 375 дворов с населением 801 847 человек. Разумеется, эти сведения не были исчерпывающими, так как всегда оставались лица, уклонявшиеся от регистрации в подворных и воинских списках.

Наконец, третьим источником сил централизованного государства были подворные подати, состоявшие из поставок населением почти всех необходимых государству продуктов местного производства. В конце периода Корё в перечень этих предметов входили ткани, но поставка их как общегосударственная подать была отменена в первом же году правления новой династии. Однако оставалась вся разнообразная продукция местных промыслов и домашней промышленности (в том числе и различные ткани, производимые в разных провинциях). Прошло не менее двух десятилетий, пока уточнялись размеры и виды поставок из всех провинций страны. Эта работа составляла часть общей налогово-податной реформы, сопровождавшейся перемериванием пахотной земли. В 1413 г. было завершено определение податей из северных провинций Пхёнан и Хамгён.

Однако можно считать сомнительным соответствие поставок продукции местного производства размерам земли, так как не существовало единого органа, регулировавшего эти поставки, и центральные правительственные учреждения получали все необходимое для себя прямо из уездов любой провинции. В правление Седжона делались попытки регламентировать подати (равно как и другие повинности) в соответствии с размером пахотных земель, чтобы тем самым устранить произвол местных властей. При разнообразии требуемых правительством поставок (различных по стоимости изделий) оказалось затруднительным скольнибудь равномерное их распределение. Зачастую власти требовали поставки даже такой продукции, которая вовсе не производилась в данной провинции, и тогда приходилось заменять ее рисом (игравшим роль всеобщего эквивалента) или прибегать к услугам купцов-посредников (правда, эти явления получили широкое распространение позднее).

Практически феодальное государство получало натурой все производимое или добываемое в провинциях на удовлетворение потребностей правящего класса и другие нужды государства. В эти поставки входили различные продукты питания (мясо, мед, фрукты), морские продукты, топливо, металлы (золото, серебро, свинец, железо), материалы для изготовления одежды (ткани, меха, красители), ремесленные изделия (посуда, бумага, домашняя утварь), скот, лесоматериалы, лекарства и т. д. Согласно «Седжон силлок», по провинциям номенклатура поставляемых изделий насчитывала: в Кёнги — 191 вид, в Чхунчхон — 229, в Кёнсан — 283, в Чолла — 258, в Хванхэ — 272, в Канвон — 228, в Пхёнан — 138, в Хамгён — 131 вид. В это число входили регулярные, или обычные, подати. Помимо них из некоторых (например, северных) провинций делались так называемые чрезвычайные поставки (пёльгон). В обычные поставки не входили также подношения (чинсан), делаемые вану губернаторами или ваном китайскому императору.

Податная система, основанная на трех повинностях, служила источником доходов феодального государства, пополнявшихся также за счет монополии на производство и продажу соли, налогов на горные и лесные разработки, с ремесленников, торговцев и рыбаков. Государственные до-

ходы шли на нужды царствующего дома, выплату жалованья чиновникам, создание запасов для нужд армии или использования во время стихийных бедствий.

Наиболее существенными статьями расходов государства являлись жалованье чиновникам и создание запасов военного провианта. Натуральное (продуктами) жалованье выдавалось чиновникам вдобавок к земельным пожалованиям и обычно состояло из очищенного и неочищенного риса, ячменя, бобов, тканей и бумаги. Члены царского рода также получали жалованье (в соответствии с присвоенными им рангами). Так, представители самой высшей знати, имевшие полную 1-ю степень, получали ежегодно (жалованье выдавалось 4 раза в год) около 13 сок очищенного и 50 сок неочищенного риса, 10 сок ячменя, 23 сок бобов, 6 кусков шелка, 15 кусков полотна и пр. Жалованье же чиновникам 18-го ранга (неполная 9-я степень) состояло всего лишь из 8 сок неочищенного риса.

Запасы военного провианта, складывавшиеся из сборов поземельного налога, в начальный период правления династии Ли составили 400 тыс. сок риса, что позволило содержать достаточно большие вооруженные силы. При неблагоприятных условиях из государственных запасов старались обеспечить нормальное воспроизводство крестьянских хозяйств. Для этого были предусмотрены специальные ссудные канцелярии (ыйчхан), операции по государственной закупке и продаже зерна, обеспечивавшие регулирование цен, склады по раздаче хвангок (зерновой ссуды) населению и пр.

Внешняя политика Кореи в первой половине XV в.

Усиление централизованного государства необходимо было для обеспечения внешней безопасности страны и урегулирования отношений с соседями. Правительству династии Ли достались в наследство внешнеполитические проблемы, занимавшие прежних правителей: борьба против японского пиратства, регулирование отношений с Минами и защита северной границы от нападения чжурчжэньских племен.

Из-за опустошений, причиняемых пиратами прибрежным районам наиболее плодородных южных провинций, борьба против них приобретала и прямое экономическое значение. Без ликвидации пиратства нельзя было также нормализовать торговые связи с японскими княжествами и более отдаленными заморскими странами. О возможности таких связей свидетельствовало, например, появление в начальный период правления династии Ли посольств из таких южных стран, как Сиам (Таиланд) — от правителей Аюттии, и Ява — из государства Маджапахит (1406 г.). Особую заинтересованность в связях с Кореей проявили, например, правители государства Чунсан (Накаяма) на о-ве Рюкю. Однако, ориентируясь на самообеспечение натуральным хозяйством своих крестьян, династия Ли не проявляла никакого интереса к развитию заморской торговли и внешних связей; впрочем, обстоятельства вынуждали пойти на установление хотя бы ограниченных контактов с соседями, например для совместной борьбы с пиратством.

Главным средством борьбы с пиратами правители считали укрепление своих военно-морских сил. С 1399 г. во всех провинциях действовали подвижные морские отряды, располагавшие быстроходными для того времени судами. В начале XV в. военный флот феодальной Кореи уже имел более 600 кораблей, около 50 тыс. человек личного состава, что означало увеличение в 6 раз по сравнению с 1389 г., когда был совер-

шен первый успешный поход на о. Цусима. Особенно заметно возросла численность войск, располагавших огнестрельным оружием. Усилившийся всенный отпор пиратам, дипломатические шаги, предпринятые для сближения с сёгунами дома Асикага (предложения о совместной борьбе с пиратством), усилили стремление японских княжеств (в том числе и тех, кто снаряжал раньше пиратские флотилии) к установлению мирных торговых отношений с Кореей. В 1395 г. после посещения Японии корейским послом Ким Говоном удалось вернуть на родину десятки тысяч корейцев, увезенных пиратами и находившихся в плену. Прибывший в Корею посол сёгунского правительства заверил, что впредь действия пиратов будут пресечены. После возвращения пленных корейцы снабдили японское посольство различными продуктами.

С этого времени наладилась довольно оживленная торговля между Кореей и японскими княжествами западного побережья, особенно о-ва Кюсю. Цусимский князь стал играть роль посредника (получив соответствующие корейские чины) в торговых отношениях между Кореей и японскими княжествами. Скудость почвы о-ва Цусима и постоянная нехватка продовольствия заставляли князя не раз в прошлом поставлять Корею дань в качестве вассала, получая в обмен необходимые продукты. Цусима проявляла особую заинтересованность в торговле с Кореей.

Усилившийся с 1404 г. обмен посольствами между династией Ли и сёгунами из дома Асикага означал новый этап в отношениях Японии и Кореи. Корейское правительство стремилось «умиротворить» японцев, поселявшихся на корейской земле. За первые 10 лет правления династии Ли до 2 тыс. японцев приняли корейское подданство, часть из них даже получила земельные угодья и мелкие чины. Льготные условия создавались и для японцев, приезжавших с торговыми целями,— им предоставлялось бесплатное жилье и питание, выдавались запасы продовольствия на обратную дорогу и т. д. Эти меры были продиктованы желанием предотвратить пиратство. Одновременно правительство усилило надзор и ввело некоторые ограничения (установление определенных мест поселения японцев, учреждение пропусков для торговых судов, ограничение числа лиц, которым даровались чины и льготы). Недовольные этим японские поселенцы нередко поднимали мятежи и провоцировали набеги пиратов на провинции Кёнсан, Чолла и даже Пхёнан. Это создавало новые трудности и вынуждало корейское правительство принимать репрессивные меры.

В 1418 г., когда несколько сот японских пиратских кораблей, направившихся в Китай, разграбили по пути районы Пиина (Чхунчхон) и Ёнана (Хванхэ), корейское правительство вину за разбой возложило на правителя Цусимы и решило наказать его. В следующем году 17-тысячная корейская армия (на 227 военных кораблях) под командованием Ли Джонму высадилась на о-ве Цусима, служившем основной базой пиратов. Для обороны Цусимы объединились силы ряда японских княжеств о-ва Кюсю. Тем не менее войска Ли Джонму нанесли чувствительный урон пиратам, уничтожив их прибрежные селения и портовые сооружения, и заставили цусимского князя заявить о своей покорности и прекращении пиратских набегов. Экспедиция, по существу, покончила с японским пиратством.

В дальнейшем, усиливая оборонительные меры, корейское правительство разрешало мирную торговлю японцев в специально отведенных портах. С начала XV в. японским кораблям, снабженным специальными пропусками, разрешили появляться в портах Пусан (уезд Тоннэ) и Нэйпхо (уезд Унчхон), причем торговать могли только те японские купцы

и князья, которым были пожалованы корейские чины и печати (тосо) ⁴. В 1426 г. японцам было разрешено появляться и в порту Ёмпхо (уезд Ульсан). Одновременно корейское правительство услило контроль за прибывающими судами и ограничило деятельность японских купцов во всех трех портах.

Эти меры были закреплены в торговом договоре 1443 г., заключенном по просьбе цусимского князя. Число кораблей, посылаемых цусимским князем с ежегодными подношениями («дашю»), не должно было превышать 50, а от всех остальных японских князей — 3—4. Количество риса, ежегодно «даруемого» корейским правительством цусимскому князю, составляло 200 сок.

В форме обмена «подарков» на «дань» фактически осуществлялась торговля необходимыми для обеих сторон товарами. Корея крайне нуждалась в привозимых из Японии меди, олове, оловянно-серебряном сплаве (припой), а также в сере, которая употреблялась при изготовлении пороха. Кроме того, японцы привозили в Корею мечи, слоновую кость и бивни носорога (закупленные в южных странах), сахар, перец и другие пряности и приправы, лекарства и красители (киноварь и др.). Из Кореи они вывозили зерно, хлопчатобумажные, пеньковые и другие (например, из рами) ткани, травяные маты, перламутровые и фарфоро-фаянсовые изделия, женьшень, меха. Особенно велик был вывоз хлопчатобумажных тканей — до 100 тыс. кусков к концу XV в. Значительное место занимал вывоз буддийской литературы.

Выгода удерживала многих японцев на территории трех портов, где они пользовались обеспечением корейского правительства. Несмотря на то что с завершением торговых сделок и рыбной ловли японцы обязаны были покидать пределы этих портов, многие старались остаться в качестве постоянных жителей. К середине XV в. в Пусане их было уже 350 человек, в Нэпхо — 1500, в Ёмпхо — 120 человек. Строгие предписания корейских властей покинуть пределы трех портов (это не касалось 60 человек, за которых ходатайствовал цусимский князь) японские поселенцы отказывались выполнять; в 1510 г. они даже подняли восстание в знак протеста и грабили окрестное население.

Установившиеся торговые отношения с японцами, таким образом, таили постоянную опасность агрессии. Именно поэтому Корея не проявляла интереса к расширению связей с Японией, о чем свидетельствовало прекращение отправки корейских посольств в Японию с 1479 г., когда одно из них, застигнутое бурей, вернулось с полдороги, передав цусимскому князю письмо для сёгунского правительства. С тех пор корейское правительство ограничивалось приемом регулярно прибывавших японских посольств. Посольствам предоставлялось в столице особое подворье — Тонпхёнган («Дом умиротворения востока»). Каждый раз продвижение японских посольств, как и всяких других, по корейской территории было обставлено строгими ограничениями.

Наибольшее значение для правителей Кореи имело урегулирование отношений с династией Мин, ухудшившихся в конце периода Корё. Придя к власти, новая династия сразу же постаралась положить конец конфликту, признавая международное верховенство Минов, проводивших традиционную великодержавную политику и рассматривавших всех соседей Китая как вассалов, обязанных изъяслять покорность и платить дань. Извещая о происшедших в Корее переменах, ее новые правители выразили свою лояльность династии Мин. Но последняя относилась к Корее с явной подозрительностью и долго тянула с утверждением правителя Кореи в звании «чосонского вана», отказывалась принимать корейских послов. Она объявила плохими лошадей, присланных в качестве

дани, запрещала корейским купцам вести пограничную торговлю. Тем не менее правители династии Ли, неоднократно направляя в Китай послов, настойчиво добивались улучшения отношений. И только с началом правления Тхэджона (в 1401 г.) минский император утвердил его в качестве «чосонского вана» и прислал соответствующую печать. После смерти Ли Сонге в 1408 г. Минны пожаловали ему почетный посмертный титул.

Признание старшинства Китая, обращение за инвеститурой, принятие китайского календаря и периодические извещения минского императора о важных событиях в своей стране вместе с отправкой дани как символа верноподданности — все это входило в понятие «садэ» («служение старшему»), что обычно понимается как признание вассального положения. «Садэ» было конфуцианской нормой дипломатических отношений малых стран со своим большим соседом — Китаем. Как правило, это символическое признание вассального положения вовсе не влекло за собой для «вассала» потерю самостоятельности во внутренних делах или внешних сношениях. Однако определенное моральное принижение его утвердилось в качестве неременного условия поддержания мирных дипломатических отношений с китайскими императорами, провозглашавшими себя «повелителями» всей Поднебесной.

Поставляя регулярную дань императору, вассалы получали взамен «награды» и «подарки», в основном эквивалентные «дани». Именно такой характер приняли отношения между Минами и династией Ли ко времени правления Седжона, когда в 1422 г. по настоятельной просьбе корейской стороны золотая и серебряная посуда в качестве дани была заменена лошадьми, крупным рогатым скотом и тканями. Взаимные визиты послов сопровождались оживленным торговым обменом. Именно поэтому при обязательности дани один раз в три года послы из Кореи направлялись в Китай по три-четыре раза в год (в дни рождения императоров, на Новый год и т. д.), не считая височередных посольств — по случаю похорон, с различными просьбами и т. д. За этим следовали ответные посольства из Китая. В соответствии с ритуалом для оказания чести послу китайского императора ван выходил встречать его к южным воротам столицы. Посол останавливался в специальном подворье — Тхэххёнгван («Дом величайшего умиротворения»). Такое же подворье существовало в Пекине для корейских послов. Возле этих подворий обычно шла оживленная частная торговля при активном участии переводчиков.

В официальном обмене между правительствами предметами вывоза из Кореи (после исключения золота и серебра) помимо лошадей и крупного рогатого скота были женьшень, меха и шкуры, различные изделия корейского ремесла — фарфор и керамика, вещи с перламутровой инкрустацией, полотна из рами, узорные травяные маты, письменные приборы и другие предметы культурного обихода. До 1436 г. изредка отправляли также девушек и евнухов. Из минского Китая правители Кореи получали различные шелка, парадные одеяния, лекарства, книги, драгоценные камни, музыкальные инструменты, письменные принадлежности. Из Китая ввозили даже такие предметы, как бычий рог, шедшие на изготовление луков.

Конечно, было бы неверно думать, что корейско-китайские отношения определялись только интересами торгового обмена. Как в печальный период правления династии Ли, так и впоследствии серьезное значение имели политические проблемы, например отношения с чжурчжэнями. Добиваясь установления своего господства над чжурчжэньскими племенами, минские правители крайне ревниво относились к политике

Корей в отношении этих племен и нередко обвиняли корейское правительство в поддержке их враждебных действий против минской династии. Поэтому династия Ли всячески старалась доказать свою лояльность.

Значительная часть чжурчжэнских племен занималась охотой и рыболовством в обширном бассейне Амура и его южных притоков («дикие чжурчжэни»). Чжурчжэни, для которых основным занятием было земледелие (в сочетании с охотой и рыболовством), населяли горный район к северу от Амноккана и Тумангана, по соседству с Кореей (цзяньчжоувэйские чжурчжэни). Наконец, в бассейне Сунгари жили «западные чжурчжэни».

Уже к концу XIV в. отношения с чжурчжэнями заняли важное место во внешней политике корейского феодального государства. В то время часть чжурчжэней, заселявших прибрежные районы Амноккана, подчинилась правителям Корё, стремясь прежде всего получить продовольствие в обмен на продукцию охотничьих промыслов и скотоводства. Но не всегда чжурчжэни ограничивались мирной торговлей. Нередко они прибегали к разбойным набегам, грабили имущество пограничного населения и угоняли людей в рабство.

При династии Ли вопрос о чжурчжэнях переплелся с проблемой установления отношений с династией Мин. После падения монгольского господства на территории Маньчжурии вождь местных чжурчжэней Нахачу признал власть минской династии, которая в результате получила возможность дальнейшего расширения своих владений. Сначала она закрепилась лишь в равнинной части Ляодунского полуострова, но с начала XV в. расширила свое влияние. Давая различные феодальные титулы вождям чжурчжэнских племен, Мины преобразовывали их владения в военные форпосты своей империи (число их дошло до 180). С покоренными чжурчжэнями минская династия вступала в экономические отношения, снабжая их зерном, тканями, сельскохозяйственным инвентарем, крупным рогатым скотом и разными металлическими изделиями, получая взамен лошадей, меха и другие товары. Но много чжурчжэней оставалось за пределами минских форпостов, в границы которых, как известно, Мины попытались включить часть корейской территории. Именно из-за влияния на независимых чжурчжэней и возникали трения между минской династией и правителями Корей.

Династия Ли, признав себя вассалом Минов, в дипломатических отношениях с чжурчжэнями (как и с японскими княжествами) стремилась утвердить свое верховенство (в конфуцианском понимании). «Поданным» (вождям чжурчжэнских племен) даровались корейские чиновные ранги, чжурчжэнские племенные вожди поставляли традиционную «дань», за которую их компенсировали равноценными дарами. Именно в этом духе корейские феодалы старались строить свои отношения с чжурчжэнскими племенами, причем политику умиротворения они сочетали с военными репрессиями против их грабительских набегов.

В 1406 г. корейское правительство устроило близ Кёнвона и Кёнсона (на северо-восточной границе) специальные рынки для торговли с чжурчжэнями и предоставило им возможность приобретать зерно, сельскохозяйственные орудия и другие необходимые товары. И в дальнейшем всячески поощрялась ассимиляция чжурчжэней, особенно тех чжурчжэнских вождей, которые приезжали в корейскую столицу с «данью» или поселялись на корейской территории. Для приезжавших с «данью» в столице было устроено специальное подворье — Пукпхёнган («Дом умиротворения севера»), возле которого они могли вести и торговые дела. За привезенную «дань» (лошадей, меха и пр.) чжурчжэни получали

золото и серебро, различные ткани, сельскохозяйственные орудия и посуду, бумагу, зерно, бобы, соль, сою, напитки и другие предметы. В знак особого расположения корейская сторона брала на себя все расходы по содержанию чжурчжэньских (как ранее японских) посольств, прибывавших в столицу. Такие отношения между некоторыми из чжурчжэньских вождей и Кореей возбуждали подозрительность Минов, стремившихся не допустить их развития.

Впрочем, отношения между Кореей и чжурчжэнями складывались отнюдь не только мирно. Правительство династии Ли укрепляло северо-восточную и северо-западную границы, стремясь вытеснить чжурчжэней за естественные рубежи рек Туманган и Амноккан. Для этого создавались военные форпосты и постепенно заселялись территории к югу от этих рек. Открывались возможности освоения новых площадей для земледелия. Освоение правобережья Тумангана началось еще при ванах Корё; новая династия стала уточнять здесь административное устройство (был создан округ Кёнвон в районе современного Кёнхына), но главной своей задачей считала оборону от нападения чжурчжэней.

В 1409—1410 гг. пришедшие с севера удэге, объединившись с местными чжурчжэнями урянха, совершали нападения на Кёнвон. В ответ корейские войска нанесли поражение урянха, жившим у Тумангана, однако объединенные силы чжурчжэней продолжали нападения на Кёнвон; этот окружной центр пришлось перенести на юг, в современный Кёнсон, и превратить в форпост борьбы против непрерывных чжурчжэньских вторжений. Некоторые сановники предлагали вообще оставить все эти позиции и отступить на юг, но губернатор Ким Джонсо, поддержанный ваном Седжоном, решительно настоял на продолжении борьбы за расширение северо-восточных владений Корей. В 1432 г. в Сонмаке была основана Нёнбукчин («Крепость по успокоению севера»), превращенная в базу активного наступления на севере.

Используя начавшуюся междуособную борьбу чжурчжэней, Седжон решил восстановить утраченные на северо-востоке позиции и добиться установления границы по р. Туманган. Для этого были основаны «шесть крепостей» («юкчип») как административные центры округов, куда переселяли жителей южных районов. Так возникли окружные центры Чонсон, образованный вместо Нёнбукчина, Хверён на бывших землях чжурчжэней одори, Кёнвон, Кёнхын, Ынсон и Пурён (бывший Сонмак). За исключением небольшого района около современного Мусана, к 1449 г. вся территория к югу от Тумангана вошла в состав корейского государства. Жившие здесь чжурчжэни из племени одори ушли в район Амноккана и объединились с частью урянха. Но попытки правительства династии Ли разгромить чжурчжэней, находившихся к северу от Тумангана, не имели успеха в течение всей второй половины XV в.

Успешное освоение территории «шести крепостей» стало возможным благодаря быстрому притоку жителей южных районов, которых притягивали новые земли, где их освобождали от налогов и некоторых повинностей. Инициатор этой политики — Ким Джонсо не без гордости заявлял, что при заселении пограничных земель не пришлось прибегнуть ни к кнуту, ни к другим наказаниям и «тем не менее за какие-нибудь несколько месяцев десятки тысяч людей устремились на север». Рост населения и освоение новых земель обеспечивали их оборону.

На северо-западе земли, подходившие к устью Амноккана, были присоединены еще в конце периода Корё; там были образованы округа Пёктон, Чхансон и Канге. Но освоение левобережья р. Амноккан в ее среднем и верхнем течении началось позднее. В правление Тхэджона стали заселять пространства между Канге в провинции Пхёнан и Капса-

ном в провинции Хамгиль; для удобства управления в 1416 г. был образован новый округ Ёён (район современного Чунганджиппа), переданный в подчинение провинции Пхёнан. Однако заселение и административное устройство северо-западных земель осуществились лишь в правление Седжона, когда принимались решительные меры против вторжений чжурчжэней.

Ввиду непрекращающихся нападений чжурчжэней (например, урялха под предводительством Ли Манджу) корейское правительство еще не раз предпринимало демонстративные военные действия и создавало новые опорные базы в районе Амноккана. В 1433 г. был учрежден округ Часон за счет юго-западной части округа Ёён, в 1440 г.— Мучхан за счет юго-восточной части этого округа и в 1443 г.— округ Уе. Они получили название «четырёх округов (уездов)» («сагун»). Вместе с Часаном и Вивоном эти округа служили опорной базой освоения северо-западного района.

Однако оборонительные работы, проводившиеся вдали от заселенных районов, потребовали такого напряжения сил всего населения провинции Пхёнан, что не раз ставился вопрос об упразднении названных округов. Наконец, в середине 50-х годов под напором чжурчжэней решили оставить их, а оборонительную линию перенести к югу от излучины р. Амноккан. Однако корейское правительство вовсе не отказывалось от дальнейшей борьбы с чжурчжэнями за земли, расположенные к югу от р. Амноккан.

Последующие мирные взаимоотношения династии Ли и чжурчжэней перемежались с немирными. Когда в 1458 г. вожди цзяньчжоувэйских чжурчжэней Конаха (сын Ли Манджу) и Тонсан прибыли в Корею с изъявлением покорности, Седжон даровал им корейские чины. Но это вызвало протест минской династии, считавшей чжурчжэней своими вассалами и обвинявшей Корею в сговоре с ними против Китая. Корейскому правительству пришлось отказаться от дарованных чжурчжэням привилегий и ограничиться выдачей небольшого количества продовольствия. Это вызвало недовольство чжурчжэней, добивавшихся более широких связей и обменов. Испытывая нехватку продовольствия, они возобновили набеги на корейскую территорию. Пришлось снаряжать новые военные силы и отражать их нападения. Одновременно в знак лояльности к династии Мин корейское правительство посылало свои войска для совместной борьбы с чжурчжэнями. Однако далеко не всегда эти походы оказывались успешными. В среде цзяньчжоувэйских чжурчжэней постепенно росли антимиинские силы. Из их среды вышел впоследствии основатель маньчжурского государства Нурхаи.

Развитие производительных сил. Сельское хозяйство, ремесло, торговля

Укрепление централизации феодального государства и некоторые меры по упорядочению феодальной эксплуатации (ради ослабления социальных противоречий) способствовали подъему производительных сил страны. Не следует забывать, что государственные меры поощрения развития сельского хозяйства были обусловлены в первую очередь фискальными соображениями. Земледелие считалось первостепенным по сравнению со всеми другими занятием. Поощрение земледелия включало заботу о расширении посевных площадей, своевременном производстве сельскохозяйственных работ и совершенствовании агротехнической культуры. Наряду с этим оборона страны от набегов японских пиратов

и чжурчжэней, повлекшая за собой расширение пахотных земель за счет новых территорий, немало способствовала подъему сельского хозяйственного производства.

В XV в. наблюдался весьма заметный прогресс сельского хозяйства Кореи, особенно земледелия. Были приняты важные меры для обобщения многовекового опыта корейского крестьянства в обработке земли, уходе за зерновыми и другими культурами, селекции сортов, разработке методов повышения их урожайности. Без серьезного совершенствования орудий труда улучшилась обработка земли: стали применять зяблевую глубокую вспашку, ранние и уплотненные посевы, перешли от парового клина к севообороту. В качестве средства повышения плодородия почвы уже практиковался, например, посев такой бобовой культуры, как чечевица, и перепашка занятых ею полей для использования растений в качестве удобрения.

Наиболее заметными показателями развития производительных сил в сельском хозяйстве могут служить дальнейшее расширение посевов риса (во времена Седжона они распространились вплоть до крайнего северо-востока), выработка новых методов повышения его урожайности, например изменение способов посадки растений. Самым древним и примитивным был высев зерна на сухом поле и полив его после появления растений. Следующим, наиболее распространенным стал высев семян на орошенном или обводненном поле. Новым, более прогрессивным способом, появившимся в XIV в. и обеспечивавшим высокие урожаи, была высадка специально подготовленных рассад на обводняемые поля. Из Кёнсан и других южных провинций этот метод в XV в. начал распространяться на центральные провинции вплоть до Хванхэ.

Важным средством повышения урожайности риса и других зерновых стали отбор семян и выведение сортов, устойчивых к неблагоприятным природным условиям (ветрам, засоленным почвам и т. д.). Особое значение для борьбы с засухой имело выведение скороспелого сорта риса, созревавшего за 50 суток. В сельскохозяйственных сочинениях XV в. упоминаются многочисленные сорта риса, приспособленные к различным почвенно-климатическим условиям. Только в одной провинции Кёнги сеяли 27 сортов риса. К несомненным достижениям селекции относилось выведение крестьянином Ли Чодем (из уезда Онджин провинции Хванхэ) крупнозернистого проса (1424 г.). Двадцать колосьев этого проса, переданные им правительству, послужили основой для распространения нового сорта по всей стране. Производились работы по выведению лучших сортов ячменя.

Появилась «вспашка по стерне» и другие способы получения двух урожаев в течение года. Так, на сухих полях после уборки ячменя высевали бобы и другие растения, а на поливных землях в южных провинциях после уборки ячменя высаживали рассаду риса.

Все более широкое распространение самой урожайной зерновой культуры — риса — обеспечивалось дальнейшим развитием орошения. Строительство и ремонт ирригационных сооружений находились в центре внимания правительства. Указ 1414 г. обязал власти в провинциях приступить к мелiorации земель и восстановлению оросительных сооружений. В следующем году было восстановлено знаменитое в Южной Корее искусственное водохранилище Пёккольдже площадью 9840 кель. С учреждением в 1459 г. Чэон чеджо — специального Управления по строительству плотин и дамб — заметно усилилось ирригационное строительство. Согласно географическому описанию Кёнсан, только в этой провинции тогда находилось 622 оросительных сооружения.

Положительное воздействие политики феодального государства в ка-

кой-то мере проявилось и в развитии животноводства и внедрении технических культур. Для разведения лошадей, нужных армии, на ряде островов и в приморских районах были устроены государственные пастбища (по данным «Седжон силлок», их насчитывалось 58), на которых выращивали также крупный и мелкий рогатый скот. При активном содействии государства в XV столетии широко распространилась культура хлопка. Увеличивались посевы и других издавна существовавших в Корее технических культур: конопли, ванголя (растения, употреблявшегося для изготовления матов), бумажного, тутового и лакового деревьев.

Большую часть промышленных изделий, необходимых господствующему классу, феодальное государство получало с крестьянского населения в форме натуральной подати. Общая стабилизация положения крестьян и развитие производительных сил в сельском хозяйстве укрепили и домашнюю промышленность. Она производила основную массу пеньковых, хлопчатобумажных, шелковых тканей и тканей из рами, плетеных изделий, а также множество предметов из дерева, бамбука, соломы или тростника.

При общем преобладании натурального хозяйства продолжалось наметившееся ранее отделение ремесла от земледелия, особенно таких его отраслей, как выплавка и обработка металлов (производство сельскохозяйственных орудий, чугунных котлов, столовой посуды из латуни и пр.), выделка фарфоро-керамических изделий, производство бумаги, кожаной обуви, головных уборов, предметов роскоши. Однако дальнейшее развитие общественного разделения труда (и товарного производства в особенности) тормозилось политикой феодального государства, которое считало главной отраслью хозяйства земледелие и всячески сдерживало самостоятельное развитие ремесел и торговли.

В этих условиях главной формой отделившегося от земледелия ремесла стало казенное, основанное на подневольном труде мастеров, прикрепленных к центральным и местным правительственным учреждениям. В правление Седжона произвели регистрацию и составили списки приписанных ремесленников с определением их специализации и повинностей. Усиливая контроль во всех сферах жизни, феодальное государство старалось подчинить и наиболее искусных мастеров, чтобы получить необходимое количество ремесленных изделий, которые нельзя было собрать в виде поставок с крестьян.

Уложение «Кёнгук тэджон» определило общее число государственных ремесленников — столичных и провинциальных мастеров, их специализацию и принадлежность к соответствующим учреждениям. «Столичными мастерами» названы 2841 ремесленник, прикрепленный к 29 столичным учреждениям, включая Конджо. Так называемых внешних мастеров, приписанных к провинциальным и городским правительственным учреждениям, насчитывалось 3566. Общая численность постоянного штата государственных ремесленников не составляла и 7 тыс. Следует, однако, иметь в виду, что в это число входили лишь ведущие мастера, поэтому подсобные рабочие или другие помощники мастеров не учитывались. Наибольшим числом столичных ремесленников располагали Кунгиси (Оружейное управление) (644 мастера), Саныйвон (Управление по изготовлению одежды) (597 мастеров), Саонвон, ведавшее поставкой столового оборудования и организацией обедов для двора (380 мастеров), Сонгонгам (Строительное управление) (346 мастеров), и только следующее за ними место занимала Конджо — Палата общественных работ (261 мастер). Некоторые учреждения имели даже не более двух мастеров. Немногочисленные в целом столичные мастера производили разнообразную продукцию почти 130 наименований. Наибольшее

число ремесленников (более чем по 100) было занято выплавкой железа, ковкой и обработкой его, литьем и обработкой других металлов, а также производством фарфора и керамики, тканей, луков и стрел.

Провинциальные мастера занимались производством лишь 27 видов продукции. По «Кёнгук тэджон», 698 мастеров изготавливали бумагу, 392— травяные маты, 466— обрабатывали железо, 313— кожу, 255— выдсылавали луки, а 350 — стрелы, 311 — лаковые изделия, 340 — разнообразную посуду, деревянные предметы и другие мелкие вещи.

Регламенты, установленные для государственного ремесла и ремесленного производства вообще, позволяют судить об уровне развития производительных сил в промышленности. Находившиеся под государственным контролем добыча железной руды и выплавка железа представляли крайне примитивное ручное мелкое производство на всех стадиях металлургического цикла, хотя удельный вес этого производства был довольно высок по сравнению с другими отраслями ремесла и его состоянием в предшествующие эпохи. Еще в начале XV в. железа не хватало для нужд казны и его изымали у населения, а к середине века его производили уже в достатке и продавали населению в виде готовых сельскохозяйственных орудий. Когда в 1422 г. прекратилась уплата Миннам дани золотом и серебром, добыча драгоценных металлов была запрещена (под тем предлогом, что о ней могут узнать в Китае и потребовать возобновления поставок).

Весьма развитой отраслью ремесла было производство фарфоро-фаянсовых изделий и черепицы. Но и здесь государственная монополия и строгие регламентации тормозили производство (нарушение влекло за собой суровые наказания). Государственной монополией было также производство соли. Особенно высоко развитым было производство бумаги. В «Седжон силлок» упоминается около 20 сортов бумаги разного назначения, которые поставлялись из одной лишь провинции Чолла. И здесь ведущее место принадлежало казенному ремеслу, подчиненному особому ведомству по производству бумаги (Чоджисо).

Все ремесленники — как столичные, так и провинциальные, как крепостные, так и простолюдины, как на казенных, так и на частных предприятиях — не только несли государственные повинности, но и подлежали полнейшему контролю государства. И поскольку ремесло являлось составной частью общегосударственной структуры, то старшие из мастеров входили даже в чиновную иерархию (разумеется, самых низших рангов).

Положение ремесленников не может быть оценено однозначно. Если занесенные в реестр крепостные, работавшие в казенных мастерских, не имели никакой возможности вести производство для себя, то такие же ремесленники из числа простолюдинов располагали в этом смысле некоторыми возможностями, абсолютно исключенными и для большинства столичных мастеров, чья продукция производилась только для нужд двора и правительства. Зато изделия местных (провинциальных) ремесленников предназначались большей частью более широкому потребителю. О том, что эти ремесленники уделяли часть времени для производства **на себя**, свидетельствует уложение «Кёнгук тэджон», предусматривавшее, что «со всех ремесленников, за исключением тех дней, когда они находятся на государственной работе, следует брать налоги». Такие провинциальные ремесленники, как мастера по производству бумаги в Кёнсан (260), Чолла (236), Чхунчхон (131) и др., выступая в качестве мелких товаропроизводителей, могли вырасти в самостоятельных предпринимателей, если бы не было недремлющей системы надзора и регламентации со стороны феодального государства. Оно стремилось ве-

сти ремесленное производство под своим контролем, и эта политика в конечном счете могла стать (и действительно стала) фактором, задержавшим дальнейшее развитие производительных сил и общественный прогресс вообще. К второстепенным причинам, сдерживавшим развитие корейского ремесла, можно отнести и ввоз из Китая высокосортных шелков и предметов роскоши.

Тем не менее сдвиги, происшедшие в развитии производительных сил в сельском хозяйстве и ремеслах, появление избыточного продукта в хозяйствах крестьян или в производстве тех или иных видов продукции делали необходимым и развитие обмена, хотя существовавшая практика натурального обеспечения правящего класса на основе общегосударственной податной системы, дававшей почти все виды необходимой продукции, оставляла мало места для торговли и рыночного обмена.

В области торговли правительство династии Ли также проводило политику централизованного контроля и регулирования. Характерной чертой развития торгового капитала в эту эпоху было полное подчинение его классу феодалов и их государству. В первые годы новая династия проводила традиционную политику контроля над торговлей и рынками. Как и раньше, специальное управление (Кёнсисо) наблюдало за столичными рынками, устанавливало меры и вес, регулировало цены на товары и т. д. Затем (в 1412—1414 гг.) с целью удовлетворить нужды двора и государственных учреждений правительство приступило к строительству торговых заведений для столичных купцов, наделенных правами монопольной торговли. Как отмечалось в 1412 г. в «Тхэджон силлок», в Сеуле «начали создавать торговые заведения (сиджон) в виде рядов (хэннан) по правую и левую сторону улицы, более 800 помещений». Эти помещения, построенные вдоль главной улицы Чонно, заполнялись не только торговыми заведениями, но и некоторыми правительственными канцеляриями. Сдавая купцам торговые ряды, правительство требовало не только выполнения государственных повинностей, но и специальной платы за пользование помещениями.

Государственной повинностью сиджон была обязанность снабжать двор и правительство, за что они получали право монопольной торговли определенными товарами. Сиджон представляли собой своеобразные торговые корпорации (наподобие гильдий), находившиеся под контролем феодального государства, превратившего их в орудие эксплуатации народных масс. Самыми крупными из них являлись «югиджон» («шестерка торговых домов»), обслуживавшие вначале шесть основных ведомств центрального правительства. Помимо них существовало еще 31 торговое заведение, регулярно выполнявшее государственные повинности. Кроме того, 49 заведений, не имевших постоянных повинностей, эпизодически привлекались к их выполнению.

Основную роль в снабжении двора и правительства играла упомянутая «шестерка торговых домов» (как ее называли, «большая шестерка»), которая вначале одна только пользовалась правом преследовать нарушителей торговой монополии (закрывать лавки «дикарей», отбирать у них товары и т. д.). Впрочем, монополия привилегированных купцов постоянно нарушалась самими же феодалами, грабившими их, произвольно забиравшими товары по заниженным ценам, не возвращавшими долгов. Монополия горсточки привилегированных торговцев и феодальный произвол не только задерживали развитие товарного производства и торгового обмена, но и являлись порождением натурального характера феодальной экономики, при которой большая часть прибавочного продукта присваивалась господствующим классом непосредственно натурой и не поступала в рыночный оборот. Лишь самая небольшая часть ее на-

ходила в торговом обороте. Поэтому привилегированные торговые дома располагали в качестве товаров той частью предназначенных для продажи продуктов, которую получали в натуральном виде (в форме поставок) двор, государственные учреждения и отдельные чиновники, а также продукцией профессиональных городских ремесленников, продуктам сельского хозяйства и домашней промышленности, поступавшими на местные рынки, и, наконец, предметам ввоза из Китая и Японии.

Торговые дома в столице и некоторых других городах (например, в Кэсоне), равно как и купцы, занятые во внешней торговле, обслуживали нужды господствующего класса, обеспечивая обмен продуктами, находившимися в руках отдельных его представителей, причем феодальное правительство, строго контролируя действия купечества, следило, чтобы оно не получало слишком больших выгод.

При нарушении правил внешней торговли виновные, согласно «Кён-гук тэджон», подвергались смертной казни и другим тяжелым наказаниям.

Если привилегированные торговые дома предназначались для обслуживания правящих верхов, то потребность в товарном обмене мелких производителей (крестьян, ремесленников и пр.) удовлетворялась на местных рынках, стихийно возникавших в связи с развитием товарных отношений. В первые десятилетия правления династии Ли эти рынки почти отсутствовали, так как всячески преследовались властями. Когда в 1433 г. Седжону доложили, что государство теряет выгоды от рынков, какие получают в других странах (например, в Китае), тот ответил: «Если открывать рынки в окраинных землях, боюсь, что там будут собираться праздные люди». Рынки, по его мнению, будут отвлекать людей от земледелия, поэтому Седжон приказал и впредь не допускать их открытия.

Но потребности экономического развития оказались сильнее правительственных запретов. К 70-м годам XV в. стихийно выросли местные рынки в провинции Чолла, а уже в следующем столетии они распространились и в других южных провинциях. На эти рынки стекались местные крестьяне и ремесленники, а также побусаны (странствующие купцы), связывавшие между собой изолированные местные торжища.

Неразвитости товарных отношений соответствовало и крайне медленное развитие денежной системы. В первой половине XV в. потерпели неудачу попытки ввести денежные знаки — как бумажные (конмун чохва в 1401 г.), так и медные (чосон тхонбо в 1423 г.); по-прежнему преобладали натуральные деньги — зерно, полотно или листовая бумага. В «Кён-гук тэджон» отмечалось: «В качестве денег страны обычно используется полотно и бумага. Один пхиль настоящего (хлопчатобумажного?) полотна соответствует двум пхиль обычного холста. Один пхиль обычного холста соответствует 20 листам бумаги, а один лист бумаги соответствует одному сыну риса».

При неразвитости товарного производства и денежных отношений торгово-ростовщический капитал был полностью приспособлен к существующей феодальной системе, для которой он служил средством усиления эксплуатации народа. Но дело заключалось не только в подчиненной роли купечества. Существеннее было то, что феодальный класс и его государство поставили себе на службу грабительские методы купеческого и ростовщического капитала, ярко проявившиеся в откупной системе и в государственном ростовщичестве.

Система натуральных поставок породила специфическую сферу деятельности купеческого капитала — откупы. Конъины (откупщики) закупали необходимые продукты и ремесленные изделия, а затем поставляли

их государству от того или иного административного района, получая после этого право собирать в свою пользу полагавшися государству поставки и возмещать с лихвой авансированный капитал. Любопытно, что этот вид купеческого капитала представляли зачастую не собственно купцы (за исключением незначительного числа богатых торговцев — пусан тэго), а главным образом чиновники и янбаны.

Наибольший удельный вес в ростовщических операциях имело само государство. Под видом пополнения или обновления зерновых запасов, предназначенных на случай стихийных бедствий и для нужд армии, казна проводила ростовщические операции в масштабе всей страны. В правление Тхэджона был принят закон о раздаче зерновых ссуд на семена крестьянам, державшим военно-поселенческие наделы (тунджон), причем простолюдны должны были возмещать ссуду зерном нового урожая в 5-кратном размере, а казенные ноби — даже в 10-кратном. Высокий ссудный процент мотивировался необходимостью создать государственные запасы на голодные годы и военные нужды.

Сколь велики были зерновые запасы государства, находившиеся в ростовщическом обороте, можно судить хотя бы по тому, что с 1422 по 1447 г. недоимки по ссуде лишь в одной провинции Пхённан составили: из запасов армейского провианта — 217 211 сок очищенным рисом и 734 890 сок прочим зерном; из запасов на оказание помощи во время бедствий — 12 488 сок очищенным рисом и 123 433 сок прочим зерном. С возрастанием ростовщического оборота стало более строгим и взимание недоимок. В правление Сонджона (1470—1494) правитель уезда, имевший недоимки по зерновой ссуде свыше 10 сок, отстранялся от должности, а долги взимались незамедлительно. Поэтому «народ горько сетовал на это, умоляя о послаблениях».

Изменения в земельных отношениях

Основной тенденцией развития феодализма в Корее было постепенное возрастание удельного веса крупного землевладения (в виде имений — понджан), приходившего в постоянное противоречие с централизованной государственной системой, основывавшейся на верховном контроле государства над всем земельным фондом страны. В конце периода Корё, как известно, рост крупных земельных угодий принял такие масштабы, что угрожал самому существованию централизованного государства, парализуя его способность к борьбе против народных выступлений и к отражению внешней опасности. Реформы новой династии, направленные на укрепление централизованного государства, хотя и приостановили рост крупных земельных угодий, но не смогли ни ликвидировать их, ни предотвратить их развитие в будущем.

Сложность изучения этой проблемы состоит в том, что законодательные акты не отражали ясно самого процесса развития крупного землевладения. В основном юридическом памятнике эпохи — «Кёнгук тэджон» — были зафиксированы лишь отношения между государством как верховным распорядителем земельной собственности, присваивавшим ренту-налог, и различными категориями держателей земли, обязанных или не обязанных платить налоги в зависимости от характера их государственной службы или повинностей. Основываясь на принципе, что со всех земель полагалась государству рента-налог, законы касались лишь тех случаев, когда те или иные категории землевладельцев или освобождались от налогового обложения, или получали льготу по ренте-налогу, уплачивая ее в меньшем размере.

В «Кёнгук тэджон» различались следующие категории полей: чагёп муседжи — поля, обрабатывавшиеся самими владельцами, не платившими никаких налогов, так как они несли государственную службу или государственные повинности; муседжи — поля, освобожденные от государственного обложения, так как принадлежали дворцам или правительственным учреждениям; какча суседжи — поля, владельцы которых сами присваивали полагающуюся государству ренту-налог. К последним относились земли, принадлежавшие как отдельным чиновникам, так и государственным учреждениям.

По смыслу законов введение категорий земель конджон (государственные) и саджон (частновладельческие) означало лишь определение того, кто присваивал общегосударственную ренту-налог — само государство (казна) или частные лица, которым государство уступило свое право на ее присвоение.

Наиболее распространенными видами частновладельческих полей в начальный период правления династии Ли являлись кваджон (чиновные наделы) и кунджон (военные наделы). Юридически это были не земельные, а палоговые наделы, поэтому они не служат в полной мере показателями фактически существовавших земельных отношений. В реальной действительности развитие крупного частного феодального землевладения на протяжении XV в. происходило в рамках и так называемых государственных, и так называемых частновладельческих земель.

Несомненно, важным источником формирования крупного землевладения послужили кваджон, чикчон (пожалованные государством чиновные и служебные наделы), консинджон (наделы «заслуженных сановников»), а также пёльсаджон (особо пожалованные земли). Со всех этих земель только десятую часть ренты-налога (2 ту с 1 кёль) их владельцы отдавали государству в форме се — собственно земельного налога. Право присвоения ренты на землях консинджон и пёльсаджон передавалось по наследству; в результате эти земельные держания постепенно закреплялись в качестве фактической наследственной собственности.

То же следует сказать и о чиновных наделах (кваджон), учрежденных сначала только в пределах столичной провинции. Однако кваджон так усердно закреплялись по наследству, что земельный фонд Кёнги очень скоро был исчерпан. Согласно «Тхэджон силлок», уже в 1402 г. из 149 тыс. кёль пахотных земель 84 тыс. было там занято под кваджон, более 31 тыс. кёль — под консинджон, 4 тыс. кёль принадлежали храмам, а остальное находилось во владении государственных учреждений или держателей особо пожалованных земель.

Дальнейшая раздача чиновных наделов стала невозможной. В поисках выхода из создавшегося положения в 1417 г. было решено $\frac{1}{3}$ частновладельческих земель, преимущественно чиновные наделы, перевести из столичной в три южные провинции — Чхунчхон, Чолла и Кёнсан. Круг людей, получавших такие наделы, все более расширялся. Так, например, в 1426 г. был издан «Закон о чиновных наделах для государственных детей», по которому ближайшие родственники вапа (дети, братья) получали в качестве кваджон по 300 кёль, а более отдаленные родичи — от 250 до 150 кёль.

Исчерпав возможности раздачи кваджон, феодальное государство в 1467 г. отменило этот вид наделов и вместо него установило чикчон (должностные наделы), раздававшиеся только чиновникам, находившимся на действительной службе. Хотя размеры должностных наделов были меньше чиновных (от 100 до 10 кёль), для них оказалось затруднительным найти резервы свободной государственной земли; через де-

сять лет эти надельные стали чисто номинальными, когда было установлено, что держатели их будут получать натуральное вознаграждение, а непосредственный сбор ренты-налога возьмет на себя казна. Поскольку чиновные и военные надельные превращались фактически в наследственные владения, дальнейшая раздача их могла подорвать экономические позиции централизованного государства. Даже отмена их не остановила роста крупного землевладения.

В связи с развитием всех этих процессов усиливалась тенденция к отделению налога от ренты и их отдельному существованию.

Держатели саджон по закону должны были отдавать государству $\frac{1}{10}$ ренты в виде се (налога), присваивая себе ее основную массу. Обработывали же такую землю или простолюдины (в качестве арендаторов), или (в большинстве случаев) поби, причем землевладельцы требовали ренту отнюдь не только в размерах, определенных законом. Эти частновладельческие земли, представлявшие вначале только налоговый надел, ко второй половине XV в. фактически превратились в собственность их владельцев, имевших в своем распоряжении зависимых крестьян, эксплуатируемых в качестве крепостных. В «Седжо силлок» в 1459 г. отмечалось: «Сейчас среди подвластного населения восемь или девять десятых составляют частновладельческие подлые (сачжон) и около одной или двух десятых — простолюдины (янмин)».

Но рост крупного феодального землевладения происходил не только (и даже не столько) за счет закрепления пожалованных частновладельческих надельных, сколько путем концентрации у отдельных лиц различных категорий государственных земель, на которых право присвоения ренты-налога принадлежало государству. Формирование этой категории крупного землевладения исторически началось раньше, чем на юридически частновладельческих землях (кванджон и пр.), в форме так называемых народных полей (минджон).

Под общим названием «минджон» теперь значились все земли, находившиеся во владении отдельных лиц, обязанных платить государству ренту-налог. Владельцем полей типа «минджон» мог быть и крестьянин, лично обрабатывавший свой надел, и помещик, владевший крепостными и эксплуатировавший их на этой земле. Во втором случае возникал и дополнительный вариант отношений, характеризовавшийся тем, что помещик, владея большим количеством «государственной» земли, мог применять в качестве рабочей силы лично свободных (государственных) безземельных крестьян, превращая их в арендаторов. В этом случае рента распадалась на часть, поступающую государству (в установленном законом размере), и на часть, присваиваемую владельцем земли, который со своих арендаторов собирал ренту в размерах, значительно превышавших государственные нормы. Обычно арендаторы отдавали помещику половину урожая, тогда как установленный размер ренты-налога составлял десятую часть. Эта категория крупных землевладельцев сохранилась от предшествующей эпохи, хотя подпала под более строгий государственный контроль.

Но нередко и земли, закрепленные за государственными учреждениями, также оказывались в распоряжении частных лиц, например государственных чиновников, превращавших их в собственные владения. Уже через 14 лет после основания новой династии слышались жалобы на то, что «сановные лица (пхумгван) и провинциальные чиновники (хянин), заняв обширные поля, ссылают беглых крестьян для обработки этих полей исполу и тем причиняют [явный] ущерб владельцам полей саджон (частновладельческих), так как с каждого кель частновладельческих полей даже в урожайные годы их владельцы получают (по за-

кону) только 2 сок, тогда как с 1 кель, сданного в обработку исполу, забирают более 10 сок».

Таким образом, хотя закон о чиновных наделах ограничил размер ренты-налога одной десятой частью урожая, крупные держатели государственных земель (наделов типа минджон) творили полнейший произвол в отношении своих арендаторов. Уже в записях, относящихся к 1419 г., отмечалось, что «сейчас на один му государственного поля приходится один му частновладельческого, но в сборе налога нет между ними никакого сходства: с одного поля берут много и в больших размерах, а с другого — мало и в меньших размерах, поэтому народ не может не сетовать. Однако, несмотря на произвольные поборы хозяев земли, арендаторы (чонхо) покорно слушаются их».

Конечно, владельцы закрепляемых по наследству частновладельческих полей (кваджон, кунджон) также старались выколачивать из зависимых людей не менее половины урожая. С ростом минджон в значительной мере стиралась разница между государственными и частновладельческими полями, так как на тех и на других развивалась исполнительная система. И на государственных и на частновладельческих землях большую часть прибавочного продукта (ренты) присваивали их владельцы, отдавая меньшую часть казне.

По податному закону Седжона размер налога-ренты в пользу государства колебался от 20 (в самые урожайные годы) до 4 ту (в худшие годы) риса или других злаков с 1 кель полей. А доля налога (се) с пожалованных частновладельческих полей, как известно, была еще меньше (2 ту риса с 1 кель); тем не менее их владельцы жаловались на то, что собирают слишком мало ренты с зависимого населения.

Во второй половине XV в. стало уже неписаным правилом взимание со всего зависимого крестьянского населения половины урожая в качестве ренты — и на частновладельческих полях, и на землях, принадлежавших ванскому дому и правительственным учреждениям (на землях тунджон). В «Еджон силлок», в записи за 1469 г., сказано: «На землях тунджон всех уездов во всех провинциях установлено, что с будущего года, когда народ вспашет и засеет поля, половину дохода (урожая) передавать казне».

Итак, в рамках верховной власти государства над всем земельным фондом (или верховной государственной собственности на землю) явственно развивалась крупная частная феодальная собственность — как на номинально казенных, так и на номинально частновладельческих землях. В результате возникли огромные помдан, особенно распространившиеся к концу XV в., ко времени правления Сонджона, когда, по словам летописца, «огороженные поля простирались по горам и долинам, охватывая целые округа и уезды». Даже допуская возможность преувеличения, можно предположить, как происходил рост земельной собственности, которой распоряжались отдельные феодалы.

Самые крупные земельные угодья, разумеется, принадлежали царствующей династии и возвысившейся при ней чиновной аристократии. В «Кёнгук тэджон» предусматривалось, что земли Нэуса (Ведомства дворцового имущества) освобождаются как от всякого обложения налогами и повинностями, так и от любого контроля государственной администрации. Более того, с закреплением земельных угодий за знатными людьми постепенно поглощалось все большее количество земли и имущества соседних крестьян, сидевших на государственной земле.

В «Сонджон силлок» (1477 г.) рассказывается, что «среди потомственной знати и министров имеются лица, которые завладели обширными земельными угодьями (чонвон), огромными богатствами и доходами...

Богатые слуги этих влиятельных домов, не боясь государственных установлений, владеют во множестве высокими кладовыми зерна, растаптывают захолустные общины и обирают разбросанные деревни. И если кто-нибудь мало-мальски попытается возразить им, они хватают людей, их жен и детей, избивают кнутах их [старых] родителей. Как только попадаете у кого-нибудь плодородная земля, они захватывают ее себе; если они увидят жирную скотину, то тоже забирают себе, и так все вплоть до домашнего скарба, посуды и безделушек они превращают в свою добычу, пока не доводят деревни до полного запустения. А те, кто состоит в начальниках уездов, все боятся их влияния и не смеют перечить им».

Земельные угодья дворцов, храмов, чиновной знати, многочисленных родственников царствующей династии практически представляли самостоятельные феодальные владения, пользовавшиеся иммунитетными правами, ограждавшими от вмешательства государственной администрации. Поскольку сидевшие там крестьяне освобождались от всех государственных повинностей, многие из казенных крестьян, чтобы избавиться от тяжелых налогов и повинностей, часто отдавали себя под покровительство крупных земельных собственников. Это способствовало дальнейшему росту таких владений.

Но основными источниками роста частных имений являлись раздачи самого государства, запашки целины и заброшенных земель, различные формы частных земельных дарений и произвольные захваты. Крупные имения управлялись с помощью приказчиков (иногда ими являлись «побочные жены» — чхоп), а в качестве рабочей силы использовались ноби или арендаторы из числа простолюдинов и «подлых», а иногда и наемные работники. Число зависимых от них людей возрастало за счет беглых государственных крестьян.

Рост крупного землевладения, начавшись в первой половине XV в., в период укрепления государственной централизации, принял к концу века опасные для централизованного государства масштабы. В «Седжон силлок» (1424 г.) встречаются такие сообщения: «Асанский хозяин (ходжан) Ким Гын, захватив обширные земли, устроил множество поиджан и укрывает в них простолюдинов». В результате обширных земельных захватов сановных лиц и местных чиновников, заманивающих в свои владения беглых крестьян, указывалось в 1423 г., «беглые легко могут избежать повинностей, а принимающие — легко скрывать их, и в этом причина того, что стали неравномерными налоги и повинности».

С ростом крупного землевладения усиливалась неравномерность распределения пахотных земель. Как видно из «Седжон силлок», в 1436 г. даже в горной провинции Канвон, где медленнее развивалось крупное землевладение, из 11 538 хозяйств (100%) так называемые большие хозяйства (имеющие более 50 кель) составляли 0,1% (10 хозяйств), средние (имеющие более 20 кель) — 0,6% (71 хозяйство), малые (имеющие более 10 кель) — 14,2% (1641 хозяйство), слабые (имеющие более 6 кель) — 17,7% (2043 хозяйства) и очень слабые (имеющие менее 5 кель) — 67,4% (7773 хозяйства). Крайне немногочисленным крупным землевладельцам противостояла масса малоземельных крестьян. Пока невозможно выяснить, являлись ли земельные наделы слабыми и очень слабыми хозяйств собственными (на государственной земле) или арендованными у помещиков. Во всяком случае, для большинства провинций уже было характерно существование многочисленных арендаторов. Из доклада пхёнсанского уездного начальника в 1459 г. известно, что безземельные составляли около трети хозяйств.

С быстрым ростом крупного землевладения за счет лучших земель центральных и южных провинций так же быстро ухудшалось положение большинства крестьян, страдавших от усиления феодальной эксплуатации.

Классовая борьба крестьян и междоусобные распри феодалов

Укрепление централизованного феодального государства с его системой эксплуатации крестьянства в масштабе всей страны, а также параллельное развитие крупного феодального землевладения с испольной арендой закономерно привели к усилению феодальной эксплуатации и росту сопротивления крестьянских масс. Крестьянская борьба против феодального гнета становилась стержнем внутривосточной истории Кореи.

О нарастающем бремени феодальной эксплуатации можно судить по данным династических хроник. Уже в правление Тхэджона (начало XV в.) порицались захват чиновниками больших участков земли и сдача их в аренду с установлением ренты, которая в 5 раз превосходила официальные нормы, введенные властями для собственников частных полей. Мы уже отмечали, что и обладатели последних (держатели кваджон и пр.) не хотели отставать от помещиков на государственной земле и старались выколотить из зависимых крестьян ренту в размерах, далеко превосходивших законные нормы. Именно в связи с этими тенденциями правительство Седжона в 1419 г. указало, что в случае взимания владельцами саджон чрезмерной ренты-налога обрабатывающие их землю крестьяне могут подать жалобу, чтобы в этом случае казна могла изъять незаконно собранные суммы. Требования правительства, как можно полагать, остались только на бумаге, так как ни один простолюдин не осмелился бы жаловаться на своего хозяина, ибо многочисленные правила строго оберегали привилегии янбанов и грозили тяжкими карами за покушение на их честь. Кроме высокой продуктовой ренты, уплачиваемой помещику, частновладельческие крестьяне были обязаны нести ряд дополнительных повинностей: летом косить для него траву, зимой поставлять солому, древесный уголь, транспортировать полагающуюся хозяину долю урожая и т. д.

С постепенным ослаблением государственного контроля над частновладельческими землями и превращением их в фактическую частную собственность сидевшие на них крестьяне превращались на деле в крепостных, хотя в сословном отношении могли оставаться еще простолюдинами. По мере роста крупного землевладения ухудшалось положение не только крестьян, находившихся в непосредственной зависимости от помещика и подвергавшихся неограниченной эксплуатации. Развитие крупного землевладения прямо повлияло и на положение тех, кто имел свои наделы на государственной земле. С увеличением числа крестьян, попавших в зависимость от крупных землевладельцев, но освободившихся от несения государственных повинностей (например, в результате отдачи под покровительство влиятельных феодалов), все более тяжелым стало положение крестьян, остававшихся на государственной земле.

Для многих единственным средством избавления от невыносимых государственных повинностей было бегство. В официальных документах («Мунджон силлок», например) отмечалось, что беглые стремились заселить пустынные острова, но по мере налаживания правительственной администрации в новых местах и появления налогов и повинностей они

опять убегали в поисках незаселенных земель. Бегство приносило лишь временное избавление от тяжелых феодальных поборов, преследовавших их буквально по пятам. Для спасения от голодной смерти крестьяне нередко переходили к прямому сопротивлению феодальному гнету, создавая вооруженные отряды разбойной вольницы.

Уже во времена Седжона происходили массовые голодовки крестьян и их стихийные восстания. В 1443 г. страшный голод обрушился на провинцию Хамгён. С 4-го месяца толпы бродяг в поисках пищи хлынули на большие дороги, но находили только смерть на их обочинах. Бесчисленные трупы валялись непогребенными. В голодные годы усиливались крестьянские выступления, которые феодалы называли «разбоем». В 1446 г. произошло довольно крупное восстание крестьян в провинции Пхёнан, а в 1467 г. восстания охватили провинции Кёнги, Хванхэ и Канвон. Действия «банд разбойников» («кундо») составители «Седжон силлок» связывали с неурожаями и тяжелой жизнью народа. В докладе Ёйджонбу в 1447 г. отмечалось: «Прежде и теперь вызывает озабоченность то, что банды коварных и вероломных людей не занимаются земледелием, а живут грабежом. Но в последнее время, когда нет обильных урожаев, а жизнь народа стала тяжелой и горькой, по сравнению с прошлым еще больше стали собираться в разбойные банды, и дело доходит до того, что даже под самой столицей они орудуют без всякого страха, захватывая имущество и уводя лошадей и крупный рогатый скот».

Борьба крестьян либо носила пассивный характер (бегство), либо принимала форму разрозненных активных действий. Необходимо отметить, что более или менее крупные выступления крестьян, как правило, переплетались с политической борьбой между различными группировками внутри господствующего класса и направлялись его представителями. Со второй половины XV в. наблюдалось усиление междоусобной борьбы феодалов.

Несмотря на определившийся порядок престолонаследия и укрепление монархической власти при Тхэджоне и Седжоне, в дальнейшем сложившийся порядок нарушался и разгоралась острая борьба за престол между членами царствующей династии. Когда после кратковременного правления Мунджона на престол вступил его 12-летний сын Танджон (внук Седжона), в борьбе за власть принял участие его дядя, честолюбивый и влиятельный великий князь Суян (второй сын Седжона), который прежде всего стремился подорвать влияние «заслуженных сановников», возвысившихся в прежние царствования. Интригами он добился казни таких преданных царствующему вану сановников, как Ким Джонсо и Хван Боин, занял пост главного министра и захватил всю военную власть в центре и на местах. Учтивая создавшееся положение, молодой ван в 1455 г. уступил престол великому князю Суяну, который вошел в историю как ван Седжо (1456—1468).

Эти узурпаторские действия Седжо, несовместимые с конфуцианской этикой, вызвали оппозицию влиятельных сановников. Одна группа их во главе с Сон Саммуном пыталась восстановить на престоле Танджона, но потерпела неудачу. В результате шестерых министров казнили, а находившийся в ссылке Танджон был убит. Другая группа видных конфуцианских ученых и сановников во главе с Ким Сисыпом в знак верности законному вану демонстративно отказалась служить узурпатору и ушла от политической жизни.

Ведя борьбу против враждебных сановников из числа конфуцианских ученых, ван Седжо стремился найти опору в новых силах. Изменив прежнюю политику по отношению к буддийской церкви, он стал оказывать ей всяческое покровительство. При нем буддийские монастыри по-

лучили значительные земельные пожалования. В столице был возведен величественный храм Вонгак, от которого сохранилась и поныне великолепная мраморная пагода в центральной части Сеула. Широко было организовано издание буддийской литературы, предоставлялись различные льготы монахам. Для обеспечения церкви средствами и служителями правительство стало продавать патенты (точхоп) на звание буддийского монаха. В результате почти 100 тыс. человек, приобретших точхоп, избавились от военных, трудовых и других государственных повинностей.

В целом традиционная внутренняя и внешняя политика Седжо преследовала цель укрепления монархии и централизованного государства. Для увеличения налоговых поступлений и военных ресурсов правительство предприняло перемеривание пахотных земель в южных провинциях и строго проводило закон о ношении именных табличек. Велась активная борьба с чжурчжэнями на северной границе.

Многообразная деятельность правительства потребовала огромных средств; государственная эксплуатация крестьянства усилилась. Политика вана не только усугубила недовольство крестьян, но и привела к столкновению с теми феодалами, которые до этого не испытывали жестокого контроля и давления со стороны правительства.

Именно такое положение существовало в провинции Хамгиль, которая удалена от центра и играла особую роль в обороне страны от чжурчжэней; долгое время она оставалась на особом положении и была более независима от правительства, чем остальные провинции. Выросшие здесь местные феодалы располагали большими землями и множеством зависимых крестьян, но не знали сурового контроля над собой. Среди них были и такие, которые, как земляки Ли Сонге, оказали услуги в возвышении новой династии и пользовались особыми привилегиями. Однако феодалы бедной ресурсами, неразвитой в хозяйственном и культурном отношении провинции не смогли играть ведущей политической роли, подобно янбанам центра, и не заняли влиятельного места в феодальной иерархии. В их среде стало расти затаенное недовольство своим положением. Этим можно объяснить конфликт с правительством, в который вступили феодалы провинции Хамгиль, стараясь использовать и очень важную роль провинции в защите от чжурчжэней, и недовольство населения, страдавшего от многочисленных повинностей, связанных с пограничной службой и поставкой в центр местных продуктов.

В 1453 г. произошло выступление Ли Джынока, явившееся как бы отдаленным эхом политической борьбы в столице. Ли Джынок, выходец из провинции Кёнсан, выдвинулся благодаря своим военным заслугам в период создания «шести крепостей». С возвышением при дворе бывшего губернатора провинции Ким Джонсо по его предложению на этот пост был выдвинут Ли Джынок. Но после переворота Суяна и убийства Ким Джонсо Ли Джынок без всякого основания был смещен с поста и заменен Пак Хомуном. Возмущенный несправедливой отставкой, Ли Джынок убил Пак Хомуна и затем, собрав войска, направился на север, в Чонсон, где провозгласил себя «императором Великой Цзинь», добываясь поддержки чжурчжэней. Однако вскоре Ли Джынок был схвачен и убит, и заговор провалился. Так закончилось первое выступление против династии Ли, вызванное сепаратистскими устремлениями феодалов провинции Хамгиль.

В 1465—1466 гг. ван Седжо проводил меры по усилению контроля правительства над окраинами (перемеривание земельных площадей, расширение военных повинностей и т. п.). Податное бремя всего населения этого района, и без того страдавшего от недостатка продовольствия

и одежды, от тягот пограничной жизни, выросло. Особенно большое возмущение народа вызвало введение нового налога хлопчатобумажными тканями, которые не производились в этой провинции. А местные помещики были недовольны тем, что правительство стремилось на всех административных постах заменить местных жителей выходцами из центральных и южных провинций, открыто выражавшими свое презрение к местным яббанам. Эта политика вызвала восстание местных помещиков, которые в борьбе против правительства могли рассчитывать на широкую поддержку недовольных крестьян.

В обстановке всеобщего возбуждения крестьян, вызванного несправедливым налогом, начали свое выступление местные богачи (ходжок) во главе с Ли Сиэ. Ли Сиэ принадлежал к влиятельным феодалам г. Кильчу, располагавшим широкими связями и в других уездах провинции. В источниках говорится, что он «собрал под своей властью множество местных простолюдинов... на обширном пространстве владел плодородными полями... накопил состояние в несколько десятков тысяч сок». К 1464 г. он достиг должности начальника уезда Хверён, но из-за траура в семье подал в отставку. Находясь дома, Ли Сиэ с возмущением узнал о проводимой правительством замене чиновников местного происхождения, а также о мерах по осуществлению закона об именных табличках, препятствовавшего свободному передвижению населения. Местные помещики могли лишиться многих зависимых людей, которых по закону следовало водворить в места прежнего жительства.

Именно в это время Ли Сиэ подготовил заговор. Распустив слухи о том, что правительство собирается послать сухопутные и морские войска, чтобы истребить все население провинции Хамгиль, Ли Сиэ и его сторонники в 5-м месяце 1467 г. подняли восстание. Убив уездного правителя Соль Джынзина и воинского начальника Кан Хёмуна, Ли Сиэ вместе с братом Ли Сихапом и шурином Ли Мёнхо захватили власть в Кильчу. Ли Сиэ объявил себя военачальником провинции Хамгиль; различные звания присвоили и его помощники. Связавшись с другими уездами, они призвали истребить всех чиновников, происходивших не из этой провинции. Под руководством объединений местных янбанов (юхансо) народ, следуя этим призывам, почти по всей провинции нападал на правительственные учреждения и убивал присланных начальников (в Хамхыне был убит губернатор провинции), а также всех приезжих из столицы, включая купцов и буддийских монахов.

Стремление народных масс защитить себя от грозящего истребления (чем пугали народ сторонники Ли Сиэ) и избавиться от ненавистных угнетателей позволило Ли Сиэ сколотить значительные силы из местных крестьян, имевших определенные воинские навыки, так как военная служба была для них одной из основных повинностей. Учитывая крестьянский состав повстанцев, некоторые современные исследователи называют выступление Ли Сиэ крестьянской войной в провинции Хамгён. Однако нельзя забывать, что движение в Хамгён развертывалось в целом под лозунгами местных помещиков, добивавшихся только большего участия в решении административных дел провинции. Так, сразу же после захвата Кильчу люди Ли Сиэ направили в Сеул гонца с извещением, что Кан Хёмун и другие казнены за то, что якобы намеревались использовать войска провинции Хамгиль для государственного переворота в столице, сговорившись с такими сановниками, как Хан Мёнхве и Син Сукчу (на деле же это были преданные вану Седжо сановники).

Ссылаясь на возбуждение народа, Ли Сиэ и его сторонники просили вана немедленно назначить на все посты в провинции только местных уроженцев. Разгневанный Седжо назначил молодого князя Ли Джуна

командующим карательными войсками четырех провинций (Хамгён, Канвон, Пхёнан и Хванхэ) и приказал подавить мятеж. В конце 6-го месяца в районе Пукчхона развернулись ожесточенные сражения между повстанцами и продвинувшейся на север 30-тысячной правительственной армией. Нанеся первые успешные удары по карателям, повстанцы, однако, не сумели закрепить успех и отступили. В конце 7-го месяца каратели захватили Пукчхон, а повстанцам пришлось занять оборонительные позиции к востоку от города — в Маннёне. Когда правительственные войска зашли в тыл оборонявшимся, те вынуждены были отступить в восточном направлении. Вернувшись в Кильчу, Ли Сиэ забрал ценности и отступил в Кёнсон, поближе к чжурчжэням, но был схвачен изменившими ему бывшими сторонниками из числа местных помещиков. Его обезглавили перед строем правительственных войск.

Так потерпела поражение еще одна попытка местных феодалов организовать борьбу против центрального правительства при опоре на недовольное население или на возможную помощь чжурчжэней.

После восстания в провинции Хамгиль центральное правительство вынуждено было несколько ослабить поборы с местного населения (отменило налог хлопчатобумажными тканями), но в целях укрепления своей власти распустило местные объединения янбанов, разделило провинцию на две полупровинции, повело активное наступление на пограничных чжурчжэней.

Что касается крестьянского движения в южных провинциях, где все более обострялись противоречия между растущим частным землевладением и обезземеливающимся крестьянством, то активная крестьянская борьба там по-прежнему принимала форму партизанских действий вооруженных отрядов беглых крестьян. Иногда собирались и весьма значительные силы. Так, в 90-е годы XV в. в провинции Хванхэ действовал крупный отряд повстанцев, возглавленный прославленным «разбойником» Ким Мактоном (или Ким Ильдоном).

**ОСЛАБЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
(XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.).
БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА
ПРОТИВ ЯПОНСКИХ И МАНЬЧЖУРСКИХ НАШЕСТВИЙ**

**Социально-экономические изменения
в Корее в XVI в.**

Централизованное феодальное государство с начала XVI столетия обнаружило явные признаки упадка, о чем свидетельствовали и острое недовольство народных масс, и ожесточенные распри внутри правящего класса.

В этих событиях отразились прежде всего изменения в экономике феодального общества. С конца XV в. все более быстро развивались процессы, наметившиеся уже в середине этого века. Рост крупного землевладения феодалов принял такие размеры, что серьезно ослабил установленную в начале правления династии Ли верховную власть государства над всем земельным фондом страны. Владельцы крупных земельных угодий развернули ожесточенную борьбу за дальнейшее их расширение путем захвата чужих земель. Частное землевладение особенно возросло за счет таких земельных пожалований, как консинджон и пёльсаджон, дававшихся «заслуженным сановникам». Так, например, Лю Джагвану, получившему звание «заслуженного сановника», принадлежали плодороднейшие земли в окрестностях Янсона, Конджу, Ёнсана, Ынджина, Ёсана, Имсиля и других городов. На этих землях сидели многие сотни крепостных.

Но частные земельные угодья феодалов росли не только за счет пожалований «заслуженным сановникам». Земли, приписанные к местным государственным учреждениям и службам (и составлявшие категорию государственных земель), присваивались местными янбанами, входившими в разряд средних или мелких феодальных собственников. В их ряды попало и немало стихийно выросших деревенских богачей (тхохо). Даже некоторые крепостные влиятельных янбанов смогли занять такое количество земли, что выплачивали до 2 тыс. сок риса в виде выкупа от крепостного состояния.

С ростом частного землевладения и сосредоточением все большего числа крестьян на землях отдельных феодалов (вследствие превращения государственных крестьян в частновладельческих ноби) происходило экономическое и политическое ослабление правительства, так как сокращались его доходы из-за уменьшения податного населения. С конца XV в. годовые поступления земельного налога не превышали 200 тыс. сок зерна при расходах в 190 тыс. сок. По мере расширения своих земельных угодий

феодалная знать добивалась уменьшения государственного обложения, поэтому величина земельного налога была заморожена на самом низком уровне и составляла не более 4—6 ту зерна с одного кель (как известно, это был уровень годов с самой низкой урожайностью).

Вместе с тем из-за ослабления контроля правительства над всем земельным фондом затруднялись дальнейшие земельные раздачи, которые практически были возможны лишь в результате конфискации земли у старых ее владельцев. В известной мере этим объяснялась и острая политическая борьба между различными группами феодалов за преобладающее влияние на правительство, что сулило победителям и умножение собственных земельных владений. Неизбежные в этих условиях острые финансовые затруднения правительства (например, в правление князя Ёнсана) вынуждали его прекращать земельные пожалования «заслуженным сановникам» или даже конфисковать земли буддийских монастырей, чтобы за их счет обеспечить приближенных вана.

Что же касается чикчон (должностных наделов), то они, как известно, были только номинальными; ими распорядилось само правительство, собиравшее ренту-налог и обеспечивавшее их «держателей» дополнительным натуральным жалованьем. Из-за финансовых затруднений правительство нередко прекращало выдачу зерна за должностные надель (например, в связи с голодом в 1512, 1525 и 1534 гг.). В 1557 г. оно вообще отменило эту категорию служебных наделов — компенсация за них стала затруднительной для казны ввиду того, что большое количество частных владельческих земель вышло из-под государственного налогового обложения (под предлогом непригодности земли, неурожаев и т. п.). Но, с другой стороны, факт отмены компенсаций за чикчон (служивших небольшим добавлением к натуральному жалованью чиновников) свидетельствовал, что с превращением чиновников в частных феодалных землевладельцев эта дополнительная натуральная оплата не имела уже существенного экономического значения. Зато для всего господствующего класса куда более важной стала борьба за землю, приобретаемую различными махинациями или в яростных схватках с политическими противниками.

С начала XVI в. вся история феодалной междоусобной борьбы полна примеров захвата обширных земельных угодий и большого числа ноби столичной знатью и утраты этих богатств после потери власти. Так, в 1565 г. после казни крупного сановника Юн Вонхёна были конфискованы принадлежавшие ему пахотные земли и крепостные, находившиеся буквально во всех частях страны. О другом, менее влиятельном представителе старой землевладельческой знати летописцы сообщали в 1569 г.: «Если у кого был дом, то он всяческими уловками отбирал его; если у крестьян были хорошие поля, то он их прямо захватывал и таким образом завладел большим количеством плодороднейших земель и превратил их в свои имения, куда собирал [принадлежавших государству] простолюдинов и подлых... Дело доходило до того, что под предлогом преследования разбойников убивал население целой деревни, чтобы присвоить землю».

В общей борьбе за захват земли впереди находилась царствующая династия. Так как государственная собственность на землю постепенно превращалась в номинальную, а доходы от поземельного обложения все более сокращались, члены царствующей династии сами стремились стать реальными собственниками земли и для этого увеличивали владения Ведомства дворцового имущества. Летописи времен династии Ли сохранили свидетельства о безжалостных земельных захватах. В 1501 г. правитель князь Ёнсан отнял у крестьян все орошаемые земли в районе знаменитых на всю страну плотин Сучхон (в Пхёнтхэке) и Хапток (в Токсане) и пе-

редал их княжне Хёнсук. Причем население, которое само строило плотины, потеряло в результате 70 домов и более 100 кель пахотных земель, не получив никакого возмещения.

С отменой в 1516 г. ростовщической деятельности Нэсуса усилились земельные захваты этого ведомства, прибегавшего к самым коварным ухищрениям. Примером может служить попытка Нэсуса завладеть орошаемыми землями у плотины Моси в Сочхоне (провинция Чхунчхон), которыми многие десятилетия пользовались построившие ее местные крестьяне. В 1545 г. один из местных помещиков, некий Кан Джансон, занес в поземельный реестр на свое имя 100 кель пустующих земель за пределами орошаемой зоны, а затем, переделав в документах цифру 1 на 3, стал заявлять претензии и на 200 кель крестьянских полей. Потерпев неудачу, он продал 200 кель «спорной» земли Нэсуса (формально — дворцовому крепостному, который «преподнес» ее своим хозяевам). Несмотря на явный подлог, Нэсуса пыталось отстоять свои «права», но вынуждено было отступить перед возмущением крестьян.

Именно такие примеры имел в виду доклад на имя вана, поданный в 1552 г. из Саганвон, где говорилось: «Сейчас влиятельные люди, занявшись захватом чужих земель и ноби, не разбираются в средствах, затевая незаконные тяжбы или подделывая документы. Самые наглые [из них] ложью и клеветой иногда доводят людей до грани смертельной опасности... Поэтому потерявшие свою землю и крепостных считают за счастье, если остались в живых, даже не помышляя о попытках вернуть утраченное имущество... А к Нэсуса к тому же примазались мошенники из ноби и совершают различные махинации... Ввиду этого, даже имея землю и крепостных, люди без влияния в конце концов теряют их, так как их все равно отнимут влиятельные крупные чиновники или Нэсуса».

Нэсуса не ограничивалось пахотной землей, оно захватывало леса, луга, рыболовные угодья, реки и морское побережье; люди не могли ловить рыбу в море, так как стоило пристать к берегу, как улов забирали «хозяева» из Нэсуса. Они посягали даже на камышовые болота в провинции Хванхэ.

От высшей дворцовой знати не отставали и другие феодалы — как крупные, так и мелкие, — стремившиеся захватить побольше земли в свою собственность. В 1518 г. в беседе с ваном чиновник Лю Ок сказал: «Весь народ живет за счет своей земли, но сейчас богатые семьи (ходжок) так ее захватывают, что бедные и нуждающиеся люди вынуждены продавать даже унаследованные от предков поля, поэтому богачи присоединяют к своим владениям все межи, а беднякам не остается даже места, чтобы воткнуть шило. Не было еще такого времени, когда богачи богатели бы так сильно, а бедные становились настолько беднее».

В другом докладе сообщалось: «В таких округах, как Сунчхон (Чолла), в домах богатых и сильных людей накапливается до 10 тысяч сок зерна, иногда до 5—6 тысяч сок. Количество высеваемого зерна достигает 200 сок... В таких округах вести хозяйство могут только 2—3 человека, а остальным не остается земли».

Как видно из сказанного, наряду с крупным землевладением высшей (прежде всего дворцовой) феодальной знати уже в начале XVI в. во всех провинциях развивалась частная земельная собственность стихийно выросших местных богачей, располагавших часто сотнями кель пахотной земли. Эти большие владения образовались не только в результате насильственных захватов, но и за счет купли наделов у бедняков и изъятий у несостоятельных должников. Крупные земельные собственники большей частью сдавали свою землю безземельным крестьянам в аренду и полу, но, по-видимому, вели и собственное хозяйство, судя по тому, что

высевали на своих полях сотни сок зерна. В качестве рабочей силы они использовали беглых казенных крестьян.

Так из бывших государственных крестьян складывался слой крестьян частнозависимых, хотя и лично свободных. Число этих крестьян, незаконно укрываемых от государственных повинностей, особенно быстро возрастало в южных провинциях, прежде всего в Чолла.

Рост земельных захватов не мог не вызвать беспокойства правительства. В середине 40-х годов XVI в. оно издавало указы, грозившие наказаниями за захват земли и превращение государственных крестьян в частнозависимых. В указе 1546 г. говорилось: «Бессовестные действия местных богачей (тхохо) можно наблюдать во всех восьми провинциях, но особенно ужасны они в трех южных... Зло, причиняемое ими путем захвата крестьянских земель или насильственного подчинения простолюдинов, сильнее, чем от варваров».

Различные проекты предотвращения бед, грозивших государству, большей частью отражали настроения мелких и средних янбанов, стремившихся ограничить крупное землевладение (50 или даже 10 кель на хозяйство). Но даже такие умеренные проекты реформ могущественная знать решительно отвергала. Острая политическая борьба, разгоравшаяся в этой связи, свидетельствовала о столкновении интересов различных слоев господствующего класса.

Происходившие в XVI столетии перемены в земельных отношениях означали усиление феодальной эксплуатации в целом. Захват феодалами больших земель и множества зависимых крестьян (эксплуатация которых не ограничивалась никакими законами) не привел одновременно к ограничению эксплуататорской роли государства, так как снижение доходов по земельному налогу-ренте правительство компенсировало за счет других форм эксплуатации. Уменьшение земельного налога (до 4—6 ту с 1 кель) объяснялось только стремлением крупных землевладельцев увеличить свою долю в присвоении феодальной ренты, но вовсе не уменьшением этого бремени для крестьян, так как феодальное государство усиливало поборы по натуральным и военным повинностям, введенным к уплате новых налогов. Более того, и по земельному обложению правительство нарушало свои собственные законы и стало облагать налогами даже пустующие и заброшенные земли.

Кроме того, центральные ведомства широко практиковали ростовщическую эксплуатацию. С конца XV в. повсеместно распространились склады санпхенчхан, которые создавались якобы в целях регулирования цен на зерно для блага народа (путем закупок при изобилии и продажи при дороговизне), но практически их зерновые запасы находились в ростовщическом обороте. Официально ссудный процент составлял десятую часть, а практически поднимался до 20—30 и больше. Широко практиковало ростовщичество и Нэсуса, грабежи которого приняли такие возмутительные формы в конце XV — начале XVI в., что могли вызвать народные волнения. Поэтому в 1516 г. ростовщичество Нэсуса было формально отменено (хотя отмена означала не прекращение этой формы эксплуатации, а лишь некоторое сокращение ее).

Взросшее стремление казны забирать как можно больше местных продуктов усугублялось существованием откупной системы, произвольно установленным перечнем поставок (когда собирали предметы, не производившиеся в данной местности), требованием редких животных и птиц (добывание которых было связано с огромными усилиями, даже риском) или поставок на несколько лет вперед.

Отмечая тяжесть этих поставок, разорявших крестьян, крупный ученый второй половины XVI в. Ли И (псевдоним Юльгок) писал: «Сейчас

во многих районах большую часть поставок составляют предметы, которые не производятся на месте. Эти поставки так согласуются со здравым смыслом, как если бы рыбу ловили на деревьях, а птиц ловили с корабля, поэтому [необходимые предметы] приходится приобретать в других местах или [непосредственно] в Сеуле. Даже если народ в сто раз больше затратит на их приобретение, все равно не могут быть достаточно удовлетворены потребности государства. А между тем все время сокращается число крестьянских дворов и все больше приходят в запустение поля, поэтому то, что в старину поставляли 100 человек, в последние годы поставляли 10 человек, а теперь берут с одного человека. Дело пошло к тому, что с исчезновением этого единственного человека не с кого будет требовать поставок».

Чтобы устранить несправедливость, Ли И предлагал провести податную реформу, которая заменила бы все подати одним зерновым налогом (по 1 ту с каждого кель земли). Но этот проект не был принят тогда правящими кругами.

Не менее обременительной была военная повинность, являвшаяся важной формой феодальной эксплуатации крестьянства. Установленный прежде порядок поочередного несения военной службы серьезно изменился в XVI столетии, когда список военнообязанного населения всячески расширяли для дальнейшего увеличения военного налога тканями «капхо» («выкупного полотна»). Дело заключалось в том, что в результате роста крупного землевладения влиятельными сановниками были захвачены земли, прикрепленные ранее к военным учреждениям и предназначенные на содержание войск. Для военных чиновников эксплуатация военнообязанного населения осталась единственным источником существования, и они требовали от военнообязанных поставки все большего количества полотна (игравшего, как известно, роль денег).

Так, в начале XVI в. один военнообязанный в пехоте должен был поставлять 17—18 пхиль хлопчатобумажных тканей, а на флоте — 20 пхиль. Возмущение против такого чудовищного грабежа росло, поэтому правительство решило легализовать в масштабе всей страны практику взимания с военнообязанных полотна, но ограничить размер налога. В 1537 г. был издан закон, обязывавший всех занесенных в воинский реестр, но не несущих действительной военной службы уплачивать по 2 пхиль хлопчатобумажных тканей (которые впоследствии назывались «кунпхо» — «воинское полотно»). Эти средства должны были использоваться для снаряжения войск, но практически они шли на паразитическое потребление чиновников; военный налог стал дополнительным средством эксплуатации крестьянских масс.

В связи с превращением в частновладельческих ноби значительной части государственных крестьян, которые, однако, продолжали числиться в воинских реестрах, их повинности по условиям круговой поруки падали на остальных крестьян. Коснувшись ужасных последствий этой практики, Ли И писал: «Если убегал военнообязанный, взимали за него с родственников и ближайших соседей, но если убегали эти родственники и ближайшие соседи, то брали с их родственников и ближайших соседей, так что это беспредельное преследование с взиманием налога может в конце концов прекратиться лишь в том случае, когда убежит все население страны, а вся земля превратится в пустошь».

Военные повинности становились практически невыполнимыми. Они не только разоряли крестьян, но и служили причиной сокращения военнообязанного населения и упадка всей системы обороны страны. Установившийся обычай выкупа от воинской повинности означал распад старой военной организации, основанной на принципе всеобщности воин-

ской повинности. Так, хотя к 1575 г. по воинскому реестру значилось столько же войск, что и в 1523 г. (т. е. 180 тыс. регулярных войск, состоявших преимущественно из казенных крестьян, и 120 тыс. «смешанных», включавших и людей «подлого» сословия), однако в действительности в распоряжении правительства находилось не более тысячи боеспособных воинов.

Усиление феодальной эксплуатации обуславливалось не только тяжестью поставок и военных повинностей, но и возрастанием общего числа паразитических элементов, занятых обслуживанием высшей феодальной знати и государственных учреждений. Число различного рода мелких писцов и делопроизводителей намного превосходило то, которое было предусмотрено в «Кёнгук тэджон». Если учесть, что для этой многочисленной категории мелких чиновников не полагалось жалования, то можно представить, с какой жадностью все они набрасывались на народ при сборе налогов и податей.

Еще одним показателем усиления гнета являлось возрастание числа поб, попавших в полную зависимость от феодальных собственников земли. Этот процесс был вызван не столько естественным приростом подневольного населения, чье крепостное состояние было наследственным, сколько постоянным притоком в ноби государственных крестьян, не выдержавших невыносимой эксплуатации. Значительная часть разорившихся или беглых крестьян так или иначе попадала в кабалу к крупным землевладельцам.

Касаясь положения, сложившегося в стране к концу 60-х годов XVI в., Ли И писал: «Если все останется по-прежнему, то через какие-нибудь несколько лет народ непременно восстанет, а страна погибнет (расколется земля). И в особенности не может не волновать то, что народ настолько истощен, что сил у него не больше, чем у лежащих мертвецов, а дух его столь слаб, что трудно поддержать его даже в мирные дни. А что если надвигнется внешняя опасность с севера и юга? Не уподобится ли он тогда листочку, вырванному ураганным ветром?»

Народные выступления против феодального гнета. Междоусобная борьба феодалов и появление «партий»

Рост крупного землевладения и ослабление централизованного государства в XVI в. привели к обострению классовых противоречий, а также политической борьбы внутри господствующего класса. Спротивление народных масс нарастало. Усилилось массовое бегство крестьян с насиженных мест. Отчаявшись в своих попытках найти пристанище, где не преследовали бы сборщики податей или местные богачи, многие из беглых крестьян создавали вооруженные отряды и открыто давали отпор угнетателям. В XVI в. действия таких вооруженных отрядов приняли небывалый прежде размах и охватили многие районы провинций Кёнги, Хванхэ, Чолла и Кёнсан, где феодальная эксплуатация была особенно сильной.

В конце XV — начале XVI в., в годы жестокого правления князя Ёпсана, когда особенно возросло массовое бегство крестьян, вооруженная борьба их развернулась в провинциях Чхунчхон и Кёнги; временами повстанцы вторгались в столицу и громили дома янбанов поблизости от ванских дворцов. Крестьянские отряды оказались столь многочисленными, что правительство снаряжало специальные карательные войска.

Нередко борьбу крестьян стремились использовать в своих интересах борющиеся за власть феодальные группировки. Так, в 1506 г. груп-

пировка высшей знати (хунгупха) вступила в сговор с вожаками повстанцев района Кымпхо (братьями Таннэ и Мирык), чтобы использовать их в своих целях, а затем вероломно уничтожила их. В 1519 г. представитель группировки сарим (конфуцианских ученых) Ким Сик поддерживал связь с отрядами повстанцев провинций Чолла и Кёнсан, пытаясь с их помощью свергнуть своих противников из хунгупха.

С 20-х годов XVI в. стали расти масштабы вооруженной борьбы крестьян. Около 1530 г. повстанцы, руководимые Сунсоком, действовали сразу в нескольких провинциях — Кёнги, Чолла и Чхунчхон, появляясь временами в самой столице. После подавления восстания каратели схватили вместе с Сунсоком и 39 его соратников, руководивших, вероятно, отдельными отрядами. Кроме того, было выявлено несколько сот их сторонников.

Несмотря на жестокие репрессии, во второй половине XVI в. выступления крестьян продолжались: в 1551 г. — в Чандане и Чоксоне; в Чхунджу в том же году в восстании участвовали лишенные состояния родственники казненных «за разбой». В 1553 г. широкий размах приняла борьба крестьян, начавшаяся во время голода в Ёнчхоне (Кёнсан). Около 1557 г. в округах Сохын, Убон, Тхосан, Синге, Ичхон и других (Хванхэ) развернулись действия крестьянского отряда, которым руководил О Ёнсок. Даже после разгрома карательными войсками этот отряд продолжал внушать страх господствующему классу, не забывшему о захвате им пахотных земель Нэсуса. Повстанцы из Хванхэ пытались установить связь с участниками выступлений в соседних провинциях. В том же 1557 г. восставшие крестьяне Ёечхона (Кёнсан) налаживали связь с собратьями из провинций Чхунчхон и Канвон.

Особую популярность в народе приобрел действовавший в Хванхэ отряд Лим Ккокчона («Заики Лима»), появившийся около 1559 г. Лим Ккокчон, происходивший из презираемого сословия пэкчонов (занимавшихся убоим скота и торговлей мясом), собрал подобных себе людей, самых угнетаемых в феодальном обществе (ноби и других «подлых»). Из опорной базы на горе Кувольсан его отряд вместе с другими повстанцами совершал нападения на местные правительственные учреждения (освобождая из тюрем заключенных) и имения феодалов. На дороге между Сеулом и Пхеньяном они захватывали караваны с товарами, собранными в качестве податей.

Поддержка местного населения, заранее извещавшего о приближении правительственных войск, помогала отряду вести успешную борьбу с карателями. Ни назначение в Кэсон специального военного чиновника, ни замена гражданских чинов военными на постах уездных начальников в Хванхэ не дали существенных результатов. Повстанцы отряда Лим Ккокчона действовали даже в столице; правительству пришлось усилить слежку за населением по пятидворкам. В конце 1560 г. оно снарядило в Понсан 500 солдат, но этот отряд встретил сильный отпор повстанцев и разбежался. Грабежи карателей привели к тому, что народ еще больше стал помогать повстанцам. Правительство вынуждено было прибегнуть к тактике уступок, освободив население Хванхэ от уплаты земельного налога полностью, а Пхёнан — наполовину. Затем оно направило против восставших крупные карательные силы во главе с наиболее способным из военачальников Нам Чхигыном, устроившим поголовную проверку населения и массовые обыски. И, наконец, после измены одного из руководителей повстанцев правительственные войска в 1562 г. смогли разгромить отряды Лим Ккокчона.

Эта борьба крестьянских масс провинций Хванхэ, Канвон и Кёнги, подобно другим разрозненным выступлениям крестьян, не превратилась

в общекорейское восстание, а потому была подавлена превосходящими и более организованными военными силами феодального правительства. Но после поражения Лим Ккокчона борьба угнетенных крестьян не прекращалась, а широко распространявшиеся легенды о подвигах Лим Ккокчона и других повстанческих вождей отразили ненависть народа к своим угнетателям.

С конца XV в. обострение противоречий в корейском феодальном обществе проявилось также и в усилении междоусобной розни в правящем классе. Вначале эта рознь приняла форму борьбы между группировкой высшей столичной знати (хунгупха) и конфуцианскими учеными (саримами).

Неоконфуцианство играло важную роль в укреплении централизованного феодального государства. Видным неоконфуцианским ученым в конце XV в. был Ким Джонджик. Приближенный ко двору в правление Сонджона (1470—1494), Ким Джонджик представлял интересы провинциальных янбанов, выступавших против засилья консервативной столичной знати (хунгупха). Критикуя ее, конфуцианские ученые заявляли, что захват высшей знатью больших земель и многочисленных ноби наносит вред интересам народа и угрожает самим основам государства. Они проповедовали необходимость «верного служения государю» и «справедливого управления народом». Привлечение к государственным делам конфуцианских ученых (во главе с Ким Джонджиком), ставших советниками вана и занявших при нем важные должности, свидетельствовало об упрочении их позиций на местах, а также о стремлении Сонджона ослабить засилье «заслуженных сановников» и смягчить социальные противоречия.

Но и представители высшей столичной знати не собирались равнодушно взирать на растущую оппозицию. После смерти Сонджона, когда на престол взшел князь Ёнсан, представители хунгупха воспользовались опрометчивостью конфуцианцев, осмелившихся критиковать недостойное поведение нового вана и земельные захваты Нэсуса, и перешли в наступление. В 1498 г. по совету министров из хунгупха Ёнсан расправился с конфуцианскими учеными. Как формальный предлог было использовано составление династийной истории. Одного из видных конфуцианских ученых, Ким Ильсона, обвинили в том, что он цитировал сочинение Ким Джонджика, которое якобы оскорбляло покойного вана Седжо. На этом основании даже вскрыли могилу Ким Джонджика и подвергли его посмертной экзекуции. Виднейших конфуцианских ученых не только изгнали из правительственных учреждений, но и сослали, конфисковав имущество; многих казнили. Влияние саримов было подорвано. Эта расправа известна как «убийство ученых года муо». Но на этом борьба в правящих кругах не прекратилась.

Особую жестокость ей придали черты характера нового правителя — Ёнсана, мать которого в свое время была свергнута с престола и убита в результате придворных интриг. Заняв престол, нервный и неуравновешенный Ёнсан предался беспримерной в истории феодальной Кореи разгульной жизни. По его приказу специальные чиновники разъезжали по стране, чтобы набрать красивых девушек для гарема. Около тысячи молодых его наложниц поселились в бывшем храме Вонгак. Развратный князь не щадил даже дочерей придворных сановников. Презирая конфуцианских ученых, Ёнсан приказал превратить их школы и храмы в залы для пиров.

Для возмещения огромных расходов Нэсуса вновь широко практиковало ростовщичество, усилило все виды поборов, продавало чины и должности, захватывало земли и ноби, принадлежавших даже крупным

сановникам из среды хунгупха. Чтобы поживиться за счет последних, придворные интриганы вспомнили историю гибели матери правителя. Они доставили ему даже носовой платок покойницы, запачканный кровью и ядом. Разгневанный Ёнсан подверг массовым казням врагов своей матери из числа родственников, а также деятелей хунгупха, занимавших высокие посты в правительстве. Их конфискованное имущество пополнило кладовые Нэсуса. Поскольку и это событие произошло под видом преследования конфуцианцев (многие из них поплатились жизнью в завязавшейся резне), то и оно известно в истории как «убийство ученых года капча» (1504 г.).

Произвол и беззакония правителя достигли крайних пределов. На расстоянии 30 ли от стен Сеула были снесены все дома, чтобы превратить эти участки в охотничье угодье для капризного князя. Его подручные совершали грабительские набеги на города и деревни Кёнги и ближайших провинций, чтобы захватить новые земли и крепостных для Нэсуса. Правитель жестоко карал за малейшие попытки критиковать его действия. Он заставил чиновников носить специальные таблички с надписью: «Осторожнее со словами!» Только за то, что на городских стенах появлялись осуждавшие его листки, написанные алфавитным письмом, он запретил его употребление, сжигал книги, написанные алфавитом, сажал в тюрьму знающих его чиновников.

Тирания и безумства правителя стали невыносимы не только народу, но и правящему классу. В 1506 г. сановники хунгупха, собрав военные силы, уничтожили приближенных Ёнсана, а затем арестовали и сослали его самого. На престол возвели его сводного брата Чунджона; восстановили свое положение и хунгупха, и конфуцианские ученые (саримы). Первые не только вернули прежние звания, но и добились учреждения 100 новых званий «заслуженного сановника, успокоившего государство» с соответствующими земельными пожалованиями.

Чтобы ограничить чрезмерное влияние хунгупха, ван Чунджон приближал к себе представителей конфуцианских ученых. С 1515 г. огромное влияние в правительстве приобрел молодой конфуцианец Чо Гванджо, сторонники которого энергично добивались осуществления политики «ванского пути», которая должна была упрочить централизованное государство. Однако проекты равномерного наделения земель государственных крестьян носили утопический характер, ибо их нельзя было осуществить без конфискации земель феодальных собственников. В конечном счете эти проекты свелись лишь к ограничению крупного землевладения (до 50, а потом и до 10 кель на хозяйство). Попытки осуществления даже таких ограниченных реформ привели к острым конфликтам с хунгупха. Чтобы обеспечить жалованьем новых чиновников и выбраться из финансовых затруднений, группировка Чо Гванджо предложила сократить на $\frac{3}{4}$ число «заслуженных сановников, успокоивших государство», и изъять в пользу государства пожалованные им поля и ноби. Противники реформаторов побудили вана (уже тяготившегося опекой конфуцианцев) покончить с Чо Гванджо и его сторонниками, якобы покушавшимися на ванскую власть. Расправа с конфуцианскими учеными в 1519 г. получила название «убийства ученых в году кимё».

Впоследствии конфуцианские ученые еще раз понесли тяжелые потери, будучи вовлечены в борьбу за власть между родственниками жен вана («большими Юнами» и «малыми Юнами»). После побоища, учиненного Юн Вонхёном (главарем «малых Юнов») в 1545 г. («убийство ученых года ыльса»), конфуцианские ученые вновь утратили всякое влияние на правительство. Зато они развернули активную деятельность в провинциях, особенно в Кёнсан. Там выросла плеяда молодых ученых,

проповедовавших идею о необходимости преобразований в стране. Именно укрепление их позиций на местах позволило группировке сарим завоевать затем ключевые позиции и в правительстве, превратить всю столичную знать в приверженцев неоконфуцианской идеологии (после ряда колебаний и уступок, например, в пользу буддизма).

Длившаяся полвека борьба против конфуцианских ученых отражала обострение противоречий между различными слоями господствующего класса — между старой и новой чиновной знатью, между различными группировками придворной знати (родственниками вана по мужской и женской линии), между столичными и провинциальными феодалами. Борьба группировок усиливалась по мере укрепления на местах частного землевладения. Опиравшиеся на него местные политические силы активно стремились к господству в центральном правительстве, поскольку это не только обеспечивало частному землевладению завоеванные позиции, но и открывало новые возможности для его укрепления. После торжества неоконфуцианства в качестве господствующей идеологии борьба за влияние в правительстве приняла своеобразную форму борьбы «партий», возникших в рамках этого идейного течения и объединявших представителей определенных слоев правящего класса. Зачастую после захвата власти «партии» распались на новые враждующие группировки.

Возникновению «партий» столичного дворянства предшествовала консолидация местных феодалов, создававших различные объединения, влиявшие на правительство при решении местных дел. Среди таких объединений наибольшее значение имели совоны («храмы славы»). Своё начало они вели от местных конфуцианских школ (содан), где не только давали образование молодым людям, но и поддерживали культ конфуцианских мудрецов Китая и Кореи, а также выдающихся государственных мужей и полководцев. Так, например, в уезде Пхунги (Кёнсан) его правитель Чу Себун основал в деревне Пэкун, где жил корёский ученый Ан Хян, алтарь в его честь, а затем в 1543 г. создал возле него совоны, служивший одновременно и учебным центром, и местом поклонения. В 1550 г. по ходатайству уездного правителя и известного конфуцианского ученого Ли Хвана ван присвоил пэкунскому совону наименование «Сосу» («Соединение совершенств») и пожаловал написанную собственной рукой вывеску с этим названием. С этого времени появились совоны с пожалованными вывесками (саэк совоны), получавшие вместе с ними определенное количество освобожденной от обложений земли и ноби. Они не только стали экономической силой (эксплуатируя местное население), но и превратились постепенно в идеологические и политические центры.

Важную роль играли также хяньяк (местные союзы янбанов). Члены местных союзов проповедовали конфуцианские принципы и защищали основанные на них нравственные нормы, «исправляли ошибки» друг друга и оказывали взаимную помощь во всех трудных делах. С приходом к власти конфуцианцев правительство решило распространить эти союзы во всех провинциях, чтобы создать из них свою опору на местах.

Преобладание конфуцианских ученых (саримов) в правительстве установилось после воцарения Сонджо в 1567 г. Его восшествию (после смерти прямых наследников Чунджона) способствовал Ли Джунгён, опиравшийся на саримов и силы местных феодалов. Привлечение к власти саримов объяснялось также стремлением ослабить социальные противоречия в стране и недовольство народных масс, питавших иллюзии в отношении конфуцианцев. К управлению призвали Ли И и других известных конфуцианских ученых, ратовавших за перемены в стране. С ослаблением своего влияния бывшие хунгупха также объявили себя саримами, поэто-

му в дальнейшем борьба между старой чиновной знатью и новыми чиновниками из конфуцианских ученых приняла характер борьбы «партий» внутри формально единого конфуцианского лагеря саримов.

Распад саримов на враждующие группировки относится к 1575 г., когда старая чиновная знать составила «партию» сонн (западники), а молодые чиновники — «партию» тонъин (восточники). Названия эти возникли случайно, в связи с тем, что главарь одной группировки (Ким Хёвон) жил в восточной части столицы, а другой (Сим Ыйгём) — в западной. Поводом для возникновения «партий» послужили разногласия в толковании ряда конфуцианских догм, но действительной причиной была борьба за важнейшие посты в правительстве для сторонников своей «партии», связанных с ее главарями родственными или дружескими узами.

Попытки примирить враждующие «партии» (например, со стороны Ли И) не имели успеха. Первоначальное преобладание западников было подорвано в результате деятельности молодых янбанов из группировки восточников. В 1591 г. в самой «восточной партии» произошел раскол на южную и северную группировки, из которых первая была за более мягкое отношение к свергнутому «западникам», а вторая занимала непримиримую позицию.

Все силы правящего класса были поглощены борьбой этих «партий». Он игнорировал все другие интересы, в том числе и заботу об укреплении обороны страны перед лицом надвигающейся внешней опасности.

Внешнеполитическое положение Кореи во второй половине XVI в.

Постепенное ослабление централизованного государства и его оборонспособности в XVI в. заметно облегчало напор соседей на северной и южной границах Кореи.

На северо-западе участились вторжения цзяньчжоувэйских чжурчжэней в район «четырёх округов», где они не только охотились, но и грабили жителей, уводили их в плен. Эти чжурчжэни стали добиваться также права торговли в корейской столице. Долгое время их грабежи не встречали решительного отпора, и только в 1540 г. корейские войска изгнали чжурчжэней за Амноккан. Корейское правительство категорически отказалось допустить чжурчжэньских торговцев в столицу, так как вполне основательно считало, что они хотят разведать путь в центральные районы.

Одновременно корейское правительство направило войска за Туманган, чтобы ликвидировать опорные пункты чжурчжэней, откуда они совершали нападения. В результате их набеги на время прекратились. Однако уже в начале 1583 г. на Кёнвон напал чжурчжэньский вождь Нитангай, поддерживавший до того мирные торговые отношения и награжденный корейскими чинами. Под предлогом мести за неуважительное поведение чиновников «шести крепостей» он вторгся в северо-восточные владения Кореи, но корейские войска изгнали его.

Тем не менее положение осложнялось, так как, узнав об этом вторжении, взбунтовались чжурчжэни Чонсона и Хверёна. На их подавление пришлось бросить войска округа Онсон и крепости Хунюнджин. Удалось не только отогнать чжурчжэней, но и нанести удар по их укреплениям за Туманганом. Однако летом 1583 г. десятки тысяч чжурчжэньских конников снова вторглись в район Чонсона. В успешном отражении этих набегов силами местных войск и населения определенную роль сыграло предоставление важных льгот добровольцам (например, перевод в сосло-

вие простолюдинов государственных и частновладельческих ноби). В 1587 г. новое нападение чжурчженей на о. Ноктундо (близ Кёнхына) было отражено войсками местного военачальника Ли Сунсина. Тем не менее к концу XVI в. давление со стороны чжурчженских племен на северной границе не прекратилось.

Ухудшалось и положение на юге. Цусимский князь и японские поселения в южных портах постоянно нарушали ранее заключенные договоры и не желали подчиняться контролю корейского правительства. В 1510 г. после высадки в Пусане вооруженного отряда, присланного цусимским князем, поднялось восстание японских поселенцев. На время им удалось захватить Пусан, Чепхо (Нэипхо) и ряд других населенных пунктов и разграбить их. В коротком сражении они были разбиты. Корейское правительство закрыло три порта (Пусан, Чепхо и Емпхо) и прервало всякие отношения с ближайшими японскими княжествами. Остро нуждаясь в продовольствии из Кореи, цусимский князь обратился за содействием к сёгунскому правительству Асикага. После наказания взбунтовавшихся японских поселенцев (их отрубленные головы были присланы в Корею) корейское правительство согласилось в 1512 г. на заключение нового договора, допускавшего японскую торговлю через порт Чепхо (число японских кораблей и выдаваемого им зерна сократили наполовину).

С возникновением новых трений между цусимскими японцами и корейскими властями все японцы в 1541 г. были изгнаны из Чепхо, и в дальнейшем японскую торговлю ограничили Пусаном. Недовольные этим, японские купцы и феодалы усилили пиратские действия; последовал новый разрыв отношений. Заключенный в 1547 г. договор еще более сократил объем торговых связей (число прибывающих кораблей ограничили 25) и предусматривал строгие наказания за нарушение правил торговли.

Однако ограничение торговых и других связей без обеспечения решительного военного перевеса не могло предотвратить поползновений японских пиратов. После безуспешных попыток заставить Корею расширить объем торговли японцы в 1555 г. предприняли крупную (на 60 с лишним кораблями) пиратскую экспедицию в Чолла, где захватили ряд приморских крепостей. При попытке занять окружной центр Енам основные силы пиратов были разгромлены войсками чонджуского градоначальника Ли Юнгёна. Остатки разгромленных пиратов затем были уничтожены на о-ве Чеджудо. В их разгроме большую роль сыграли горожане, активно поднявшиеся против насильников. Цусимский князь вынужден был представить корейскому правительству головы пиратских предводителей и вновь просить увеличить количество допускаемых в Корею торговых судов. Тогда оно разрешило японцам присылать до 50 кораблей в год.

Для укрепления обороны страны в это время было учреждено Пибёнса (Ведомство окраинных земель), занимавшееся изучением политического и военного положения на границах.

Однако слабеющее феодальное государство не смогло принять действенных мер для укрепления обороны страны. Усиление феодальной эксплуатации и невнимание к обороне за время длительного мира подорвали ту систему централизованной организации вооруженных сил, которая возникла в начальный период правления династии Ли. В то же время все силы и интересы правящего класса приковала борьба «партий» за выгодные правительственные посты и большую долю в дележе централизованных государственных доходов, все время уменьшавшихся с ростом частного феодального землевладения. В укреплении вооруженных сил борющиеся клики видели опасность для своего продвижения к власти.

Страна оказалась не подготовленной к отражению небывалого по масштабам японского нашествия.

Имджинская отечественная война корейского народа против японских захватчиков. Начальный этап

Вторжение японских завоевателей в 1592 г. (по корейскому календарю в году имджин) и борьба против них явились тяжелым испытанием для Кореи.

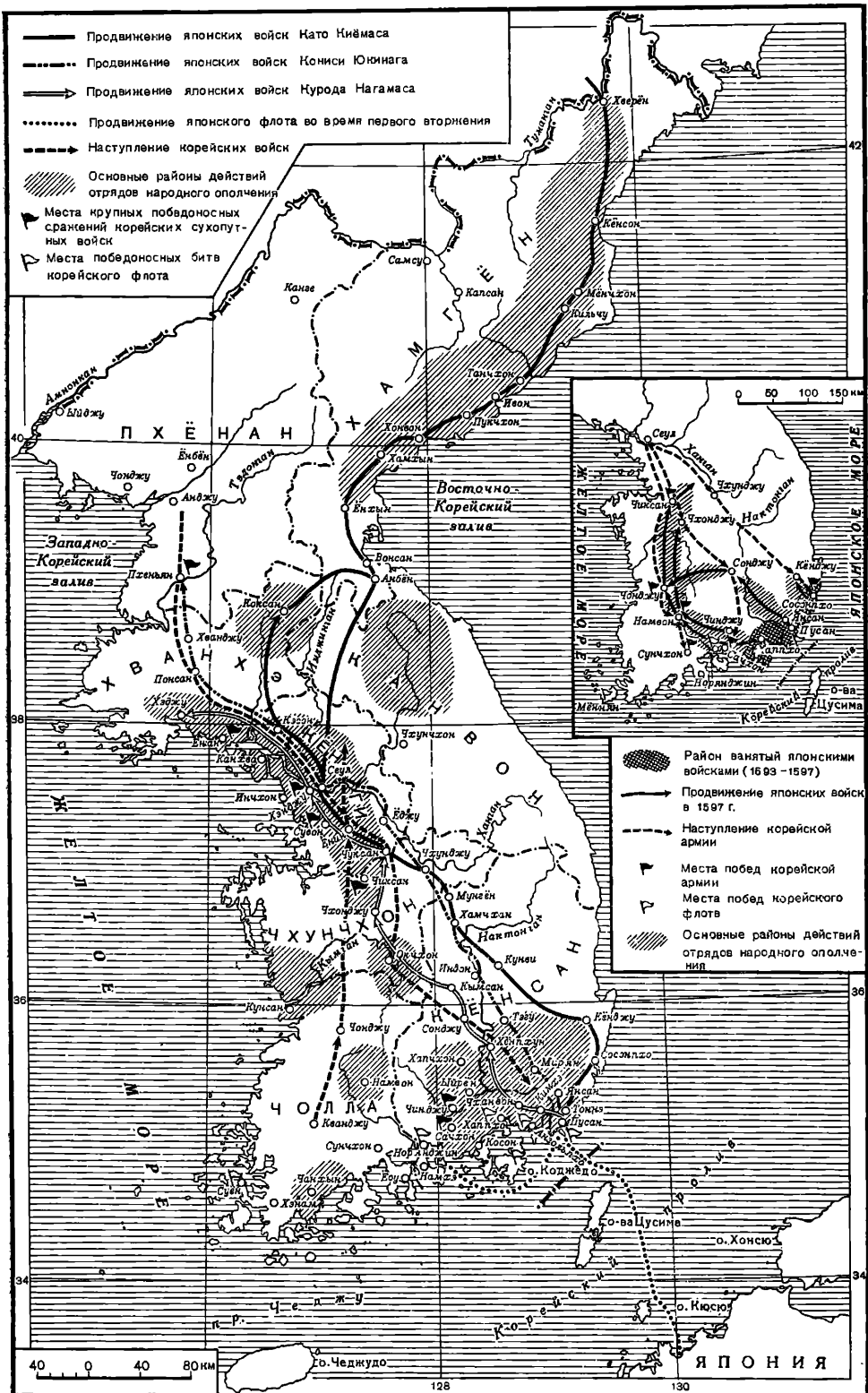
Если при феодальной раздробленности Японии мир на границах Кореи нарушали только разрозненные набеги пиратских отрядов, то в конце XVI в., когда Япония была объединена, захватнические устремления японских феодалов создали угрозу самому существованию Кореи как независимого государства. Может быть, именно поэтому война, начавшаяся в крайне неблагоприятных для Кореи условиях, продемонстрировала огромные силы и возможности корейского народа, явилась важным этапом в становлении его национального самосознания и патриотических традиций.

В 1585—1586 гг., завершив начатое Ода Нобунага объединение страны, Тоётоми Хидэёси стал фактическим верховным правителем Японии, располагавшим огромной военной силой и вынашивавшим честолюбивые планы завоевания соседних стран (прежде всего Китая) и создания империи на берегах Тихого океана. Это обстоятельство серьезно изменило международное положение Кореи.

Хидэёси проявлял большую дипломатическую активность, стараясь подчинить Корею и превратить ее в орудие завоевательной политики в отношении Минской империи. Уже в 1587 г., подчинив правителя о-ва Кюсю, Хидэёси при встрече с цусимским князем Со Ёсицуки приказал ему установить контакт с корейским правительством и добиваться «присылки Кореей посла в Японию с предложением дружбы». Цусимский князь направил своего посланца в Корею осенью того же года. Весной 1589 г. прибыло более представительное посольство, добывавшееся отправки корейских послов к Хидэёси.

После долгих колебаний корейское правительство весной 1590 г. решило направить в Японию посольство во главе с Хван Юнгилем (посол) и Ким Сонъилем (заместитель посла). Только через четыре месяца посольство допустили к Хидэёси, заявившему, что «собирается покорить минское государство, поэтому Корея должна выступить первой». Весной 1591 г. послы вернулись в Сеул, но их доклады мало прояснили положение в Японии. Хван Юнгиль, принадлежавший к западникам, сообщил, что «Япония подготавливает многочисленные корабли, поэтому в конце концов следует ожидать военного нашествия», а Ким Сонъиль, принадлежавший к восточникам, утверждал, что «не видел настоящей угрозы разбойного вторжения». Разошлись мнения также и других членов посольства.

Для большинства корейских сановников, не желавших утруждать себя заботой о военных приготовлениях, второй доклад оказался более приемлемым. Правящая клика восточников явно игнорировала японскую угрозу. Когда в начале 1591 г. один из чиновников, сопровождавших цусимского посланника, доложил, что, по сообщениям японцев, Хидэёси «в будущем году готовится к завоеванию минского государства и попросит у Кореи дать дорогу», правящая клика отстранила его от должности. Спустя некоторое время, когда цусимский князь Со Ёситомо лично прибыл в Пусан и заявил корейским властям, что «Тоётоми Хидэёси, подготовив военные корабли, замыслил вторжение, поэтому было бы хорошо, если бы Корея сообщила об этом минскому государству и попросила о мирном и дружественном разрешении вопросов», корейские власти десять дней не давали ему никакого ответа, он так ни с чем и уехал.

Имджинская война (1592—1598 гг.)

Более того, были даже прекращены начатые работы по укреплению обороны южных провинций.

Но когда вскоре прибыли японские послы с письмом Хидэёси, содержащим требование «пропустить» японские войска через Корею, не осталось сомнений в действительных намерениях Японии. Хотя завоевательные планы Хидэёси прямо касались Китая, правящие круги Кореи даже не знали, как известить его о грозящей опасности. Министры из клики восточников (Ли Сапхэ, Лю Соннён и др.) считали, что оповещение могут воспринять как совместный заговор Кореи и Японии против Китая. Победила точка зрения Юн Дусу, говорившего, что, «если даже Корея не известит, все равно рано или поздно все станет известным [Минам]!». В Китай направили посла, сообщившего о дошедших в Корею «слухах».

Тем временем известия, поступавшие из Японии, стали столь зловещими, что и корейское правительство вынуждено было спешно готовиться к обороне. В южные провинции назначили новых губернаторов, там начали строить крепости, создавать запасы вооружения и продовольствия. Хотя некоторые военачальники (например, Ли Сунсин в Чолла) серьезно готовились к отпору, в целом время было упущено. Япония, располагавшая многочисленной армией, опытом длительных войн, а также более современным вооружением (в том числе и заимствованными у европейцев мушкетами), смогла нанести внезапный удар.

В первые месяцы 1592 г. Хидэёси подготовил для вторжения в Корею армию в 220 тыс. человек и флот, насчитывавший около 9 тыс. человек, а свою ставку расположил на Северном Кюсю. Отсюда несколькими волнами двинулись на Корею полчища завоевателей. Первая группа численностью до 18 тыс. (под командованием Коиси Юкинага), прибывшая на 350 кораблях, 14-го числа 4-го месяца (25 мая по европейскому календарю) 1592 г. высадилась в Пусане. Немногочисленный гарнизон и население под предводительством Чон Балья оказали героическое сопротивление, но силы были слишком неравными; войска Коиси заняли Пусан, а также соседний Тоннэ, хотя и здесь захватчикам был дан отпор войсками уездного правителя Сон Санхёна. Чон Баль и Сон Санхён, как и многие защитники Пусана и Тоннэ, пали в бою.

Однако далее японские войска практически не встретили организованного сопротивления. В ряде уездов при известии о вторжении врагов войска сосредоточивались у сборных пунктов, но так и не смогли дожидаться столичных военачальников. Так, солдаты из Мунгёна и других уездов собрались близ Тэгу и несколько дней под открытым небом ждали командующего, но так и не дождались его вплоть до прихода вражеских войск. Оказавшись без командования и без продовольствия, они разбрелись по домам. А столичные военачальники, прибыв на место, уже не находили своих войск. В таких условиях первая группа японских войск быстро продвигалась на север через Янсан, Мирян, Тэгу и Санджу по направлению к перевалу Чорён.

Вслед за ней 19-го числа 4-го месяца в Пусане высадилась 22-тысячная армия второй группы (под командованием Като Киёмаса), которая двинулась на север через Кёнджу, Ёнчхон и Синпён. Почти одновременно в устье р. Нактонган (у г. Кимхэ) высадилось 11-тысячное войско третьей группы (под командованием Курода Нагамаса), которое захватило Чханвон, а затем через Сонджу и Кэрён двинулось к перевалу Чхупхун. Вслед за авангардом Хидэёси двинул 80 тыс. сухопутных и 9 тыс. морских войск. Первоначальные успехи вторжения определялись не только численным, но и техническим превосходством японских войск. По свидетельству современников, японские мушкеты стреляли на сотни шагов и «с ними не могли сравниться луки со стрелами».

Нашествие многочисленных японских полчищ, явившееся тяжелым испытанием для Кореи, показало, что феодальное правительство, разьедаемое борьбой кланов, не способно организовать отпор захватчикам. Оно было застигнуто почти врасплох. При первых известиях о нашествии правительство спешно назначило военачальников по главным направлениям обороны, чтобы задержать противника на дальних подступах к столице — у горных перевалов Чорён, Чхупхун и Чуннён. Ли Иль, назначенный командующим войсками центрального направления, смог собрать в районе Санджу не более 800—900 человек; они сразу же были разбиты, так как даже не велось наблюдение за продвижением противника. Пока войска Ли Иля занимались учебными упражнениями, пагрянули японские войска и разгромили их. Другой командующий — Син Ип располагал более многочисленными (около 8 тыс.) войсками для обороны горного перевала Чорён, но с появлением бежавшего Ли Иля оставил эти удобные позиции и отступил к равнинному Чхунджу, где решил дать бой. Подвергшиеся внезапному нападению японской армии, войска Син Ипа потерпели тяжелое поражение (сам он, боясь позора, утопился в реке). С падением Чхунджу армиям Кониси и Като открылась прямая дорога на Сеул. Третья группа японских войск (под командованием Курода) 25-го числа вышла из Сонджу, а затем через Ёндон и Чхунджу также взяла курс на Сеул.

29-го числа 4-го месяца, когда известие о чхунджуском поражении достигло столицы, было решено перевезти вана и министров в Пхеньян и обратиться за помощью к династии Мин, хотя раньше собирались защищать столицу и для этого вызвали войска из провинций. Паническое донесение Ли Иля, что «японские войска не сегодня-завтра могут войти в столицу», возымело действие: ван Сонджо, наследник и главные министры с придворными (всего около 100 человек) той же ночью бежали.

Бегство двора вызвало взрыв негодования. В Сеуле возмущенные жители подожгли здания нескольких центральных ведомств. Весьма показательно, что при этом были уничтожены документы на казенных и частновладельческих ноби. Пожар поглотил ряд дворцовых зданий. Когда измученный дорогой ван добрался до Кэсона, население встретило его громким плачем и ропотом. Собравшиеся упрекали вана в том, что, не забывая о народе, он давал жиреть придворным тунеядцам (вроде его шурина Ким Гонняна), не желавшим сражаться с врагом и искавшим спасения в позорном бегстве. Из толпы в беглецов летели камни и комья грязи. Вану пришлось дать отставку главным министрам Ли Санхэ и Ким Гонняну, назначить первым министром Чхве Хынвона и выдвинуть на высшие должности еще нескольких новых людей.

Военное положение продолжало ухудшаться; вражеские войска двигались в глубь страны. Назначенные для обороны столицы Ким Мёнвоп и Ли Янвон не справились со своей задачей и бежали. В начале 5-го месяца японские войска вошли в Сеул без боя. Военачальники трех южных провинций собрали около 50 тыс. войск, чтобы освободить столицу, однако в районе Ённна были разгромлены. Объясняя причины этого поражения, Лю Сопнён в своих воспоминаниях отметил бездарность и некомпетентность военачальников, которые, «хотя и была велика численность войск, не обеспечили единства командования, не знали, как правильно использовать местность, а движение войск рассматривали чуть ли не как прогулку в весенний день».

После отдыха в Сеуле, отданном им на разграбление, японские войска продолжили марш на северо-запад и северо-восток. На севере они столкнулись с упорной обороной корейской армии у р. Имджинган. После десяти дней безуспешных попыток форсировать реку японцы прибегли

к военной хитрости, симулируя отступление. Несмотря на предостережения опытных воинов, корейские военачальники решили переправиться на южный берег и гнать противника дальше, но последовал контрудар — и оборона у реки была сломлена.

Взяв Кэсон, японские войска разделились на две части: одна (армия Кониси) взяла курс на Пхеньян, а другая (армия Като) направилась в Хамгён. С приближением войск Кониси к южному берегу Тэдонгана правительство во главе с ваном решило перебраться дальше на север, в Ыйджу, рассчитывая в дальнейшем отступить в Китай. Несмотря на мужество защитников Пхеньяна, не раз устраивавших смелые вылазки во вражеский стан, после позорного бегства корейских военачальников японские войска заняли Пхеньян (14-го числа 6-го месяца), но дальнейшее продвижение их было приостановлено начавшимся в остальных частях страны сопротивлением. В середине 7-го месяца прибыл 5-тысячный отряд китайских войск, который пытался с ходу освободить Пхеньян, но потерпел поражение.

Армия Като к концу 6-го месяца достигла Ёнхына на восточном побережье и повела наступление на север. Несмотря на несколько ожесточенных ударов, нанесенных корейскими войсками, она достигла Хверёна, где с помощью предателей были захвачены в плен два сына вана, посланные сюда, чтобы собрать войска. Заняв ряд городов на крайнем северо-востоке, Като вернулся в Анбён, откуда попытался установить контроль над всем северо-востоком.

Пройдя почти всю Корею с юга на север, японские захватчики рассчитывали установить свое господство в этой стране и использовать ее ресурсы для похода на Китай. Однако действительность показала, что их сил недостаточно не только для завоевания Китая, но и для покорения Кореи, народ которой поднялся на спасение своей страны от угрозы порабощения. Народное сопротивление войскам захватчиков (которые не могли выйти за пределы занятых ими городов), успешные действия корейского флота, создавшие угрозу полной изоляции японских армий в результате разрыва коммуникаций с базами в Японии, свидетельствовали о безнадежности авантюры Хидэёси. Даже при весьма значительной численности японских войск они могли удержать лишь наиболее важные пункты на путях сообщения (в провинциях Кёнсан и Чхунчхон), а также крупные города в центре и на севере. Вся остальная территория оставалась в руках корейской администрации и служила базой для формирования правительственных войск и народных ополчений. Богатейшая провинция Чолла целиком находилась под контролем корейского правительства, а все попытки захватчиков овладеть ею закончились провалом.

На территории, где прошли японские войска (прежде всего в провинциях Кёнсан и Чхунчхон), в непосредственном их тылу, не только продолжались действия разрозненных правительственных войск, но и росло движение народного сопротивления в форме отрядов народного ополчения «Ыйбён» («Армия справедливости»). Небольшие по своей численности, эти отряды, действовавшие самостоятельно или совместно с правительственными войсками, вначале не смогли заметно изменить стратегическую обстановку. Но их возникновение показало стремление народных масс к борьбе против захватчиков; с ростом и укреплением этим отрядам суждено было сыграть решающую роль в определении исхода войны.

Первые отряды народных ополчений возникли еще в то время, когда под ударами японских войск развалилась государственная военная организация, когда назначенные правительством военачальники бежали после первых столкновений с захватчиками. Так, в конце 4-го месяца, когда японские войска в Кёнсан занимали важный окружной центр Санджу, в

соседних уездах возникли отряды народного ополчения под предводительством Квак Чэу (в Ыйрёне), Чо Хона (в Окчхоне) и других корейских патриотов.

Квак Чэу, конфуцианский ученый из Хёнпхуна, отдал все свое состояние на организацию вооруженного отряда. Собрав несколько десятков единомышленников, он начал вооруженную борьбу в Ыйрёне, несмотря на всю неприязнь местных властей, опасавшихся допустить к оружию ноби и простолюдинов. В своих донесениях военачальник провинции Кёнсан прямо называл действия отряда Квак Чэу «мятежом». Буквально за несколько дней ополченцам удалось освободить от захватчиков округа Ыйрён, Самга и Хёпчхон. В 5-м месяце возникли многочисленные отряды в Хёпчхоне, Корёне и других уездах.

Вскоре отряды народного ополчения стали действовать во всех провинциях и придали общенародный характер войне против японских захватчиков.

Операции корейского флота под командованием Ли Сунсина

Развертыванию народной войны против захватчиков благоприятствовали успешные действия корейского флота под командованием Ли Сунсина. В самое трудное для страны время, когда правительство бежало на север, а разрозненные силы войск и народного ополчения отбивались от наседавшего врага, корейский флот во главе с Ли Сунсином нанес ряд тяжелых поражений противнику и сорвал японские планы комбинированного наступления на суше и море.

К началу войны корейский флот на юге состоял из четырех самостоятельных флотилий: двух в Кёнсан (в левой полупровинции, возле Тоннэ, под командованием Пак Хона, и в правой полупровинции, на о-ве Коджедо, под командованием Вон Гюна), флотилии левой полупровинции Чолла под командованием Ли Сунсина и флотилии правой полупровинции Чолла под командованием Ли Окки. В результате вторжения японских захватчиков Корея сразу же потеряла две флотилии провинции Кёнсан — главным образом из-за трусости и бездарности их командования. При приближении противника Пак Хон в панике сжег корабли и скрылся. Другой командующий — Вон Гюн, упорно избегавший встреч с японским флотом, тем не менее потерял за 10 дней 73 корабля и все подчиненные ему войска. С оставшимися 3 кораблями он добрался до Кольманпхо в уезде Косон и собирался бежать дальше. Только под воздействием подчиненных он решил обратиться за помощью к командующему соседней флотилией Ли Сунсину.

Ли Сунсин не мог выступить сразу: флотилия не была готова полностью; кроме того, по действовавшим тогда правилам без санкции высшего начальства она не могла появляться в районе действий других флотилий. Только в начале 5-го месяца (уже после падения Сеула) Ли Сунсин смог выставить готовые к боям 85 кораблей. Вокруг Ли Сунсина объединились и другие войска провинции, поддерживавшие его с суши. Флотилия Ли Сунсина, выйдя из базы в Ёсу и огибая южное побережье, прошла через пролив, отделяющий о. Коджедо от порта Тхоньён, и направилась к базе вражеского флота на о-ве Кадокто. Обнаружив около 50 вражеских кораблей, стоявших у причалов порта Окпхо на восточном берегу о-ва Коджедо, Ли Сунсин их атаковал и уничтожил 26 судов; еще 5 больших кораблей потопили в порту Халпхо в округе Унчхон. На следующий день при атаке на порт Чокчинпхо (в уезде Косон) сожгли и разбили 11 японских кораблей. Таким образом, уже пер-

вая операция флотилии Ли Сунсина, вышедшей в воды провинции Кёнсан, завершилась уничтожением 42 японских кораблей и большого числа живой силы. Потери корейцев состояли всего из одного раненого.

Следующую операцию Ли Сунсин провел в 6-м месяце совместно с флотилией Ли Окки и кораблями Вон Гюпа. Когда противник собирался напасть на базу в Ёсу, корабли Ли Сунсина 29-го числа 5-го месяца вышли к порту Норянджин (на о-ве Намхэдо), где находились корабли Вон Гюпа. Затем в Сочхонской бухте, к северу от Намхэдо, Ли Сунсин обнаружил и уничтожил 12 больших японских кораблей. В этом сражении впервые были применены покрытые металлическими листами суда — кобуксон («корабль-черепаха»), — неуязвимые для вражеского огня, обладавшие значительной огневой мощью и маневренностью. Здесь, как и в других боях, проявилось высокое оперативное искусство Ли Сунсина. В разгар боя, когда начался отлив, мешавший действиям крупных корейских кораблей, он инсценировал отступление и, как только увлеченные погоней вражеские суда вышли в открытое море, перешел в контратаку и наголову их разбил. Через несколько дней в порту Танпхо он обнаружил и разгромил еще 21 вражеское судно.

Вскоре, соединившись с флотилией Ли Окки, Ли Сунсин возглавил объединенный флот. В Танханпхо (уезд Косон) он уничтожил 26 японских малых кораблей. Затем были разбиты вражеские суда, находившиеся поблизости от Танханпхо и в портах Ёндынпхо и Юльпхо на о-ве Коджедо. Всего во время второй экспедиции флот Ли Сунсина уничтожил 72 японских корабля. Японские морские силы отступили в район Пусана.

Третья операция флота Ли Сунсина состоялась в 7-м месяце. После понесенных потерь японские военно-морские силы (под командованием Вакидзака) сосредоточились у островов Кадокто и Коджедо. Объединенный корейский флот, выступивший из главной базы в Ёсу, насчитывал 90 с лишним кораблей. Узнав о скоплении вражеских кораблей в порту Кённэрян на о-ве Коджедо, Ли Сунсин немедленно направил туда свой флот и обнаружил там 73 японских судна. Бухта оказалась слишком тесной для прямой атаки, поэтому Ли Сунсин направил вперед несколько кораблей, которые, вступив в бой, должны были затем отступить и увлечь японские суда в открытое море, к о-ву Хансандо, где в засаде находились главные силы корейского флота. Как только противник вышел в открытое море, корейский флот стал окружать врага, ведя интенсивный огонь из пушек. Потеряв несколько кораблей, японские моряки попытались отступить, но бежать им не удалось из-за непрерывных атак корейских кораблей. В этом сражении японский флот потерпел сокрушительное поражение. Было сожжено, уничтожено или захвачено корейцами 59 кораблей. Японцы понесли огромные потери и в живой силе. Лишь небольшой части японского флота, в том числе флагманскому кораблю Вакидзака, удалось спастись бегством.

Одержав блестящую победу, Ли Сунсин двинулся к порту Ангольпхо (в уезде Унчхон), где обнаружил 42 корабля противника. Нападая небольшими группами на расположение противника, корабли одного из сподвижников Ли Сунсина — Ли Окки — смогли поджечь почти все вражеские суда. Во время третьей экспедиции Ли Сунсина противник потерял около 100 кораблей и большое число живой силы. Корейский флот сохранил все корабли (потери составили 19 убитых и менее 100 раненых).

Победами у о-ва Хансандо и в Ангольпхо корейский флот укрепил свое преобладание в Корейском проливе и не позволил японскому флоту прорваться к западному побережью для поддержки с моря сухопут-

ных армий. Японским захватчикам пришлось расстаться с планами дальнейшего продвижения на материк и, заботясь о своем спасении, возводить укрепления на захваченных южных землях (например, на о-ве Коджедо), чтобы не допустить нарушения коммуникаций с Японией. Успехи корейского флота создали благоприятные условия для действий корейской армии и народного ополчения, теснивших повсюду японских захватчиков.

Спустя сорок дней Ли Сунсин организовал четвертую боевую операцию. К этому времени от японского флота западнее о-ва Кадокто не осталось и следа, поэтому все усилия объединенного флота, сочетавшего свои действия с операциями сухопутных войск правой полупровинции Кёнсан, направлялись на уничтожение японских сил в Пусане. Объединенный флот занял позиции у о-ва Кадокто и отсюда повел атаки против японских судов в близлежащих портах.

Когда было обнаружено, что главные силы японского флота (более 470 кораблей) находятся во внутренней бухте Пусана, Ли Сунсин направил туда свои корабли, среди которых первыми двигались кобуксоны. Когда они приблизились, японские военачальники сняли команды на берег, оставив пустые корабли. С шести береговых позиций они открыли яростный огонь. Ли Сунсин, однако, уделил главное внимание уничтожению флота, считая, что без него японцы не смогут продолжать войну. За день было сожжено более 100 японских судов. Когда бой переместился на сушу, Ли Сунсин увидел преимущества японской кавалерии и решил прекратить невыгодное для него сухопутное сражение. После короткой остановки на о-ве Кадокто корейский флот благополучно вернулся на свою базу.

Хотя в пусанском бою и не удалось уничтожить все силы японского флота, сам факт превращения его личного состава в обычные сухопутные войска свидетельствовал о слабости захватчиков на море. Сражением в Пусане завершились летние операции корейского флота в 1592 г.

Народная война против японских захватчиков

Тем временем по всей стране пришли в движение патриотические силы. В районах расположения японских войск развернулось движение народного ополчения. Сочетание действий армии и народных сил сорвало японские планы захвата провинции Чолла, где не только находился корейский флот, но и формировались сухопутные войска. Несмотря на поражение войск трех южных провинций в бою около Ёнина, остатки их продолжали борьбу вместе с народными ополчениями.

Один из военачальников Квон Нюль, собрав в районе Кванджу около 1 тыс. молодых людей, обучил их военному делу и в 7-м месяце нанес поражение японским войскам, двигавшимся из Кымсана к Чонджу. Победа в Чипсане обеспечила защиту провинции Чолла. За эту заслугу Квон Нюль был назначен губернатором Чолла. Считая главной задачей освобождение Сеула, он подготовил 20-тысячную армию и отряд из 1 тыс. буддийских монахов (под командованием Чхоёна), которые заняли ключевую позицию на подступах к столице, в крепости Токсан.

Сформировавшиеся здесь отряды народного ополчения выросли во внушительную силу. Их организаторы Ко Гёнмён и Лю Пхэно, объединив свои отряды в Тамяне, в 5-м месяце двинули на север ополчение численностью 6—7 тыс. Они распространили воззвания в провинциях Чхунчхон, Кёнги и Хванхэ, призвав население подняться на

борьбу. Первоначально Ко Гёнмён и Лю Пхэнно собирались прорваться в провинцию Пхёнан на соединение с главными правительственными силами, но, узнав о начавшемся наступлении японских войск на Кымсан, бесстрашно вступили в бой; в этом сражении погиб Ко Гёнмён. В битве за Кымсан народное ополчение сорвало очередную попытку японских войск вторгнуться в пределы Чолла.

Последовав призывам Ко Гёнмёна, Ким Чхониль и Ян Сансу в 6-м месяце собрали в Наджу народное ополчение и, выступив в поход на север вместе с правительственными силами Чхве Вона, обосновались в крепости Токсан. В 7-м месяце Им Геён во главе ополчения в 1 тыс. человек из Чанхына и других городов (Чолла) двинулся на Намвон. В это же время брат одного из соратников погибшего Ко Гёнмёна — Ким Доннён создал 5-тысячный отряд в Тамяне и также перенес свои действия в район Намвона. Правительственные войска и народное ополчение провинции Чолла не только обороняли эту провинцию, но и стали ведущей боевой силой в тылу японских войск.

Народное ополчение провинции Чхунчхон с севера прикрывало Чолла, остававшуюся недоступной для захватчиков. Близ Окчхона возник один из первых здесь отрядов под руководством конфуцианского ученого Чо Хона, собравшего около 1700 человек. В конце 4-го месяца 1592 г. этот отряд направился к Чхонджу. По дороге к нему присоединилось ополчение из Хонджу во главе с Син Гансу и Чан Доккэ (около 1600 человек), а также 500 буддийских монахов из монастыря Чхоннён в Копджу во главе с Енью. В 8-м месяце их объединенными силами был освобожден Чхонджу. Позднее все эти отряды участвовали в кымсанской битве с японскими войсками, стремившимися вторгнуться в Чолла.

Между тем правительственные силы не только не помогали народным ополченцам, но мешали им. Взбешенный критическими высказываниями Чо Хона, воинский начальник провинции категорически запретил своим войскам действовать совместно с ополченцами, он угрожал расправой семьям тех, кто состоял в отряде Чо Хона. В результате в ополчении Чо Хона осталось только 700 преданных родине бойцов, которые и бились до последнего в кымсанском сражении. Среди погибших были Чо Хон с сыном, монах Енью и другие герои. Их стойкость поразила даже противника. На братской могиле японцы оставили надпись: «Оплакиваем мужественную верность и стойкую убежденность Корейского государства». Сохранившаяся донныне, она называется «Могилы 700 погибших за правое дело в Кымсане». Своими телами патриоты преградили японским войскам путь в Чолла и новые районы Чхунчхон.

Огромное значение для защиты незанятых районов юга (прежде всего Чолла) имело партизанское движение в Кёнсан, где отряды народного ополчения появились с первых дней японского вторжения. Летом 1592 г. возникали все новые и новые отряды, нарастала их активность. В Самга Пак Садже с братом создали отряд в 900 человек. В Тансоне возникли отряды Квон Сечхуна и других патриотов. Вместе с солдатами хаманского уездного начальника Лю Сунина они отразили японские войска в районе Чханвона и Чинхэ. Несколько отрядов действовало в Чханнёне под предводительством знаменитого Квак Чэу, прозванного «ниспосланным небом великим полководцем в красном одеянии», так как во время боев он носил под латами одежду из ярко-красного шелка.

В 8-м месяце партизаны Ким Мёна вместе с солдатами кимхэского правителя Со Евона напали на японские войска в Чире и заставили их отступить в Кымсан. Одновременно начали действовать и несколько отрядов в Кымсане. Ким Мён, обосновавшись в Кочхане, преградил захватчикам сообщение между Чире и Кымсаном. Находившийся в Сонджу

отряд Чон Инхона перерезал сообщение между Корёном и Хёпчхоном. А отряды Квак Чэу в Ыйрёне отражали японские войска, стремившиеся переправиться через Нактонган в районе Хамана, Чханнёна и Ёнсана.

В 9-м месяце бывший ревизор Ким Хэ, располагавшийся с войсками в Еае, объединил народные ополчения Айдона, Ыйсона, Кунви и Пиана и установил контроль над северной частью провинции Кёнсан. Тогда же мирянский правитель Пак Чин, ставший в начале войны военачальником левой полупровинции Кёнсан, собрал оставшихся здесь солдат и повел наступление на Кёнджу, захваченный японцами. После первых неудач Пак Чин создал ударный отряд, который, подойдя к стенам города, применил новое оружие — пигёк чинчхоннве («летучий снаряд, потрясающий небо»). Этот разрывной снаряд поражал солдат противника, находившихся внутри города. Охваченные паникой японские войска оставили Кёнджу и бежали в Сосэнпхо. Снаряд, изобретенный Ли Джансоном, эффективно применялся и в других сражениях.

В 10-м месяце развернулась ожесточенная битва за г. Чинджу, открывавший противнику путь из Кёнсан в Чолла. Для взятия этой крепости японские военачальники собрали 30 тыс. солдат, а свой флот расположили возле Унчхона, чтобы не пропустить помощи обороняющимся из провинции Чолла. Разгромив в Чханвоне войска Лю Сунина, японские силы подошли к Чинджу. Защитники Чинджу ожесточенно сопротивлялись превосходящим силам противника. В крепости не было и 4 тыс. регулярных войск, но при активном участии всего населения и умелом руководстве Ким Симина крепость удалось отстоять. Применяя разрывные снаряды и другие военные новшества, защитники Чинджу наносили сокрушительные удары по противнику, который возвел высокие земляные насыпи, ставил штурмовые лестницы и вел непрерывный огонь из мушкетов. Огромную помощь осажденным оказали отряды Квак Чэу, Чон Инхона, Чхве Гана, Ли Даля, Чо Ындо и Чон Югёна, которые внезапными атаками с тыла отвлекали силы противника. При попытке японцев штурмовать крепость на наступающих обрушился шквал огня, град камней и потоки кипящей воды. 30-тысячная японская армия под предводительством Хосокава вынуждена была отступить с огромными потерями. Одним военачальников пало около 300. В последнем бою был смертельно ранен и Ким Симин — организатор обороны Чинджу.

Японские войска Курода Нагамаса превратили Хэджу в крупнейшую свою базу в провинции Хванхэ, но в 8-м месяце наступление бывшего губернатора Чо Дыгина заставило их отступить в Пэкчхон. В 9-м месяце население Ёнана, сплотившись вокруг бывшего уездного начальника Ли Джонама, отстояло город от наседавших японских войск и сохранило пути сообщения между Ыйджу (где находился двор) и провинцией Чолла. Здесь действовали также народные ополчения, сформированные в Понсане (под руководством Ким Мансу) и Чунхва (под руководством Ким Джинсу).

Боевые действия народного ополчения развернулись и в других провинциях. Отряды в провинции Кёнги действовали согласованно с партизанами Хванхэ и Чолла. В 5—6-м месяцах началось собирание местных войск в провинции Канвон под руководством Вон Хо, развернувшего боевые операции в Ёджу, Кумипхо и Кимхва. В то же время в монастыре Юджом в горах Кымгансан около 700 буддийских монахов создали народное ополчение под руководством Юджона (Самёндан) и развернули борьбу с захватчиками, распространив ее и на территорию соседней провинции Пхёнан (в районе Сунана).

В провинции Пхёнан после падения Пхеньяна народные отряды начали создавать конфуцианский ученый Ян Доннок, пхеньянский гра-

доначальник Нам Бокхын, чиновник Чо Хоик и др. В горах Мёхянсан около 1500 буддийских монахов, собравшихся у монастыря Попхын в Сунане, образовали ополчение под руководством 73-летнего Хюдждона (в монашестве Сосан дэса), сыгравшего крупную роль в разгроме японских войск (всего по стране участвовало в военных действиях около 5 тыс. воинов-монахов).

В провинции Хамгён уже в 7-м месяце стали возникать народные ополчения. По призыву жителя г. Кёнсон Ли Бунсу главным командиром ополченцев был избран чиновник Чон Мунбу. В 9-м месяце ополченцы освободили Кёнсон, в 10-м месяце — Кильчу, а затем повернули на север, в Хверён, где наказали предателей, выдавших противнику корейских принцев. В следующем месяце поднялись отряды «Ыйбён» в Хонвоне, Хамхыне, Ёнхыне и других местах.

Таким образом, летом и осенью 1592 г. во всех провинциях Кореи развернулось движение отрядов «Ыйбён», подготовившее условия для изгнания японских захватчиков. Отдельные операции местных войск предшествовали общему наступлению на противника.

Однако правительство Кореи прежде всего ждало помощи от минской династии, испытывавшей в то время немалые трудности из-за феодальных мятежей на окраинах. Лишь после их подавления в Корею был послан полководец Ли Жу-сун во главе 43-тысячной армии. В 12-м месяце 1592 г. она переправилась через Амноккан и в начале 1-го месяца 1593 г. вместе с войсками корейских военачальников Ли Иля и Ким Ынсо подошла к Пхеньяну и штурмовала его. Когда корейские и китайские войска атаковали городские ворота, японские военачальники во главе с Кониси, приказав поджечь Пхеньян, бежали на юг по льду Тэдонгана. 10-го числа отступающие достигли Пэкчхона, где к ним присоединились войска Курода Нагамаса; вместе они откатились к Кэсону. В Хванхэ войска Кониси были атакованы местными силами Ли Сиопа и Ким Гённо. Преследуемые корейскими и китайскими войсками, японские армии под командованием Кониси, Курода и Кобаякава из Кэсона отступили в Сеул.

Армия Ли Жу-суна, достигшая 27-го числа 1-го месяца Ёсоннёна (в Кояне), вступила в бой с японскими войсками, но потерпела поражение. Несмотря на настойчивые предложения корейских министров и военачальников возобновить наступление, Ли Жу-сун отказался преследовать отступающие японские войска и позволил им закрепиться в Сеуле. В конце 2-го месяца 1593 г. туда подошли и войска Като, занимавшие ранее территорию Хамгён, но отступившие под ударами корейских войск и отрядов «Ыйбён» под командованием Чон Мунбу. Быстрое взятие Сеула союзными силами могло бы рассечь японские войска и привести к полному их разгрому по частям.

Как уже упоминалось, еще в 9-м месяце 1592 г. в крепости Токсан, на подступах к столице, возник плацдарм для атаки по тылам японских войск. Его создал Квон Нюль, ставший затем командующим всеми вооруженными силами и отрядами «Ыйбён» провинций Кёнги, Чхунчхон и Чолла. А во 2-м месяце 1593 г. Квон Нюль во главе 10-тысячной армии (включая отряд буддийских монахов под командованием Чхоёна) переправился через Ханган и обосновался в хорошо укрепленной горной крепости Хэнджу (округ Коян). В его подчинении находились также и войска, располагавшиеся в Кымчхоне, на о-ве Канхвадо и в Тхонджине.

Видя огромную опасность, которую представляла крепость Хэнджу, японское командование бросило туда 30-тысячную армию. 12-го числа 2-го месяца 1593 г. эта армия окружила крепость. Штурм оказался безрезультатным, как и попытка поджечь укрепления. Все атаки были отби-

ты, и корейские войска перешли в контрнаступление. Они применили «огневые колесницы» и разнообразные виды огнестрельного оружия. Японские войска понесли тяжелые потери (больше половины их составили убитые), многие из военачальников (в том числе и главнокомандующий Укида Хидэи) получили тяжелые ранения. Началось отступление. Развивая успех, войска Квон Ньюля двинулись на Пхаджу и установили контроль над территорией к югу от р. Имджинган, создав благоприятные условия для освобождения столицы.

Однако тяжелое положение японских армий не удалось использовать в полной мере из-за позиции командующего минскими войсками Ли Жу-суна, все более склонявшегося к заключению мира. Его уполномоченный Чэнь Вэй-цзин, который вел переговоры с японцами еще тогда, когда они были в Пхеньяне, возобновил их с Кониси Юкинага. Эти дипломатические шаги, вызванные нежеланием китайских военачальников считаться со своими союзниками (настаивавшими на более активных действиях), позволили противнику эвакуироваться из Сеула (с 18-го числа 4-го месяца 1593 г.) и устроить там резню и пожары.

Только после того как японские войска откатились на юг, Ли Жу-сун прибыл из Пхеньяна в Сеул. Но он и теперь не спешил преследовать отступавшего противника. Формальный приказ о преследовании был получен из Пекина лишь тогда, когда японские войска были уже слишком далеко — к этому времени они успели укрепиться на южном побережье около Пусана. Между Унчхоном и Сосэпхо они создали 18 укрепленных позиций и явно собирались остаться там надолго. Минские войска расположились в районе Мунгёна, Сонджу, Сонсана, Кочхана и Кёнджу, на почтительном расстоянии от японских баз. Чэнь Вэй-цзин и другие китайские представители вместе с отступающими японскими войсками прибыли в Пусан, а оттуда добрались до Японии, где встретились с Хидэёси.

Корея в период мирных переговоров. Второе японское нашествие

Японские завоеватели вступили в мирные переговоры ввиду неблагоприятного изменения военной обстановки. Однако Хидэёси вовсе не собирался отказаться от своих захватнических планов в Корее. Воспользовавшись стремлением династии Мин к скорейшему заключению мира, правитель Японии явно рассчитывал навязать такие условия мира, которые удовлетворили бы его аппетиты за счет Кореи. Об этом можно судить хотя бы по тому, что среди семи пунктов выдвинутого им мирного соглашения главным было требование передать Японии четыре (из восьми) провинции Кореи. Проект Хидэёси повез в Китай японский посол Найто, ехавший вместе с минскими представителями. Когда они прибыли в Пусан, там освободили пленных сыновей корейского вана (что также предусматривалось японским проектом соглашения).

Ведя переговоры с минским Китаем, Хидэёси не считал себя обязанным соблюдать перемирие в отношении Кореи, о чем свидетельствовало возобновившееся наступление на крепость Чинджу. Японское командование толкнуло на новое наступление не только стремление к реваншу за поражение в Чинджу, но и желание расширить свой плацдарм на юге Кореи. В 6-м месяце 1593 г. многочисленные японские войска двинулись к Чинджу. По приказу корейского правительства в Ёйрёне сосредоточилась войска главнокомандующего Ким Мёнвона и военачальника провинции Чолла Квон Ньюля. Но наступление японских войск помешало им прорваться к Чинджу и заставило отступить в Чолла.

В трудной обстановке командир народного ополчения Кванджу Ким Чхониль призвал всех начальников правительственных войск и отрядов «Ыйбён» двинуться на выручку Чинджу, который, по его словам, для Хонама (Чолла) «так же важен, как губы для зубов». Однако немногие последовали его призыву. Вслед за отрядом Ким Чхониль в Чинджу направились войска Чхве Гёнхве (военачальника правой полупровинции Кёнсан), Хван Джина (военачальника из провинции Чхунчхон), Чан Юна (уездного управителя Сачхона), а также народное ополчение под командованием Ко Джонху (сына погибшего Ко Гёнмёна). Кроме того, в Чинджу уже находились войска уездного начальника Кимхэ Ли Джонъина и некоторые другие местные силы. В общей сложности собралось несколько тысяч солдат и 60—70 тыс. мирного населения. К городу подтягивалось также несколько отрядов народного ополчения. Однако главные силы минских и корейских войск фактически оказались в роли наблюдателей, когда защитники города вступили в неравную борьбу.

20-го числа 6-го месяца у Чинджу появился японский авангард, а на следующий день 50-тысячная японская армия окружила город тройным кольцом. У степ Чинджу развернулось одно из самых ожесточенных сражений Имджинской войны. Защитники проявили исключительную стойкость и героизм в борьбе с сильным противником, применявшим разнообразное огнестрельное оружие и осадные сооружения. Не раз японцам удавалось сделать бреши в городской стене и даже взобраться на нее, но их немедленно сбрасывали.

Стойко и умело действовали войска Хван Джина, одного из самых опытных и дальновидных военачальников. Они отбивали одну за другой атаки противника у восточных ворот и в северо-восточной части города. Когда японцы возвели громадную земляную насыпь, чтобы оттуда штурмовать городские стены, Хван Джин в короткий срок построил такую же контрнасыпь. Противник пытался поджечь город, но люди Хван Джина помешали ему. Японские войска воздвигли пять огромных земляных насыпей и обвели их вершины частоколом, за которым укрылись стрелки, однако воины Хван Джина огневыми стрелами подожгли все эти укрепления. Наконец, когда осаждающие применили специальные, крытые бычьими шкурами фургоны, в которых посадили стрелков, по приказу Хван Джина их подожгли факелами, пропитанными жиром. Попытка японцев устроить подкоп под крепостной стеной стоила им около тысячи погибших воинов.

Гибель этого выдающегося организатора обороны сильно подорвала дух защитников Чинджу. К этому времени они потеряли многих храбрых военачальников (Ким Джунмин, Кан Хибо и др.). И тем не менее даже тогда, когда от непрерывных дождей обвалились стены у восточных ворот и в провал хлынули неприятельские войска, небольшой отряд Ли Джонъина, стоявший насмерть, смог преградить им дорогу.

Однако главные силы японцев сумели ворваться в крепость с северной стороны. В момент наибольшей опасности одним из первых бежал из города его правитель — Со Евон. Это предательство вызвало панику и разброд; оборона была сломлена. Тогда такие стойкие защитники города, как Ким Чхониль и Ко Джонху с сыновьями, Чхве Гёнхве, Ян Сансу и другие, не желая сдаваться врагу, бросились в р. Намган. До конца бились врукопашную Ли Джам, Кан Хиель и десятки других. А Ли Джонъин бросился в реку, увлекая за собой двух вражеских военачальников и крича: «Так умирает кимхэский пуса Ли Джонъин».

Все это произошло 29-го числа 6-го месяца. Ворвавшись в город, японские войска учинили страшную резню оставшихся там воинов и го-

рожан. Немногим из захваченных в плен удалось избежать смерти и поведать о героической обороне Чинджу.

Всех наличных японских вооруженных сил хватило лишь на то, чтобы взять одну корейскую крепость. Но их явно было недостаточно для продолжения войны с корейскими и китайскими регулярными войсками. К этому времени еще более окрепли силы корейского флота, объединенного под общим командованием Ли Сунсина. В 7-м месяце 1593 г. базу корейского флота перенесли на о. Хансандо, что закрепляло его преобладание в Корейском проливе и контроль над коммуникациями противника.

После боев за Чинджу фактически наступило перемирие. Японцы постепенно эвакуировали из Кореи свои войска, измотанные в многочисленных боях, и к 1596 г. оставили крайне незначительные силы в районе Пусана. В середине 1594 г., когда в Корее еще оставались довольно многочисленные японские войска, минское правительство решило ответить свою армию на Ляодун, надеясь на мирное урегулирование конфликта.

Корейское правительство не верило в возможность заключения мира без полного изгнания всех японских войск. Во 2-м месяце 1594 г. оно направило посла в Китай, чтобы убедить в этом минских правителей. Однако склонить их к этой мысли не удалось. Корейскому правительству самому пришлось готовиться к полному изгнанию захватчиков. Эти задачи надо было решать в крайне трудных условиях. Страна была разорена, царили голод и болезни. Ко времени возвращения ванского двора в Сеул (в 4-м месяце 1593 г.) в полуразрушенном городе люди умирали от голода, на улицах валялись трупы. Дело доходило до людоедства. Пришлось принимать чрезвычайные меры для сбора продовольствия и организовать в городах пункты, где варили похлебку, чтобы кормить голодающих. Специальные похоронные команды из буддийских монахов убирали горы трупов.

Для улучшения формирования и обучения войск в центре был создан Хуллён догам (учебный военный корпус). Эта мера явилась началом создания новых регулярных войск. Война доказала полную непригодность старой территориальной организации армии с делением на пять столичных корпусов и провинциальные войска, подчинявшиеся гражданским чиновникам, и особенно старого принципа, предусматривавшего, что отряды местных войск не имели постоянных командиров и для выступления в поход должны были дожидаться прибытия столичных военачальников. Все местные военные формирования отныне подчинили постоянным командирам. Если прежде воинские части формировались строго по сословному принципу, то теперь, исходя из опыта войны, впервые стали группировать их и по видам оружия. Так были сформированы три рода войск (самсубён): войска рукопашного боя (сальсу), вооруженные мечами и копьями; лучники (сасу) и войска огневого боя (пхосу), вооруженные мушкетами и пушками. В соответствии со специализацией производилось и обучение войск. В реорганизации важную роль сыграл один из крупнейших государственных и военных деятелей того времени — Лю Соннён.

Совершенствованию военной организации способствовали также объединение морских сил под командованием Ли Сунсина и создание базы флота на о-ве Хансандо. С этого времени стали строить больше новых крупных военных кораблей, улучшились формирование личного состава, обеспечение флота провиантом (в результате перехода к обработке полей личным составом в прибрежных районах) и координация действий сухопутных и морских сил.

Но укрепление вооруженных сил сдерживалось послевоенными трудностями, а также обострением классовых противоречий и междоусобных распрей. Патриотический подъем народных масс в борьбе против захватчиков не мог снять острых социальных проблем, поскольку война наряду с сохранением обычного феодального гнета принесла бедствия чрезвычайного характера, вызванные вражеским нашествием. В 1592—1595 гг. голод охватил все провинции. Не хватало в ряде мест даже кореньев, трав и древесной коры — все было съедено голодающими. Поиски резервов продовольствия стали самой насущной задачей. Правительство продавало звания и чины тем, кто их мог купить. За определенное количество зерна «незаконнорожденные» приравнивались к законным сыновьям, ноби получали звание простолюдина, простолюдины — янбанов, а янбаны повышались в чинах. Так, за 100 сок зерна давали полную 3-ю степень, за 90 — неполную 3-ю степень, за 30 — неполную 7-ю степень, за 25 сок — неполную 8-ю степень и т. д. Правительство рассылало в провинции чистые бланки грамот о присвоении чинов и званий (чтобы взамен получить зерно), а также особых чиновников, вводящих реквизиции зерна (часто у голодающего населения).

Растущим недовольством изможденного народа можно объяснить успех крупного антиправительственного мятежа, поднятого неким Ли Монхаком, служившим помощником одного из таких чиновников по реквизиции зерна. Назвав себя отпрыском царствующего рода, он стал собирать людей, уклонявшихся от повинностей или готовых сражаться в рядах народного ополчения «Ыйбён», а затем создал тайное общество Тонгалхве (Союз ровесников). В 7-м месяце 1596 г. Ли Монхак выступил в г. Хансане (Чхунчхон) во главе 600—700 монахов и воинов. Арестовав местного уездного правителя, он стал хозяином в городе, а вскоре захватил и соседний Имчхон. Число его сторонников возросло до нескольких тысяч. Мятежники беспрепятственно захватили города Чонсан, Чхонъян и Тэхын; серьезный отпор они встретили лишь в Хонджу. Добившись успеха, правительственные войска потребовали голову Ли Монхака, обещая взамен прощение участникам мятежа. Один из них пробрался в шатер Ли Монхака и убил его, после чего мятежники разбежались. Хотя причины и цели выступления пока не вполне ясны, можно предположить, что это было одно из сепаратистских выступлений феодалов, использовавших народное недовольство и затруднения правительства.

Возродившаяся борьба феодальных клик мешала корейскому правительству занять последовательную позицию и в отношении мирных переговоров между минским Китаем и Японией, проходивших при активном участии авантюриста Чэнь Вэй-цзина, создававшего ложное представление о миролюбии Хидзэси и о возможности соглашения с ним. Хотя с самого начала Хидзэси требовал выдачи минской принцессы в жены японскому правителю, передачи Японии четырех провинций Кореи, а также присылки в качестве заложников корейского принца и одного-двух министров, эти требования не были доведены до сведения минского правительства ведущими переговоры Чэнь Вэй-цином и Кониси. Они сочинили собственную версию об условиях мира, сводившихся якобы только к просьбе присвоить правителю Японии титул вана и разрешить ему поставлять в качестве вассала ежегодную дань минскому двору.

Когда в 1595 г. минское правительство назначило Ли Цзун-чэна послом (а Ян Фан-хэна его заместителем), Чэнь Вэй-цин, боявшийся разоблачения, запугал прибывшего в Пусан посла так, что тот бежал и скрылся. В 1596 г. Чэнь Вэй-цин получил возможность стать заместителем

лем нового китайского посла Ян Фан-хэна. Вместе с ними отправились в Японию и корейские послы Хван Син и Пак Хонджан. Оказав минским послам пышный прием, Хидэёси не уделил никакого внимания корейским, игнорируя их как «мелких чиновников, прибывших с ничтожными вещами». Минские послы привезли Хидэёси императорскую грамоту, возводившую его в звание «вана Японского государства», и соответствующую золотую печать. Однако в императорском послании ни слова не говорилось об удовлетворении захватнических требований Хидэёси, поэтому многолетние переговоры закончились неизбежным разрывом.

Корейский посол доложил о неминуемом японском вторжении своему правительству, а оно спешно сообщило о своих опасениях в Китай. Чэнь Вэй-цзин между тем по-прежнему лживо доносил минским правителям, что Хидэёси, возведенный ими в звание вана, якобы «высказал слова благодарности»¹.

В связи с угрозой нового японского нашествия корейское правительство обратилось за военной помощью к Минам и одновременно готовило свои силы к обороне, направляя в горные крепости людей, припасы и ценности.

Для нового вторжения Хидэёси подготовил большую армию (около 140 тыс.). На этот раз было уделено серьезное внимание укреплению флота. Исходя из опыта боев с кобуксонами Ли Сунсина, в Японии за время перемирия построили десятки крупных кораблей, также обитых листовым железом. Уже с конца 1596 г. началась переброска японских войск в Корею. Авангардные части под командованием Кониси заняли укрепления на о-ве Коджедо, а в порту Сосэнпхо обосновалась армия Като. Но главные силы еще оставались в Японии (они двинулись в середине 3-го месяца, т. е. в апреле 1597 г.).

Как раз накануне их переброски японцы спровоцировали интриги против популярного в народе флотоводца Ли Сунсина, давно вызывавшего неприязнь в правящих кругах. Выполняя поручение Кониси, японский лазутчик Ёсира пробрался в штаб военачальника левой полупровинции Кёнсан Ким Ынсо и доверительно сообщил о прибытии в близком будущем войск Като, которого он изображал недругом своего патрона (Кониси) и главным виновником срыва мирных переговоров. По его словам, Кониси якобы очень хотел, чтобы корейский флот разгромил войска Като, поэтому и решил выдать точную дату и маршрут, каким японские корабли будут их перевозить в Корею. Когда Ким Ынсо доложил об этом правительству, оно легковерно потребовало от Ли Сунсина не упускать представившегося случая и разгромить японский флот. Однако Ли Сунсин, подозревавший подвох, не выполнил приказания, считая, что в это время «морские пути неспокойны, а врагов, должно быть, очень много, и они ждут [нас], держа в засаде войска».

Корейский флот не попал в ловушку; тогда у Ким Ынсо снова появился Ёсира с выражением притворного сожаления, что войскам Като удалось благополучно высадиться. После второго доклада Ким Ынсо пришли в движение враждебные Ли Сунсину силы, сгруппировавшиеся вокруг отстраненного от руководства флотом Вон Гюна (он был военачальником в Чхунчхон), который плел бесконечные интриги против прославленного флотоводца. Под их нажимом Ли Сунсина обвинили в трусости и в 3-м месяце 1597 г. приговорили к смерти. Только из-за всеобщего возмущения и заступничества нескольких высших сановников казнь была заменена разжалованием в рядовые.

Бездарный Вон Гюн, заняв пост командующего, прежде всего отменил установленные при Ли Сунсине порядки. Он закрыл специальный

дом на о-ве Хансандо, где до этого постоянно проживал командующий флотом и где с ним в любое время могли встретиться не только военачальники, но и рядовые, если у них имелись сведения о противнике или какие-то важные предложения. При Ли Сунсине обязательным было детальное обсуждение планов предстоящих операций. Покончив с этим, Вон Гюн на первое место поставил суровые наказания подчиненных. Отстранив всех, кто пользовался доверием Ли Сунсина, Вон Гюн держался надменно и предавался пьянству и разгулу.

Между тем противник не прекратил попыток заманить в ловушку корейский флот. Тот же Ёсира сообщил, что в 6-м и 7-м месяцах 1597 г. предстоит переправа крупных военных сил из Японии. Эти известия, а также настоятельные требования китайского командования ударить по японским морским путям вынудили главнокомандующего корейскими вооруженными силами Квон Ньюля отдать приказ Вон Гюну о немедленном выступлении. Появившись в районе о-ва Чоллэндо, корейский флот сразу же понес потери в результате шторма и вражеских атак, поэтому с трудом добрался до о-ва Кадокто, где и попал в засаду. Затем он был полностью разгромлен в бухте Чхильчхон на о-ве Коджедо. Потеряв большую часть судов и людей, Вон Гюн пытался бежать, но был убит.

Корейский флот был почти полностью уничтожен. Уцелели лишь корабли командующего флотилией правой полупровинции Кёнсан Пэ Соля, которому удалось сжечь на о-ве Хансандо здания, запасы продовольствия и снаряжения и переправить людей на побережье. Только после такой катастрофы правительство спешно вернуло Ли Сунсина на пост командующего флотом, которого тогда практически уже не существовало.

Тяжелые ошибки правящих кругов Кореи позволили противнику летом 1597 г. развернуть комбинированное наступление морем и сушей и глубоко вторгнуться в недостижимую прежде провинцию Чолла. Японский флот двигался вдоль побережья на запад, а сухопутные войска, прорвав слабую оборону у р. Нактонган, проникли в Чолла, заняв Намвон, Чонджу и другие города, и вышли на севере в пределы Чхунчхон. Однако на этот раз японские армии натолкнулись на более подготовленные и многочисленные вооруженные силы Кореи и минского Китая. В большом сражении, развернувшемся 7 и 8-го числа 9-го месяца на равнинах Соса и Кымо, около Чиксана (провинция Чхунчхон), они потерпели сокрушительное поражение и откатились на юг: войска Кониси — до Сунчхона, войска Като — до Ульсана, войска Симадзу — до Сачхона. Там японские военачальники надеялись укрепиться и подготовиться к новому броску. Однако надежды оказались тщетными; к этому времени и династия Мин, более трезво оценив опасность новой японской угрозы, направила в Корею 140-тысячную армию. С введением в действие этих сил, а также корейских войск и отрядов народного ополчения положение японских завоевателей резко ухудшилось.

Не получили развития и их первоначальные успехи на море. Ко времени возвращения Ли Сунсина на пост командующего флотом имелось лишь 12 кораблей и немногим более сотни матросов. Корейское правительство даже собиралось ликвидировать флот как особый род войск и влить моряков в сухопутные войска. Против этого категорически возражал Ли Сунсин: «Враг только ждет, чтобы был уничтожен наш флот. Поэтому если распустим флот, то Ваш слуга боится, как бы враг не добрался морем до реки Ханган (т. е. до самой столицы.— Авт.). Пусть кораблей поразительно мало, но, до тех пор пока жив Ваш слуга, враг не сможет не посчитаться с нами», — писал он в донесении вану.

16-го числа 9-го месяца более 330 вражеских кораблей устремились

к базе корейского флота на о-ве Чиндо. У корейцев боевые корабли были скрыты среди рыбацких судов, замаскированных под военные. Заманив врага к проливу Мёнпьян (где было сильное течение), Ли Сунсин приказал бросить якоря и вступил в решительный бой с намного превосходившими силами противника. Отличаясь непреклонной волей к победе, он требовал того же и от своих подчиненных². Окруженные вражеским кольцом, команды немногочисленных корейских кораблей, ловко используя течение в проливе, действовали с таким героизмом и мастерством, что потопили в ближнем бою более 30 кораблей и уничтожили несколько тысяч врагов.

Эта победа вновь сорвала планы переброски японских войск морским путем вдоль западного побережья. Сухопутные части были зажаты в небольшом районе на юге, куда в начале 1598 г. устремились наступающие корейские и китайские войска. К этому времени окрепший корейский флот перебазировался на Когымдо (к югу от Канджина). Ли Сунсин получил подкрепление от китайского флота (более 5 тыс. человек). Нажим сухопутных сил и объединенного флота создал столь тяжелое положение для японской группировки в Сунчхоне, что Кониси попытался подкупом склонить китайских военачальников к миру. Однако операции корейского флота усилили изоляцию этой группировки, испытывавшей страшный голод. Несмотря на отступление китайских войск, Ульсан в начале 1598 г. был очищен от войск противника. Менее удачными оказались действия минского военачальника в Сачхоне.

В 8-м месяце 1598 г., когда обозначился провал второго японского нашествия, пришло известие о смерти инициатора грабительской войны — Тоётоми Хидэёси. С этого времени началось бегство японских войск из Кореи. В особенно тяжелом положении оказалась блокированная с моря и суши группировка Кониси в Сунчхоне. Чтобы вырваться из окружения, она решила использовать более 500 кораблей, находившихся в районе Сачхона, Намхэ и Косона. 18-го числа 11-го месяца 1598 г. объединенный корейско-китайский флот, перехватив вражеские корабли, завязал ожесточенное сражение в бухте Норянджин. Бухта покрылась горящими японскими кораблями; было уничтожено более 10 тыс. врагов. В этом последнем сражении Имджинской войны получил смертельную рану командующий корейским флотом Ли Сунсин. Умирая, он просил не объявлять о своей смерти до тех пор, пока бой не завершится. Его великий патриотизм и талант флотоводца послужили делу спасения родины в один из самых критических периодов ее истории.

Продолжавшаяся около семи лет Имджинская отечественная война корейского народа завершилась полным изгнанием войск захватчиков.

В крайне неблагоприятных условиях корейский народ, поднявшийся на справедливую войну, проявил беззаветное мужество и патриотизм. Он выдвинул из своей среды выдающихся полководцев — вождей народной войны, сыгравших огромную роль в разгроме японских армий и крушении завоевательных планов Хидэёси. Некоторое значение для успешного исхода войны (особенно во время второго японского нашествия) имела помощь минской династии, отстаивавшей прежде всего собственные интересы, так как японские завоеватели открыто угрожали установить свое господство в Китае.

Имджинская война, вызвавшая огромный патриотический подъем народа, оказала глубокое влияние на последующее историческое развитие Кореи. Она послужила серьезным импульсом в процессе кристаллизации национального самосознания корейцев, нашедшего яркое выражение в общей ненависти к завоевателям и готовности дать им отпор. Но вместе с тем в среде правящего класса страны со времени этой войны

усилилось почитание минской династии как своей спасительницы, что способствовало дальнейшему росту преклонения (садэджуй) перед Китаем, которое оказало неблагоприятное влияние, задерживая процесс утверждения политической и идеологической самостоятельности формирующейся нации, преодоления изживших себя феодальных традиций в международных отношениях, в области внутренней политики и культуры.

Со времени этой войны, принесшей огромные разрушения, усилилась тенденция к изоляции Кореи от внешнего мира. Война не только ухудшила отношения между воевавшими государствами, но и содействовала быстрому укреплению за это время государства чжурчжэней, превратившегося в новый очаг нарушения мира и завоевательных войн в Восточной Азии.

Корея после Имджинской войны

Японские нашествия принесли Корее огромные бедствия, разрушение городов и селений, гибель множества людей, общий упадок производительных сил.

Население страны значительно сократилось. Число дворов в столице с 80—90 тыс. уменьшилось до 30—40 тыс. Площадь пахотных земель к 1611 г. составила (как можно судить по докладу управляющего Ходжо Хван Сина) всего лишь 541 тыс. кель по сравнению с 1708 тыс. кель в довоенное время. Особенно сильно (более чем в 6 раз) сократились посевные площади в провинции Кёнсан, подвергшейся наибольшим опустошениям. В запустение пришли огромные пространства. В докладе Пибёнса (1600 г.) отмечалось, что если к западу от Понсана в провинции Хванхэ можно встретить кое-где население, то на всем пути от Понсана до Сеула нельзя найти даже следов человеческого жилья. Такое же положение сложилось на дорогах, соединявших столицу с Чиксаном и Чуксаном на юге и с Ичхоном на юго-востоке.

Прямым следствием японских нашествий явились упадок ремесел (многие мастера по керамике и фарфору, например, были увезены в Японию) и утрата многих бесценных сокровищ корейской культуры (памятников архитектуры, произведений литературы и искусства). Корейские металлические шрифты, захваченные как военные трофеи, послужили основой развития наборного книгопечатания в Японии. Из четырех хранилищ летописей и документов династии Ли погибли три, находившиеся в столице, Чхунджу и Сонджу. Впоследствии династийная история была восстановлена по единственному комплекту из хранилища в Чонджу.

Разрушения и бедствия, вызванные войной, усугублялись социально-экономическими процессами, которые начались еще до войны и продолжались после нее. Корейский народ, вынесший все тяготы шоземного нашествия и героически отстаивавший свою страну, не только не получил облегчения своей участи, но и попал в еще более тяжкие условия усилившейся феодальной эксплуатации. После войны ускорился рост крупного феодального землевладения, главным образом за счет крестьянских наделов. Для расширения своих земельных владений знать использовала вынужденное бегство населения во время войны, расстройство государственной системы учета земли и неспособность правительства обеспечить средствами центральные, местные и военные учреждения.

После Имджинской войны возникли новые категории крупного феодального землевладения. Не только Хуллён догам (учебный военный корпус), но и остальные военные и гражданские ведомства занимали земельные участки, доходы с которых должны были идти на содержание

их штата. Практически же эти ведомственные земли (амун тунджон) попадали в полное распоряжение высших чиновников учреждений. Огромные земельные массивы присваивали ближайшие родственники царствующего дома, не довольствовавшиеся прежними владениями и установленным жалованьем. Полученные таким образом земли приписывались к их дворцам и потому назывались кунбанджон (дворцовыми). Наряду с ведомственными землями они стали самыми крупными категориями феодальной землевладения. Кроме того, феодалы превращали в свою собственность участки земли, изъятые у владельцев под предлогом создания «укреплений», «крепостей» и т. д.

Переучет земельных площадей, предпринятый в 1601—1604 гг., привел не к укреплению государственной собственности и позиций правительства, а к закреплению раздела государственного земельного фонда частными владельцами и экспроприации ими мелких собственников. Влиятельные и могущественные феодалы, запугивая или подкупая землемеров, исключали свои земли из государственного реестра, записывали в качестве владений земельные наделы, принадлежавшие крестьянам или менее влиятельным феодалам. Такие же последствия имело и усиление контроля за осуществлением закона об именных табличках в 1610 и в 1625—1626 гг. Хотя эта мера должна была выявить лиц, обязанных нести военные и другие повинности, и тем способствовать укреплению централизованного государства, ее использовали только для наступления на народные массы в интересах крупных землевладельцев. Так, всех nobis, которые во время войны (за военные заслуги и другим путем) получили статус простолюдинов, теперь вернули в прежнее состояние и подвергли жесточайшему угнетению.

Следствием роста крупного феодального землевладения было непрерывное сокращение доходов казны. Если в XVI в. ежегодные поступления в Ходжо составляли 200 тыс. сок, то в 1634 г.— лишь 80 тыс. сок, хотя к этому времени хозяйство Кореи в известной мере уже оправилось после военной разрухи. Для покрытия финансового дефицита правительство сохранило старые и ввело новые налоги (самсуми, морянми и др.).

Чтобы спастись от невыносимых поборов, государственные крестьяне убегали или отдавались под покровительство влиятельных феодалов, дворцов аристократии или правительственных учреждений, попадая таким образом в полную крепостную кабалу. Именно это вызывало возмущение крестьянства. Так, участники поднявшихся в 1623 г. восстаний требовали прекратить дальнейшее расширение крупных земельных владений знати за счет крестьянских полей.

Обострившаяся борьба в господствующем классе за политическое влияние и земельные владения проявилась прежде всего в форме вновь усилившихся столкновений феодальных клик («партий»).

В 1599 г. внутри правящей «партии» северян (пукин) образовались новые клики, каждая из которых преследовала честолюбивые цели.

Борьба между Большой северной и Малой северной «партиями» развернулась по вопросу о престолонаследии, с которым связывались шансы на завоевание господства.

В 1606 г. ван Сонджо умер, и на престол взошел князь Кванхэ; восторжествовала Большая северная «партия». По ее настоянию Кванхэ совершил такие несоместимые с конфуцианской моралью действия, что впоследствии не смог войти в историю с титулом вана. Обвинив в заговоре против верховной власти, Кванхэ убил родного брата Имхэ и малолетнего сводного брата Ёнчхана, а также заточил свою мачеху (по конфуцианским понятиям, «царственную мать»).

В связи с этим оживилась деятельность «партии» западников, орга-

низовавших вооруженное выступление против «злодея» Кванхэ. Свергнув его, они возвели на престол его племянника, который известен под именем вана Инджо (1623—1649). Переворот явился сильным ударом по Большой северной «партии», деятели которой поплатились казнями, ссылками и потерей мест. Захват власти Западной «партией» также не принес стране желанного спокойствия. Хотя делались жесты примирения с другими «партиями» (например, с южанами, которых даже привлекли в правительство), но они не устранили противоречий между феодальными кликами. Теперь соперничество разгорелось в самой Западной «партии».

В 1624 г. поднял мятеж один из главарей Западной «партии» — Ли Гваль, считавший себя обделенным. Назначенный военачальником в провинцию Пхёнап, Ли Гваль решил воспользоваться атмосферой народного недовольства и двинул на столицу подчиненные ему провинциальные войска, чтобы «устранить зло возле государя». С приближением 12-тысячной армии мятежников ван Инджо и его двор бежали в Конджу. После кратковременных успехов (в том числе и взятия Сеула) войска Ли Гваля потерпели поражение, а сам он был убит одним из приверженцев.

Неустойчивость внутреннего положения могла иметь серьезные последствия, если учесть угрозу со стороны крепнувшего на севере чжурчжэньского государства³.

Борьба против маньчжурских нашествий

Одним из важных последствий Импжинской войны, в которой внимание ряда стран Дальнего Востока было приковано к битвам в Корее, явилось серьезное усиление чжурчжэньского государства в Маньчжурии. Вождь цзяньжоувэйских чжурчжэней Нурхацци, объединив чжурчжэньские племена, основал в верховье р. Суцзы свою столицу — Хэтуала. Пользуясь ослаблением Кореи во время Импжинской войны, Нурхацци стремился усилить влияние на нее, предлагая (через минское правительство) военную помощь и установление добрых отношений. Корейское правительство отказалось от помощи, но направило Син Чхунья, чтобы разведать состояние государства Нурхацци.

Особенно усилилось чжурчжэньское государство в первые десятилетия XVII в. В 1616 г. чжурчжэни назвали его «Хоу Цзинь» («Позднее Цзинь»), и Нурхацци принял титул хана. Одновременно чжурчжэни (они стали называться маньчжурами) отторгали по частям окраинные владения Минской империи, которой в 1618 г. объявили войну.

Корее следовало определить свое отношение к завязавшей борьбе. Однако смена у власти «партий» не позволяла ни мобилизовать ресурсы для обеспечения безопасности страны, ни даже правильно определить линию поведения в создавшейся обстановке.

В правление князя Кванхэ была сделана попытка удержаться на позиции нейтралитета. Когда династия Мин, направив карательные силы против маньчжуров, требовала от Кореи военной помощи, Кванхэ и Большая северная «партия», стоявшая у власти, не торопились с ответом. Лишь после настоячивых напоминаний было решено снарядить 13 тыс. воинов во главе с Кан Хоннипом. В начале 1619 г. они выступили на Ляодун и присоединились к минским войскам, однако при попытке окружить Хэтуала минская армия потерпела тяжелое поражение. Отряд Кан Хоннипа также понес значительные потери в бою у Фучэ и был окружен маньчжурской конницей. Вступив в переговоры с маньчжурами, Кан Хоннип заявил, что посылка против них войск не соответствует истин-

ным желаниям корейского правительства, и сдался со всеми подчиненными.

Учитывая это, маньчжуры решили вернуть большую часть корейских пленных (за исключением Кан Хоннипа и других военачальников) и через своих послов предложили Корее установить дружественные отношения, поскольку им необходимо было сосредоточить все усилия на борьбе с династией Мин. Поддерживая втайне дипломатические связи с маньчжурами, правители Кореи одновременно старались успокоить Минов.

Между тем маньчжуры успешно громилы минские войска на Ляодуне и усилили давление на их позиции в Ляоси. Минский военачальник Мао Вэнь-лун вынужден был отступить из Ляодуна в Корею и обосновался на о-ве Гандо около Чхольсана на Амноккане. Положение корейского правительства оказалось весьма затруднительным, так как минские войска не только требовали военной помощи, но и совершали грабежи и реквизиции к северу от Чхончхонгана, а главное — ставили под угрозу безопасность северной границы. Не портя отношений ни с Минами, ни с маньчжурами, Кванхэ пытался укрепить позиции на севере, усилив гарнизоны крепостей, перебросив туда военные запасы и назначив способных военачальников.

Однако после свержения Кванхэ (1623 г.) захватившая власть клика западников повела более опрометчивую политику. Недооценив силы маньчжуров и явно преувеличивая могущество Минов, она порвала отношения с маньчжурами и стала на путь безоговорочной поддержки минской династии, хотя и не могла подкрепить свою политику необходимой силой. Это ускорило вторжение маньчжуров в Корею.

Перенеся столицу в Шэньян (1625 г.), правители Хоу Цзинь пытались продвинуться дальше в Ляоси, но потерпели неудачу, так как одновременно с двух сторон подверглись ударам минских войск. Нурхаци не смог взять крепость Ниньюань (в Ляоси) и умер во время осады. При его сыне Абахаяе (Тайцзуне) было решено сначала покорить Корею.

В 1-м месяце 1627 г. 30-тысячная маньчжурская армия под предводительством Амина (сына Абахая) внезапно вторглась в Корею по льду Ампоккана. Захватив Ыйджу и продвигаясь на юг, маньчжуры столкнулись с героическим сопротивлением населения и гарнизонов Чонджу, Сончхона, Кваксана и др. Крепость Нынхан (недалеко от Кваксана) стала одним из оплотов сопротивления захватчикам. Серьезный отпор противник встретил и в Анджу. Благодаря численному превосходству маньчжуры сумели захватить Анджу, а затем Пхеньян и прорвались до Пхёнсана. Ван Инджо, придворные и правительство укрылись на о-ве Канхвадо, и там большой вес приобрели сторонники примирения с маньчжурами.

Маньчжурские войска, как до них японские, сразу же столкнулись в Корее с народным сопротивлением. Уже в конце 1-го месяца в районах, расположенных к северу от Чхончхонгана, начали возникать отряды «Ыйбён». Во 2-м месяце вблизи Чхольсана народное ополчение под предводительством Чон Бонсу вступило в бои с маньчжурскими войсками. Двигаясь на юг, захватчики оказались в мертвом пространстве, где не могли найти ни продовольствия, ни фуража. Они предложили корейскому правительству мир, который и был сразу же принят.

В начале 3-го месяца 1627 г. был заключен «братский союз» между маньчжурским ханом и корейским ваном. Соглашение предусматривало вывод маньчжурских войск из Кореи, взаимный отказ от враждебных действий (это значило, что Корея должна прекратить помощь минскому Китаю), ежегодный обмен посольствами и дарами, открытие пограничной торговли.

Однако маньчжуры не спешили отходить дальше Чхончхонгана, ссылаясь на необходимость борьбы с войсками Мао Вэнь-луна. Поэтому нужно было воздействовать на них силой. Партизанские отряды, собранные Чон Бонсу из населения Чхольсана, Ёнчхона и других мест, сосредоточились в горной крепости Ёнголь и оттуда наносили удары по маньчжурским тылам. Тогда маньчжуры попытались захватить эту крепость. Они предприняли пять атак, отбитых героическими защитниками крепости. Ожесточенные удары по вражеским силам в районе Ёйджу напесли отряды Ли Ипа, базировавшиеся в Совипхо. Под натиском народного ополчения маньчжуры отказались от намерения сохранить под своим контролем часть корейской территории.

Заклучив мир с Кореей, они бросили все силы против Китая, причем для этого стремились получить из Кореи военные корабли, судостроителей и моряков, а также большие запасы продовольствия. Вопреки клятве о «братском союзе» они обращались с Кореей как с покоренным вассалом, совершали набеги на пограничную территорию и грабили население. Все это усиливало в Корее антиманьчжурские настроения и желание укрепить союз с Минами. Однако напуганная крестьянскими восстаниями (например, в провинциях Чхунчхон и Чолла в 1628 г.) правящая клика ограничилась лишь декларациями о союзе с Минами, но не смогла сделать ничего существенного для укрепления военной мощи своей страны.

Покорив монгольских князей, Абахай (Тайцзун) в 1636 г. провозгласил себя императором (бросив прямой вызов минской династии). Свою империю он назвал Цинской и потребовал от соседей признания своего верховенства как «сына Неба». Прибывшие в Корею с извещением об этом маньчжурские послы предложили вану признать вассальную зависимость от новой династии. Ван Инджо в обстановке всеобщего возмущения действиями маньчжуров отказался принять послов. О разрыве с Цинами было широко объявлено по стране, а маньчжурам напомнили, чем кончились японские нашествия. Война с маньчжурами стала неизбежной, но страна по-прежнему не была подготовлена к ней.

В 12-м месяце 1636 г. (по европейскому календарю январь 1637 г.) Абахай (Тайцзун) во главе 100-тысячной армии напал на Корею. Минюа хорошо укрепленный Ёйджу, маньчжурские войска спешно двинулись на Сеул. Когда двор и семьи знатных янбанов перебрались на Канхвадо, ван Инджо также собрался отправиться туда, но дороги уже были перерезаны противником. Тогда вместе с наследником и ближайшими сановниками он отправился в Кванджу и укрылся в горной крепости Намхан, где находилось более 13 тыс. войск и запасы продовольствия на 50 дней. Отсюда ван разослал в провинции призывы о присылке подкрепления.

Цинские войска, захватив Сеул, вскоре осадили Намхан. Несмотря на бешеные атаки противника, стремившегося взломать стены крепости, ее защитники устраивали частые вылазки и наносили удары по осаждающим. Не хватало продовольствия, и обороняющиеся ждали помощи из провинций. Но помощь задерживалась, так как на главных дорогах маньчжуры устроили заслоны. Окружение вана Инджо было крайне обеспокоено тем, что защитники крепости открыто роптали против находившихся в крепости сановников.

Вот почему известие о захвате маньчжурами о-ва Канхвадо и пленении родственников вана и знати решающим образом склонило Инджо к капитуляции. В споре сторонников и противников капитуляции он поддержал первых и 30-го числа 1-го месяца 1637 г. сдался. Капитуляция была скреплена «клятвой под стенами крепости». Корея порывала всякие связи с минской династией и должна была выполнять все «вассаль-

ные обязанности» в отношении Цинской империи. В качестве гарантии маньчжуры потребовали присылки заложников (в том числе двух сыновей вана) и казни наиболее активных противников капитуляции (Хан Икхана, Юн Джипа и О Дальдже).

После прекращения военных действий были рассеяны силы народного сопротивления, собранные по провинциям и уже вступившие в борьбу с маньчжурскими войсками. Так, ощутимый удар по главным силам противника нанесли отряды под предводительством Пак Чхольсана в районе горы Чоксан (в 60 ли к югу от Ёнгана). С тех пор эта гора называется «Партизанской» («Ыйбёнсан»).

Капитуляция принесла новые тяготы народным массам. Корея должна была оказать помощь маньчжурам войсками, снаряжением, провиантом и кораблями в предстоящем походе против Китая; ежегодно отправлять дань золотом, серебром, зерном, шелками, хлопчатобумажными и пеньковыми тканями, бумагой. Недовольство народа и возможность новых социальных потрясений вынудили правящий класс сопротивляться чрезмерным маньчжурским требованиям (саботировать, например, военную помощь), создавать иллюзию подготовки к борьбе против маньчжуров в союзе с «законной» минской династией. Именно такие настроения вынудили маньчжуров в 1645 г. уменьшить размеры дани (число ежегодных посольств с четырех сократили до одного).

Наука и общественная мысль в XV — первой половине XVII в. Зарождение сирхак

Социально-экономические преобразования, проведенные первыми правителями из династии Ли, частичная стабилизация политической жизни, отсутствие вплоть до конца XVI в. разорительных войн — все это не могло не способствовать новому подъему феодальной культуры в Корее. Особенно значительные успехи были достигнуты в первой половине XV в., при ване Седжоне, который был образованным человеком и покровительствовал науке, литературе и искусству.

Некоторые сдвиги в развитии производительных сил, происшедшие с начала XV в., вызвали заметный рост научно-технической мысли в Корее. Среди технических новшеств выделялось изобретение в 1442 г. дождемеров, которые устанавливались в провинциальных и уездных центрах. Они позволяли более точно определить количество осадков, выпавших в данной местности; эти данные учитывали при проведении полевых работ. Кроме того, были изобретены приспособления для определения глубины рек (1441 г.) и измерения расстояния на местности (1467 г.). Последнее позволило развернуть значительные для того времени картографические работы.

Общий подъем производства в Корее привел к появлению новых видов ремесленной продукции, повышению мастерства ремесленников. Это видно, в частности, на примере военной техники и судостроения. В XV в. более широко начали использовать огнестрельное оружие. Много стараний для организации его производства приложил Чхве Хэсан — сын Чхве Мусона, наладившего в Корее изготовление пороха. Корейские мастера овладели искусством выработки «огненного зелья», а также ружей, пушек и подрывных снарядов. Хотя огнестрельное оружие еще далеко не вытеснило лук и стрелы, оно все же укрепило обороноспособность страны и содействовало возникновению новых отраслей корейского ремесла. Продолжало развиваться судостроение. Его крупнейшим дости-

жением были «корабли-черепахи», сыгравшие огромную роль в Имджинской войне.

Более совершенной стала техника книгопечатания. Уже в 1403 г. в Сеуле устроили мастерскую, изготавливавшую наборные шрифты. В качестве материала испытывали медь, железо, фарфор и даже кору тыквы. Часть шрифтов резали из дерева. С 1436 г. для литья шрифтов в основном использовали свинец. Во времена Седжона четыре раза отливали крупные партии литер, добиваясь их совершенства. Эта работа продолжалась и при его преемниках. В 1434 г. видный чиновник Ли Чхон изобрел более удобный способ верстки наборных знаков, что облегчило и ускорило процесс печатания. Одновременно продолжалось массовое изготовлениексилографических оттисков. Книгопечатни имелись не только в столице, но и в других городах, а также в крупных монастырях и храмах.

Потребности сельского хозяйства вызвали необходимость обобщить соответствующий опыт, накопленный в самой Корее и соседних странах. В 1430 г. по указанию Седжона была издана книга Чон Чхо «Нонса чик-соль» («Все о земледелии»). Она предназначалась жителям северных провинций и рассказывала о том, как ведутся сельскохозяйственные работы в основных сельскохозяйственных районах юга Кореи, излагала основы агротехники, давала рекомендации о способах повышения урожайности важнейших культур. Изучалось земледелие и в отдельных районах Кореи. Так, в 1491 г. Кан Химэн опубликовал материалы своих наблюдений за обработкой земли и выращиванием урожая в уезде Кымчхон провинции Кёнги («Кымян чамнок»). Такого рода труды издавались и в последующее время.

Как и прежде, большое внимание уделялось астрономии. Во времена Седжона ученые Ли Сунджи и Ким Дан внесли серьезные уточнения в принятую в Корее систему летосчисления. В XV—XVII вв. корейские ученые и мастера создали и усовершенствовали полтора десятка приспособлений и механизмов для астрономических наблюдений и измерения времени. Вот как описывали современники водяные часы, установленные при Седжоне в одном из сеульских дворцов: «Посреди Зала почтения и благоговения... стоит гора, вылитая из меди, вышиной в семь футов с лишним. Внутри горы помещена искусно устроенная машина. Натиск воды, действующей на нее из каменной вазы... приводит в движение колеса, обращает пятицветные искусственные облака около солнца и показывает восхождение и захождение оного. Кроме того, в ней помещены фигуры, показывающие каждый час времени, как-то: солдат, красавица и 12 духов. По наступлении каждого часа солдат звонит в колокол, красавица выходит с часовой планкой, 12 духов тотчас встают и становятся по своим местам».

Корейские медики создали ряд значительных для своего времени трудов, обобщавших накопленный веками опыт врачевания, в том числе и иглотерапии. В 1445 г. вышло подготовленное Ким Суный и другими учеными объемистое (365 книг) «Бйбан ючхви» («Собрание способов лечения»). В нем описаны важнейшие правила диагностики известных тогда болезней и методы их лечения. В 1456 г. Но Джунне издал «Хяньяк чипсонбан» («Собрание сведений о местных лекарствах») — одно из лучших в Корее пособий по фармакологии, содержавшее также рекомендации по применению иглотерапии, различных прижиганий и т. д. (85 книг). Через некоторое время появился расширенный вариант этого труда, дополненный новыми данными о лекарствах и приемах лечения.

В 1610 г. видный корейский ученый Хо Джун опубликовал обширное исследование «Тоный погам» («Сокровищница восточной медицины»).

В нем автор критически рассмотрел более 500 корейских и китайских медицинских трактатов. В книге приведена классификация известных тогда болезней, описаны методы их лечения. Хо Джун особенно резко высказывался против суеверий и знахарства, царивших в те времена в Корее. Его книга на долгие годы стала важнейшим пособием для корейских медиков.

В XV в. рост основных отраслей производства, некоторое укрепление экономических связей вызвали усиленный интерес к родной земле, к ее рельефу, богатствам, путям сообщения и т. д. В больших масштабах в Корее велись картографические работы, создавались описания всей страны и отдельных ее местностей. В 1432 г. собранные прежде сведения были обобщены Мэн Сасоном и другими учеными в «Пхальто чириджи» («Географическое описание восьми провинций»). В него включили основные данные о всех округах и уездах Кореи. В 1455 г. Ян Сонджи составил «Чириджи чидо» («Географическое описание и карты»), а в 1463 г. совместно с Чон Чхоком и другими подготовил «Тонгук чидо» («Карта Кореи»).

В 1481 г. видные ученые Но Сасин, Кан Химэн, Со Годжон вновь систематизировали имевшиеся сведения о географии Кореи и издали «Тонгук ёджи сыннам» («Описание корейской земли и ее достопримечательностей»), которое на несколько веков определило развитие корейской географии. В дальнейшем его не раз уточняли и дополняли новыми данными. Наиболее серьезной реконструкции этот труд подвергся в 1530 г. На его основе Ли Хэн, Юн Ынбо, Син Гондже и другие ученые создали «Синджын тонгук ёджи сыннам» («Новое, дополненное описание корейской земли и ее достопримечательностей»). Оно состояло из 55 книг и содержало подробные и систематизированные сведения о каждом уезде (рельеф местности, полезные ископаемые, история, достопримечательности, обычаи и занятия жителей и т. д.). В 1609 г. вышло новое издание этой географической энциклопедии.

В более широких, чем прежде, масштабах велось изучение истории Кореи. В XV—XVII вв. появился ряд сочинений, в которых феодальные историографы делали попытку описать исторический путь, пройденный страной. В 1450 г. вышло подготовленное группой ученых «Тонгук пёнгам» («Военное обозрение Кореи») — первый труд о борьбе Кореи против иноземных нашествий со времен трех государств и до конца XIV в. В 1485 г. было издано «Тонгук тхонгам» («Общее обозрение [истории] Кореи»), повествовавшее о событиях с ее глубокой древности до 1392 г.

Вскоре после воцарения династии Ли началась подготовка к составлению развернутой истории государства Корё. Для этой цели Седжон образовал специальную комиссию из нескольких десятков ученых во главе с Чон Нинджи. Результатом длительной работы комиссии была опубликованная в 1451 г. «Корё са» («История Корё»), состоявшая из 139 книг. Помимо подробной хроники по годам в нее включены многочисленные описания (география Корё, принятый там календарь, конфуцианские и буддийские церемонии, военная и чиновная системы, состояние экономики, законодательство и т. д.), а также биографии видных сановников, ученых, полководцев, знаменитых «мятежников» из числа феодалов и пр.

Одновременно составлялась летопись правившей в Корее династии Ли. Специальное придворное ведомство — Чхунхугван — собирало и хранило указы ванов и другие официальные бумаги (доклады центральных и местных властей, донесения ревизоров, петиции чиновников и пр.). Все эти документы включались в летопись. По традиции каждый ван должен был обеспечить создание истории своего предшественника. Так, в

1454 г. при Танджоне была завершена пространная «Седжон силлок» («Летописи или подлинные записи [правления] Седжона»). Такие летописи публиковались на протяжении всей истории династии Ли — вплоть до начала XX в. Все они (более 1700 книг) объединены в «Лиджо силлок» («Летописи династии Ли»).

В Корее, как и в других странах, законодательные нормы часто отставали от развития производственных отношений. Давно уже сложившиеся и процветавшие в Корее феодальные порядки не имели соответствующего юридического оформления. В предшествующие периоды жизнь корейского государства регламентировалась сложившимися традициями и множеством ванских указов, порой противоречивых. Чиновники не всегда могли в них разобраться. Во второй половине XV в. придворные правоведы пересмотрели и уточнили изданные с конца XIV в. законы и правила. В 1485 г. было издано «Кёнгук тэджон» («Великое уложение для управления государством»); в Корее впервые появился юридический кодекс, определявший важнейшие стороны существования феодального общества. Главной его задачей была защита интересов правящего класса, сохранение и упрочение господствовавшей в стране системы феодальной эксплуатации.

Выдающимся событием в истории корейской культуры явилось создание национальной письменности, необходимость которой диктовалась всем развитием экономики и культуры, ростом национального самосознания корейского народа. Передовые деятели науки и культуры все отчетливее сознавали, что назрела потребность отказаться от использования китайской письменности, не отвечавшей всему складу самобытного корейского языка. Не в полной мере соответствовал возможностям корейского языка и сохранившийся со времен Силла способ передачи звуков и слов посредством китайских иероглифов (иду).

По инициативе и при участии вана Седжона группа видных ученых (Чон Нинджи, Сон Саммун, Син Сукчу, Чхве Хан, Пак Пхэннён и др.) разработала оригинальную корейскую письменность. Она была обнародована в конце 1443 г. под названием «Хунмин чоным» («Наставление народу о правильных звуках»). Новая письменность представляла собой алфавит, состоящий из 28 гласных и согласных букв (позднее их число увеличилось до 40). Этот алфавит намного проще и доступнее китайских иероглифов, он в полной мере отражает все богатства корейского языка. Им пользуются в Корее и в настоящее время. После введения новой письменности были приняты некоторые меры для ее распространения. Ее должны были изучать в казенных школах. Отдельные ванские указы и другие официальные документы, а также научные и художественные книги издавались с применением новой графики. В XVI в. крупные ученые Чхве Седжин и Квон Мунхэ сделали первые попытки изучить фонетику и словарный состав корейского языка. В своих трудах они пропагандировали достоинства национальной письменности.

Однако корейскому алфавиту еще предстоял длительный путь борьбы за существование. Господствующий класс в целом неодобрительно отнесся к реформе письменности. В первую очередь сказалось укоренившееся в его среде преклонение перед Китаем. Феодалы и чиновники по-прежнему предпочитали пользоваться китайским языком. Корейскую письменность они считали «вульгарной» и даже презрительно именовали ее «женской». В конфуцианских учебных заведениях, как правило, главное внимание уделялось изучению иероглифов. В результате корейская национальная письменность не получала должного признания вплоть до конца XIX — начала XX в.

Несколько расширилась система просвещения. Однако ее социаль-

ная структура ничуть не изменилась. Учиться по-прежнему могли только дети феодалов и чиновников, а также сравнительно небольшой части богатых крестьян, купцов и ремесленников. Для основной массы населения учение оставалось недоступным. Как и раньше, главной задачей школы была подготовка кадров для государственного аппарата. Феодалы власти открывали необходимое для этого число учебных заведений, которые находились под их полным контролем, выделяли для них весьма обширные наделы земли. Высшим учебным заведением была Сонгюнгван — конфуцианская академия, располагавшаяся сначала в Кэсоне, а затем в Сеуле. В столице было также четыре школы — «Центральная», «Южная», «Западная» и «Восточная», именовавшиеся так по названиям кварталов, где они находились. В каждой провинции и в каждом уезде имелись «хянгё» («местные школы»).

В этих школах обучали счету и письму (преимущественно иероглифическому). Однако главное внимание уделялось изучению конфуцианской этики и морали. Зубрежка конфуцианских канонов по-прежнему занимала основное место в учебных занятиях. Помимо обычных школ было и несколько специальных, готовивших военных, правоведов, врачей, переводчиков, каллиграфов и т. д.

По традиции в Корее кроме упомянутых казенных школ были и частные. Их основывали видные конфуцианские ученые в столице, в провинциальных и уездных городах. Число таких школ постоянно росло. С конца XV в. они серьезно потеснили казенные и заняли преобладающее место в системе просвещения. С этого времени, например, усиленно создаются совоны, которые становятся средоточием местных конфуцианских сил. В XVI — первой половине XVII в. насчитывалось уже около 250 совонов. При каждом имелась своя школа.

С приходом к власти династии Ли конфуцианство утвердило свое полное преобладание в области идеологии. Выше уже указывалось, какие меры были приняты в начале XV в. против буддизма. Подвергался гонениям и даосизм, хотя он никогда не играл в Корее заметной роли (в 1518 г. был закрыт центральный даосский храм в Сеуле). Однако господствующий класс не собирался окончательно отказываться от буддизма и даосизма, служивших для него орудием воздействия на народные массы. Более того, во второй половине XV в. буддизм вновь обрел поддержку властей и несколько упрочил свой авторитет, хотя и не смог вернуть былое величие, окончательно уступив господствующие позиции конфуцианству.

В начале XV в. ведущую роль в конфуцианстве играли деятели, выдвинувшиеся еще в период Корё. Среди них выделялся внук Квон Бу, одного из первых корейских чжусианцев, — Квон Гын (1352—1409). Первоначально он не был в числе сторонников реформ и выступал лишь за частичные преобразования при сохранении порядков, существовавших в Корё. Однако с воцарением династии Ли Квон Гын изменил свои взгляды и активно содействовал проводившимся тогда реформам; он прославлял конфуцианские морально-этические нормы, которые считал законом благополучия страны. Много внимания он уделял критике важнейших догм буддизма и даосизма.

Феодалы, противоречия, усилившиеся в конце XV в., отразились и в области идеологии. В борьбе за власть консервативная знать (хунгупха) прикрывалась лозунгами защиты старого ортодоксального конфуцианства. Ее противники из группировки сарим стояли на позициях чжусианства, пытаясь отойти от догматического его применения. Крупнейшими их теоретиками были Ким Джонджик (Чомпхильджэ, 1431—1492), Чо Гванджо (Чонам, 1482—1519) и Ли Онджок (Хведжэ, 1491—

1553). Увлеченные политической борьбой, они мало занимались философской теорией, высказываясь преимущественно по конкретным вопросам экономики, положения сословий, административной системы и т. д. Придя к власти, эта группировка оставила без изменений многое из того, против чего ранее протестовала. Однако критические высказывания ее идеологов, их внимание к социально-экономическим и политическим проблемам не прошли бесследно для передовых мыслителей последующего времени.

Со второй половины XV в. в Корее развернулась острая дискуссия по основному вопросу философии — о соотношении материального и идеального начал. В этот период зародилось материалистическое философское течение, оказавшее огромное влияние на дальнейшее развитие общественной мысли. Его основоположником был Ким Сисып (Мэвольдан, 1435—1493), учение которого развил и превратил в относительно стройную систему Со Гёндок (Хвадам, 1489—1546).

Вопреки господствовавшему тогда идеализму Ким Сисып и Со Гёндок утверждали, что ки (материя) первична, никем не создана и не может исчезнуть. Она, по их мнению, заполняет безграничное пространство вселенной, в которой все, в том числе и человек, только определенная форма ее концентрации. Именно материя — источник всего сущего. Идеальное начало — ли (закон, принцип) — не может возникнуть раньше ки, но тесно с ней связано, выступает как ее закономерность. Первые корейские материалисты считали вселенную постоянно изменяющейся субстанцией, пытались рассматривать явления природы в их взаимосвязи и развитии. Однако их диалектический метод был весьма ограниченным: развитие они воспринимали не как восхождение от низшего к высшему, а только как движение по кругу.

Материалистические идеи в ряде случаев диктовали Ким Сисыпу, Со Гёндоку и их последователям атеистические принципы. Они, например, рассматривали жизнь и смерть только как концентрацию и распыление материи. Исходя из этого, они отрицали бессмертие души, высказывались против жертвоприношений духам, против геомантии и шаманства. Серьезной критике подвергся буддизм, который, по их словам, мог распространиться лишь из-за невежества людей. Материалисты настаивали на развитии просвещения и науки, на их максимальном приближении к конкретным задачам, стоявшим перед экономикой страны.

Во взглядах на современное им общество первые корейские материалисты во многом оставались идеалистами. Природу человека они рассматривали в отрыве от социальной среды. Предложенное Ким Сисыпом «идеальное правление», основанное на гуманности правителя и заботе о народе, по сути, было тем же феодальным строем, только немного усовершенствованным. Не затрагивая существовавших тогда форм угнетения, сословного неравенства, Ким Сисып ограничивался требованием к вану улучшить управление страной, чтобы обеспечить народу такой же уровень жизни, какой был у самого правителя. В целом мировоззрение основоположников материализма в Корее было созерцательным, слабо связанным с практической деятельностью. Эти недостатки, порожденные условиями эпохи, не мешали резко отрицательно относиться к окружающей действительности. Они осуждали крупную земельную собственность и притеснение крестьян чиновниками, протестовали против таких укоровившихся пережитков, как трехлетний траур по родителям, доводивший людей до полного разорения.

Выдвижение материалистических концепций было своего рода научным подвигом в условиях господства идеалистического мировоззрения. Естественно, что взгляды Ким Сисыпа и Со Гёндока встретили враждеб-

ное отношение со стороны апологетов ортодоксального чжусианства. Крупнейшим из них был Ли Хван (Тхвеге, 1501—1570). Именно по его почину усилился догматический подход к чжусианству. Ли Хван отвергал малейшую попытку критики чжусианства и объявлял ересь все противоречившие ему теории.

Особенно яростно нападал Ли Хван на идеи материалистов, называя их «ошибочными» и «вредными». Он отстаивал абсолютный примат идеального начала — ли, которое считал первопричиной всего сущего. В отличие от предшественников, позволявших себе критиковать некоторые пороки современного им общества, Ли Хван идеализировал установленные в феодальной Корее порядки. Он восхвалял господствующий класс, утверждая, что тот ближе к нравственному идеалу, чем простонародье. Классовую дифференциацию Ли Хван считал естественной, выводя ее из различий в природе людей. Отстаивая необходимость упрочнения централизованного государства, он выступал против любых мер, которые могли подорвать позиции правящей клики. Ли Хван призывал народ к послушанию, убеждал его отказаться от борьбы за удовлетворение материальных потребностей. В условиях роста народного движения он допускал возможность лишь небольших уступок трудящимся.

Взгляды Ли Хвана были восприняты основной частью господствующего класса и стали официальной доктриной. Проповедуемая им непогрешимость чжусианства, воинственные нападки на инакомыслящих стали в дальнейшем тормозом для развития общественной мысли в Корее. И все же, несмотря на все усилия Ли Хвана и его сторонников, им не удалось разгромить учение Ким Сисыпа и Со Гёндока. Идеи первых материалистов находили отклик в умах даже тех, кто принадлежал к лагерю чжусианского идеализма.

Во второй половине XVI в. в Корее зародилось своеобразное идеологическое течение, пытавшееся примирить идеализм с материализмом. Его основоположником был Ли И (Юльгок, 1536—1584), философские взгляды которого крайне эклектичны. С одной стороны, Ли И критиковал Ли Хвана за его догматизм и непримиримость к другим учениям, особенно к материализму. Сам он отмечал наличие ошибок у Чжу Си и возражал против свойственной конфуцианству идеализации древности. Ли И высоко ценил наследие Со Гёндока, в его собственных рассуждениях было немало элементов стихийного материализма. В частности, он считал объективно существующую природу порождением материальной субстанции — ки. Но, с другой стороны, Ли И объявлял ки временным и ограниченным, а идеальное начало — ли — вечным и непреходящим, благодаря которому достигается единство окружающего мира. Таким образом, перенимая некоторые положения материализма, Ли И в основном оставался на позициях объективного идеализма.

Социально-экономические и политические взгляды Ли И более прогрессивны, чем взгляды Ли Хвана. Материальные потребности людей он называл «законом природы», который необходимо учитывать. Отсюда его повышенный интерес к состоянию важнейших отраслей экономики. Ли И поддерживал идею о «гуманном правлении», основанном на «уважении и любви к народу». Критикуя пороки современного ему общества, он выделял «пять зол», с которыми, по его мнению, следовало бороться: круговая порука, обременительные подношения двору, подати, трудовая повинность и вымогательства чиновников. Ли И пытался объяснить воровство, бегство крестьян, их волнения не «злой природой» простого народа, как это было принято среди последователей Ли Хвана, а его тяжелым положением.

В своих воззрениях Ли И исходил из интересов правящего класса.

Он боялся народного движения и осуждал его. Утверждая «непогрешимость монарха», Ли И надеялся только на реформы сверху. Но при всей ограниченности и противоречивости своего мировоззрения он занимал передовые для того времени позиции по ряду социально-экономических и политических проблем. Ли И, например, требовал не допускать концентрации крупной земельной собственности, пресечь злоупотребления властей, перевести часть ноби в сословие простолюдинов, прекратить дискриминацию незаконнорожденных детей янбанов, выдвигать по службе способных людей независимо от их происхождения и т. д.

Большое внимание Ли И уделял обороне страны. Он предлагал создать хорошо обученную 100-тысячную армию, готовить для нее достаточное количество снаряжения и боеприпасов, построить сильный флот, укреплять государственную границу и морское побережье. Начавшаяся вскоре после его смерти Имджинская война подтвердила актуальность этих предложений.

На рубеже XVI и XVII вв. в обстановке усилившихся социальных противоречий феодального общества и острой идеологической борьбы возникло идейное течение сирхак (реальные науки), которому суждено было стать основным направлением передовой общественной мысли в Корею на рубеже средних веков и нового времени. Это течение вобрало в себя все лучшее из наследия выдающихся мыслителей предшествующего периода и являлось его логическим продолжением. Вместе с тем оно было более высокой, качественно новой ступенью в развитии прогрессивной идеологии.

Формально деятели сирхак не выходили из рамок официальной конфуцианской доктрины. Манера изложения, система доказательств во многом еще следовали установившейся традиции. Но за привычными приемами изложения крылось совершенно новое содержание, не имевшее ничего общего с господствовавшей в то время беспредметной схоластикой. В то время как теоретики ортодоксального чжусианства занимались преимущественно составлением бескопечных комментариев к древним каноническим книгам, сторонники сирхак делали упор на изучение естественных наук, подходя к ним с позиций стихийного материализма. Они не боялись затронуть острейшие проблемы современности, подчинив свои изыскания прежде всего реальным запросам жизни корейского общества. Их девизом стали слова «реальные (т. е. практические) науки», давшие название всему идейному течению.

Среди идеологов сирхак был ряд выдающихся ученых, философов и писателей. Более 200 лет они как бы принимали друг у друга эстафету творчества, развивая и обогащая идейную сокровищницу сирхак. Их произведениям свойственны патриотизм и высокая гражданственность, резкое изблечение пороков существующего строя, мужественные выступления в защиту трудового народа.

Одним из зачатей движения «реальные науки» считается Ли Сугван (Чибон, 1563—1628). В составе дипломатических миссий он трижды посетил Китай и в числе первых познакомился с известными там трудами европейских ученых, которые затем переправил к себе на родину. Почерпнутые в книгах идеи и сведения он распространял среди многочисленных последователей и учеников. Знакомство с европейской культурой заставило Ли Сугвана серьезно задуматься над положением своей страны, обратить особое внимание на те трудности и противоречия, которые она переживала. Свои взгляды он наиболее полно отразил в сочинении «Чибон юсоль» («Рассуждения Чибона»).

В этом произведении Ли Сугван изложил доступные ему новые данные по астрономии, географии, истории, литературе, высказал свои

взгляды по вопросам религии, жизни и быта других народов, критически рассмотрел многие бытовавшие тогда в Корее теории. Ли Сугван настаивал на необходимости изучения конкретных проблем, выдвинутых наукой и практикой, отвергая тем самым никчемные упражнения оторванных от жизни комментаторов Чжу Си.

Ли Сугван решительно выступил против ограниченности конфуцианства, его непримиримости к иным учениям и взглядам, что порождало косность мысли и невежество. Он настаивал на более широком заимствовании всего нового и полезного, что есть в других странах. В этой связи Ли Сугван осуждал тенденцию изолировать Корею от внешнего мира, которые могли только причинить ущерб культурным и экономическим связям страны, обречь ее на неизбежное отставание. Призывая перенять передовой опыт других народов, Ли Сугван вместе с тем критиковал китаефилов из числа феодалов и чиновников, исповедовавших слепое «преклонение перед великой страной» («садэджуй»).

Уже в творчестве Ли Сугвана проявился присущий сирхак большой интерес к острым проблемам современности. В частности, он резко выступал против ослаблявших страну феодальных междоусобиц. В то же время Ли Сугван с уважением относился к простому народу. Он подчеркивал, например, что в годы Имджинской войны именно созданные народом партизанские отряды спасли страну от порабощения. Взгляды Ли Сугвана, его методика исследования (критический подход к господствующим теориям, сопоставление опыта Кореи и других стран) стали базой для последующего развития передовой общественной мысли.

Характерной чертой сирхак с самого начала было стремление соединить теорию с практикой, воплотить в жизнь важнейшие установки этого движения. Современник Ли Сугвана — Хан Бэккём (Куам, 1552—1615) составил «Тонгук чириджи» («Географическое описание Кореи»), в котором обобщил наиболее важные сведения о своей стране. Другой сторонник сирхак — видный сановник Ким Юк (1580—1658) не только выдвигал проекты преобразований в экономике, но и многое сделал для их реализации (замена податей рисовым налогом, введение в обращение металлических денег и т. д.).

Литература и искусство

В корейской литературе все более ощущался интерес к родной стране, к ее природе и людям, стремление отойти от заимствованных сюжетов и образов. Положительное воздействие на нее оказали введение национальной письменности и усиление материалистических тенденций в идеологии. В XV—XVII вв. появились новые литературные жанры, представленные множеством известных мастеров.

Как и прежде, заметное место в корейской литературе занимала поэзия. Первое время после воцарения династии Ли в поэзии главенствовали хвалебные оды, прославлявшие мудрость ванов, победы над японскими пиратами и чжурчжэнями, преобразования, проведенные в стране. Типичным образцом такой дифирамбической поэзии является «Ода дракону, летящему в небо» Чон Нинджи и Квон Дже.

В XV в. широко распространились каса — большие стихотворные произведения, рассказывавшие о выдающихся событиях прошлого, о жизни и обычаях народов Кореи и соседних стран, о достопримечательностях отдельных местностей. Их основоположником считается Чон Гыгин (1401—1481). Однако наивысшего расцвета жанр каса достиг в творчестве поэта Чон Чхолья (1536—1593). Одновременно появились и получили

всеобщее признание сиджо — короткие, но весьма выразительные по мысли и настроениям трехстишия. Видными мастерами сиджо были Сон Сам-мун (1418—1456), Мэн Сасон (1359—1438), Лим Дже (1549—1584), а также крупнейшие философы той эпохи Ли Хван, Ли И и др.

В каса и сиджо воспевалась родная природа, провозглашалось единение с ней человека. Во многих из них подчеркивалась непрочность земных радостей, содержались призывы удалиться от общества, найти истинное счастье в уединении на лоне природы. Было также немало произведений, развивавших конфуцианские мотивы верности сыновнему долгу, преданности монарху и т. д. В поэзии отразились и социальные противоречия, усиливавшиеся в корейском обществе. Отстраненные от власти конфуцианские деятели в аллегорической форме выражали свое недовольство, грустили о превратностях судьбы, осуждали тех, кто тратил жизнь на чиновную карьеру при дворе. В некоторых стихотворениях звучали нотки уважения к простому народу, сочувствия к его тяжелой доле.

В отличие от предшествующего периода все большее значение приобретала художественная проза. Прежде ее заменяли исторические трактаты, содержавшие немало легенд и сказаний. Но в XV в. в Корее зародилась собственно художественная проза. Этому в большой степени способствовал пробудившийся интерес к фольклорному богатству. В различные провинции неоднократно (1433, 1477 гг. и т. д.) выезжали специальные чиновники, которые записывали бытовавшие там народные песни, пословицы, анекдоты, поучительные истории. Собранный таким образом фольклорный материал фиксировался и даже подвергался некоторой литературной обработке.

На этой основе в Корее возник жанр пхэсолъ — небольшой новеллы, — основателем которого был один из крупнейших мыслителей XV в. — Ким Сисып. В опубликованном им сборнике «Новеллы из Кымо» в качестве героев впервые выведены мелкие чиновники, купцы, женщины из простонародья. Ким Сисып совершенно отказался от сюжетов, воспринятых у китайских авторов. В его новеллах действие происходит в Корее, а персонажи — типично корейские, взятые из реальной жизни. В новеллах откровенно осуждалось казнокрадство и взяточничество, лживость и лицемерие чиновников, их заискивание перед богачами, бесправное положение женщины. Ким Сисып по праву считается основоположником корейской художественной прозы.

В XVI в. зародилась также сатирическая проза. Ее зачинатель — видный поэт того времени Лим Дже. В его произведении «Мышь перед судом» выведен образ старой прожорливой мыши, которая олицетворяет ненавистных писателю алчных чиновников, расхищавших казну и обиравших народ. Одновременно разоблачались продажность и корыстолюбие тех, кто вершил правосудие. В приписываемой Лим Дже «Истории цветов» едко высмеивалась непрекращавшаяся борьба феодальных группировок.

Реалистические тенденции, присущие корейской художественной прозе с момента зарождения, усилились в конце XVI — начале XVII в. Сказались обострение внутренних противоречий в феодальном обществе, рост недовольства народных масс. Среди прозаических жанров на первый план выдвигается соль — повесть. Одним из ее создателей и крупнейших мастеров был Хо Гюн (1569—1618). В «Повести о Хон Гильдонсе» он вывел образ «благородного разбойника», познавшего всю тяжесть царившей в стране несправедливости и выступившего на защиту обиженных и угнетенных. В конце концов Хон Гильдон покинул Корею и стал правителем идеального государства, созданного им на одном из остро-

вов. В своей повести Хо Гюн отразил протест крестьянства против эксплуатации и неравенства, его мечты о социальной справедливости и наивную веру в «доброе государство». Это одно из первых в Корее утопических произведений, воплотивших настроения и идеалы угнетенного крестьянства.

Имджинская война, оставившая глубокий след в сознании корейского народа, нашла заметное отражение в художественной литературе. Среди поэтов, развивавших эту тему, выделялся Пак Инно (1561—1642). В послевоенной прозе появился новый жанр — кунги (воешное повествование). Самым ярким его образцом является «Имджиннок» («Имджинская хроника») — анонимное сочинение первой четверти XVII в. В нем описание действительных событий и поступков реальных лиц сочеталось с художественным вымыслом и даже элементами фантастики. Неизвестный автор показал бессилие и трусость правящей верхушки, противопоставив им мужество и преданность родине прославленных героев Имджинской войны. Кунги содействовали упрочению реалистического начала в художественной литературе.

Корейское искусство в XV — первой половине XVII в. представляло собой дальнейшее развитие творческих достижений предшествующего периода. Так, например, развитие танцев в маске и кукольного действия привело в конце XIV в. к возникновению двух видов средневекового корейского театра — театра масок и театра марионеток. Это было искусство площадей и улиц. Оно предназначалось для самых широких слоев зрителей, для простого народа, о чем свидетельствует название одного из видов спектаклей театра масок, получившего широкое распространение на рубеже XIV—XV вв., — сандэгык, что в буквальном переводе означает «театр горных склонов».

Сандэгык знаменует собой возникновение подлинно театрального искусства в Корее. Здесь уже представлены основные компоненты театра: имелась драматическая основа (своеобразное либретто или сценарий), участники спектакля выражали свои мысли и чувства с помощью диалога, действие происходило на специально оборудованной площадке — сцене. Правда, вплоть до XVIII в. при постановке пьесы в Корее не пользовались зафиксированным текстом, постановщик обычно ограничивался основной сюжетной канвой, в пределах которой актерам, вероятно, давалась возможность импровизировать.

В XV—XVI вв. представления театра масок и театра марионеток приобрели ярко выраженный сатирический характер. Объектами критического осмеяния были паразитизм и алчность чиновников и сборщиков налога, неприкрытое казнокрадство и скаредность аристократов, ханжество монахов. Большой известностью в то время пользовались анонимные пьесы «Мупхо»⁴ и «Правитель Чонпхёна покупает седло».

Сатирическая традиция, разоблачительная направленность корейского театра наиболее последовательно и выпукло проявились в творчестве крупнейшего актера и драматурга XVI в. Кви Сока, которое своими истоками восходит к традициям народной сатиры. Эти черты отчетливо прослеживаются в известных пьесах Кви Сока «Возмущение слуги» и «Подношение даров». Здесь особенно интересны гиперболизированные, откровенно буффонные и вместе с тем вполне жизненные и достоверные, сатирически полнокровные образы чванливых бездельников — янбанов, своекорыстных во взаимоотношениях друг с другом и беззастенчиво несправедливых со всеми зависящими от них.

В становлении устной традиции народного театра исключительно важную роль сыграли бродячие корейские актеры — квандэ. Первые упоминания о них относятся к эпохе Корё. Корейские квандэ (как и скомо-

рохи в России, франты в Польше, шпильманы в Германии, жонглеры во Франции) были разносторонне подготовленными актерами. Они владели искусством сценического жеста и слова, мастерством пения и звукоподражания, были одновременно музыкантами и плясунами, акробатами и сказителями. Квандэ играли видную роль в проведении всевозможных церемоний и празднеств.

По социальному положению они относились к низшему сословию. Наравне с мясниками и скорняками, шаманками-мудачи и гейшами квандэ принадлежали к категории самых презираемых членов корейского феодального общества.

Одновременно с театральным искусством развивалась и музыкальная культура. В известной мере этому способствовало упрочение позиций конфуцианства, которое отводило большую роль музыкальному сопровождению обрядов и торжеств. Во времена Седжона крупнейшие музыканты во главе с Пак Ёном провели изучение традиционной дворцовой музыки, творчества простого народа, а также мелодий соседних стран. В результате был значительно расширен круг произведений, исполнявшихся при дворе. Пак Ён пересмотрел и улучшил принятую в Корее систему фиксации звуков. Она включена в хронику «Седжон силлок» и является самой ранней из сохранившихся корейских нотных записей. Под руководством Пак Ёна мастера усовершенствовали более полутора десятков национальных музыкальных инструментов, значительно расширив их диапазон.

В 1493 г. группа ученых во главе с Со Хёном опубликовала девяти томный труд «Акхак квебом» («Основы науки о музыке»). Это своего рода первая музыкальная энциклопедия. В ней собраны имевшиеся в Корее сведения по теории музыки, описания музыкальных инструментов, правил игры на них, одежды музыкантов и т. д. В 1511 г. вновь были изданы сочинения Пак Ёна, Со Хёна и других известных музыкантов.

Если лицедейство считалось у высшего сословия недостойным занятием, то живопись, как и музыка, пользовалась большой популярностью. Еще в период Корё аристократы, ученые, монахи должны были обучаться живописи наравне с каллиграфией. В Корее, как и в других странах, искусство каллиграфии ценилось как высшее проявление грамотности. По мере развития каллиграфия выделилась в самостоятельный вид изобразительного искусства. Более того, она проникла и в средневековую живопись.

К XV в. сложились основные жанры национальной корейской живописи: декоративная — «цветы и птицы» и «четыре совершенства»⁵; пейзаж — «горы и воды»; портрет; анималистическая живопись. Все эти жанры, в особенности декоративные, тесно связаны с искусством каллиграфии, где оно неприменимый, постоянно сопутствующий компонент изобразительного ряда.

Развитию живописи способствовало воссоздание в 1392 г. по специальному ванскому указу придворной академии живописи — Тохвагон (позднее ее переименовали в Тохвасо). Академия выплачивала придворным живописцам жалованье, давала им заказы на живописные работы, регламентировала их творческую деятельность. Главной задачей Академии было создание портретов вана и членов правящего дома.

Ведущим жанром корейской живописи XV—XVII вв. считается пейзаж. Самыми выдающимися пейзажистами этого времени являются Кан Хиан (1419—1469) — мастер национальной живописи цветной тушью, завоевавший признание и как крупный каллиграф; Ан Гён (работал в XV в.) — член академии Тохвагон, автор монументальных фантастических пейзажей; Ли Санджва (род. в 1488 г.), выходец из ноби, выдвинув-

шийся благодаря своему незаурядному таланту в придворные живописцы — члены Тохвагон.

Излюбленными средствами живописи корейских художников были тушь и водяные краски. В лучших работах живописцев XV—XVII вв. проявляется тонкое понимание природы, характера и особенностей изображаемого. Живопись этого времени характеризуется устойчивой привязанностью к одному жанру или даже объекту (например, какому-то виду растений, животных, птиц). Сконцентрировав внимание на его изображении, рисуя его в различных ракурсах и состояниях, корейские художники проявляли виртуозное техническое мастерство.

Живопись рассматриваемого периода дала плеяду великолепных мастеров одной темы. Это У Монон (род. в 1596 г.), прославившийся монохромными изображениями цветов сливы; ученый и живописец Чо Сок (род. в 1595 г.), всю жизнь рисовавший птиц. В изображении виноградной лозы не знал себе равных Хван Джипчун (род. в 1533 г.). Выходец из ванской семьи, Ли Джон (род. в 1541 г.) писал в основном бамбук. Интересно, что, потеряв правую руку во время Имджинской войны, Ли Джон продолжал писать левой. Его картина «Ветер и бамбук» выражала не только неистребимое упорство и жизнелюбие растения, но и характер самого художника.

Гонения на буддизм сыграли роковую роль в судьбе средневековой корейской скульптуры. Искусство ваяния, стимулировавшееся в эпоху Корё культовыми запросами богатых буддийских монастырей и ванского двора, в новых условиях пришло в упадок.

Существенные перемены произошли в архитектуре. Если в предшествующий период ведущим направлением была культовая, храмовая архитектура, то с XV в. больше внимания уделялось гражданской архитектуре. Дворцовые ансамбли, воздвигнутые в Сеуле и Пхеньяне, должны были поразить невиданной роскошью всех, кто их видел, убедить в могуществе власти вана. Дворец Чхапдоккун, воздвигнутый по указу Ли Сонге и ставший резиденцией ванов, с анфиладой парадных залов и комплексом дворцовых сооружений, с окружающим его великолепным парком, искусно спланированным при учете особенностей ландшафта, — образец дворцовой архитектуры конца XIV — начала XV в.

Стремление во что бы то ни стало поразить воображение современников и затмить сооружения, воздвигнутые предшествующей династией, обусловило появление таких строительных тенденций в архитектуре, как излишне усложненный декор, утяжеленность конструкций.

Хотя в начальный период правления династии Ли создавались и такие сравнительно ясные по гармонии архитектурных форм и стилю сооружения, как храм Муви в уезде Канджин провинции Чолла, это объясняется остаточным влиянием так называемого индийского стиля, связанного с распространением в Корее буддизма. Более поздние дворцовые и храмовые сооружения, сохранившиеся до нашего времени, носят отпечаток влияния архитектуры юапской эпохи.

К числу памятников XV—XVII вв. относятся конфуцианские храмы Оксан (1572 г.) и Мупмё (конец XVI в.) в Сеуле, многоярусные мраморные пагоды в храме Вонгак (1464 г., Сеул), светские архитектурные сооружения — гостиницы подворья Каянгван (1493 г.) и Тонмёпгван (XVI в.). Уделялось внимание и строительству крепостных сооружений. Так, вокруг Сеула были воздвигнуты мощные стены с бойницами и воротами арочного типа. Замечательными памятниками архитектуры той эпохи являлись ворота Намдэмун в Сеуле (1448 г.) и Наммун в Ёйджу (1520 г.), беседка Енгван в Пхеньяне (1608 г.) и другие сооружения.

Взросшие запросы ванского двора, феодальной знати и зажиточных

горожан, оживление внутренней и внешней торговли привели к расширению художественных ремесел в Корее. Дальнейшее развитие получили традиционные виды — вышивка по шелку, производство бронзовой посуды, холодного оружия из высококачественной стали, фарфора, керамики и т. д.

Ведущей отраслью художественного ремесла оставалась выделка фарфоро-керамических изделий: всевозможных сосудов, чаш, посуды. Однако изготовление фарфора тонкого малахитового цвета, составлявшее славу культуры эпохи Корё, пошло на спад. Ему на смену пришел белый фарфор. Со второй половины XV в. вырос спрос на керамические изделия с подглазурной росписью кобальтом. Такие изделия ранее вывозились из минского Китая. Корейские мастера сумели наладить выпуск керамики, расписанной кобальтом, у себя в стране.

Часть вторая

**КОРЕЯ
В НОВОЕ ВРЕМЯ**

этап
ного
упро
ции
лом

Коре
вызы
дей.
город
насе
побер
расст
подх
далы
рыба
валн
благ
куль
полн
проц

ного
благ
вова
числ

срав
ных
Мал
дова
носи
лия.
Пол
упот
ные

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КОРЕИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII—XVIII в.)

Развитие сельского хозяйства, ремесла и промыслов

Во всемирной истории XVII—XVIII века составили весьма важный этап развития. К. Маркс назвал это время «периодом детства современного буржуазного общества»¹. В ряде стран происходило зарождение и упрочение новых, капиталистических отношений. Буржуазные революции в Англии и Франции нанесли серьезный удар по феодализму в целом и приблизили его крушение.

После Имджинской войны и маньчжурских нашествий правители Кореи проводили политику изоляции от внешнего мира. Такая политика вызывалась опасениями новых нападений со стороны ближайших соседей. Корейские власти считали, что обезопасят себя и свою страну, отгородившись от остального мира. Были издааны законы, запрещавшие населению под страхом смерти вступать в контакты с иностранцами. На побережье создали полосу отчуждения, из которой выселили жителей, расставили сторожевые посты, следившие, чтобы к берегам Кореи не подходили иностранные корабли. Корейцам не разрешали строить суда дальнего плавания, допускалось только каботажное судоходство: даже рыбаки не могли уходить далеко в море. Корею долгое время называли «страна-отшельник», «запретная страна». Политика изоляции неблагоприятно сказалась на социально-экономическом, политическом и культурном развитии Кореи. Однако даже самые строгие меры не могли полностью отгородить страну от внешнего мира и помешать объективным процессам, происходившим в феодальном обществе.

После маньчжурских нашествий Корея вступила в полосу длительного мира. То, что два столетия страна не знала разорительных войн, благоприятно отразилось на ее положении. Длительный мир способствовал сдвигам в различных отраслях феодальной экономики, в том числе в важнейшей из них — сельском хозяйстве.

В целом земледелие в Корее в XVII—XVIII вв. оставалось на том же сравнительно невысоком уровне, что и в прошлом. Крестьяне на крошечных наделах обрабатывали землю устарелыми, примитивными орудиями. Мало кто из них имел рабочий скот, беднякам приходилось сообща арендовать его у богачей. Гораздо чаще люди сами впрягались в соху, переносили на себе тяжелые грузы. Весьма низкой была культура земледелия. Почва возделывалась недостаточно тщательно, ее плохо удобряли. Полив земли осуществляли по преимуществу из речек и канав, почти не употребляли простейших приспособлений для подачи воды в возвышенные места.

Изъяны земледелия в Корее были прежде всего следствием тяжелой феодальной эксплуатации; отсутствовали стимулы к укреплению крестьянских хозяйств. Земля давала низкие урожаи, посевы страдали от стихийных бедствий. Периодически страну постигали массовый голод и эпидемии. Так, в 1670—1671 гг. в Корее был неурожай; от голода погибло около 1 млн. человек, в 1699 г. в результате эпидемии умерло более 250 тыс. человек.

И тем не менее земледелие в XVII—XVIII вв. несколько окрепло и даже сделало шаг вперед. Продолжалось восстановление земельного фонда, резко сократившегося вследствие Имджинской войны. Феодальное государство, заинтересованное в росте доходов и прикреплении крестьян к земле, уделяло этой работе большое внимание. Ванское правительство даже возобновило традиционную политику «поощрения земледелия».

Во все провинции посылали специальных чиновников, которые добивались возвращения беженцев в свои деревни. В ряде мест власти выдавали нуждающимся орудия труда и ссуду семенным зерном. Так, например, в провинции Чолла в одном только 1659 г. крестьяне получили займы 5 тыс. сок семян. Известно, что сразу же после маньчжурских нашествий власти закупили в Монголии небольшое количество скота и передали его в наиболее пострадавшие уезды. Правительство поощряло чиновников, сумевших привлечь больше людей и лучше организовать распахку земель.

Политика «поощрения земледелия» не мешала государству усиливать эксплуатацию крестьян. Еще более энергично грабили их помещики и местные чиновники. Восстановление пахотного фонда, который имелся до начала Имджинской войны, растянулось на несколько десятилетий. В 1639 г. в государственный реестр было внесено 1300 тыс. кель, но среди них большую часть все еще составляли пустующие земли. В 1719 г. в реестре значилось уже 1395 тыс. кель, а в 1784 г. — около 1,5 млн. кель. Примерно на этом же уровне земельный фонд Кореи оставался и в последующие годы.

Можно подумать, что даже в конце XVIII в. площадь пахотных земель в Корее была меньше, чем до Имджинской войны. Вряд ли так было в действительности. Несоответствие в цифрах объяснялось неразберихой в учете и общим ослаблением контроля со стороны правительства. Феодалы и деревенские богачи (тхохо), расширявшие свои владения, при переписи обычно утаивали часть своих земель, и составленные чиновниками реестры далеко не всегда отражали истинные размеры земельного фонда.

В действительности же вполне вероятно, что уже в конце XVII — начале XVIII в. в Корее были возделаны все земли, пригодные для обработки. Об этом свидетельствуют участвовавшие случаи распахки пастбищ и участков для тутовых посадок. Особенно широко распространились «хваджон» («огневые поля»). Их устраивали безземельные крестьяне, которые уходили в горы и занимались там подсечным земледелием. Число таких «огневых полей», несмотря на запреты властей, постоянно увеличивалось. Больше всего их было на востоке, в провинции Канвон.

Как всегда, земледелие в Корее во многом зависело от состояния оросительной системы. В целом по стране к началу XIX в. поливные земли составляли более 36% всего пахотного фонда. В южных районах их доля значительно повышалась: в провинции Кёнсан — 43%, а в Чолла — даже 53% обрабатываемой земли. Естественно, что увеличение посевных площадей повлекло за собой соответствующее расширение

ирригационной системы. В 1662 г. в Сеуле было создано Чeonса (Ведомство дамб и плотин), которое должно было возглавить работы по ирригации и предохранению полей от наводнений. Для строительства новых и ремонта старых сооружений местные власти собирали массы народа. Когда, например, в конце XVIII в. воздвигали дамбу возле Хонджу (Чхунчхон), здесь работало почти 10 тыс. крестьян из 13 соседних уездов. К началу XIX в. в Корее было около 6 тыс. дамб, запруд и водоемов. Подавляющее большинство их находилось в основном земледельческом районе — Самнаме, как пазывали южные провинции Чолла, Кёнсан и Чхунчхон.

Расширение площадей пахотной земли и ирригационное строительство вызвали некоторое увеличение сельскохозяйственного производства. В XVII в. получила всеобщее распространение высадка рисовой рассады, позволившая увеличить урожай риса. В южных провинциях сеяли два раза в год: осенью — пшеницу или ячмень, а в начале лета, собрав урожай, на этом же участке — рис.

Важной вехой в истории сельского хозяйства Кореи стало разведение женьшеня, который всегда пользовался большим спросом и стоил очень дорого. Но количество собираемого женьшеня постоянно сокращалось вследствие хищнической добычи и распространения «огневых полей». Сокращение промысла женьшеня побудило начать его культивирование. Центром женьшеневых плантаций был район Кэсона. Еще более широко его стали выращивать после того, как в конце XVII — начале XVIII в. вывели новый сорт — «красный женьшень».

Значительные изменения произошли в огородничестве. В XVII—XVIII вв. не только возросло производство, но и расширился ассортимент огородных культур. После Имджинской войны в Корее культивировали вывезенные из Японии табак, перец, тыкву. Примерно в это же время стали выращивать томаты, заимствованные из Китая. А в середине XVIII в. в южных провинциях появились посадки сладкого картофеля (батата), семена которого закупили на о-ве Цусима. Новые огородные растения распространились в Корее довольно быстро и заняли большое место в земледелии.

Несколько увеличилась и доля технических культур. Среди них все большее значение приобретал хлопок. Уже в XVII в. принимались меры к его акклиматизации в Хванхэ и Пхённан и даже на крайнем севере — в Хамгён. Но основными производителями оставались южные районы. Помимо хлопчатника в больших размерах выращивали коноплю, китайскую крапиву (рами), которые шли на изготовление грубых тканей. В связи с развитием ремесла и домашних промыслов стали больше выращивать тутовое, лаковое, бумажное дерево.

Существенно расширилось садоводство. В XVIII в. жителей крупнейших садоводческих уездов освободили от некоторых второстепенных повинностей. Правительство поощряло местных чиновников, добившихся успехов в разведении садов. Все это привело к расширению посадок фруктовых деревьев, которые также продвинулись далеко на север.

Серьезную тревогу властей в XVII—XVIII вв. вызывало состояние лесов. Их размеры постоянно сокращались из-за хищнической порубки. Огромный ущерб наносили и «огневые поля», площади которых росли год от года. Правительство неоднократно пыталось ограничить истребление лесов. В частности, были сокращены пожалования лесов феодалам. В XVIII в. в Корее насчитывалось 282 участка, где находились гробницы членов ванской фамилии и аристократов, и 293 сосновых бора, принадлежавших казне. Здесь, как и по всему побережью на расстоянии 30 ли от берега моря, не разрешалось рубить деревья. Для лесораз-

работок отвели всего 60 участков в разных местах страны.

Однако принятые меры не могли задержать уничтожения лесов. Чтобы как-то возместить потери, периодически устраивали посадку деревьев: чаще всего высаживалась сосна, считавшаяся лучшим строительным материалом. В конце XVIII в., например, такие работы проводились в горах Пхальтальсан и Хвасан близ Суона, где несколько лет сажали деревья жители десяти соседних уездов, согнанные в порядке трудовой повинности.

Таким образом, сельское хозяйство Кореи в XVII—XVIII вв. не только ликвидировало урон, нанесенный кровавыми войнами, но и пережило период определенного роста. Распространение новых способов выращивания сельскохозяйственных культур и расширение их числа, повышение доли технических культур, насаждение садов и лесов — все это свидетельствовало о продолжавшемся развитии производительных сил в этой ведущей отрасли феодального хозяйства.

Ремесло в Корее, как и сельское хозяйство, также оставалось на довольно низком техническом уровне. Производство в большинстве своем было мелким и распыленным, многие мастера, чтобы обеспечить свое существование, сочетали ремесленные работы с земледелием. Феодальные власти уделяли ремеслу гораздо меньше внимания, чем сельскому хозяйству. Они предпочитали ввозить необходимые товары из Китая.

Ремесленники подвергались усиленной эксплуатации. В конце XV в. (по «Кёнгук тэджон») налог с ремесленников составлял в пересчете на холст 3—9 м в год. В XVII—XVIII вв. ткачи вносили уже 1 пхиль (20 м) холста. Мастера других специальностей сдавали соответствующее количество продукции. Те из них, кто имел землю, платили также земельный и прочие налоги. В 1788 г. чиновники докладывали вану: «Налоги на железные рудники и повинности ремесленников очень тяжелые, из-за этого они скоро перестанут делать мотыги и сохи».

Государство, контролировавшее даже самые мелкие ремесленные заведения, устанавливало цены, которые зачастую были много ниже затрат на производство изделий. В 1786 г. один из чиновников Сынджон-вон сообщал вану, что мастеровые уезда Сунчхан (Чолла) сдают 7 тыс. квон бумаги. По его словам, «цена каждого квон едва равна $\frac{1}{3}$ рыночной цены». В 1790 г. губернатор Чолла доносил, что в крупнейшем центре производства бумаги — уезде Намвоп — ремесленники получали за свою продукцию $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ того, что они расходовали на ее изготовление.

В Корее имелось большое число ке (ремесленных цехов). Они возникали главным образом в Сеуле, но немало их было и в других городах. Цехи создавались с разрешения властей и вносились в соответствующий реестр. Каждому выдавался патент с указанием видов изделий, разрешенных к производству. Специальный штат чиновников следил за работой цехов, за соответствием их продукции установленным правилам. Государственная и цеховая регламентация в немалой степени сковывала инициативу мастеров.

Несмотря на трудные условия, в которых находилось ремесленное производство в XVII—XVIII вв., оно также переживало заметный подъем, вызванный углублением общественного разделения труда и развитием товарно-денежных отношений. Рост городов и расширение сельскохозяйственного производства увеличили спрос на продукцию ремесла. Значительно выросло число ремесленников, увеличился ассортимент изделий. Во многих видах производства появились технические новшества, отражавшие развитие производительных сил.

В XVII—XVIII вв. в Корее получили большое распространение изде-

лия из металла, особенно посуда. Именно в это время наметилось серьезное изменение процесса их производства: применявшаяся прежде кузнечная ковка постепенно уступала место более совершенному методу — отливке с последующей обработкой на простейших станках.

Самым массовым видом ремесла оставалась выработка тканей. Техника ее существенно не изменилась, но если раньше высшие сорта шелковых тканей производились только из нитей, купленных в Китае, то в конце XVIII в. шелкоткачество в Корее смогло перейти на отечественное сырье (благодаря расширению посадок тутового дерева).

Немало нового появилось в оружейном деле. XVII век можно считать временем, когда огнестрельное оружие решительно потеснило традиционные лук и стрелы. На вооружении корейской армии было несколько типов ружей; среди них преобладали чочхон (длинноствольные), попавшие в Корею из Европы через Японию еще накануне Имджинской войны. В 1710 г. в казенных арсеналах хранилось более 6 тыс. таких ружей. Впоследствии их число увеличилось. Корейские оружейники, по-видимому, достигли высокого мастерства в изготовлении чочхон. Об этом свидетельствуют неоднократные закупки этих ружей цинскими властями.

Из меди и железа изготавливали несколько видов пушек. Использовались также специальные фугасы для подрыва крепостей. Среди наиболее интересных образцов творчества корейских мастеров следует выделить хвачха («огневая колесница»). В летописи Ёнджо (запись за 1729 г.) о ней сказано: «Хвачха — это повозка, в которой установлено 50 ружей. К одному из них подносят огонь, и 10 ружей одновременно стреляют».

В XVII—XVIII вв. значительно расширилось строительство судов. Об этом говорят косвенные данные. В середине XVIII в. в свод законов «Соктэджон» был внесен пункт о 32 ведомствах, освобожденных от уплаты корабельного налога; им принадлежало 704 судна. В конце XVIII в. большинство ведомств лишилось права иметь свои корабли, немногие же сохранившие это право владели уже 806 судами.

В связи с политикой изоляции, проводимой корейским правительством, судостроение оказалось в трудных условиях. И все же его развитие не прекращалось. В конце XVIII в. было построено более десятка кобуксопов; их размеры стали больше, чем во времена Ли Сунсима, они были вооружены большим числом пушек. Появилось также несколько новых легких гребных судов. В 1740 г. было приказано строить легкие корабли, созданные Чон Унсаном. Вскоре Ли Чхонгу разработал конструкцию подвижного и устойчивого «летающего судна» с низкой осадкой. Известно еще несколько проектов новых кораблей.

Некоторые сдвиги произошли в книгопечатании. В годы Имджинской войны были разрушены печатные мастерские, разграблены и уничтожены многие ценные издания. После войны книгопечатание в Корее фактически пришлось создавать заново. Первое время пользовались деревянным наборным шрифтом; в середине XVII в. было отлито из металла более 100 тыс. наборных иероглифов, а впоследствии — еще несколько сотен тысяч.

В конце XVIII в. возникла потребность снова навести порядок в печатном деле. В 1792 г. было решено обновить запасы печатных знаков. Корейские резчики вырезали из дерева 320 тыс. иероглифов, взяв за образец лучшие китайские шрифты, которыми печатали классические конфуцианские сочинения. А в 1795 г. по этим же образцам отлили из металла еще свыше 300 тыс. знаков. Так за короткий срок изготовили больше печатных знаков, чем за два предыдущих столетия.

Унификация шрифтов, более тщательная их отделка не только повысили качество печати, но и ускорили процесс изготовления книги. Современники отмечали, что набор стал «проще и быстрее, чем при прежде отлитых шрифтах, не менее чем в несколько раз сокращал расходы и труд».

Выше приведено лишь несколько примеров качественных изменений в корейском ремесле, но их, конечно, было много больше. Почти в каждой отрасли ремесленного производства появилось что-то новое в технике и методах труда.

Пожалуй, наибольший подъем переживал горный промысел, долгое время находившийся в заgone. В XVII—XVIII вв. он практически пережил свое второе рождение. Началась и стала быстро увеличиваться добыча металлов, которые прежде либо совсем не пользовались спросом, либо находились под запретом. Особенно широкие размеры приняла добыча серебра. Экономические трудности, вызванные Имджинской войной, заставили феодальные власти изменить отношение к этому металлу. В созданном в начале XIX в. «Манги ёрам» («Обзор важнейших дел государства») отмечалось: «В правление Сонджо (1568—1608.— Авт.) государственные средства полностью истощились. Специально послали оса в Танчхон добывать серебро и восполнить средства. Как обычно, этот уезд освободили от местной подати и повинностей, с тем чтобы он поставлял подать серебром».

С открытием рудника в Танчхоне (Хамгён) добыча серебра возобновилась; рудник поставлял казне 1 тыс. ян серебра в год. Но скоро этого количества не стало хватать. В 1651 г. было решено устроить казенные рудники еще в нескольких уездах; частным лицам также разрешили разработку недр; ее полагалось вести под контролем властей с обязательной уплатой казне налога в зависимости от размеров добычи. Такое разрешение способствовало резкому расширению строительства серебряных рудников. К 1687 г. они появились в 68 уездах.

Одновременно стали добывать и свинец. Потребность в нем росла в связи с производством огнестрельного оружия. В начале XVIII в. официально разрешили добычу золота, которая прежде велась нелегально и в незначительных масштабах. Первые золотые прииски возникли в Часане (Пхёнан) и на о-ве Канхвадо. Впоследствии их число увеличилось. С 1742 г. началась разработка месторождений меди, ранее ввозившейся из Японии. Необходимость использования отечественных запасов вызывалась нуждами ремесла и особенно возросшим выпуском медных монет. Медные рудники были созданы в уездах Суан (Хванхэ), Анбён и Ёнволь (Канвон), Поын (Чхунчхон) и в других местах.

Продолжала расширяться и добыча железной руды. Как и прежде, в уездах, где имелись месторождения, власти сгоняли население, которое в порядке трудовой повинности добывало необходимое количество железа. Но старая система добычи уже не удовлетворяла растущих потребностей в железе. Поэтому возникла новая организация работ, стали появляться рудники, устроенные частными лицами.

Разработка горных недр велась с помощью примитивной техники. Золотоискатель был вооружен только лопатой, деревянным ковшом и холщовым мешком для промывки песка. Добыча руды требовала большего количества инструментов — около десяти видов (заступ, лопата, носилки, различные сита и т. д.). Несмотря на столь примитивную технику, рабочие раскапывали вертикальные и горизонтальные штольни глубиной до 300 м. Зачастую на рудниках велась и выплавка металла.

Главным условием увеличения количества добываемой руды было привлечение большого числа рабочих. На большинстве рудников рабо-

тало от 10 до 30 рудокопов. К концу XVIII в. появились рудники, на которых трудилось уже по несколько сот человек. Скопление такого множества работающих создавало возможность простейшего разделения труда.

Феодальные власти в Корее были напуганы быстрым расширением горного промысла. Они считали, что добыча золота и серебра отвлекает народ от главного занятия — земледелия, способствует «падению нравов». Высказывались абсурдные опасения, что разработка недр повредит «жилам земли». Рудники рассматривались как «притоны для бродяг» и рассадники смуты. Последующие события показали, что господствующий класс не напрасно опасался тех, кто трудился на рудниках. Горнорабочие явились активными участниками антифеодального движения в 1811—1812 гг.

Такие представления о горном промысле вызвали заметное изменение позиции корейского правительства. С середины XVIII в. оно стало закрывать старые серебряные рудники, препятствовать открытию новых. Если в конце XVII в. рудники имелись в 68 уездах, то к 1775 г. — уже только в 23 уездах; в конце XVIII в. на официальном учете осталось всего 3 серебряных рудника. Точно так же тормозилась разработка золотых копей. Однако на добычу железа, меди и свинца эти запреты почти не распространялись.

Политика ограничения горного промысла вызвала протест многих крупных чиновников, понимавших значение этой отрасли экономики. Один из них, У Джонгю, в петиции вану Чонджо в 1788 г. доказывал, что благодаря добыче металлов «будут обеспечены государственные расходы и средства для народа. Поэтому нельзя запрещать создание рудников». Но, несмотря на многочисленные возражения, в 1798 г. был издан указ, не разрешавший устройство новых серебряных рудников, а в 1799 г. запрещена добыча золота.

Запретительные указы 1798—1799 гг. свидетельствовали, что феодальное государство превращалось в тормоз для развития производительных сил. Они оказали некоторое отрицательное воздействие на судьбы горного промысла в Корее. Но остановить его поступательное движение они уже не могли.

Введение запретов привело к закрытию зарегистрированных властями рудников, зато подхлестнуло нелегальную добычу. Она процветала и раньше, но к концу XVIII в. получила всеобщее распространение. Составители «Мапги ёрам» отмечали: «В последнее время в шести провинциях: Кихо (Кёнги и Чхунчхон.— *Авт.*), Янсо (Хванхэ и Пхёнан.— *Авт.*), Тонбук (Хамгён и Канвон.— *Авт.*) золотосодержащие жилы постепенно становятся все обильнее. Почти нет такого места, где бы их не было. Но везде перешли к тайной добыче, и нет возможности воспрепятствовать этому». Это сообщение подтверждает, что даже гонения феодальных властей не смогли помешать добыче золота и серебра, составлявшей важнейшую часть горного промысла в Корее.

В XVII—XVIII вв. каждая отрасль производства в Корее умножила объем продукции; появились определенные новшества в технике и приемах труда. Феодальный способ производства еще оставлял некоторый простор для развития производительных сил. Но уже к концу XVIII в. все явственнее обнаруживалась тормозящая роль феодальных порядков. Продолжавшийся рост феодальной эксплуатации, усиление контроля и произвола чиновников, разного рода ограничения (например, периодические запрещения высадки рисовой рассады, регламентация ремесленного производства, попытки свернуть добычу золота и серебра) постепенно превращались в оковы для производительных сил.

Внутренняя и внешняя торговля

Подъем производства в Корее сочетался с развитием внутренней и внешней торговли. Сказывались такие благоприятные факторы, как увеличение массы производимой продукции, углубление общественного разделения труда, рост населения, особенно в городах. По данным энциклопедии «Чынбо мунхон пиго», с 1657 по 1807 г. население Кореи возросло с 2,3 млн. до 7,5 млн. За это же время число жителей в Сеуле увеличилось с 80,5 тыс. до 204,8 тыс. Примерно так же выросли Кэсон, Пхеньян, Ыйджу и другие крупные города.

Существенно менялись функции городов. Из административных центров они постепенно превращались в центры торговли и ремесла. В первую очередь это касалось Сеула. В 1781 г. в докладе вану одного из чиновников Сахонбу сообщалось: «Для жителей столицы не земледелие является основным занятием. Помимо мелких чиновников и слуг различных ведомств, все занимаются тем, что подешевле покупают и дороже перепродают. Те, у кого получение прибыли стало средством существования, составляют 8—9 из каждых 10 человек».

В торговых делах с Сеулом постоянно соперничал Кэсон. В середине XVIII в. начальник уезда Кэсон доносил, что там «народ не обрабатывает поля, а сделал своим занятием торговлю». С течением времени экономическая роль этого древнего города во много раз возросла. Именно благодаря торговле на карте Кореи появлялись новые города. Так, в XVIII в. важным торговым центром на восточном побережье стал Вонсан, который еще сравнительно недавно был небольшой рыбацкой деревушкой.

В XVII—XVIII вв. значительно расширилась вся сеть городской торговли. Ее основу по-прежнему составляли связанные с казной торговые заведения — сиджон. К началу XIX в., по данным «Манги ёрам», только крупных сиджон было около 80; имелось также огромное множество мелких лавчонок, которые «невозможно учесть».

Сиджон по традиции пользовались монополией торговли и покровительством государства. Однако их привилегии подвергались усиленному давлению со стороны «сасан» («частных купцов»), число и влияние которых постепенно увеличивалось. Они не входили в сиджон и не желали мириться с их монополией. Власти всячески преследовали нарушителей традиционного порядка. В середине XVIII в. свод законов «Соктэджон» подтвердил право сиджон самим наказывать тех, кто посягал на их монополию. Чиновники должны были отбирать в казну товары нарушителей.

Несмотря на гонения, новое купечество продолжало теснить торговцев сиджон. В его руках оказалась основная часть торговли зерном, солью, табаком и другими ходовыми товарами. Правительство вынуждено было считаться с частными купцами. В 1791 г. оно приняло закон «Об общем участии в торговле», отменявший прежние наказания за нарушение монополии сиджон. Все купцы получали равные права в торговле. Старые привилегии оставили только шести крупнейшим сеульским фирмам (югиджон), но и они уже не могли претендовать на реальную монополию.

Закон «Об общем участии в торговле», означавший некоторое ослабление феодальных ограничений, способствовал дальнейшему расширению городской торговли.

Активизировалась торговля и в сельской местности. Прежде здесь главной фигурой был бродячий торговец, приходивший с товарами из крупного города. В XVII—XVIII вв. во многих уездных центрах и боль-

ших селах появились свои лавки, торговавшие местными продуктами и изделиями городского ремесла.

Феодальные власти в Корее, долгое время сдерживавшие развитие рыночной системы, не смогли воспрепятствовать увеличению числа рынков. Особенно много рынков появилось в XVII—XVIII вв., к началу XIX в. их насчитывалось уже 1061. Большая часть рынков располагалась на юге и в провинции Кёнги. Но и на севере их было немало — в Пхённан, например, в 134 местах. Даже в Хамгён, где в ряде уездов еще в XVIII в. запрещалось появляться торговцам и не разрешалось пользоваться деньгами, было 28 рынков.

В целом по стране рынков, видимо, было больше, чем 1061. Было некоторое число рынков, которые открывались без ведома властей и не нашли отражения в реестре. Особенно часто они возникали в местах, удаленных от уездных центров.

Хянси (местные рынки), как правило, устраивались шесть раз в месяц. На них продавали преимущественно изделия местного производства, а также товары, доставленные бродячими торговцами издалека. Рынки дополняли общую систему внутренней торговли, через них совершался торговый обмен в сельской местности. Наиболее крупные из них превращались в экономические центры отдельных районов.

Торговые связи между различными частями Кореи оставались еще очень слабыми. В конце XVIII в. выдающийся писатель и ученый Пак Чивон отмечал: «Почему то, что дешево в одной местности, в другой дорого и там знают лишь название товара, но никогда его не видели? Причина именно в том, что нет сил и средств для перевозки этих товаров».

Замечание Пак Чивона отражало истинное положение дел. Но неверно, однако, на этом основании отрицать происходившее в стране укрепление торговых связей, вызванное всеми сдвигами в экономике, особенно ростом общественного разделения труда. Естественно, что этот процесс протекал в сложных условиях (сохранение традиций натурального хозяйства, многочисленные феодальные ограничения, плохие пути сообщения и транспорт), поэтому он развивался медленно.

Само государство способствовало обмену товарами. В «Ёнджо силлок», например, сообщалось о присылке в 1736 г. 3 тыс. пхиль ткани в северные уезды — Самсу и Капсан.

Начальник Хёнджо Сон Джинмён предложил «по старым обычаям» обменять зерно из этих уездов на хлопок, выращенный в провинции Кёнсан. На судах, доставивших на юг зерно, следовало перевезти хлопок в Пукчхон, а оттуда на лошадях переправить его в Самсу и Капсан. Судя по тому, что Сон Джинмён назвал это «старым обычаем», такая практика существовала давно.

Основные торговые связи осуществлялись через хэнсанов или побусанов — странствующих купцов. В XVII—XVIII вв. их число и сфера деятельности значительно расширились. Особенно активными были кэсонские купцы. Наиболее ходовым товаром было зерно, пользовавшееся огромным спросом из-за частых неурожаев. В хлебородные южные провинции прибывало множество торговцев из северных районов. Губернатор Чолла вынужден был даже в 1783 г. просить правительство запретить пропуск в провинцию торговых судов, опасаясь, что местные жители останутся без зерна. В 1792 г. вану доносили, что «торговцы зерном постепенно проникают повсюду». В Корее происходило несомненное преодоление локальной замкнутости, свойственной натуральному хозяйству. В XVII—XVIII вв. торговые связи, игравшие столь важную роль в экономическом развитии страны, упрочились.

Расширение внутренней торговли сочеталось с заметным оживлением внешней торговли (несмотря на политику изоляции). Главным партнером во внешней торговле по-прежнему оставался Китай. После нормализации отношений с цинской династией корейско-китайская торговля выросла и в ней наметились значительные изменения. Если прежде обмен товарами в основном осуществляли купцы, сопровождавшие торговлю. Именно в это время сложились основные центры обмена на границах Кореи и Китая.

Один из них располагался на китайском берегу Амноккана в г. Фэнхуанчэн у ворот Чхэкмун (Беньмынь). Здесь четыре-пять раз в год устраивались длительные торги, на которые съезжались корейские и китайские купцы из окрестных уездов и где останавливались купцы, направлявшиеся в Китай вместе с посольствами. Торговый оборот был весьма велик, и корейские власти собирали большой налог (в конце XVIII в. он достигал 40 тыс. ян).

На рынке у ворот Чхэкмун (в Корею его называли «Чхэкмун кэси») размеры торговли постоянно увеличивались: купцы не ограничивались установленным количеством рыночных дней, нарушали пограничные правила. Все большая часть обмена велась контрабандным путем, против чего местные чиновники были не в силах бороться. В 1787 г. корейское правительство запретило своим купцам посещать рынок, но уже в 1795 г. финансовые трудности вынудили отменить этот запрет. Более того, по предложению начальника уезда Бйджу, ведавшего контролем за пограничной торговлей, были сняты многие ограничения на вывоз товаров.

Еще один корейско-китайский рынок размещался недалеко от Бйджу, на небольшом речном островке Нанджадо. Его так и называли «Чунган кэси» («Рынок посреди реки»). Он был открыт еще в 1593 г., во время Имджинской войны, чтобы корейское население могло приобрести зерно и необходимые товары. Впоследствии этот рынок не раз закрывали, но в 1646 г. ван Инджо приказал восстановить его, разрешив вести там торговлю два раза в год — весной и осенью. В связи с ростом значения рынка у ворот Чхэкмун в 1700 г. торговлю на о-ве Нанджадо отменили. Но, судя по материалам начала XIX в., обмен товарами здесь не прекращался.

Еще два пограничных рынка возникли на северо-востоке, на берегу Тумангана. В 1628 г. в Хверён впервые прибыли маньчжурские купцы из Ниньгута (современный Нинъянь) и Улы (современный Гирин). Они скупали здесь скот, сельскохозяйственные орудия, соль. С тех пор в Хверёне один-два раза в год устраивался обширный рынок. Со временем он стал тесен, и в 1716 г. открыли еще один — в Кёнвоне. Первоначально торги на этих рынках длились несколько дней, а затем они растягивались на месяц и даже более.

Вплоть до середины XVII в. преобладающую роль в пограничной торговле с Китаем играло государство. На амнокканском рынке, например, среди выставленных казной на продажу товаров было около 16 тыс. кын морской капусты, свыше 2 тыс. кын трепангов, 9 тыс. квон бумаги, более 500 пхиль ткани, 330 изделий из фарфора, около 200 сох, свыше 300 сок соли, 200 голов крупного рогатого скота. На других рынках объем казенной торговли был значительно меньше. Но и туда доступ «частных купцов» всемерно ограничивался.

Со второй половины XVII в. положение резко изменилось. Хотя количество казенных товаров не уменьшилось, но уже не они составляли главное содержание обмена. На пограничных рынках стали гос-

подствовать купцы из Кэсона, Сеула, Пхеньяна, Ыйджу и других городов. Известно, например, что на рынках Хверёна и Кёнвона временами собиралось до тысячи купцов из обеих стран. Еще больше их было на северо-западной границе, где торговля велась гораздо активнее.

Корейские купцы покупали высшие сорта шелка, драгоценные камни, головные уборы и одежду, письменные принадлежности, лекарства и т. д. В свою очередь они привозили женьшень, меха, бумагу, холст, хлопчатобумажные и шелковые ткани, земледельческие орудия. Следует подчеркнуть, что на такие рынки стекались изделия из разных концов страны. Большое место в товарообмене играли зерно и другие продукты сельского хозяйства. Так, только в 1698 г. китайские купцы доставили на амнокканский рынок 30 тыс. сок зерна. Но наибольшим спросом пользовались серебро и золото. В конце XVIII в. из Кореи, по утверждению современников, ежегодно вывозилось 500—600 тыс. ян серебра и несколько десятков тысяч ян золота. Такой большой спрос был важным стимулом развития горного промысла.

К концу XVIII в. контрабанда стала главной формой корейско-китайской торговли. В 1781 г. было приказано казнить тех, кто участвовал в бесконтрольных сделках, и выставлять их головы на всеобщее обозрение. Но даже такие жестокие меры не остановили растущего вывоза. В 1787 г. в одном из докладов вану сообщалось: «Шкуры очень нужны военным ведомствам, но они почти все уходят из нашей страны. Такое же положение с бумагой, шелком, холстом, хлопчатобумажной тканью». Размах контрабанды свидетельствовал об ослаблении монополии государства во внешней торговле.

Корея торговала также с Японией. Отношения с ней были восстановлены в 1609 г. подписанием договора о торговле. Правители Японии требовали открыть для своих судов три корейских порта, но Корея согласилась допустить только 20 японских кораблей в год, причем только в Пусан. Очень скоро это условие было нарушено. В 1635 г. корейское правительство еще раз попыталось ограничить число японских кораблей, прибывавших в Пусан, двадцатью тремя в год, но и после этого тяга японских купцов в Корею продолжала расти. Все сделки совершались на рынке, который собирался шесть раз в месяц.

В конце XVIII — начале XIX в. корейская казна продавала Японии более 25 тыс. сок зерна, около 1 тыс. сок бобов и 2 тыс. пхиль хлопчатобумажных тканей, женьшень, меха, промасленную бумагу, тушь и другие товары. Из Японии ввозили около 18 тыс. кын меди, свыше 15 тыс. кын олова, большое количество серы, ароматических веществ, красного перца, разного рода красителей, изделий из лака и фарфора, тканей и т. д. Не менее обширные торговые операции вели купцы, доставлявшие товары из многих соседних уездов. В торговле с Японией, как и с Китаем, преобладали контрабандные сделки.

Долгое время корейские купцы были посредниками в японо-китайской торговле, но после установления в 1747 г. прямых торговых связей между Японией и Китаем это их занятие постепенно пошло на убыль.

Активизация внешней торговли способствовала подъему одних отраслей корейского производства (например, горного промысла) и отрицательно сказывалась на других (шелкоткачество, изготовление ювелирных изделий и т. д.), а также содействовала укреплению позиций торгового капитала.

Развитие торговли вызвало серьезные изменения в денежной системе. В XVII в. в связи с ростом товарного обращения началось массовое применение медных монет.

В 1603 г. ван Сонджо собрал высших сановников специально для

обсуждения вопроса о медных монетах. Судя по энциклопедии «Чынбо мунхон пиго», участники совещания высказались за то, чтобы «использовать (металлические.— Авт.) деньги и в достатке обеспечить государственные и частные нужды». Но практически к организации монетного дела смогли приступить лишь в 1625 г., когда в Сеуле изготовили первые 1100 кван медных монет; они не успели получить широкого распространения из-за маньчжурского нашествия 1627 г.

В 1633 г. производство медных монет возобновили и даже приняли некоторые меры для их обращения, однако новое вторжение маньчжуров помешало и на этот раз. Прошло более десятка лет, пока смогли вернуться к вопросу о денежной системе. Особенно много занимался ею видный ученый и государственный деятель Ким Юк. В 1650 г. он привез из Китая 150 тыс. медных монет, которые использовались для выплаты жалованья чиновникам в Пхеньяне и Анджу. По его же инициативе возобновилась и собственная отливка таких монет. Но в то время сырья и квалифицированных мастеров еще не хватало, да и само правительство то поощряло употребление медных монет, то запрещало. В немалой степени на распространении новых денег сказывались частые неурожаи и голод, когда медные монеты теряли всякую ценность.

В середине XVII в. металлические деньги «прижились» только в наиболее экономически развитом районе — Кэсоне и ближайших к нему уездах (Канхва, Кёдон, Пхундок, Чандан и др.) Экономические потребности вновь и вновь принуждали вернуться к вопросу о денежной системе.

В 1678 г. во время аудиенции у вана Сукчона видный сановник Хо Джок предложил возобновить изготовление медных монет. Он доказывал, что ими пользуется весь мир: серебра в Корее мало, и оно недоступно большинству населения. Хо Джок особо подчеркнул экономическую сторону вопроса: «Сейчас товары не обращаются, и потому все люди хотят употреблять деньги».

Предложение Хо Джока, поддержанное другими сановниками, было принято. Временем начала широкого распространения металлических денег по всей Корее условно считают 1678 год.

Вплоть до конца XVII в. монетное дело не было централизованным. Помимо Сеула, провинций Пхёнан и Чолла им занимались в Кэсоне и провинции Кёнсан. Практически любое ведомство, имевшее медь, могло организовать отливку монет. С конца XVII в. началась постепенная централизация их выпуска. В 1751 г. был издан указ, оставлявший право изготовления денег только за пятью столичными ведомствами во главе с Ходжо. Каждое из них должно было производить отливку монет по очереди — раз в пять лет. В 1757 г. ввели единые правила, установившие состав литья и внешний вид монет. Запрещалось самовольно изменять курс денег (по отношению к серебру) и без разрешения пускать их в обращение. Последний пункт был вызван ростом частной фабрикации монет.

В конце XVIII в. в обращении находилось уже несколько десятков миллионов ян. Медные монеты серьезно потеснили (хотя еще и не вытеснили) все остальные средства обмена. Свод законов в середине XVIII в. был дополнен таким пунктом: «В качестве государственных денег использовать медные деньги». Тем самым признавалась доминирующая роль медных денег и то, что они стали главным средством обращения в стране.

В XVIII в. все провинции, даже такая отсталая, как Хамгён, в той или иной степени были втянуты в денежное обращение. Одновременно расширялись экономические функции денег. Их использовали не только

в торговле, но и при расчетах за наемный труд, в ростовщических операциях, при сборе налогов. Одним из свидетельств растущего значения денег был «денежный голод», выразившийся в нехватке монет и их вздорожании. Причина его заключалась в том, что богачи, создавая сокровища, изымали из обращения и прятали значительную часть выпущенных монет. «Денежный голод», от которого прежде страдали беднейшие слои, был в Корее в XVIII в. одной из самых острых проблем.

Как бы то ни было, в XVII—XVIII вв. в Корее окончательно утвердились и стали играть значительную роль в экономике деньги, которые, как указывает В. И. Ленин, являются «высшим продуктом развития обмена и товарного производства»².

Качественные изменения в экономике

Расширение производства и товарного обмена делало неизбежным отмирание наиболее устаревших форм влияния феодального государства на экономику. Выше это было показано на примере «Закона об общем участии в торговле», отменившего в 1791 г. привилегии старых купеческих гильдий. Не менее значительные изменения происходили и в сфере ремесла.

Важнейшей формой контроля государства над ремеслом была обязательная регистрация мастеров. Подробные списки хранились в Ходжо, и согласно им распределялись повинности. В конце XVIII в. такой порядок был упразднен. В изданном тогда кодексе «Тэджон тхонпхён» содержалось такое признание: «Закон о хранении списков в основном ведомстве (Ходжо.— Авт.) постепенно стал непригодным и упразднен». Одновременно отменили и правило о хранении списков мастеров в провинциальных центрах.

Законы конца XVIII в. фиксировали сложившееся тогда реальное положение дел. Развитие производительных сил, рост объема производства сделала непригодной старую систему управления ремеслом. Обязательную регистрацию заменили системой патентов, контролем чиновников над каждой мастерской, соответствующей политикой налогов и цен. Некоторая децентрализация, допущенная в конце XVIII в., способствовала ослаблению зависимости ремесленников от государства.

В конце XVIII в. вдвое сократили число ведомств, которым дозволялось иметь ремесленников. Это, однако, не означало крушения или серьезного ослабления казенного ремесла. Напротив, общее число мастеров, работавших на казну, увеличивалось; так, в 1752 г. только в провинциях их числилось 4450, а в столице было еще больше.

И все же можно полагать, что к концу XVIII в. казенное ремесло утратило преобладающее положение, уступая место частному производству. Это невозможно показать на абсолютных цифрах, поскольку таковых нет. Но об усилении позиций частного ремесла, не работавшего по заказам казны, говорят факты широкой продажи ремесленных изделий на многих рынках. Само государство то и дело обращалось к частным мастерам. Так поступали, например, при подготовке даров, отправляемых с посольствами в другие страны. Составители «Тэджон тхонпхён» юридически закрепили возросшую роль таких мастеров. В одной из статей было записано: «Если нужны какие-либо работы, [местный] начальник нанимает частных ремесленников».

Восвобождение ремесла сочеталось с такими же процессами во внутренней и внешней торговле. Естественно, что эти изменения благотворно сказывались на росте товарно-денежных отношений, способствуя

общему ослаблению натурального характера феодального хозяйства Кореи.

В XVII—XVIII вв. во многих отраслях экономики производство на продажу постепенно росло. Как известно, именно торговля золотом и серебром стала главным стимулом для подъема горного промысла. Заметное расширение ремесла также было вызвано возросшим спросом. Следует отметить положительное значение отмены в XVII в. натуральной подати, что повлекло за собой переход к покупке государством продукции ремесла. В городах возникали специальные кооп (торговые объединения), которые по поручению казны скупали у частных мастеров необходимые ей изделия.

Гораздо труднее втягивалось в товарное производство сельское хозяйство, но и в нем увеличилась доля продукции, поступавшей в продажу. Зерном, например, торговали на большинстве рынков и в городских лавках. В 1783 г. в докладе вану сообщалось, что из 1 млн. сок зерна, необходимого на год жителям Сеула, 400 тыс. доставляла казна и получали с мест аристократы, а 600 тыс. должны были привезти торговцы из южных провинций. Так было не только в столице. На рынок сравнительно небольшого уездного центра Сувона в конце XVIII в. каждый раз прибывало более сотни воловых упряжек с зерном и солью.

Среди других культур большим спросом пользовался табак, что определяло широкое его разведение. В 1786 г. один из чиновников сообщал вану: «Народ много сажает и продает табака... Для посадок табака выбирают плодородные земли. Трудятся в несколько раз больше, чем в земледелии и шелководстве». Сказанное можно отнести и к другим культурам, возделывание которых в значительной степени было связано с потребностями рынка (хлопчатник, конопля, рами, тутовое и бумажное дерево и т. д.).

Одновременно расширялись и домашние промыслы. В больших, чем ранее, размерах крестьяне вырабатывали разнообразные ткани, деревянную утварь, посуду и другие изделия, предназначенные для продажи. Рост товарного производства повлек за собой организацию в деревнях ке — крестьянских обществ взаимопомощи. Их участники вносили определенный пай зерном или деньгами, объединяли орудия труда и рабочий скот. Доходы шли в общую казну, но некоторую их часть делили между членами ке.

В XVII—XVIII вв. широкое распространение получили виноделие и винокурение. Появились новые сорта вин, но особенно много изготавливали водки из зерна. В 1792 г. в докладе вану говорилось: «В Сеуле в каждой пятидворке непременно есть два-три винных дома. Большие винные дома расходуют в день более одного сок [зерна], малые — не менее нескольких ту. Это почти половина зерна, привозимого на рынок».

Большая часть производимой водки поступала в продажу. Кроме того, продавали разнообразные закуски и приправы. В 1792 г. один из высших сановников отмечал, что для этих целей «расходуют больше половины мяса из местных лавок и рыбы на рынке». Производство и продажа продуктов питания были существенным проявлением разложения в Корее натурального хозяйства.

Другое, более важное проявление этого процесса — рост применения наемного труда. В XVII—XVIII вв. масштабы его значительно увеличились, а формы стали более многообразными. Особенно примечательно, что расширилось применение наемного труда в сельском хозяйстве.

Еще с XV в. в корейской деревне использовали труд когонов — батраков. Как правило, ими становились на неопределенно длительный

срок за мизерную плату, произвольно устанавливаемую хозяином. Однако в середине XVIII в. были узаконены срок найма (5 лет) и размеры платы за труд (10 ян). По истечении 5 лет батрак мог уйти от хозяина, получив свои 10 ян. Но он мог и остаться, если хотел, и тогда фактически переходил на положение домашнего поби. Тяжкие условия, в которых находился батрак, после законов XVIII в. почти не изменились. Но установление определенного срока найма и твердой оплаты несколько увеличило заинтересованность батраков в их труде.

Батраками становились разорившиеся бедняки, оказавшиеся в безвыходном положении. Большинство же крестьян подрабатывали на разного рода поденных работах (обработка земли богатых соседей, уход за скотом, заготовка топлива, переноска грузов и т. д.). Большое распространение получило выполнение повинностей за других. Источники неоднократно отмечают факты уплаты за день работы 25 медных монет. Повидимому, это была общепринятая норма вознаграждения за поденшину.

Растущая эксплуатация и обезземеливание крестьянства постоянно увеличивали число людей, искавших заработка. Корейская деревня не настолько еще втянулась в товарное производство, чтобы поглотить всю незанятую рабочую силу. В 1786 г. офицер столичных войск Чхвэ Догу рассказывал вану, что крестьянам приходится продавать землю и скот, бросать свои дома: «Они, поддерживая стариков и держа детей за руки, идут наниматься в другую провинцию. Либо мужчины с поклажей в руках, а женщины с ношей на голове уходят наниматься в Сеул».

В Сеуле и других городах крестьяне становились прислугой, носильщиками, грузчиками, уборщиками мусора. Но города могли поглотить лишь небольшую часть свободной рабочей силы. Те, кто не находил применения, превращались в бродяг и нищих. В середине XVII в. корейские власти обсуждали вопрос о принудительном переводе этих людей на северные земли для организации военных поселений. В 1697 г. часть скопившегося в Сеуле беглого люда переселили на пустующие острова. Такие же меры принимались и в последующее время, но они не приносили желаемых результатов.

Какая-то часть рабочей силы могла получить применение в ремесле. В XVII—XVIII вв. появились мастерские, которые не могли обойтись без работников со стороны. При выплавке железа у больших печей трудилось 20—25 человек. Крупнейшим центром изготовления фарфора была казенная мастерская Пунвон в Кванджу. Непосредственно в производстве там было занято более 100 человек. Наемный труд использовали и в монетном деле. В 70-х годах XVIII в., когда отливали большую партию монет, в Сеуле устроили 50 печей, возле которых работало более 1 тыс. человек. Много рабочих требовалось в судостроении.

Крупнейшим потребителем наемного труда стал горный промысел. В случае удачи здесь можно было получить неплохой заработок. Пак Чивон писал о золотоискателях: «Говорят, что можно прокормить всех домочадцев, если в течение дня промыть ящик песка». Нанимать рабочих было разрешено еще в 1651 г., когда правительство сняло запрет на разработку недр. В конце XVII в. только в известной добычей золота уезде Сончхон (Пхёнан) числилось около 4 тыс. «бродяг», пришедших на заработки.

Тяга на рудники была очень велика. Пак Чивон в «Ерха ильги» писал: «Мое внимание привлекло то, что по дороге толпой шли мужчины с поклажей на спине и женщины с ношей на голове, держа за руки множество детей восьми-девяти лет. Впечатление было такое, будто люди бежали в голодный год. Я спросил, куда они идут. Оказалось, что все

они шли на золотой рудник в Сончхоне». В число горнорабочих входили также разорившиеся мелкие торговцы и ремесленники. Гораздо больше было крестьян, приходивших на рудники для дополнительного заработка.

Однако основную массу горнорабочих составляла крестьянская беднота, вытесненная из деревни в результате обезземеливания и роста эксплуатации. Источники часто отмечали, что работники горного промысла — это «безземельные люди, не занятые в земледелии». В 1788 г. один из чиновников говорил вану: «Люди, занятые на серебряных и золотых рудниках, — это те, кто скрывается от налогов и уклоняется от повинностей». Такой состав горнорабочих обусловил их активное участие в происходивших позднее, в XIX в., массовых народных движениях.

Для многих наемный труд был побочным, дававшим дополнительный заработок. Но уже появлялись группы людей, для которых работа по найму была главным источником существования. В южных провинциях, например, на складах зерна грузчики передавали свою профессию из поколения в поколение. В 1789 г. чиновник, докладывавший вану о положении крестьян, говорил и о людях, «сделавших своим занятием наемный труд».

В XVII—XVIII вв. в Корее было уже некоторое число чомчхон — ремесленных деревень. Для их жителей главным было ремесленное производство, а земледелие стало второстепенным занятием. Известны деревни гончаров, мастеров по фарфору, изделиям из металла, поделкам из дерева и т. д. В таких деревнях использовался и труд наемных рабочих, в частности были работники, нанимавшиеся на время и переходившие из деревни в деревню. Как и сельских батраков, их называли «когон».

Еще больше таких людей имелось в горном промысле. В 1784 г. губернатор Пхёнан доносил вану, что во всех уездах провинции добывают золото. «Более половины людей, живущих своим трудом, — писал он, — перешло туда, где есть золотые жилы». По словам Чон Дасана³, земледельцам и торговцам было трудно нанять работников, так как все они стремились на рудники.

Появление категории людей, главным занятием которых стала работа по найму, означало важный качественный сдвиг в развитии наемного труда; последний постепенно входил важной составной частью в общую систему расширявшегося товарного хозяйства.

В ряду качественных сдвигов в экономике особое место занимает концентрация торгового капитала и его проникновение в сферу производства. Уже отмечалось, что в XVII—XVIII вв. монополия сиджон была серьезно подорвана частными купцами. Рост внутренней и внешней торговли позволил части купечества накопить огромные средства и подчинить мелких торговцев. В результате монополия, опиравшаяся прежде на феодальные привилегии, уступала место монополии, в большей мере основанной на экономическом могуществе.

К концу XVIII в. новые монополисты (их называли «тога») заняли преобладающее положение в торговле. Вот как характеризовалась их деятельность в докладе вану в 1781 г.: «Один человек захватывает торговлю других, и никто, кроме него, не может заниматься частной торговлей. Богачи устраивают кебан. Они скупают [товары] по дешевке, за двойную цену перепродают их тем, кто не входит в кебан. Это и есть то, что называют: „Прибыль скапливается у одного, а ущерб несут десять тысяч человек“».

Среди монополистов-тога основную часть составляли торговцы, действовавшие в бассейне р. Ханган. Их называли «кансан» («речные тор-

говцы»). Они прибрали к рукам доставку зерна из южных провинций в Сеул и при каждом удобном случае вздували цены. «[Кансан] завладели исключительным правом продажи,— доносили чиновники в 1781 г.,— и цены на рынке сильно поднялись». В следующем году в докладе вану сообщалось: «Люди, которые гонятся за прибылью, либо прячут зерно, либо перевозят его в отдаленные места. Поэтому зерно по-прежнему дорожает».

Тога наживались и на спекуляциях солью, табаком, лекарствами и другими товарами первой необходимости. Летом 1791 г. Сеул три дня был без топлива: торговцы не продавали его горожанам, чтобы поднять цены.

Монополисты-тога действовали не только в Сеуле, но и в Кэсоне, Пхеньяне и других городах, в равной мере господствуя как во внутренней, так и во внешней торговле. Правительство неоднократно запрещало спекулятивные сделки тога, пыталось принудительно регулировать цены. Но оно было бессильно против растущего влияния богатейших купцов.

Большие капиталы наживались на посреднических операциях, являвшихся следствием расширения внутренней торговли. Вот как описывались современником действия посредников в 1749 г.: «Бродяги и бездельники увлекают деревенских жителей, чтобы те везли товары в Сеул. Когда привозят овощи, кур, топливо, они выступают посредниками и прибирают все к рукам. И [хозяева] не могут сами продавать. Таких называют столичными разбойниками». «Разбойники» хозяйничали не только в городах, но и на деревенских рынках.

Среди крупнейших посредников выделялись кёнджуины (чиновники, представлявшие в столице интересы провинциальных властей) и ёнджуины (чиновники, представлявшие в провинциальном центре интересы уездных властей). По роду занятий они общались с торговцами и принимали участие в спекулятивных операциях. Это были выгодные должности, и желающие занять их платили большие суммы. Чон Дасан отмечал, что за пост ёнджуина, стоивший прежде 200 ян, в его время вносили уже около 8 тыс. ян.

Большое значение как посредники в торговле приобрели кэкчу (владельцы постоялых дворов). Они продавали товары, привезенные торговцами, скупали и перепродавали изделия ремесленников, принимали деньги на хранение и выдавали ссуду. В морских и речных портах имелись чоджом (гостинные подворья), хозяева которых также занимались посреднической торговлей. Чон Дасан писал, что в чоджом оставалась «половина прибыли, полученной купцами, прибывшими на судах». По его словам, некоторые содержатели чоджом накапливали путем посредничества до 10 млн. ян.

Значительные прибыли, собиравшиеся в их руках, богатейшие купцы тратили на дальнейшее расширение торговли, отдавали в рост. Какую-то долю прибылей они расходовали на покупку земли, пополняя ряды помещиков. Но немалая часть капиталов, нажитых в торговле, попадала непосредственно в сферу производства, вызывая там качественные изменения.

Именно во второй половине XVIII в. обнаруживаются первые признаки длительного и сложного процесса подчинения производства торговому капиталом.

Источники хранят упоминания о деятельности купцов в различных отраслях хозяйства. В 1788 г., например, вану была подана жалоба о затруднениях с поставкой бумаги из трех южных провинций, где основными центрами по изготовлению бумаги были монастыри, имевшие своих ремесленников. Как сообщалось в жалобе, «кэсонские купцы всту-

пают в сговор с монахами. Они выбирают самую лучшую [бумагу] и тайком скупают».

В 1792 г. начальник Ходжо, докладывая о строительстве и ремонте судов, отмечал, что для этой цели каждый уезд выдавал соответствующие средства «того чуину», который организовывал все работы. «Того чуин» — это одно из названий богатых торговцев. В докладе прямо указывалось, что они были из «речных купцов». Известно, что в конце XVIII — начале XIX в. правительство Кореи давало крупные подряды на изготовление медных денег богатым торговцам. Они закупали сырье, нанимали рабочих, организовывали производство, получая за это определенную долю отлитых монет.

Материалы источников позволяют думать, что уже частично складывалась система предварительного авансирования, прямо подчинявшая ремесленника торговцу. Так было, например, в отношениях с меховщиками. В конце XVIII в. конины (откупщики), которым поручались поставки казне, постоянно жаловались на конкуренцию кэсонских купцов. Вот как излагало Пибёна одну такую жалобу в 1786 г.: «В последнее время торгующие с Китаем купцы из Сондо заранее дают цену, устраивают тайные склады и делают [мех] капиталом для контрабандной торговли».

В 1794 г. начальник провинции Хванхэ описывал грабительскую систему авансирования, позволявшую скупать изделия у мастеров за полцены: «Стоимость сети (изготовленной на о-ве Ёнпхэндо, славившейся своими мастерами.— *Авт.*) устанавливается заранее, [сеть] продается по взаимному согласию сторон. Цена одной пу (секции) — два мин. Когда это называют „ёсу“ (давать заранее аванс), то сбрасывают половину цены».

Сказанное позволяет предположить, что система предварительного аванса распространилась довольно широко. Она не только закабаляла непосредственного производителя, но и давала торговцу возможность влиять на процесс производства.

Важнейшей сферой приложения торгового капитала был горный промысел. Еще в 1651 г., когда обсуждался вопрос о разрешении частной добычи серебра, начальник Ходжо с уверенностью говорил вану, что «богатые купцы (пусан тэго) обязательно с радостью возьмутся» за ее организацию. Так оно и получилось. Именно из числа купцов появились «мульчу» («собственники средств»), вкладывавшие деньги в устройство рудников. С ними связан отмеченный выше подъем горного промысла в Корее.

Со временем функции собственника средств претерпели значительные изменения. Первоначально он выступал только в роли кредитора; весь ход добычи управлялся чиновниками, присланными казной. Но к концу XVIII в. купец из кредитора превратился в полного собственника предприятия. Он открывал рудник, зачастую без ведома властей, и вел производство сам или через своих приказчиков, а добытый металл продавал по своему усмотрению, уклоняясь от уплаты налога. В этом одна из причин сокращения к концу XVIII в. числа официально зарегистрированных рудников.

Собственник средств — мульчу — стал решающей фигурой в горном промысле. Когда в 1730 г. было решено устроить медный рудник в Анбёне, начальник провинции Хамгён сообщил, что это трудно сделать, пока нет мульчу. В одном сочинении конца XVIII — начала XIX в. записано, что, «если нет мульчу, невозможно вести дело».

Выше указывалось, что в горный промысел притекала самая большая часть рабочей силы. Здесь она находила применение на предприя-

тиях, принадлежавших в основном людям из купеческого сословия. Отношения между работодателем и наемным рабочим были тут свободнее от феодальных покровов, в них преобладал экономический расчет. Историки КНДР считают, что в горном промысле Кореи в XVIII в. появились зачаточные формы капиталистической эксплуатации.

Характеризуя зависимость непосредственных производителей от торгового капитала, К. Маркс писал: «Подобные отношения повсюду стоят на пути действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем у рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства»⁴.

Вместе с тем К. Маркс не отрицал исторического значения подчинения торговым капиталом производства. Он считал этот процесс «переходной ступенью» от феодального способа производства к капиталистическому⁵. Его оценка в значительной мере применима и к Корее второй половины XVIII в.

Аграрные отношения и социальная структура

В XVII—XVIII вв. происходило дальнейшее ослабление государственной и соответствующий рост частной феодальной собственности на землю.

Крупнейшим собственником земли оставался ван, ему принадлежало более 10 тыс. кёль, управляемых Нэсуса. По названию этого ведомства ванские земли именовали «нэсусаджон».

Среди категорий крупной феодальной земельной собственности преобладающее место заняли земли кунбанджон (дворцовые) и амун тунджон (ведомственные). Значительная их часть была пожалована ваном навечно или на длительное время. Обширные участки создавались за счет распашки целины и устройства хваджон. Но самым распространенным стал захват крестьянских земель. Помимо пахотной земли присваивались леса, водоемы, места рыбной ловли и другие угодья.

Пожалованные участки, как правило, освобождались от уплаты налога государству. К концу XVIII в. дворцы аристократов и ведомства официально имели более 80 тыс. кёль необлагаемых земель. Однако, не довольствуясь этим, они посягали и на наделы, внесенные в налоговый реестр. Поступления в казну постоянно уменьшались. В 1729 г. ван Ёнджо отмечал в указе: «Все дворцы освобождены от налога, их количество очень велико. Из-за этого земельный налог сильно сократился». В 1785 г. начальник Ходжо доносил, что одно из ведомств, владея 7 тыс. кёль, платило налог лишь с 2 тыс. кёль.

Правительство не раз пыталось ограничить рост ведомственных и дворцовых земель. В кодексы XVIII в. включили статьи, определявшие размеры наделов. Неоднократно издавались указы, отменявшие некоторые пожалования. Соответствующим чиновникам предписывалось разоблачать незаконные действия владельцев дворцов и начальников ведомств. Но все эти законы и указы то и дело нарушались самим же правительством и не давали должного эффекта. В начале XIX в. Чон Дасан указывал, что за последние 100 лет ведомственные земли увеличились в 10 раз; в меньшей степени выросли и дворцовые земли.

От высшей аристократии не отставали остальные феодалы. Еще в

1659 г. вану сообщили: «Не только во дворцах, но и среди янбанов много таких, которые, занимая мало-мальски видное положение, также захватывают землю». Во многих указах и петициях, касавшихся нарушения порядка в земельной системе, наряду с ведомствами и дворцами знати упоминались янбанские «влиятельные семьи».

Еще одну категорию феодальной земельной собственности составляли монастырские владения. Хотя при династии Ли буддийская церковь и утратила прежнее влияние, тем не менее она имела большие площади. Считается, что в целом она владела 15—20 тыс. кёль. Сокращение числа буддийских монастырей сочеталось с ростом числа конфуцианских храмов. Часть из них получала небольшие надель от государства, но основным источником накоплений были пожертвования «влиятельных семей».

Расширение всех категорий помещичьих земель неизбежно сочеталось с обезземеливанием крестьянства. Утрата крестьянами своих наделов в XVII—XVIII вв. приняла особенно большие размеры. В хронике вана Хёнджона в записи за 1660 г. содержится сообщение о положении в Хванхэ: «Уже давно говорится о том, какой вред приносит устройство имений дворцами. Недавно на территории Анака и других [уездов] снова созданы дворцовые имения и насильственно захвачены минджон».

В 1791 г. ван Чонджо пытался вести борьбу с использованием государственной печати для незаконного оформления прав на земельную собственность. Как отмечает летопись, «губернатор провинции Кёнги совместно с чиновниками дворца Суджингун, злоупотребляя печатью, насильно завладела минджон в уезде Ымчхук». Хотя в приведенных выдержках речь идет об аристократии, но и остальные феодалы не отставали от нее. Укажем лишь один пример. В 1706 г. крестьяне местности Кёдон (Кёнги) своими силами освоили большую прибрежную отмель. На строительстве дамб и осушении почвы трудилось более 1 тыс. человек. Когда земля стала пригодной для обработки, ее захватили местные янбаны.

Расширение частной феодальной собственности чаще всего не сопровождалось полным отделением крестьян от земли. Как правило, менялся лишь юридический собственный участка. Живший в городе помещик в большинстве случаев не был заинтересован в изгнании крестьянина с отнятого у него надела. Вчерашний владелец земли оставался на ней, но уже в качестве арендатора.

Современные исследователи по-разному определяют время зарождения в Корее арендных отношений, но все сходятся в том, что в XVII—XVIII вв. эти отношения распространились весьма широко. Крестьяне становились арендаторами не только в результате захватов земли феодалами. Усиление эксплуатации и растущее обнищание заставляли многих продавать свои наделы. Очень ярко это показано в «Кванон сочхо» («Трактат о земледелии») Пак Чивона.

По словам Пак Чивона, беднякам «в голову не приходит, что дом богача — это притон разбойников. Они идут туда и продают землю, наперебой понижая цену. Богачи даже увеличивают цену, чтобы купить побольше. Сделав землю своей собственностью, они затем отдают ее на правах аренды и изображают при этом, будто оказали милость тем, кто ее продал. Бедняки с благодарностью думают, что получили за землю немного больше, чем ожидали, что они обрабатывают землю, которая была их собственной, и отдадут за это только половину урожая».

Ведущей формой аренды в Корее стала пёнджак (испольщина). Именно ее имел в виду Пак Чивон. В разных провинциях были свои особенности аренды (размер уплачиваемой доли урожая и т. п.). Но все

это подчеркивало главное — аренда система в Корее в конце XVIII в. получила уже широкое распространение и становилась важнейшей частью земельных отношений.

Среди других изменений следует выделить значительный рост купли-продажи земли. Сделки такого рода были обставлены раньше множеством ограничений и совершались под строжайшим контролем властей. К XVII в. контроль перестал быть постоянным и строгим, и потому большинство ограничений утратило эффективность.

Обобщив многолетние наблюдения за рядом семей, Пак Чивон отмечал, что «из каждых десяти человек не было даже пяти таких, которые бы сумели сохранить и не продали другим землю, доставшуюся в наследство от отцов и дедов».

Весьма любопытно, что феодальное государство не только разрешало торговлю землей, но в известной мере даже способствовало ей. Оскудение фонда, из которого делались пожалования земли, вынудило правительство ввести раздачу соответствующих денежных средств. С конца XVII в. членам и родственникам ванской семьи выдавались огромные по тем временам суммы — от 3 до 5 тыс. ян, — специально предназначавшиеся для покупки земли. Нередко для тех же целей такие деньги раздавали феодалам и менее высокого ранга.

В Корее XVII—XVIII века были временем, когда быстро росли товарно-денежные отношения. Продажа земли означала, что в торговый оборот постепенно втягивалось и главное средство производства феодального общества.

Большую часть земли скупали феодалы, принуждая крестьян уступать ее за бесценок. От них не отставали и деревенские богачи, покупавшие земли разорившихся соседей или отбиравшие их за долги. В сферу земельной собственности переливалась также часть торгового капитала. Особенно выделялись кэсонские купцы. Как сообщают корейские историки, в 1719 г. эти купцы завладели большей частью пахотной земли и лесов в соседнем уезде Чандан (Кёнги). В это же время они приобрели земли и в других уездах провинций Кёнги и Хванхэ. Несколькими ранее, в 1713 г., сеульские купцы устроили рисовые поля у р. Соянган в провинции Канвон. Не исключено, что какая-то часть таких земель использовалась на нужды торгового земледелия.

Расширение земельной собственности богатых крестьян и торговцев было новым явлением, проявившимся в полной мере в XVII—XVIII вв. Оно показывало, что феодальная земельная собственность постепенно утрачивала иерархический сословный характер.

С точки зрения исторического прогресса положительным был сам факт вытеснения государственной собственности частной. Собственность на землю избавлялась от многих сдерживавших ее ограничений, становилась легко отчуждаемой и потому более доступной. Это весьма важно, так как одновременно в Корее активно развивались товарно-денежные отношения, затрагивавшие и сферу земельной собственности.

В прямой связи с новыми явлениями в аграрном строе происходили некоторые изменения и внутри классов феодального общества. Господствующий класс в XVII—XVIII вв. численно значительно вырос. Одним из важнейших каналов его пополнения оставались экзамены на чин. Но административная система была не в состоянии вместить всех желающих. К 1712 г. насчитывалось несколько тысяч человек, сдавших экзамены, но не получивших должности. Число этих людей постоянно увеличивалось.

Разбогатевшие торговцы и крестьяне также рвались в «благородное» сословие. Обладая большой экономической силой, они были лишены

ряда прав и привилегий, которые имели янбаны. Далеко не каждый мог подготовиться к сложным экзаменам на чин; единственной возможностью оставалась покупка должностей. Для правительства же это был способ несколько поправить финансовые дела. В XVII—XVIII вв. неоднократно устраивалась распродажа патентов на чин, в которых не указывалось имя владельца. Только в 1725 г. была продана 1 тысяча таких патентов.

Расширение господствующего класса сочеталось с усилением поляризации его слоев. Крупная земельная собственность формировалась в известной мере за счет владений мелких и средних феодалов. В источниках XVII—XVIII вв. часты сообщения о произволе высшей аристократии, жертвами которого были не только крестьяне, но и люди из «благородных» семей.

Соответственно возросла прослойка разорившихся янбанов. Типичной стала фигура человека, у которого единственным достоянием было его янбанское происхождение. Видный просветитель конца XVIII в. Пак Чегв с иронией писал: «Хотя в доме нет ни гроша, но знатный человек надевает на голову высокую шляпу и, выдавая себя за богатого, расхаживает по улицам, размахивая широкими рукавами своего халата». Считается, что к середине XVIII в. разорилось не менее половины всех янбанов. Противоречия между высшими слоями и основной массой господствующего класса постоянно росли.

Уже указывалось, что значительная часть крестьян утратила наделы и перешла на положение арендаторов. Из этой же среды рекрутировались батраки и другие категории наемных работников. Увеличилось и число богачей-тхохо, влияние которых в XVII—XVIII вв. усилилось. Во многих документах о захвате земли рядом с именами аристократов упоминаются тхохо. Жадные богачи прибирали к рукам не только земли, но и леса, соляные источники, ирригационные сооружения, места рыбной ловли. Они выдвигали требования дать им одинаковые с янбанами права.

На самой нижней ступени лестницы социальной иерархии оставались ноби. Экономическое развитие страны с возрастающей силой подчеркивало невыгодность их подневольного труда. В XVII и особенно XVIII в. власти за большой выкуп предоставили свободу многим разбогатевшим казенным ноби. К концу XVIII в. по сравнению с началом века в несколько раз увеличилось число выкупившихся частных ноби. Еще больше их бежало, пополнив ряды бродячего люда. Традиционная система ноби изживала себя.

В 1794 г. правительство рассматривало вопрос об отмене крепостной зависимости; в начале 1801 г. появился указ об освобождении 29 093 казенных и 36 974 дворцовых ноби. Всех перевели в сословие простолюдинов, возложив на них соответствующие повинности. Указ 1801 г. не означал полной ликвидации крепостного сословия, так как не была затронута категория частных ноби.

Освобождение казенных и дворцовых ноби стоит в ряду упомянутых выше преобразований, с помощью которых правительство смогло на время приглушить недовольство и отсрочить кризис феодального строя. Это одна из последних попыток сгладить остроту социальных отношений.

В целом структура корейского феодального общества в XVII—XVIII вв. основательно расшаталась. Это сказалось, в частности, на положении крестьянства.

Регистрация в казенных книгах, система дворовых табличек, практический запрет перемещений, повседневный контроль старост и чинов-

ников обеспечивали прикрепление крестьян к земле. В XVII—XVIII вв. этот сложный социальный механизм работал уже с перебоями. Крестьяне в большом числе уходили в город или на рудники, укрывались в горах и занимались там подсечным земледелием, переселялись в другие провинции. Самовольные перемещения людей принимали почти угрожающие размеры.

Феодалные власти пытались восстановить старую практику прикрепления к земле. В 1722 г. было запрещено переселение людей из окранных районов, а в 1729 г. усилен контроль за населением; правительство потребовало более строгого соблюдения законов о пятидворках. Неоднократно в провинции посылались чиновники, которые должны были выявить беглых и вернуть их домой. В 1790 г. в Сеуле, например, собрали часть скопившихся там бродяг и насильно вернули на прежнее место жительства. И все же эти меры оказались тщетными, они не могли остановить усилившегося перемещения больших групп населения, отражавшего процесс разложения феодальной социальной структуры.

Формы феодальной эксплуатации

В XVII—XVIII вв. система феодальной эксплуатации претерпела некоторые изменения, в известной мере сказывавшиеся на социально-экономическом развитии Кореи.

Основным видом государственного обложения формально оставался земельный налог. Кодекс середины XVIII в. «Соктэджон» установил твердую ставку этого налога — 4 ту с каждого кёль. Кроме того, крестьяне платили самсуми (более 2 ту с 1 кёль) и еще несколько мелких налогов, сдавали зерно на оплату перевозок собранного налога, покупку амбарных книг и другие расходы местных властей. На это уходило еще несколько ту.

Помимо земельного налога крестьяне продолжали вносить натуральные подати. Их подготовка требовала много времени и сил и отвлекала население от основных занятий. Размеры поставок определялись на местах, что создавало условия для произвола чиновников. Кроме того, бóльшая часть собранных продуктов оседала в кладовых уездных начальников и сборщиков податей.

Сокращение доходов, растущее недовольство крестьян заставили правительство пересмотреть систему податного обложения.

Вопрос этот обсуждался уже в XVI в., однако конкретные меры были приняты только в годы Имджинской войны, когда из-за нехватки продовольствия подати в южных провинциях Чолла и Чхунчхон заменили уплатой зерна. После окончания войны вновь вернулись к сбору подати, однако опыт ее замены не был забыт.

В 1608 г. правительство решило отменить все виды податей в провинции Кёнги и вместо них собирать единый налог зерном. С каждого кёль брали 16 ту риса, из которых 10 поступали в казну, а 6 оставались в распоряжении местных властей. Новый налог получил название «тэдонми» («заменный рис»). С его введением казна получила возможность увеличить запасы зерна. Однако распространение его на остальную часть страны встретило серьезные трудности. Препятствовали чиновники, для которых сбор податей составлял важную статью доходов, и помещики, так как по закону новый налог должны были платить все имевшие землю. Введение тэдонми растянулось на 100 лет. В 1623 г. его стали платить в провинции Канвон, в 1651 г. — в Чхунчхон, в 1657 г. — в Чолла, в 1677 г. — в Кёнсан и лишь в 1708 г. — в Хванхэ. На погранич-

ные провинции Пхёнан и Хамгён это нововведение не распространялось, так как прежде там не собирали подать.

Ставки тэдонми несколько раз менялись, но в начале XVIII в. их утвердили в следующих размерах: в Кёнги, Канвон, Чолла, Кёнсан, Чхунчхон — 12 ту с каждого кёль, в Хванхэ — 15 ту. Новый налог в короткий срок стал важнейшей формой государственного обложения.

Крестьянство в основной массе положительно отнеслось к замене податей рисовым налогом. Последний был очень велик, но все же меньше того, что платили раньше. Например, в 1649 г. крестьяне тех провинций, где еще не ввели тэдонми, сдавали в виде подати 7—10 пхиль холста, что по тогдашним ценам соответствовало 35—50 ту риса. Это было в 3—4 раза больше нового налога. К тому же тэдонми полагалось брать только с владельцев земли, тогда как подать взимали с каждого двора. В результате безземельная беднота получила некоторый выигрыш.

Введение тэдонми не отменяло полностью податную систему. Чинсан — подношения государю — еще оставались; их периодически собирали с населения для нужд двора. Однако ликвидация обременительной регулярной подати явилась, несомненно, дополнительным стимулом для роста сельского хозяйства. Она оказала некоторое влияние и на ремесло, способствовала развитию товарно-денежных отношений. Все это подчеркивает исторически позитивный смысл введения тэдонми.

Тяжелой формой эксплуатации оставалась военная повинность. В середине XVIII в. ее должны были нести около 500 тыс. человек. Каждый военнообязанный раз в 16 месяцев вносил 2 пхиль холста. Поскольку в семье часто имелось несколько мужчин, крестьянский двор сдавал 8—10 пхиль. Это было много, особенно если учесть другие разорительные поборы. Сбор кунпхо (военного налога холстом) превратился в откровенный грабёж. В реестры плательщиков чиновники заносили несовершеннолетних, престарелых и даже девочек. Пользуясь круговой порукой, они заставляли платить за умерших, беглецов.

К середине XVIII в. недовольство военной повинностью настолько усилилось, что правительство было вынуждено принять экстренные меры. В 1750 г. оно издало «Закон об уравнивании повинностей», по которому военнообязанный должен был вносить только 1 пхиль холста каждые 12 месяцев. Новый закон, не отменяя кунпхо, лишь сократил его на одну треть.

Одновременно в законе указывались источники, за счет которых следовало восполнить образовавшийся дефицит. Было приказано уменьшить расходы на содержание центральных и местных органов власти, военных поселений. Во всех уездах надлежало обложить налогами так называемые скрытые кёль, т. е. земли, не внесенные в налоговый реестр. Казне передавались доходы от солеварен, рыбалок, грузовых судов, принадлежавших ранее дворцам и ведомствам.

Особая статья закона предписывала расширить круг людей, плативших кунпхо, в первую очередь за счет богатых крестьян, незаконно освобожденных от военной повинности. Для увеличения доходов казны ввели дополнительный налог на землю — 2 ту риса или 0,5 ян денег с каждого кёль. Новый налог так и называли «кёльми» («рис с кёль») или «кёльчон» («деньги с кёль»). Его должны были вносить только собственники земли.

«Закон об уравнивании повинностей» — это попытка перераспределить налоговые тяготы. Она была сделана в общих интересах господствующего класса, чтобы несколько сгладить социальные противоречия. Как и отмена регулярной подати, сокращение военной повинности в из-

вестной мере оказало положительное воздействие на социально-экономическое развитие страны.

Налоговые реформы коснулись также и казенных поби, что отражало процесс разложения всей крепостнической системы в Корее. Принадлежавшие ведомствам ноби-мужчины платили казне 2 пхиль холста в год, а женщины — 1,5 пхиль. В 1667 г. этот налог сократили на 1/2 пхиль, а в 1755 г. — еще на столько же. В 1774 г. женщин-ноби совсем освободили от уплаты налога; мужчины продолжали вносить по 1 пхиль холста в год.

Преобразования в налоговой системе были вызваны общими сдвигами в экономике и в свою очередь положительно на нее влияли. Они были определенной уступкой правящих кругов. Однако их значение не следует переоценивать. Мероприятия властей в большинстве своем имели сравнительно кратковременный эффект.

Рост крупного частного землевладения сочетался с сокращением облагаемых земель. К концу XVIII в. официально было освобождено от налога свыше 40% всей пахотной площади. На оставшихся землях государство увеличивало поборы с крестьян. Формально тэдонми, земельный и другие налоги в сумме составляли 23 ту с кель, но во многих случаях фактически взымали около 100 ту. Кроме того, крестьяне вносили военный налог холстом и чинсан, а также несли трудовую повинность, которую Пак Чивон называл «беспорядочным расхищением времени».

Налоговые чиновники грабили крестьян. В реестры для обложения вносили необрабатываемые земли и даже кладбища. С полей, пострадавших от стихийных бедствий, требовали полную норму налога. Сокращение кунпхо возместили произвольным раздуванием списков плательщиков. Собранные налоги чиновники разворовывали, а недостающие суммы возмещали за счет дополнительных поборов. Так, в 1789 г. правительство наказало начальника уезда Хамян (Кёнсан), присвоившего 37 тыс. сок налогового зерна. Такие казусы не были редкостью, но репрессивные меры не оказывали заметного воздействия. Хищнические действия чиновников сводили на нет те немногие послабления, которые делало феодальное государство.

Развитие товарно-денежных отношений затрагивало и налоговую систему. В XVII—XVIII вв. процесс вытеснения натуральных форм денежными принял зримые очертания. В кодексе «Соктэджон» записано, что при уплате налогов можно заменять деньгами рис и бобы «в тех уездах, где долгое время обращаются деньги». Деньгами можно было заменить военный налог холстом и некоторые другие платежи. В денежной форме собирали налоги с ремесленников и торговцев.

Правительство требовало платить зерном или бобами земельный налог и тэдонми, так как это был главный источник пополнения государственных запасов продовольствия. Но и в этой сфере деньги пробивали себе дорогу. К концу XVIII в. в центральных и южных провинциях имелось свыше 40 уездов, в которых официально разрешалось платить деньгами земельный и заменный налоги. На практике их было еще больше, так как во многих местах устраивали тайный сбор денег вместо зерна (паннап). По подсчетам историков КНДР, к началу XIX в. более 35% основных налогов поступало в казну в денежной форме. Даже трудовая повинность в ряде случаев заменялась уплатой денег.

Разложение государственной собственности на землю, переход земли в частную собственность повлекли за собой изменения в пропорциях эксплуатации. В ней постепенно занимала ведущее место частная феодальная рента.

Можно выделить два основных пути ее формирования. Первый — по-

жалование феодалам земель, с которых они собирали налог в свою пользу. В материалах хроник неоднократно указывалось, что на пожалованных землях налог⁶ много тяжелее установленного государством. В 1779 г. в одной из петиций, например, отмечалось: «Земли гражданских и военных ведомств имеются повсюду. Там установлен налог, который в несколько раз больше, чем тот, что собирает Ходжо». В 1788 г. начальник Ходжо доносил, что на дворцовых землях собирают налог 200 гу с 1 кёль. Есть такие же сообщения и о монастырских владениях. По-видимому, это была распространенная ставка для разных категорий пожалованной земли.

Второй и наиболее распространенный в XVII—XVIII вв. путь — захват или покупка земли. Они были неразрывно связаны с развитием арендной системы. Уже указывалось, что в Корее преобладала аренда-испольщина. В крупнейших земледельческих районах на крестьян возлагалась также уплата земельного налога, тэдонми и других платежей с земли, хотя по закону их должен был вносить помещик — юридический собственник земли. В результате арендная плата значительно превышала положенную половину урожая.

Корейские помещики, как правило, жили в городах и ведение хозяйства поручали тоджанам (управляющим). Судя по тому, что последних называли «городскими бездельниками», это могли быть люди из торгового сословия. Приезжая в деревню, тоджаны творили произвол и насилие, превосходя даже налоговых чиновников.

Как и в большинстве стран Азии, в Корее преобладала продуктовая рента. Вместе с тем зарождалась и высшая форма докантилистической ренты — денежная. Ее истоки трудно определить, но во второй половине XVIII в. уже было много случаев сбора денег на частных землях. Приведем лишь один из них. В 1796 г. вану докладывали, что в уезде Енган (Чолла) на дворцовых землях взимают по 20 ян с каждого кёль. Такие же сведения есть и о ведомственных, монастырских и других землях.

Распространение денежной ренты определялось ростом товарно-денежных отношений, повышением роли денег. Сказался пример государства, которое перевело в деньги часть налогов. Денежная рента явилась своеобразным катализатором для товарно-денежных отношений. Но одновременно она стала и дополнительным средством ограбления крестьян.

С увеличением роли денег возросла ростовщическая кабала. Крупнейшим ростовщиком оставалось само государство. Все большее распространение получала хвангок (зерновая ссуда). Задолженность по хвангок достигала огромных размеров. Так, весной 1771 г. столичный чиновник Сон Чхвихэн доносил из Пхёнана, что там с населения взыскивают 400 тыс. сок зерновой ссуды. Не лучше обстояло дело и в других провинциях.

Государственную ссуду и проценты по ней надлежало собирать зерном. Но чиновники ссудных контор требовали уплаты долгов деньгами. На собранные средства покупалось соответствующее количество зерна в отдаленных уездах, где оно было дешевле, а остальные деньги присваивались чиновниками. Ростовщическими операциями активно занимались также буддийские монастыри и конфуцианские храмы. Многие из них пускали в оборот не только зерно, но и деньги.

Еще большее развитие получило частное ростовщичество. Помещики, тхохо и купцы устанавливали грабительский процент, хотя законом разрешалось брать не более 20% основной суммы. Особенно умело ростовщики пользовались разницей в покупательной способности денег.

Это очень хорошо показано в докладе министра Чхве Сокчона в 1695 г. По его словам, человек, взяв весной 1 ян денег, должен был вернуть осенью 1,5 ян. Но весной за 1 ян можно купить всего 2 ту зерна, а осенью — 5. Стало быть, должник фактически возвращал кредитору 7,5 ту вместо взятых двух. Но иногда он вынужден был обещать 2 ян вместо одного. В пересчете на зерно это означало обязательство выплатить в 5 раз больше суммы долга. Ростовщическая кабала, усилившаяся с распространением денег, дополняла и увеличивала феодальную эксплуатацию.

РОСТ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В XVII—XVIII вв.

Крестьянские восстания. Политика «умиротворения» феодальных противоречий

Рост эксплуатации, захват феодалами крестьянских наделов вызывали ответную борьбу крестьянства. В XVII—XVIII вв. не происходило массовых движений. Самыми распространенными формами сопротивления были бегство крестьян из деревень, поджог домов помещиков и административных зданий. Однако нередко случались и вооруженные выступления.

В 1653 г. произошли крестьянские волнения в уезде Санджу (Кёнсан); в 1659 г. восстали жители уездов Анак и Синчхон (Хванхэ). Они протестовали против жестоких притеснений дворцовой аристократии. Особенно сильными были волнения в голодные годы. В 1667 г., например, в Чхунчхон скопилось множество голодающих. Они направились к уездному центру Онян, оказав серьезное сопротивление разгонявшим их войскам. В 1670 г. в ряде уездов провинции Кёнсан население громило усадьбы богачей. В это же время в Кёнги жители Чоксона напали на местное управление и разрушили тюрьму, освободив арестованных.

В 1671 г., когда повсеместно был неурожай, выступления крестьян произошли во многих местах, и все они были жестоко подавлены. Так, например, в уезде Кымсан (Чолла) чиновники зверски убили вожака повстанцев Ли Гвансона и более 30 его сподвижников.

В XVIII в. число крестьянских восстаний выросло, они стали более боевыми, расширилась сама «география» народного движения. В 1703 г. в Чхонане (Чхунчхон) заключенные перебили охрану и разрушили тюрьму. Вместе с присоединившимися к ним местными жителями они захватили холст, собранный у населения и подготовленный к отправке в Сеул. В соседней провинции Кёнсан действовали повстанцы, вооруженные ружьями и луками; их база располагалась в уезде Пхочхон. В Сохыне (Хванхэ) крестьяне разоружали правительственных солдат и нападали на местных феодалов.

В 1708 г. вспыхнуло восстание в уезде Чапхын (Чолла), но было подавлено. А в 1710 г. в этой же провинции волнения крестьян произошли уже в 10 уездах. В 1721 г. сообщения о выступлениях против феодалов и властей поступали из разных мест. Наиболее активными были действия вооруженных отрядов в уездах Анак и Сохын (Хванхэ). Богат событиями был 1727 год. Восстания вспыхнули в уездах Ёджу и Ичхон (Кёнги); на юге, в Чолла, беглые крестьяне обосновались на п-ове Пёнсан и в горах Вольчхульсан. Отсюда они совершали вооруженные набеги на окрестные уезды. В г. Намвон распространялись подметные

письма, призывавшие к борьбе с угнетателями. В 1733 г. большую тревогу властям доставили группы беглых крестьян, собравшихся на островах в уездах Чиндо и Наджу (Чолла). Они даже выпускали собственные деньги и торговали с контрабандистами, прибывшими на судах из Китая. Много беглых скапливалось и в Пхёнан, особенно в уезде Самдын. В 1738 г. вооруженный отряд напал на склад, в котором хранились товары для вывоза в Китай. Эти товары были захвачены и распределены среди местных жителей.

Пожалуй, наиболее крупными для всего XVIII в. были действия повстанцев под руководством Чи Ёнголя. В 1741 г. он сформировал несколько вооруженных отрядов, оперировавших в разных районах страны; специальные боевые группы тайно размещались в Сеуле и Пхеньяне. Отряды беглых крестьян и ремесленников нападали на правительственные учреждения, усадьбы богачей. В их действия был внесен некоторый элемент организации, однако это движение не смогло принять массового характера.

Продолжали расти и противоречия в господствующем классе. Как указывалось, вскоре после прихода к власти западной «партии» в ней начались междоусобные распри. Но в середине XVII в. когда правящие верхи собирались взять реванш у Цинской империи и начали готовиться к войне, произошло частичное примирение фракций; позиции западной «партии», сплотившейся вокруг видного сановника и конфуцианского ученого Сон Сирёля, несколько укрепились.

Однако мир и согласие в среде корейских феодалов царили недолго. Затея с «походом на север» не удалась, и с 1659 г. возобновилась борьба за власть. Против западной «партии» выступила южная «партия». В 1674 г. западники были свергнуты. Но и южная «партия» недолго продержалась у власти. Она распалась на несколько враждующих групп, и в 1680 г. управление страной вновь перешло к западной «партии» во главе с Сон Сирёлем. Вскоре против Сон Сирёля и его приближенных выступила часть более молодых феодалов и чиновников, возглавляемых Юн Джыном. Причины расхождений не выходили за рамки мелких вопросов придворной политики. В 1683 г. западная «партия» раскололась на фракции «стариков» (норон) и «молодых» (сорон).

Между тем южная «партия» еще не сложила оружия. В 1689 г., воспользовавшись разногласиями по вопросам престолонаследия, она снова пришла к власти. Сон Сирёля и 80 его сторонников казнили. Господство «южан» продолжалось до 1694 г., когда Сукчон призвал на высшие посты Нам Гумана и других деятелей из группы «молодых». С этого времени разногласия между «молодыми» и «стариками» приняли характер длительной и упорной схватки за власть.

В 1710 г. «старики» добились отстранения «молодых», использовав их расправу с наложницей Сукчона — матерью наследника престола. «Молодые» сумели на время вернуться к власти, внушив вану Кёнджону, будто против него готовится заговор. Несколько сот их соперников были в 1723 г. казнены или отправлены в ссылку. Но в 1725 г. новый ван, Ёнджо, вернул «стариков» к власти, казнив главных их противников. Очередная вспышка междоусобиц произошла в 1728 г., когда «молодые» во главе с Ли Инджва подняли мятеж. Созданные ими отряды захватили г. Чхонджу в провинции Чхунчхон и двинулись к Ансону, но были в пути разбиты правительственными войсками.

Непрекращавшаяся борьба феодальных кланов давно тревожила господствующий класс. Не раз делались попытки примирить враждующие группировки. Наиболее полно эта линия проявилась во время правления Ёнджо (1724—1776) и Чонджо (1777—1800), принимавших меры к

укреплению централизованного государства. С этой целью провели некоторые реформы экономики, усилили контроль государства над всей хозяйственной жизнью. Енджо, а за ним и Чонджо уделяли много внимания и политике «умиротворения», принимавшей разные формы. Ее проявлением, в частности, было издание упомянутого «Закона об уравнении повишностей», уменьшение поборов с ноби; периодически появлялись указы о наказании некоторых зарвавшихся чиновников.

Но, как указывалось, преобразования, проводимые правительством, не устраняли причин растущего недовольства крестьян. Поэтому и во второй половине XVIII в. антифеодальные выступления продолжались. Важнейшими из них были три. В 1752 г. восстали крестьяне уезда Кымпхо (Кёнгги). Они сожгли уездное управление. В 1782 г. произошли крупные волнения в Кванджу (Чолла), вызванные мошенничеством чиновников, выдававших ссуду порченым зерном. В 1800 г. в районе Индона (Кёпсан) действовали вооруженные крестьяне под руководством Чап Сигёна и Чан Сиука. Все это свидетельствовало, что после некоторого спада вновь назревал подъем крестьянского движения.

Чтобы ослабить междоусобную борьбу, Енджо запретил феодалам и чиновникам подавать жалобы друг на друга и петиции с изложением разногласий. Он сурово расправлялся с теми, кто пытался возобновить распри. У власти по-прежнему стояла фракция «стариков», но Енджо допускал на высшие должности людей и из оппозиционной группы «молодых». В 1763 г. было решено допускать к экзаменам на чин детей опальных сановников, а в 1765 г. издан указ, запрещающий заключать браки в зависимости от принадлежности к той или иной фракции. В 1778 г. Чонджо потребовал выдвигать на должности выходцев из разных провинций.

Большую тревогу правителям Кореи внушали совоны. Их число быстро росло и в XVIII в. достигло 900. Храмы владели большими землями, имели ноби и зависимых крестьян и стали значительной экономической силой. Но ванов пугало другое. Вокруг совонов спланивались жившие поближе к феодалам и чиновники, и они превратились в оплот местного сепаратизма. Несколько раз издавались указы, запрещающие создание новых храмов. В 1741 г. Енджо закрыл более 300 совонов и воспретил впредь их открывать.

С политикой «умиротворения» были связаны и некоторые судебные реформы. Во времена Енджо несколько ослабили практиковавшиеся прежде жестокие уголовные наказания. В частности, был упразднен обычай отправлять в ссылку всю семью провинившегося чиновника, отменены клеймение и татуировка преступников, некоторые наиболее тяжеле виды пыток и телесных наказаний.

Такая политика принесла определенные плоды. После 1728 г. уже не было столь ожесточенных схваток между феодальными кланами, как происходили раньше. Но полностью устранить их борьбу «умиротворение» не могло. Даже в период проведения реформ случались вспышки междоусобиц. В результате одной из них не без участия Енджо погиб его сын — наследник престола Чанхон (отец Чонджо). Такие эпизоды создавали предпосылки для обострения противоречий.

Новым в политической и идейной жизни Кореи во второй половине XVIII в. было распространение христианства. Христианская литература начала проникать в Корею уже в конце XVI — начале XVII в., но эти книги читали лишь немногие ученые. В 1783 г. побывавший в составе посольства в Пекине Ли Сынхун принял там католичество и привез с собой обширную библиотеку. С этого времени в Корею началась пропаганда католицизма. Она нашла сторонников в первую очередь

среди членов некоторых феодальных группировок, оттесненных от власти и находившихся в оппозиции к правящей верхушке.

Христианство на первых порах встретило сочувствие и у крестьянства, особенно в южных провинциях, сильнее других страдавших от феодального гнета. Задавленных нуждой крестьян привлекали идеи равенства всех перед богом.

Правящие круги Кореи с самого начала отрицательно отнеслись к христианству. Оно было для них идеологией, чуждой традиционному конфуцианству, на котором базировались все идеологические устои корейского феодального общества. Настораживало и то, что последователями христианства становились члены оппозиционных янбанских группировок. Вот почему борьба против этой религии выступала как часть политики пресечения междоусобных распрей. Хотя при Чонджо не было массовых расправ со сторонниками христианства, однако уже тогда ограничивалось его распространение.

В 1785 г. был запрещен ввоз в Корею книг о христианстве, а в следующем году начальник пограничного уезда Ыйджу получил указание строго проверять всю ввозимую в страну литературу. В 1788 г. в ряде мест конфисковали католические писания и сожгли их. Некоторых наиболее рьяных последователей христианства наказали, в частности в 1795 г. отправили в ссылку первого проповедника Ли Сынхуна. Деятели конфуцианства всемерно поддерживали политику властей. В 1795 г. ученые конфуцианской академии Сонгюнгван призвали правительство усилить борьбу против «западного учения», как именовали католичество. Но в 1796 г. чиновники Хёнджо были вынуждены признать, что запрительные указы не в состоянии воспрепятствовать распространению христианства. Проникновение христианства, поддержанного оппозиционными группами, и борьба против него официальными властями лишь способствовали усилению политической неустойчивости феодального общества в Корее.

Усиление идеологической борьбы. Расцвет сирхак

Сложные и противоречивые процессы, происходившие в корейском обществе в XVII—XVIII вв., отразились и в сфере идеологии. Особенно заметно усилились выступления прогрессивных сил против консерватизма и косности мысли, против всего, что тормозило социально-экономическое и культурное развитие Кореи.

Большое влияние на общественную мысль оказало расширение контактов Кореи с внешним миром, происходившее вопреки официальной политике изоляции страны. С начала XVII в. чиновники корейских посольств неоднократно привозили из Китая изданные там книги европейских авторов. Многие из этих книг излагали достижения науки того времени. Тогда же в Корею впервые доставили географическую карту Европы. В 1631 г. корейский посол Чон Дувон привез из Китая подзорную трубу, часы, модель новой пушки, географические карты, книги по астрономии, географии и пр. Позднее привоз европейских новинок продолжался, в том числе книг по географии и естествознанию. Это дало возможность части ученых составить некоторое представление о развитии науки в странах Европы. Корейские мастера в XVII—XVIII вв. изготовляли часы и астрономические приборы по европейским образцам.

В XVII в. корейцы впервые непосредственно столкнулись с европейцами. В 1628 г. на берег было выброшено три голландских моряка, потерпевших кораблекрушение. Их взяли на службу в Хуллён тогам, где они обучали солдат артиллерийскому делу и обращению с мушкетами.

В 1653 г. в Корею высадилось более 30 голландских моряков, также переживших кораблекрушение. Они пробыли здесь длительное время и делились с корейцами своими знаниями по военному делу, морской навигации и т. д. Знакомство с европейцами несколько расширило кругозор передовых людей Кореи; для них мир перестал ограничиваться Китаем и Японией, обнаружилось много новых знаний и суждений, что, естественно, усилило потребность критически осмыслить представления о природе и обществе.

Корейское чжусианство к середине XVII в. утратило прежние рациональные черты. В нем утвердилось господство догматической школы Ли Хвана, не допускавшей отступлений от духа и буквы классических канонов. Ее позиции укрепились в связи с завоеванием Китая маньчжурами, которых в правящих кругах Кореи долгое время называли «варварами»; корейские чжусианцы провозгласили себя истинными хранителями и защитниками конфуцианства и считали это основанием для жестоких преследований всех инакомыслящих. Конфуцианцы все больше уходили от решения острых проблем реальной жизни, углублялись в бесплодные дискуссии по отвлеченным вопросам морали и этики.

Мало чем отличались от ортодоксальных чжусианцев и те, кто причислял себя к последователям Ли И. Наиболее типичен видный государственный деятель конца XVII в. Сон Сирёль (Уам, 1607—1689). Он совершенно отказался от элементов материализма, содержащихся в учении Ли И, и целиком перешел на позиции объективного идеализма. Отстаивая первичность идеального начала (ли), Сон Сирёль объявил его абсолютным и универсальным, предшествующим возникновению всего сущего на земле. Идею Ли И о том, что знание — это изучение реальных вещей, он свел к толкованию конфуцианской книжной премудрости. Взгляды Сон Сирёля на экономику и политику были крайне реакционны. Он выступал против изменения существующих порядков, оправдывал борьбу феодальных кланов, в которой сам активно участвовал. Рабоплебствуя перед Китаем, Сон Сирёль высокомерно отнесся к остальным странам, не считал нужным перенимать их опыт и знания.

Однако среди последователей Ли И были и такие, которые пытались отстоять прогрессивные элементы его концепции. Как правило, они не принадлежали к верхушке феодального общества. Среди них выделялся Хан Вонджин (Намдан, 1682—1750), защищавший материалистические воззрения Ли И. В отличие от идеологов типа Сон Сирёля, которых не волновало положение народных масс, Хан Вонджин выступал за смягчение феодального гнета и ограничение земельной собственности, за прекращение борьбы враждующих группировок.

Материалистическая линия в корейской философии, начатая Ким Сисыпом и Со Гёндокком, была продолжена в трудах Им Сонджу (Нонмун, 1711—1788). Доказывая научную ценность идей своих предшественников о материальном как первоисточнике мира, Им Сонджу одновременно критиковал Ли И за его непоследовательность. Он всемерно подчеркивал важность практического опыта в процессе познания мира. Его труды полны сочувствия к простому народу, призывов помочь ему конкретными делами.

Засилье ортодоксального чжусианства вызывало недовольство части конфуцианцев, порождало еретические течения. В их числе была школа «ханьского учения», выступавшая против абсолютизации идей Чжу Си и призывавшая изучать наследие мудрецов эпохи Хань. Идеологами этой школы были Юн Хю (Пэкхо, 1617—1680) и Пак Седан (Соге, 1629—1703). Еще одно еретическое течение составляли сторонники китайского философа Ван Ян-мина, критиковавшие чжусианство с пози-

ций субъективного идеализма и считавшие необходимым уделять больше внимания нуждам простого народа. Крупнейшим из них был Чон Джеду (Хагок, 1649—1736).

Борьба направлений в господствующей идеологии сочеталась с противоборством феодальных кланов. Захватившие власть группировки использовали государственные органы для подавления идейных противников. Так, за критику Чжу Си один из зачинателей школы «ханьского учения», Юн Хю, поплатился жизнью, а другой, Пак Седан, попал в длительную ссылку.

Уход конфуцианцев от насущных задач, рост в их среде оппозиционных течений, жестокое преследование инакомыслящих свидетельствовали о вырождении конфуцианства. Корейское общество пуждалось в новых идеях, полнее отвечающих требованиям эпохи. Их выдвинуло идейное течение сирхак, для которого XVII—XVIII века были временем подлинного расцвета.

Первые проекты реформ в политике, экономике, военном деле и культуре разработал Лю Хёнвон (Панге, 1622—1673). Выходец из столичных янбанов, он довольно поздно сдал экзамен на чин, но вскоре отказался от службы, уехал из Сеула и поселился в местечке Убан (уезд Пуан, Чолла). Здесь он прожил до конца жизни, создав ряд крупных произведений. Наиболее известны «Панге сурок» («Записки Панге»).

Лю Хёнвон выступил в них с материалистических позиций. Он считал не заслуживающим доверия любое утверждение, если оно не доказано на практике. Лю Хёнвон был противником суеверий и религиозных предрассудков, требовал запретить буддизм, насаждавший мистицизм и невежество, высказывался против принесения жертв духам, против шаманов и предсказателей судьбы. В противоположность конфуцианцам, считавшим нравственное самоусовершенствование панацеей от всех бед, Лю Хёнвон видел путь решения назревших проблем, в том числе нравственных, в проведении социально-экономических реформ.

Важнейшей из них он считал земельную реформу. Суть ее заключалась в равномерном распределении земли среди крестьян. Каждой крестьянской семье следовало выделить поле размером 1 кён, ремесленникам и торговцам — вдвое меньше, а чиновникам, находившимся на службе, — не более 12 кён. Леса, луга и прочие угодья должны перейти в общественное пользование.

Лю Хёнвон считал, что такая реформа сделает землю общим достоянием, устранив различия между бедными и богатыми. На самом деле его аграрная программа не выходила из рамок представлений феодальной эпохи — она предусматривала сословную градацию землевладения, фактически оставляя феодальную собственность на землю. Но при всей классовой ограниченности своих предложений Лю Хёнвон все же отразил мечты крестьян о наделении землей.

Лю Хёнвон предложил отказаться от натуральных поставок, военного налога холстом и прочих повинностей, заменив их единым государственным налогом в размере $\frac{1}{15}$ урожая, а из повинностей сохранив только военную. Ее должен был нести один человек с 4 кён земли. Лю Хёнвон призывал ввести режим экономии, в частности установить для вана жалованье не больше десятикратного оклада министра.

Первоочередной задачей Лю Хёнвон считал совершенствование методов обработки земли, расширение ирригационной сети, сохранение и разведение лесов. Большое значение он придавал развитию отечественного ремесла, настаивал на необходимости беспрепятственного обращения товаров по всей стране. В числе первых Лю Хёнвон оценил экономическую роль денег и предлагал искать способы их широкого распростра-

нения. Он резко критиковал правителей за пренебрежение к вопросам хозяйства, за отношение к ремеслу и торговле как к недостойному занятию.

Лю Хёнвон защищал идею равенства всех людей, возмущался крепостнической системой ноби. Он требовал отмены изживших себя экзаменов на чин, выдвижения людей только в зависимости от их способностей, выступал в защиту прав «незаконнорожденных» — детей янбанов и женщин из простонародья. Лю Хёнвон считал их дискриминацию проявлением социального неравенства.

Свои теории он пытался подкрепить делом. Живя в местечке Убан, Лю Хёнвон содействовал развитию там земледелия и коневодства, организовал строительство нескольких военных судов, обучал окрестных крестьян военному делу, составлял инструкции по тактике боя.

Среди ближайших последователей Лю Хёнвона наиболее крупным был Ли Ик (Сонхо, 1682—1764). Его семья принадлежала к янбанам из южной «партии», и он испытал все превратности феодальных междоусобиц. Как и Лю Хёнвон, Ли Ик довольно рано оставил государственную службу и поселился в деревне Чхонсончхон в Кванджу, посвятив себя научным занятиям. Ли Ик известен как один из образованнейших людей своего времени. Среди его многочисленных произведений выделяются многотомные «Сонхо мунджип» («Собрание сочинений Сонхо») и «Сонхо сэсоль юсон» («Избранные произведения Сонхо»).

Велики заслуги Ли Ика в области естественных наук. Так, он высказал мысль о шарообразности и вращении Земли, интересные догадки об изменениях климата, приливах и отливах, землетрясениях и других явлениях природы. Ли Ик критиковал за мистицизм и суеверия авторов сочинений о католицизме, сурово осуждал догматизм конфуцианства, не допускавшего свободы мысли и приводившего к застою науки, призывал развивать все отрасли знания.

Как и все деятели сирхак, Ли Ик много писал о социально-экономическом и политическом положении своей страны. Его произведения полны сочувствия к народу, особенно к крестьянству, требуют прекращения разнузданного грабежа и насилий. Ли Ик утверждал, что в стране не будут бедные и богатые.

Как и Лю Хёнвон, Ли Ик считал основой решения всех проблем аграрную реформу. Ее главной целью было обеспечить всех крестьян землей, для этого государство должно было выделить каждому минимальный надел, переходивший по наследству. Его нельзя было бы продать; торговать разрешалось бы только тем, что имелось сверх установленной нормы. Проект Ли Ика не предусматривал наделения землей чиновников, как это было у Лю Хёнвона, но он и не затрагивал помещичьей собственности, существование которой подразумевалось и делало несбыточной мечту о равном наделении крестьян землей. Реформа, предложенная Ли Иком, могла лишь ограничить рост крупного феодального землевладения. Ли Ик указал на «шесть зол», против которых необходимо бороться: крепостническая система ноби, развращавшая янбанов; государственные экзамены на чин, связанные с массой злоупотреблений и приводившие к напрасной трате времени и сил; сословное неравноправие, порождавшее презрительное отношение к простым людям; сосредоточение ремесла на производстве предметов роскоши, не имеющих практической ценности; обилие в стране бездельников — буддийских монахов; леность и презрение к труду, ведущие к росту воровства.

В программу Ли Ика входил также отказ от устаревших законов и обычаев. Он предлагал ограничить власть высшей бюрократии и дать больше прав мелким чиновникам, ввести в ведомствах коллегиальность

решений по важнейшим вопросам, осуждал традиционное предпочтение гражданским чиновникам и менее уважительное отношение к военным, требовал крепить оборону страны.

В середине XVIII в. в рамках сирхак возникло новое идейное течение — «пукхак» («учение с севера»). Оно исходило из тех же общих принципов, что и сирхак, опиралось на наследие его зачинателей. Вместе с тем это была самостоятельная научная школа, сложившаяся в период, когда противоречия феодального общества в Корее стали острее. Поэтому у последователей пукхак смелее выступления против существующих порядков, более полная и четкая программа действий.

Среди сторонников пукхак видное место занимает Хон Дэён (Тамхон, 1731—1783). Он происходил из влиятельной япбанской семьи. Перед ним открывалась возможность сделать блестящую карьеру, но Хон Дэён отказался сдавать экзамены на чин и целиком посвятил себя научным занятиям. Он внимательно читал труды первых сирхакистов, установил связи с крупнейшими учеными своего времени. Побывав в Китае, Хон Дэён изучал хозяйство, быт и нравы этой страны, знакомился с изданными там произведениями европейских ученых. Уже в зрелом возрасте он поступил на государственную службу и даже вступил в свиту наследника престола. Но надежда Хон Дэёна добиться таким путем осуществления своих замыслов быстро рухнула; он покинул службу, безраздельно посвятив себя научной деятельности.

Хон Дэён считается крупнейшим астрономом и математиком Кореи в XVIII в. Его естественнонаучные взгляды изложены в «Ыйсан мундап» («Беседы на горе Ыйсан»), «Чухэ суён» («Употребление счета»). Он оспаривал представления о земном шаре как центре мироздания; смену времени суток объяснял вращательным движением Земли. Хон Дэён подчеркивал вечность и необъятность вселенной и считал земной шар одной из бесчисленных звезд. Такие явления природы, как ветер, дождь, облака, он связывал с энергией испарения. Им даны весьма глубокие (для того времени) объяснения солнечного и лунного затмений, грома, землетрясения, колебаний температуры и т. д. Кроме того, Хон Дэён много занимался проблемами математики (квадратные и кубические корни, площадь различных фигур и т. д.).

Как и все передовые ученые, Хон Дэён звал не замыкаться в рамках одной страны, изучать и применять все лучшее, что создано народами Европы и Китая. Вместе с тем он неизменно выступал против рабения перед Китаем, свойственного многим в правящей среде. Отвечая тем, кто считал Китай центром земли, а остальные народы — «варварами», он говорил, что если посмотреть с высоты небес, то нельзя отличить, где центр и где окраина; с точки зрения «варваров» именно Китай можно назвать окраиной. Протестуя против представлений о «естественности» вассальной зависимости Кореи от Китая, он отстаивал идею укрепления независимости и суверенитета своей страны.

Хотя Хон Дэён больше занимался естественными науками, однако не обошел социально-экономических и политических проблем. Он требовал, в частности, прекратить насильственный захват крестьянских земель и поддержал идею равного наделения всех крестьян: каждый мужчина, имеющий семью, должен получить надел в 2 кёль, а общая сумма налогов не превышать $\frac{1}{10}$ урожая.

Хон Дэён считал необходимым передать казне дворцовые земли, упразднить Нэсуса, отличавшееся особыми злоупотреблениями, прекратить раздачу земель для военных поселений и отменить военный налог холстом, заменив его соответствующим налогом обложением женщин. Для укрепления обороны страны он мечтал ввести всеобщее обучение воен-

ному делу, создать большую регулярную армию, оснастить ее передовой по тем временам техникой. Подобно своим предшественникам, Хон Дэён призывал уделять большое внимание сельскому хозяйству (подчеркивая целесообразность коллективного труда), развивать ремесло и торговлю.

Хон Дэён требовал открыть дорогу способным людям; бездарных, если это даже сыновья знати, он предлагал направлять на самые черные работы. Хон Дэён бичевал презрение к труду корейских янбанов и настаивал на введении строгих наказаний для тех, кто не желает работать. Он предлагал обеспечить условия для выявления дарований: создать сеть школ разных степеней, в которые люди попадали бы в зависимости от проявленных способностей.

Ближайшим другом и соратником Хон Дэёна был выдающийся писатель и ученый Пак Чивон (Ёнам, 1737—1805). Выходец из семьи сеульского чиновника, Пак Чивон в юношеские годы покинул столицу и потону остался в стороне от царивших там дрязг и карьеризма. Литературные произведения и критические высказывания об окружающей действительности сделали его имя популярным, но в то же время навлекли гнев феодальных властей. В 1769 г. он укрылся в глухой горной деревушке Ёнам (уезд Кымчхон, Хванхэ) и провел там более десятка лет. Название этой деревушки стало его литературным псевдонимом.

В 1780 г. Пак Чивон в составе посольства посетил Китай. Он внимательно изучал там жизнь народа, встречался с китайскими учеными, расширил свои познания о европейской науке и технике. В 1786 г., привлеченный обещаниями вана Чонджо провести реформы, Пак Чивон пошел на государственную службу и был назначен начальником сначала уезда Мёнчхон (провинция Чхунчхон), а затем Янъян (Канвон). В 1800 г., когда усилилась реакция после смерти Чонджо, он покинул службу и вернулся в Ёнам, где и дожил остаток своих дней. Самыми крупными научными трудами Пак Чивона являются «Ёрха ильги» («Жэхэйский дневник»), «Кванон сочхо» («Трактат о земледелии»), «Ханмин мёнджоный» («Предложения об ограничении земельной собственности народа») и др.

Научные интересы Пак Чивона были разносторонними. Он разделял взгляды Хон Дэёна по вопросам естествознания, высмеивал теологические концепции о небесном предопределении всех изменений в природе. Пак Чивон резко осуждал буддизм и христианство, критиковал косность и бесплодность конфуцианства.

Многолетняя жизнь среди крестьян, служба в должности начальника уезда позволили Пак Чивону лучше узнать жизнь простых людей. В своих сочинениях он показал тяжкую долю крестьян, обреченных на голод и нищету. Аристократов Пак Чивон называл «самыми большими грабителями мира», разорение крестьян объяснял непомерными поборами и захватом земли помещиками и тхохо.

Проект преобразования системы земельной собственности составлял основу социально-экономической программы Пак Чивона. Исходя из идеи о паделении земель тех, кто ее обрабатывает, он выдвинул предложение ввести ограниченное землепользование. Необходимо было учесть площадь обрабатываемых земель и угодий и установить средний размер надела, который и закрепить по закону за каждым жителем. Осуществление такого предложения, как полагал Пак Чивон, устранил несправедливость в распределении земли, положит конец насилиям и произволу, ликвидирует разницу между бедными и богатыми.

Проект Пак Чивона полнее, чем у других сирхакистов, отражал мечты крестьянства об уравнительном землепользовании.

Много внимания уделял Пак Чивон корейской экономике. Его «Трактат о земледелии» содержит подробнейший анализ отраслей сельского

хозяйства, критическую оценку устаревших приемов обработки земли и земледельческих орудий, описание того нового, что было ему известно из литературы и собственного опыта. Он требовал от правителей Кореи содействовать развитию ирригационной системы, лесоводства, животноводства, распространению технических культур.

Весьма интересна идея Пак Чивона о создании образцовых земледельческих хозяйств. Он предлагал устроить одно из них возле Сеула, чтобы какой-нибудь особо опытный и знающий человек обучал там крестьян новейшим методам ведения хозяйства, а его ученики распространяли свои знания по всей округе. Причины отставания сельского хозяйства Пак Чивон видел не в «лености» крестьян, как считали янбаны и чиновники, а в тяжелых условиях жизни, лишавших крестьян стимула к улучшению орудий и методов труда.

Пак Чивон пропагандировал виденные в Китае шелкомотальную машину и другие приспособления, позволявшие повысить производительность труда. Для улучшения товарооборота предлагал развивать сухопутный и водный транспорт. Пак Чивон протестовал против бесконтрольной утечки золота и серебра из Кореи и поддерживал тех, кто считал необходимым укрепить денежную систему.

Произведения Пак Чивона содержат гневные высказывания против презрительного отношения к простому народу. Именно простых людей, а не богатых и знатных он считал действительно благородными, верными долгу. Как и все деятели сирхак, Пак Чивон защищал идею равенства людей от рождения. Пак Чивон горячо выступал против национальной ограниченности и изоляции от внешнего мира, призывал учиться у всех, у кого можно заимствовать что-то полезное для развития страны. В его призывах перенимать опыт и знания других народов проявлялась широта взглядов истинного патриота.

Современником и сподвижником Пак Чивона был Пак Чега (Чходжон, 1750—1805). Он происходил из семьи сеульского янбана, но его мать была наложницей, и ему пришлось испытать судьбу «незаконно-рожденного». В молодые годы Пак Чега встретился с Пак Чивоном и стал его верным последователем. Тесная дружба связывала его и с другим выдающимся ученым — Чон Дасаном. Пак Чега трижды бывал в Китае и все поездки использовал для пополнения знаний. Он служил в книгохранилище Кюджангак, некоторое время даже был начальником уезда Ёнпхён (Кёнги). Но в 1801 г., во время новых феодальных междоусобиц, его сослали далеко на север, в Кёнвон, где он вскоре умер.

Пак Чега, полностью разделяя философские и естественнонаучные идеи своих учителей, в гораздо большей степени интересовался социально-экономическими проблемами. Взгляды Пак Чега изложены в основном его сочинении — «Пукхагы» («Мысли об учении с севера»).

Пак Чега не останавливался на вопросе о необходимости земельной реформы, полагая, видимо, что эта тема разработана его предшественниками. Все свои усилия он сосредоточил на конкретных социально-экономических проблемах, рассмотрев критически основные отрасли хозяйства Кореи. В первую очередь его занимало положение сельского хозяйства. Пак Чега предлагал разводить рабочий скот, внедрять новые приемы и орудия труда, рационально применять удобрения, распространять среди крестьян экономичные веялки, мельницы и другие приспособления для повышения эффективности и облегчения их труда.

Пак Чега подчеркивал необходимость использования ремесленниками более удобного и практичного инструмента, введения передовых методов производства. Так, например, для подъема железодельного промысла предлагалось заменить древесный уголь каменным, даю-

щим более высокую температуру при плавке. Пак Чегэ осуждал янбанов и чиновников, предпочитавших китайские товары; в таком неоправданном пристрастии он видел тормоз для развития отечественного ремесла. Протестуя против вывоза в Китай золота и серебра, Пак Чегэ считал необходимым более широко продавать там изделия корейских ремесленников.

Большое место в программе Пак Чегэ занимала торговля. Он настаивал на ее всемерном расширении, уделяя особое внимание созданию удобных путей сообщения, энергично выступал против притеснений торговцев и презрительного отношения к занятию торговлей. Внешнюю торговлю Пак Чегэ считал важным средством обогащения страны, призывая укреплять связи не только с Китаем, но и с другими странами. Стремление учиться у других народов, перепимать их опыт и знания Пак Чегэ считал естественной потребностью человека и поэтому порицал правителей за консерватизм и невежество. В то же время он учил критически осмысливать заимствования и предостерегал от безоговорочного перенесения в Корею всего, что есть в Китае.

Усилиями ряда ученых, особенно во второй половине XVIII в., была сформулирована общая программа идейного течения сирхак. Она не свободна от недостатков, во многом классово ограничена. Не следует забывать, что все деятели сирхак принадлежали к господствующему классу и свою задачу видели прежде всего в укреплении существовавшего тогда государства.

Но объективная действительность была сильнее их личных желаний. Она заставляла протестовать против современной им социальной системы, многочисленных поборов и произвола, требовать справедливого наделения землей тех, кто ее обрабатывает. Выдвинутая ими (особенно Пак Чивомом) аграрная программа явно отражала мечты крестьянства об уравнительном землепользовании. Выступая в защиту крестьянства, деятели сирхак разработали такую платформу действий, которая помимо их воли должна была расшатать основы феодального общества.

Их проекты развития ремесла и торговли, совершенствования путей сообщения, упрочения денежной системы, несомненно, отражали первые сдвиги к новому, буржуазному строю, которые переживала Корея. Предложения сирхакистов отказаться от замкнутости, пойти на широкие контакты с внешним миром, учиться и перепимать опыт других также должны были содействовать ускорению социально-экономического прогресса страны.

Все выступления передовых ученых и мыслителей были проникнуты заботой о народе и уважением к нему. Высказанные ими идеи равенства независимо от происхождения, призыв создать необходимые условия для талантливых людей из низов, резкая критика разлагавшегося и погрязшего в пороках класса янбанов свидетельствуют о демократических тенденциях сирхакистов.

Наконец, важным пунктом их программы было развитие науки и просвещения. Каждый из сирхакистов своим творчеством способствовал распространению в Корее знаний по естественным и общественным наукам. Характерно, что многие из них не чурались практической работы и по мере сил сами несли просвещение в народ.

Все это позволяет оценить сирхак как своеобразную форму просветительского движения, выросшего в специфических условиях Кореи XVII—XVIII вв., как важную ступень роста национального самосознания корейского народа.

Достижения науки и культуры в XVII и особенно XVIII в. в первую очередь определялись влиянием идейного течения сирхак. Некоторое значение имело также покровительство Ёнджо и Чонджо, старавшихся прослыть «просвещенными монархами», каким в XV в. был Седжон. При их поддержке вышел в свет ряд крупных научных изданий. В 1776 г. Чонджо учредил придворную библиотеку (Кюджангак), в которой были собраны сочинения корейских и иностранных авторов. К концу XVIII в. библиотека имела около 180 тыс. томов; она занималась и изданием книг.

Корейскую науку в XVII—XVIII вв. достойно представляли сторонники сирхак, которые были не только выдающимися мыслителями, но и крупнейшими учеными своего времени. В трудах Лю Хёнвона, Хон Дэёна, Ли Ика, Пак Чивона, Пак Чега обобщены все доступные тогда в Корее сведения об астрономии, математике, естествознании, а также по географии и истории Кореи. В них содержатся самые передовые для Кореи той эпохи материалистические концепции об окружающей природе. Творчество идеологов сирхак значительно расширило горизонты средневековой корейской науки.

В Корее было немало других видных ученых. Многие из них разделяли идеи сирхак или примыкали к оппозиционным течениям. Так, упоминавшийся уже философ школы «ханьского учения» Пак Седан был авторитетом в области сельского хозяйства. Он автор «Сэккён» («Книга о земледелии»), в которой систематизированы достижения в агротехнике и агрокультуре. Большое практическое значение имело и «Саллим кёндже» («Лесное хозяйство») Хон Мансона. Среди медицинских сочинений выделялся «Чеджун синпхён» («Новый справочник для оказания медицинской помощи народу») Кан Мёнгиля, вышедший в 1799 г. В нем разъяснены основные положения «Тоный погам» Хо Джуна, вносились дополнения и уточнения.

Как и прежде, в Корее велись обширные картографические работы. Например, в 1730 г. Сон Джинмён обследовал и нанес на карту район горы Пэктусан на границе с Китаем. В 1751 г. Ли Ху составил карту побережья провинций Чолла и Чхунхон. Неоднократно создавались довольно подробные карты Кореи. Одна из них была изготовлена Хон Нянхо в 1757 г. Важнейшие данные об отдельных районах Кореи содержатся в книге Ли Джунхвана (1690—1753) «Тхэнниджи» («Описание избранных деревень»). Автором ряда трудов по географии был Чон Санги (1678—1752), составивший одну из самых точных для того времени карт Кореи.

Дальнейшее развитие получило летописание. В 1744 г. Ёнджо издал указ о сборе правительственных документов и хроник, хранившихся у частных лиц. Со времен Чонджо придворные историки вели «Ильсоннок» («Поденные записи»), в которых фиксировались деяния вавов, их беседы с сановниками, изданные указы и т. д. Составлялись «Сынджонвон ильги» («Поденные записи Сынджонвон»), «Пибёнса тыннок» («Деловые бумаги Пибёнса»).

Под влиянием сирхак усилился интерес передовых ученых к экономике и социальному строю, положению народа. Крупнейшим историком был Ан Джонбок (1712—1791), входивший в число активных сторонников сирхак. В его фундаментальном «Тонса канмок» («Краткий обзор истории Кореи») сделана попытка рассмотреть историческое развитие Кореи как единый процесс.

Социально-экономические сдвиги, происходившие в корейском об-

шестве, вынудили феодальных правителей в XVIII в. дважды пересматривать законодательство. К этой работе привлекли самых опытных правоведов. Первая серьезная ревизия действовавшего до тех пор кодекса «Кёнгук тэджон» была произведена в 1746 г. Устаревшие пункты отменили и одновременно внесли много новых статей, отражавших изменения в земельной собственности, налоговой системе, организации государственного аппарата и т. д. Новый кодекс назвали «Соктэджон» («Продолжение великого уложения»). В 1785 г. его вновь уточнили и дополнили, издав как «Тэджон тхонпхён» («Общий свод великого уложения»).

Впервые была сделана попытка обобщить накопленные сведения о географии, истории, культуре Кореи. Комиссия из видных ученых во главе с Хон Бонханом в 1770 г. выпустила «Тонгук мунхон пиго» («Корейская энциклопедия»). Этот огромный труд (100 книг) состоял из 13 разделов, посвященных истории, географии, административному устройству, состоянию различных отраслей экономики Кореи и т. д. В каждом разделе материал систематизирован и расположен в хронологическом порядке. В 1782 г. под руководством Ли Манджунга энциклопедию дополнили рядом новых разделов, и ее объем вырос до 146 книг.

В корейской литературе XVII—XVIII вв. заметно усилились реалистические тенденции. Передовые поэты и писатели старались отойти от присущей конфуцианству абстрактной символики и схематизма, полнее передать мысли и чувства живых людей. Многие из них в своем творчестве испытали большое влияние сирхак.

Основными жанрами в поэзии по-прежнему оставались каса и сиджо. Среди каса преобладали своеобразные стихотворные дневники путешественников, например «Песнь о великом путешествии в Японию» Ким Ингёма, посетившего Японию в составе посольства в 1763 г., и «Песнь о блуждании по морю» Ли Банъика, который в 1796 г. с семьей спутниками был выброшен во время шторма на китайский берег и после многих приключений вернулся на родину.

Серьезно изменился характер сиджо, они увеличились в размерах, превратились в так называемые длинные сиджо. Стиль их стал более простым, приблизился к разговорной речи.

Все чаще сиджо изображали тяжкую жизнь простых людей, в них звучало осуждение безудержной эксплуатации, унижения достоинства человека. Как знамение времени появились сиджо, рассказывавшие о роли денег в жизни людей и делах торговцев и т. д. Обращение к тематике, которая по традиции считалась «недостойной», привело к тому, что большинство сиджо издавались анонимно, без указания автора. В XVIII в. делались попытки обобщить национальное поэтическое творчество. Впервые вышли антологии поэзии: «Чхонгу ёпон» («Неувядаемые слова страны зеленых гор») Ким Чхонтхэка (1727—1728) и «Хэдон каё» («Поэзия Кореи») Ким Суджана (1763). В каждой из них собрано около тысячи стихотворений.

В корейской прозе продолжал расти интерес к устному народному творчеству. В XVII—XVIII вв. на основе фольклорных сюжетов появился ряд анонимных прозаических произведений. Наиболее значительные из них «Повесть о Хынбу», «Повесть о Симчхон», «Повесть о Чхунхян». Их герои — люди из народа, наделенные трудолюбием, честностью, верностью в любви и т. д. Они находят в себе силы преодолеть социальное неравенство и побеждают в борьбе за человеческое счастье. Наряду с элементами сказочного в повестях много жизненно правдивого, отражавшего реальность феодальной Кореи.

Крупнейшим писателем второй половины XVII в. был Ким Манджун (Сопхо, 1637—1692). В повести «Скитания госпожи Са по югу» и романе

«Облачный сон девяти» он затронул такие острые проблемы, как право человека на свободу и справедливость, необходимость уважения человеческой личности. Ким Манджун выступал против консервативного семейного уклада и многоженства, осуждал бесправие женщины. Одним из первых он вывел образ разорившегося янбана, превратившегося в приживалу и авантюриста. Ким Манджун прославился своей страстной борьбой за предоставление корейскому национальному языку всех прав гражданства в художественной литературе.

Выдающийся вклад в корейскую литературу внес Пак Чивон. В новеллах «Сказание о барышниках», «Сказание о янбане», «Сказание о почтенном Е Доке» и других он воспевал трудолюбие и высокие моральные качества народа, едко высмеивал лицемерие и лживость конфуцианской морали, паразитизм и алчность янбанов. В «Сказании о Хо Сэпе» Пак Чивон создал образ настоящего ученого, сочетавшего научные занятия с большими практическими делами, и отразил в нем черты деятелей сирхак, к которым принадлежал и сам. В новелле изображено утопическое государство, где царствуют равенство и справедливость и все трудятся на общее благо.

Большой популярностью продолжали пользоваться представления театра кукол и театра масок, бичевавшие жадность, высокомерие и глупость власть имущих. Вместе с тем формировался новый вид народного искусства — лирико-поэтический песенный сказ пхансори. Ритмизованная проза пхансори, синтетически сочетавшая драматические и песенные элементы, строилась на основе сюжетов легенд и сказаний.

В ранней своей форме пхансори исполнялись двумя бродячими актерами квандэ. Один из них был собственно сказителем, нараспев декламировавшим пхансори и исполнявшим роли основных персонажей. Вторым аккомпанировал ему на барабане, помогая выдерживать повествование в строго заданном ритме. XVIII век дал трех знаменитых исполнителей пхансори — Ха Хандама, Чхве Сондаля и Квон Самдыка. В их творчестве песенные элементы стали заметно превалировать над повествованием. Этот этап развития пхансори обычно именуется «периодом трех знаменитых певцов».

Реалистические тенденции весьма отчетливо проявились и в живописи. Новаторским было творчество создателя национального корейского пейзажа Чон Сона (1676—1759). До него в Корее рисовали пейзажи, изображавшие абстрактно трактуемые легендарные места Китая или умозрительные картины природы в разное время года.

Чон Сон первым обратился к родной природе, стремясь передать ее подлинную красоту и величие. Особенно привлекали его Кымгансан (Алмазные горы). Он неоднократно возвращался к этой теме («Десять тысяч каскадов Кымгансана», «Водопад девяти драконов», «Пик Хёльмон» и др.).

Пристальное внимание к жизни народа, к его быту и труду способствовало расцвету жанровой живописи. В некоторых картинах Чон Сона (например, «Возвращение в дождь») и его учителя — известного художника и каллиграфа Юн Дусо (род. в 1668 г.), создавшего картины «Старый монах», «Провинциальный всадник», — пейзаж отступает на второй план, он как бы обрамляет юмористически поданные сцены из жизни. Главной темой художника Ким Дуряна (1696—1763) была корейская деревня. В своих произведениях («Пасущийся скот» и др.) он рассказывал о том, как живут и трудятся крестьяне. Реалистическим изображением животных прославился Пён Санбёк (род. в 1694 г.).

Одним из самых замечательных корейских художников был Ким Хондо (род. в 1760 г.), равно искусный в жанровых зарисовках, порт-

рете, пейзаже, изображении животных и растений. Его произведениям присущи жизненная достоверность, динамика, оригинальная композиция. Они проникнуты симпатией к простым труженикам, полны сарказма в адрес их притеснителей. Картины Ким Хондо («Пахота», «Кузнецы», «Школа», «Борьба», «Музыканты», «Танец» и др.) позволяют увидеть подлинную Корею второй половины XVIII в.

Другим крупным художником, борющимся за реалистическое искусство, был Син Юнбок (род. в 1758 г.). Сюжеты его картин — застолье в харчевне, музицирование, чтение книги, купание, катание на лодке и т. д. Во многих из них показана жизнь горожан. Прекрасным мастером пейзажа и натюрморта был Ли Инмун (1745—1821).

В конце XVIII в. корейские художники познакомились с некоторыми образцами трехмерной живописи. При дворе цинских императоров имелись художники из европейских миссионеров, выработавшие своеобразную манеру письма — эклектическую смесь европейской и традиционной китайской живописи. Они оказали определенное влияние и на изобразительное искусство в Корее. Примером такого влияния является картина «Сторожевой пес», приписываемая Ким Хондо (некоторые исследователи относят ее создание к XIX в.). Она поражает игрой светотени и выразительностью рисунка.

После Имджинской войны и маньчжурских нашествий корейскому народу пришлось долгое время восстанавливать разрушенные города и деревни. Только в XVIII в. по-настоящему возобновилось строительство новых и реконструкция старых зданий. Среди наиболее известных сооружений этого времени были дворцы и павильоны Какхван в Куре (1703 г.), Чхоксок в Чинджу (1752 г.), Пэксан в Анджу (1754 г.), подворье Чонмён в Синчхоне (1770 г.) и др. Серьезной перестройке и ремонту подвергся ряд монастырей и храмов.

Образцом строительства и архитектуры XVIII в. является Сувон, где в 1794—1796 гг. была проведена коренная реконструкция. Город обнесли новой крепостной стеной (длиной более 6 км) с величественными воротами, воздвигли несколько роскошных павильонов, беседок и галерей, удачно спланированных на местности. Архитекторы и строители использовали не только лучшие национальные традиции, но и некоторый опыт европейского градостроительства. Среди руководителей перестройки Сувона был молодой ученый, один из крупнейших идеологов сирхак — Чон Дасан. Он подготовил проект новых крепостных стен и сконструировал ряд оригинальных подъемных механизмов.

Корейские мастера в XVII—XVIII вв. создали немало ярких и самобытных образцов прикладного искусства. Многие из них (узорчатые шелка, вышивки, ювелирные изделия, инкрустация по лаку, поделки из кости, бамбука и дерева) пользовались известностью не только в Корее, но и за рубежом. Однако в целом художественный уровень произведений прикладного искусства в Корее несколько снизился.

Особенно заметно это в фарфоровом производстве. Сокрушаясь по поводу ухудшения качества корейского фарфора, Пак Чега утверждал даже, что посуду, выставленную в лавках в центре Сеула, в древности никто не стал бы покупать. На прикладном искусстве, по-видимому, особенно сказались последствия разорительных войн, усилившаяся эксплуатация ремесленников, государственная и цеховая регламентация.

НАЧАЛО ЗАГНИВАНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В КОРЕЕ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Рост эксплуатации. Упадок экономики

С начала XIX в. феодальный способ производства все явственнее превращался в тормоз для развития производительных сил.

Общее ослабление феодального государства выражалось и в постоянном сокращении государственной собственности на землю, и в росте помещичьего землевладения. За первую половину XIX в. официально освобожденные от налогов дворцовые и ведомственные земли увеличились почти на 4 тыс. кёль. К 1854 г. их было уже около 86,7 тыс. кёль.

Земли крупных феодалов составляли основную часть освобожденных от налогов должностных наделов, занимавших в первой половине XIX в. 118—119 тыс. кёль. Главные приобретения по-прежнему делались феодалами за счет земель, числившихся как облагаемые.

Одновременно росло разорение крестьянства. Чон Дасан, например, утверждал, что в самой развитой земледельческой провинции Чолла из каждых 100 крестьянских дворов 70 были вынуждены арендовать землю и только 25 вели собственное хозяйство. Видимо, примерно такое же положение наблюдалось и в остальных провинциях. При всей недостаточности этих данных они все же показывают, как далеко зашел в первой половине XIX в. процесс расслоения крестьян.

Остальные 5 из названных Чон Дасаном 100 дворов — это дворы богачей-тхохо. Они приобретали землю в дополнение к собственной, захватывая ее или скупая у односельчан и разорившихся феодалов. В XIX в. распространилась зародившаяся несколько ранее тхведоджи (возвратная аренда) с уступкой всех прав собственности на срок не более 10 лет. Это была «аренда для обогащения», и использовали ее преимущественно разбогатевшие купцы и тхохо. Появление тхведоджи лишней раз подчеркивало разрушение замкнутого, сословного характера феодального землевладения.

Рост частного феодального землевладения приводил к сокращению площадей, с которых государство могло взимать налоги. В 1804 г., по официальным данным, необлагаемые земли составляли 44% всего земельного фонда страны, а к 1854 г. — уже 47%. На самом же деле благодаря ухищрениям феодалов, тхохо и чиновников доля этих земель была еще больше. В 1808 г., например, только в уезде Кимхэ было обнаружено свыше 500 «скрытых» (т. е. не внесенных в государственный реестр. — *Авт.*) кёль».

Финансовые затруднения казны росли. Так, в 1816 г. государственная казна опустела уже через полгода, а в 1822 г. на государственные расходы пошли средства, собранные за два года. Острый финансовый дефицит, как и прежде, возмещали за счет усиления поборов. Помимо ста-

рых налогов (земельного, заменного и пр.) правительство и местные власти то и дело вводили новые. В первой половине XIX в. имелось свыше 40 видов обложения.

По-прежнему тяжелым был военный налог холстом. Сделанные в середине XVIII в. послабления сохранялись недолго. Уже в начале XIX в. числилось 2 млн. плательщиков этого налога, т. е. вчетверо больше, чем до принятия «Закона об уравнивании повинностей». Такое резкое увеличение (при незначительном росте численности населения) подчеркивает фиктивность составленных списков. Указанную в них сумму налога насильно собирали с реально существовавших людей в двойном-тройном размере. В «Монмин симсо» («Размышления об управлении народом») Чон Дасан писал, что этот налог обрекает народ на вымирание.

Не менее тяжелыми были натуральные поставки двору — чинсан. Так, например, жители 15 прибрежных уездов провинции Хамгён должны были поставлять живую рыбу, а в случае плохого улова — уплачивать ее стоимость деньгами. В 1809 г. чиновники присвоили собранные деньги и потребовали новых поставок.

Чудовищных размеров достигла в первой половине XIX в. задолженность крестьян по уплате хвангок. Она фактически превратилась в постоянный налог в несколько сок с 1 кёль. Чон Дасан, живший в уезде Канджин в 1801—1818 гг., в «Монмин симсо» писал, что ни разу не видел, чтобы крестьяне брали у государства хоть один сок этой ссуды, зато постоянно наблюдал, как каждый крестьянский двор ежегодно уплачивал проценты по хвангок от 5 до 7 сок. Истинные размеры ограбления по зерновой ссуде невозможно подсчитать, так как каждый местный чиновник устанавливал свои проценты.

В 1847 г. только в провинции Хамгён крестьяне должны были государству около 800 тыс. сок зерна. Их долг постоянно возрастал, хотя деревня уже многие годы не получала ссуду. Чиновники произвольно взыскивали огромные проценты и присваивали собранные средства. Так, например, в уезде Чхонпхун (Чолла) с крестьян собрали 9156 сок, а в правительственные склады попало лишь 4454 сок. Разворовывание государственных средств приняло в Корее катастрофические размеры. Борьба с ним, правительство издало в 1813 г. указ о том, что чиновники-казнокрады будут караться смертной казнью. Но этот указ мало кого устрасил, хотя в 1820 г., например, были казнены три чиновника, укравшие более 500 тыс. ян.

В первой половине XIX в. продолжалась замена натуральных налогов денежными. Все чаще феодальным властям приходилось разрешать целым провинциям вносить налоги деньгами. В провинции Кёнсан в 1817 г. земельный налог и тэдонми уплатили звонкой монетой, а в 1827 г. — уже 50% всех налогов. В 1832 г. в связи с неурожаем в трех южных провинциях тэдонми заменили деньгами, а в 1844 г. так же поступили с земельным налогом. Провинция Хванхэ, где товарно-денежные отношения развивались несколько слабее, в середине 40-х годов также получила разрешение оплачивать часть налогов звонкой монетой.

Тем категориям военнообязанных, которым полагалось периодически нести охранную службу в Сеуле, разрешили от этой службы откупаться деньгами. В 1819 г., например, казна получила от них 48 тыс. ян денег и 5 тыс. сок зерна. Деньги можно было вносить и вместо традиционной трудовой повинности. Вот что писал в «Монмин симсо» Чон Дасан: «Стоимость труда одного человека — 25 чон. Но поскольку велико число дворов, освобожденных от трудовой повинности, то повинность распределяется неравномерно. Доля девяти домов ложится на три дома. А потому один дом уплачивает 75 чон. Для того чтобы их получить, [чи-

новники] таскают за волосы, бьют по щекам, ломают ткацкие станки, выворачивают котлы».

В первой половине XIX в. быстро распространялись денежные отпошения, однако децентрализация денежной системы полностью еще не была устранена. В 1816 г. в Кэсоне выпуск монет превышал установленные квоты. В 1831 г. правительство было вынуждено запретить денежное обращение. Особенно хаотичным было денежное обращение в северных провинциях, где местные власти произвольно отливали монеты. Правительство использовало выпуск недоброкачественной монеты для ограбления народа. Из доклада монетного двора в 1832 г. видно, что от выпуска 784 300 ян новой монеты казна получила 210 тыс. ян прибыли. В 1855 г. выпуск 1 571 500 ян дал прибыль около 316 тыс. ян.

Разорение крестьянства в результате жесточайшей феодальной эксплуатации пагубно отражалось на сельском хозяйстве. Крестьянин не только не мог собственными силами восстанавливать ирригационную систему, улучшать сельскохозяйственную технику, применять удобрения, но из-за грабежа чиновников и не был в этом заинтересован. Феодальное правительство со своей стороны перестало заботиться о состоянии ирригационной системы. По официальным данным, в начале XIX в. из 3696 дамб и плотин пришли в негодность 168 (фактически же значительно больше). Непрекращавшееся разрушение ирригационной системы усугубляло потери от стихийных бедствий. В 1814 г. в провинции Кёнсан из-за наводнения пострадало более 5 тыс. дворов. В 1817 г. в трех южных провинциях было затоплено свыше 7 тыс. дворов и погибло несколько сот человек.

Постоянными стали неурожаи, голод, эпидемии. Особенно тяжелыми были 1809 и 1814 гг., когда голод охватил почти все провинции Кореи. В 1815 г. страна вновь пережила неурожай и массовые эпидемии. Особенно длительной и опасной оказалась эпидемия, вспыхнувшая в 1821 г. Только за первую декаду 7-го месяца погибло более 10 тыс. человек. В 10-м месяце следующего года эпидемия охватила крайний юг страны, главным образом о. Чеджудо, где в каждом доме были больные и умершие. Иногда вымирали целые деревни; у бедноты не хватало средств, чтобы хоронить родных. Мертвые валялись на дорогах. Правительство было вынуждено послать на Чеджудо войска для уборки трупов.

30-е годы XIX в. вошли в историю Кореи как годы тяжчайших народных бедствий. В 1832 г. голодало население Кёнги, а в последующие годы постоянно переживали голод по несколько провинций. В 1833 г. по всей стране вспыхнула эпидемия холеры. Только в одном Сеуле погибли тысячи жителей.

Бегство крестьян в результате роста феодальной эксплуатации наблюдалось и в предшествующие века, но в первой половине XIX в. оно стало обыденным явлением; власти уже не скрывали, что уход крестьян из деревень связан с тяжелым экономическим положением. По сообщению «Чынбо мунхон пиго», в 1810 г. ревизор, обследовавший район Канге, доносил вану Сунджо, что бегство крестьян — одно из основных зол, так как земля пустеет и не с кого собрать налог. Если не изменить налоговую политику, утверждал он, то «народ совсем разбежится». В Чолла, считавшейся основной житницей страны, в 1815 г., по сведениям губернатора, деревни опустели и в некоторых не осталось и 10 дворов.

Естественным следствием роста феодальной эксплуатации было сокращение площади пахотных земель. В 1804 г. в Корее насчитывалось 435,6 тыс. кель заброшенных или пострадавших от стихийных бедствий земель, полностью освобожденных от налогов, а к 1854 г. их было уже

472,6 тыс. кёль — почти треть всего земельного фонда. В действительности их было значительно больше, так как часть необрабатываемых полей оставалась в налоговом ресстре.

Упадок корейского феодального общества проявлялся и в сокращении общей численности населения. В 1807 г., по данным «Чынбо мунхон пиго», оно составляло 7,5 млн., а к 1835 г. уменьшилось до 6,4 млн., оставаясь на этом уровне и в последующие годы. В 1807—1852 гг. население Чолла сократилось с 1251 тыс. до 1068 тыс., Кёнсан — с 1607 тыс. до 1535 тыс., Чхунчхон — с 892 тыс. до 880 тыс., Пхёнан — с 1035 тыс. до 868 тыс. и т. д.

Население уменьшалось вследствие большой смертности от голода и массовых эпидемий. Спасаясь от голода, крестьяне переселялись на крайний север. В 1807—1852 гг. число жителей провинции Хамгён увеличилось с 706 тыс. до 810 тыс. Многие бежали за пределы страны, и властям приходилось усиливать контроль на границах.

Резко замедлился прирост городского населения. В Сеуле, например, в 1807 г. было 204,8 тыс. жителей, в 1837 г. — 203,9 тыс., в 1852 г. — 204,5 тыс. и лишь в 1864 г. их число увеличилось до 222,6 тыс. человек. За 57 лет население возросло всего на 17,8 тыс. Для сравнения укажем, что во второй половине XVIII в. примерно за такой же срок население Сеула увеличилось на 30,6 тыс. человек.

Неуклонно росло непроизводительное население. Множество людей, занятых в различных отраслях феодального хозяйства, бросали свои занятия и превращались в бесприютных бродяг. Правительство не раз издавало грозные указы против бродяжничества, но было бессильно с ним бороться.

Чтобы предотвратить городские бунты, правительство тратило немалые суммы на оказание «помощи» нищему и бездомному люду. В 1812 г. в провинциях Кёнги, Канвон, Хванхэ, Пхёнан и Хамгён 2080 тыс. человек получили в виде милостыни 110 тыс. сок зерна. В середине 1815 г. в провинциях Кёнсан, Чолла, Чхунчхон и Канвон число пользующихся подавниями казны достигло 5384 тыс. человек. В 1833 г. только в трех провинциях — Кёнги, Хванхэ, Чхунчхон, и в городах Кэсонэ, Кванджу, Сувоне и на о-ве Каихвадо таких людей насчитывалось 2658 тыс. Цифры эти явно завышены, так как чиновники, разворовывая казенные средства, составляли фиктивные списки голодающих. Тем не менее эти списки свидетельствуют, как велико было в Корее в первой половине XIX в. число людей, выпавших из сферы производства и обреченных существовать только за счет подачек государства.

Падение сельскохозяйственного производства вследствие неурожая, голода и сокращения пахотных площадей, ухудшение финансового положения страны, рост непроизводительного населения отражались на общем состоянии экономики Кореи. В первой половине XIX в. замедлился рост общественного разделения труда. Феодальное государство сильнее, чем прежде, душило ремесла бесконечными сборами, зафиксированными ценами, мелочным контролем и строжайшей регламентацией. Оно оказывало некоторую поддержку казенным ремесленным мастерским и всячески препятствовало деятельности частных ремесленных предприятий.

И все же в различных районах страны продолжали возникать частные ремесленные мастерские. По данным обследования, проведенного учеными КНДР в местности Муджиндэ (уезд Кэчхон, Южная Пхёнан), в 40-х годах XIX в. там имелось уже 3—4 владельца крупных мастерских. У одного из них, Пак Ёнмуна, было около 90 рабочих, у других — до 30. Каждый ремесленник выполнял определенный вид работы. В ма-

стерской за 10 дней выплавливали до тысячи котлов. Труд оплачивался деньгами; кроме того, выдавалось ежемесячно 5 ту очищенного риса.

Владельцем мастерской латунных изделий в Напчхоне (Пхёнан) был Пак Мёнджо. На его предприятии за месяц перерабатывалось до 3 тыс. кын (1,8 т) сырья, а вес готовых изделий составлял 2 тыс. кын (1,2 т). Производство изделий состояло из нескольких операций — литье, резание, обточка отлитых изделий и т. д. За каждую из них отвечал специальный работник. В районе Напчхона насчитывалось более 30 мастерских по выработке изделий из латуни. Много таких мастерских было и вокруг Анджу (Пхёнан) — центра по переработке железной руды и производству котлов, лемехов, подков и других изделий. Кроме того, из уезда в уезд ходили артели по 10—12 человек, заключавшие контракты с хозяевами мастерских. В артелях также существовала специализация: там имелись литейщики, кузнецы, молотобойцы, резчики и т. д.

По сравнению с предшествующим периодом несколько большую роль в ремесле играли скупщики готовой продукции. Ими, например, в 20-е годы XIX в. финансировались керамические мастерские в уезде Сохын. Иногда купец и хозяин ремесленной мастерской объединялись в одном лице. Таким был О Ханджу, крупный купец, владевший мастерской, в которой трудилось около тысячи человек. В начале XIX в. О Ханджу получил подряд на отливку для казны медных монет на сумму 1 млн. ян.

В этот период казенные промыслы, в частности горный, переживали упадок, зато увеличивалось число тайных частных разработок. Крестьяне либо нанимались горняками на прииски, принадлежавшие частным лицам (янбаам, тхохо, купцам), либо сами пытались добывать золото и серебро. По словам начальника Ходжо Со Ёнбо (1806 г.), «хотя уездные начальники строго запрещают добычу и даже наказывают за это, но как только разгонят [золотоискателей], они снова возвращаются».

Главной фигурой в горном производстве по-прежнему оставался мультчу (купец — хозяин предприятия). В первой половине XIX в. появился еще один тип предпринимателя — токтэ. Взяв ссуду у богача, он устраивал рудник или прииск и рассчитывался с кредитором не деньгами, а добытым металлом. Это была еще одна форма подчинения денежным капиталом горного производства.

На рудниках и приисках скапливалось множество рабочих. Особенно много их было в провинциях Пхёнан и Хамгён. Например, в уезде Унсан (Пхёнан) в начале XIX в. числилось 800 рудокопов. В Кваксане в 1832 г. их имелось несколько тысяч. Они подвергались жесточайшей эксплуатации и трудились в невероятно тяжелых условиях.

Вопреки всем трудностям рост товарно-денежных отношений продолжался. В известной мере этому способствовало усиление феодальной эксплуатации и особенно вытеснение натуральных поборов денежными, толкавшее крестьянина на рынок. В результате несколько расширилась товаризация сельского хозяйства.

Сохранились списки товаров, продававшихся в 30—40-х годах XIX в. в разных провинциях на 324 (из 1 тыс. с лишним) рынках. Судя по ним, главная сельскохозяйственная культура — рис — продавалась на 257 из 324 рынков. Хлопок продавали на 127 рынках. Большим спросом пользовался табак — им торговали на 163 рынках. В уезде Чанги (Чолла), например, налог с продажи табака составлял половину всех налогов, собранных на рынке. Значительно расширилось выращивание женьшеня, который также в основном шел на продажу. В районе Кэсона его производство в 1827—1832 гг. составляло 8 тыс. кын, а к 1847 г. достигло 40 тыс. кын.

Возросла торговля изделиями домашнего промысла и ремесла. Из

указанных выше 324 рынков на 240 торговали хлопчатобумажными тканями, на 139 — холстом, на 94 — глиняной посудой, на 91 — скобяными изделиями, на 90 — фарфором, на 80 — плетеными изделиями и т. д. Всего на этих 324 рынках выставляли около 170 видов товаров, среди которых 45 были изделиями ремесла.

Продолжалось формирование национального рынка, укреплялись связи между отдельными районами страны. Латунной посудой, изготовленной в Куре (Чолла), пользовались в соседних провинциях. Торговцы хлопком из Кэсона продавали его в Хванхэ. Купцы из самой северной провинции — Хамгён — имели торговые ряды в Сеуле. Их деятельность в середине XIX в. ущемляла интересы сеульских купцов.

После издания закона 1791 г. «Об общем участии в торговле» укрепились позиции частного торгового капитала, возникшего помимо традиционных сиджон. Он все решительнее нарушал устаревшую систему феодальной монополии. Торговцы сиджон не в состоянии были конкурировать с частными купцами даже при попытке опереться на авторитет государства. Так, например, владельцы сиджон, занимавшиеся продажей табака, несколько раз просили запретить частным купцам торговлю табаком, но государство было бессильно сделать это.

Рост крупного торгового капитала продолжался. В одном из основных центров торговли, Кэсоне, капиталы частных купцов оценивались в 700—900 тыс. ян и превосходили богатство торгового дома Сонджон, входившего в шестерку крупнейших сиджон. Своим богатством славилась купцы Ли Догю — уроженец Сеула, связанный с внешнеторговыми операциями, и Мин Ёнчхун, считавшийся первым богачом страны. Феодальное правительство вынуждено было прибегать к финансовой поддержке частных торговых фирм. Так, в 1841 г., чтобы собрать налог в сумме 100 тыс. ян, власти разрешили торговцам женьшенем продавать его за границу сверх установленных размеров.

Еще более возросло значение торговцев-посредников, услугами которых пользовались крупные купцы-оптовики. Известно, например, что в 1811 г. купец Ким Гэхён, монополизировавший торговлю холстом и хлопчатобумажными тканями на рынках уезда Унсан (Пхёлан), широко использовал услуги мелких торговцев. В 1830 г. Ким Соун, богатый торговец из Сеула, торговавший коровьими шкурами и женьшенем, поручил одному мелкому торговцу из Хванхэ скупать для него хлопок на рынках уезда Понсан.

В 30—40-х годах XIX в. в развитии внешней торговли Кореи появился новый фактор. Китайские купцы занялись посреднической торговлей английскими и американскими товарами. Английский шертинг, который они сбывали корейцам, был значительно дешевле корейских тканей и поэтому пользовался широким спросом у местного населения. Корейские купцы и ремесленники неоднократно просили власти запретить продажу иностранных товаров, которая их разоряла.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Корее все острее становилось противоречие между производительными силами и производственными отношениями, проявлявшееся особенно сильно в сельском хозяйстве и вызывавшее в Корее общий экономический упадок. Его следствием было дальнейшее обострение классовых антагонизмов.

Крестьянское восстание 1811—1812 гг.

Как уже отмечалось, проводившаяся в XVIII в. политика «умиротворения» не устранила в стране внутренних противоречий. Их удалось лишь слегка приглушить частичными уступками правительства и при-

мирением враждующих кланов. После смерти Чонджо феодальные междоусобицы разгорелись вновь.

В 1800 г. на престол вступил Сунджо, которому было всего 11 лет. Регентшей стала вдова вана Ёнджо. Фактически же страной правили дед малолетнего вана (по материнской линии) Пак Чунвон и родственник регентши Ким Джосун — крупнейший феодал родом из Андона. Вместе со своими приближенными они повели борьбу против соперников из группировки «южан».

Воспользовавшись тем, что среди членов этой группировки многие исповедовали христианство, правительство Пак Чунвона и Ким Джосуна обрушилось на них с репрессиями. В 1-м месяце 1801 г. были устроены массовые гонения на христиан. Многие видные деятели из среды «южан», в том числе ученые, философы (Ли Гахван, Ли Сынхун, Чон Якчон и др.), были казнены, других отправили в ссылку. Прикрывались религиозными мотивами, правящая верхушка расправилась со своими противниками.

В 1802 г. Ким Джосун женил малолетнего вана на своей дочери. Вскоре он упразднил титул регентши и взял в свои руки управление страной. Все важнейшие посты в центре и в провинциях перешли к членам его семьи или ближайшим сторонникам. Более чем на полвека в Корее установилась власть временщиков из семейства андонских Кимов.

Растущие экономические трудности, постоянные неурожай и голод, вспыхнувшие феодальные распри усилили общее брожение в стране. Крестьяне и торгово-ремесленные круги добивались облегчения невыносимого гнета и притеснений; тхохо требовали дать им те же права, какими обладали янбаны. Среди янбанов продолжалась борьба за власть, и в этой борьбе они готовы были использовать тягу народных масс к сопротивлению.

С самого начала XIX в. обострилась антифеодальная борьба. В разных районах страны появлялись воззвания, которые обычно расклеивали на специальных шестах и устанавливали у городских ворот. Их авторы в повествовательной или стихотворной форме призывали народ добиваться изменения несправедливых законов.

Во многих местах начались вооруженные крестьянские выступления. Крестьяне жгли помещичьи имения, захватывали правительственные склады, раздавали зерно беднякам. В 1-м месяце 1808 г. в уездах Танчхон и Пукчхон (Хамгён) крестьяне напали на уездных чиновников. Центральное правительство заинтересовалось положением в Хамгёне. Туда отправились тайные ревизоры для проверки деятельности местной администрации; многие чиновники были уволены как казнокрады.

В 1811 г. восстали крестьяне в уезде Коксан (Хванхэ), где чиновники перепродавали незаконно собранное зерно в другие провинции. Это подрывало экономические интересы торгового капитала, поэтому крупные купцы и тхохо обратились к крестьянам с призывом выступить против сборщиков налогов. Во 2-м месяце 1811 г. несколько сот крестьян, вооруженных палками, ворвались в уездную управу. Они посадили в мешок уездного начальника Пак Чонсина и выбросили его за пределы города, затем выпустили из тюрем заключенных. Только после прихода войск восстание в Коксане было подавлено. Но правительство было вынуждено заменить уездных чиновников новыми.

Одно из крупнейших в истории феодальной Кореи выступлений народных масс произошло в 1811—1812 гг. в провинции Пхёнан. Местное население помимо общих для всех поборов должно было оплачивать расходы посольств, проезжавших через провинцию в Китай и из Китая (в 1820 г., например, прием китайского посольства обошелся в 70 тыс.

ян), вносить средства на подготовку государственных даров цинскому императору, нести повинности по строительству и ремонту оборонительных сооружений на границе и т. п. Крохотные, малоплодородные надельные земли не могли прокормить многолюдные семьи бедноты. В одной из деревень уезда Сонджин, например, на человека приходилось 0,28 кель, а на двор — всего 0,7.

Расслоение затронуло и торгово-ремесленные слои. Наряду с разорением мелких торговцев рос крупный торговый капитал, чему способствовали торговля с Китаем и разработка недр северо-запада. Разорившиеся торговцы и ремесленники, как и крестьяне, шли на рудники и прииски, где подвергались нещадной эксплуатации.

В северных уездах было немало янбанов, недовольных существовавшими порядками. Они были лишены права занимать правительственные посты не только в столице, но и у себя на родине, так как здесь правили чиновники, присланные из Сеула. Тхохо северо-запада также не допускались в местный и центральный административный аппарат. Исключение делалось лишь для тхохо провинции Пхёнан, которые получали незначительные посты в местной администрации.

В 1802 г. Ким Мунсун из рода андонских Кимов был назначен правителем Пхеньяна. Его прибытие в Пхеньян еще более разожгло антиправительственные настроения янбанов и тхохо. Крестьянское восстание в провинции Пхёнан началось в то время, когда эта провинция переживала очередной неурожай, а за ним голод и эпидемии. Среди части янбанов и тхохо созрело решение поднять народ и выступить против правительства.

В Пхёнане особой популярностью пользовался уроженец уезда Ёнган Хон Гённэ. Среди историков КНДР существуют различные мнения о его происхождении. По-видимому, Хон Гённэ был выходцем из семьи тхохо или мелких янбанов. С юношеских лет он сочувствовал крестьянам и считал несправедливыми государственные законы. Можно предположить, что Хон Гённэ испытал влияние передовых мыслителей своего времени, призывавших улучшить жизнь народа, устранить социальное неравенство. Ведь в соседней провинции Хванхэ (в Коксане) в конце XVIII в. жил Чон Дасан, служивший там уездным начальником. Вероятно, Хон Гённэ знал о Чон Дасане и был знаком с творчеством этого крупнейшего идеолога сирхак.

Поскольку Хон Гённэ был выходцем из северо-западной провинции, его постарались провалить на государственных экзаменах; тем самым ему был закрыт путь к чиновничьей службе. Тогда он стал искать иные возможности, чтобы достичь власти и облегчить положение народа.

Хон Гённэ решил объявить себя родоначальником новой династии, призванной установить справедливые порядки. К подготовке восстания он привлек янбанов, богатых тхохо, торговцев, ремесленников, мелких чиновников. Его ближайшими соратниками были У Гунчхик, незаконный сын янбана, богатый торговец; Ли Хиджо, выходец из мелких чиновников; Ким Чханси, богатый тхохо, занимавшийся торговлей.

Заговорщики установили связи с другими уездами. К осени 1811 г. тхохо и богатые торговцы снабдили повстанцев необходимым продовольствием, лошадьми и вооружением. Почти все торговцы и зажиточные люди от Ёйджу до Кэсона приносили свои сбережения в деревню Табоктон (уезд Касан) — центр восстания, доставляли скот и продовольствие. Богатые торговцы из Сончхона, Чонджу, Квасана, Кусона привозили зерно, Ким Хёчхоль из Пакчхона прислал сабли и несколько лошадей, Пак Квангю — деньги (322 ян) и 10 кусков шелка, Лим Сахан — лошадей.

По всем уездам провинции разъезжали гонцы, призывавшие подняться крестьян и горняков. Они зачитывали обращение «К жителям провинции», которое начиналось словами: «Отцы и матери, государственные и частные крепостные нашей провинции Квансо (Пхёнан.— *Авт.*) — все слушайте мой призыв!» Автор воззвания описывал заслуги населения Пхёнан в Имджинской войне и в борьбе с маньчжурами, бедственное положение ее жителей: «Сейчас положение еще более ухудшилось, так как ван молод, а временщики чинят произвол и беззаконие. Стихийные бедствия и ограбление народа привели страну на край гибели. Из-за постоянного голода дороги покрыты трупами... Но, к счастью, родился мудрец, который спасет этот мир (подразумевался Хон Гённэ.— *Авт.*)... Сейчас этот человек командует кавалерией в 100 тысяч и намеревается восстановить в стране порядок».

Воззвание Хон Гённэ встретило горячий отклик в провинции Пхёнан. Крестьянская беднота, разорвавшиеся ремесленники хотели верить, что пришел конец страданиям, что новый правитель установит справедливые законы и изгонит алчных чиновников. Хон Гённэ неоднократно выступал перед крестьянами, призывая их идти в Табоктон. По свидетельству современников, крестьяне охотно откликались на эти призывы. Один из его помощников, Чхве Еюн, выдавая себя за горнорабочего, ездил в местность Тэвган (уезд Сакчу), чтобы поднять там людей. У Гунчхик привел в Табоктон большую группу беглых крестьян с о-ва Синдо. Были сделаны попытки установить связи с антиправительственно настроенными янбанами и тхохо в провинциях Хванхэ, Хамгён и даже в Сеуле.

Так создавались повстанческие отряды из крестьян, горняков, бродячего люда. Приходили также разорившиеся торговцы и ремесленники. Чтобы не вызвать подозрения властей, сбор повстанцев проводили под видом набора рудокопов на прииск.

Для повстанцев ввели форму — синие рубахи и штаны, на груди — красные ленты, на голове — красные повязки. Военачальники носили головные уборы из шкур тигров, лис, собак, короткие кофты. В Табоктоне ковали оружие, чеканили монеты, шили знамена и обмундирование для бойцов, рыли для них землянки.

Все прибывшие проходили военную подготовку. Повстанцев разбили на отряды, которые объединялись в армию. Хон Гённэ принял титул «главнокомандующий умиротворенного запада», Ким Саён, тхохо из Тхэчхона, стал его заместителем, У Гунчхик — проповедником, призывавшим вступать под знамена Хон Гённэ.

В начале 12-го месяца 1811 г. Хон Гённэ созвал военный совет, на котором был выработан план действий. Выступать решили во время смотра ванской конницы. На этом совете повстанческую армию разделили на южный отряд во главе с Хон Гённэ и У Гунчхиком и северный — под командованием Ким Саёна и Ким Чханси. В уезды Касан и Пакчхон направили тайных посланцев для организации там восстания, но они были схвачены местными властями.

Более откладывать вооруженное выступление было нельзя, и оно началось 18-го числа 12-го месяца. Первый отряд повстанцев напал на уездный центр Касан, заняв местное управление, арсенал и продовольственные склады. Повстанцы раздавали городской бедноте рис, вооружались захваченным оружием. На следующий день началось восстание в уезде Чонджу, руководители которого были связаны с Хон Гённэ. В повстанческую армию вливались свежие силы.

Хон Гённэ возглавил 300 бойцов и прибыл в уезд Пакчхон. Отсюда он обратился с новым воззванием к народу. В нем он утверждал, что

правительство не заботится о населении северо-западных провинций, а в стране хозяйничает шайка Ким Джосуна и Пак Чонгёна. «Год за годом страну постигают неурожаи, толпы голодных людей бредут по дорогам, старики и дети мрут от голода. И сейчас, когда всему народу угрожает гибель... мы, создав правое войско из квансосских героев, стремимся спасти народ, и там, где будет реять знамя справедливости, народ вновь обретет жизнь. Ради этого обращаемся с воззванием и призываем начальников всех округов не оказывать никакого сопротивления и открывать двери крепостей перед нашими войсками».

Тем временем повстанцы заняли уезды Сончхон, Тхэчхон, Енчхон, Чхольсан. Вся территория провинции Пхёнан — от Пакчхона до Ыйджу — была в их руках. 26-го числа 12-го месяца Хон Гённэ с отрядом в 500 человек переправился через Чхончхонган у деревни Соннимдон (уезд Пакчхон) и соединился с отрядом в 300 бойцов, руководимым Хон Чхонгаком.

Повстанцы намеревались атаковать г. Анджу. Характеризуя их первые успехи, очевидец событий писал: «Причиной падения в течение нескольких дней четырех-пяти уездов к северу от Чхончхонгана было то, что казенные ноби этих уездов находились в тайном сговоре. Хотя число воинов сначала было невелико, но они захватывали государственные учреждения, раскрывали склады, оказывая помощь голодающим, набирали городскую бедноту и бедных крестьян. Благодаря этому число присоединившихся к ним день ото дня увеличивалось. Их влияние распространялось далеко, подобно искрам...»

Под воздействием повстанцев начались антифеодальные выступления в уездах Енчхон, Тхэчхон, Чхольсан, Сончхон, Ыйджу. Мелкие чиновники из уезда Касан прошли 15 ли навстречу крестьянской армии, чтобы ее приветствовать. По сведениям составленных в то время «Кённан ильги» («Записи о событиях смутного времени»), в районах продвижения повстанцев возникали партизанские отряды «Ыйбён». Они громили провинциальные и уездные управы, жгли помещичьи усадьбы, расправлялись с местными чиновниками.

Известия о восстании в провинции Пхёнан вызвали панику в Сеуле: распространились слухи, что на столицу движется целая крестьянская армия, чиновники спешно вывозили семьи. В провинцию Пхёнан срочно отправили крупные суммы денег и рис для раздачи голодающим. Ван издал указ о предоставлении выходцам из Пхёнана постов в государственном аппарате и обратился с воззванием, в котором обещал «впредь выполнять свой долг перед народом».

Не надеясь таким образом успокоить население, правительство приказало привести в боевую готовность все военные силы северо-запада. Начальникам уездов присвоили военные звания; объявили дополнительный призыв в армию. Но население всячески уклонялось от призыва: в первые десять дней в мобилизационные пункты пришло только пять человек. Поэтому командующий правительственными войсками получил распоряжение казнить всех неявившихся. Зато местная реакция оказала всемерную поддержку правительству. Напуганные восстанием, помещики и чиновники, а также часть тхохо и богатых торговцев начали формировать собственные отряды. Они появились в разных уездах провинции Пхёнан и насчитывали 2 тыс. человек.

Корейское правительство, опасаясь, что не сможет собственными силами справиться с восстанием, обратилось за помощью к цинскому Китаю. Это был невиданный в истории Кореи случай, свидетельствовавший о бессилии господствующего класса, упадке феодального государства, нарастании кризиса всей феодальной системы. С этого вре-

мени обращение к внешним силам в борьбе против собственного народа станет для правящих кругов Кореи обычным.

Цинское правительство охотно двинуло к границам Кореи свои войска; однако они опоздали и прибыли в пограничный город Чунган уже тогда, когда восстание было подавлено.

29-го числа 12-го месяца 1811 г. возле деревни Соннимдон произошло сражение между крестьянской армией и правительственными войсками. Повстанцы, оказавшие жестокое сопротивление, понесли тяжелый урон и отступили вместе с беднотой уездов Пакчхон и Касан в крепость Чонджу.

Вторая битва крестьянских отрядов под руководством Ли Джечхо с правительственными войсками произошла в уезде Кваксан (местность Чандэ). В этом бою погиб Ли Джечхо, а повстанцы потерпели поражение. Уцелевшие под командованием Ким Чханси отступили в уезды Сончхон, Чхольсан, Ёнчхон, нанося удары противнику. Объединенные силы правительственных войск и отрядов местных феодалов разбили отряд Ким Чханси. Остатки его также ушли в Чонджу.

В 1-м месяце 1812 г. правительственные войска очистили уезды Пакчхон, Касан, Кваксан, Сончхон, Чхольсан и Ёнчхон; началось массовое бегство из повстанческой армии тхохо, богатых торговцев, чиновников. На захваченной территории царили террор, грабежи, насилия. В районе Соннимдона, где произошло решающее сражение, солдаты сжигали дома вместе с их обитателями.

Один из предводителей отряда карателей, Пак Кёнхэ, был вынужден признать: «В то время как враги наши запрещают грабежи и крайне строго наказывают тех, кто ими занимается, правительственные войска, проходя к югу от реки Чхончхонган, так грабили народ, что их боятся больше, чем разбойников».

В Чонджу в осаде оказалась всего тысяча воинов, а против них действовало свыше 8 тыс. правительственных войск. Несмотря на лишения, защитники Чонджу стойко держали оборону: в 1-м и 2-м месяцах 1812 г. они успешно отбили несколько штурмов.

Среди осаждающих воцарилось уныние, началось дезертирство. Недовольное затаившейся осадой, правительство отстранило от должности командующего — Пак Кипхуна. В Чонджу со свежими войсками прибыл новый командующий — Лю Хёвон. К этому времени у повстанцев кончились продовольствие и боеприпасы, среди бойцов начались болезни.

22-го числа 3-го месяца повстанцы сделали попытку прорвать осаду. Часть из них вырвалась из окружения, а 23-го и 26-го числа они вывели из Чонджу около 250 детей, стариков и женщин. В 4-м месяце Лю Хёвон принял решительный штурм. По его приказу 19-го числа были взорваны стены крепости, и правительственные войска ворвались в Чонджу. В боях погибли Хон Гённэ и многие его соратники. Каратели рыскали по деревням уезда Чонджу, вылавливали повстанцев и жестоко расправлялись с ними.

Восстание 1811—1812 гг. было первым крупным антифеодальным движением, потрясшим Корею в XIX в. Его влияние распространилось далеко за пределы провинции Пхёнан. Четыре месяца господствующий класс Кореи не был уверен в будущем и напрягал все силы (призвав даже чужеземные войска), чтобы справиться с повстанцами.

Особенность этого восстания — его широкая социальная база. Главной движущей силой было крестьянство, вместе с которым активно действовали торговцы, ремесленники и городская беднота. Весьма важным было участие в восстании горнорабочих; они впервые выступили

как крупная составная часть антифеодального движения. К восстанию примкнули и определенные круги янбанов и тхохо, недовольных своим положением. Пестрый состав участников восстания свидетельствовал, что в борьбу против существующих порядков втягивались разные слои корейского общества.

Оказавшиеся у руководства янбаны, тхохо и богатые торговцы стремились направить восстание только против правительства и не допустить широкого размаха антифеодальных действий. Личное мужество и преданность делу Хон Гённэ и его ближайших сподвижников мало что могли изменить. При первой же неудаче примкнувшие к восстанию помещики, чиновники и богачи предали движение, переметнулись на сторону его врагов. Отсутствие близкой и понятной крестьянам программы, особенно аграрной, слабость и разобщенность сил повстанцев, неопытность их командиров — все это также обрекло восстание на неудачу.

Правительство жестоко расправилось с жителями мятежной провинции. Губернатор Чо Мансок докладывал, что если до восстания там было 302 844 двора и 664 654 мужчины, то к 1814 г. осталось всего 192 867 дворов и 402 972 мужчины. Такое резкое снижение численности мужского населения он объяснял недавней «смутой», а также бегством людей в результате голода и эпидемий.

Под влиянием восстания в провинции Пхёнэн произошли выступления крестьян в уезде Хванджу (Хванхэ) и в ряде уездов провинции Хамгён. Серьезные крестьянские волнения вспыхнули в 1813 г. на о-ве Чеджудо, где повстанцы, возглавляемые тхохо Ян Джахэ, напали на местное управление. Из Сеула направили специального чиновника с манифестом вана, в котором признавалось, что сборщики налогов чинили на этом острове полнейший произвол. Но восставшие изгнали посланца. Провинциальные власти не могли справиться с восстанием, оно было подавлено войсками, прибывшими из столицы.

Участились и городские восстания. Весной 1813 г., в период охватившего страну голода, началось восстание в Сеуле. Поводом послужила развернувшаяся там спекуляция рисом. Толпы голодных людей, к которым примкнула часть солдат, нападали на дома чиновников и богатых купцов, спекулировавших рисом. Они громили лавки и казенные склады. Чтобы успокоить население, столичные власти устроили выдачу зерна горожанам, был издан указ о выселении из Сеула на пустующие земли бродяг и предоставлении им средств для обустройства хозяйства.

В 1815 г. вновь произошел голодный бунт в Сеуле, с трудом подавленный властями. В 1833 г., когда страна переживала очередной неурожай и голод, купцы вздули цены на зерно и продовольствие. По всем дорогам в Сеул потянулись толпы голодного люда; правительство издало декрет о принудительной высылке их из столицы и только с помощью войск смогло заставить их покинуть город. Сильные волнения происходили и в других местах. Жестокие репрессии и мелкие подачки властей не могли остановить растущего народного движения.

Начало колониальной экспансии в Корею

В первой половине XIX в., особенно с 30-х годов, одновременно с экспансией в Китае проявился интерес капиталистических держав к Корее. Она привлекала их как рынок сбыта, источник сырья и плацдарм для дальнейшей агрессии в Китае и на русском Дальнем Востоке.

Чрезвычайно активно действовала Англия, которая в то время обладала значительным торгово-промышленным и морским превосходством и захватила голландские и португальские колонии на юге Тихоокеанского бассейна. Колониальное вторжение Англии в Китай сопровождалось разведывательными действиями ее судов в корейских территориальных водах.

В 1816 г. два английских корабля появились вблизи Морянджина в провинции Чхунчхон, где они производили разведку. В 1832 г. Ост-Индская компания снарядила торговое судно «Лорд Амхерст». В июне того же года оно прибыло в Монгымпхо (Хванхэ). На борту хорошо вооруженного корабля находился пастор протестантской церкви К. Гютцлафф, который собирался развернуть миссионерскую деятельность в Корее. Командовал экспедицией капитан Х. Линдсей. Он направил вану письмо с предложением установить торговые отношения. Письмо тотчас же возвратили, добавив, что янбаны, которые приняли его, не имели на это права и потому письмо не может быть передано вану.

Хотя корейские власти решительно настаивали, чтобы пришельцы удалились, но корабль оставался в корейских водах до 19 августа. Однако все попытки командования «Лорда Амхерста» установить контакты были тщетными. Столь же безуспешной оказалась попытка К. Гютцлаффа направить правительству несколько ящиков католических сочинений.

Иными путями стремились проникнуть в Корею французские колонизаторы, в первую очередь миссионеры. Еще в конце XVIII в. католики, жившие в Пекине, крестили прибывавших туда корейцев и с их помощью намеревались распространять у них на родине католицизм.

В 1831 г. папа Григорий XVI учредил корейский апостольский викариат, включив Корею в сферу деятельности Парижского общества иностранных миссионеров. В 1832 г. туда направили миссионера Б. Брюгге, получившего титул епископа Корейского. Не выдержав трудностей пути из Макао в Корею, Брюгге умер. Вместо него в Корею послали П.-Ф. Мобана (1836 г.), ранее проповедовавшего католицизм в Маньчжурии.

Мобану удалось тайно перейти корейскую границу. В конце 1836 г. к нему присоединился миссионер Ж. О. Шастан, а в следующем году в Корею прибыл миссионер Эмбер. Все трое активно действовали в провинциях Кёнги, Чолла, а также в столице. Скрываясь от властей, они читали проповеди, распространяли католические книги. После неоднократных предупреждений корейское правительство в 1839 г. казнило Мобана, Шастана и Эмбера.

В 1845 г. в Корею тайком на рыбацкой лодке прибыли новые католики-миссионеры — епископ Ферон и миссионер Ш. Давелу; они основали в столице типографию для издания религиозной литературы, открыли школу и даже отправили за границу трех корейцев изучать богословие.

С 40-х годов XIX в. капиталистические государства переходят к попыткам насильственно установить с Кореей торговые связи. В корейские территориальные воды все чаще заходят военные корабли.

В июне 1846 г. три французских фрегата появились в устье р. Ханган. Капитан одного из них потребовал от корейских властей объяснений по поводу казни миссионеров. Но его письмо было оставлено без ответа. В июне 1847 г. еще два французских корабля, «Глуар» и «Виктуар», прибыли якобы за ответом на письмо, переданное властям год назад. Корабли потерпели крушение, сев на мель у о-ва Когунсандо (Чолла), но команда успела спастись. Около 500 моряков высадились

на о-ве Когунсандо. Население оказало пострадавшим помощь, снабдило их лекарствами и продовольствием. Корейские власти, со своей стороны, помогли французам добраться до Китая.

Французскому поверенному в делах в Пекине были направлены объяснения по поводу казни миссионеров. Корейское правительство доказывало, что к иностранцам, не нарушающим законов, оно относится дружелюбно: когда они терпят кораблекрушение у берегов Кореи, «мы приходим им на помощь, снабжаем пищей и, если возможно, помогаем возвратиться на родину». Казнь французских миссионеров объяснялась тем, что они, несмотря на неоднократные предупреждения, нарушали законы страны.

Французская экспансия в Корею временно была приостановлена вспыхнувшей во Франции в 1848 г. революцией.

Однако разведывательные действия в корейских водах судов других капиталистических держав не прекращались. В хронике вана Хонджона записано, что в 1848 г. иностранные военные и торговые суда постоянно появлялись у берегов Кореи. В феврале 1850 г. неизвестное иностранное судно подвергло артиллерийскому обстрелу морское побережье провинции Канвон; были убитые и раненые. Французские суда появились снова в 1851 г., в 1855 г. к ним присоединились англичане, которые проводили картографирование местности, промер глубины корейских вод.

В 1856 г. произошла схватка на острове возле г. Хонджу, когда несколько сот французских моряков, высадившись на берег, обстреляли и ограбили население.

В середине XIX в. США активно включились в колониальную экспансию на Дальнем Востоке, опираясь на заключенный ими в 1844 г. кабальный договор с Китаем.

В 1845 г., вскоре после заключения этого договора, председатель военно-морской комиссии американского сената Д. У. Пратт на заседании конгресса призвал предпринять «теперь же энергичную попытку к открытию Японии и Кореи для американской торговли». Развитию американской агрессии в странах Дальнего Востока способствовало освоение Соединенными Штатами тихоокеанского побережья Калифорнии, которую они отобрали в 1846—1848 гг. у Мексики.

А. Пальмер, президент одной из влиятельных организаций торговцев и промышленников, представил президенту США Д. Полку «Записку о Сибири, Маньчжурии и об островах северной части Тихого океана», составленную в январе 1848 г. В ней А. Пальмер писал: «Мы должны получить привилегии в Тиньхае (Шанхае) — Корея и Япония — два дня плавания от него. Все это дает ему (т. е. Шанхаю.— Авт.) превосходство перед всеми портами Китая». В 1856 г. американский дипломат в Китае П. Паркер предложил правительству США принять участие совместно с Англией и Францией в экспедиции против Китая, одновременно захватив Корею.

Так в первой половине XIX в. капиталистические державы Европы и США подготавливали почву для колониальной экспансии в Корею.

Творчество Чон Дасана

В первой половине XIX в. в условиях социальных конфликтов, потрясавших страну, и начала колониальной экспансии капиталистических держав конфуцианские деятели искали выход из создавшегося положения в усилении репрессий против всех прогрессивно мыслящих

людей. И все же, несмотря на царившую в стране реакцию, передовая общественная мысль не сдавала позиций. В этот период действовали такие крупные ученые, разделявшие идеи сирхак, как Ли Гахван, Чхэ Джегон, Квон Чхольсин, Ли Донму, Ким Джонхи и др.

Одним из самых известных мыслителей конца XVIII — первой половины XIX в. был Чон Дасан — выдающийся ученый, философ и писатель, чье творчество является вершиной идеологии сирхак.

Чон Дасан (настоящее имя — Чон Ягён, 1762—1836) — выходец из янбанской семьи в провинции Кёнги. Его отец принадлежал к оппозиционной группировке «южан». В конце 70-х годов отца Чон Дасана приняли на государственную службу и вся семья перебралась в Сеул. Здесь юноша сблизился с Ли Гахваном, Пак Чивоном, Пак Чега и другими передовыми людьми. Ли Гахван предоставил ему возможность пользоваться библиотекой своего деда Ли Ика, чьи произведения оказали огромное влияние на мировоззрение Чон Дасана. В знак признательности и уважения он написал на могильной плите Ли Ика: «Я тоже читал труды учителя Сонхо».

Много времени Чон Дасан посвятил изучению естественных наук, читая книги, переведенные с европейских языков на китайский. В 28 лет, сдав государственный экзамен, он получил должность в Хонмунгван, а затем был назначен оса в провинцию Кёнги, где пытался вести борьбу с казнокрадством. Но скоро чересчур «ретивого» ревизора перевели в уезд Кымчхон (Хванхэ), а потом назначили правителем Коксана в той же провинции. В период пребывания Чон Дасана в Коксане там вспыхнуло крестьянское восстание (1798 г.). Новый правитель уезда сочувственно отнесся к повстанцам.

В 1801 г. корейское правительство под видом преследования католиков начало расправу со всеми инакомыслящими. Среди пострадавших были два брата Чон Дасана. Сам он был арестован и сослан в уезд Канджин (Чолла), где пробыл до 1818 г. В эти годы он написал много томные труды: «Монмин симсо» («Размышления об управлении народом»), «Кёнсе юпхё» («Письма об управлении миром») и др.

По своим естественнонаучным взглядам Чон Дасан был истинным представителем сирхак. Он обладал большими познаниями в математике, механике, медицине, физике, астрономии, географии и придавал их изучению первостепенное значение. Ученый выступал против представлений о том, что земля — это находящаяся в покое плоская поверхность, и утверждал, что земля — шар, который постоянно движется. Он отвергал конфуцианскую догму о Китае как центре земли.

Будучи стихийным материалистом, Чон Дасан утверждал, что «действие предшествует знанию». Он квалифицировал мистику, шаманство, гадания как проявление невежества, отрицательно относился к буддизму и христианству, считая их одинаково пустыми учениями.

Чон Дасан внимательно изучал экономику страны, пытался вскрыть причины упадка сельского хозяйства и обнищания основной массы производителей. С особой силой он разоблачал налоговую систему — орудие ограбления крестьянских масс. В одном из посланий вану ученый обращал его внимание на тот вред, который приносила система зерновой ссуды: «Из-за закона о хванджа жизнь нашего народа очень тяжела. Если не будет отменен этот обычай, государство окажется в опасном положении». Военный налог Чон Дасан называл «страданием народа».

В «Монмин симсо» Чон Дасан рисовал впечатляющие картины коррупции и казнокрадства. Махинации чиновников привели к тому, что «народ не видит даже ростков зерна, в то время как собранный с

него рис и неочищенное зерно составляют тысячи и десятки тысяч сок». «Мелкие чиновники сдирают мясо с костей простого народа», — писал он.

Чон Дасан протестовал против сложившейся системы землевладения. «Обрабатываемая земля, — отмечал он, — составляет примерно 800 тысяч кель, а население — 8 миллионов. Если считать, что десять человек составляют одно хозяйство и если каждое хозяйство будет иметь 1 кель земли, тогда пахотная площадь страны распределится поровну... Но сейчас в нашей стране есть люди, например Чхве из Ённама и Ван из Ёйджу, которые ежегодно собирают урожай риса в десять тысяч сок. Если же подсчитать количество их земли, то это составит 400 кель, и, следовательно, одно такое хозяйство обирает 3990 человек».

Суть предложений Чон Дасана сводилась к тому, что владеть землей должны те, кто ее обрабатывает. По его проекту следовало ввести новое административное деление — создать специальные е (поселения); три е объединить в ли (деревню); пять ли — в пан (нечто вроде села), а из пяти пан образовать ып (уезд). Население е должно владеть землей коллективно и общими силами ее обрабатывать. В обязанности выборного старосты входил бы ежедневный учет труда каждого крестьянина. Оплату производить по труду, остальной доход тратить на общие нужды коллектива. Ремесленники и торговцы, не участвующие в сельскохозяйственных работах, должны обменивать свои товары на зерно.

Чон Дасан требовал, чтобы конфуцианцы выбрали любую профессию и занялись полезным трудом. Тех конфуцианцев, чья деятельность была бы направлена на благо народа, он предлагал вознаграждать значительно более высоко, чем крестьян: если крестьянин, по его проекту, должен был получать 1 ту зерна в день, то ученый — 10.

Чтобы упорядочить сбор налогов и предотвратить хищения, Чон Дасан настоятельно рекомендовал ввести новую систему налогообложения, по которой сумма налога изменялась бы в соответствии с урожаем. По проекту земельной реформы Чон Дасана фактически уничтожались помещичье землевладение: предусматривалось наличие только двух хозяев земли — крестьян, которые ее обрабатывали, и государства. Чон Дасан утверждал, что только коллективное владение положит предел захвату крестьянских земель — не будет богатых и бедных, так как земля станет общим достоянием.

Так же скрупулезно, как сельское хозяйство, Чон Дасан изучал ремесло и торговлю. Его беспокоил упадок отечественного ремесла, некогда славившегося далеко за пределами страны, особенно такой старинной его отрасли, как ткачество. «Каждый год, — писал он, — тратят золото и серебро, покупают [ткани] в Китае, не принимают мер [к развитию] ткачества».

Большое значение придавал Чон Дасан применению передовой для того времени техники: «Поистине, если сосредоточить усилия и поощрять усвоение современной техники и совершенных приемов труда, страна станет богатой, армия — мощной, жизнь народа улучшится, а люди станут крепче здоровьем». Среди выдвинутых ученым проектов было создание специального ведомства, которое внедряло бы во все отрасли хозяйства новейшие достижения техники, в том числе заимствованные у других стран.

По мнению Чон Дасана, правительство должно было уделить особое внимание путям сообщения и транспорту. Он писал, обращаясь к вапу, что из-за их плохого состояния страдает торговля. Ему принадлежит проект сооружения канала, который соединил бы реки южных и западных провинций. Заботясь о всестороннем развитии национальной

экономики и понимая, какую большую роль играет в этом смысле торговля, Чон Дасан разработал проекты улучшения системы мер и весов, денежной системы и т. д.

Намечая огромную, охватывающую все стороны жизни корейского общества программу реформ, Чон Дасан считал, что проведение ее возможно только после устранения наиболее несправедливых законов. Подобно своим предшественникам, он считал основным злом социальное неравенство. При существующих порядках, отмечал Чон Дасан, 9 из каждых 10 человек не допущены к управлению страной — все простолюдины, а также среднее сословие (врачи, переводчики, учителя и т. д.).

Дискриминация жителей ряда районов также вызывала протест ученого. «Разве можно исключить из жизни способных людей только потому, что они родились не в той местности?» — спрашивал он в одном из сочинений. Чон Дасан отстаивал право народа избирать своего монарха. Он усомнился в правомерности наследования ванского трона. По его мнению, такой обычай привел к тому, что страну возглавили люди, не способные к управлению государством.

В древности, утверждал Чон Дасан, существовал простой и справедливый обычай. Пять дворов, составлявших поселок, выбирали старосту. Пять поселков объединялись в пу (деревню). Глава пу избирался по воле населения. Пять деревень объединялись в хён — уезд. Человек, избранный пятью деревнями, становился главой хён. Несколько глав хён избирали удельного князя, а те в свою очередь выдвигали чхонджа («сына Неба») — императора. «Император существовал только потому, что он избран народом». Чон Дасан не только отверг версию о божественном происхождении монарха, но и доказывал право простого человека быть избранным на любой высокий пост, даже императорский, если он достоин этого. Вскрывая пути перерождения демократии древности в деспотическую монархию, Чон Дасан подчеркивал, что последняя в основе своей незаконна и антинародна. Справедливо лишь правительство во главе с ваном, избранным на основе свободного волеизъявления народа.

Чон Дасан утверждал, что массы обладают правом не только избирать, но и свергнуть своего правителя. В каких же случаях насильственная смена правителя оправдана? Если он не выполняет своей основной обязанности — служить народу, если его законы не направлены на защиту простых людей.

Несомненно, такие идеи являлись смелым вызовом феодальной морали, конфуцианским догмам. Демократизм взглядов Чон Дасана в отношении роли правителя и его обязанности служить народу являлся логическим следствием проекта преобразования земельной системы. Ученый мечтал об идеальном государстве, где не было бы угнетения, каждый был бы наделен землей и занял достойное место в обществе.

Чон Дасан считал первейшей обязанностью властей заботу о просвещении масс, настоятельно рекомендовал сделать образование доступным народу. Он критиковал существовавшую программу школьного обучения, сводившуюся исключительно к толкованию конфуцианских книг, и предлагал иной список литературы, обязательной при обучении. В этом списке упоминались памятники национальной культуры, составлявшие ее золотой фонд (в частности, «Самгук саги», «Корё са», «Чынбо мунхон пиго» и др.); они должны были на достоверных материалах знакомить учащихся с историей, экономикой и культурой их родины.

Творчеством Чон Дасана в основном завершился период, когда в передовой общественной мысли Кореи всецело господствовала школа сирхак. Ее наследие определило все дальнейшее развитие корейской прогрессивной идеологии.

КОРЕЯ НАКАНУНЕ ВТОРЖЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА (60—70-е годы XIX в.)

Дальнейшее ухудшение социально-экономического положения страны

Загнивание феодального общества в Корее, проявившееся с начала XIX в., еще более усилилось в 60—70-х годах. Продолжалось сокращение площадей пахотной земли. В 1864—1874 гг. число официально освоенных от налогов залежных и пострадавших от стихийных бедствий полей увеличилось на 14 тыс. кёль и превысило 480 тыс. кёль. Правительство провело некоторое сокращение необлагаемых дворцовых и ведомственных земель. И все же общие размеры необлагаемого фонда в указанное время возросли на 4,7 тыс. кёль.

Понимая, что обнищание крестьянства ведет к полному упадку сельского хозяйства и финансовому банкротству государства, и стремясь «успокоить» крестьян, правительство неоднократно объявляло об отмене недоимок. Чиновникам запрещалось взыскивать налоги за беглецов и умерших с их родственников. Соответствующий указ был опубликован в 1859 г. и затем неоднократно повторялся, так как местные сборщики налогов не выполняли распоряжений центральных властей. В 1861 г. был издан ванский эдикт, запрещавший дополнительные поборы с крестьян, а в 1862 г. ван на время отменил поземельный и военный налоги в уездах, пострадавших от стихийных бедствий.

Земельный и множество других налогов, которые все чаще взымали деньгами, сохранились. Тягчайшим бедствием оставался военный налог. В 1863 г. в хронике вана Чхольчона записаны сведения, поступившие от чиновников провинции Кёнсан: военный налог взимался там 4—5 раз в год с каждого мужчины и более 10 раз с каждого двора.

Задолженность населения по хвангок стала значительно больше прежней. В некоторых уездах (например, Тансон, провинция Кёнсан) каждый крестьянский двор должен был более 100 сок, а в некоторых местностях — даже свыше 1 тыс. сок. Большая часть этой задолженности была фиктивной и явилась результатом откровенных махинаций чиновников. Грабительские действия сборщиков налогов вынудили вана Чхольчона в 1862 г. создать специальное ведомство Иджончхон для искоренения беспорядков при взимании земельного, военного налогов и хвангок. В стране к тому времени, по свидетельству «Чынбо мунхон пиго», накопилось 2 816 916 сок «ложного хвангок», т. е. неверно записанной суммы долга государству. Из них предписывалось аннулировать 1 877 944 сок, а уплату оставшихся 938 972 сок разрешалось растянуть на 10 лет. Вновь указывалось, что долги умерших и ушедших из деревень

не должны вноситься в реестры. Особо подчеркивалась необходимость установить точный процент по зерновой ссуде в соответствии с ценами на зерно, существовавшими в различных провинциях.

В 1864 г. правительство издало указ об отмене числившегося за провинцией Чхунчхон долга в размере 190 тыс. сок зерна, а уездным чиновникам приказало возвратить населению зерно, награбленное по хвангок. В случае неповиновения чиновников надлежало наказать палками в зависимости от количества незаконно собранного зерна, а затем выслать из провинции на три года.

Однако строгие указы фактически оставались на бумаге, и правительство не собиралось карать казнокрадов. Хищения государственных средств повсеместно приняли огромные размеры. В 1862 г., когда поднялась волна крестьянских восстаний, правительство разослало по провинциям своих ревизоров. Один из них донес, что бывший губернатор Чолла за 15 месяцев награбил в общей сложности свыше 500 тыс. ян (при этом ревизор подчеркнул, что удалось установить далеко не все преступления губернатора).

Как и прежде, крестьянство и городская беднота, не выдержав грабежа и притеснений, спасались бегством. В первой половине XIX в. крестьяне в основном уходили в крупные города; теперь же провинциальные центры и даже столица уже не могли обеспечить их заработком. В 1852 г. корейские хроники отмечали, что беднота из Сеула бежала на юг, а в 1858 г. она не находила работы и в южных районах — в Масане, Чханвоне, Чхильпхо и т. д. С 60-х годов XIX в. началась эмиграция немущего населения Кореи в северо-восточные районы Китая и на русский Дальний Восток¹.

Упадок сельского хозяйства, произвольно заниженные цены на товары, бесконечные поборы, феодальная регламентация и контроль властей по-прежнему сковывали развитие ремесел и торговли, которые к тому же в 60—70-х годах XIX в. испытывали усиливавшееся воздействие притока в страну иностранных товаров. Еще в 1852 г. сеульская торговая компания, монополизировавшая продажу хлопчатобумажных тканей, выражала беспокойство в связи с тем, что наступил застой в торговле. Глава этой компании обратился к правительству с просьбой запретить ввоз иностранных тканей.

Дипломатические документы 60-х годов XIX в., изданные конгрессом США, подтверждают, что установление торговых связей с Кореей все серьезнее интересовало американских представителей в Китае. Консул США в Инкоу доносил в государственный департамент, что «американские хлопчатобумажные товары имеют большой спрос на севере Китая, особенно в этом порту (Инкоу.— *Авт.*), большое количество белых хлопчатобумажных тканей и бумазей сбывается в Корею».

Когда в конце 60-х годов XIX в., после провала французской интервенции, корейское феодальное правительство усилило внешнеполитическую изоляцию, это коснулось и внешней торговли. Упомянутый уже консул США с неудовольствием доносил своему правительству, что за последние годы уменьшились доходы американских купцов, так как «от запрета всяких торговых связей с Кореей и в результате действий Франции пострадала торговля... Закрытие Кореи является для нас большим разочарованием».

В середине XIX в. активизировали торговлю с Кореей японские купцы. Они, подобно китайским торговцам, занимались посреднической торговлей, перепродавая корейцам товары английского и американского производства. Оборот этой торговли в 70-х годах постоянно возрастал. В 1873 г. из Кореи в Японию было вывезено товаров на 52 382 мекс. долл., а ввезено — на 59 664; в 1874 г. стоимость вывоза составила

55 335 мексик. долл., а ввоза — 57 522. В 1875 г. в Японию из Кореи вывезли товаров на 59 787 мексик. долл., а ввезли из Японии на 68 930 мексик. долл.

Японцы вывозили главным образом рис, бобы, хлопчатобумажные и шелковые ткани, фарфор, красители.

Итак, еще до «открытия Кореи» начался довольно широкий ввоз иностранных товаров, мешавший развитию отечественных ремесел и торговли. Тем не менее в стране продолжали крепнуть экономические связи. В 1865 г., например, в Сеуле построили торговые ряды для торговавших холстом купцов из провинции Хамгён. Для приезжих торговцев в столице открыли постоянный двор.

Крестьянские восстания в 1862 г. Возникновение тонхак

Во второй половине XIX в. народное движение, несколько заглохшее после разгрома восстания 1811—1812 гг., вновь усилилось. Недовольство правительством и действиями местных чиновников все шире распространялось в корейском обществе, прежде всего среди крестьянства.

В 1862 г. крестьянские восстания произошли более чем в 20 уездах. Самое значительное из них вошло в историю Кореи под названием «Чинджуской грозы». События начались в уезде Чинджу (Кёнсан), где население страдало от хищений местных уездных властей, в особенности от поборов военачальника правой полупровинции Пэк Наксина. Едва вступив в должность, он незаконно собрал 12 700 ян и намеревался взять еще 10 тыс. В Пибёна неоднократно поступали жалобы на то, что он собирает налоги по два раза в год. Но центральные власти бездействовали, и Пэк Наксин стал требовать уплаты налогов даже за умерших. Он рассылал по деревням карательные отряды, которые насильно собирали налоги. В 1861 г. крестьяне Чинджу снова написали вану о своих страданиях, но ответа не получили.

Зимой 1862 г. несколько разорившихся янбанов, проживавших в Чинджу (Лю Гечхун, Ли Мёнюн, Ким Суман), начали подготовку восстания: в местности Токсан тайком формировался повстанческий отряд из крестьян, ремесленников и мелких чиновников. После того как в него вступило 400 человек, повстанцы с белыми повязками на головах двинулись к уездному центру — Чинджу.

Проходя по деревням, они призывали население примкнуть к ним. 18-го числа 2-го месяца восставшие, число которых превысило уже 3 тыс., заняли г. Чинджу, откуда бежали местные власти, а 23-го весь уезд был в их руках. Повсюду крестьяне расправлялись с помещиками и сборщиками налогов. Чтобы скрыться от народного гнева, некоторые из них надевали на голову белые повязки, выдавая себя за повстанцев. Восставшие изгнали Пэк Наксина и правителя уезда Хон Бёнвона.

Вскоре повстанцы мирно разошлись по домам. Несмотря на это, прибывшие в уезд войска жестоко расправились с участниками восстания. Более ста человек бросили в тюрьму и подвергли мучительным наказаниям, а десять наиболее видных вожаков приговорили к смертной казни. Вместе с тем правительству пришлось пойти на уступки и, чтобы успокоить население, убрать из провинции Пэк Наксина и Хон Бёнвона.

Вслед за тем крестьянские волнения охватили и другие уезды провинции Кёнсан — Тансон, Хаман, Кочхан, Санджу, Сонсан, Ульсан. Особенно серьезное выступление произошло в начале 4-го месяца в уезде Кэрсён. Возглавивший его Ким Гюджин призвал население подняться против непомерного налогообложения. Власти тайком, ночью, аресто-

вали Ким Гюджина и его соратников. Узнав об этом, жители окружили тюрьму и силой освободили своего руководителя, разгромили дома богатеев и правительственные учреждения, сожгли налоговые и земельные документы. В 3-м месяце значительные волнения охватили провинцию Чолла. В уезде Иксан более 3 тыс. почти безоружных крестьян заняли уездное управление. Они уничтожили налоговые документы и государственную печать, а правителя уезда изгнали. Через три дня восстание перекинулось на уезд Хампхён. Крестьяне и городская беднота, вооружившись бамбуковыми копьями, создавали отряды и шли, неся впереди знамя. И здесь был изгнан правитель уезда.

На подавление крестьянских выступлений правительство двинуло войска. Одновременно оно направило для расследования причин восстания анхэкса Пак Кюсу. Не одобряя действий повстанцев, Пак Кюсу тем не менее им сочувствовал; он докладывал правительству, что волнения произошли из-за беспорядков в администрации и действий чиновников, ведавших сборами военного и земельного налогов и хвангок: «Если бы среди чиновников были добродетельные люди, то восстание не вспыхнуло бы... Чиновники должны признать свою вину и завоевать сочувствие народа».

Весной и летом 1862 г. антифеодальные выступления происходили также в провинциях Кёнги (Кванджу), Чхунчхон (Хведок, Конджу, Ёнджин, Ёнсан, Чхонджу, Муный), Чолла (Пуан, Кымчхон, Чанхын, Сунчхон). В Хамхыне (Хамгён) недовольные жители напали на военное управление, избили военачальника, захватили тюрьму и освободили заключённых. Восставшие жгли помещичьи усадьбы и раздавали запасы из амбаров крестьянам-беднякам. На о-ве Чеджудо восстали десятки тысяч крестьян, требуя снижения налогов. Правительство посылало войска, издавало указы, в которых призывало народ образумиться и прекратить беспорядки, грозило строгими карами, но было бессильно приостановить антифеодальную борьбу народа. Волна восстаний, прокатившаяся в 1862 г. почти по всей стране, самая крупная после 1811—1812 гг., свидетельствовала о дальнейшем усилении внутренних противоречий и нарастании кризиса феодального общества.

В середине XIX в. растущее недовольство широких слоев населения приняло также религиозную форму. Именно с этого времени началось распространение тонхак (восточного учения). Создателем его считался Чхве Джеу — разорившийся янбап из провинции Кёнсан. Новое учение было оппозиционно господствовавшей в Корее конфуцианской идеологии, а также католицизму. «Восточным» это учение было названо его создателем в противовес «западному» учению, как именовалось в Корее католичество.

Тонхак было эклектической религией, соединившей в себе ряд положений конфуцианства, буддизма и даосизма. Из конфуцианства оно взяло учение «о пяти житейских отношениях»², из буддизма — «об очищении сердца», из даосизма — проповедь «об очищении тела от нравственной и физической нечистоты». Из христианства была заимствована идея монотеизма и название божества — «владыка Неба». Идеи христианства о равенстве всех перед всевышним, утверждение, что «человек — это бог», отвечали сокровенным чаяниям трудового народа, мечтавшего о равенстве и выражавшего свои идеалы в эгалитарных представлениях средневековых ересей.

Подобные идеи о равенстве противоречили традиционным конфуцианским догмам о незыблемости деления людей на высших и низших, о предопределённости свыше разделения на «благородные» и «неблагородные» сословия и уделе последних вечно быть угнетёнными. Вероятно,

некоторое влияние на формирование тонхак оказали идеи об уравнительном распределении земли и уничтожении классов, выдвинутые тайпинами, движение которых именно в это время развертывалось в Китае.

Среди сторонников тонхак были представители самых различных сословий — от янбанов и тхохо до крестьян-бедняков. Первыми проповедниками стали янбаны из оппозиционных семейств в северных и южных провинциях. Их привлекало критическое отношение нового учения к правящей династии и к тем конфуцианским догмам, которые узаконивали установленные государственные порядки. Идеи равенства янбаны и тхохо понимали как равное с господствующей группировкой право занимать правительственные посты. Иначе понимали равенство, проповедуемое тонхак, крестьяне. Они воспринимали его как призыв к уравнению всех людей, их имущества и политических прав.

В организациях тонхак царили суровые аскетические отношения, характерные для средневековых тайных обществ. Прием новых членов сопровождался рядом испытаний и посвящений. С каждым годом новое учение становилось все более популярным среди различных слоев общества, особенно среди крестьян.

Попытки укрепления феодального централизованного государства (правление тэвонгуна)

В 60-х годах XIX в. была сделана новая попытка укрепить централизованное государство, продиктованная как внутренним, так и международным положением Кореи (крестьянские антифеодальные восстания, непрекращавшиеся распри янбанских клик, экономическая и военная слабость страны перед угрозой колониального закабаления капиталистическими державами).

Политику возрождения в Корее сильной центральной власти проводил Ли Хаын — отец малолетнего вапа Коджона, вступившего на престол в 1864 г. Ли Хаын принял звание тэвонгун (соответствующее европейскому «принц-регент»), ставшее его нарицательным именем.

С первых же дней своего правления тэвонгун, опасаясь как иностранных вторжений, так и иноземных влияний, подрывавших государственную идеологию — конфуцианство, решительно выступил за усиление внешнеполитической изоляции Кореи. Прежде всего он приступил к укреплению обороны государства. С этой целью преобразовали систему управления войсками. Пибёнса, давно переставшее заниматься делами, он заменил тремя войсковыми управлениями. В Японии закупили небольшие партии ружей и пушек, на о-ве Канхвадо и в Инчхоне соорудили форты, на пограничной территории (в районах Мусана и Хучхана) создавали новые военные поселения. Ремонтировались крепостные стены Сеула, а в Тоннэ, близ Пусана, строились новые укрепления. Из Маньчжурии доставили кавалерийских лошадей. В 1867 г. войска в северных районах снабдили новым оружием. Тэвонгун пытался навести порядок в армии, в частности заставлял офицеров заниматься военным делом, запрещая им пользоваться паланкинами, требуя, чтобы они ездили только верхом.

Главным противником тэвонгуна в борьбе за власть стал род андонских Кимов, более 60 лет управлявший страной. Новый правитель решительно сместил их со всех правительственных постов. Тэвонгун старался подавить сепаратистские действия крупных феодалов и продолжил начатое еще в XVIII в. преследование главных оплотов сепаратизма — «храмов славы». К 1871 г. из 600 совонов он оставил всего 47. Многие

янбаны и конфуцианские деятели протестовали против закрытия совонов.

В 1864 г. тэвонгун издал указ, предусматривавший, что провинциальные учреждения подчиняются только распоряжениям центральных ведомств. Тем самым он попытался пресечь вмешательство в административные дела местных «влиятельных семей».

Будучи хитрым и ловким политиком, тэвонгун хотел изобразить себя бескорыстным слугой всех слоев корейского общества. Он объявил сословия равными, пользующимися одинаковыми правами. Борясь против засилья знатных и влиятельных родов, тэвонгун выдвигал на их место янбанов из северных и южных провинций, которые ранее не допускались к управлению государством. Он стремился привлечь на свою сторону и тхохо, объявив о предоставлении им прав, равных с правами янбанов. Заигрывая с крестьянами и ремесленниками, новый правитель обещал признать их право на привилегии (в уплате налогов и в военной службе), которыми обладало высшее сословие. На деле ничего не изменилось: крестьяне и ремесленники по-прежнему несли всю тяжесть государственных повинностей и палогов.

Политика тэвонгуна объяснялась прежде всего страхом перед антифеодальным движением, в котором принимали участие представители самых различных сословий. Политическая демагогия не могла скрыть антинародной, эксплуататорской сущности режима тэвонгуна. При нем еще более выросли поборы с населения и трудовая повинность. Стремясь возвысить ванскую власть как символ могущественного централизованного государства, тэвонгун приказал восстановить разрушенный во время Имджинской войны дворец Кёнбоккун — резиденцию правящего дома. Три года, начиная с 1865-го, на строительство сгоняли десятки тысяч людей, со всех концов страны везли строительные материалы.

Под видом «добровольных пожертвований» на восстановление дворца ввели дополнительные поборы. В 1865 г. вырос размер военного налога, была введена кельтуджон — надбавка к налогу с земли (с каждого кель сто ян денег); в 1867 г. установили пошлину за вход в столицу, а в 1871 г. военный налог холстом заменили подворным палогом (хопходжон) — 2 ян с каждого двора. Новый налог оказался тяжелее прежнего.

Тяжелым ударом по неимущим слоям явилась проведенная тэвонгуном денежная реформа. В конце 1866 г. он объявил о замене находившихся в обращении старых медных монет (чон) новыми (танбэкчон). Новые монеты были всего в 4—5 раз дороже старых, но обменивали их по принудительному курсу (1:100). Кроме того, правительство закупило большую партию китайских монет, стоимость которых была вдвое меньше отмененных корейских денег. Тем не менее и их в принудительном порядке меняли как равноценные корейским монетам. Население отказывалось принимать обесцененные деньги, в ряде мест вспыхнули волнения. Денежная реформа тэвонгуна породила финансовый хаос, вздорожание цен, рост спекуляции. Тэвонгун призвал население всемерно сократить расходы, издал указы, запрещавшие пользоваться серебряной посудой (1865 г.) и носить шелковую одежду (1867 г.). Эти указы в условиях, когда основная масса населения влачила нищенское существование, воспринимались как издевательство.

Ухудшение экономического положения вызывало недовольство народных масс, способствовало росту влияния тонхак. Тэвонгун довольно скоро понял, какую опасность представляет новая религия. В 1864 г. Чхве Джеу был казнен в Тэгу (Кёнсан). Тонхак объявили антигосударственной религией, а ее последователям угрожали карой как государст-

венным преступникам. Но репрессивные меры не приостановили распространение тонхак.

В период правления тэвонгуна вновь усилилось антифеодальное движение. Многие его участники примыкали к тонхак и требовали, чтобы было снято обвинение с Чхе Джеу, который был казнен якобы за распространение католицизма. В 1864 г. восстали крестьяне уезда Пхунчхон (Хванхэ) и ряда уездов в Кёнги и Чхунчхон. В 1868 г. в уезде Онсон (Хамгён) действовал отряд повстанцев в 500 человек, а в Чхорвоне (Канвон) их число достигло нескольких тысяч. В 1869 г. произошло восстание в уезде Кванъян (Чолла), где крестьяне изгнали местное начальство и поделили казенное зерно. Серьезные волнения произошли в уезде Косон (Кёнсан).

Наиболее опасными для правительства оказались в 1870 г. действия повстанцев в Чолла и Чхунчхон, которыми руководил глава местной организации тонхак Ли Пхильдже. Его отряд захватил г. Мунгён, казнил градоначальника и овладел складами продовольствия, которое тут же роздал бедноте. В 1871 г. начались восстания в Ёнхэ (Канвон) и в Чорёне (Кёнсан), где повстанцами командовал все тот же Ли Пхильдже. Его отряд перешел в Чинджу и соединился с восставшим там населением. Направленные туда правительственные войска жестоко расправились с повстанцами. Среди погибших оказался и их мужественный вожак Ли Пхильдже.

Рост пародного движения свидетельствовал, что старания тэвонгуна социальной демагогией отвлечь трудовой люд от борьбы с помещиками и сборщиками налогов не увенчались успехом.

Борьба корейского народа против попыток капиталистических держав вторгнуться в Корею

К 60—70-м годам XIX в. домонополистический капитализм Европы и США достиг своего расцвета. В эти годы Англия, Франция и США осуществили крупные колониальные захваты в Азии и Африке. Они вели также острую борьбу за захват территорий на Дальнем Востоке, чтобы превратить их в плацдарм для дальнейшей экономической, политической и военной экспансии.

По-разному сложилось положение в двух ближайших соседних государствах — Китае и Японии, — что оказало большое влияние на последующую судьбу Кореи.

Китай с середины XIX в. был охвачен пламенем крестьянской антифеодальной войны тайпинов (1850—1864). Английские и французские капиталисты навязали китайскому народу две опустошительные «опиумные» войны. Система кабальных, неравноправных договоров постепенно превращала Китай в полуколонию.

В Японии к середине XIX в., еще до вторжения иностранного капитала, уже сложились внутренние социально-экономические предпосылки буржуазной революции. В 1868 г., после буржуазной революции, у власти оказались буржуазно-помещичьи круги, принявшие агрессивный курс в отношении Кореи.

С начала 60-х годов усилилось проникновение в Корею капиталистических держав Европы и США. Особый интерес к ней по-прежнему проявляли Англия и Франция, но в эти годы все более активную роль играли США. Они рассчитывали использовать Корею как плацдарм для экспансии в Китае.

В 60-х годах установились первые непосредственные контакты Ко-

реи с Россией, которая тогда осваивала территорию своего Дальнего Востока, в том числе Приморье³. Русские власти благосклонно относились к корейским переселенцам и к открывшейся на границе меновой торговле. Однако правительство России не считало возможным вступать в официальные дипломатические отношения с Кореей, опасаясь осложнений с Китаем и недовольства западноевропейских государств.

Азиатский департамент министерства иностранных дел рекомендовал генерал-губернатору Восточной Сибири наладить с Кореей лишь «скромные пограничные торговые сношения». В Кёнхын направили русского офицера, чтобы вести переговоры с местными властями. В 1868 г. к Вонсану подошло русское судно, командование которого попыталось договориться о торговле между Россией и Кореей, но получило отказ. Корабль ушел. Действия его капитана не были одобрены в Петербурге.

В сложной международной обстановке, складывавшейся на Дальнем Востоке, корейское правительство пыталось усилить изоляцию, одновременно принимая некоторые меры к укреплению обороны страны.

Еще в 1862 г., в разгар тайпинского восстания и интервенции, когда Пекин захватили иностранные войска, императорский двор бежал в провинцию Жэхэ; в Корее ожидали, что он станет искать убежища на ее земле. В указе вана Чхольчона по этому поводу говорилось: «Вероятно, банды, которые орудут на корейско-китайской границе (имеются в виду тайпины.— *Авт.*), попытаются войти в Корею. Но особую опасность в создавшейся тяжелой обстановке представляет возможное нашествие иностранцев. Тогда будут разрушены корейские города, падет мораль. Поэтому надо спешно реорганизовать корейскую армию и создать форты в Тоннэ, Намяне, Пурёне и на Канхвадо».

Конфуцианские идеологи, поддерживая программу более строгой изоляции, выдвинули лозунг «Защитим истину, изгоним ересь!» («Виджон чхокса»). Под «истиной» подразумевалось конфуцианство, под «ересью» — все, что было связано с «заморскими» странами. Лозунг «Виджон чхокса» стал названием идейного течения в общественной мысли Кореи, ставившего целью консервацию феодальных порядков и протестовавшего против каких-либо внешних влияний. Проводя эту линию, тэвонгун и его окружение усилили преследования католиков. В 1866 г. были казнены девять французских миссионеров, которые, несмотря на запрет властей, продолжали свои проповеди, и убиты 10 тыс. корейцев-католиков.

Летом 1866 г. из Тяньцзиня в Корею направилось судно «Генерал Шерман», принадлежавшее американцу Престону. Командование официально заявило, что цель экспедиции — заключение торгового договора с Кореей. Американцев привлекали также распространявшиеся в Китае слухи, будто в районе Пхеньяна имеются гробницы древних когурёских ванов, сделанные из чистого золота. 17 августа «Генерал Шерман» появился у берегов Кореи и двинулся к устью Тэдонгана. Командование корабля распространяло слухи, что одновременно с «Генералом Шерманом» в южные провинции Кореи прибыла целая вооруженная эскадра.

21 августа корабль вошел в пределы уезда Пхеньян. Местные власти снабдили команду продовольствием и категорически потребовали, чтобы корабль покинул корейские воды. В ответ американцы арестовали посетившего корабль начальника уезда и сопровождавших его лиц, потребовав за их освобождение 100 мешков риса, золото, серебро и заложников-корейцев. Корейские власти пытались мирно договориться с американцами, но уговоры не действовали. Командование судна заявило, что намеревается «силой принудить корейцев торговать».

Несмотря на протесты, американская команда вела разведывательные работы, продолжала держать под арестом начальника уезда Пхеньян и его свиту, обстреливала мирных жителей. Тогда губернатор Пак Кюсу приказал начать военные действия против интервентов. По его распоряжению 2 сентября собранные на Тэдонгане корейские лодки были подожжены и пущены вниз по реке. Окруженный горящими лодками «Генерал Шерман» загорелся и затонул, команда погибла в реке.

Посланник США в Китае Ф. Лоу в письме к государственному секретарю США Г. Фишу признавал, что команда «Генерала Шермана» вела себя в Корее нагло. Американский историк Е. М. Кэбл в исследовании, посвященном истории американо-корейских отношений, пришел к выводу, что было бы ошибкой обвинять корейские власти в гибели корабля, так как его команда вела себя агрессивно.

В августе 1866 г. в корейские воды прибыло и английское судно — также с целью заключить торговый договор. Его появление было связано с возросшим в Англии интересом к дальневосточным рынкам. В английских газетах того времени описывались богатства Кореи и строились предположения, какие английские товары найдут там сбыт; планировалось создание торговых пунктов в открытых портах на западном побережье Кореи и основание колонии в ее южной части. Капитан этого корабля С. В. Джеймс в своих воспоминаниях писал, что местное население миролюбиво встретило моряков, снабдило их продовольствием, разрешило всем сойти на берег и охотиться. Только когда корабль подошел к о-ву Канхвадо, губернатор попросил капитана покинуть Корею, так как нарушались законы страны. Несмотря на шантаж и запугивания, корейцы отказались вступить в переговоры с англичанами, и кораблю пришлось уйти. Перед отплытием капитан Джеймс получил письмо от корейских янбанов-католиков, сообщавшее о казни французских миссионеров. Прибыв в Пекин, Джеймс передал его французскому посланнику в Китае.

Это известие было использовано правительством Наполеона III как предлог для вторжения в Корею. Еще в 1862 г., в период пребывания японского посольства в Париже, французское правительство просило его содействия в установлении торговых отношений с Кореей. Отправка карательной экспедиции в Корею задержалась из-за французского вторжения в Кохинхину. Готовя экспедицию в Корею, французский посланник в Китае Беллонет обратился к китайскому правительству с нотой, в которой сообщал, что французы пошлют эскадру на завоевание Кореи и отомстят за смерть миссионеров. «День этот, — писал он, — будет днем гибели Кореи»⁴. Китайское правительство ничего не предприняло, чтобы предотвратить нападение колонизаторов на Корею.

11 октября 1866 г. французская эскадра под командованием адмирала Роза в составе 7 кораблей с 600 солдатами на борту отплыла из китайского порта Яньтай (Чжифу). Узнав об этом, корейское правительство стало готовиться к обороне: была объявлена всеобщая мобилизация, проверены береговые укрепления, в устье р. Ханган затоплены лодки, груженные камнями. Тэвонгун обратился к Японии с просьбой о военной помощи, но ответа не получил.

Между тем французская эскадра подошла к устью Хангана и блокировала его, а затем двинулась к о-ву Канхвадо. Высадившийся здесь десант обследовал подступы к главному городу острова — Канхва, обнесенному крепостными стенами, и захватил форт. 16 октября начался штурм. Французам, вооруженным новейшей военной техникой, удалось захватить Канхва — летнюю резиденцию корейских ванов. Интервенты вывезли оттуда национальные архивы и библиотеку в 3 тыс. книг (среди

которых были уникальные памятники), а также произведения корейского искусства и 13 ящиков серебряных слитков стоимостью 200 тыс. франков. Разграбив Канхва, французы высадили десант на полуостров. Они овладели одной из деревень близ г. Тхонджин и намеревались идти на Сеул.

Корейское правительство лихорадочно готовилось к обороне столицы, которая была поручена военачальнику Ли Гёнха. В Сеуле и других городах проводилось обучение повобранцев, в ряде мест возникли отряды «Ыйбён». Из северных провинций в столицу прибыли охотники на тигров, славившиеся как меткие стрелки.

Захватив еще одну крепость на Канхвадо — Сондольмок, французы тремя колоннами двинулись к г. Пхильджок. Но корейские войска под командованием Ян Хонсу с помощью населения разбили неприятельские войска на Канхвадо. В районе Тхонджина местный гарнизон, возглавляемый Хан Сонгыном, также разгромил французов. Интервенты в панике бежали на корабли. Адмирал Роз прислал подкрепление на Канхвадо, но оно было рассеяно корейцами. После провала этой экспедиции французское правительство надолго отказалось от попыток проникнуть в Корею.

Захватнические действия французского правительства с самого начала встретили поддержку США. Посланник США в Китае Вильямс в письме к государственному секретарю США В. Сьюарду от 16 ноября 1866 г. выражал надежду, что в результате французской экспедиции будет «открыта» последняя из стран, не допускающая европейцев, и установится «преобладающее влияние христианских наций во всем мире». После поражения французов государственный департамент США предлагал Наполеону III предпринять совместную франко-американскую экспедицию в Корею. Но свежие воспоминания о позорном бегстве эскадры Роз заставили Францию отклонить это предложение. Тогда Соединенные Штаты решили собственными силами добиваться установления договорных отношений с Кореей.

В 1867 г. при непосредственном участии американского консула в Шанхае Д. Стюарда был разработан план новой экспедиции в Корею. На средства Ф. Дженкинса, бывшего переводчика консульства США в Шанхае, занимавшегося торговлей, были снаряжены два судна — «Чайна» и «Грета» и наняты 128 матросов — американцев, китайцев и малайцев. Кроме Дженкинса командование экспедицией было возложено на француза-миссионера Ферона и немца Э. Опперта, авантюриста, человека без определенных занятий.

1 апреля 1868 г. корабли отплыли из Шанхая. Они везли заранее заготовленный текст американско-корейского торгового договора (21 пункт), напоминавшего неравноправные соглашения, навязанные перед этим Японии и Китаю. В проекте содержались статьи, требовавшие открытия для торговли крупных портов на западном и южном побережье Кореи, права консульской юрисдикции, беспрошленной торговли, вывоза драгоценных металлов, свободы пропаганды христианства, а также компенсации за уничтожение «Генерала Шермана».

В начале мая американские корабли вошли в залив Асан (Чхунчхон). В районе Куманпхо высадился десант, двинувшийся на поиски гробницы Намёнгуна (отца тэвонгуна), о богатстве которой давно ходили слухи, не дававшие покоя любителям наживы. Найдя ее, они принялись взламывать стены. Местное население дало отпор грабителям, и им пришлось спастись бегством. 13 мая «Чайна» и «Грета» прибыли к о-ву Енджондо, высадили новый десант и направили вану послание с предложением открыть порты для иностранной торговли. Но корейское правительство на него не ответило. В ожидании известий из Сеула матросы

начали мародерствовать. Однако местные жители положили этому конец и изгнали интервентов.

Активные попытки американцев завязать Корею торговый договор с неодобрением были встречены их соперниками по колониальной политике на Дальнем Востоке. Английский представитель в Пекине заявил посланнику США, что подобные авантюры ложатся пятном на всех «европейцев», а испанский консул потребовал суда над Ф. Дженкинсом⁵. Но позорный провал американской авантюры не остановил агрессии США в Корею.

Весной 1871 г. под непосредственным руководством государственного департамента началась подготовка новой крупной военной экспедиции в Корею. Командующий американской эскадрой в Азии Д. Роджерс и американский посланник в Китае Ф. Лоу лично возглавили ее организацию. 26 мая пять военных кораблей в сопровождении большого числа паровых судов, имея на борту 1230 солдат и 85 пушек, вышли из Нагасаки, держа курс на о. Канхвадо. Первые разведывательные суда американцев появились в заливе Асан.

Корейское правительство, узнав о прибытии американских кораблей, предложило им удалиться. Но американское командование не собиралось покинуть корейские территориальные воды. В инструкции, направленной капитанам судов, адмирал Д. Роджерс писал, что цель экспедиции — взять и разрушить корейские форты, дабы продемонстрировать умение американцев наказывать за неповиновение. Корейское правительство вновь стало готовиться к обороне. Войска на западном побережье возглавило новое командование, там проводили смотр воинских частей. На о. Канхвадо прибыли 3 тыс. солдат. Пограничные войска получили дополнительное оружие и продовольствие.

2 июня два американских судна начали обследование побережья Канхвадо. Неоднократные требования местных властей покинуть корейские воды остались без ответа. Тогда был открыт огонь по чужеземным судам. Однако американские корабли продолжали двигаться по Хангану, угрожая нападением на прибрежные форты.

10 июня американцы высадили десант на Канхвадо, разграбили форт Чоджиджин, сожгли дома, склады, лавки. В одной из корейских хроник сообщалось, что американцы «уничтожили все: что казалось им ненужным — бросали в море, ценности уносили на корабли».

Высадив десант в 650 человек, американцы начали штурм крепости Квансонджин; когда они вошли в нее, то застали безлюдные улицы: все население ушло. В боях за Квансонджин героизм защитников поразил Ф. Лоу, который донес в государственный департамент: «Корейцы сражались с исключительным, ни с чем не сравнимым мужеством. Почти все солдаты в фортах были убиты на посту». Американский генерал В. С. Шлей в книге «40 лет под американским флагом» писал: «Американцев ожидал ужасный прием, так как внутри [крепости] каждый готов был умереть на своем посту и заражал своей решимостью остальных... Корейцы бросали в американских солдат камни, встречали их огнем и мечом... Раненые кидались в реку, не желая попасть в плен».

Бесстрашие корейских патриотов испугало американцев; командование эскадры отдало приказ покинуть остров. Три недели оно безуспешно пыталось склонить корейское правительство к переговорам.

«Демонстрация (военного флота США.— *Авт.*), которая произвела бы глубокое впечатление на любое другое правительство, мало или совсем не повлияла на правительство корейское», — доносил Ф. Лоу в государственный департамент 20 июня 1871 г. перед отплытием эскадры из Кореи. Он подчеркивал, что действия американцев на Канхвадо по

жестокости превосходили англо-французские операции в Китае в 1858 г.

Так провалились авантюристические планы США в отношении Кореи. Известный современный исследователь внешней политики США Т. Деннет в книге «Американцы в Восточной Азии» был вынужден признать, что экспедиция 1871 г. «значительно подорвала престиж иностранных держав в Азии».

Событиями 1871 г. закончился второй этап колониальной агрессии капиталистических государств против Кореи, охватывавший 1866—1871 гг. Если на первом этапе — с начала 30-х годов — использовались сравнительно мирные методы (прибытие отдельных кораблей, попытки навязать торговые договоры, деятельность миссионеров), то уже на втором этапе колонизаторы перешли к вооруженному вторжению, стремясь насильственно навязать Корее неравноправные договоры.

В 1866—1871 гг. корейский народ впервые выступил с оружием в руках против интервенции капиталистических держав. С этого времени антифеодальная борьба переплетается с освободительным движением, которое усиливается с ростом агрессии капиталистических держав.

Освободительная борьба способствовала сплочению народа, его национальной консолидации, она будила в нем патриотические чувства, приобщала массы к политической жизни страны.

Возникновение кэхва ундон

Новым в общественной жизни Кореи 60—70-х годов было зарождение кэхва ундон (движение за реформы), явившегося развитием в новых исторических условиях идеологии сирхак.

Корейская феодальная интеллигенция все отчетливее осознавала необходимость социально-экономических и культурных преобразований и понимала, что страна нуждается в радикальных переменах. Еще более убеждало ее в этом положение Китая, пережившего захватнические «опиумные» войны, а также Японии, правительство которой в 1853 г. было вынуждено открыть страну для внешней торговли; в 1868 г. в Японии произошла буржуазная революция.

Зачинатели движения за реформы находились под воздействием крупнейших теоретиков сирхак, главным образом Пак Чивона и Чон Дасана. Им особенно были близки взгляды сирхакистов на практические науки, понимание значения техники, установления культурных и торговых связей с другими государствами, требование заимствовать все важные научно-технические достижения. Столь же злободневной, как и в прошлые века, оставалась борьба против лустословия и безделья ученых-конфуцианцев.

Во второй половине XIX в. конфуцианцы, руководившие движением «Виджон чхокса», ожесточенно нападали на любые идеи, которые шли вразрез с официальной идеологией. Возглавлял в те годы корейскую феодальную реакцию признанный лидер конфуцианства Ки Джонджин (1798—1876). Он и его сторонники выступали против любых нововведений; даже реформы тэвонгуна вызывали их негодование. Тех, кто разделял идеи сирхак, а затем участвовал в движении за реформы, они считали врагами государства.

Зачинателями движения за реформы были выходцы из среднего сословия — О Гёнсок и Лю Дэчхи.

О Гёнсок (Ёпмэ, 1831—1879) происходил из семьи переводчика. В юности он зачитывался произведениями сирхакистов. В зрелые годы О Гёнсок неоднократно бывал в Китае в составе дипломатических мис-

сий. Эти поездки, особенно знакомство с достижениями европейской цивилизации, произвели на него неизгладимое впечатление. Впоследствии его сын, также участник реформаторского движения, писал: «По мере того как знания отца росли, он яснее понимал тяжелое положение своей родины, ее отставание от других стран мира; он предвидел неизбежность трагического будущего отечества и глубоко скорбел об этом».

Возвратясь на родину, О Гёнсок встречался со своим другом и единомышленником Лю Дэчи (Ыхонгю, род. в 1830 г.), также выходящем из семьи переводчика. Как человек из среднего сословия, Лю Дэчи не был допущен к сдаче государственных экзаменов и стал монахом. Подобно О Гёнсоку, он был страстным последователем сирхакистов.

Среди основоположников реформаторского движения был также неоднократно упоминавшийся Пак Кюсу (Хванджэ, 1807—1876). Он вырос в семье небогатого янбана, где глубоко чтити учение сирхакистов. Один из них, Пак Чивон, приходился дедом Пак Кюсу. В детстве Пак Кюсу получил обычное конфуцианское образование; кроме того, он читал книги из библиотеки деда, которая хранилась в родительском доме.

Поступив на службу, Пак Кюсу продвинулся по служебной лестнице довольно высоко. Его послали расследовать причины восстания в Чинджу в 1862 г., а впоследствии он стал губернатором провинции Пхёнан. Именно Пак Кюсу руководил потоплением корабля «Генерал Шерман», а затем приказал поднять части машин и вооружения, чтобы изучить их. Бывая в Китае, он покупал книги, знакомившие его с другими странами мира.

Книги, которые привозили в Корею О Гёнсок и Пак Кюсу, вводили образованных людей в совершенно новый мир. Особой популярностью пользовались сочинения китайских просветителей второй половины XIX в. Вэй Юаня и Гун Цзы-чжэня, выступавших за социально-экономические преобразования и просвещение народных масс, за установление широких связей с другими государствами. Идеалом Вэй Юаня была капиталистическая Англия.

Зачинатели кэхва ундон создали программу преобразований, реализация которой, по их мнению, обеспечила бы Корее достойное место среди развитых государств.

Особое внимание они уделяли корейской экономике. Для ее подъема, по мнению реформаторов, нужна была прежде всего разработка недр. О Гёнсок, например, считал, что новые методы и правильная организация добычи железной руды и каменного угля сделают страну богатой. Реформаторы мечтали о введении машин в сельском хозяйстве и в промышленности; страна должна пережить полное обновление, которое может наступить только с применением машин. Необходимо также расширение внешних контактов, установление договорных отношений с иностранными государствами. Реформаторы были противниками рабского преклонения перед Китаем; потерпев поражение в «опиумных» войнах, он утратил свой престиж в глазах корейской интеллигенции.

Серьезное внимание они уделяли укреплению обороны государства, что диктовалось растущей угрозой иностранного вторжения.

В «Хванджэ джип» («Сборник сочинений Хванджэ») сохранилось донесение Пак Кюсу, которое он направил тэвонгуну после рейда «Генерала Шермана». Пак Кюсу предлагал активнее укреплять старые и строить новые форты, изготовлять современное оружие. Он призывал правителя извлечь выгоды из географического положения Кореи (не забывая при этом, что страна невелика и не готова к обороне).

Программа реформаторского движения содержала в себе элементы зарождавшегося буржуазного национализма, который в условиях уси-

ливавшейся колониальной экспансии был направлен на сохранение Кореи независимости и превращение ее в экономически прочное государство. Идеалом участников этого движения была Англия — буржуазная страна с монархией и парламентом. Все больше их внимание привлекала и Япония, переживавшая экономический расцвет после революции 1868 г.

С начала 70-х годов центром реформаторского движения стал дом Пак Кюсу в Сеуле. Здесь собиралась молодежь из янбанских и разночинных семей; в ее среде наиболее заметен был Ким Оккюн, в дальнейшем возглавивший реформаторское движение.

Ким Оккюн родился в 1851 г. в уезде Кванджу (Чхунчхон) в семье Ким Бёнэ, принадлежавшего к роду андопских Кимов, которые в период господства тэвонгуна пребывали в опале. Отец Ким Оккюна не был допущен к сдаче государственных экзаменов и служил учителем в деревенской школе до 1861 г., когда его назначили правителем уезда в провинции Канвон. Там семья прожила до 1866 г. В эти годы юноша начал изучать труды сирхакистов, особенно Пак Чивона и Чон Дасана. После того как отец Ким Оккюна оставил свой пост, семья переехала в Сеул. Сдав государственные экзамены, Ким Оккюн поступил на службу и начал быстро продвигаться по чиновничьей лестнице. В столице он познакомился с О Гёнсоком и Лю Дэчхи, стал их единомышленником.

В доме Пак Кюсу бывали также Ким Хонджип, Пак Ёнхё, Пак Ёнгё, Хон Ёнхик, Со Гванбом и другие выходцы из родовитых семей, буддийский монах Ли Донъин. Сторонники борьбы за реформы стремились установить связи с богатыми торговцами и другими представителями среднего сословия, которым была близка их программа.

Участники кэхва ундон, следуя заветам идеологов сирхак, восприняли их программу, дополнив и развив ее в соответствии с изменившейся обстановкой. Социальный состав нового движения был шире, чем у сирхак. Среди его участников оказались не только передовые янбаны, но и молодежь из среднего сословия; позднее к ним примкнула верхушка торгово-ремесленных слоев.

Реформаторы жаждали практических дел и готовились к активной борьбе за свои идеалы, рассчитывая осуществить намеченную программу путем захвата политической власти. Если сирхак было чисто идеологическим течением, то кэхва ундон со временем превратилось в политическое движение.

Культура Кореи в XIX в.

Обострение социальных конфликтов и наступление феодальной реакции тормозили развитие корейской культуры. Однако наличие в обществе достаточно сильных прогрессивных движений (сирхак, кэхва ундон) позволило деятелям науки, литературы и искусства не только сохранить достижения прошлого, но и внести весомый вклад в сокровищницу национальной культуры. В немалой мере этому способствовало продолжавшееся вопреки политике изоляции знакомство корейцев с передовой европейской культурой.

Крупнейшим корейским ученым XIX в. был Чон Дасан, во многом определивший развитие в стране прогрессивной мысли и обладавший широчайшими познаниями в различных областях науки. Чон Дасан разработал ряд проектов мостов и каналов, внес усовершенствования в производство огнестрельного оружия и строительную технику, первым в Корею начал практиковать прививку оспы.

Видными учеными были братья Нам Бёнчхоль (Кюджэ, 1817—1863) и Нам Бёнгиль (Югильджэ, 1820—1869), занимавшиеся астрономией,

математикой, вопросами техники. Нам Бёнчхоль написал «Чхубо сокхэ» («Дополнение к истолкованию движения небесных тел») в четырех томах, двухтомник «Вйги чыпсоль» («Сводное учение об астрономических инструментах»), а Нам Бёнгиль — книги «Сихон киё» («Заметки о календаре») и «Чхубо чхомне» («Руководство к предсказанию движения небесных тел»). Они создали первый в Корее глобус, а также новую модель часов и некоторые другие механизмы.

Сельское хозяйство Кореи в XIX в. переживало упадок, и это сказывалось на агрономической науке. Однако часть ученых продолжала изучать и стремилась распространять известные в то время передовые методы ведения сельского хозяйства. Среди них выделялся Со Югу (Пхунсок, 1764—1845), последователь Пак Седана, создавший многотомный труд «Имвон кёнджеджи» («Описание лесного и садового хозяйства»). Он внедрял в южных провинциях Кореи некоторые новые культуры, правильную агротехнику.

Крупнейшими медиками в XIX в. были Хван Джиён (Хеам, 1808—1884) и его сын Хван Бису. Они опирались на «Тоный погам» («Сокровищница восточной медицины»), но искали и новые методы лечения. Хван Джиён проводил многочисленные опыты, изучал практику лучших китайских и корейских врачей; результатом изысканий явилось «Вйбан хвальтху» («Руководство по врачеванию»). Сын ученого — Хван Бису написал несколько книг, содержащих советы по врачеванию, рекомендации о применении лекарств, о вредных и полезных травах. Позднее он объединил эти руководства с трудами своего отца и издал «Панъяк халпхён» («Книга о составлении рецептов»), не утратившую значения до настоящего времени.

Интерес к географии родной страны в XIX в. не угас. Для ее развития много сделал Ким Джонхо (Косанджа), разделявший идеи сирхак. Много лет он собирал материалы о рельефе Кореи, ее природе, естественных богатствах, административной системе. В 1861 г. была опубликована созданная им «Тэдон ёджидо» («Карта корейской земли»). В приложенных к ней указателях содержатся подробнейшие сведения о горных хребтах, реках, морских и сухопутных дорогах, природных ископаемых и обо всех самых мелких административных единицах страны. В 1864 г. он издал «Тэдон чириджи» («Географическое описание Кореи»), также снабженное картами. Ким Джонхо не только ввел в оборот новые научные данные, но исправил и некоторые ошибки, содержащиеся в более ранних географических описаниях Кореи.

Одним из самых образованных людей Кореи в XIX в. был Ли Гюён (Оджу, Соун), примыкавший к сирхак. Он описал состояние современной ему отечественной науки и техники, оставил заметки об обычаях и нравах населения Кореи и соседних стран, о корейском национальном искусстве и т. д. Все они объединены в пятитомном произведении «Оджу ёнмун чанджон санго» («Сочинения, письма и рукописи Оджу»).

К числу видных ученых, разделявших идеи сирхак, относился и Ким Джонхи (Чхуса, 1786—1856). Его труды внесли немало нового в изучение корейской истории. Он заложил основы отечественной археологии и эпиграфики. Одним из первых Ким Джонхи приступил к раскопкам и исследованию памятников материальной культуры, к расшифровке древних надписей. Являясь крупнейшим для своего времени мастером каллиграфии, Ким Джонхи изучал также изменения, которые произошли в иероглифическом письме на разных этапах его существования.

Общее усиление феодальной реакции, происходившее в Корее в XIX в., особенно остро сказалось в сфере идеологии. Лозунг «Виджон чхокса», выдвинутый в момент иностранной агрессии, в области внутрен-

ней политики стал знаменем консерватизма, борьбы против всего нового и передового. Под этим лозунгом объединились крупные помещики, чиновники, конфуцианские деятели, стремившиеся защитить и укрепить разлагавшийся феодальный строй, не допустить даже самой робкой критики его идейной основы — конфуцианства. Начались яростные нападки на все философские учения и теории, расхвалившиеся с догмами чжусуанства.

Идеологами феодальной реакции стали Ки Джонджин (Носа, 1798—1876) и Ли Джинсан (Ханджу, 1818—1885). Они сделали попытку отстоять конфуцианство, доказать его универсальный характер. Свойственный этой системе идеализм был доведен до предела. «Небесную волю» они превозносили как источник всего сущего.

Выступлениям Ки Джонджина и Ли Джинсана была свойственна крайняя агрессивность, нетерпимость к инакомыслящим. Ли Джинсан, например, называл ересью все, кроме чжусуанства; главной ересью для него был материализм. Благодаря им и их единомышленникам укрепились антинаучные, теистические концепции, усилился догматизм и консерватизм конфуцианства. Возросла его реакционная роль как защитника феодальных порядков, объявленных «естественными», установленными «небесной волей» на все времена.

Несмотря на усиливавшиеся нападки, материалистические тенденции корейской философии продолжали развиваться в трудах ученых-естествоиспытателей из числа последователей сирхак; их подкрепляли знания, почерпнутые в европейской научно-технической литературе, все обильнее поступающей в Корею.

После Чон Дасана материалистическое учение активно развивал и отстаивал Чхве Ханги (1808—1873) — крупнейший корейский философ XIX в., обладавший энциклопедическими познаниями в астрономии, математике, физике, географии, медицине и других отраслях науки. Борясь против засилья идеализма, Чхве Ханги доказывал, что все сущее на земле и в небе есть только результат превращений материальной субстанции (ки), вскрывал отсталость и бесплодность чжусуанства, разоблачал религиозные домыслы апологетов конфуцианства, критиковал их за выпады против идейных противников. Чхве Ханги не страшился показать пороки современной ему действительности и выражать сочувствие народным массам. Идя по стопам Чон Дасана, он затрагивал такие политически острые проблемы, как авторитет феодального правителя. «Преклонение перед властью монарха, — писал он, — становится почитанием гнилого, уходящего в прошлое авторитета».

В литературе XIX в. известно довольно мало имен; гораздо шире распространялись в то время анонимные произведения. Причины этого станут понятными, если учесть разгул феодальной реакции в стране. Рукописные стихотворения, повести, новеллы ходили в народе, находя особенно активного читателя среди городского населения. Наибольшей популярностью пользовались произведения, рассказывавшие о безрадостной доле трудового люда города и деревни, его делах и заботах.

В поэзии традиционные жанры каса и сиджо утратили преобладающее значение. В середине XIX в. вышла одна из последних антологий, содержащая 452 стихотворения, написанные в традиционном стиле (составители Пак Хёган и Ан Минён). Развивалась и новая поэзия; обладавшая более многообразной и гибкой формой, она была посвящена важнейшим явлениям повседневной жизни, любви.

Одним из крупнейших поэтов XIX в. был Чон Дасан. В стихотворениях «Голодный народ», «Чиновник из Есанни», «Охота на тигров» и

других он разоблачал тунеядство янбанов, хищнические действия и деспотизм чиновников, лицемерие и невежество «ученых-конфуцианцев».

Огромную известность у простого народа Кореи получило творчество поэта-сатирика Ким Сакката (Нанго, 1807—1864). Его настоящее имя — Ким Бёнъён; свое прозвище он получил от названия соломенной шляпы (саккат), в которой бродил по стране, сочиняя стихи и декламируя их перед слушателями в деревнях и на городских улицах. В его стихах, полных сочного юмора, острых словечек, почерпнутых из простонародной речи, высмеивались жадность богачей, их бездарность и высокомерие, праздный образ жизни, звучало уважение к трудовому народу, сочувствие к его судьбе. Наиболее популярны произведения Ким Сакката «Собака», «Блоха», «Ленивый гость», «Янбанский сынок», «Пересуды янбанов».

В корейской прозе основным жанром оставалась повесть. В XIX в. появились такие оригинальные произведения, как «Повесть о Чхэ Бон», «Повесть о Сугён» и др. Издавались повести на уже известные сюжеты фольклора, но их действие переносилось в XIX в.

Новеллистика представлена несколько беднее, чем в прошлом. Известны два анонимных сборника — «Новеллы страны зеленых холмов» и «Ходячие рассказы». Собранные в них новеллы реалистически изображали жизненные ситуации, их фабула увлекательна, язык насыщен заимствованиями из фольклора.

Дальнейшее развитие получил жанр пхансори. Сложившаяся ранее исполнительская традиция была продолжена плеядой выдающихся актеров-квандэ: Мо Хангапом, Сон Ханноком, Ко Сугваном, Чу Докки, Син Манёпом, Ём Геяном, Ким Джечхолом и Пак Юджоном (так называемый период восьми знаменитых певцов).

Во второй половине XIX в. пхансори проникает на театральную сцену. Историческая заслуга превращения его в подлинное сценическое искусство принадлежит реформатору корейского театра Син Джэхё (1812—1884). Разносторонне одаренный человек — актер и поэт, музыкант и педагог, теоретик театрального искусства, Син Джэхё, изучив и обобщив опыт и традиции предшественников, разработал программу реорганизации исполнения пхансори. Он записал и отредактировал наиболее популярные произведения этого жанра, упорядочил и теоретически обосновал приемы исполнения. Как театральный режиссер Син Джэхё стремился к созданию на сцене реалистических образов, требовал от актеров драматической игры, основанной на переживании. Впервые в практике исполнения пхансори Син Джэхё ввел разделение ролей между несколькими квандэ. Правда, пока еще все главные роли играл ведущий актер и лишь второстепенные персонажи представляли другие. Наконец, Син Джэхё ввел исполнительниц женских ролей, воспитав ряд талантливых артисток (Чхэ Сон, Хо Гыпха, Ли Хваджусон и др.). Реформа Син Джэхё создала предпосылки для возникновения национальной, классической оперы (чхангык).

Корейская живопись с начала XIX в. все более утрачивала приобретенные прежде реалистические традиции. Художники постепенно отказывались от изображения окружающей действительности, жизни и быта простого народа, что являлось главной темой крупнейших мастеров XVIII в. Внимание живописцев сосредоточилось на созерцании природы. В XIX в. получили распространение пейзаж, натюрморт, классические «четыре совершенства». Среди художников, пытавшихся сохранить реалистические традиции, выделялся Син Ви (Чаха, 1769—1845). Известными мастерами живописи были Син Менъён (род. в 1809 г.) и Пэк Ынбё (род. в 1820 г.).

НАЧАЛО КОЛОНИАЛЬНОГО ЗАКАБАЛЕНИЯ КОРЕИ. ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ КОРЕЙСКОГО НАРОДА (1876—1892)

Заключение Кореей неравноправных договоров

С начала 70-х годов XIX в. давление капиталистических держав на Корею усилилось. Все более активную роль в борьбе за порабощение этой страны стала играть Япония.

После революции 1868 г. японские буржуазно-помещичьи круги приступили к разработке планов широкой колониальной экспансии в соседних азиатских странах, в том числе и в Корее.

В. И. Ленин писал: «Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги»¹. Еще в 1871—1872 гг. японские самураи под предводительством Сайго Такамоори требовали немедленной отправки военной экспедиции в Корею. Японское правительство одобрило этот план, но временно отложило его исполнение, считая, что необходима тщательная подготовка.

В начале 70-х годов XIX в. Япония приступила к захвату островов Рюкю, попыталась овладеть Тайванем, посягала на русские владения в Тихом океане. Японские правящие круги замыслили создание континентальной империи в первую очередь за счет захвата Кореи.

Соединенные Штаты Америки, интересы которых тогда сосредоточивались главным образом в Китае, благосклонно взирали на политику Японии в отношении Кореи, не считая островную империю опасной для своих агрессивных замыслов на Дальнем Востоке. Главным соперником в борьбе за преобладание в этом регионе американская буржуазия считала Англию и всячески стремилась вытеснить ее из Китая. В свою очередь, Англия также не возражала против японских притязаний на Корею, опасаясь, что иначе там укрепится ее давний противник — царская Россия.

Иную позицию заняла в начале 70-х годов Россия. Царское правительство было встревожено сведениями о захватнических планах Японии. Как показывают русские дипломатические документы, царское правительство (в период подготовки экспедиции США, 1871 г.) было заинтересовано в сохранении статус-кво в Корее. Оно отрицательно относилось к «завоевательным замыслам Японии и водворению там японской власти, а вместе с тем и косвенного влияния разных европейских держав или Американских штатов»².

Царское правительство имело все основания для беспокойства по поводу положения Кореи, так как Япония не скрывала своих агрессивных замыслов. В 1873 г. правительство микадо уведомило русские власти о предстоящей войне с Кореей и даже запросило разрешения провести японские войска через русские владения на корейскую территорию. В случае положительного ответа Япония обещала отказаться от своих претензий на южную часть Сахалина. Но Россия категорически возразила, протестуя против самой идеи войны в Корее.

Японская агрессия затрагивала также интересы цинского правительства Китая. Однако Цины не посчитали домогательства правительства микадо в отношении Кореи серьезными. Цинское правительство было занято подавлением антифеодального освободительного восстания, вспыхнувшего среди некитайских народностей в провинциях Шаньси, Ганьсу, в Джунгарии и Кашгарии в 1866—1877 гг. Одновременно Цины пытались противодействовать Англии, настойчиво добивавшейся новых привилегий в Китае. Им было не до Кореи.

Таким образом, в начале 70-х годов XIX в. международная обстановка на Дальнем Востоке складывалась весьма благоприятно для реализации колониальных устремлений новой капиталистической хищницы — Японии.

В самой Корее в связи с совершеннолетием вана Коджона правивший вместо него тэвонгун был отстранен от власти. Управление страной захватили властолюбивая жена Коджона Мин Мёнсон и ее многочисленные родственники. Новое правительство, не согласное с тэвонгуном по некоторым вопросам внутренней политики (например, относительно закрытия «храмов славы»), расходилось с ним и во внешней политике. В частности, тэвонгун не признавал японского правительства, пришедшего к власти после буржуазной революции, и отказывался возобновить с ним дипломатические отношения, прерванные в конце 60-х годов.

Новая правительница Мин Мёнсон и ее родственники отражали взгляды той части господствующего класса, которая больше не верила в целесообразность политики изоляции и надеялась возродить Корею как централизованное государство с помощью более сильных, чем Китай, держав. Корейские власти были готовы возобновить дипломатические отношения с Японией, но это уже не устраивало японские правящие круги. Развернув пропагандистскую шумиху вокруг «оскорбительной» для Японии политики уже свергнутого тэвонгуна, они готовились к прямой агрессии.

В сентябре 1875 г. три японских военных корабля вошли в Канхваскую бухту. Гарнизон форта Чоджиджин на о-ве Канхвадо открыл предупредительный огонь. Тогда японские суда обстреляли остров, а затем высадили десант, который захватил форт. В январе 1876 г. в Корею была послана вторая экспедиция в составе двух кораблей и четырех транспортов с 800 солдатами на борту. Возглавлял экспедицию генерал Курода Киётака, а ее политическим вдохновителем был видный японский государственный деятель Иноуэ Каору. Прибыв в Канхваскую бухту, Курода предъявил корейским властям ультиматум: установить торговые и дипломатические отношения между обоими государствами, открыть для иностранной торговли порт и разрешить японским судам производить гидрографические работы вдоль корейских берегов. В случае отказа Курода угрожал начать военные действия.

Корейское правительство склонялось к тому, чтобы принять эти требования, так как рассчитывало в дальнейшем с помощью Японии справиться с феодальными группировками, поддерживавшими опального

тэвонгуна. Цинское правительство через фактического руководителя его внешней политики Ли Хун-чжана втайне рекомендовало Корее заключить договор, дабы «предотвратить» проникновение других держав.

26 февраля 1876 г. на о-ве Канхвадо был подписан японо-корейский торговый договор. Корея обязалась открыть для торговли с Японией порт Пусан, а через 20 месяцев — еще два порта. Япония получила право отправлять своего посланника в столицу Кореи. В каждый из открытых портов Кореи назначались особые японские чиновники якобы для защиты японских купцов. Канхваский договор содержал обычные для неравноправных договоров статьи об экстерриториальности и неподсудности японских подданных в Корее. Корейское правительство фактически лишалось права контролировать действия японских купцов.

В августе 1876 г. были подписаны дополнительные статьи Канхваского договора, предоставлявшие Японии новые привилегии: ее купцы освобождались от таможенных пошлин, а японские деньги допускались к обращению на корейском рынке.

Предоставив Японии возможность своими силами «открыть» Корею для колониальной экспансии, капиталистические государства Европы и США вовсе не отказывались от собственных притязаний на эту страну. Вслед за Японией они навязали Корее серию неравноправных договоров. В числе первых такой договор подписало с Кореей правительство США.

Как и прежде, Ли Хун-чжан убеждал корейские власти в необходимости заключить этот договор. Он писал вану Коджону: «Если Корея заключит договоры с другими государствами и обеспечит себе их посредничество, то Япония не сможет грубо и бесцеремонно обращаться с Кореей».

Корейское правительство, опасаясь роста недовольства в стране, длительное время оттягивало подписание договора. Китайский чиновник, прибывший из Кореи, доносил своему правительству, что простой народ Кореи, чиновничество и часть интеллигенции против заключения договора. И все же под давлением Цинов 22 мая 1882 г. в Тяньцзине корейское правительство подписало торговый договор с США, по которому США получили право арендовать земли в открытых портах, основывать там предприятия, разрабатывать природные богатства страны, нанимать корейских рабочих. Специальные статьи договора предусматривали права консульской юрисдикции, экстерриториальности, а также свободы религиозной пропаганды. Студентам-корейцам предоставлялось право обучения в США.

Кабальный для Кореи характер договора американское правительство пыталось прикрыть обещаниями помощи и «добрых услуг» в случае вмешательства в корейские дела третьей стороны, но эти посулы были пустой фразой, маскировавшей колониальные замыслы американской буржуазии.

Подписание договора с США, об агрессивных действиях которых в Корее еще не забыли, вызвало целую бурю протеста, особенно среди конфуцианцев — идеологов «Виджон чхокса». Несмотря на это, правительство Мин, следуя наставлениям Ли Хун-чжана, продолжало заключать новые договоры: в 1883 г. — с Англией и Германией, в 1884 г. — с Италией и Россией, в 1886 г. — с Францией.

Канхваский и последовавшие за ним договоры означали конец изоляции Кореи от внешнего мира, которая не могла долее сохраниться в условиях обострившейся борьбы за раздел мира; начался период колониального закабаления Кореи и соперничества капиталистических держав за господство в этой стране.

Корея после Канхваского договора. Национально-освободительная борьба корейского народа

После 1876 г. Корея стала втягиваться в орбиту мирового капиталистического рынка. В первые же годы после «открытия» Кореи обнаружился неравноправный характер ее отношений с капиталистическими странами, для которых она стала рынком сбыта и источником сырья.

Проникновение иностранного, главным образом японского, капитала в Корею происходило преимущественно в форме подчинения ее внешней торговли. Ареной деятельности японских купцов стали открытые порты Пусан, Инчхон, Вонсан (где у них не было конкурентов), а также южные и отчасти центральные провинции (через китайских купцов, занимавшихся посреднической торговлей).

Японское правительство проводило протекционистскую политику в отношении японо-корейской торговли. В Токио было основано специальное общество для изучения и поощрения этой торговли; оно получало значительную правительственную субсидию. Отделения общества открылись в Инчхоне, Сеуле, Пусане, Вонсане. В открытые порты большими группами прибывали японские купцы; к 1880 г. там насчитывалось уже около 3500 японцев.

На рейде Пусана в 1877 г. стояло более 30 японских судов. В этом же порту в 1878 г. открылось отделение японского «Первого банка».

В первые же годы после заключения договоров внешняя торговля Кореи с иностранными государствами приобрела типично колониальные черты. В страну ввозили фабричные изделия, а вывозили сырье, сельскохозяйственные продукты, золото. Ввоз товаров широкого потребления, которые находили сбыт не только в городах, но и в деревнях, подрывал корейское производство, разрушал его наиболее развитые отрасли — изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей, керамики, бумаги и изделий из нее.

**Внешнеторговые обороты Кореи с Японией и другими
странами в 1877 — 1883 гг.*,
тыс. иен**

Год	Общая стоимость импорта	В том числе		Общая стоимость экспорта	Общая стоимость импорта и экспорта
		японские товары	европейские и американские товары		
1877	124	69	55	57	181
1878	225	47	178	173	398
1879	467	39	428	506	973
1880	663	79	584	851	1514
1881	1148	113	1035	806	1954
1882	1093	125	968	764	1857
1883	1743	707	1036	800	2543

* Ли Наён, 1884 нён (капсин) чонбёне тэхан ёнгу (Изучение политического переворота 1884 г.), — «Ёкса квахак», 1955, № 11, стр. 24.

За 7 лет, протекшие после подписания Канхваского договора, импорт и экспорт Кореи возросли в 14 раз, ввоз японских товаров увеличился более чем в 10 раз, американских и европейских — почти в 19 (см. таблицу). Такое преобладание последних объяснялось слабостью японской промышленности, которая тогда еще только становилась на ноги. Японские купцы чаще выступали в роли посредников, продавая в

Корею иностранную продукцию. Однако уже с начала 80-х годов Япония стала теснить своих конкурентов. Если в 1881 г. в импорте всего 9% приходилось на долю японских товаров, а 91% — на долю американских и европейских, то уже в 1883 г. это соотношение составляло 40 и 60%.

Импорт Кореи в 1877—1882 гг. состоял из тканей (85%), металла и изделий из него (8%), продовольствия (1%), а также прочих товаров (6%).

Продукция корейского промысла, главным образом хлопчатобумажные ткани, не могла конкурировать с иностранными товарами, которыми торговали японские купцы. Английский шертинг был вдвое дешевле корейских тканей и без труда вытеснял их с местных рынков. Постепенно целые провинции переходили на его потребление. Население Чолла, например, не только пользовалось ввозными тканями, но и покупало импортную пряжу. В результате крестьянская домашняя промышленность и отечественное ремесло терпели серьезный ущерб.

Пугубное влияние на корейскую экономику оказал также вывоз сельскохозяйственной продукции, которая составляла основную статью экспорта из Кореи в Японию (в 1877—1882 гг. — 59%).

За эти же годы экспорт продукции морских промыслов составил всего 9%, тканей и пряжи — 6, медикаментов — 0,9, золота, серебра, меди — 20, прочих товаров — 5,1%.

Вывоз сельскохозяйственной продукции из страны, где народ всегда недоедал, способствовал еще большему разорению крестьянских масс, быстрее, чем прежде, вовлекал их хозяйства в товарно-денежные отношения. Крестьяне, вынужденные платить все возрастающие налоги, продавали рис и зерновые за ничтожную плату. Японские купцы писали, что на рынке в Вонсане можно очень выгодно купить бобы для перепродажи их в Японии (по 1 вон или даже 80—90 чон за 1 сок); на рынке в Японии их продавали на 20—30 чон за 1 сок дороже.

Японские купцы имели целую сеть корейских посредников, которые скупали у крестьян урожай на корню по низким ценам. В результате хищнического вывоза из Кореи необходимой для населения сельскохозяйственной продукции правительству пришлось ввозить зерно из Китая. Так, в 1890 г. оттуда вывезли более чем на 495 тыс. иен зерновых и на 394 тыс. иен риса.

Вторжение иностранного капитала и развитие внешней торговли на основе неравноправных договоров в стране, переживавшей кризис феодальных производственных отношений, подрывали и без того тяжелое положение корейского крестьянина, мелкого ремесленника, торговца. К Корею этого времени в полной мере можно отнести высказывание К. Маркса о Китае (1853 г.), где после вторжения иностранного капитала «прежние налоги стали более тяжелыми и разорительными и к ним прибавились еще новые»³.

Корейский народ довольно скоро почувствовал на себе это дополнительное бремя. Засилье в стране чужеземцев, оскорблявшее национальные чувства корейцев, а также резко ухудшившееся экономическое положение вызвали рост антииностранных настроений, перераставших в открытую борьбу против колонизаторов, в первую очередь японских. Главными районами этой борьбы были открытые порты и столица Сеул.

13 апреля 1879 г. в г. Тоннэ близ Пусана, куда прибыл японский военный корабль, местные жители потребовали, чтобы сошедшие на берег офицеры покинули город. Когда те отказались, горожане, вооружившись камнями и палками, изгнали их. Но уже на следующее утро отряд япон-

ских солдат ворвался в город, и начался расстрел мирных жителей. В 1881 г. городская беднота другого открытого порта — Инчхона — поднялась против японских купцов. Когда японские торговцы появлялись в северных районах страны, там также вспыхивали волнения. Так было, например, в октябре 1881 г. в Ыйджу.

Подъем антииностранных настроений в Корее после 1876 г. был настолько силен, что правительство уже в 1878 г. предложило группе миссионеров-католиков покинуть Корею, опасаясь роста народного недовольства. Взрыв антииностранных чувств вырвался наружу с особой силой в июле 1882 г., когда в Сеуле вспыхнуло восстание солдат столичного гарнизона.

Волнения в корейских войсках против невыносимого режима, установленного феодальным правительством, происходили и ранее. В 1877 и 1878 гг. некоторые воинские части пытались поднять восстание, требуя повышения жалованья. Но главные события развернулись 22 июля 1882 г. в Сеуле. К этому времени из столичных войск был выделен отряд, обучение которого проводил японский офицер Хоримото Рёдзо. Этот отряд был лучше вооружен и получал хорошее снабжение. Остальные войска голодали. Их рисовые пайки присваивали интенданты. Солдаты получали гнилой рис, смешанный с глиной и песком.

22 июля 1882 г. возмущенные солдаты убили интенданта, выдававшего продовольствие, избили офицеров, разрушили продовольственный склад. Хотя зачинщики были вскоре арестованы, восстание уже нельзя было остановить. Его размаху способствовали неурожай и общее недовольство заключением американо-корейского договора. Несколько тысяч солдат и присоединившееся к ним население, главным образом городская беднота и крестьяне окрестных деревень, разделились на отряды по 200—300 человек и направились в разные части города. Один отряд занял сеульскую тюрьму и освободил заключенных, другой расправился с чиновниками Ыйгымбу и других столичных учреждений. Повстанцы заняли государственные склады и раздали бедноте продовольствие. Один из отрядов ворвался в офицерскую школу и расправился с Хоримото Рёдзо. Затем повстанцы напали на японскую миссию, подожгли ее и убили восемь человек. Посланник Ханабуса Ёситада и его сотрудники бежали на о. Вольмидо близ Инчхона, где их подобрало английское дозорное судно.

Восстание на этом не закончилось. Идеологи движения «Виджон чхокса» использовали возмущение народных масс, чтобы вернуть к власти тэвонгуна, который обещал проводить прежнюю политику строгой изоляции. Подстрекаемые ими повстанцы двинулись к ванскому дворцу, намереваясь уничтожить членов правительства и вернуть власть бывшему регенту. Но правительница Мин Мёнсон успела бежать вместе с ближайшими сановниками (лишь несколько из них были убиты). Тэвонгун вновь захватил власть и начал расправу со своими противниками, но его торжество было кратковременным. Правительство сумело тайно сообщить в Китай о положении в стране и просило срочно прислать войска. На этот раз цинское правительство не замедлило с ответом и направило в Корею около 3 тыс. солдат; вместе с оставшимися верными правительству Мин корейскими войсками они подавили восстание. Тэвонгун был схвачен и выслан в Китай.

Сеульское восстание 1882 г. было первым в Корее крупным выступлением, в котором сочетались антифеодальные и национально-освободительные цели. Хотя его попытались использовать феодальные силы, выступавшие за возврат к старому, тем не менее оно оказалось еще одним сильным ударом по феодализму в Корее. С этого времени корейские

правители держались у власти лишь благодаря иностранным штыкам. Более десятилетия цинский Китай и его войска служили опорой прогнившего феодального режима.

Япония использовала сеульское восстание для нового нажима на Корею. 30 августа 1882 г. прибыли три военных корабля, имея на борту 800 солдат. Посланник Ханабуса Ёситада навязал корейскому правительству еще один договор — Инчхонский, предоставлявший Японии право ввести в Сеул войска якобы для охраны миссии. Японским подданным было разрешено удаляться на расстояние, приблизительно равное 53 км от открытых портов, а через два года — на 106 км. Японский посланник, консулы и состоящие при них чиновники получили право свободного передвижения по стране. Корейское правительство открыло порт Янхваджин для иностранной торговли и обязалось выплатить контрибуцию в размере 500 тыс. иен и 50 тыс. иен — семьям убитых японцев.

Укрепление позиций Японии в Корее серьезно обеспокоило китайское правительство. Стремясь упрочить свои политические и экономические позиции в Корее, оно расквартировало в Сеуле 3 тыс. войск. В сентябре 1882 г. Цины заставили корейское правительство подписать соглашение о морской и сухопутной торговле, в котором содержался особый пункт, подтверждавший вассальную зависимость Кореи от Китая. Соглашение предоставляло китайцам весьма важные льготы в торговле, не распространявшиеся на купцов других держав. Им разрешалось селиться и торговать в четырех пунктах внутри страны, путешествовать по Корее с китайскими паспортами и без особой визы корейских властей, перевозить иностранные товары из одного открытого порта в другой. При этом пошлины снижались от $\frac{1}{2}$ до $\frac{5}{6}$ размера обычных пошлин на все иностранные товары, ввозимые по суше из Китая в Корею. Отменялся прежний запрет на морскую торговлю, и устанавливалось пароходное сообщение между Кореей и Китаем.

Успехи Китая вызвали решительное противодействие Японии и США. Их посланники в Сеуле получили инструкции не признавать льготы для Китая правила о торговле.

Между тем Китай укреплял не только экономические, но и политические позиции в Корее. Особое внимание цинские власти уделяли корейской армии, которая после восстания 1882 г. внушала беспокойство не только корейскому, но и китайскому правительству. В Сеул прибыли китайские офицеры, чтобы провести ее реорганизацию. Советником корейского правительства по иностранным делам стал немец П. Г. Мёллендорф, ранее состоявший на службе у китайского правительства. Для контроля за деятельностью корейских правительственных учреждений был прислан китайский чиновник.

Таким образом, с начала 80-х годов XIX в. Китай стал участником борьбы держав за господство в Корее. Оставаясь сам на положении полуколонии, он старался укрепиться в Корее, используя царившие в ней антияпонские настроения и давние традиции формального вассалитета. Цинское правительство пыталось применять заимствованные у колониальных держав некоторые методы экономического и политического подчинения Кореи.

Расширение кэхва ундон. Попытка переворота в 1884 г.

После 1876 г. были сняты многие ограничения контактов корейцев с внешним миром. Расширился приток сведений о жизни народов других стран, о достижениях мировой науки и культуры. Одновременно часть

образованных людей, особенно из состоятельных семей, получила возможность бывать в других странах, знакомиться с их политическим строем, экономическим развитием, уровнем культуры и т. д. Капиталистические страны охотно содействовали таким поездкам, надеясь привлечь симпатии корейской интеллигенции и чиновничества, демонстрируя перед ними свои достижения.

На учение в Японию посылали корейских юношей из знатных семей. В 1876 г. туда отправились Ким Оккюн и Со Гванбом, которые обучались в колледже Фукудзава Юкити, главы японских либералов. Первая группа молодежи — 21 человек — отплыла в Японию в июне 1881 г. Корейцы знакомились с устройством японских заводов, фабрик, арсеналов, организацией министерств, с торговой и финансовой системой, просвещением и т. д. В том же году 69 корейских студентов уехали на учение в Китай. В Тяньцзине они должны были изучать иностранные языки и военное дело.

В 1880 г. в Японию из Кореи отправилась первая крупная правительственная делегация; позднее Японию неоднократно посещали корейские чиновники; с ними ездили и реформаторы Ким Оккюн, Пак Ёнхё и др.

В июле 1883 г. корейская миссия отплыла в США. По пути она побывала в Англии и Франции. Среди членов миссии были участники кэхва ундон — Мин Ёнъик, Хон Ёнсик, Со Гванбом и др. В США они осмотрели учебные заведения, промышленные и административные центры. Знакомство с внешним миром расширяло кругозор корейской интеллигенции.

Реформаторское движение возглавил Ким Оккюн. К нему примыкали многие прогрессивно настроенные янбаны. Часть из них занимала крупные посты в правительстве, что помогло провести в жизнь некоторые нововведения. В 70—80-х годах социальная база кэхва ундон значительно расширилась за счет интеллигенции из среднего сословия, купечества, офицеров и т. п.

Ким Оккюн и его единомышленники разработали программу преобразований, которая включала проекты реформ в области экономики и культуры. Важнейшими среди них были: развитие национальной промышленности, упорядочение финансов, реорганизация военной системы, просвещение народных масс.

В планы реформаторов входило расширение культурных и торговых связей с иностранными государствами. Значительное внимание уделялось борьбе со все еще сильным (среди правящих кругов) преклонением перед Китаем. Реформаторы выступали против уничижительного отношения ко всему национальному — языку, одежде, обычаям, литературе, ремеслам.

Народное недовольство и колониальная экспансия убеждали Ким Оккюна и его сторонников в необходимости как можно скорее приступить к проведению реформ. В начале 80-х годов они сумели осуществить некоторые свои замыслы. Для реорганизации армии по европейскому образцу в 1881 г. при активном содействии Ким Оккюна и Хон Ёнсика была основана первая офицерская школа. В ней обучалось 200 человек. Одновременно в Сеуле, также при содействии реформаторов, создали ведомство по организации ввоза иностранных машин и внедрению их в промышленность, основали показательную сельскохозяйственную ферму. Началось строительство порохового и монетного дворов. Было организовано специальное ведомство по освоению пустующих земель, которое возглавил Ким Оккюн. Велась работа по улучшению старых и строительству новых дорог. В том же 1881 г. реформаторы

открыли в столице учреждение, которому вменялось в обязанность распространять переведенную с европейских языков на китайский и корейский научно-популярную литературу. Для ее издания была построена специальная типография. Среди нововведений, которые пытались осуществить реформаторы, особое место занимала организация почтовой связи по европейскому образцу. Создание современной почты поручили Хон Ёнсику.

Реформаторы, как и сирхакисты, ясно видели многие причины упадка корейской экономики. В одном из писем вану Коджону Ким Оккюн отмечал: «Сейчас все пришло в упадок. В чем причина этого? В произволе янбанов, и только. Если народ производит изделия, то чиновники его беспощадно грабят, а если народ в поте лица заработает немного денег, то чиновники тотчас их отщипнут... Необходимо проводить такую политику, при которой были бы ликвидированы корни этого зла, в противном случае государство придет в упадок».

Взгляды реформаторов на развитие страны выразил Ким Оккюн в направленных уже после 1884 г. посланиях Коджону, которого стремился убедить в необходимости проведения реформ: «Стоит только установить искренние, дружественные отношения со странами Европы и США и перестроить внутреннюю политику в стране, обучить невежественный народ и направить его по пути цивилизации, поднять торговлю, упорядочить финансы и подготовить армию, что не представляет особых трудностей... и Англия возвратит нам Комундо, а другие иностранные государства также вынуждены будут отказаться от захватнических замыслов».

Выступая за ликвидацию существовавших порядков, мешавших развитию экономики и культуры, Ким Оккюн особенно гневно высказывался о господствующем классе, в котором видел источник всех бед. Он призывал упразднить янбанское сословие, избавиться от бездарных и консервативных министров и советников, укрепить центральную власть, приобщить народ к знаниям, создавая для этого сеть школ. 12 октября 1884 г. глава реформаторов был принят Коджоном и убеждал его, что настало время шире установить связи с внешним миром, воспринимать новые знания, утверждать таким образом собственную независимость.

Реформаторы открывали школы, где преподавали математику, историю, английский язык, отодвинув на второй план изучение конфуцианских классиков, они добивались, чтобы больше студентов обучалось за границей. В результате этого в начале 1883 г. еще 40 молодых корейцев, сыновей купцов и янбанов, отплыли в Японию учиться в коммерческих училищах.

Придавая особое значение распространению современных знаний, реформаторы сами переводили научно-техническую литературу (в частности, «Новое руководство по сельскому хозяйству», «Историю франко-прусской войны», «Официальные законы всех стран»), а также ряд книг по вопросам естествознания. В самой Корее издавались сочинения, авторы которых разделяли идеи реформаторов: «Записки о путешествии на Восток» Ким Гису, «Записки о Китае и Японии» О Юнджуна.

Стремление реформаторов к широкой популяризации своих идей навело их на мысль об издании газеты. В 1883 г. при их непосредственном участии основали «Хансон сунбо» («Сеульский ежедекадник»). Среди членов редакции были и консервативно настроенные янбаны, но ведущую роль играли реформаторы (один из редакторов — сын О Гёнсока О Сечхан).

В первом номере «Хансон сунбо» сообщалось, что газета ставит

целью расширять знания читателей, рассеивать невежество. «Но если читатели будут настолько близоруки, что станут слепо цепляться за старое и не замечать нового, то окажутся в положении лягушки, живущей в колоде».

Газета стремилась пробудить национальное самосознание; она публиковала материалы о борьбе народов за национальную независимость (о войне во Вьетнаме против французской агрессии, об английском вторжении в Египет и т. п.), приводила сведения о географии и экономике этих стран, подчеркивая, что именно феодальная эксплуатация и коррупция в государственном аппарате довели там народ до крайней нищеты. Газета выступала и против преклонения перед Китаем.

В 1884 г. Франция захватила Вьетнам, и «Хансон сунбо» писала, что Китай не помог Вьетнаму в опасный для того период, хотя в отношениях с этой страной претендовал на роль сюзерена. Тем самым проводилась параллель с событиями 1866 г., когда, отражая иностранную агрессию, Корея также не получила помощи от Китая.

«Хансон сунбо» призывала срочно отменить устаревшие законы, преобразовать вооруженные силы, быстрее усваивать новые научные знания. Газета доказывала преимущества конституционной системы правления, приводя в качестве примера развитие Японии после революции 1868 г.

Когда было подавлено восстание 1882 г. в Сеуле, положение кэхва ундон изменилось. Удержавшись у власти с помощью цинских войск, правительство Мин все больше ориентировалось на Китай, видя в нем главную свою опору. Близкие ко двору конфуцианские деятели призвали превратить Корею в «маленький Китай». Идеологи движения «Виджон чхокса» выступали за сохранение неограниченной монархии, неизбежность конфуцианских законов, против их критики и любых посягательств на царившие в стране обычаи и порядки. Под разными предлогами были сняты с постов и высланы из столицы Ким Оккюн и Пак Ёнхё (градоначальник Сеула), уволены многие их сторонники. Реорганизация войск была приостановлена.

Наступление реакции заставило реформаторов ускорить подготовку государственного переворота. Они рассчитывали на поддержку японских либералов; вскоре после Канхваского договора в Японию тайно направили буддийского монаха Ли Донъина с поручением — познакомить японских министров со взглядами корейских реформаторов. Лидеры последних во время неоднократных поездок в Японию установили личные связи с главой японских либералов Фукудзава Юкити, а также с одним из лидеров либеральной партии — Гото Сёдзиро. Ким Оккюн надеялся получить у японских либералов денежную помощь.

Международная и внутренняя обстановка складывалась весьма благоприятно для реформаторов. Цинское правительство было занято войной с Францией, начавшейся в июне 1884 г. Внутри страны росло недовольство правительством Мин, не прекращались антифеодальные восстания. В мае 1883 г., например, они охватили район Тоннэ, а в августе вспыхнули в районе Сонджу (Кёнсан).

Государственный переворот предполагалось осуществить силами корейских войск, обученных японскими инструкторами и находившихся под командованием офицеров, близких к реформаторам. Выступление произошло 4 декабря 1884 г., во время торжеств по случаю открытия почтового ведомства. В этот вечер на банкете ван и его жена были схвачены и заперты во дворце, а некоторые члены семейства Мин и несколько видных сановников — казнены. На следующий день реформаторы сформировали свое правительство, в которое вошли Ким Оккюн (министр

финансов), Хон Ёнстик («министр правой руки»), Ли Джэвон («министр левой руки»), Со Джэпхиль (военный министр) и др.

Новое правительство обнародовало программу, в которой первым пунктом значилась ликвидация вассальной зависимости от Китая. Предусматривалась отмена привилегий янбанов, равноправие всех подданных, отказ от назначения на должности в зависимости от происхождения и связей. Правительство ставило своей задачей обеспечить благосостояние народа и упрочить финансовое положение государства, для чего предполагалось облегчить земельный налог, аннулировать задолженность населения, наказать чиновников, повинных в злоупотреблениях, реорганизовать и централизовать всю систему финансов.

В области государственного управления предполагалось ограничить власть вана, отменить поставки двору и устарелые придворные церемонии, создать кабинет, который обсуждал бы все законы до их издания, и упразднить все ненужные административные органы. Все виды войск надлежало слить в единую армию, выделить гвардейские части, создать полицию для борьбы с воровством.

Правительство реформаторов просуществовало всего два дня и не успело сделать ничего для выполнения своей программы. 7 декабря против него выступили находившиеся в Корее китайские войска под командованием Юань Шикая и У Чжаою, а также некоторые части сеульского гарнизона. Верные реформаторам отряды не оказали достаточно энергичного сопротивления и были рассеяны. Государственный переворот пытались использовать в своих целях японские колонизаторы, поэтому в Сеуле одновременно вспыхнуло новое антияпонское восстание. Японская миссия была сожжена, посланник и его сотрудники спаслись бегством.

В результате прямого вмешательства цинских войск попытка реформаторов захватить власть была подавлена. Хон Ёнстик и Пак Ёнгё (начальник правительственной канцелярии) погибли, Ким Оккюн, Пак Ёнхё, Со Джэпхиль и Со Гванбом бежали в Инчхон, а затем в Японию.

Государственный переворот года капсин⁴ (1884 г.) стал знаменательной вехой в истории Кореи нового времени. Прогрессивные силы, выступившие против отжившего феодального строя, уже настолько созрели, что попытались открыто бороться за власть. Программа, выдвинутая правительством реформаторов, должна была способствовать переходу Кореи на буржуазный путь развития. Идеи реформаторов свидетельствовали о росте в Корее буржуазных тенденций и приближающемся крушении феодализма.

Выступление реформаторов произошло в период усиления колониальной экспансии. Их призывы покончить с вассальной зависимостью от цинского Китая, сделать Корею сильным суверенным государством с развитой экономикой и культурой отражали насущные требования формирующейся корейской нации. Поэтому кэхва ундон, особенно на последней его стадии, можно рассматривать как одно из первых проявлений зарождавшегося в Корее буржуазного национализма.

Реформаторы с сочувствием относились к нуждам простого народа и искренне хотели улучшить его положение. Но все же они были далеки от народных масс, не верили в их революционные возможности. Программа созданного ими правительства отражала лишь некоторые требования крестьянства, не затрагивая главного вопроса — о земле.

Борясь за власть, реформаторы делали ставку на верные им войска. Сознывая слабость этой опоры, они искали союзников за пределами страны, особенно в Японии. Такую ошибку допустили не только корейские реформаторы, но и молодые буржуазные политики Китая (в частности, Сунь Ят-сен). Они надеялись, используя Японию, выстоять против

американских и европейских колонизаторов, не замечая экспансионистских, колонизаторских устремлений правящих кругов Японии. Нужны были время и опыт, чтобы в этом разобраться, но ни того, ни другого у корейских реформаторов не было.

Реформаторское движение оказало большое влияние на последующее развитие Кореи. Оно положило начало политической борьбе против феодализма, за независимость и социальный прогресс.

Колониальная экспансия капиталистических держав в Корею в 1885—1892 гг.

После подавления государственного переворота 1884 г., когда феодальное правительство вновь удержалось у власти только с помощью Цинов, борьба между Японией и Китаем за преобладание в Корею еще более обострилась. Китайское правительство усилило вмешательство во внутренние дела Кореи, установив там диктаторский режим. В 1884 г. Юань Ши-кай, командующий китайскими войсками, получил звание генерального резидента, управляющего дипломатическими и торговыми делами Кореи. Генеральный резидент пользовался неограниченной властью. Коджон и правительство не могли принять ни одного решения без его санкции. Юань Ши-кай был единственным человеком, который имел право сидеть в присутствии вана.

Была проведена тщательная чистка государственного аппарата, в результате которой уволили сотни чиновников, заподозренных в антикитайских настроениях. Несколько человек приговорили к смертной казни по обвинению в антикитайской пропаганде и распространении «западного влияния». Новых чиновников набирали из приверженцев движения «Виджон чхокса». Юань Ши-кай направлял вану проекты преобразований, осуществление которых привело бы к полному подчинению Кореи китайскому контролю. Опасаясь усиления других держав, резидент следил за деятельностью дипломатических представителей в Корею. Он добился у вана отказа принять русских военных инструкторов, а также отставки американского военного атташе Д. Фулка.

Ли Хун-чжан посылал Коджону бесконечные заверения в дружеских чувствах. Однако, упоминая события 1882—1884 гг., он недвусмысленно намекал на то, что судьба корейского правительства целиком зависит от поддержки Китая.

Усиление позиций Китая в Корею вызвало серьезное беспокойство в Японии. Военные круги во главе с генералом Курода требовали начать войну с Китаем за господство в Корею. Но правительство считало, что Япония еще не готова к войне. Кроме того, оно страшилось столкновения с Россией, которая решительно протестовала против плана захвата Кореи (об этом официально заявил русский представитель в Японии).

Пока же Япония не собиралась мириться с безраздельным господством китайского резидента в Корею. Под предлогом получения компенсации за убытки, причиненные японской миссии во время сеульского восстания в декабре 1884 г., в Корею были посланы два батальона войск. Вместе с ними отправился Иноуэ Каору, чтобы потребовать у корейского правительства подписания нового договора.

В январе 1885 г. был подписан японо-корейский договор, получивший название Сеульского. Корея обязалась уплатить 110 тыс. иен для оказания помощи семьям японцев, убитых и раненных во время восстания, построить за свой счет новое здание японской миссии и казармы для японских войск, а также принести официальные извинения Японии.

Однако Япония не собиралась ограничиваться достигнутым. В апреле 1885 г., воспользовавшись неудачами Китая в войне с Францией, Япония вынудила его подписать так называемый Тяньцзиньский договор, по которому обе страны обязались не посылать в Корею военных инструкторов и вывести оттуда свои войска. В случае возникновения там новых «беспорядков» Китай и Япония получали равное право послать в Корею солдат, но при этом обязались заранее уведомить друг друга.

Тяньцзиньский договор явился крупной дипломатической победой Японии. Цинское правительство было вынуждено признать за ней равные права на ввод войск в Корею. С другой стороны, этот договор продемонстрировал неспособность полуколониального Китая защитить Корею от угрозы японской агрессии.

После подписания Тяньцзиньского договора борьба между Японией и Китаем за Корею обострилась. Япония прилагала все усилия, чтобы укрепить свои экономические позиции, по-прежнему уделяя основное внимание завоеванию преобладающего положения в корейской торговле. Японское правительство покровительствовало купцам, ведущим торговлю с Кореей. К 80-м годам тоннаж японских торговых судов составил 80% тоннажа всех судов, посещавших корейские порты. В 1885 г. из общего японо-китайского вывоза через Инчхон, Пусан и Вонсан 97% приходилось на долю Японии и лишь 3% — на долю Китая.

Анализ товарной структуры вывоза показывает, что японские колонизаторы выкачивали необходимую для Кореи сельскохозяйственную продукцию (рис, бобы, горох, пшеницу, ячмень, просо). К 1893 г. вывоз продуктов питания достиг 88% всего вывоза из Кореи в Китай и Японию. Столь значительный вывоз риса и зерновых при частых неурожаях приводил к голоду. После голода 1889 г., охватившего провинции Хамгён и Хванхэ, когда урожай был продан на корню японским купцам, вспыхнуло восстание городской бедноты и крестьянства. Правительство запретило вывоз зерновых; запрет был снят лишь под угрозой вторжения в Корею японских военных сил.

В корейском импорте росла доля Китая. С 1885 по 1892 г. его удельный вес в общей сумме импорта из Китая и Японии возрос более чем в 2 раза (1885 г. — 19%, 1892 г. — 45%), а доля Японии соответственно сократилась. Столь быстрый рост объяснялся привилегиями, предоставленными китайским купцам соглашением 1882 г., и покровительством прокитайского правительства. Сказывались и традиционные торговые связи Кореи с Китаем, и неприязнь населения к японским купцам.

Японская буржуазия не мирилась с усилением позиций Китая и всеми мерами стремилась упрочить собственные. Еще в 1883 г. Япония навязала Корею рыболовную конвенцию, которая среди прочих привилегий давала японским рыбакам право ловить рыбу у берегов четырех корейских провинций. В 1889 г. новое соглашение расширило эти права. Корейцам также дозволялось ловить рыбу в 3 милях от берегов Японии, но это разрешение осталось на бумаге: в Корею не было рыболовных судов дальнего плавания. Японские рыбаки должны были уплачивать незначительные пошлины, но они их не платили, так как у Кореи не было таможенных крейсеров. Из 4400 японских рыболовных судов только 1800 имели лицензии на ловлю в корейских водах. Ловля рыбы в корейских водах давала Японии около 2 млн. иен годового дохода.

Корейские рыбаки проявляли серьезное недовольство японской конкуренцией. Участились конфликты, нападения на японские рыболовные суда. Корейские власти обратились к Японии с просьбой изменить условия соглашения 1889 г. Рыбаки о-ва Чеджудо потребовали, чтобы в при-

брежных водах японцы не занимались рыбной ловлей; Японии пришлось принять эти требования.

Японская буржуазия стремилась опутать Корею и сетью финансовой зависимости. В Сеуле в 1888 г. было основано главное отделение «Первого банка», а во всех трех открытых портах — более мелкие. К началу 90-х годов «Первый банк» имел в Корее уже 13 отделений, «Восемнадцатый банк» — филиал и шесть отделений, «Пятьдесят восьмой банк» — филиал и пять отделений. Японские банки финансировали купцов, торговавших в Корее, выкачивали золото и серебро корейцев, скупая его по низким ценам.

Корейская казна испытывала постоянный дефицит. Чтобы покрыть его, правительство было вынуждено прибегать к займам, которые поперебой предлагали японские банки. В 1889 г. оно впервые получило заем у «Первого банка», предоставив за это банку право на сбор налогов в открытых портах. В 1892 г. «Пятьдесят восьмой банк» пытался навязать заем в сумме 10 млн. долл. за право добычи золота на приисках в провинции Кёнсан.

В 1892 г. корейское правительство заключило с отделениями японских банков соглашение, по которому они получали доходы от таможенных пошлин в открытых портах. Эта сумма перечислялась на текущий счет главного комиссара таможен и вносилась в казну по его личному распоряжению. Но по мере внедрения иностранного капитала в корейскую экономику снижалась покупательная способность населения, что отражалось и на состоянии таможенных доходов. Воспользовавшись этим, отделения японских банков в конце 1892 г. отказались выплачивать корейскому правительству положенные суммы из таможенных доходов.

Цинское правительство также старалось усилить экономические позиции в Корее. Оно попыталось использовать колониальные методы финансового закабаления.

Еще в 1890 г. цинское правительство потребовало, чтобы все соглашения о займах заключались только после одобрения Пекином (спешно предоставив Корее два займа по 100 тыс. таэлей через китайскую судостроительную компанию). Корейское правительство должно было уплачивать Китаю по 7% ежегодно, до уплаты процентов оно лишалось права распоряжаться доходами таможен. Попытки японской буржуазии захватить в свои руки денежную систему Кореи натолкнулись на противодействие Китая. В ноябре 1891 г. Коджон издал эдикт об устройстве монетного двора в Инчхоне, который должны были охранять японский военный корабль и отряд солдат. Из-за вмешательства Юань Ши-кая строительство монетного двора пришлось приостановить.

После заключения договоров с Кореей США и европейские державы также приступили к осуществлению колонизаторских планов. Особую активность в этот период проявляли США. Американская буржуазия в 80—90-х годах XIX в. еще не вкладывала значительные капиталы в корейские предприятия, стремясь закрепить за собой концессии, чтобы они не попали в руки конкурентов. Американскую буржуазию издавна интересовали природные богатства Кореи, главным образом золото. В 1885 г. крупный капиталист Джеймс Морс начал обследование месторождений золота в уезде Унсан (Пхёнан), а в 1887 г. пять американских инженеров были назначены управляющими государственных золотых рудников. В 1890 г. американцы вели разработку железной руды в провинциях Хамгён, Канвои, Пхёнан и Хванхэ.

США пытались также захватить концессии на строительство железных дорог. Крупный американский синдикат предложил Корее построить дороги Сеул — Инчхон, Сеул — Пхеньян — Ёйджу, Сеул — Вонсан,

Сеул — Пусан. Американцы требовали от корейского правительства гарантии в размере 5% на затраченный капитал ежегодно. Американские бизнесмены организовали также регулярные пароходные рейсы на линии Нагасаки — Пусан, Шанхай — Инчхон, захватили концессии на рубку леса, на строительные работы и т. п. Компания «Фрезер и К^о» вела переговоры о предоставлении Корею займа в 2 млн. долл. из расчета 6% годовых.

Непосредственные внешнеторговые отношения между Кореей и США были ничтожны, так как американскими товарами торговали преимущественно японские и китайские купцы. Американская буржуазия в то время уделяла большое внимание идеологической экспансии. Три первых американских миссионера — Х. Хальберт, Гилмор и Бунклер — прибыли в Корею в 1884 г. Тогда же появился в Сеуле Х. Аллен, миссионер, врач по профессии, ставший впоследствии одним из активных проводников политики американского империализма в Корею. Вслед за ними ежегодно приезжали другие миссионеры. Правительство США щедро субсидировало их деятельность (ежегодно — 50 тыс. долл.). Значительные средства отпускали и финансовые магнаты США. Для воспитания у корейцев проамериканских настроений был открыт первый американский колледж «Пэдже», директором которого стал миссионер Х. Д. Аппенцелер. В 1887 г. там обучалось 63 корейца, а в 1889 г. — 82.

К 1893 г. в Корею было основано 12 крупных церквей и множество мелких храмов и часовен. Все миссионеры (англичане, французы и самые активные среди них — американцы) объединились в 1891 г. в общество по распространению среди корейцев религиозной литературы, имевшее собственную типографию. Они получали значительные субсидии от миссионерских обществ Англии и особенно США. Одновременно миссионеры занимались благотворительной деятельностью (открывали школы, больницы, аптеки и т. п.).

США начали вмешиваться и в политические дела Кореи. Они поддерживали Японию и старались препятствовать усилению влияния Китая. Значительную роль отводили они советникам корейского правительства. Не случайно Юань Ши-кай требовал отставки военного атташе Д. Фулка, советника О. Денни и других американцев, видя в их деятельности угрозу китайскому влиянию. В 1887 г. американцы навязали корейскому правительству договор о приглашении инструкторов из США для обучения корейской армии.

Постепенное проникновение в Корею казалось недостаточным некоторым членам правительства США. В 1889 г. государственный секретарь Блэйн выступил с проектом захвата корейских островов Комундо и превращения их в базу военно-морского флота США. Но это предложение было сочтено преждевременным. В 1885 г. Англия захватила острова Комундо и превратила их в свою военную базу. Только в 1887 г. под давлением России она вернула их Корею. Английскую политику в этой стране проводили советники, занимавшие с 1885 г. важные посты в правительстве. Англичане Мерилл, а позднее Браун возглавляли корейскую таможню. Английские товары завоевывали корейские рынки, но торговали ими китайцы и японцы. Велась и миссионерская деятельность.

Россия продолжала политику сохранения статус-кво в Корею. Ее торговые отношения с этим государством были крайне незначительны. Для их расширения в 1888 г. царское правительство подписало «Правила об установлении русско-корейской сухопутной торговли».

В то время царизм недооценивал опасности японской агрессии на Дальнем Востоке, усматривая главную угрозу со стороны Китая и Англии.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1893—1894 гг. «РЕФОРМЫ ГОДА КАБО»

Положение в стране накануне восстания

В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. уже стало очевидным пагубное воздействие колониальной экспансии на экономику Кореи.

Расходы, связанные с открытием портов, содержанием иностранных советников, уплатой контрибуций Японии, опустошали казну. В чиновничьем аппарате росли коррупция, взяточничество. Должностями и званиями торговали открыто, как товарами на рынке. За взятки янбанов и тхохо освобождали от уплаты налогов. В 1893 г. из 1 445 227 кёль всей пахотной площади освобожденные от налогов поля, целинные и залежные земли составили 664 833 кёль. Дефицит казны государство по-прежнему возмещало за счет роста эксплуатации крестьянства. Так по мере вовлечения страны в орбиту мировых экономических связей усиливался феодальный гнет и корейский крестьянин — арендатор государственной или помещичьей земли попадал в зависимость от местных и японских ростовщиков и купцов.

В то же время все увеличивавшийся вывоз продовольствия из страны снижал и без того нищенский уровень жизни корейского крестьянина. По данным «Описания Кореи» (СПб., 1900), с 1886 по 1891 г. вывоз из Кореи риса морским путем возрос более чем в 100 раз (с 8454 до 928 010 пиккулей), а гороха и бобов — в 12 раз (с 46 957 до 597 257 пиккулей). Увеличился также вывоз ячменя, пшеницы, проса и прочих зерновых. Ограбление Кореи японскими колонизаторами происходило в то время, когда страна переживала неурожай. В 1886 и 1889 гг. феодальные власти были вынуждены на время запретить вывоз из Кореи риса и зерновых.

Традиционные внутренние экономические связи были подорваны не только вывозом риса и зерновых. Японские купцы постоянно расширяли ассортимент ввозимых в Корею товаров. Если в первые годы после открытия портов японские купцы торговали на корейских рынках лишь одним-двумя видами импортной ткани, то к середине 80-х годов ее появилось более 10 сортов. Особым спросом пользовались хлопчатобумажные ткани английского и японского производства; на первом месте по размерам ввоза был шертинг серого цвета (в 1886 г. его ввезли 389 178 кусков, в 1887 г. — 492 029, а в 1890 г. — 566 765 кусков). Японские купцы начали поставлять на корейский рынок и сырье — пряжу и нити английского и японского производства. В 1887 г. импорт пряжи возрос почти в 4 раза. Ввозились также медь в листах и болванках, железо в проволоке, свинец, ртуть, цинк, сталь, олово в плитках, хлопок-сырец и т. д.

Японские купцы пытались проникнуть и в корейские промыслы. Они разъезжали по отдаленным рынкам, скупали там продукцию ремеслен-

ников, а затем перепродавали ее на крупных рынках. В Сеуле к 90-м годам XIX в. насчитывалось около 600 японских купцов, которые торговали не только товарами, ранее неизвестными местному населению, — карманными часами, спичками, лампами, керосином и т. д., — но и продукцией местных промыслов. Наводнение страны иностранными товарами разоряло корейских ремесленников и крестьян, которые поддерживали свое хозяйство, продавая изделия домашнего ремесла.

В 80-х годах XIX в. возросла эмиграция. Множество семей бедняков, не нашедших применения своим силам и не имевших возможности прокормиться, были вынуждены покинуть Корею и поселиться на русском Дальнем Востоке или в Маньчжурии. Корейские власти, серьезно обеспокоенные массовым бегством крестьян из страны, пытались запретить его специальными указами. Еще в 1884 г. корейское правительство заключило с Россией соглашение, по которому корейцы, перешедшие границу после этого года, подлежали возвращению на родину. Но никакие официальные распоряжения властей не могли приостановить роста эмиграции. В одном только 1891 г. около 10 тыс. корейских крестьян перешли русскую границу. Бегство из страны стало одной из многочисленных форм протеста корейского народа против усилившегося угнетения.

В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. антифеодальные крестьянские выступления спорадически возникали в разных районах Кореи, наиболее крупные из них — в южных и центральных уездах провинций Чолла, Кёнсан и Кёнги, где трудовой люд особенно остро ощущал последствия колониальной экспансии. В этих районах крестьянское натуральное хозяйство и отечественные промыслы были подорваны сильнее, так как именно здесь были открыты первые порты для иностранной торговли — Пусан и Инчхон. Самые значительные выступления крестьян произошли в 1889 г. в уездах Чонджу и Кванъян (Чолла), Чонсон (Канвон), Сувон (Кёнги); в 1890 г. — в уезде Хамчхан (Кёнсан); в 1891 г. — на о-ве Чеджудо, а также в уездах Косон (Канвон), Хамхын, Тогвон, Хверён (Хамгён); в 1892 г. — в уездах Нанчхон (Канвон), Ичхон (Кёнсан), Сончхон и Канге (Пхёнан) и т. д. Все чаще в ходе стихийных выступлений бедноты против помещиков и богатых купцов возникали партизанские отряды. В 1885 г. крестьянские отряды из провинции Кёнсан намеревались двинуться на Сеул. Крестьян объединяла и вселяла в них силы вера в скорую гибель династии Ли, которой якобы было предсказано Небом править не более 500 лет. Бедняки верили, что близится избавление от дурных чиновников и будет создано новое правительство во главе со справедливым ваном и добрыми советниками.

Религиозной оболочкой антифеодального движения стало учение тонхак, которое приобретало все больше последователей. К началу 90-х годов XIX в. тонхакские организации возникли почти в каждом уезде и постоянно пополнялись за счет крестьян, которым были близки не только идеи этого учения, но и формы верования. Главой тонхак после казни Чхве Джеу — создателя этого учения — стал Чхве Сихён. Он изменил традиционную молитву тонхак, несколько усилив в ней социальное звучание. Теперь она не только призывала к равенству всех людей на земле, но в ней подчеркивалось и несправедливое положение в обществе «незаконнорожденных», критиковались роскошь и безделье янбанов, их высокомерное отношение к другим сословиям.

В 1888 г. Чхве Сихён разослал во все тонхакские организации «Правила поведения членов секты тонхак», состоявшие из следующих пунктов: «Человек — это бог, оскорбляя человека, оскорбляют бога»; равенство может быть достигнуто только гуманным отношением к человеку; последователи тонхак должны любить и уважать членов своей семьи, будь то

ноби, незаконный или законный сын; учение тонхак отвергает конфуцианскую догму о том, что правитель облечен властью по воле неба, что он представитель неба на земле.

В 1886 г., когда страна переживала тягчайший голод, глава секты предсказал приближение эпидемических болезней и рекомендовал тонхаковцам соблюдать чистоту, не пить сырой воды и т. п. В июле того же года Корею действительно охватила эпидемия холеры, и сотни людей погибли. Но среди них почти не было тонхаковцев, которые последовали совету своего главы. Авторитет секты неизмеримо вырос.

Наряду с антифеодальными в народном движении крепили также идеи борьбы против японских колонизаторов и западных «варваров». Особенно часто с антияпонскими лозунгами выступала беднота Пусана, Инчхона, Вонсапа. На о-ве Чеджудо рыбаки протестовали против засилья в прибрежных водах японских рыболовецких судов. Освободительные лозунги появились и в движении горнорабочих. Когда в 1892 г. в уезде Ёнджин (Кёнсан) появились японские предприниматели, которые хотели начать там разработку золота, местные горняки изгнали их. Тогда на приски был направлен большой отряд солдат под командой 20 японских офицеров.

Свое возмущение иностранным вторжением народные массы Кореи выражали нападениями на миссионеров. Они приняли столь значительные размеры, что Коджон был вынужден в 1888 г. обратиться к народу с призывом прекратить выступления против иностранцев. Но это обращение не возымело действия. Все чаще на зданиях японской, американской и других миссий в Сеуле появлялись листовки, призывавшие изгнать иностранцев из Кореи. Посланники США и Франции, опасаясь нападений, потребовали от своих правительств войска для охраны.

Социальная база антиколониального движения непрерывно расширялась. Наряду с крестьянами, городской беднотой, ремесленниками открыто протестовали против засилья на корейских рынках иностранной продукции купцы Сеула и других крупных городов. Они обращались в министерство иностранных дел с просьбами ограничить деятельность японских торговцев. 14 января 1890 г. сеульские купцы расклеили на стенах домов обращение к правительству, в котором писали, что стали жертвами иностранцев, построивших лавки и склады в столице. Купцы предупреждали, что разорятся, не смогут платить налоги и выполнять повинности. В знак протеста они закрыли свои лавки и два месяца отказывались вести торговлю. Лишь после обещания правительства ограничить иностранную торговлю сеульские купцы возобновили свою деятельность.

Начало крестьянской войны

С начала 90-х годов крестьянское движение развернулось главным образом в южных провинциях Чолла и Чхунчхон, где особенно сильным было влияние тонхак. В 1892 г. губернатор Чхунчхон Чо Бёнсик запретил деятельность организаций тонхак на территории провинции. Под видом розыска и наказания тонхаковцев чиновники расправлялись со всеми участниками антифеодального движения. Репрессии властей вызвали новый рост недовольства; начались стихийные вооруженные выступления. Стоявшие во главе секты тонхак янбаны боялись революционных действий народа и стремились перевести антифеодальные выступления в русло мирного, петиционного движения.

19 декабря 1892 г. глава секты тонхак Чхве Сихён созвал несколько десятков тысяч последователей этого учения неподалеку от центра про-

винции Чолла — Чонджу. Собравшимся было прочитано обращение к губернаторам провинций Чолла и Чхунчхон; руководители тонхак требовали свободы проповеди, восстановления доброго имени невинно казненного Чхве Джеу, прекращения незаконных действий чиновников, которые под предлогом преследования тонхаковцев грабили бедняков. Феодалы были обеспокоены. В Чолла и Чхунчхон направили специальных представителей Коджона, которые заверили население, что за деятельностью местных чиновников установят строгий надзор, а виновные в ограблении народа будут строго наказаны. Требования свободы проповеди тонхак и реабилитации Чхве Джеу власти отказались удовлетворить.

В начале 1893 г. центром крестьянского движения стал уезд Поын (Чхунчхон), куда стекались все недовольные. Собравшиеся в Поыне заявили, что намерены продолжить борьбу против ограничений проповеди тонхак, однако на деле их задачи вышли далеко за рамки, намеченные руководителями секты. Колониальное вторжение в страну и непомерная феодальная эксплуатация создавали условия, при которых ограничиться только религиозными требованиями стало уже невозможным. Чтобы не утратить своего авторитета, Чхве Сихён и его окружение вынуждены были считаться с настроениями рядовых участников секты, которые хотели бороться как против местных, так и против иноземных угнетателей.

В первой же петиции, адресованной Коджону, повстанцы писали о своей тяжелой жизни и просили облегчить их положение. Петиция заканчивалась словами: «Когда люди в нужде, они ищут родителей; когда они страдают, они ищут бога. Ваше величество, Вы бог и отец для нас».

Послание вану наряду с обычными конфуцианскими тезисами содержало основной тезис тонхак: человек — это бог; оно было пронизано крестьянской верой в справедливого правителя. Из Поына 40 делегатов повезли петицию в Сеул. В столице в это время проводились традиционные экзамены на чин, устроенные в честь дня рождения наследника; под видом экзаменующихся в столицу съехались и многие тонхаковцы.

Весной 1893 г. в стране не переставали бушевать крестьянские волнения, и создавшаяся обстановка серьезно взволновала иностранцев, находившихся в Сеуле. Из американской миссии сообщали в государственный департамент США, что в стране может вспыхнуть «революция». Русские дипломаты доносили в министерство иностранных дел России о «возбуждении умов».

В эти дни в руководстве секты возникли серьезные разногласия. Выделилась группировка во главе с Со Бёнхаком, требовавшая более радикальных мер, чем подача петиций. Опираясь на военных, его сторонники попытались осуществить дворцовый переворот, но были разоблачены и арестованы.

1 апреля 1893 г. ван издал декрет, в котором требовал, чтобы тонхаковцы покинули Сеул, отказались от «вредного учения» и вступили на единственно правильный путь — «изучение конфуцианской мудрости». Декрет заканчивался угрозой предать смертной казни тех, кто ослушается этого повеления.

Начались повальные аресты тонхаковцев, отказавшихся покинуть Сеул. Более того, в столицу вступили еще несколько тысяч повстанцев. Обстановка становилась все более напряженной. На стенах иностранных миссий и городских домов были расклеены обращения к жителям: «Ныне иноземная вера, подобно сети, обволокла нашу страну, заблуждение и ложь разрослись, подобно сорной траве. Везде царят плохое управление и беспорядки».

14 апреля в Сеуле распространились новые воззвания, авторы которых открыто призвали население изгнать иностранцев: «Храм предков вана осквернен общением с варварами. В наших договорах с иностранными державами нет обещания основывать школы и вести пропаганду варварской религии. Сердца ваши (иностранцев.— *Авт.*) полны алчных стремлений к хорошим домам и легкой наживе... С оружием и мечом мы придем и нападём на вас». 17 апреля на фасаде японского консульства в Сеуле появилась листовка с обращением «К корейскому народу», в которой перечислялись все преступления японских захватчиков в Корее со времен нашествия Хидэёси.

В кругах иностранных дипломатов началась паника. Газета «Чайна геральд» 28 апреля 1893 г. сообщала, что все иностранцы, находившиеся в Корее, приготовились к отъезду. Юань Ши-кай доносил в Пекин: «Произойдут беспорядки, но нечего и думать, чтобы предотвратить их. Население столицы в большинстве своем недовольно правительством. Из каждых 10 человек 8 или 9 находятся во власти мятежных идей». Китайское правительство, опасаясь, что иностранные дипломаты вызовут в Корею собственные военные силы, поспешило официально заявить о том, что принимает на себя ответственность за безопасность и имущество иностранцев.

Антиколониальные настроения были особенно сильны в крупных городах и уездах вблизи открытых портов, где в основном располагались иностранцы; враждебные им выступления происходили на о-ве Чеджудо, в районе Кэсона, Инчхона и в других местах. Одновременно по всей стране вспыхивали восстания, носившие по преимуществу антифеодалный характер.

В 1893 г. восстания крестьян и городского населения произошли в провинции Пхёнан (24 пункта), а также во многих уездах Хамгён и Канвон. В конце апреля 1893 г. оживилось крестьянское движение в Чхунчхон (центр — уезд Поын). Сюда вновь прибывали сотни недовольных крестьян. Их привлекали идеи защиты учения тонхак, социальные и освободительные пункты программы секты, которые были включены в нее под воздействием растущего крестьянского движения. Это были прежде всего требования о наказании алчных чиновников и изгнании иностранцев из Кореи.

В уезде Поын повстанцы создали укрепленный лагерь, обнесенный высокой каменной стеной, а на воротах водрузили флаги с названиями провинциальных отделений секты тонхак. На самом большом из них было написано: «Отряд борьбы против японцев и западных варваров». В этот лагерь прибыл посланный ваном чиновник О Юнджун и попытался убедить повстанцев разойтись. Восставшие, заявив о своей решимости бороться против япошцев и всех иностранцев, которые как непрошеные пришельцы наводнили их родину, передали послание вану: «Если бунтовщики те, которые соединяются в общества, чтобы побить японцев и иностранцев, то разве правы те, кто проповедует согласие с собаками и баранами?»¹

Феодалное правительство, убедившись, что провинциальные войска не способны подавить восстание, побоялось, однако, послать в Чолла военные силы из столичного гарнизона или из других провинций, так как народные волнения происходили повсеместно, и решило пригласить китайских солдат. Одновременно правительство сделало вид, что готово удовлетворить некоторые требования восставших; были сняты с постов скомпрометировавшие себя губернатор Чо Бёнсик и начальник военного округа Юн Ёнги.

Рост народного движения вызвал еще большую панику среди ино-

странцев в Корею. Секретарь японской миссии Сугимура предупредил всех японских подданных о грозящей опасности и предложил им принять участие в обороне иностранного селтльмента. В Инчхоне стояли готовые к бою английские и немецкие военные корабли.

Между тем положение в лагере повстанцев резко ухудшилось. Шли проливные дожди, кончились запасы продовольствия, не хватало оружия и боеприпасов. Повстанцы вынуждены были отправить по домам пожилых людей и больных.

26 мая ван отдал приказ начальнику своей гвардии Хон Гехуну с 600 солдат двинуться в Чхунчхон. Но к тому времени повстанцы, изнуренные голодом и болезнями, уже разошлись по домам. В незначительной степени этому способствовали уговоры Чхве Сихёна, рекомендовавшего крестьянам вернуться к повседневным делам (пришло время высадки рисовой рассады) и не применять насильственных методов борьбы.

К 1893 г. народное движение было еще по преимуществу антифеодалным. Как правило, крестьянские выступления развивались стихийно. Элементы организации наблюдались лишь в выступлениях, которыми руководила секта тонхак. Но ее главари сумели свести движение крестьян к подаче петиций, хотя и были вынуждены расширить требования, предъявляемые властям, включив пункт, действительно выражавший интересы крестьян (наказание сборщиков налогов, грабивших народ).

Наступление крестьянской армии в феврале — июле 1894 г.

Новый этап восстания начался с событий в уезде Кобу (Чолла) в январе 1894 г., когда крестьяне выступили против начальника уезда Чо Бёнгапа, взимавшего с местного населения незаконные налоги и сгонявшего крестьян на разные работы под видом трудовых повинностей. Особенно возмутили их махинации Чо Бёнгапа при строительстве плотины для орошения полей. Когда плотина была построена, он обложил крестьян дополнительным налогом по два ту с каждого турака плодородных полей и по одному ту с каждого турака неплодородных, присвоив таким образом более 700 сок зерна.

Выступление крестьян в Кобу возглавил руководитель местной секты тонхак Чон Бонджун (1853—1895). Уроженец тех мест, он происходил из семьи мелкого чиновника, казненного за попытку поднять крестьянское восстание. Чон Бонджун рос в бедности, хорошо знал тяжелую жизнь крестьян и хищничество чиновников. С юношеских лет он зачитывался трудами сирхакистов, с сочувствием относился к кэхва ундон. Стремление облегчить положение народа привело Чон Бонджуна в ряды тонхак.

В начале 90-х годов, когда в южных провинциях поднялось крестьянское движение, Чон Бонджун примкнул к повстанцам, а в 1893 г. был участником митинга в Поыне. Но к этому времени Чон Бонджун уже разочаровался в позиции руководства секты, пытавшегося ограничиться мирным выступлением с чисто религиозными требованиями. На собрании тонхакских деятелей в Поыне произошел раскол; Чон Бонджун возглавил «южную группировку», в которую входили тонхакские ячейки юго-западных уездов провинции Чолла и южных уездов Чхунчхон. «Северной группировкой» руководил Чхве Сихён; под его влиянием остались провинции Кёнсан и Канвон, северные уезды провинции Чхунчхон, северо-западные уезды провинций Хванхэ и Пхёнан.

В конце 1893 г. сам Чон Бонджун еще пытался бороться легаль-

ными методами. Вместе с несколькими десятками крестьян он неоднократно подавал в провинциальное управление жалобы, разоблачавшие мошенничества Чо Бёнгапа. Начальник уезда не был наказан, а Чон Бонджуна выслали из Кобу. Тогда Чон Бонджун и его ближайшие соратники Ким Гэнам и Сон Хваджун призвали бедноту уезда на борьбу с местной администрацией.

15 февраля 1894 г. выступили первые отряды, руководимые Чон Бонджуном, и вскоре заняли уездный центр. Повстанцы (крестьяне и мелкие чиновники, недовольные действиями Чо Бёнгапа) раздали беднякам содержимое государственных складов и оружие из арсенала, возвратили крестьянам зерно, незаконно собранное Чо Бёнгапом. Их базой стала гора Пэксан в уезде Тхэин. Из самого Тхэина, из Муана, Кымгу и других уездов пришли крестьяне, торгово-ремесленный люд, мелкие чиновники, беглые ноби — несколько тысяч человек. Чон Бонджун разбил их на отряды, обучал военному делу.

На горе Пэксан был создан штаб движения; главнокомандующим стал Чон Бонджун. В соседние уезды направили гонцов, которые распространяли обращения повстанцев. В одном из них говорилось: «Сегодня в правительстве нет людей, способных спасти страну, но зато есть много чиновников, терзающих народ... Выражая волю и решение всего народа, мы подняли знамя справедливости и клянемся жизнью спасти государство». Хотя по традиции в обращениях подтверждалась верность восставших вану, однако кроме обычных религиозных требований (свобода проповеди тонхак, реабилитация Чхве Джеу) выдвигались и такие, как борьба с коррупцией чиновников и засильем иностранцев. На знаменах повстанцев были начертаны лозунги: «Против (феодалного. — Авт.) гнета, за спасение народа!», «За изгнание из Корси западных варваров и японцев!».

Накопив силы и пройдя военную подготовку, повстанцы выступили в поход. Из уезда Тхэин они двинулись к Муану (заняли 8 мая) и в уезд Косан. Губернатор Чолла Ким Мунхён выслал в район Тхэина — Косана отряд в 250 человек, который поддержали богатые местные торговцы и помещики. 11 мая произошел первый бой. Повстанцы разбили противника, а затем двинулись в направлении Самко (уезд Кобу). К концу мая они заняли уже девять уездов.

Для подавления восстания из Сеула прибыл отряд в 680 человек, обученный американскими инструкторами и возглавленный Хон Гехунном, уже имевшим опыт борьбы с повстанцами. Одновременно в Чолла прислали чиновника с обращением Коджона, призывавшего восставших разойтись по домам.

К концу мая в главном городе Чолла — Чонджу — скопились крупные правительственные силы. Но это не остановило повстанцев. Они окружили Чонджу, получив поддержку горожан и окрестного населения, а также солдат, дезертировавших из армии. 31 мая они штурмом взяли Чонджу.

Передовые отряды крестьянской армии двинулись на Сеул. Правительственные сановники в панике отправляли из Сеула свои семьи, японцы бежали в Инчхон. Американский посланник Л. Фут срочно созвал в Сеул всех американских миссионеров. Еще 8 мая Юань Ши-кай в секретном донесении сообщал Ли Хун-чжану, что Япония послала военное судно для защиты своих купцов и подданных, и просил прислать китайский корабль.

Правительство спешно собирало войска для разгрома повстанческой армии и подавления стихийных восстаний, вспыхивавших повсеместно. Оно боялось оставить столицу без достаточных военных сил и потому из

сеульского гарнизона послало только два отряда, а три вызвало из провинции Пхённан. Ими командовал генерал Ли Вонхё. 20 июня слешно сформированное правительственное войско двинулось к Чонджу, где сосредоточились основные силы повстанческой армии; в провинции Чолла, Чхунчхон и Кёнсан направили крупного чиновника Ом Сеёна, который должен был успокоить население, наказав особо провинившихся деятелей местной администрации.

В Чонджу повстанцев окружили превосходящие силы правительственных войск. Расположившись на считавшейся священной горе Пэксан, они заняли удобные позиции и обстреляли город. Осажденным не доставало питания и боеприпасов, однако у осаждавших не хватило сил взять Чонджу штурмом. От имени вана Ом Сеён предложил повстанческим командирам заключить соглашение о перемирии, утверждая, что его войска получили приказ разрушить город, а им в помощь якобы прибыли китайские и японские части.

Руководители повстанцев решились пачать переговоры, предварительно выдвинув следующие условия перемирия: свобода проповеди тонхак, предоставление всему населению права на равное владение землей, смягчение феодальной эксплуатации (отмена косвенных налогов, наказание алчных чиновников и богачей), улучшение социального положения беднейших слоев (уничтожение списков ноби, запрет унижительного обращения с низшим сословием, отмена особого головного убора для мясников, разрешение вдовам вторично выходить замуж и т. д.). Наряду с этим содержалось и явно антиколониальное требование: наказать всех, кто поддерживал связи с японцами.

Так впервые в ходе массового антифеодального движения была столь полно сформулирована и предъявлена правительству программа реформ. Ее содержание перекликалось с теми преобразованиями, которые в свое время предлагали деятели сирхак и кэхва ундон; это еще раз подтверждает, что передовые мыслители действительно выражали нужды народа, назревшие потребности развития общества. Теперь с этой программой реформ выступила уже сама крестьянская масса, что свидетельствовало о росте ее классового самосознания, о более высокой ступени антифеодальной борьбы.

Правительство согласилось подписать перемирие на условиях, предложенных повстанцами; само по себе это означало серьезную победу крестьянского движения, хотя власти и не собирались выполнять своих обещаний, а им нужно было лишь выиграть время и мобилизовать силы для подавления восстания. Тем не менее некоторые пункты перемирия властям пришлось осуществить, в частности реформу административного управления. В 53 уездах провинции Чолла учредили новые органы местной администрации. Их создавали на основе тонхакских ячеек (пхо) и называли «чипкансо». Они состояли из главы (чипкана) и нескольких чиновников.

Новые органы власти должны были на практике осуществить основные пункты перемирия, прежде всего уничтожить социальное неравенство, начав с ликвидации системы ноби. В условиях тогдашней Кореи это, несомненно, было утопией, но само провозглашение подобных мер способствовало пробуждению общественного сознания широких масс.

После заключения перемирия крестьянская армия вышла из Чонджу и отступила в район Сунчхона и Намвона.

Тем временем антифеодальные крестьянские восстания продолжались; особенно бурно они протекали в провинции Чхунчхон, где повстанцы заняли уезды Хведок и Чиллён. Местные войска не могли подавить крестьянские волнения. Глава секты Чхве Сихён пытался воспре-

пятствовать антифеодальной борьбе в провинции и организации там вооруженных выступлений. Главари секты сумели помешать объединению сил восставших, но локальные выступления крестьян продолжались в уездах Муный, Сочхон, Хведок, Чиллён, Чхонсан, Мокчхон и др.

Начавшись на юге, крестьянские восстания прокатились по всей стране. В Кёнги они охватили уезды Ансон, Еджу, Кванджу; в Канвон — Ансон, Хвансон, Хопчхон; в Хванхэ — Хэджу, Синчхон, Чорён, Чангён, Анак и т. д. В тех местах, где находились иностранные дипломаты, купцы и миссионеры, волнения народа приобретали и национально-освободительные черты.

В январе — июле 1894 г. религиозные цели крестьянской борьбы в значительной мере отошли на второй план, уступив место антифеодальным задачам. К руководству крестьянскими массами пришли Чон Бонджуи, Ким Гэнам и Сон Хваджун — сторонники решительной борьбы с феодальными властями; Чхве Сихён, отстаивавший петиционный путь, все более утрачивал влияние. Тонхак оставалось только религиозной оболочкой массового антифеодального движения. Вера в мистические заклинания и молитвы, в магическую силу амулетов и прочих религиозных атрибутов вселяла в крестьян уверенность, что они неуязвимы для врага. С деревянными копьями и бамбуковыми палками повстанцы смело шли в бой против хорошо вооруженного противника и побеждали его. Уже на этом этапе движения антифеодальная направленность крестьянской борьбы способствовала дальнейшему политическому размежеванию общества. Крупные помещики и многие богатые торговцы либо непосредственно участвовали в подавлении восстания, либо оказывали властям финансовую помощь. Так, правительство получило крупные суммы от гильдий купцов, торговавших шляпами, бумагой и изделиями из травы.

Корея в период японо-китайской войны. Реформы 1894 г.

В середине 1894 г. феодальный режим в Корее находился на краю гибели. Никогда еще он не оказывался в столь критическом положении, не имея сил противостоять натиску восставшего народа. Единственным спасителем феодальные правители Кореи считали цинский Китай, который готов был уже не в первый раз оказать содействие в подавлении народного движения. Китайского чиновника Сюй Го-цюня назначили советником при Хон Гехуне, командовавшем правительственными войсками в Чолла; карателям передали стоявший в Инчхоне китайский военный корабль.

Корейское правительство направило Юань Ши-каю официальное послание с просьбой о помощи. Цинское правительство не замедлило выслать войска; 8 июня 1,5 тыс. китайских солдат высадились в районе Асана. Этим воспользовалась Япония. Японские власти сослались на Тяньцзиньское соглашение (по которому Япония и Китай, отправляя войска в Корею, обязывались заранее уведомлять об этом друг друга) и, обвинив Китай в его нарушении, спешно направили в Корею 4,5 тыс. солдат. Официально было объявлено, что эти войска прибыли для защиты японских подданных в Корее.

В демагогических целях японское правительство предложило Китаю совместно провести в Корее некоторые реформы. Китай отверг эти предложения. Тогда 18 июля 1894 г. Япония предъявила корейским властям ультиматум, требуя расторжения всех договоров, ранее заключенных с Китаем. Корейская сторона ответила отказом; 23 июля японские дип-

ломаты в Корею перешли к решительным действиям по заранее продуманному плану.

Японский вооруженный отряд занял ванский дворец и объявил о создании нового кабинета во главе с тэвонгуном. Правительница Мин и ее приближенные были схвачены и высланы на отдаленный остров. Юань Шп-кай, переодевшись в женское платье, бежал из Сеула. 25 июля без официального объявления войны японские военные суда напали на транспорт с 1,3 тыс. китайских солдат на борту, подходивший к Асанской бухте. Объявление войны последовало только 1 августа.

Так началась японо-китайская война.

Население с негодованием встретило появление в Корею иностранных войск. По всей стране прокатилась новая волна антияпонских выступлений. Дипломатические представители в те дни сообщали из Сеула, что власть японцев не распространяется дальше столицы. В провинциях чиновники отказывались подчиняться распоряжениям прояпонского правительства.

Американский посланник Силл сообщал президенту США, что «даже губернаторы и главы городов не выполняют указов вана. Сейчас в Корею наблюдается выражение тех чувств, которые мы называем патриотизмом. Все охвачено ненавистью к японцам».

Рассчитывая успокоить народные массы, внести разложение в ряды повстанцев, правительство провозгласило программу реформ. Стоявший за спиной правительства японский посланник Отори Кэйсукэ одобрил этот проект, надеясь подчеркнуть «цивилизаторскую миссию» Японии и облегчить колонизаторам проникновение в корейскую экономику и культуру.

Для разработки реформ был создан Высший военный совет (Кунгук кимучхо), в который включили как консерваторов из окружения тэвонгуна, так и либерально настроенных последователей кэхва ундон. С 30 июля по 29 октября этот совет подготовил и опубликовал более 200 новых законов, известных в истории как «реформы года кабо»².

Один из принятых законов провозглашал прекращение зависимости от Китая и борьбу с традиционным преклонением перед ним. Ряд законов посвящался социальным проблемам: окончательно упразднялась система ноби, простонародье уравнивалось в правах с янбанами, отменялись некоторые уродливые обычаи (запрещались ранние браки, вдовы получили разрешение выходить замуж и т. д.).

Новые законы обещали облегчить эксплуатацию, в частности собирать налоги строго по правилам, прекратить незаконные обложения, привести в порядок денежную систему, систему мер и весов; натуральные поставки полностью заменялись деньгами. Правительство обязалось охранять жизнь и имущество подданных.

Основное внимание уделялось совершенствованию административного управления. Ван должен был решать все дела только с министрами, правительница Мин и ее родственники полностью отстранялись от управления страной. Сокращались расходы двора, дворцовое управление отделялось от государственного. Предполагались уточнения функций министров, перестройка местных органов власти, ограничение прав чиновников. Серьезной реорганизации подлежала корейская армия.

Реформы затронули и просвещение. Отменялись изжившие себя экзамены на чин — кваго. Правительство обязалось выдвигать на должности независимо от сословного происхождения, обещало шире практиковать посылку на учение за границу, печатать учебники для школ и т. д.

Нетрудно заметить, что многие обещания носили откровенно демагогический характер; они никогда не были осуществлены (равноправие,

уменьшение эксплуатации, охрана интересов подданных). Вместе с тем нельзя не признать, что «реформы года кабо» включали многие требования участников кэхва ундон и даже часть условий перемирия, подписанного правительством с повстанцами. Безусловно, это было большим достижением народного движения.

Ученые КНДР в «Истории корейской философии» (Пхеньян, 1966), оценивая историческое значение «реформ года кабо», справедливо указывают: «Хотя эти преобразования отвечали агрессивным замыслам японского капитализма, который поощрял их и оказывал помощь в их практическом претворении в жизнь, однако по сути своей „реформы года кабо“, будучи в известном смысле отражением насущных требований корейского народа, являлись буржуазными реформами, находившимися в какой-то мере в соответствии с общим направлением объективного развития корейского общества».

Широко разрекламированная программа реформ не принесла умиротворения, на которое рассчитывало правительство. Русский офицер Вогак, находившийся в Корее, отмечал, что реформы «подвигаются очень туго, ибо встречают оппозицию и недовольство населения... Революционеры тогакуто (тонхаковцы.— Авт.) снова волнуются на юге, и движение их подходит к Сеулу. Они ожидают только удобной минуты, чтобы восстать открыто, на этот раз против японцев... Положение дел в Сеуле очень серьезно и запутанно».

Присутствие своих войск в Корее японские колонизаторы использовали для нового наступления на ее суверенитет.

20 августа 1894 г. был подписан Договор о вечном союзе, по которому корейские власти обязались проводить реформы только после обсуждения их с японским правительством, предоставить Японии право строительства железных дорог между Сеулом и Инчхоном, Сеулом и Пусаном; передать в собственность японского правительства телеграфные линии Сеул — Инчхон и Сеул — Пусан; открыть для торговли еще один порт в Чолла. Этим договором японские колонизаторы обеспечили себе право беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела корейского государства.

26 августа 1894 г. они навязали Корее Договор о военном союзе. В вводной части договора указывалось, что от имени корейского правительства Японии доверяется изгнание китайских войск с корейской территории, в остальных статьях подчеркивалось, что ведение всех военных действий возлагается на Японию, а Корея поможет японским войскам транспортом и доставкой продовольствия.

Военные действия начались на территории Кореи. Крупнейшее сражение японских и китайских войск произошло у Пхеньяна 16 сентября 1894 г. и закончилось поражением китайских войск. К концу сентября они были полностью вытеснены с корейской земли.

Население Кореи не скрывало враждебного отношения к японским войскам, фактически оккупировавшим страну. Крестьяне и мелкие торговцы отказывались продавать им продовольствие. Японской армии пришлось получать все продукты из Японии. В Северной Корее, славившейся хорошими лошадьми, японцы не могли получить не только лошадей, но и вьючного скота. Население отказывалось служить в японской армии, хотя там предлагали очень высокую плату (2 долл. в сутки). Командованию приходилось ввозить из Японии рабочих и даже заставлять их впрягаться в телеги.

Уезды, по которым проходили японские и китайские войска, превращались в пустыни, города Чечхон, Вонсан, Пхеньян, Ыйджу, Анджу, Кванджу были разрушены, многие деревни стерты с лица земли.

В Ыйджу, где до войны, по сведениям русского путешественника А. Г. Лубенцова, числилось 3 тыс. домов, их сохранилось не более 200. Англичанка И. Бишоп, находившаяся в то время в Корее, позднее писала: «Японская армия прошла по стране подобно средневековой чуме». Корреспондент русской газеты «Дальний Восток» в августе 1894 г. сообщал, что «жители бегут в горы, вооружаясь кто чем может, есть нечего, ждут голода. В Гензане (Вонсан) китайский квартал разграблен и сожжен».

Завершив в сентябре разгром китайских войск, японские колонизаторы не вывели свою армию из Кореи. Штаб ее продолжал оставаться в Пхеньяне, в крупных городах размещалось в общей сложности 20 тыс. солдат. Японское командование с тревогой следило за полыхавшими в его тылах восстаниями.

Разгром повстанческого движения

Заклучив перемирие с правительством, крестьянская армия продолжала удерживать часть уездов провинций Чолла, Чхунчхон, Кёнсан и Кёнги. Крупные очаги восстания были также в северной провинции Хамгён (Кёнсон, Самсу) и в Хванхэ, где действовали отряды крестьян, ремесленников, ноби и беглых солдат. К этому времени, по словам корреспондента газеты «Дальний Восток», народное антияпонское движение приняло столь массовый характер, что создавалось впечатление, будто половина всего населения страны восстала.

К осени 1894 г. основные силы повстанческой армии собрались в уезде Нонсан (Чолла). В ее рядах, по подсчетам современных корейских историков, было около 100 тыс. бойцов. Как сообщала газета «Таймс», к повстанцам присоединились и 400 корейских солдат, снабженных японским оружием.

В октябре 1894 г. в Нонсане состоялось совещание руководителей всех крестьянских отрядов. Присутствовал также Чхве Сихён. Большинство повстанцев требовали похода на Сеул, чтобы свергнуть про-японское правительство и изгнать иностранцев из Кореи. К ним была вынуждена присоединиться и группа Чхве Сихёна, оказавшаяся в меньшинстве.

В эти дни руководство крестьянской армии опубликовало новое обращение к народу, в котором говорилось, что она не причинит никакого вреда населению и его имуществу, будет охранять мир и принесет благополучие народу, очистит священную землю от японцев и других иностранцев. Объявлялось, что армия пойдет на Сеул, чтобы уничтожить властолюбивую знать и навести порядок в управлении страной. В воззвании подчеркивался антифеодальный и национально-освободительный характер борьбы. В октябре в повстанческие отряды вступали все новые бойцы. К крестьянам, основной движущей силе восстания, присоединялись многие недовольные японским засильем в стране — чиновники, ремесленники, торговцы, конфуцианские деятели.

20 октября повстанческая армия начала наступление на г. Конджу. Местные власти заранее готовились к обороне: строили дополнительные укрепления, провели мобилизацию. В город прибыли японский батальон и 10 тыс. корейских солдат из Сеула. Командование повстанцев выслало вперед несколько мелких отрядов, которые продвигались разными дорогами, расчищая путь основным силам.

Возле Конджу развернулись ожесточенные бои. Шесть дней повстанцы героически атаковали вооруженных до зубов японских и корей-

ских солдат. Но хорошо укрепленный город оказался неприступным. Нанеся серьезный урон противнику, повстанцы были вынуждены отступить и расположиться лагерем у деревни Иып. Но их передовые отряды продолжали двигаться на Сеул.

3 ноября у деревни Иып восставшие одержали внушительную победу над японскими и правительственными войсками. Узнав об этом, японские власти в Корее, в частности посланник Иноуэ Каору, затребовали подкрепления из Японии. Из Инчхона в район восстания спешно перебросили еще один ясенский отряд. Не надеясь только на регулярные войска, корейское правительство при поддержке колонизаторов создавало «отряды самообороны» из реакционных помещиков, чиновников, купцов и деклассированных элементов.

23 ноября пополненные японские и правительственные войска остановили возле Ксанджу крестьянскую армию. Начались кровопролитные бои, охватившие также несколько соседних уездов. Под напором превосходящего по численности и хорошо вооруженного противника повстанцы ушли в южные районы Чхунчхон, а затем в Чолла. Их последним опорным пунктом стал г. Нонсан, который они удерживали 11 дней. После падения Нонсана мелкие отряды повстанцев рассеялись по всей округе, а Чон Бонджун с ближайшими помощниками укрылся в одной из деревушек уезда Сунчхон. 9 декабря 1894 г. все они были арестованы по доносу предателя.

После ареста Чон Бонджуна руководство остатками крестьянской армии захватил один из реакционных главарей тонхак — Сон Бёнхи, который фактически способствовал ее окончательному разгрому. Японские солдаты и «отряды самообороны» зверски расправлялись с повстанцами. Некоторые деревни были сожжены вместе с жителями.

В Сеуле был устроен суд над Чон Бонджуном, который в своем последнем слове разоблачил японских колонизаторов. «Ваша страна,— сказал он, обращаясь к японскому консулу,— под предлогом распространения идей цивилизации без объявления войны, безрассудно ввела войска, заняла дворец, отстранила от дел его величество, что возмутило даже крестьян-патриотов, которые не знали, в чем состоит их долг. Они объединились, и единой их целью стала борьба с вашей страной». Выступление руководителя корейских повстанцев показало, что он воспринял те идеи тонхак, которые выражали прежде всего антифеодальную, освободительную направленность этого учения. Чон Бонджун и его ближайшие соратники — Ким Гэнам и Сон Хваджун были казнены. Головы их насадили на колья и для устрашения народа выставили по дороге к Сеулу.

Несмотря на кровавый разгром крестьянской армии, уцелевшие ее отряды еще некоторое время продолжали партизанскую войну.

Так закончилась крестьянская война 1893—1894 гг., являвшаяся самым грозным выступлением народных масс за всю историю феодальной Кореи. Причин поражения восставших было много: слабость руководящего ядра, разобщенность сил и отсутствие связи с повстанцами других районов, недостаток военного опыта, плохое вооружение. Сказывалась и политическая наивность участников движения, все еще веривших в «доброту монарха», «не ведавшего» о страданиях народа. Несомненно, огромную роль сыграло вмешательство японской армии, которая в конечном итоге и подавила восстание.

Крестьянская война 1893—1894 гг.— высшая точка антифеодального движения в Корее. Она свидетельствовала о том, что кризис феодализма достиг своей кульминации. Правящий режим уже не мог собственными силами подавить крестьянское движение.

Несмотря на тяжкое поражение, восстание народных масс оставило заметный след в истории Кореи. Оно потрясло все здание феодализма и заставило господствующий класс пойти на уступки в виде «реформ года кабо», в известной мере учитывавших требования масс и расчистивших Корею развитие по капиталистическому пути.

Вместе с тем крестьянская война знаменовала начало нового этапа освободительного движения, когда антифеодальные задачи постепенно стали отходить на второй план, уступая ведущее место антиколониальной борьбе. Так случилось уже на последнем этапе самой крестьянской войны. Два года восстания, столкновения с объединенными силами колонизаторов и внутренней реакции способствовали росту национального самосознания корейского народа, укрепили его волю к борьбе за свободу и независимость.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ. БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1895—1903 гг.)

Политическая обстановка в стране

В апреле 1895 г. победой Японии закончилась японо-китайская война. В. И. Ленин писал: «Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»¹.

Стремление японских капиталистов захватить как можно большую часть китайского «лакомого куска» выявилось при заключении Симонсекского мирного договора (1895 г.). Япония добилась передачи ей китайских островов Пэнхуледао и Тайвань. Китай обязался выплатить контрибуцию (230 млн. таэлей) и открыть для иностранной торговли еще четыре порта. Особый пункт договора подтверждал ликвидацию вассальной зависимости Кореи от Китая.

Так завершилась длительная борьба между Японией и Китаем за господство в Корее. Японская буржуазия окончательно устранила одного из главных соперников. США и Англия поддерживали японские притязания в Китае и Корее, исходя из собственных планов — потеснить позиции царской России на Дальнем Востоке, использовать поражение Китая, чтобы установить там собственное влияние.

Царское правительство благосклонно отнеслось к вторжению японской буржуазии в Китай, так как считало, что она воспрепятствует усилению там английского влияния. Но, с другой стороны, царизм опасался утверждения Японии на пограничных с Россией китайских землях и поэтому был непреклонен в вопросе о Ляодуне; Японии пришлось отказаться от планов захвата этого полуострова.

В программе развития Японии, рассчитанной на десять лет и принятой парламентом в 1895 г., Корее отводилась важная роль — рынка сбыта, сферы приложения капиталов, источника сырья и военно-стратегической базы. Колонизаторы начали с укрепления всенно-оккупационного режима, установленного в Корее летом 1894 г., чтобы постепенно перейти к полному экономическому и политическому закабалению страны. Японские войска разместились в открытых портах и крупных городах юга, а на севере остались японские военные силы, дислоцированные еще в период войны. Для укрепления политической власти Япония сформировала новый маршноточный кабинет во главе с Ким Хонджином. Был создан новый совещательный орган — Государственный тайный совет (вместо Кунгук кимучхо); колонизаторы хотели внушить мысль, что, направляя деятельность корейских правительственных органов, они осу-

шествляют «цивилизаторскую миссию». Однако патриотически настроенные чиновники были уволены, а лица, известные своими антияпонскими взглядами, арестованы и высланы из столицы.

Марионеточное правительство реорганизовало корейскую армию и полицию. Офицеров, заподозренных в недовольстве действиями колонизаторов, увольняли в отставку. В корейской армии появилось много японских офицеров, были введены новые устав и форма, солдат снабдили японским оружием. Значительно увеличилось число полицейских в открытых портах и крупных городах. По их доносам без суда и следствия расправились с тысячами патриотов.

Присутствие оккупационной армии и реорганизация полицейской системы не могли подавить в корейском обществе недовольства действиями колонизаторов. Оно росло и принимало самые различные формы. Вновь развернулась партизанская борьба, в которой участвовало почти все население — от крестьян до янбанов. Патриотически настроенные чиновники саботировали приказы марионеточного правительства. После того как под давлением России Япония отказалась от претензий на Ляодун, часть чиновничества и интеллигенции стала ориентироваться на помощь России.

Феодално-националистические круги во главе с супругой вана — Мин Мёнсон — продолжали пользоваться большим влиянием. В апреле 1895 г. им удалось добиться отстранения японских ставленников — премьер-министра Ким Хонджипа и некоторых министров.

Японское правительство, серьезно обеспокоенное ситуацией в Корее, отозвало посланника Иноуэ Каору как не справившегося с задачей и назначило на его место Миура Горо — представителя самых оголтелых милитаристских кругов. С сентября 1895 г. Миура Горо приступил к осуществлению нового курса. Он начал с расправы над феодално-националистической оппозицией в лице супруги вана и ее окружения.

8 октября 1895 г. банда японских наемных убийц и свыше 400 солдат, ворвавшись во дворец вана, зверски убили его супругу и ее ближайших родственников. На следующий день Миура Горо передал власть тэвонгуну и сформировал новый кабинет во главе с Ким Хонджипом. Ван Коджон стал пленником японцев. Все чиновники, заподозренные в симпатиях к его жене и к Минам, были высланы в отдаленные города, дворцовую стражу заменили специально подготовленным отрядом. Когда стало известно о зверском убийстве жены вана (хотя Миура Горо и пытался его скрыть), взрыв негодования прокатился по всей стране. Японское правительство было вынуждено отозвать посланника, изобразив убийства во дворце как его личное преступление. В Японии разыграли комедию суда над Миура Горо, после чего он был освобожден.

В Корею прибыл новый посланник — Комура Дзютаро. Вместе с ним явился и Иноуэ Каору, по-прежнему считавшийся в Японии «специалистом» по корейскому вопросу. Они принесли извинения Коджону от имени японского правительства. Несколько чиновников как соучастники заговора Миура Горо были уволены, а начальник полиции и военный министр преданы особому суду.

Тем не менее антияпонские настроения росли, в том числе в кругах высшего чиновничества. 26 ноября сановники организовали заговор, чтобы вызволить Коджона из японского плена. Но заговорщики, опиравшиеся на дворцовую стражу, были разбиты войсками, сформированными японскими офицерами. Началась новая волна репрессий.

Государственный департамент США не собирался препятствовать японским колонизаторам. Более того, государственный секретарь Олни в категорической форме запретил посланнику США Силлу присоединять-

ся к каким-либо акциям держав во главе с Россией в защиту корейского вана. В паре росла симпатия к России, с которой он связывал надежду на избавление от японских колонизаторов. Ненависть к последним в широких массах еще более возросла после опубликования 20 декабря 1895 г. декрета о реформах, унижавших национальное достоинство корейцев: мужчинам запрещалось курить трубки, носить широкополые шляпы; их традиционные прически (волосяные «шишки») ² надлежало остричь; вводились также изменения в одежде. Все это делалось под видом «европеизации» корейцев.

Коджон и окружавшие его янбаны считали, что только Россия может освободить вана из плена, а Корею спасти от японского колониального ига. Через русского посланника К. И. Вебера они передали царскому правительству просьбу Коджона установить протекторат России над Кореей и прислать русские военные суда. Но царское правительство, не считая себя готовым к активной борьбе за Корею, отказалось. Тогда Коджон тайком переслал в русскую миссию записку, в которой просил оказать ему покровительство и защиту. Русские дипломаты дали согласие (их действия позднее были одобрены в Петербурге); 11 февраля 1896 г. ван и наследник бежали из дворца и укрылись в русской миссии. На следующий день Коджон издал эдикт о роспуске прояпонского кабинета и создании нового. Министры и высшие чиновники — ставленники японцев, японские инструкторы и советники были сняты со своих постов. В Сеуле и других крупных городах прокатились новые антияпонские восстания.

Политические позиции Японии в Корее оказались серьезно подорванными. Одновременно возросло влияние России, правительство которой считало необходимым упрочить свое положение в этой стране, потеснить Японию и не дать укрепиться другим державам. В Корею стали прибывать русские купцы, предприниматели, советники.

В создавшихся условиях японское правительство сочло единственным возможным заключить соглашение с Россией. Царское правительство, не желая обострять отношений с Японией, а также с США и Англией, которые были крайне недовольны усилением позиций России в Корее, приняло это предложение. Кроме того, основные интересы царизма сосредоточивались тогда в Маньчжурии.

14 мая 1896 г. в Сеуле был подписан первый русско-японский меморандум, по которому Япония признала новое правительство Кореи и соглашалась на совместное с Россией «преподание советов» вану. Особенно важным был четвертый пункт, ограничивавший численность японских войск в Корее до двух рот в Сеуле и по одной в Пусане и Вонсане (каждая — не более 200 человек). Россия получила право в тех же городах содержать охрану, не превышающую численность японских солдат. Большая часть японских войск выводилась из Кореи, и, следовательно, прекращался военно-оккупационный режим, установленный еще в период войны.

9 июня 1896 г. в Москве был подписан протокол, состоявший из гласной и секретной частей и устанавливавший юридическое равенство сторон вместо монопольного господства Японии. Этот протокол, как и предыдущий меморандум, был заметным успехом царской дипломатии и свидетельствовал о значительном усилении позиций России в Корее, что вызвало соответствующую реакцию крупнейших капиталистических держав, напуганных ростом влияния России. Под давлением дипломатических представителей Англии, Франции и США 20 февраля 1897 г. Коджон возвратился во дворец из русской миссии.

Япония, европейские державы и США считали, что после возвращения вана они смогут быстро оттеснить царскую Россию в Корею. Прави-

тельство микадо всячески стремилось расположить к себе Коджона и его приближенных. По его инициативе 12 октября 1897 г. Коджон в торжественной обстановке был провозглашен императором; колонизаторы хотели подчеркнуть независимость Кореи от Китая и «уважение» Японии к ее правителю.

Японское правительство старалось всеми мерами ослабить влияние царской России, ставшей теперь его главным соперником в Корее, а потому добивалось пересмотра заключенных ранее соглашений. Царская Россия, не располагавшая еще достаточными силами на Дальнем Востоке и всецело поглощенная соперничеством с Англией в Китае, пошла на значительные уступки Японии. Подписанный 25 апреля 1898 г. Токійский протокол Ниси — Розена зафиксировал эти уступки. Россия отказывалась от экономических привилегий в Корее и обязывалась не препятствовать развитию торговых и промышленных отношений этой страны с Японией, отзывала русских советников и инструкторов.

В самой Корее японские колонизаторы патакаливались на решительное противодействие. Не затихала антияпонская вооруженная борьба, в государственном аппарате патриотически настроенные служащие чинили колонизаторам всевозможные преграды. В 1902 г. японским капиталистам было отказано в предоставлении ряда концессий, в том числе на проведение телеграфа от Сеула до Пусана, Масана и Вонсана, делались попытки ограничить японское рыболовство в корейских водах. Корейское правительство в 1902 г. издало указ, запрещавший иностранцам (прежде всего японцам) покупать земли за пределами открытых портов, и потребовало от провинциальных властей строгого его выполнения.

Дальнейшее укрепление позиций Японии в Корее должен был обеспечить договор, заключенный ею в 1902 г. с Англией. Англо-японский союз преследовал захватнические цели. Договор признавал «особые интересы» Англии в Китае, а Японии в Корее и Китае, допускал военную интервенцию каждой из сторон в этих странах. Япония приобрела сильного союзника на случай новых конфликтов с царской Россией. Ее поддерживали также США, которые опасались влияния царизма в Маньчжурии, и Германия, рассчитывавшая, что, увязнув на Дальнем Востоке, Россия ослабит свои позиции в Европе.

Закабаление Кореи японским империализмом и экспансия капиталистических держав

В. И. Ленин писал о Японии, что «это государство — буржуазное, а поэтому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии»³. По мнению японских буржуазно-помещичьих кругов, их колонией должна была стать Корея.

В апреле 1896 г. при непосредственном участии министерства земледелия, промышленности и торговли японские купцы в Корее основали Ассоциацию по изучению и поощрению торговых операций на местных рынках. Главное управление ее находилось в Инчхоне, отделения — в Сеуле, Пусане и Вонсане, филиал — в Осака. К январю 1898 г. в Ассоциации было уже 500 японских купцов. Каждому предоставлялась безвозмездная правительственная помощь. В открытых корейских портах создавались транспортные конторы, обслуживавшие японских купцов и их посредников. Ассоциация располагала широко разветвленной сетью агентуры из корейских торговцев-компрадоров. Они поставляли точную информацию о рыночной конъюнктуре, что обеспечивало выгодный сбыт товаров и возможность устранить конкурентов.

Протекционистская политика японского правительства приносила свои плоды. Если в 1896 г. из 258 иностранных торговых домов в Корее 81% принадлежал Японии, то в 1901 г.— уже 87%. В 1899 г. только в Пусане, Инчхоне и Вонсане насчитывалось 1912 японских торговцев.

В корейском импорте после 1895 г. преобладающее положение занимала Япония (табл. 1).

Таблица 1
Корейский импорт в 1895—1903 гг.*

Год	Общая сумма, тыс. иен	Из Японии		Из Китая	
		тыс. иен	%	тыс. иен	%
1895	8 088	5 839	72,2	2120	26,2
1897	10 068	6 432	63,9	3536	35,1
1899	10 227	6 658	65,6	3471	33,9
1901	14 696	9 052	61,6	5618	38,2
1903	18 219	11 555	63,4	5359	29,4

* Недостающие проценты до 1901 г. приходились на долю России, с 1903 г.— Англии и США. См. В. И. Шипаев, Колониальное закабаление Кореи японским империализмом, М., 1964, стр. 13.

По-прежнему основную статью ввоза из Японии (примерно 75%) составляли текстильные изделия. В начале XX в. японские хлопчатобумажные ткани были в 1,5 раза дешевле корейских, что наносило непоправимый удар по крестьянским домашним промыслам и ремесленному производству. Наводняя корейский рынок своими товарами (спиртные напитки, табак, сахар, спички, керосин, мыло, бумага, вата), японские купцы продолжали выкачивать из страны продукцию местного производства.

Таблица 2
Корейский экспорт в 1895—1903 гг.*

Год	Общая сумма, тыс. иен	В Японию		В Китай	
		тыс. иен	%	тыс. иен	%
1895	2482	2366	95,8	92	3,7
1897	8974	8090	90,2	736	8,2
1899	4998	4205	84,2	685	13,7
1901	8462	7402	87,5	800	9,5
1903	9478	7599	80,2	1549	16,3

* См. В. И. Шипаев, Колониальное закабаление Кореи японским империализмом, стр. 14. Недостающие проценты приходились на долю России.

Как показывает табл. 2, вывоз в Японию к 1903 г. в стоимостном выражении увеличился более чем в 3 раза. Однако доля Японии в экспорте из Кореи (как и в корейском импорте) заметно уменьшилась. Это объяснялось тем, что не был еще полностью вытеснен из внешней тор-

говли Китай, экономические позиции которого даже несколько расширились. Сказывалось и продолжавшееся в те годы русско-японское соперничество, не позволявшее Японии безраздельно господствовать в торговле. Как и прежде, в вывозе из Кореи в Японию основную статью составляла продукция сельского хозяйства (в 1895 г.— 93%, в 1902 г.— 94%). Резко увеличился вывоз риса (в 1895 г.— 18,3 тыс. т, в 1901 г.— 275,8 тыс. т).

Японские купцы, вывозя из Кореи рис и зерновые, спекулировали ими на мировом рынке. Они опутали корейских крестьян сетью ростовщической кабалы, пользуясь их крайней нуждой, особенно в осенние месяцы. Голод и разорение крестьян в начале XX в. достигли таких размеров, что правительство было вынуждено запретить вывоз зерна из Кореи и разрешило его беспошлинный ввоз. Но вывоз не прекратился. В 1902 г. за границей было закуплено 13,2 тыс. т риса, в то время как вывоз составил 142,2 тыс. т.

Значительное место в корейском экспорте принадлежало золоту. Вывозом его занимались некоторые японские торговцы и филиалы японских банков в Корее. По сведениям, приведенным в сборнике «Исследования по социально-экономической истории Кореи» (Токио, 1933), в 1902 г. из Кореи вывезли золота на 5064,1 тыс. иен (доля Японии — 98,8%), а в 1903 г.— на 5456,3 тыс. (доля Японии — 99,9%).

Особую роль в экономической экспансии колонизаторы отводили японским банкам. Широко развернул свою деятельность в Корее «Первый банк». В 1898 г. его отделения функционировали в Мокпхо, а в начале XX в.— в Кунсане, Чиннампхо, Пхеньяне, Тэгу, Сонджине, Кэсоне. Открывали отделения и другие японские банки. Практически они были во всех крупных городах.

Не довольствуясь обменными операциями, японские банки предоставляли кредит и займы японским купцам, которые на эти средства скупали на корню урожай у корейских крестьян. Кроме того, банки выкачивали из страны золото. Японские колонизаторы ревниво следили за тем, чтобы их монополия не была нарушена. Так, они сорвали в 1901 г. соглашение о займе, которое собиралась подписать с корейским правительством Франция, предлагавшая 5 млн. иен из расчета 5,5% годовых. Вместо этого японское правительство навязало Корее заем всего в 500 тыс. иен из расчета 10% годовых⁴.

Японская буржуазия использовала свои банки для контроля над денежной системой Кореи. Анархия, царившая в корейских финансах, несомненно, способствовала успеху колонизаторов. Японская валюта получила право беспрепятственного обращения. После денежной реформы, проведенной колонизаторами, корейские денежные знаки приравнивались к японским иенам. Частные лица получили право чеканки никелевой монеты, открывавшее широкие возможности для выпуска обесцененных денег.

Японские банки в начале XX в. выпускали в обращение бумажные банкноты («Первый банк» в 1902 г.— банкноты стоимостью в 1 и 5 иен). В стране поднялось движение против распространения японских денежных знаков. 50 крупных купцов Сеула обратились с таким прошением в министерство иностранных дел. В результате выпуска японских банкнот упала стоимость корейской никелевой монеты.

В непосредственном контакте с банками в открытых портах действовали японские ломбарды, развернувшие ростовщические операции и принимавшие в заклад движимую и недвижимую собственность. В 1898 г. в Инчхоне их было 12, в Кэсоне — 59. В Сеуле открылось специальное управление 40 ломбардами.

Программа колониальной экспансии в Корею включала строительство в военно-стратегических и торговых целях широкой сети железных дорог.

В сентябре 1899 г. было закончено строительство линии Сеул — Инчхон, начата постройка дороги Сеул — Пусан. Предпринимателей финансировал «Первый банк». В июле 1899 г. корейский купец, за которым стояли японские капиталисты, получил право на проведение дороги по линии Сеул — Вонсан — Кёнхын. В 1902 г. японские капиталисты перекупили у корейского акционерного общества железных дорог контракт на проведение линии Сеул — Ыйджу.

В конце XIX — начале XX в. японские концессионеры стали добывать золото в Чолла (близ Мокпо) и Хванхэ.

Постепенно в руки японских колонизаторов перешло и рыболовство в корейских водах. Еще в 1896 г. в Пусане (а позднее и в других открытых портах) было создано «Японское рыболовное общество». В 1899 г. ему принадлежало 1330 рыболовных судов, обслуживавшихся 6 тыс. рыбаков. В начале XX в. уже 25 тыс. японских рыбаков ловили рыбу в корейских водах. В 1900 г. в Японии был создан специальный рыболовецкий союз, руководивший этим промыслом и получавший крупные правительственные субсидии.

Развитие японской колониальной экспансии в Корею сдерживалось договором 1876 г., запрещающим покупать землю в Корею и основывать предприятия на расстоянии двух миль за пределами открытых портов. Японское правительство, не считаясь с запретом, направляло в Корею своих колонистов. К 1901 г. их было уже около 30 тыс. Они захватывали земли и строили дома, несмотря на протесты властей. Большие японские поселения появились на восточном побережье провинции Канвон и в других местах.

Царская Россия также делала попытки укрепить свои экономические позиции в Корею. Особенно активными они были в 1896—1898 гг. В апреле 1896 г. русский купец Нищенский заключил с корейским правительством контракт на разработку в течение 15 лет золотых россыпей в двух уездах провинции Хамгён, в том же году русский предприниматель граф Кейзерлинг основал китобойную стапцию на восточном побережье Кореи. Особенно широкий размах приобрела деятельность концессии по лесозаготовкам в бассейне рек Туманган и Амноккан, основанной в августе 1896 г. владивостокским купцом Бриннером.

Царское правительство собиралось направить в Корею финансового советника, военных инструкторов, открыть русско-корейский банк и предоставить Корею заем, что укрепило бы позиции царской России в корейской экономике и ослабило влияние других держав. Но Япония, США и Англия старались помешать осуществлению этих планов.

В октябре 1897 г. в Сеул прибыл представитель финансовых кругов России К. Алексеев, который был назначен главным советником министерства финансов, а затем главным управляющим таможенным ведомством Кореи. Корейские власти и русский поверенный в делах заключили специальное соглашение, определявшее круг деятельности К. Алексеева. Фактически все финансовые операции корейского правительства переходили в его ведение. По настоянию русских дипломатов для иностранной торговли открыли новые порты — Мокпо и Чиншампо. В этих портах и на о-ве Чарёндо, близ Пусана, царские власти намеревались приобрести крупные земельные участки для создания русского селtlementa. Однако протест Японии, Англии и США заставил царизм отказаться от этой идеи.

1 марта 1898 г. открылся русско-корейский банк, в который должны

были перейти вклады корейского правительства, находившиеся в двух недавно основанных национальных банках. Ему предоставлялось также право сбора налога и контроль за распределением доходов. Однако русско-корейский банк просуществовал недолго и был закрыт под давлением Японии, США и Англии, а финансовый советник и инструкторы отозваны в Россию. Но и после этого русские купцы и предприниматели продолжали добиваться концессий в Корее (на рыбную ловлю, проведение телеграфа и т. д.). В мае 1903 г. было создано «Товарищество на вере» для разработки лесных богатств на р. Амноккан. В правительстве России усилились круги, настаивавшие на вовлечении Кореи в сферу империалистической политики царизма на Дальнем Востоке.

Основным противником Японии в ее борьбе за господство в Корее после японо-китайской войны была царская Россия. Однако Англия, Франция, Германия и США также не прекращали своей экспансии. В 1896 г. американец Д. Морс добился контракта на проведение железной дороги Сеул — Инчхон, а в июне того же года французский синдикат «Фив-Лилль» получил концессию на строительство линии Сеул — Ыйджу (позднее эти концессии перешли в руки японцев). Одновременно державы стремились опутать Корею финансовой зависимостью. Так, в 1896 г. крупный заем предложили синдикат «Фив-Лилль» и английский Гонконг-Шанхайский банк. Как уже указывалось, эти предложения были отклонены из-за противодействия Японии. Летом 1896 г. Англии удалось добиться назначения финансовым советником корейского правительства М.-Л. Брауна.

В 1901 г. богатейшие месторождения золота начали разрабатывать американско-английская компания «Упсан майнес оф Кореа», объединившаяся с «Ориентал консолидейтед майнинг К⁰» и «Джапаниз майнинг К⁰», а также английская «Истерн пайонир К⁰». В 1898 г. американцы Кольбран и Ботвик заключили с корейским правительством соглашение о проведении в Сеуле электрического освещения, трамвайных линий, водопровода и т. д.

Одновременно с экономической экспансией Япония, европейские державы и США осуществляли экспансию идеологическую; она протекала в условиях непрекращавшегося освободительного, антиимпериалистического движения корейского народа. Агенты иностранных держав, действовавшие в Корее, вынуждены были учитывать это обстоятельство. Они стремились использовать царившие в стране патриотические настроения и направить их в удобное им русло.

Идеологическая экспансия Японии в Корее была частью обширной программы, охватывавшей все страны Азии. В ее основе лежала идея о том, что народы Азии должны сплотиться вокруг Японии, которая одна призвана их возглавить в борьбе против европейских держав и США. Еще в 80—90-х годах был выдвинут лозунг «Азия для азиатов», прикрывавший захватнические планы японского капитализма.

В конце XIX — начале XX в. в Японии появились ультрашовинистические организации, которые должны были стать проводниками экспансионистских планов. Среди них наиболее активными были Гэнъёса (Общество черного океана) и Кокурюкай (Общество черного дракона). В 1898 г. возникло общество Тоа добун (Восточноазиатская единая культура). Члены этих шовинистических организаций направлялись в специальные школы, по окончании которых уезжали на «работу» в различные страны Азии. Большая группа прибыла и в Корею.

После японо-китайской войны увеличилось число корейских студентов в учебных заведениях Японии (к августу 1895 г. их было уже около 300). Многие корейские юноши обучались в колледже, основанном

Фукудзава Юкити. В самой Корее на средства колонизаторов открывались школы для местного населения. Выпускники этих школ, разъезжая по стране, пропагандировали достижения Японии, сеяли неприязнь к «западным варварам». Колонизаторы, пропагандируя свою «цивилизаторскую миссию», устраивали аптеки, больницы и разного рода благотворительные организации, издавали ряд газет, прославлявших Японию.

США, Англия, Франция и царская Россия в свою очередь уделяли большое внимание идеологической экспансии в Корее. К концу XIX в. миссионеры (католики, протестанты, методисты, представители православной церкви) действовали почти во всех крупных городах. По данным конгрегации пропаганды, в Корее в 1895 г. насчитывалось 22 420 корейцев, принявших христианство, имелось 27 католических церквей, 2 семинарии и 2 приюта с 362 воспитанниками.

Появились культурные и благотворительные миссионерские организации. Членами их становились янбаны и люди из среднего сословия, которым внушали, что только Запад выведет Корею на путь прогресса. Русский ученый Д. Д. Покотилов сообщал в Петербург, что в руках американских миссионеров уже «немало школ, и, конечно, воспитывающиеся в них дети приобретают чисто американские симпатии»⁵. Открывались также (в Сеуле и на о-ве Канхвадо) французские колледжи. В 1896 г. была организована первая русская школа. Иностранные миссионеры издавали газеты и журналы, пропагандировавшие образ жизни и государственной строй капиталистических держав Европы и Америки.

Миссионеры, дипломаты, советники пытались проникнуть в корейские культурно-просветительные организации и печать, подчинить их своему влиянию. Они рассчитывали использовать в захватнических целях искреннюю веру в их бескорыстие части корейской интеллигенции и чиновничества. Однако вопреки замыслам колонизаторов эта пропаганда лишь укрепила истинных патриотов в стремлении создать сильное и независимое корейское государство.

Новые черты социально-экономического развития Кореи

Колониальная экспансия нанесла непоправимый ущерб сельскому хозяйству, национальным ремеслам, торговле Кореи. Ускоренными темпами развивались денежные отношения, насаждавшиеся колонизаторами, а это не соответствовало естественным темпам их роста. Вторжение денежных отношений в сельское хозяйство внесло серьезные изменения в систему землевладения и социальную структуру корейской деревни. Частнопомещичье землевладение стало господствующим. Основные пахотные земли были захвачены помещиками и тхохо. Государственная собственность сохранилась только на земли, приписанные к центральным и провинциальным учреждениям.

В корейской деревне преобладал арендатор помещичьей либо государственной земли. В начале XX в. японское правительство провело обследование в Хванхэ, Пхёнан и Хамгён; как выяснилось, арендаторы составляли здесь 60—70% всех крестьян. Если арендаторы преобладали в деревнях северных уездов, то на юге, где хозяйство было еще сильнее подорвано ростом товарно-денежных отношений, они составляли абсолютное большинство. Аренда не обеспечивала крестьянской семье даже скудный прожиточный минимум. Обремененные бесчисленными платежами, арендаторы влачили полуголодное существование. Ежегодный рацион семьи крестьянина из шести человек после внесения арендной

платы составлял 405 кг риса. При этом часть риса крестьянин был вынужден продать, чтобы уплатить 13 ян налога. Положение арендатора государственной земли было еще тяжелее. После уплаты всех налогов у него оставалось на питание в течение года всего 63 кг риса и 36 кг бобов. Такие крестьяне были, как правило, одиноки, так как не имели средств содержать семью.

Крестьяне за бесценок продавали свои наделы. Цена на землю в Корее была в 10 раз ниже, чем в Японии. Свободная продажа крестьянских земель способствовала углублению классовой дифференциации. Земельные массивы концентрировались в руках кучки помещиков и тхохо. В провинциях Чолла, Кёнсан, Чхунчхон, Канвон почти вся пригодная под посев земля принадлежала помещикам и императорскому дому. Одновременно выросло число деревенских богачей. Подобно феодалам, они скупали крестьянские земли и поля, приписанные к храмам и монастырям. В 1900 г. был издан императорский эдикт, запрещающий незаконно присваивать монастырские поля. К концу XIX — началу XX в. японские колонизаторы (через подставных лиц) также владели в Корее немалыми земельными наделами, нарушая тем самым договор 1876 г. Зачастую поля корейских крестьян за долги переходили к японским ростовщикам.

В 1894 г. уплату налогов полностью перевели в денежную форму. Корейский крестьянин еще быстрее вовлекался в сферу рыночных отношений, был вынужден чаще обращаться к местным ростовщикам и в японские финансово-кредитные учреждения для получения ссуд под грабительские проценты.

Хотя официально земельный налог равнялся 6 вонам с 1 кёль, фактически же чиновники устанавливали размеры обложения произвольно, что приводило к возрастанию поземельного налога вдвое. Кроме того, крестьяне продолжали вносить «заменный рис» и другие поборы. В общей сложности каждый крестьянский двор платил в 1894 г. около 30 ян с 1 кёль. В 1899 г. налоги с земли составили 87% всех доходов, поступавших в государственную казну. Остальные 13% собранных сумм приходились на подушный и косвенные налоги (за курение табака, употребление спиртных напитков и т. д.). С 1894 по 1900 г. все налоги с земли возросли на $\frac{2}{3}$ и достигли 50 ян, а в 1902 г. — еще на $\frac{3}{5}$, что составило уже 80 ян с 1 кёль. Корейский крестьянин не в состоянии был справиться с разорительными платежами; массовое бегство крестьян из деревень продолжалось, что неминуемо сказывалось на состоянии государственной казны. С 1850 по 1900 г. число крестьянских дворов уменьшилось на 159 045.

Преодолеть финансовые трудности правительство пыталось за счет увеличения налогообложения, как это видно из данных корейских государственных бюджетов за 1898, 1900 и 1902 гг. (иены) ⁶:

	1898 г.	1900 г.	1902 г.
Земельный	2 227 758	2 981 318	4 488 235
Подворный	229 558	278 478	460 000
Смешанные	24 000	70 000	110 000
Итого	2 481 316	3 329 796	5 058 235

За пять лет общая сумма налогов в Корее увеличилась более чем в 2 раза.

Корейское правительство оказалось в тисках кабальной задолженности по внешним займам. Государственную казну грабили чиновники, ее средства тратились на бесполезные нововведения, навязываемые правительству иностранными советниками, и разорительные придворные церемонии. Смета доходов и расходов корейского государства с 1898 по

1902 г. показывала ничтожное превышение доходов над расходами (в 1898 г.— 1946 иен, в 1900 г.— 1925, в 1902 г.— 653 иены). При огромных общих расходах на мероприятия в области сельского хозяйства, промышленности и торговли отпускаясь крайне незначительные суммы (в 1898 г.— 4,2%, в 1900 г.— 7,6, в 1902 г.— 1,0%).

Несмотря на все препятствия, чинимые колониальной экспансией, корейское ремесло и торговля продолжали освобождаться от пут феодально-государственного контроля. Появлялись частные ремесленные предприятия — как мелкие, так и крупные. Наряду с укреплением торгово-ростовщицкой буржуазии началось формирование корейской промышленной буржуазии. Она состояла из глав больших ремесленных мастерских, крупных торговцев и даже янбанов, которые (под вымышленными именами или через подставных лиц) вкладывали капиталы в промышленные заведения.

Крупные ремесленные мастерские типа мануфактур имелись главным образом в Сеуле, провинциальных центрах и открытых портах. Они занимались обработкой первичного сырья. На мануфактурных предприятиях скапливалось относительно много наемных рабочих. В провинции производили предметы домашнего обихода, веера, головные уборы, обувь, керамические, фарфоровые и ювелирные изделия, бронзовую посуду, лакированные шкатулки и т. д. В глубинных районах в мелких мастерских работали, как правило, ремесленники и их семьи.

Корейская домашняя промышленность и ремесла все больше подчинялись торговому капиталу. Например, богатые купцы Инчхона закупали сырье и раздавали его крестьянам, которые изготавливали грубые ткани, обувь, а готовую продукцию сдавали этим же купцам. Так же делалось и во многих уездах Чхунчхон, Чолла и других провинций.

В северных уездах ремесленное производство имело более примитивные формы, чем в южных и центральных. Русский ученый А. Звегищев, посетивший в 1898 г. север Кореи, наблюдал, как ремесленники бродят по деревням, устанавливая там чугунолитейные печи «чисто кустарного типа». Несмотря на преобладание в Корее мелких ремесленных мастерских, росло число более крупных предприятий мануфактурного типа, появлялись первые фабрики.

Еще в 1886 г. в Инчхоне была открыта спичечная фабрика. В 1896 г. несколько мелких кожевенных мастерских в Сеуле объединились в одно крупное предприятие; для реорганизации производства пригласили специалистов из Японии. В 1902 г. Ким Докчхан открыл в столице красильню. В октябре следующего года возникли национальные табачные фабрики в Сеуле, а затем в Пусане и Инчхоне. Они работали не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Открывались предприятия по переработке сои, ливоваренные и винокуренные. В каждой из мастерских по очистке риса ежедневно перерабатывали 50 сок зерна.

На некоторых предприятиях вводилось машинное производство. Корейское правительство закупило в Японии оборудование для оружейных мастерских, а также стекольных и бумажных фабрик. В 1901 г. в Ёнсане открыли государственный монетный двор, оборудованный иностранными плавильными печами, паровым двигателем, 11 печатными прессами, вальцами и другими станками и механизмами новейшей по тому времени конструкции. В Пусане и Пхеньяне в 1904 г. открылись государственные кирпичные заводы. Для перевозки грузов правительство приобрело несколько пароходов.

Корейские предприниматели не могли на равных конкурировать с экономически сильным противником — японской буржуазией. Воспользовавшись финансовыми затруднениями корейцев — владельцев пред-

приятий, японские купцы предлагали им кредит; в результате предприятия обычно переходило к новому — японскому — хозяину.

В конце XIX в. появились первые смешанные японо-корейские компании. В декабре 1900 г. купцы Пусана решили основать компанию по электрическому освещению города (основной капитал — 50 тыс. иен). К ним немедленно присоединилась японская Киотоская компания по электроосвещению. В 1902 г. в Пусане открылась рисоочистительная фабрика, хозяевами которой были корейский и японский купцы.

Одновременно японские и иностранные предприниматели открывали в столице, крупных городах и открытых портах большие ремесленные мастерские. В ноябре 1900 г. японский «Первый банк» устроил в Сеуле мастерскую, которая промывала золото, добываемое на американском руднике в Унсане. Во всех открытых портах организовывались мастерские по очистке риса, который затем отправляли в Японию. Хозяевами многочисленных винокуренных предприятий также были японские купцы. Самое крупное из них имело 14 специальных установок и ежегодно перерабатывало 720 т риса. Американские дельцы организовали в Инчхоне и Пусане мелкие рисоочистительные заводы. В мае 1903 г. в Инчхоне открылась табачная фабрика, принадлежавшая двум английским и греческому купцам.

Всего в Корее до 1904 г. была организована 31 крупная компания, принадлежавшая японцам (1 сельскохозяйственная, 16 торговых, 2 промышленные и 12 транспортных). С 1896 по 1904 г. открылось 46 фабрик; хозяевами большинства из них были японские предприниматели.

Несмотря на ущерб, нанесенный колониальным вторжением, внутренние экономические связи продолжали развиваться. В конце XIX — начале XX в. уже явственно обозначились черты общекорейского национального рынка. Появление новых местных рынков, расширение старых были непосредственно связаны с развитием товарно-денежных отношений. Даже в отдаленных северных районах, в которых торговые отношения были развиты крайне слабо, к 90-м годам XIX в. наметился значительный сдвиг.

Торговыми центрами общекорейского масштаба были Сеул, Пхеньян, Тэгу, Кэсон, а также открытые порты. Многие корейские торговцы в крупных городах и портах занимались компрадорской торговлей. Развитие торговли способствовало росту числа корейских транспортных компаний для перевозки товаров по рекам и морю. Их владельцы покупали суда за границей или брали их в аренду у иностранцев. В Пусане крупные торговцы, создав объединение по перевозке товаров между портами страны, закупили два парохода — в Японии и Германии. Одним из поставщиков машинного оборудования стала немецкая фирма «Мейер и К^о», открывшая свои отделения в Сеулс и Инчхоне. В 1901 г. три корейских купца купили в Осаке паровое судно. Вонсанские купцы организовали компанию для перевозок между портами провинции Хамгён.

Однако корейские транспортные компании не выдерживали конкуренции с колонизаторами и разорялись. Так, две компании, возникшие в 1892 г., к 1897 г. обанкротились и перешли в руки японских купцов в Инчхоне.

Слабая еще корейская национальная буржуазия пыталась противостоять иностранным капиталистам, стремившимся монополизировать и строительство железных дорог. В начале XX в. были организованы «Ёнгам чхольто» («Ёнгамское железнодорожное общество») и «Тэхан чхольто» («Корейское железнодорожное общество»). Первая компания должна была проложить дороги Сеул — Кэсон и Сеул — Ыйджу, но вскоре ее постигла участь многих национальных объединений — она пере-

шла в руки японских предпринимателей. Вторая компания, которую возглавлял Пак Киджон, намеревалась строить дорогу Сеул — Ыйджу. Ранее контракт на ее строительство подписала французская компания «Фив-Лилль», но срок договора истек, а работы не начинались. Тогда корейское правительство передало контракт национальной компании. Однако японские капиталисты, воспользовавшись финансовыми затруднениями «Тэхан чхольто», навязали ему соглашение об ассигнованиях, поставив условием введение в компанию японских советников и назначение начальником строительства японского инженера. Затем колонизаторы принялись всеми мерами саботировать строительство, пока не захватили полностью акции этой компании.

Попытки создать национальные объединения капиталистического типа предпринимались и в финансово-кредитной сфере. В 1891 г. янбан Ким Хаджип намеревался основать национальный банк, однако не смог этого сделать из-за конкуренции действовавших в Корее отделений японских банков. Чтобы не допустить создания корейского национального банка, в 1891 г. в Корею специально прибыл директор «Пятьдесят восьмого банка» Омива. После японо-китайской войны появились национальные банки «Чосон ынхэн» («Корейский банк»), «Ханхын ынхэн» («Банк возрождения Кореи») и «Чегук ынхэн» («Имперский банк»). Но они не смогли конкурировать с японскими банками и вскоре закрылись. В 1896 г. был организован национальный банк, который должен был располагать частными и государственными капиталовложениями. Капитал банка был установлен в 200 тыс. мексиканских долларов⁷ и разделен на 4 тыс. акций. Половина капитала вносилась правительством, представитель которого входил в правление банка. Банк мог производить операции, обладая одной третью объявленного капитала. Ему предоставлялась монополия на доставку в столицу податей за особое вознаграждение от казны, право оплаты за ее счет различных расходов, выпуска банкнотов и т. д.

Однако стремление национальной корейской буржуазии выйти из-под иностранного контроля натолкнулось на решительное противодействие Японии и Англии. М.-Л. Браун, финансовый советник корейского правительства, чинил всяческие препятствия в выдаче национальному банку правительственной субсидии. Поэтому созданный представителями корейского капитала комитет инициаторов решил открыть новый банк на частные средства. Когда же стало известно, что царская Россия намеревается основать русский банк, японские и английские капиталисты решили поддержать национальный корейский банк, противопоставив его русскому. Национальному банку предложили заключить контракт с правительством на выпуск банкнотов и сбор налогов. Советником стал агент Гонконг-Шанхайского банка Адамс.

Обнищание корейской деревни, упадок национальных ремесел и мелкой торговли создавали значительный рынок свободной рабочей силы. Разорившиеся крестьяне, ремесленники и торговцы шли на прииски, занимались грузчиками в открытых портах, работали на различных фабриках и в мастерских, на строительстве железных дорог. По данным энциклопедии «Чынбо мунхон пиго», в южные уезды провинции Пхёнан, где находились золотые прииски, только в июле — августе 1904 г. переселилось более 30 тыс. человек. Но многие из жаждущих работы могли получить ее только на время. Так, из 43 334 строителей Сеул-Пусанской железной дороги постоянно работали лишь 1398. На прядильных и ткацких фабриках использовался женский труд. За один и тот же труд рабочий-кореец получал 6 чон в день (корейка — до 3 чон), а рабочий-японец — 65 чон.

В конце XIX — начале XX в. увеличилась эмиграция в Северо-Восточный Китай, на русский Дальний Восток, на Гавайские острова. В русское Приморье в 1890 г. эмигрировало 23 тыс. человек, а в 1902 г. — 32 тыс. Корейские крестьяне, утратившие надежду прокормить себя и семью на родине, паниковали за грошовую оплату на сахарные плантации на Гавайских островах, где подвергались самой жестокой эксплуатации. Корейское правительство продолжало издавать указы, запрещавшие отъезд корейцев за границу. Однако эмиграция не прекращалась.

После японо-китайской войны процесс превращения Кореи в японскую колонию значительно ускорился. Вместе с тем именно в это время производительные силы стали включать в себя новейшее оборудование, станки и механизмы, в производстве появились более совершенные методы и приемы труда. Несмотря на чинимые колонизаторами помехи, зарождалась корейская национальная буржуазия, формировавшаяся как из торгово-ремесленных кругов, так и из части феодалов, хозяйства которых втягивались в товарно-денежные отношения. Складывался первый отряд рабочего класса, еще очень слабый, неустойчивый и малочисленный. В конце XIX — начале XX в. зримые очертания принял процесс перехода Кореи на капиталистический путь развития, истоки которого вызревали в недрах феодального общества.

Антиимпериалистическая борьба корейского народа

Японский военно-оккупационный режим, бесцеремонное вмешательство колонизаторов во внутренние дела корейского государства вызвали решительный отпор народных масс.

Новый подъем антияпонского движения по окончании японо-китайской войны был вызван реформами, провозглашенными прояпонским кабинетом в декабре 1895 г. Они были восприняты как надругательство над старинными национальными обычаями. Стихийно возникали партизанские отряды «Ыйбён» во главе с выходцами из самых различных социальных групп — от крестьян до янбанов. В провинциях Чхунчон и Канвон сособой активностью отличался отряд, руководимый Лю Нинсоком. В районе г. Чхонджу в 1896 г. этот отряд десять дней успешно отражал натиск превосходящих сил противника.

В Канвон несколько мелких партизанских отрядов объединились под командованием Ли Сочхуна. В районе г. Чхорвон был создан штаб «Ыйбён». Партизаны овладели в этой провинции г. Чхунчон, изгнали губернатора, заняли арсенал и продовольственный склад. Две недели в уезде Чхунчон власть была в руках партизан. Тяжелые кровопролитные бои с японскими колонизаторами повстанцы вели в Кёнсан (уезды Андон, Ёнчхон, Понхва, Пхунги). Многочисленные стихийные антияпонские выступления происходили в окрестностях Сеула, в уездах Чхонджу, Чхонпхун, Пхёнчхон и др.

Бегство Коджона в феврале 1896 г. в русскую миссию всколыхнуло народные массы. Уже на следующий день в Сеуле началось антияпонское восстание. Повстанцы громили дома прояпонских чиновников. Два наиболее ненавистных министра из марионеточного кабинета были убиты; японские советники и дипломаты бежали в Пусан и Инчхон.

Развивалось и антифеодальное движение. Правительство пыталось приостановить его рост; ван издал указы, аннулировавшие недоимки крестьян за прошлые годы и отменявшие оскорбительные законы прежнего правительства. В провинции Чхунчон, Чолла и Канвон были на-

правлены специальные чиновники, которые зачитывали обращение вана, призывавшего к спокойствию и порядку. Одновременно центральные власти объявили дополнительную мобилизацию в армию. 30 мая 1896 г. уездным властям было приказано по мере необходимости создавать местные отряды «для охраны порядка».

Но народное движение не прекращалось. Повстанцы перекрыли дороги из Сеула в Вонсан. Из Японии спешно перебрасывались свежие военные силы. По сведениям губернатора Кёнсан, японские солдаты прибывали под видом кули на транспортах и почтовых пароходах. В этой провинции повстанцы атаковали г. Кимхэ; девять часов длилось сражение партизанского отряда с объединенными силами японских и правительственных войск.

В конце XIX в., как и прежде, центром антиимпериалистического движения были южные провинции. Близ г. Наджу (Чолла) действовал партизанский отряд численностью более тысячи бойцов. Партизаны, прекрасно знавшие местность, наносили значительный урон японским и правительственным войскам. Они портили дороги, разрушали телеграфную связь. Японские купцы в панике бежали из Кореи. Войска колонизаторов преследовали партизан в Кёнсан и Чхунчхон; отряды «Ыйбён» заняли главный город провинции Чхунчхон — Чхонджу.

На севере, в районе Пхеньяна, повстанцы взяли в плен несколько знатных яibanов. Отряд в 400 партизан появился в округах Хвэян и Кимсу. Губернатор Хамгён доносил в Сеул, что 240 повстанцев с лозунгом «Изгнать японцев из Кореи!» двинулись к столице.

Освободительное движение корейского народа развивалось одновременно с антиколониальным восстанием «Ихэтуань» в Китае. Часть китайских повстанческих отрядов располагалась в пограничных с Кореей районах, что вызвало серьезное опасение правящих кругов. В июне 1900 г. состоялось заседание корейского правительства, на которое были приглашены иностранные дипломаты. Коджон заявил, что события в Китае могут найти сочувствие в Корее, и просил дипломатов в случае необходимости оказать военную помощь. Одновременно были приняты срочные меры по укреплению северных границ, а в Пхёнан и Хванхэ спешно направлены дополнительные военные силы.

Несмотря на это, некоторые отряды китайских повстанцев в августе 1900 г. перешли границу и примкнули к корейскому партизанскому движению, а осенью на территории Пхёнан уже активно действовали объединенные отряды корейских и китайских партизан. В начале 1901 г. они заняли г. Ынджин и двинулись на юг. Из районов продвижения повстанцев в панике бежали японские купцы. В апреле 1901 г. партизаны появились в провинции Хамгён, в июле заняли г. Кэчхон (Пхёнан), а затем направились к Пхеньяну и Ыйджу.

Свежие военные силы, прибывшие из Японии в мае 1901 г., были расквартированы в столице, крупных городах, открытых портах. Часть их сразу же перебросили в район восстания. Японские и правительственные войска получили поддержку отрядов местных помещиков, тхохо и крупных купцов, снабженных оружием из правительственных arsenалов.

Летом 1901 г. действия партизан в южных провинциях приняли столь широкие размеры, что корейский корреспондент токийской газеты «Джапан уикли таймс» сравнивал их с восстанием 1893—1894 гг. На севере партизанские отряды наводили страх на помещиков, чиновников, японских купцов.

Китайские партизанские отряды продолжали переходить границу. В начале февраля 1902 г. несколько тысяч китайцев появились в уезде

Капсан (Хамгён), откуда двинулись в провинцию Канвон. К ним присоединялось местное население, в основном крестьяне и городская беднота.

В 1902 г. партизанское движение охватило всю страну. Его участники требовали изгнать из страны иностранцев и предателей-корейцев, снизить налоги, отменить телесные наказания, вернуть захваченные иностранцами концесии. Об их социальном составе говорили названия некоторых отрядов — «Хвальбиндан» («Партия помощи беднякам»), «Паппиндан» («Партия хлеба для бедных»), «Пхоктон пидо» («Повстанцы») и т. д. Эти отряды формировались в основном из крестьян-бедняков. Но в них входили также патриотически настроенные яибаны, торговцы и ремесленники.

Действия партизанских отрядов сочетались с восстаниями в городах и деревнях. С начала 1900 г. они охватили провинции Кёнсан и Кёнги, а в 1901 г. вспыхнули в Сеуле. В Инчхоне повстанцы сожгли склады немецкой фирмы «Мейер и К^о», разгромили местное управление и уничтожили налоговые документы. В г. Хонджу (Чхунчхон) почти все дома, принадлежавшие богатым купцам, были сожжены. В июне 1902 г. в уезде Кобу (Чолла) был создан отряд из нескольких сот бойцов. Они укрепились на горе Пэксан и оттуда нападали на правительственных чиновников и японских купцов, жгли дома богачей. Одновременно в этой же провинции восстала беднота уезда Сунчхон, а в ноябре — уезда Чонпхён.

Борьба шла не только на суше, но и на море. Корейские рыбаки, страдавшие от засилья японских рыболовов, нападали на их суда. В начале января 1901 г. в Мокпхо корейские рыболовные суда с командой 30—40 человек отбирали улов с японских лодок. На островах партизаны создавали свои базы, откуда переправлялись на лодках на полуостров.

В мае 1901 г. на о-ве Чеджудо произошло восстание, которое японская газета назвала восстанием «Ихэтуань» в миниатюре (имея в виду ненависть повстанцев к чужеземным эксплуататорам). Восставшие изгнали чиновников, французских миссионеров, корейцев-христиан, японских купцов и рыбаков, находившихся в это время на острове. Через две недели восстание было подавлено военными силами, прибывшими из Сеула. Миссии США и Англии послали на подавление восстания своих солдат, а Франция и Япония — военные корабли.

Обстановка в стране внушала серьезное беспокойство правительству. Местные власти сообщали в Сеул, что солдаты отказывались стрелять в партизан и сами нападали на японских купцов. 18 марта 1902 г. войска провинции Пхёнан не выполнили приказ и не выступили на подавление народного восстания. В том же году губернатору Кёнсан, не доверявшему солдатам, пришлось расформировать гарнизон. В Сеуле число полицейских довели до 6 тыс. В августе 1903 г. кабинет министров специально обсуждал вопрос об усилении полицейских частей в 64 районах страны, где особенно активно действовали повстанцы. Большое внимание власти уделяли формированию из корейской реакции отрядов «самообороны».

В конце XIX в. в освободительное и антифеодальное движение влилась новая струя — выступления молодого, еще только формировавшегося рабочего класса. Большую часть его составляли шахтеры, трудившиеся на принсках, принадлежавших корейским и иностранным владельцам. Их труд был крайне тяжел и ничтожно оплачивался. Рудокопы неоднократно выступали против бесчеловечной эксплуатации. В 1899, 1900 и 1902 гг. дипломатические представители США и Англии требовали, чтобы корейское правительство послало дополнительные военные

силы на подавление восстаний шахтеров в уезде Унсан. В выступлениях нередко участвовало по несколько тысяч человек. Например, в 1900 г. на приисках в уезде Чуксан (Чолла) против японских шахтовладельцев выступило 2 тыс. рабочих.

Многочисленную группу корейских рабочих составляли строители железных дорог. В 1898 г. произошли серьезные волнения землекопов на строительстве Сеул-Пусанской железной дороги, а в 1902 г. — Сеул-Ыйджуской; их участники расправились с японскими предпринимателями.

Корейские грузчики также втягивались в борьбу. В 1897—1898 гг. население порта Мокпхо устроило бойкот японских товаров, так как грузчикам не повысили оплату. В марте 1900 г. 20 грузчиков этого же порта выступили против обманувшего их при расчете японца — владельца парохода. К ним присоединились остальные грузчики, которые отказались разгружать японские суда. В январе 1901 г. они вновь прекратили работу, когда японские судовладельцы снизили оплату за переноску тюка груза. Их поддержали корейские носильщики и рабочие. В 1903 г. в том же Мокпхо забастовало 500 грузчиков. В городе в помощь им был объявлен сбор средств. Из Инчхона на японском военном корабле прибыли солдаты, расправившиеся с забастовщиками.

Грузчики, носильщики, фабричные рабочие выступали и в других открытых портах. В 1897 г. докеры Чинпампхо организовали забастовку и добились увеличения заработной платы.

Рабочее движение в конце XIX — начале XX в. было крайне незрелым, слабо организованным. Требования рабочих носили, как правило, экономический характер. Но многие забастовки, начавшиеся с целью добиться повышения заработной платы, затем принимали и национально-освободительную направленность.

Возникновение первых политических организаций. Культурно-просветительное движение

Широкий размах антиимпериалистической и антифеодальной борьбы народных масс способствовал росту патриотических настроений среди части янбанов и зарождавшейся национальной буржуазии. Как правило, это были люди, разделявшие идеи сирхакистов, им были близки цели кэхва ундон. Понимание необходимости радикальных реформ в области экономики и культуры, а также реальная угроза колониального закабаления толкали корейскую интеллигенцию на борьбу за независимость и социальный прогресс. В конце XIX в. создавались разного рода патриотические общества, явившиеся первыми в Корее политическими организациями.

В 1896 г. в Сеуле образовалось Тоннип хёпхве (Общество независимости). В него вошли уцелевшие участники кэхва ундон, прогрессивно настроенные янбаны и чиновники, торговцы и учащаяся молодежь. Общество издавало газету «Тоннип» («Независимость») на корейском и английском языках. В 1898 г. начали выходить «Хвансон синмун» («Столичная газета»), «Тэхан мэиль синмун» («Корейская ежедневная газета»), находившиеся под влиянием Общества. На их страницах печатались статьи о положении в стране, о необходимых мерах для развития национальной экономики и культуры; газеты выступали против посягательств колонизаторов на суверенитет Кореи.

Тоннип хёпхве проводило в столице митинги и демонстрации, в которых участвовали широкие слои городского населения (осенью 1896 г.,

например, около 5 тыс. человек). Выступавшие призывали усилить борьбу за независимость, протестовали против иностранного вмешательства в дела Кореи и все еще сильного влияния Китая. В ноябре 1896 г. Общество устроило митинг в связи с открытием Арки независимости — символа расторжения вассальной зависимости от цинского Китая. Ораторы говорили о необходимости предоставления народу свободы слова, печати, собраний, а также проведения таких административных реформ, которые ликвидировали бы коррупцию и бюрократизм в государственном аппарате. В феврале 1898 г. участники митингов приняли обращение к императору, требуя освобождения корейских финансов и армии из-под контроля иностранных советников.

В 1898 г. в столице возникло еще несколько патриотических организаций. Женщины из янбанских семей добивались у властей разрешения открыть свое общество. Появилось объединение учащихся и молодежи. Сеульские купцы во главе с Чо Бёнсиком основали организацию, которая должна была защищать интересы корейских торговцев в конкурентной борьбе с иностранцами, они требовали ограничить торговлю китайцев и японцев, сосредоточив ее в одном квартале столицы. Но поскольку решение этого вопроса откладывалось под нажимом японских властей, 60 купцов направились к дому министра земледелия, промышленности и торговли и заставили его дать обещание, что их требования будут удовлетворены.

Общественное движение охватило и провинцию. В Конджу, Пхеньяне и других городах, а также в деревнях открывались общественные клубы, в которых обсуждались меры борьбы против засилья иностранцев в Корее.

Все эти патриотические организации важным средством достижения независимости считали приобщение широких масс к современной культуре. С этой целью они призывали вести строительство школ, привлекая средства общественности, устраивать вечерние курсы для взрослых, организовывать лекции на актуальные темы, издавать популярную литературу. Культурно-просветительная работа должна была способствовать воспитанию в народе патриотизма, укреплению в нем национального самосознания.

Возникновение патриотических организаций и их активизация пу- гали не только колонизаторов, но и внутреннюю реакцию, которая усматривала в них противников существующих порядков. В июне 1898 г. император Коджон учредил Хангук хёпхве (Корейское общество), в которое вошли верноподданнически настроенные янбаны и чиновники, богатые купцы и бродячие торговцы-побусаны, ставшие главной ударной силой этого Общества. Хангук хёпхве возглавил наследник престола, предоставивший на его нужды большие средства.

Осенью 1898 г. правительство перешло в наступление на патриотические организации. В октябре появился императорский указ, запрещающий Тоннип хёпхве и другим патриотическим обществам устраивать на улицах митинги, вести политические диспуты, критиковать действия правительства. В эти дни участники митингов, созданных в Сеуле Тоннип хёпхве, требовали проведения реформ и отказа от «помощи» колонизаторов. Около 400 человек двинулись к полицейскому управлению, чтобы выразить свой протест. Император Коджон вынужден был издать новый указ, провозглашавший свободу слова. Одновременно сообщалось о предполагаемых реформах в административном управлении (передача сбора налогов из ведения министерства двора министерству финансов, переход разработки недр под контроль министерства земледелия, промышленности и торговли). Коджон обещал возместить ущерб тем, кто

пострадал от злоупотреблений чиновников, часть арестованных выпустили из тюрьмы.

Однако все эти меры были только уловкой. Власти усилили репрессии. В ночь с 23 на 24 октября 1898 г. император приказал распустить Тоннип хёпхве, 17 его руководящих деятелей бросили в тюрьму. Но это только подлило масла в огонь. По Сеулу прокатилась волна митингов. Перед воротами императорского дворца была устроена сидячая демонстрация. Ее участники объявили себя Инмин хёпхве (Народным обществом). Правительство пыталось использовать против демонстрантов наиболее воинственных членов Хангук хёпхве и собрало около 1 тыс. вооруженных побусанов. В ответ население столицы начало формировать отряды, двинувшиеся к лагерю побусанов, расположенному в нескольких километрах от столицы. Японские колонизаторы пытались вмешаться в события, чтобы использовать их в своих интересах. Они предложили Коджону ввести войска, но тот благоразумно отказался. Миссии США и Англии то и дело направляли правительству Кореи ноты с требованием навести в столице порядок.

Напуганный сопротивлением народа, Коджон отступил. Он издал указ о роспуске Хангук хёпхве и восстановлении Тоннип хёпхве. На площади возле дворца он принял представителей Инмин хёпхве и вновь обещал даровать свободу слова. В то же время правительство направило войска против демонстрантов. В декабре 1898 г. был издан указ, дававший властям право разгонять собиравшиеся на улицах группы более чем из пяти человек.

Патриотическая деятельность политических и культурно-просветительных обществ, начавшаяся в конце XIX в., составляла вторую линию в антифеодальном и национально-освободительном движении, развивавшуюся одновременно с вооруженной борьбой масс и под ее влиянием. По своему характеру и целям это были организации зарождавшегося в Корее буржуазного национализма. В новых условиях они продолжали традиции борьбы за национальный и социальный прогресс, заложенные идеологами сирхак и кэхва ундон.

Патриотические организации, отражая слабость молодой корейской буржуазии, показали себя крайне неопытными в политическом отношении; они не всегда могли понять истинные намерения японских, американских и иных «доброжелателей», пользовались их рекомендациями, а иногда даже сотрудничали с ними. Но при всех своих недостатках патриотические организации делали большое дело. Как ни старались колонизаторы прибрать к рукам возникшие в конце XIX в. общества, последние доступными им средствами продолжали борьбу в защиту национальной независимости. Они будоражили общественное мнение, воспитывали чувства протеста против иноземных поработителей, требовали таких преобразований, которые сделали бы Корею суверенным и развитым буржуазным государством.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1904—1910 гг. АННЕКСИЯ КОРЕИ

Русско-японская война и Корея

После заключения англо-японского союза противоречия между Японией и Россией стали особенно острыми. Японская буржуазия стремилась окончательно утвердить свое колониальное господство в Корее, а также проникнуть в Маньчжурию. Правительства Англии и США всемерно поощряли экспансионистскую политику Японии.

Царская Россия наряду с Англией, США и другими державами участвовала в империалистической борьбе за раздел Китая. В сферу ее интересов входила главным образом Маньчжурия. Имевшихся на Дальнем Востоке сил едва хватало России на то, чтобы противостоять растущему натиску соперников и удержаться в северо-восточной части Китая. Это определяло политику России в отношении Кореи. Она не желала допустить установления японского господства в соседней Корее, которая могла стать плацдармом для продвижения Японии далее на материк. Хотя позиции самой России в Корее уже ослабели, она еще оказывала серьезное сопротивление агрессивным замыслам Японии. Расстановка сил на Дальнем Востоке в начале XX в. была такова, что Россия оказалась единственной державой, препятствовавшей Японии полностью закабалить Корею.

В то же время в правящих кругах России сложилась влиятельная группировка, выступавшая за распространение на Корею империалистической политики царизма. «Безобразовская шайка», состоявшая из близких к царю крайне реакционных элементов, выдвинула план создания «Желтороссии», в которую помимо Маньчжурии входила бы и Корея. Этот авантюристический курс встретил противодействие возглавляемого С. Ю. Витте «триумvirата» министров иностранных дел, финансов и военного, настаивавших на необходимости учета реальных сил и проведении более осторожной и гибкой политики.

С середины 1903 г. дипломатические переговоры между Японией и Россией активизировались. Японские политики, опиравшиеся на поддержку Англии и США, сознательно шли на обострение отношений, выдвигая заведомо неприемлемые требования, например предоставление Японии не только полной свободы действий в Корее, но и равных с Россией прав в Маньчжурии. Проект, представленный русской стороной, исключал Маньчжурию из «сферы японских интересов», предусматривал отказ обеих сторон от использования Кореи в стратегических целях и объявление территории к северу от 39-й параллели нейтральной зоной. Япония могла бы давать «советы» корейскому правительству лишь отно-

сительно улучшения гражданского управления и вводить в Корею свои войска только с согласия России.

В ходе переговоров Россия соглашалась на значительные уступки. Тогда Япония заявляла о новых притязаниях. Это была провокационная линия на подготовку к войне. В начале февраля 1904 г. русское правительство прислало еще одну ноту, соглашаясь на дополнительные уступки, но японские власти задержали ее доставку и поспешили разорвать дипломатические отношения.

В ночь на 8 февраля 1904 г. японские корабли внезапно напали на русский флот в Порт-Артуре. Началась русско-японская война, которую В. И. Ленин назвал «преступной и позорной войной»¹. Характеризуя ее сущность, он отмечал: «Русско-японская война (1904) (из-за Кореи и части Китая)»².

Еще до начала войны японское командование готовило в Корее базу для своей армии. В крупнейших городах и вдоль железных дорог спешно строили казармы для солдат, в портах Инчхон и Кунсан перегружали орудия, боеприпасы и снаряжение, создавались огромные склады продовольствия. В январе 1904 г. в Масане высадилось 12 тыс. японских солдат и офицеров. В пограничной полосе усилилась деятельность разведчиков, зачастую передевавшихся в корейскую одежду.

Подготовка Японии к войне не могла остаться незамеченной в Корее. Тревога за будущее страны вызывала новые выступления против японских колонизаторов. В январе 1904 г. в Пхеньяне и южных провинциях к повстанческим отрядам присоединилось около 2 тыс. корейских солдат. Правительство выступило с заявлением, что в случае русско-японской войны Корея будет сохранять нейтралитет. Это была безуспешная попытка предотвратить превращение Кореи в военный плацдарм Японии. Однако последняя не приняла всерьез заявления о нейтралитете. За несколько дней до нападения на Порт-Артур представители Японии, Англии и США совместно направили корейскому правительству секретное уведомление о предстоящих военных действиях и связанной с ними высадке японских войск.

Прибытие основных японских сил началось в середине февраля. К середине марта между Инчхоном и пограничной рекой Амноккан размещалось уже около 100 тыс. японских солдат. В конце апреля они форсировали Амноккан. На китайском берегу произошло первое крупное сражение, закончившееся поражением русских войск. В самой Корее не было активных военных действий.

Русско-японская война усилила размежевание политических сил в Корее. Многие люди открыто симпатизировали России, видя в ней прежде всего действенного противника закабальвшей их Японии. В их памяти еще свежи были воспоминания об итогах японо-китайской войны, когда в числе других государств Россия припудила Японию отказаться от некоторых притязаний к Китаю. Помнили в Корее и события 1896 г., когда Коджон нашел убежище в русском посольстве.

Русский дипломат К. Вебер, тайком посетивший во время войны Корею, писал: «Я убедился, что очень многие и многие корейцы симпатизируют России и в душе молят, чтобы она вышла победительницей из этой злосчастной войны». Печать сообщала: «В Корее царит террор. Японцы привлекают к ответственности всех корейцев, заподозренных в сношениях с русскими. Казням нет конца». Несмотря на преследования, корейское население активно помогало русским войскам: снабжало продовольствием, выделяло проводников, лазутчиков и т. д.

Известны факты непосредственного участия корейцев в войне против Японии. Особенно активными были те, кто проживал на русском

Дальнем Востоке. Так, например, юнкер Чугуевского военного училища корейский подданный Хён Хангын оставил училище летом 1904 г. Перейдя в Северную Корею, он создал большой отряд, оказавший немалую помощь русским войскам, оборонявшим подступы к Владивостоку. Другой отряд был организован весной 1904 г. бывшим корейским губернатором Кандо (Цзяньдао в Северо-Восточном Китае), крупнейшим деятелем освободительного движения Ли Бомюном. Он собрал в провинции Северная Хамгён отряд в 1 тыс. человек, который провел ряд успешных операций и активно сотрудничал с русскими войсками. Летом 1905 г. через русскую границу вступил в Корею отряд из 3 тыс. кавалеристов. Им командовал один из приближенных императора Коджона Ким Инсу, незадолго перед войной оказавшийся в России. Во взаимодействии с русскими войсками этот отряд нанес несколько ощутимых ударов по подразделениям японской армии в Северной Хамгён.

Местное население оказывало всемерную поддержку корейским партизанам. Следует отметить, что царские власти, боявшиеся чрезмерного роста освободительной борьбы, очень неохотно разрешали создание партизанских отрядов. Нередкими были случаи, когда военное командование приказывало разоружать группы патриотов, появлявшиеся в пределах дислокации русских войск.

В ходе войны активизировались и группировки япопофилов — реакционно настроенные феодалы и чиновники, связанная с Японией компрадорская буржуазия и различные деклассированные элементы, готовые служить за деньги кому угодно. К ним примыкали те, кто еще не утратил веру в «цивилизаторскую миссию» Японии, не понимал ее колонизаторских целей и принимал за чистую монету японские декларации, будто война с Россией начата ради защиты независимости Кореи.

При прямом содействии японских властей произошла консолидация прояпонских элементов. В августе 1904 г. бывший военный служащий Юн Сибён и высокопоставленный чиновник Ли Гонхо основали Юсинхве (Общество реставрации). Через несколько дней его переименовали в Ильчинхве (Единое прогрессивное общество). Председателем стал Юн Сибён. Единственным руководителем общества был японский ставленник Сон Бёнджун, более десяти лет проживший в Японии и служивший переводчиком в японской армии. Вместе с несколькими японскими чиновниками он, находясь в тени, направлял всю деятельность Ильчинхве.

Активизировались и деятели, некогда принадлежавшие к реакционному крылу тонхак. Возглавлявший их Сон Бёнхи длительное время жил в Японии и стал там ярым сторонником идей панasiatизма. Возвратившись в Корею, он основал в 1906 г. религиозную секту «Чхондогё» («Учение о небесном пути»), призывавшую к нравственному самоусовершенствованию, отказу от политической деятельности и уходу в мистику. Такая программа отвлекала массы от участия в национально-освободительном движении. Но Сон Бёнхи и его приближенные вовсе не чурались политики. Чтобы помочь японским колонизаторам, они летом 1904 г. создали Чинбохве (Прогрессивное общество), программа которого ничем не отличалась от программы Ильчинхве. В ноябре эти две организации слились, сохранив наименование «Ильчинхве». Председателем стал откровенный японский агент Ли Енгу.

Руководство Ильчинхве уверяло, что его целью является сохранение независимости Кореи, поддержание достоинства императорской фамилии, защита безопасности и имущества населения. Оно обещало содействовать преобразованию управления страной, развитию национальной экономики. С помощью демагогии и угроз Ильчинхве расширяло свои ряды, главным образом за счет наиболее отсталых слоев населения.

Однако далеко не все, кто был вынужден вступить в это общество, действительно поддерживали и одобряли антинациональную политику заправил Ильчинхве.

Прояпонский характер Ильчинхве обнаружился очень скоро. Руководители Общества развернули активную пропаганду необходимости опоры на Японию, которая якобы поможет Корее пойти по пути процветания и прогресса. Они убеждали население, что угроза независимости Кореи исходит только от России, и призывали оказывать всемерную помощь японским войскам. Ильчинхве содействовало японскому командованию в мобилизации людей на строительные работы, перевозку грузов и т. д.; из числа его членов набирали шпионов, засылавшихся в расположение русской армии. Колониальные власти высоко ценили эту организацию национальных предателей и щедро платили наиболее активным ее участникам. По окончании войны Ильчинхве за особые «заслуги» было выдано 200 тыс. иен, а в 1910 г. самых видных его членов наградили японскими орденами.

Русско-японская война тяжело отразилась на Корее. Страна была оккупирована японскими войсками, повсюду свирепствовали военная жандармерия и полиция. Территория, по которой проходили войска, была разорена. На пути их следования население покидало дома и бежало в леса и горы. Некоторые города и деревни опустели. Наступила весна, а во многих местах поля остались необработанными. В мае 1904 г. начальник столичной полиции разослал по провинциям приказ, грозивший тюрьмой тем крестьянам, которые еще не приступили к весеннему севу. Крестьяне отказывались работать, зная, что урожай будет отобран на нужды японской армии. Самым тяжелым бременем для жителей городов и сел были военные реквизиции.

Мобилизация населения в помощь японской армии достигала истинные гигантских размеров. В провинции Южная Хамгён, например, в июне — октябре 1905 г. было использовано для переноски грузов более 24 тыс. человек. В связи с началом войны в Корее ускорилось строительство железных дорог. Только на линии Сеул — Ыйджу с октября 1904 по сентябрь 1905 г. работало более 149 тыс. человек, мобилизованных в Хванхэ, Северной и Южной Пхёнан. Расходы на их содержание целиком возлагались на корейскую казну.

Пользуясь военной обстановкой, колонизаторы захватили много корейской земли. В феврале 1904 г. они навязали правительству соглашение, закреплявшее оккупационный режим в Корее. Японское правительство получило право в любой момент занять те пункты в Корее, которые покажутся ему стратегически необходимыми. Под таким предлогом японское командование и чиновники массами согнали крестьян с земли; к середине 1904 г. было захвачено 8,9 тыс. га. Значительная часть этой земли стала объектом спекуляции. Лишившиеся своих участков и не получившие компенсации крестьяне поднимали бунты, которые жестоко подавлялись японскими войсками.

Корейское правительство, не считаясь с трудностями военного времени, увеличивало сборы с населения. С 1902 по 1905 г. сбор налогов увеличился более чем вдвое. В 1905 г. недоимки с налогоплательщиков составили 2,5 млн. иен, что свидетельствовало о крайней степени разорения людей. Не без «помощи» японских империалистов государственные расходы на 28% превысили доходы казны. Основную часть средств поглощали разросшийся чиновничий аппарат и военно-полицейская машина.

Но и в условиях оккупации корейский народ продолжал оказывать сопротивление. На севере страны возникло несколько крупных отрядов

из местных жителей, главным образом охотников. В марте 1904 г. отряд в составе 300 человек почти целые сутки сражался с высланным против него японским подразделением гарнизона в Вонсане. Владельцы рудников в Хамгён то и дело вызывали солдат для охраны своих предприятий. В районе Пхеньяна немало беспокойства властям причинил отряд из 500 солдат, уволенных из армии. В центральных и южных провинциях также действовали небольшие партизанские группы.

Не прекращалась и борьба против «отечественных» угнетателей. Так, в феврале 1904 г. жители Пчхона (Кёнги) изгнали уездного начальника за вымогательства. В октябре в той же провинции на строительстве Сеул-Пусанской железной дороги около 5 тыс. рабочих выступили против притеснявших их чиновников. Участились нападения на сборщиков налогов и охранявших их полицейских.

В сентябре 1905 г. русско-японская война завершилась Портсмутским договором. Царская Россия заплатила за свое позорное поражение утратой части территории и рядом серьезных уступок Японии. По договору Корея была целиком признана сферой японского влияния. Однако в протокол Портсмутской конференции по настоянию русской делегации было внесено обязательство Японии согласовывать с корейским правительством все меры, затрагивающие суверенитет Кореи. Это была последняя попытка России не допустить окончательного поглощения Кореи Японией.

Установление японского протектората над Кореей

Во время войны с Россией японские империалисты, используя пребывание своих войск в Корее, усилили наступление на ее независимость. Россия — единственная из всех держав — заявила, что не признает каких-либо договоров, навязанных Японией оккупированной стране. Однако, получив поддержку Англии и США, Япония заставила корейское правительство подписать ряд новых неравноправных договоров, позволивших ей установить протекторат над Кореей.

Первым из этой серии договоров было уже упоминавшееся соглашение от 23 февраля 1904 г. Хотя в нем содержались уверения, что Япония гарантирует независимость и территориальную целостность Кореи, соглашение значительно урезывало суверенитет последней. Корейское правительство должно было принимать «советы» Японии и не заключать без согласования с ней договоры с другими странами. Примечательна статья, по которой Япония брала на себя защиту императорского дома Кореи в случае «опасности нападения со стороны третьей державы или опасности гражданской войны». Эта статья юридически закрепляла право Японии подавлять национально-освободительное движение.

Февральское соглашение вызвало негодование в стране. Ряд высших сановников выступил с протестом. На министра иностранных дел Ли Джиёна, подписавшего соглашение, было совершено покушение. В дома некоторых членов правительства патриоты бросили бомбы. В Сеуле и провинциях Хамгён, Чолла и Чхунчхон начались народные волнения.

Японские империалисты не скрывали своего намерения захватить Корею. Вскоре после начала русско-японской войны туда был послан ближайший советник императора Ито Хиробуми. Формально его целью было передать Коджону заверения в «дружбе и помощи», а на деле — выяснить, как можно ускорить колониальное порабощение Кореи.

По докладу Ито Хиробуми японское правительство в мае 1904 г.

первоочередной задачей колониальной политики признало установление японского протектората над Кореей и постепенную подготовку аннексии.

Выполняя эту задачу, японские империалисты 22 августа 1904 г. навязали корейскому правительству новый договор — «Конвенцию о советниках». В ней уже не было упоминаний о независимости Кореи. Согласно конвенции корейское правительство должно было пригласить японского финансового советника и иностранца, рекомендованного японскими властями, в качестве советника по иностранным делам. Их рекомендации считались обязательными для корейского правительства. Все внешнеполитические акты (договоры, конвенции, предоставление концессий, заключение контрактов с иностранцами) Корея могла отныне совершать лишь с согласия японского правительства. Это был еще один существенный шаг в ограничении суверенитета Кореи, вызвавший новую волну протестов.

Во второй половине 1904 г. японское правительство разработало свою программу «реформ» в Корее (фактически мер, подготавливавших установление протектората): новое сокращение ее внешних связей, отзыв всех корейских представителей из-за границы с передачей их функций Японии. Государствам, поддерживавшим дипломатические отношения с Кореей, было предложено закрыть миссии в Сеуле и заменить их консульствами.

Под предлогом поддержания «достоинства» корейского императора предполагалось изгнать из его ближайшего окружения всех нежелательных японцам лиц. Ставился вопрос об учреждении должности высшего советника корейского правительства из числа японских саповников, который должен был взять на себя основные функции управления государством. Важное значение придавалось подрыву обороноспособности Кореи. И без того небольшую корейскую армию (20 тыс. человек) собирались сократить до 1 тыс., оставив гарнизон только в Сеуле. Планировалось установление японского контроля над системой школьного образования и более активное проникновение в экономику Кореи. Проект «реформ», предусматривавший дальнейшее ослабление государственной власти в Корее, стал программой действий японских колонизаторов.

В осуществлении этой программы важная роль отводилась советникам, навязанным корейскому правительству. В конце 1904 г. дипломатическим советником был назначен американец Д. В. Стивенс, долгое время служивший в министерстве иностранных дел Японии. Он ревностно выполнял волю своих хозяев и немало сделал для того, чтобы окончательно порвать внешнеполитические связи Кореи. Финансовым советником стал Мэгата Танэтаро, представлявший круги японской монополистической буржуазии. С его именем связана грабительская «реформа» денежного обращения в Корее. В начале 1905 г. круг японских советников расширился. Один из них, Маруяма Сигэоси, был направлен в главное управление полиции, став его фактическим руководителем. Во все провинции разослали японских инспекторов, установивших контроль над местными силами полиции. Сославшись на необходимость экономии средств, японские колонизаторы добились значительного сокращения корейской армии. В военное министерство также был назначен полномочный советник (Нодзу Сигэтаке), во всех сохранившихся воинских подразделениях командовали японские инструкторы. Советники были поставлены также во главе министерства просвещения (Сидэхара Хироси) и других центральных учреждений, которые отныне лишь номинально возглавлялись корейскими министрами.

Важное значение придавалось средствам связи. В апреле 1905 г. ко-

рейское правительство было вынуждено подписать еще одно «соглашение», передававшее почту, телеграф и телефон под контроль японских чиновников.

Японским колонизаторам удалось прибрать к рукам все основные нити управления государством.

Одновременно японские империалисты старались обеспечить дипломатическую поддержку своих действий. В июле 1905 г. США заключили с Японией соглашение, в котором заявляли о готовности признать захват Кореи Японией при условии, что последняя гарантирует неприкосновенность Филиппин. В августе была подписана новая редакция договора об англо-японском союзе; стороны фиксировали полное преобладание японских интересов в Корее и подчеркивали право Японии «принимать такие меры руководства, контроля и покровительства в Корее, какие она сочтет соответствующими и необходимыми для этих интересов»³.

Подписание Портсмутского мирного договора означало отказ России от противоборства с Японией в Корее. К тому же страна была охвачена гигантским пожаром революции, угрожавшим всему царскому строю. Все это лишало ее возможности активно вмешаться в корейские дела.

Таким образом, международная обстановка создавала правящим кругам Японии благоприятные условия для достижения ближайшей цели колониальной политики — установления протектората над Кореей.

Готовясь к провозглашению протектората, японские империалисты уделили большое внимание обработке общественного мнения в Корее, которую поручили своим ставленникам из Ильчинхве. В начале ноября 1905 г. Общество выступило с декларацией, в которой открыто требовало установления японского протектората. Декларация предателей вызвала возмущение по всей стране. В ряде мест произошли беспорядки, совершались нападения на членов Ильчинхве. В Сеуле почти во всех школах учащиеся в знак протеста прекратили занятия. Их поддержали многие директора и учителя. Японские империалисты силой подавили выступления патриотов, а декларацию Ильчинхве назвали выражением «подлинных чаяний» корейского народа. Опираясь на нее, они 17 ноября 1905 г. вынудили корейское правительство подписать «Договор о покровительстве».

Подписание договора состоялось в обстановке неприкрытого террора. Император Коджон некоторое время отказывался поставить свою подпись под проектом, который привез из Японии Ито Хиробуми. Тогда тот сам собрал кабинет министров, предложив утвердить договор. В соседней комнате расположился отряд японских солдат, недвусмысленно бряцавших оружием. Корейский премьер-министр Хан Гюсоль, выступавший против договора, предусмотрительно скрылся, остальные министры с готовностью подписали предложенный проект. После этого Ито Хиробуми заставил императора скрепить договор своей печатью.

«Договор о покровительстве» лишал Корею самостоятельности во внешних сношениях, которые теперь полностью переходили в ведение японского правительства. Корейское правительство обязывалось не заключать никаких актов международного характера иначе как через посредство японского правительства. В Сеуле учреждался пост генерального резидента, на которого возлагался общий контроль за выполнением договора. Все статьи «Договора о покровительстве» юридически оформили насильственное превращение Кореи в японский протекторат.

Японские колонизаторы не сразу решились предать гласности этот позорный договор. Однако уже через несколько дней его содержание

стало известно населению. Прогрессивные корейские издания назвали 17 ноября «днем всенародной скорби». В типографии газеты «Хвансон синмун» было срочно отпечатано несколько десятков тысяч листовок с текстом договора. Распространяя их в столице и провинциях, патриоты помогли корейскому народу узнать правду.

В Сеуле и других городах торговцы в знак протеста закрыли лавки. На улицах происходили многочисленные схватки, участники которых требовали отмены договора. В ряде мест вновь произошли сильные волнения учащейся молодежи. Некоторые крупные чиновники, не желая смириться с унижением страны и не видя выхода из создавшегося трагического положения, покончили самоубийством. Известия об этом еще более накалили обстановку в Сеуле.

Особенную ненависть народа вызывали корейские министры, трусливо согласившиеся на установление японского протектората. На них было совершено несколько покушений. Японская и корейская полиция была брошена на охрану членов кабинета и усмирение народных волнений. В адрес корейского императора поступило множество петиций, в которых его призывали аннулировать «Договор о покровительстве» и наказать подписавших его министров. Коджон занял нерешительную позицию и попытался найти защиту у США, ссылаясь на американо-корейский договор 1882 г. Однако американское правительство не ответило на эту просьбу, и в конце 1905 г. поспешно отозвало из Кореи свою дипломатическую миссию, признав юридическую правомерность «Договора о покровительстве». Вскоре примеру США последовали и другие государства.

Японские империалисты, подавляя силой сопротивление народных масс, укрепляли свои позиции в правящих кругах Кореи, для чего вновь использовали свою агентуру из Ильчинхве. В декабре 1905 г. руководители общества выпустили воззвание, в котором призывали уволить в отставку министров и высших чиновников, отрицательно относившихся к «Договору о покровительстве». Всем остальным грозили увольнением со службы, если они не будут «сочувствовать» мероприятиям правительства. Воззвание Ильчинхве дало колонизаторам возможность избавиться от своих противников в государственном аппарате. Было сформировано новое правительство во главе с Пак Чесуном, первым подписавшим договор о протекторате.

В феврале 1906 г. было официально закрыто японское посольство и учреждено генеральное резидентство. Первым генеральным резидентом назначили активного поборника колониальной политики японского империализма князя Ито Хиробуми. Формально в его функции входил только контроль за внешними сношениями Кореи. На самом же деле генеральный резидент соединял в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть. Он должен был следить за выполнением всех обязательств Кореи в отношении Японии, и это давало ему возможность вмешиваться во внутренние дела Кореи и действия ее правительства, отдавать распоряжения непосредственно местным властям, только доводя об этом до сведения корейского правительства, командовать японскими войсками и жандармерией, применять военную силу для «охраны порядка и спокойствия». Не подчинявшихся его приказам генеральный резидент мог бросить в тюрьму или оштрафовать. Генеральный резидент опирался на огромный штат японских советников и высших чиновников, находившихся во всех ведомствах, на японских резидентов в провинциях. С учреждением генерального резидентства в Корею возникла двойная система управления, в которой решающую роль играл аппарат резидентства.

Корейское правительство было низведено до положения японского приказчика. В 1906 г. был сформирован новый кабинет, премьером которого стал бывший министр просвещения Ли Ванъён, показавший себя самым верным прислужником колонизаторов. Новое правительство еще более рьяно способствовало превращению Кореи в японский протекторат.

Усиление экономической и политической экспансии японского империализма

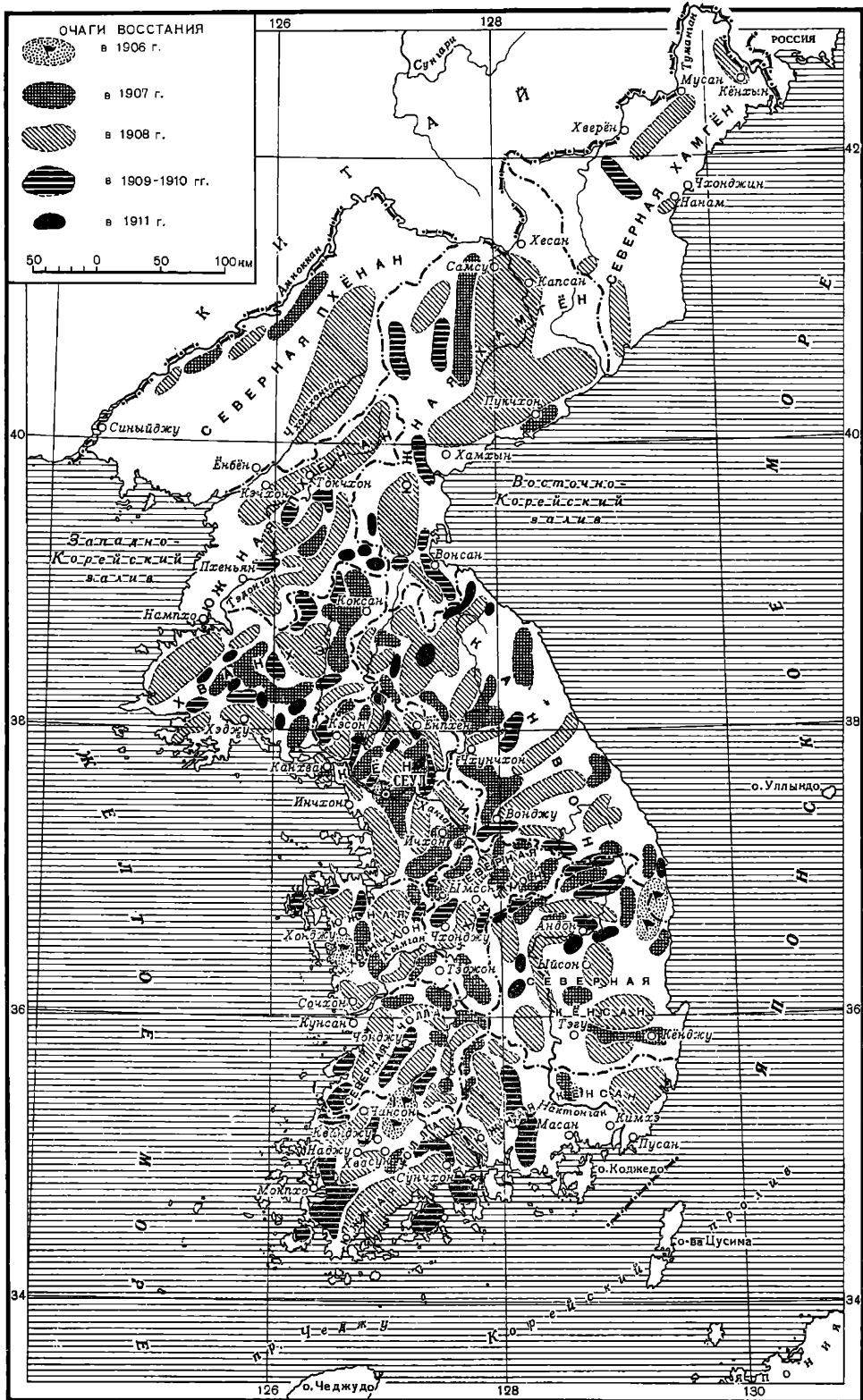
Введение режима протектората дало японским империалистам такой действенный инструмент колониального закабаления Кореи, как генеральное резидентство. Уже в сентябре 1906 г. Ито Хиробуми издал «Закон о покровительстве переселенцам», обещавший солидную поддержку японской колонизации. По Японии разъезжали вербовщики, сулившие большие выгоды переселенцам. С 1906 по 1910 г. японское население в Корее выросло с 81,7 тыс. до 171,5 тыс. Среди переселенцев преобладали торговцы, чиновники, предприниматели, богатые крестьяне, бывшие военнослужащие, ставшие опорой колониального режима.

Как уже указывалось, долгое время иностранцам в Корее был закрыт доступ в сферу земельной собственности. Сразу же после установления протектората генеральный резидент заставил корейское правительство отменить запрет. По закону 1906 г. иностранные подданные получили право совершать куплю-продажу, заклад и обмен земли, домов и другого недвижимого имущества. В первую очередь этим правом воспользовались японские переселенцы.

Начался широкий захват корейской земли. Японские колонизаторы скупали за бесценок или отнимали силой плодородные участки, жилые дома, лесные угодья, места рыбной ловли. Значительные размеры приобрела спекуляция землей, резко взвинтившая цены. В июле 1907 г. было проведено обследование государственных земельных владений. Чиновники занесли в реестр около 104 тыс. чонбо. Пустующие казенные земли было разрешено сдавать в аренду частным лицам. Если они успешно вели хозяйство, власти могли передать им участок в вечное пользование. Так складывалось японское помещичье и кулацкое землевладение в Корее. В 1909 г. в собственности переселенцев из Японии было более 76 тыс. чонбо земли и лесных угодий.

Японское правительство всемерно поощряло создание акционерных обществ для эксплуатации земельных богатств Кореи. Крупнейшим из них стало основанное в 1908 г. «Востоchnоколонизационное общество» (ВКО), объявленный капитал которого составлял 10 млн. иен. Общество получило большую поддержку от японского правительства и концерна Мицуи. Формально оно считалось смешанным японо-корейским предприятием, однако более $\frac{2}{3}$ акций и все руководство делами были в руках японцев. Остальные акции почти целиком принадлежали корейскому правительству, за спиной которого укрывалось японское генеральное резидентство. Свою долю в ВКО корейское правительство внесло в виде 2,5 тыс. чонбо плодороднейшей земли, выбранной представителями общества.

Главным в деятельности ВКО стали скупка и захват земли. К концу 1910 г. оно было собственником более 15 тыс. чонбо. Общество активно вербовало японских крестьян, передавая им лучшие участки на льготных условиях, остальные, но за более высокую плату сдавались корейским арендаторам. ВКО проводило обширные ростовщические операции, выдавая ссуду под залог имущества. Отобранные у должников зем-

Национально-освободительное движение в 1906—1911 гг.

ли способствовали быстрому росту экономического могущества Общества. В короткий срок оно стало одним из самых жестоких эксплуататоров корейского народа.

К концу 1910 г. в Корее насчитывалось 102 японские компании и 25 филиалов различных японских акционерных обществ. При всемерной поддержке властей они вкладывали свои средства в сельское хозяйство, промышленность, транспорт, горный и морской промыслы, внутреннюю и внешнюю торговлю. Практически в Корее не было ни одной отрасли хозяйства, куда бы не проник японский капитал.

Именно в годы протектората японская буржуазия начала активно внедряться в корейскую промышленность. В 1910 г. в Корее было уже 107 японских промышленных предприятий. Более половины из них составляли рисоочистительные заводы и другие предприятия пищевой промышленности. Остальные были заняты выплавкой и обработкой металла, производством тканей, изделий из дерева, бумаги. Имелось также несколько типографий. Все это были небольшие предприятия — с числом рабочих не свыше 50.

Во время русско-японской войны строительство железных дорог было ускорено. Японская акционерная компания, которая вела прокладку линии Сеул — Пусан, завершила ее в середине 1905 г. В апреле 1906 г. официально открылась линия Сеул — Ыйджу. Так была построена транскорейская магистраль, пересекавшая весь полуостров. Она сделала возможным прямое сообщение между Японией и Северо-Восточным Китаем. Из-за военных действий некоторые участки были сделаны наспех; впоследствии они перестраивались и укреплялись. К концу 1910 г. протяженность железных дорог в Корее составляла 1118 км.

В 1907—1910 гг. грунтовые дороги (более 800 км) соединили Нампхо и Пхеньян, Кванджу — Мокпхо, Тэгу — Кёнджу и другие города. Строительство обошлось корейской казне в 4 млн. иен. Нередко на прокладке дорог в каторжных условиях работали пленные корейские партизаны. Дорожное строительство способствовало распространению японских товаров и обеспечивало усиление военно-полицейского контроля над страной. Для тех же целей создавались и линии связи. К 1910 г. в Корее было проложено 5454 км телеграфных и 486 км телефонных линий.

С конца XIX в. в горном промысле преобладали американские предприниматели, японские же в основном занимались скупкой и вывозом из Кореи золота. В сентябре 1906 г. генеральное резидентство отдало распоряжение о передаче в его ведение казенных рудников и тех частных предприятий, принадлежность которых не доказана документально. Одновременно оно приняло на себя контроль за выдачей разрешений на разработку горных недр.

Генеральное резидентство проводило откровенно протекционистскую политику. Для японцев была облегчена процедура оформления документов, им предоставлялись субсидии, налоговые льготы и т. д. Приток японского капитала в корейский горный промысел резко возрос. Если в 1906 г. японским предпринимателям было выдано всего 28 разрешений на разработку недр, то в 1910 г. таких разрешений было уже 397. Хотя в это время японским капиталистам еще не удалось полностью вытеснить своих иностранных конкурентов, но они уже захватили большинство горных предприятий в Корее и активно грабили ее рудные богатства.

Японские купцы продолжали укреплять свое господство во внешней торговле Кореи. В 1909 г. ввоз товаров в Корею в 2,5 раза превышал уровень начала века, его общая стоимость составляла более 36 млн. иен. Не менее $\frac{4}{5}$ всего корейского импорта приходилось на долю Японии.

Вывоз из Кореи все больше граничил с открытым грабежом. Его основу, как и в прошлые годы, составляла продукция сельского хозяйства, поступавшая почти целиком в Японию. Главной статьёй экспорта были рис, бобы, ячмень и другие зерновые (в 1905 г.— на 3163 тыс. иен, в 1909 г.— на 10 050 тыс. иен). Корея, сама хронически испытывавшая острый недостаток продовольствия, вынуждена была покупать его за границей (в 1909 г., например, Корея вывезла 1539 тыс. сок риса и одновременно ввезла его 7 тыс. сок, что возмещало лишь небольшую часть дефицита).

Все явственнее Корея превращалась в источник сырья для Японии. Быстрый рост японской текстильной промышленности вызвал расширение в Корее хлопковых плантаций; увеличился вывоз хлопка (в 1905 г.— на 61 тыс. иен, в 1909 г.— на 273 тыс. иен), женьшеня, крупного рогатого скота, которого всегда не хватало в самой Корее, необработанной кожи и т. д. Расхищались богатства недр. В 1909 г. только из уездов Чэрён, Ыллюл и Чаньён (Хванхэ) было отправлено в Японию более 50 тыс. т железа. Продолжался вывоз золота: в 1907 г., например, один лишь «Первый банк» скупил и отослал в Японию свыше 3,2 т.

Японские колонизаторы приложили немало стараний, чтобы подорвать и без того крайне слабую финансовую систему Кореи. Под нажимом присланного из Японии советника Мэгата Танэтаро в конце января 1905 г. корейский император издал указ о денежной реформе. Ее начали в июне 1905 г. и провели в крайней спешке, без необходимой подготовки: не было выяснено количество старых монет, находившихся в обращении, не подготовили достаточный обменный фонд и т. д. Такая поспешность отвечала интересам японских империалистов.

В ходе реформы был закрыт корейский монетный двор. Функции казначейства передали «Первому банку», приступившему к выпуску бумажных иен. Для них установили золотой стандарт, идентичный японскому. Старые медные и никелевые монеты подлежали по принудительному курсу в крайне сжатые сроки обменять на новые деньги. Обменных пунктов было мало, они располагались главным образом в городах, причем в таких, где имелись большие японские колонии. Каждый обменный пункт получил очень небольшое количество новых денег, населению разрешалось одновременно обменивать строго ограниченные суммы. Искусственно затрудненные условия, в которых проводилась реформа, вызвали дальнейшее ухудшение финансового положения страны. Корейской казне эта реформа обошлась в 8 млн. иен. Многие корейцы, особенно из среды купечества, не успев обменять старые деньги, разорились. Зато японские купцы и ростовщики нажились на спекуляциях новыми деньгами, расширении кредитных операций. В ряде отдаленных мест Кореи наряду с иенами обращались старые монеты; денежная система стала еще более хаотичной. Финансовая реформа способствовала экономическому закабалению Кореи.

Этой же цели отвечали и многочисленные займы, предоставляемые Корее японскими банкирами. В 1904 г. корейское правительство получило на проведение денежной реформы 3 млн. иен из 6% годовых. Впоследствии каждый год на таких же тяжелых условиях оно занимало от 2 до 10 млн. иен.

Возрастающий финансовый дефицит явился следствием колониального ограбления. Рост задолженности корейского правительства позволил японским империалистам еще более упрочить свое экономическое господство в Корее.

Обильный приток иностранных товаров и создание японских промышленных предприятий еще более подорвали корейское ремесло и

домашние промыслы. Особенно пострадало производство тканей (в частности, из хлопка). Согласно японским данным, в 1909—1910 гг. в Корею было произведено тканей из хлопка на 2300 тыс. иен, а ввезено из Японии и Англии — на 11 млн. иен. Такой поток привозной ткани захлестнул местное производство. Одним из центров хлопчатобумажного ткачества был уезд Мокпхо (Южная Чолла). В 1904 г. стоимость произведенной там продукции оценивалась в 500 тыс. иен, а в 1909 г. — всего в 29 тыс. иен (иначе говоря, объем производства сократился более чем в 17 раз).

Так же сложилась судьба столь же старинного производства — лакового. Им славился среди других уезд Тхонъён (Южная Кёнсан). В 1904 г. там было изготовлено на 1400 иен изделий из лака, а в 1909 г. — только на 600 иен. Такой же кризис охватил гончарное, металлическое, бумажное и другие ремесла. Еще более ухудшилось положение крестьян, для которых домашние промыслы были весьма важным подспорьем.

В трудных условиях режима протектората проходило дальнейшее стапование корейского национального капитала. Купечество и ростовщики составили костяк нарождавшейся корейской буржуазии. Вместе с тем несколько усилился процесс обуржуазивания феодальных кругов; часть высшего дворянства и чиновничества пыталась включиться в предпринимательскую деятельность.

Часто такие начинания заканчивались неудачей: не хватало опыта и средств, не было возможности преодолеть создаваемые режимом протектората трудности и препятствия. Тем не менее к августу 1910 г. в Корею действовала уже 21 национальная акционерная компания с объявленным капиталом 6,5 млн. иен; половина их была сосредоточена в области кредита и банковского дела, остальные — в сельском хозяйстве, торговле, промышленности. Как правило, в этих основных отраслях экономики были всего 1—2 корейские компании.

Возникали также смешанные японо-корейские компании. В 1910 г. их было уже 20 (с объявленным капиталом более 20 млн. иен). Основные позиции в них захватил японский капитал, корейский был допущен в весьма скромных размерах.

В годы протектората приток корейского капитала в отечественную промышленность несколько увеличился. В 1910 г. насчитывалось уже 60 предприятий (преимущественно мелких), принадлежавших корейцам. Из них $\frac{3}{4}$ были заняты производством керамических изделий и бумаги, т. е. сосредоточивались в отраслях, еще почти не тронутых японским капиталом. Лишь шесть корейских предприятий имелись в пищевой промышленности и пять были связаны с выплавкой и обработкой металла. Горная промышленность также становилась сферой приложения национального капитала. В 1906 г., несмотря на принятие закона, выгодного японским предпринимателям, корейцам было все же выдано 4 разрешения на разработку горных недр, а в 1909 г. — уже 147. Принадлежавшие корейцам рудники были крайне маломощными: в 1908 г. собранный с корейцев горный налог составлял всего 4%, тогда как с японцев — 84% поступивших средств. Примерно такое же положение было и в других отраслях экономики.

Нарождавшийся национальный капитал в Корею нуждался во всесторонней поддержке, особенно в финансовой помощи государства. Однако по государственному бюджету 1905 г., например, на развитие земледелия, промышленности и торговли в Корею были отпущены ничтожные средства (0,3%). Позднее эта сумма не стала больше.

Марионеточное правительство послушно шло на все уступки, которых требовали колонизаторы. Оно предоставило японским рыбакам

право беспрепятственного лова в корейских водах. Японские грузовые и пассажирские суда могли теперь свободно передвигаться вдоль берегов и по рекам Кореи. Разбазаривались национальные богатства страны. Так, в конце 1909 г. газеты сообщили, что корейское правительство «уступило» Японии более 2729 тыс. пхён месторождений железа в уездах Чэрён и Ыллюл (Хванхэ). Богатое месторождение было отдано за смехотворно низкую цену — 0,5 иены за 1 тыс. пхён. Подобные уступки стали обычными и нанесли серьезный ущерб национальной экономике.

Вся политика протектората была направлена на то, чтобы с помощью разного рода рогаток затруднить развитие корейского капитала. Вот что, например, сообщала в ноябре 1909 г. русская газета «Дальний Восток». Около 2 тыс. корейских купцов и промышленников обратились к правительству с жалобой на несправедливость тарифов. На железных дорогах, находящихся в ведении генерального резидентства, провоз грузов в столицу из Инчхона (38 км от Сеула) стоил столько же, сколько и из Пусана (413 км от Сеула). Объяснялось это тем, что Пусан был крупнейшим после Сеула центром японской торговли и резидентство предоставило своим купцам значительные льготы.

Беззастенчиво грабившие страну колонизаторы, как правило, отказывали корейской буржуазии в финансовой поддержке. Нередко корейские предприятия и акционерные общества, едва возникнув, терпели крах. Причиной тому были колониальные порядки и конкуренция более мощного и опытного японского капитала.

Естественно, что становление корейского национального капитала протекало очень медленно и в уродливых формах. Ограбление страны, лишение корейского капитала элементарных возможностей роста, предоставление всяческих привилегий японскому капиталу, поддержка экономической экспансии путем прямого вмешательства властей — все это составляло суть экономической политики японского генерального резидентства.

Японские империалисты использовали режим протектората и для упрочения своего политического господства в Корее. Очистив от явных противников государственный аппарат, они усилили давление на главу корейского государства. К этому времени император Коджон все больше вызывал недовольство колониальных властей. Хотя он был крайне непопулярен и часто отступал перед японским нажимом, он все же продолжал оказывать колонизаторам пассивное сопротивление. Для многих корейцев Коджон оставался воплощением национального суверенитета, даже своего рода знаменем в освободительной борьбе.

Несмотря на то что его принудили скрепить печатью «Договор о покровительстве», Коджон не признавал законность этого унижительного акта. Однако по-прежнему он искал поддержку не в своей стране, а за рубежом. Средством спасения от японского колониального гнета он считал установление над Кореей коллективного протектората заинтересованных держав. Узнав о созыве международной конференции в Гааге, Коджон тайком направил туда своих представителей. В конце июня 1907 г. корейская миссия добралась до Гааги. Как сообщала в то время газета «Дальний Восток», посланцы Коджона в интервью журналистам заявили: «Нас послал император не только на Гаагскую конференцию, но и ко всем правительствам Европы и Америки, чтобы протестовать против обращения с нами Японии, и в частности чтобы объяснить, что Корея никогда не откажется от независимости и не согласится на японский протекторат». Но надежды на помощь империалистических правительств оказались тщетными. Корейскую миссию отказались выслушать и даже не допустили в зал заседаний.

Мольбы Коджона о помощи не услышали в Гааге, зато очень хорошо услышали в Японии. В печати развернулась ожесточенная травля корейского императора. Японский премьер-министр выступил с оскорблениями и угрозами в его адрес. В Сеул для наведения «порядка» был спешно направлен министр иностранных дел Хаяси Тадасу. Но еще до его прибытия генеральный резидент Ито Хиробуми принял меры против непокорного императора. По его указке члены марионеточного кабинета дважды посетили Коджона и потребовали от него отречения от престола. Когда он отказался, ему пригрозили, что Япония начнет войну, а его самого отправят в Токио и бросят в тюрьму.

И вновь Коджон не устоял перед нажимом. 19 июля 1907 г. он издал манифест об отречении в пользу его сына Ли Чхока, получившего тронное имя Сунджон. Слабовольный и трусливый, новый корейский император стал послушной игрушкой в руках японских колонизаторов. Воспользовавшись свержением Коджона, японские империалисты 24 июля 1907 г. заставили марионеточное правительство подписать «Договор семи статей». Корейское правительство принимало обязательство во всех административных делах руководствоваться указаниями генерального резидента и не принимать без его одобрения никаких законов и распоряжений. Лишь с его ведома следовало производить все назначения и перемещения по службе, принимать на службу иностранцев.

«Договор семи статей» был логическим продолжением «Договора о покровительстве». Он юридически оформил захват всех нитей внутреннего управления, совершившийся после установления протектората. Началось вытеснение корейцев из государственного аппарата, замена их японскими чиновниками; во всех министерствах и департаментах японские вице-министры и заместители начальников захватили руководство всеми делами. В короткий срок только на самых важных государственных постах оказалось более 3 тыс. японских чиновников. Японские чиновники были назначены и во многие провинциальные ведомства. Историки КНДР совершенно справедливо расценивают «договор» от 24 июля 1907 г. как «смертный приговор» государственному суверенитету Кореи.

Готовясь к окончательному захвату Кореи, японские империалисты не могли смириться с наличием у нее собственной армии. За годы протектората корейская армия была сокращена вдвое, и ее численность не превышала 10 тыс. Но и эта армия — малочисленная и слабая — угрожала планам колонизаторов, тем более что она втягивалась в освободительное движение и, как сообщала японская печать, имелись «признаки поголовного восстания корейских войск».

В дополнение к «Договору семи статей» было заключено секретное соглашение о роспуске корейской армии. Предполагалось оставить лишь один батальон пехоты и один кавалерийский эскадрон в качестве личной охраны императора. В конце июля 1907 г. состоялось несколько совещаний Ито Хиробуми, командующего оккупационными войсками Хасэгава Есимити и членов марионеточного правительства. В строжайшей тайне были разработаны детали предстоящего разгона армии. Готовясь к этой операции, японские войска в Сеуле и других крупных городах заняли арсеналы и склады боеприпасов.

1 августа 1907 г. император Сунджон подписал декрет о роспуске армии. Командиры расквартированных в Сеуле частей получили приказ вывести своих солдат без оружия на учебный плац у восточных ворот, заранее окруженный усиленными отрядами японских войск. Однако в назначенное время сюда явилась лишь часть сеульского гарнизона. Военный министр Ли Бёнму зачитал императорский декрет, с солдат и унтер-офицеров начали срывать погоны и фуражки.

На церемонию роспуска не явились в полном составе два гвардейских батальона и многие солдаты других подразделений. Командир батальона 1-го гвардейского полка Пак Сонхван заявил, что отказывается подчиниться приказу о роспуске армии, и на глазах у всех покончил с собой. Более 1300 солдат выступили с оружием в руках и захватили склад боеприпасов. Их поддержали горожане. Японские войска пустили в ход пулеметы и подавили восстание. Значительная часть его участников погибла или была брошена в тюрьмы. Такие же драмы разыгрались и в других местах, где еще имелись небольшие корейские гарнизоны (Пхеньян, Чхонджу, Суwon, Пукчхон, Хэджу, Кванджу, Тэгу и др.).

Разгон корейской армии был важным шагом на пути к окончательной ликвидации независимости Кореи. Однако многие солдаты и офицеры не подчинились приказу о роспуске армии, с оружием в руках ушли в горы и значительно усилили ряды бойцов сопротивления.

В годы протектората японские империалисты не останавливались ни перед чем, чтобы ускорить аннексию. Однако ее подготовка оказалась длительнее и много труднее, чем они ожидали. Причиной тому была развернувшаяся с невиданной силой мужественная борьба корейского народа за свободу и независимость.

Вооруженная борьба народных масс против японских колонизаторов

С 1904 г. в Корее начался новый подъем национально-освободительного движения. Он был логическим продолжением всей предшествующей истории сопротивления колонизаторам. Вместе с тем в это время произошли такие количественные и качественные изменения, которые позволяют рассматривать период после 1904 г. как самостоятельный этап движения за национальную независимость. Эти изменения были вызваны как дальнейшим социально-экономическим развитием страны (особенно зарождением национального капитала), так и резким усилением колониальной экспансии, вовлекавшим в освободительную борьбу широкие слои корейского общества.

Более четко, чем прежде, стали выделяться два основных потока национально-освободительного движения в Корее. Один из них — активная вооруженная борьба народных масс, другой — патриотическая деятельность политических организаций и культурно-просветительных обществ. В основном оба потока двигались параллельно, лишь до некоторой степени соприкасаясь друг с другом. Политические и просветительные организации внесли немалый вклад в общее дело. Они будили национальное самосознание, воспитывали патриотизм, стремление к свободе и тем оказали серьезное влияние на все движение. Однако главную роль в сопротивлении колонизаторам играла борьба народных масс, с оружием в руках поднявшихся на защиту независимости Кореи.

Характеризуя общий подъем национально-освободительного движения в Азии в начале XX в., В. И. Ленин подчеркивал, что «пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»⁴. Эти ленинские слова в полной мере могут быть отнесены к Корее. Здесь, как и везде, освободительная борьба всеми корнями уходила в национальную почву, но вместе с тем испытывала очень сильное воздействие русско-японской войны и особенно революции 1905—1907 гг. в России.

Победа в войне Японии, открывшая ей путь к полному захвату Кореи, повлекла за собой рост сопротивления корейского народа. Русская революция 1905—1907 гг. оказала еще более серьезное влияние на

национально-освободительное движение в Корее. Несмотря на все полицейские преграды, известия о революционных боях в России достигали Кореи, усиливая тягу к активной борьбе. Уже 26 января 1905 г. «Тэхан ильбо» («Корейская ежедневная газета») опубликовала редакционную статью «Крупные революционные выступления в России», отмечавшую, что в России правительство «проводит жестокую тираническую политику, а царь Николай II, с приходом которого тирания стала еще более жестокой, даже усугубил ее своей полицейской политикой. С народом стали обращаться, как со скотом, и народ поневоле преисполнился гневом и негодованием, которые нарастали с каждым днем». Корейские газеты подробно излагали события в России. Вполне понятно, что авторы статей не имели четкого представления о социальной сущности русской революции. Они главным образом подчеркивали ее народный, освободительный характер, что особенно волновало передовую часть корейского общества.

Огромное значение имела близость Кореи к русскому Дальнему Востоку. К 1905 г. здесь проживало уже несколько десятков тысяч выходцев из Кореи, среди которых немалую долю составляли те, кто бежал от преследований японской полиции. Корейские эмигранты создавали свои организации, издавали газеты. В их среде росло число людей, втягивавшихся в активную революционную борьбу с царским самодержавием. Политическому росту корейской эмиграции в значительной степени содействовали контакты с русскими революционерами, участие в боевых делах русского пролетариата.

Во Владивосток и другие районы Дальнего Востока приходили на заработки тысячи корейцев. Вернувшись на родину, они рассказывали о самоотверженной борьбе русского пролетариата против царизма; часть эмигрантов была выслана из России за участие в революционном движении.

Русский Дальний Восток стал одной из важнейших заграничных баз освободительного движения в Корее. Здесь собирали средства для партизан, закупали оружие и снаряжение, которые затем тайком переправлялись в Корею. Отсюда уходили на борьбу отряды, созданные местным корейским населением. В пограничных селениях размещались партизанские отряды, отступившие из Кореи под натиском карателей. Многие патриоты в целях безопасности принимали русское подданство. В этой связи по требованию генерального резидента корейское правительство издало циркуляр о том, что оно не будет признавать особых прав за корейцами, перешедшими в иностранное подданство.

Еще одним центром эмиграции был район Цзяньдао в Северо-Восточном Китае. К 1910 г. здесь проживало около 80 тыс. корейских переселенцев. Все они испытывали влияние освободительной борьбы китайского народа, также усилившейся под воздействием революции 1905—1907 гг. в России. В Цзяньдао нашли убежище многие активные участники движения за независимость Кореи, здесь оказывали помощь корейским партизанам. Небольшая корейская колония имелась и в Японии. Значительная часть корейских учащихся и студентов вернулась на родину и примкнула к борцам сопротивления. Власти не раз задерживали шхуны с оружием, шедшие из Японии. Через Китай и Японию в Корею приходили вести о всеобщем подъеме освободительной борьбы, вызванном революцией в России.

К концу русско-японской войны колонизаторам удалось вытеснить из горных уездов действовавшие там отряды Ли Бомюна и других командиров. Понеся огромные потери, они обосновались в районе Посьета на русском Дальнем Востоке и в Цзяньдао, готовясь к новым боям.

В центральных и южных провинциях Кореи продолжали борьбу небольшие отряды и группы партизан. Так, отряд Вон Юпххаля, возникший возле г. Вонджу (Канвон), совершил летом и осенью 1905 г. длительный рейд по соседним уездам. Однако в условиях военной оккупации партизанское движение не могло принять больших размеров.

После окончания войны с Россией Япония вывела из Кореи основную часть войск, оставив там две пехотные дивизии, которые периодически сменялись и пополнялись новыми частями. Это были достаточно внушительные силы. И все же сокращение численности войск и некоторое смягчение оккупационного режима создавали благоприятные условия для движения сопротивления.

Люди, вставшие на защиту своей родины, по традиции называли себя «Ыйбён». Главными участниками борьбы, массовой базой партизанского движения были крестьяне, ремесленники, рыбаки, охотники, строительные и горные рабочие. Однако в их среде были и многочисленные выходцы из патриотически настроенных янбанов, чиновников, кофучианских ученых. Как правило, особенно на первых порах, эти люди оказывались во главе партизанских отрядов. Наиболее видные руководители рассылали повсюду обращения с призывом к населению подниматься на решительную борьбу, защищать независимость страны и суверенитет корейского императора, изгнать японских колонизаторов, наказать сотрудничавших с ними предателей.

Партизанские отряды стали вновь возникать в Корее уже в конце 1905 г. Но в полную силу вооруженная борьба развернулась в начале 1906 г. С января по июнь 1906 г. отряды «Ыйбён» появились уже в 40 уездах южных провинций. Один из самых крупных возглавлял отставной чиновник Мин Джонсик. В отряде было сначала около 500 человек. Возникнув в марте 1906 г. в уезде Чонсан (Южная Чхунчхон), он затем прошел с боями по уездам Сочхон, Порён, Хынсан, Нампхо и временами разрастался до 1 тыс. человек. Партизаны нападали на японских жандармов, чиновников почт и уездных управлений. В середине мая отряд Мин Джонсика занял Хонджу и удерживал его более 10 дней. Против него были направлены две роты японской пехоты, отряды кавалерии, жандармов, полицейских и вспомогательные корейские части. Захватив Хонджу после трех дней упорных боев, каратели расстреляли 60 партизан и взяли в плен 130 человек (из них 90 погибли в дороге или были казнены в Сеуле). Мин Джонсик с частью партизан бежал в провинцию Чолла. Лишь в сентябре он был окончательно разбит и отправлен на пожизненную каторгу.

В мае 1906 г. под командой бывшего уездного начальника Чхве Икхёна начал боевые действия отряд, в котором было около 450 человек. Созданный в уезде Сунчхон (Южная Чолла), он затем объединился с небольшим отрядом деревенского старосты Лим Бёнчхана. При поддержке населения партизаны напали на города Тамян, Наджу, Тхэин. Только собрав превосходящие силы, японские власти сумели в июне разгромить этот отряд. Сам Чхве Икхён был замучен в тюрьме на о-ве Цусима. Еще некоторое время спустя остатки его отряда продолжали вести бои под командой Пак Тэха, Кан Сонвона и других командиров.

В Северной Кёнсан партизанское движение возглавил выходец из простого народа Син Дольсок. Его отряд, сначала насчитывавший 100 человек, в короткий срок вырос в несколько раз. В мае 1906 г. партизаны Син Дольсока вели бои с оккупантами в уездах Чинбо, Ёнъян, Ульджин, захватили золотой рудник в Андоне. В начале 1907 г. они продолжали действовать в уездах Северной Кёнсан и соседних с нею провинциях.

Все эти партизанские отряды по преимуществу состояли из крестьян. Но наряду с ними сражались и партизаны-рабочие. Один такой отряд был создан рабочими рудника в уезде Хонджу (Чхунчхон), его возглавил горнопромышленник (токтэ) Ким Сонъюн. В ноябре 1906 г. рабочие разгромили высланный против них отряд полицейских, затем провели ряд операций в соседнем уезде Ымсон.

В первой половине 1907 г. вооруженное сопротивление колонизаторам в Корее продолжало нарастать. На смену потерпевшим поражение приходили новые отряды. Вновь оживилась борьба на севере. В начале 1907 г. партизаны здесь почти целиком уничтожили японскую роту, застигнутую метелью в горах. Весной отряд из 500 человек разгромил поселок японских колонистов в Северной Хамгён.

С самого начала вооруженная борьба патриотов была направлена в первую очередь против японских колонизаторов. Но одновременно она имела и антифеодальный характер, хотя эта сторона движения была выражена не столь четко. Партизаны выступали против марионеточного правительства и власти на местах. Наравне с колонизаторами они уничтожали и предателей из среды феодальной реакции. Главной формой борьбы были действия отрядов «Ыйбён», но происходили и традиционные антифеодальные выступления.

В разных районах страны то и дело вспыхивали крестьянские восстания. В феврале 1906 г. они произошли в уездах Индон и Сонсан (Северная Кёнсан), в ноябре — в Коксане (Северная Хванхэ), в марте 1907 г. — в уездах Кимхэ (Южная Кёнсан), Намхэ (Южная Чолла), Корён (Северная Кёнсан), Тхэин (Северная Чолла) и т. д. Неоднократно бунтовала городская беднота.

События в июле — августе 1907 г. (свержение Коджона, «Договор семи статей», роспуск корейской армии) всколыхнули всю страну. С этих событий начинается период наивысшего подъема вооруженной борьбы против японских империалистов. Особенно большое значение имело то, что в ряды сопротивления влились кадровые военные — офицеры и солдаты разогнанной корейской армии.

В г. Вонджу (Канвон) еще до получения приказа о роспуске армии восстали солдаты местного гарнизона. Руководимые офицером Мин Гынхо, они напали на полицейский участок и правительственные учреждения, казнили нескольких японских чиновников и корейских предателей. Солдат активно поддержало местное население; отряд Мин Гынхо, насчитывавший 250 человек, быстро вырос до 1 тыс. человек. Вынужденный оставить Вонджу, отряд действовал в ряде уездов Канвон, Северной Чхунчхон и Кёнги. Против него посылали несколько рот пехоты с пулеметами, отряды полиции, но партизаны либо обращали их в бегство, либо незаметно исчезали. Лишь весной 1908 г. карателям удалось настичь и разгромить отряд Мин Гынхо.

Тогда же, в августе, произошли восстания солдат на о-ве Канхвадо и в других местах. Всюду солдаты и часть офицеров вливались в уже действовавшие отряды «Ыйбён» или формировали новые. Многие деревни стали оплотом партизанского движения.

К концу сентября больше всего партизанских отрядов было в горном районе на границах провинций Канвон, Кёнги и Северная Чхунчхон, а также в Кёнсан и Чолла. Пламя повстанческой борьбы разрасталось; к концу 1907 г. оно охватило почти все провинции. Самым крупным в то время был отряд Ли Ганпёна, насчитывавший около 1 тыс. человек. Этот отряд более года сражался в Северной Кёнсан, Канвон и Северной Чхунчхон. Временами против него посылали до полка пехоты с подкреплениями, отряды кавалерии и горную артиллерию. Успешно боролись так-

же отряды Син Дольсока, Ли Инёна, Хо Ви, Ким Сумина, Лю Нинсока и многие другие.

К концу 1907 г. вооруженная борьба в Корее стала массовой. По явно преуменьшенным официальным данным, за год японским войскам и жандармерии пришлось выдержать 322 боя, в которых участвовало в общей сложности более 44 тыс. партизан (не учтены мелкие стычки, нападения небольших групп на чиновников и полицейских). Широкое распространение получили крупные отряды, порой разраставшиеся в большие соединения. Расширялась социальная база движения; все чаще к руководству приходили крестьяне, мелкие торговцы, выходцы из интеллигенции.

Количественный рост породил тягу к объединению. В декабре 1907 г. в Янджу (Кёнги) собрались командиры крупнейших отрядов «Ыйбён». На тайном совещании было решено избрать командующим партизанским движением Ли Инёна, а начальником штаба — Хо Ви. Руководителями местных сил были назначены: Мин Гынхо (Канвон), Ли Ганнён (Чхунчхон), Пак Чонбин (Кёнсан), Квон Ыйхи (Кёнги и Хванхэ), Пак Ингван (Пхёнан) и Чон Бонджун (Хамгён). Совещание направило своего представителя в Сеул, чтобы уведомить о создании единого командования партизанских войск миссии иностранных государств и заручиться их поддержкой.

Участники совещания пытались разработать общий план борьбы: они решили организовать поход на Сеул, объявить недействительным договор о протекторате и восстановить независимость страны. Это был наивный план, не учитывавший реального соотношения сил. Часть партизанских отрядов действительно направилась к Сеулу, но на ближних подступах была отбита с большими потерями. Созданный в Янджу штаб не сумел возглавить движения; оно осталось разобщенным.

Своего апогея вооруженная борьба народных масс Кореи достигла в 1908 г. В середине этого года действовал 241 отряд «Ыйбён». За год, по официальным данным, произошел 1451 бой, в котором участвовали 69,8 тыс. партизан. На деле столкновений было много больше, так как в расчет приняты только крупные бои с силами японской армии и жандармерии.

Основным районом партизанских действий оставались южные и центральные провинции. Бои велись уже не только в горных и лесных местностях, но и в равнинных прибрежных районах, особенно тщательно охраняемых оккупантами. Некоторые отряды, прорвав полицейские кордоны, перебрались на близлежащие острова, откуда совершали набеги на береговые укрепления японских войск.

На севере Кореи также продолжало усиливаться партизанское движение, базой которого была эмиграция в России и Китае. На русском Дальнем Востоке шло ускоренное формирование добровольческих отрядов. Чаще всего ими командовали бежавшие из Кореи офицеры и унтер-офицеры разогнанной армии. Общее руководство набором добровольцев осуществляли упоминавшийся выше Ли Бомюн, бывший капитан императорской гвардии Ким Хунджу и некоторые другие. Корейские поселенцы снабжали партизан всем необходимым и помогали переправиться через границу.

Японское правительство неоднократно требовало от России пресечь деятельность эмигрантских организаций. Царские власти ради нормализации отношений с Японией согласны были выполнить эти требования. Местные начальники получили предписание не разрешать формирования добровольческих отрядов. На русско-корейской границе поставили дополнительную казачью команду, таможенным органам приказали кон-

фисковывать провозимое через границу оружие. И все же, несмотря на все эти меры, приток желающих бороться за независимость Кореи не прекращался.

Эмигрантские организации в Северо-Восточном Китае собирали деньги, продовольствие, переправляли в Корею оружие, посылали туда сотни вооруженных патриотов. Партизанские отряды, прибывавшие из России и Китая, встречали полную поддержку местного населения. Они боролись самостоятельно или сливались с уже действовавшими силами сопротивления.

Среди многочисленных партизанских отрядов, сражавшихся в северных провинциях, особенно прославился отряд, возглавлявшийся национальным героем Кореи Хон Бомдо. Выходец из бедной крестьянской семьи, Хон Бомдо несколько лет работал на золотых приисках, а затем длительное время занимался охотничьим промыслом в районе Пукчхона. Когда в ноябре 1907 г. японские власти попытались разоружить местных охотников, Хон Бомдо с группой соратников уничтожил присланных сюда японских солдат и их пособников из Ильчинхве. В короткий срок он создал сплоченный отряд, в основном состоявший из охотников, горнорабочих, крестьян и бывших солдат. Отряд подразделялся на взводы, имел штаб, разведку, оружейную мастерскую, в которой изготавливались даже самодельные пушки.

Хон Бомдо проявил себя выдающимся партизанским командиром. Уже в конце ноября 1907 г. его отряд разгромил японское подразделение, устроив засаду на перевале Худжирён, а в последние дни декабря овладел крупным уездным центром Самсу. Японские войска безуспешно пытались выбить оттуда партизан.

Когда же начали штурм, выяснилось, что отряд уже незаметно ушел из города. Партизаны совершили стремительный марш-бросок к Капсану, разгромили находившийся здесь японский гарнизон и захватили город. Японское командование, сообразив, что его перехитрили, спешно бросило войска к Капсану. Но перед самым их приходом партизаны покинули и этот город. Предварительно они сожгли городскую управу и полицейский участок, расправились с японскими чиновниками и местными предателями, а затем укрылись в горах.

Действия отряда Хон Бомдо весьма типичны для тактики корейских партизан. Впоследствии Хон Бомдо со своими бойцами продолжал борьбу в районе Самсу — Капсана. С ноября 1907 по сентябрь 1908 г. он провел около 40 крупных боев с японскими войсками и жандармерией. К концу 1908 г. этот отряд насчитывал уже 800 человек, а временами разрастался еще больше.

В марте 1908 г. около 700 партизан под командованием Ким Джунхва взяли г. Мусан и удерживали его длительное время. Еще один отряд, получив подкрепление с русской территории (из Сучана), разгромил в июне карателей возле Кёнхына. В следующем месяце развернулись упорные бои у Хверёна, где против оккупантов выступило сразу несколько отрядов. Размах боевых действий партизан вызвал панику среди японских переселенцев; летом 1908 г. из северных уездов Кореи бежало около 2 тыс. японских колонистов.

Вооруженное сопротивление колониальной агрессии дополнялось антифеодальной борьбой масс. Почти повсюду, особенно в местах активных действий партизанских отрядов, происходили волнения крестьян и городской бедноты. Партизанское и повстанческое движение в значительной мере парализовало всю административную систему. Большинство чиновников, сотрудничавших с колонизаторами, были убиты или спаслись бегством. Многие уезды вообще остались без государственных слу-

жащих (в Канвон, например, 19 из 26 уездов). В 1907 г. сеульские газеты писали, что из-за непрекращающихся «бунтов» казна получила всего лишь половину ожидаемого поступления налогов.

Особенную ненависть патриотов вызывали предатели из Ильчинхве. Входявшие в эту организацию прислужники колонизаторов помогали подавлять сопротивление корейского народа — становились проводниками и разведчиками карательных подразделений, проникали в партизанские отряды, чтобы разложить их изнутри. С целью опорочить отряды «Ыйбён» они клеветнически приписывали партизанам кровавые злодеяния, которые творили сами японские каратели. Только с сентября 1907 по август 1908 г. партизаны убили 966 членов Ильчинхве. Даже в столице, наводненной японскими войсками и жандармерией, приспешники колонизаторов не чувствовали себя в безопасности.

Японские империалисты стремились любыми путями подорвать национально-освободительное движение в Корее, и прежде всего задуть вооруженное сопротивление патриотических сил. Чтобы изолировать партизанские отряды, колонизаторы ввели в деревнях систему круговой поруки.

С помощью предателей из Ильчинхве в деревнях создавались «отряды самообороны». Они должны были вести патрулирование, шпионить за партизанами, конфисковывать у населения оружие. Жителей насильно загоняли в эти отряды; каждого, кто отказывался вступать в них, объявляли пособником партизан. К концу 1908 г. удалось организовать более 2 тыс. таких отрядов. Однако население саботировало их деятельность. Сами колонизаторы в официальном издании «Второй ежегодный отчет о реформах и прогрессе в Корее (1908—1909)» вынуждены были признать, что «отряды самообороны» не выполнили «даже части тех задач, которые на них возлагались».

Пытаясь разложить ряды борцов сопротивления, японские империалисты и их агентура не скупилась на увещания и посулы. В сентябре 1907 г. генерал Хасэгава Ёсими обещал «прощение» тем, кто сдастся добровольно. Император Сунджон по указке своих хозяев издал в сентябре и декабре 1907 г. рескрипты, в которых «советовал» патриотам прекратить борьбу. Еще один такой рескрипт был опубликован в сентябре 1908 г., но и он не достиг своей цели.

Тогда по инициативе Ито Хиробуми в январе 1909 г. была организована поездка Сунджона по стране. Император призывал народ покориться и следовать за Японией «по пути прогресса и цивилизации». Но и этот пропагандистский спектакль закончился провалом. В городах, где появлялись Сунджон и Ито Хиробуми, происходили антияпонские демонстрации. В Пхеньяне, например, учащаяся молодежь, отправленная на вокзал встречать императора, отказалась нести японские флаги и демонстративно подняла корейские национальные флаги. В городской управе, где должен был выступать Сунджон, полиция обнаружила подложенный патриотами динамит. Попытки покушения были и в других местах.

Используя политическую демагогию, подкупы и провокации, японские империалисты делали основной упор на вооруженное подавление национально-освободительной борьбы. По данным русского военного обозревателя П. Россова, в 1908—1909 гг. в Корее действовали 24 батальона японской пехоты, 8 эскадронов конницы, саперный и обозный батальоны и другие подразделения, которым были приданы 3 роты артиллерии большого калибра и 36 горных орудий. К берегам Кореи были стянуты десятки военных судов. Широко использовалась и японская жандармерия. В 1906 г. в Корее насчитывалось 20 жандармских постов, в марте

1908 г. их стало уже 213. К этому времени численность японской жандармерии достигла 2,2 тыс. человек, но и их оказалось недостаточно. В июне 1908 г. создали корпус «корейских помощников жандармов». Их вербовали из среды прояпонских элементов, в первую очередь из активистов Ильчинхве; к концу 1908 г. было набрано более 8 тыс. Генеральное резидентство располагало также большими силами японской и корейской полиции, которые часто привлекались для борьбы против отрядов «Ыйбён». Надежной опорой властей были японские колонисты, большей частью бывшие военнослужащие. Всех их вооружили и использовали против партизан.

Колонизаторы установили в стране режим жесточайшего террора. Тюрьмы были забиты участниками национально-освободительного движения. Тюрем не хватало, и под них переоборудовали полицейские участки. Для арестованных были введены телесные наказания. Почти каждый день газеты сообщали о казнях захваченных в плен партизан. Японские власти, чтобы запугать население, распространяли открытки с изображением повешенных и расстрелянных патриотов. Японские войска и жандармерия беспощадно расправлялись с жителями тех мест, где действовали партизанские отряды, расстреливали людей, заподозренных в связях с партизанами, а их дома разрушали. По официальным данным, лишь в 1907—1908 гг. было сожжено 6880 зданий, в основном крестьянские дома.

Но главный удар обрушился на отряды «Ыйбён». Исход кровопролитной борьбы за судьбы Кореи определялся соотношением сил, которое складывалось явно не в пользу движения сопротивления. У корейских патриотов было горячее стремление отстоять независимость родины, но не хватало надлежащей выучки, опыта, оружия. Офицеры и солдаты разогнанной корейской армии были лишь каплей в море людей, впервые взявшихся за оружие. Партизанские мастерские, тайный ввоз оружия из-за границы и боевые трофеи могли удовлетворить лишь незначительную часть потребностей. На вооружении большинства были старые фитильные ружья, а многим и их не доставалось.

Хорошо вооруженной кадровой армии противостояли многочисленные, но разрозненные отряды «Ыйбён». Все попытки внести в движение элементы организации не принесли успеха. Не было единого плана и координации действий, усилия партизан не сосредоточивались на наиболее важных целях. Многие отряды не решались выходить за пределы своего уезда или даже волости.

За годы освободительной борьбы бойцам «Ыйбён» пришлось выдержать не одну тысячу сражений. Слишком часто бои с противником, вооруженным пушками и пулеметами, заканчивались большим уроном для партизан. По официальным данным, в 1906—1911 гг. было убито, ранено и попало в плен 23 624 партизана⁵. Основная часть потерь приходится на 1907—1908 гг., когда антияпонское движение было особенно активным. Насколько ожесточенной была борьба, говорит тот факт, что более 75% потерь составляли убитые и лишь 9% — пленные (остальные — раненые, больные и пр.).

Немалую роль сыграла и классовая ограниченность руководителей движения. Лишь в отдельных случаях во главе партизанских отрядов оказывались выходцы из народных масс, такие, как Хон Бомдо, Чха Досон, Син Дольсок, Ким Сумин и другие, показавшие себя наиболее мужественными и последовательными борцами за независимость. Чаще командирами отрядов становились государственные чиновники, конфуцианские ученые, отставные офицеры. При всей личной храбрости и искренней любви к родине они как представители господствующего класса

в глазах простых людей олицетворяли извечных эксплуататоров и не всегда могли вызвать их доверие и симпатию. Очень часто такие командиры отрядов преднамеренно или бессознательно старались затормозить, свести до минимума антифеодальную направленность борьбы, отказывались поддержать требования радикальных перемен. Выдвинутые ими лозунги предусматривали сохранение в Корее старых, феодальных порядков и не были способны в достаточной мере разбудить революционную энергию масс. Естественно, это препятствовало созданию широкой и прочной социальной базы национально-освободительного движения.

Все перечисленные факторы вызвали постепенный упадок вооруженной борьбы. Уже в 1909 г. отряды «Ыйбён» провели только 953 боя, в которых участвовало в 2,5 раза меньше бойцов, чем в 1908 г.

Несмотря на значительный спад вооруженного сопротивления, оно продолжало вызывать страх у японских колонизаторов. В мае 1909 г. правительство уволило в отставку Ито Хиробуми. Эта мера была вызвана прежде всего неспособностью Ито справиться с национально-освободительным движением. Новым генеральным резидентом стал виконт Сонэ Араскэ, перед которым была поставлена задача любыми средствами добиться «умиротворения» Кореи. Командующий оккупационными войсками генерал Хасэгава Ёсимити убеждал правительство, что наличных сил не хватает для подавления повстанцев, так как партизаны пользуются поддержкой населения; чтобы их разгромить, нужно занять все города и населенные пункты.

Из Японии начали прибывать пополнения для сухопутной армии и жандармерии (в первую очередь в южные провинции, где было больше всего партизанских отрядов). Одновременно японские власти укрепляли гарнизоны в городах, расположенных вдоль русской границы, чтобы не допустить притока новых добровольцев. Находившиеся здесь отряды Хон Бомдо и других командиров вынуждены были уйти за границу. Повсюду рыскали полицейские ищейки, вылавливая партизан. За поимку партизанского командира жандармское управление обещало большую премию (400 иен) и назначение на высокий пост.

К концу 1908 г. в Корее осталось очень мало крупных отрядов «Ыйбён», чаще всего действовали только небольшие группы, ограничивавшиеся стычками с оккупантами и нападениями на предателей из Ильчинхве. Задавленное жесточайшим террором и обескровленное в боях вооруженное сопротивление корейского народа собирало последние силы, чтобы сорвать колонизаторские планы японских империалистов.

Мужественная борьба отрядов «Ыйбён» составляет одну из самых ярких страниц истории Кореи. Именно из-за нее японские империалисты решились аннексировать Корею только через пять лет после установления протектората. Русский дипломат Сомов в донесении правительству в 1909 г. очень высоко отзывался о той роли, которую играли в судьбах Кореи партизаны: «Они... годами терпя голод и холод, с допотопным оружием ведут безнадежную и неравную борьбу. И при таких условиях они сделали очень много — они одни, без всякой поддержки не допустили пока японцев в глубь страны. Последние сами признают, что, если бы не было инсургентов (повстанцев.— Авт.), японцев было бы в Корее не 120 тысяч, а по крайней мере полмиллиона... Как это ни невероятно, но вот уже 2 года, что они задерживают движение японцев на материк. Не будь их, наступательное движение японцев усилилось бы, они прошли бы через всю Корею».

Деятельность патриотических организаций. Культурно-просветительское движение

Значительную роль в освободительной борьбе в годы русско-японской войны и протектората играли возникшие тогда политические и культурно-просветительские организации, которые выступали за национальную независимость Кореи и развитие ее экономики и культуры. Их участники в большинстве своем были воспитаны на классическом наследии сирхакистов и разделяли взгляды идеологов реформаторского движения последней четверти XIX в. В еще большей степени они были связаны с первыми корейскими национальными организациями, прежде всего с Тошинп хёпхве. Некоторые члены этого общества продолжали активную деятельность и после 1904 г.; сохранялась и крепла преемственность борьбы за национальное освобождение и социальный прогресс.

Как и прежде, в политические организации входили главным образом патристически настроенные янбаны, передовая корейская интеллигенция и учащаяся молодежь. Но в отличие от прошлых лет стало более широким участие представителей складывавшихся в Корее торгово-промышленных кругов. Для них эти организации были важнейшим средством борьбы против засилья иностранной буржуазии, за создание благоприятных условий для развития национального капитала. Благодаря их влиянию различные общества, возникавшие в Корее после 1904 г. (независимо от соотношения составлявших их социальных групп), стали организациями буржуазно-националистического толка. Их деятельность отражала интересы нарождавшейся корейской буржуазии. Несмотря на известную противоречивость и умеренность позиций, являвшиеся следствием слабости и политической незрелости молодой буржуазии, эти общества оказали заметное воздействие на все движение сопротивления.

В июне 1904 г. японский делец Нагамори предложил создать акционерную компанию, которой корейское правительство передало бы в пользование все необрабатываемые земли, принадлежавшие казне и частным лицам. Предполагалось ввести аренду на 50 лет, причем первые пять лет компания не должна была платить никаких налогов. Видимо, за спиной Нагамори стояло само японское правительство, поскольку за одобрение этого проекта ходатайствовали его представители в Корее. Принятие проекта означало бы передачу в руки колонизаторов более трети территории Кореи.

Японские империалисты не ожидали увидеть такой волны протеста, какая поднялась в Корее. В Сеуле тотчас возникло Поанхве (Общество обеспечения безопасности) во главе с бывшим крупным чиновником Сон Суманом. Члены Общества разоблачали посягательства на корейскую землю и призывали императора отвергнуть проект Нагамори. По инициативе Поанхве на главной улице столицы — Чонно — несколько дней собирались горожане, протестовавшие против грабительских планов колонизаторов. В газете «Хвансон синмун» и других изданиях появились разоблачительные статьи. Обращения с призывом присоединиться к кампании протеста были разосланы и в другие города.

В середине июля 1904 г. под нажимом колонизаторов правительство закрыло Поанхве; его руководителей бросили в тюрьму. Вскоре, однако, Общество возродилось под названием Хёптонхве (Общество сотрудничества). Его возглавили видные чиновники и ученые Ли Джун, Ли Санджэ, Ян Гитхак, Ли Сансоль и др. Воссозданная организация продолжила борьбу против грабительского проекта Нагамори. Она устраивала собрания и митинги, направила своих представителей в японское посольство и выразила там решительный протест. По ее призыву в Сеул стекались

люди из близлежащих городов и сел, чтобы поддержать справедливую борьбу.

Стремясь подавить движение, японские власти издали «Закон о безопасности армии, высадившейся для военных операций», который усиливал военно-полицейский режим. После этого Ли Джун и других руководителей Общества также арестовали. Однако новые акты произвола только усилили волнения в Сеуле. Несколько дней там не прекращались массовые сходки. Напуганным властям пришлось пойти на уступки: Ли Джун и его сподвижников выпустили из тюрьмы, а затем было объявлено, что правительство отвергает проект Нагамори.

Достигнутый успех вдохновил корейскую общественность, показал ее растущую силу. Общества, возникшие летом 1904 г., ставили перед собой еще сравнительно узкие, сугубо конкретные задачи; между тем уже назрела необходимость создания такой политической организации, которая боролась бы за решение коренных социальных и национальных проблем. Именно с этой целью в декабре 1904 г. была основана Конджинхве (Ассоциация общественного прогресса), председателем которой стал Ли Джун. В ее состав вошли бывшие члены Тоннип хёпхве и активисты других распущенных ранее организаций. В Ассоциации были широко представлены городские торговцы и мелкие промышленники, возмущенные гнетом иностранного капитала и капитулянтской позицией корейского правительства. Но Конджинхве не успела развернуть своей деятельности. Воспользовавшись законами военного времени, колониальные власти разогнали ее в начале 1905 г.

Известия о революции в России и усилившееся в Корее вооруженное сопротивление масс оказали огромное воздействие на борьбу национально-патриотических сил. Их деятельность стала более активной и зрелой. Несмотря на военно-полицейский террор, вновь была сделана попытка создать политическую организацию борцов за независимость.

В мае 1905 г. бывшие члены Конджинхве образовали Хонджон ёнгухве (Общество изучения конституционного правления). В его программе утверждалось, что только введение конституционного правления может спасти Корею от неминуемой гибели. Учредители общества, предлагая оставить императору его верховные prerogативы, а правительству — все административные права, требовали предоставить народу возможность участвовать в управлении страной, для чего и надо было, по их мнению, ввести конституцию. Такая постановка вопроса была новой для Кореи, она свидетельствовала, что в корейском обществе зрела решимость добиваться радикальных изменений всей политической системы.

Хонджон ёнгухве развернуло широкую пропаганду знаний о конституции. Читались лекции, публиковались статьи о сущности конституционного строя, взаимоотношениях монарха, правительства и народа, правах и обязанностях граждан. Эти выступления, не ограничиваясь вопросами теории, затрагивали многие острые проблемы корейской действительности. Особенно часто члены Общества разоблачали действия национальных предателей из Ильчинхве. Для маскировки Ли Джун и другие руководители Общества заявляли властям, что оно не занимается политической деятельностью, а знакомит корейцев с японской конституцией. Однако этот хитрый прием не спас от разгрома. Вскоре после установления японского протектората Хонджон ёнгухве было запрещено.

В феврале 1906 г. возникло Тэхан чаганхве (Общество укрепления Кореи). Его руководителями стали видные общественные деятели и ученые того времени: Чан Джён, Ли Джун, Пак Ынпик, Сим Сонсон и др. Среди рядовых активистов были многие члены Хонджон ёнгухве и нескольких распущенных ранее организаций. В короткий срок Тэхан чаган-

хве стало самым крупным патриотическим обществом в стране. Его деятельность не ограничивалась столицей; уже через год оно имело свои отделения в 25 уездах разных провинций.

Программа Тэхан чаганхве была весьма типичной для возникавших тогда организаций. Важнейшей своей задачей Тэхан чаганхве считало распространение образования и развитие промышленности. Именно этим целям была посвящена его деятельность. В «Учредительном манифесте» объявлялось, что отделения в провинциях и уездах будут специально заниматься улучшением состояния экономики. В издаваемом Обществом «Тэхан чаганхве вольбо» («Ежемесячник Тэхан чаганхве») и других газетах и журналах печатались многочисленные статьи о путях развития корейской экономики; образцом для подражания их авторы считали Англию и США.

Тэхан чаганхве стремилось пробудить национальное самосознание народа, подчеркивая, что для достижения независимости надо рассчитывать только на собственные силы и не ждать помощи со стороны.

Программным установкам Тэхан чаганхве были свойственны недостатки, характерные для всех возникших в то время корейских национальных организаций. Политические идеалы руководителей, как правило, не шли дальше парламентарной монархии. Во многих их выступлениях воспевался «дух гармонии и согласия» и осуждался «опасный радикализм». Наиболее приемлемым считался «разумный консерватизм» в сочетании с постепенным проведением прогрессивных мероприятий. Руководители общества отрицательно относились к вооруженной борьбе народных масс. Они не могли не признать патриотизма и мужества ее участников. В газетах и журналах, издаваемых Тэхан чаганхве и другими прогрессивными организациями, постоянно печатались материалы об этой борьбе. Но в целом партизанское движение считалось трагической ошибкой; ведущие политические деятели общества признавали только мирные методы борьбы.

Программа Тэхан чаганхве обнаружила буржуазно-либеральный характер крупнейшей корейской политической организации, отражала слабость и непоследовательность национальной буржуазии, ограниченность ее целей. Вместе с тем было бы неверно судить об этом обществе только по программным заявлениям руководителей. В обществе было немало людей из мелкобуржуазных слоев, стремившихся к более решительной и активной борьбе за независимость. Подъем народного движения неоднократно вынуждал руководителей общества выйти за рамки умеренной платформы.

Для характеристики методов борьбы Тэхан чаганхве весьма показательна кампания за выплату долгов Японии. Ее инициаторы считали, что Корея утрачивает независимость из-за того, что получила у Японии большие займы и попала к ней в кабалу. В Сеуле и других городах состоялись многотысячные митинги и собрания, на которых раздавались призывы внести деньги и ценности для уплаты государственного долга. Движение за сбор средств приняло очень широкие масштабы. В нем по преимуществу участвовали чиновники, торговцы, городская интеллигенция. Столичные врачи, например, внесли 6 тыс. пен. В Инчхоне женщины ходили по домам и собирали рис. Большие взносы сделали купцы, а также некоторые губернаторы и другие высокопоставленные чиновники. В поддержку движения за уплату долга высказался император Коджон. Были собраны значительные суммы, но эта кампания, конечно, не могла ничего изменить в судьбе государства.

Более решительно действовало Тэхан чаганхве в критический момент — летом 1907 г. Когда стало известно о свержении Коджона, ру-

ководители общества призвали жителей Сеула выйти на улицы. В одном из кварталов 18 июля состоялась демонстрация, в которой участвовало около 2 тыс. человек. Ее участники скандировали лозунги: «Смерть предателям-министрам!», «Уничтожим и выметем японских разбойников!». Часть демонстрантов разгромила редакцию «Кунмин синбо» («Национальная газета») — органа Ильчинхве. Были подожжены дома членов марионеточного правительства. Толпы горожан собрались у императорского дворца, призывая Коджона не уступать давлению колонизаторов.

На следующий день после опубликования манифеста об отречении Коджона движение протеста (при активном участии Тэхан чаганхве и других патриотических организаций) усилилось. В Сеуле закрылись почти все лавки и мастерские. Тысячи людей вновь собрались у императорского дворца. Горожан поддержала часть корейских солдат. Они разгромили полицейский пост, напали на японских чиновников и торговцев, пытались поджечь казармы, разрушить мост через Ханган, захватить вокзалы. Генеральный резидент и марионеточное правительство бросили войска против жителей Сеула и восставших солдат. В уличных боях с обеих сторон было немало жертв. Лишь с помощью пушек и пулеметов удалось подавить волнения в Сеуле.

Японские империалисты делали все, чтобы не допустить роста политической борьбы в Корее. Они закрывали патриотические организации, затрудняли создание новых. Деятельность разрешенных организаций находилась под строгим контролем, на их собраниях, как правило, присутствовали жандармы, которые пресекали «крамольные» выступления. Все мероприятия, в том числе и кампании за выплату долгов, встречали постоянное противодействие властей. Особые преследования обрушились на патриотическую корейскую печать. Еще весной 1906 г. генеральное резидентство издало циркуляр о введении цензуры и строгих санкций в отношении тех газет и журналов, которые публикуют нежелательные для колонизаторов материалы.

В июле 1907 г. в связи с событиями в Сеуле марионеточное правительство приняло «Закон о поддержании общественного спокойствия». Министерству внутренних дел вменялось в обязанность распускать активные организации, а полиции предоставлялось право запрещать все виды патриотической пропаганды, разгонять демонстрации и собрания. Были усилены репрессии против прогрессивных органов печати.

Июльские волнения в Сеуле стали удобным предлогом для расправы колонизаторов с обществом Тэхан чаганхве. В августе 1907 г., сразу же после издания «Закона о поддержании общественного спокойствия», власти распустили его. Но уже в ноябре 1907 г. оно было воссоздано под названием Тэхан хёпхве (Корейское общество). Помимо бывших членов Тэхан чаганхве в него влились участники некоторых других организаций, например Тэхан куракпу (Корейский клуб), созданного еще в ноябре 1905 г.

Тэхан хёпхве восприняло программу и методы действия своих предшественников. Оно издавало «Тэхан хёпхве хвебо» («Вестник Тэхан хёпхве»), «Тэхан минбо» («Корейская народная газета») и другие печатные органы. Эти и другие прогрессивные издания вели борьбу за гражданские права, провозглашали идеи патриотизма, национальной гордости, осуждали поведение прояпонских элементов. В печати и публичных выступлениях деятели общества требовали от правительства проведения реформ в политике, экономике и культуре. На страницах газет появлялись призывы не продавать землю японским переселенцам; тех, кто это делал, называли предателями. Тэхан хёпхве довольно быстро завоевало популярность в стране. Уже в июле 1908 г. оно имело 30 отде-

лений, а к февралю 1909 г.—60. Членами его было более 10 тыс. человек.

В 1907 г. возникло и Синминхве (Новое народное общество). Это была нелегальная организация, о ней известно немного. Общество группировалось вокруг газеты «Тэхан мэиль синбо», среди его руководителей были один из издателей этой газеты, Ян Гитхак, историк Син Чхэхо, видный общественный деятель Ан Чханхо, отставные офицеры Ли Донхви, Ли Гап и др. В общество принимали только тех, кто показал себя активным борцом за независимость. Каждый вступающий обещал отдать в распоряжение Общества свою жизнь и все имущество. По некоторым данным, в Синминхве было более 800 членов; оно подразделялось на мелкие группы, подчинявшиеся центральному руководству и не связанные друг с другом.

Сферой легальной деятельности Синминхве были газеты и журналы, просветительские организации, школы. Члены Общества публиковали статьи, направленные против японских колонизаторов и их приспешников из Ильчинхве, не скрывали симпатий к вооруженной борьбе народа. В «Тэхан мэиль синбо» то и дело появлялись сообщения о схватках партизан с японскими солдатами и жандармерией, причем жирным шрифтом выделялись известия о победах партизан. Как правило, авторы статей называли антияпонские отряды так, как это было принято в народе — «Ыйбён» (в противоположность официальной пропаганде, не стеснявшейся в употреблении бранных слов).

Члены Синминхве искали и практические пути к достижению своих целей. В Пхеньяне они пытались основать современное предприятие по производству фарфора, надеясь таким образом способствовать развитию национальной промышленности. В созданных ими школах велось обучение военному делу. Есть основания полагать, что Общество имело некоторые связи с партизанами, помогая им через эмигрантов в России и Китае добывать оружие. Не случайно, что из рядов этого Общества вышел такой известный борец за независимость Кореи, как Ли Донхви. Вместе с Ли Гапом он возглавлял более революционно настроенную, демократическую часть Синминхве. Лидером либерального крыла был Ан Чханхо, тяготевший к деятелям из руководства Тэхан хёпхве.

Многие передовые деятели Кореи считали, что только развитие культуры позволит стране сохранить суверенитет, вырваться из отсталости и встать вровень с ведущими державами мира. Поэтому все патриотические организации уделяли преимущественное внимание культурно-просветительской работе. Благодаря их энергии и заботам культурно-просветительское движение в Корее стало поистине массовым и охватило всю страну.

Осенью 1904 г. возникло Кунмин кёюкхве (Общество национального воспитания). Оно было создано видным сановником — родственником императора Мин Ёнхваном. Но это общество не успело сделать ничего существенного и распалось после смерти своего председателя, покончившего самоубийством в знак протеста против договора о протекторате. С осени 1906 г. образование просветительских обществ приняло характер широкого движения. В октябре 1906 г. крупнейший философ того времени Пак Ынсок основал Соу хакхве (Просветительское общество друзей с Запада), которое объединило деятелей культуры Южной Пхёнан и Хванхэ. Почти одновременно Ли Донхви, Ли Джун и другие образовали Ханхук хынхакхве (Общество распространения знаний на севере Кореи). В январе 1908 г. две организации объединились в Собук хакхве (Северо-западное просветительское общество). В 1907—1908 гг. такие же организации появились по всей стране: Хонам хакхве (Хонамское просветительское общество) в Чолла, Хосо хакхве (Просветительское общество

Хосо) в Чхунчхон, Квандон хакхве (Квандонское просветительское общество) в Канвон, Кихо хынхакхве (Общество распространения знаний в Кихо) в Кёнги и Чхунчхон и т. д. Кроме того, имелись Еджа кёюк хакхве (Общество воспитания и образования женщин), Хынсадан (Союз воспитания образованных людей), Тэхан хакхве (Корейское просветительское общество), объединявшее корейских учащихся в Японии, и др.

Насколько велика была тяга к созданию просветительских организаций, видно из того, что только в сентябре — декабре 1908 г. власти получили 15 заявок на их учреждение.

Многие из этих обществ выпускали свои журналы; издавалось большое число книг, которые должны были пробудить интерес к своей стране, к ее истории, гордость за свой народ. Переводились и распространялись также зарубежные издания, преимущественно об истории движения за независимость и социальный прогресс в различных государствах.

Вся издательская деятельность просветителей была прямо подчинена национально-освободительным задачам. Она должна была вооружить корейскую общественность опытом борьбы за свободу своего народа и народов других стран. По инициативе обществ собирались средства на нужды просвещения, оказывалась помощь молодым людям, уезжавшим учиться в Сеул или за границу.

Из Сеула, где располагалось большинство правлений обществ, в провинции выезжали группы прогрессивно настроенных чиновников, ученых, литераторов, читавших лекции, устраивавших диспуты о положении страны, о путях сохранения независимости.

В прошлом участники движения за реформы требовали решительной модернизации системы образования. Корейские власти обещали это и даже внесли соответствующие пункты в «реформы года кабо». Однако к началу русско-японской войны были открыты лишь немногочисленные государственные школы, а в период протектората на нужды просвещения отпускались ничтожно малые средства. Казенные школы полностью оказались под контролем колонизаторов; основными учебными предметами стали японский язык и изучение японской истории.

Вот почему прогрессивная общественность Кореи развернула массовое движение за создание частных школ. Они находились в ведении просветительских обществ и не зависели от субсидий казны. Часть из них открывали на средства, отпущенные крупными торговыми фирмами, общественными и религиозными организациями. Некоторые школы были устроены на собственные средства видными деятелями национально-освободительного движения. Призывы просветительских обществ создавать школы встретили активную поддержку широких народных масс. На о-ве Канхвадо собравшиеся по инициативе Ли Донхви представители всех волостей постановили добиваться введения в стране всеобщего образования. В качестве первого шага они решили разбить остров на 56 участков и в каждом иметь школу. Для этой цели собирали деньги с жителей. В уезде Капсан (Хамгён) рабочие медного рудника согласились отчислять на устройство школы часть своей мизерной зарплаты. Нередки были случаи, когда в деревнях родители сообща обрабатывали участок земли, а собранный урожай расходовали на обучение детей.

Благодаря поддержке населения удалось в короткий срок создать широкую сеть частных школ. В 1908 г. их было уже более 3 тыс. Устраивались также вечерние школы и курсы для взрослых, создавались специальные школы или классы для женщин, которых раньше вообще не допускали к обучению. Все руководство частными школами осуществляли просветительские общества, они же готовили учителей, выпускали учеб-

ники. В деревнях и городах частные школы были не только просветительскими учреждениями, но и центрами агитации, вокруг которых сплачивались все, кто хотел видеть родину сильной и независимой.

В сентябре 1908 г. был издан правительственный указ о частных школах. Отныне их можно было открывать только с разрешения министерства народного просвещения, которое обязано было немедленно закрывать школы, нарушавшие «покой и порядок». Дозволялось использовать только те учебники, которые были одобрены властями. Людям, выпущенным из тюрьмы или уволенным со службы в дисциплинарном порядке, а также имеющим «дурной характер», указ запрещал работать в школах. Это была явная попытка не допустить к просветительской работе участников национально-освободительного движения.

Гонения на частные школы усилились. За 1909 г. министерство народного просвещения уничтожило более 4 тыс. «зловредных» журналов, книг и учебников, беспощадно закрывало существовавшие школы и препятствовало открытию новых. В мае 1909 г., например, поступили 1834 заявки на открытие школ. Из них только 337 были одобрены, 930 получили отказ; остальные заявки передали на длительное «изучение». И все же, несмотря на все притеснения, ко времени аннексии продолжало работать около 2 тыс. частных школ.

Спад национально-освободительного движения в Корее в 1909 г. весьма заметно сказался на деятельности политических организаций. Резко понизилась их активность, некоторые участники отошли от борьбы, среди ведущих деятелей усилились примиренческие тенденции. В крупнейшей организации того времени — Тэхан хёпхве — к руководству пришли представители умеренного, правого крыла, готовые отказаться от решительной борьбы с колонизаторами. Ставший председателем Ким Гаджин пытался обосновать необходимость договоров, навязанных Корее, призывал крепить «дружбу» Кореи с Японией, а царившие в стране антияпонские настроения называл результатом «поверхностных размышлений народа». В апреле 1909 г. руководители Тэхан хёпхве составили приветственный адрес Ито Хиробуми в связи с предполагавшимся его уходом в отставку.

Особенную тревогу корейской общественности вызвало их стремление сблизиться с откровенно прояпонским обществом Ильчинхве, против которого все эти годы патриоты вели непримиримую борьбу. Осенью 1909 г. руководители Тэхан хёпхве даже устроили «дружескую встречу» с заправилami Ильчинхве, провозглашали здравицы в их честь и выдвинули лозунг «сплочения». Лишь резкие протесты большинства рядовых членов заставили их отказаться от связей с национальными предателями.

Политическая неустойчивость руководства Тэхан хёпхве отражала изменение позиций тех феодально-чиновных кругов, которые принимали участие в движении. Сказывались также колебания экономической и политической слабой корейской буржуазии; под ударами колонизаторов в ней росла тяга к компромиссам.

Однако основная масса рядовых активистов еще не утратила готовности бороться против растущего натиска японских империалистов. Насколько позволяли условия, они старались продолжать культурно-просветительскую работу, используя все возможности для подъема национального самосознания. Наиболее решительные из них устанавливали связь с отрядами «Ыйбён» и пытались помочь им при содействии эмигрантских организаций. Ли Донхви и некоторые другие деятели из радикального крыла вступили в ряды партизан.

Все годы антияпонской борьбы корейские патриоты широко применяли индивидуальный террор против колонизаторов и их пособников,

сочетая его с действиями отрядов «Ыйбён» — главной силой сопротивления. В Сеуле и других городах патриоты убили сотни японских офицеров и чиновников, предателей из Ильчинхве. В марте 1908 г. был застрелен бывший дипломатический советник в Корее американец Стивенс, призывавший скорее провести аннексию. Когда наметился спад освободительного движения, индивидуальный террор стал рассматриваться как средство, способное оживить борьбу, вдохнуть в нее новые силы.

Крупнейшим актом возмездия явилось убийство первого генерального резидента в Корее князя Ито Хиробуми — злейшего врага корейского народа, воплощавшего в себе самые мрачные черты японского колонизатора. Он был убит в октябре 1909 г. в Харбине на вокзале, где должен был встретиться с русским министром финансов. Стрелял в Ито активный участник движения сопротивления Ан Джунгын. Еще в 1904 г. он предлагал руководителям общества Поанхве создать партизанский отряд, впоследствии сотрудничал в патриотических организациях, участвовал в культурно-просветительской работе. Не удовлетворенный этим, Ан Джунгын в 1907 г. перебрался на русский Дальний Восток и включился там в формирование партизанских отрядов. С одним из них он совершил поход по Северной Корее.

Узнав о предстоящем приезде Ито Хиробуми, Ан Джунгын с помощью руководителей эмиграции разработал план покушения. Схваченный на вокзале после убийства Ито Хиробуми, Ан Джунгын был увезен в Порт-Артур, где предстал перед японским судом. Этот мужественный патриот в ходе судебного процесса неоднократно разоблачал захватнические действия Японии. Приговоренный к смертной казни, он произнес речь, полную веры в справедливость дела, за которое боролся корейский народ.

Весть об убийстве Ито Хиробуми разнеслась по всей Корее. О нем сообщили газеты, в ряде мест распространялись прокламации, рассказывавшие о подвиге Ан Джунгына. Народ назвал Ан Джунгына своим героем, восславил его в песнях и легендах. В прямой связи с покушением произошло несколько городских восстаний и боевых операций партизан. Встревоженные японские власти опасались даже, что начнется всеобщее восстание. Однако этого не случилось. Национально-освободительное движение уже шло на убыль, и даже такие акты героизма и самопожертвования не могли возродить его в прежних размерах.

Выстрел Ан Джунгына услышали передовые люди всего мира. В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму» записал: «[Восстание в Корее — 1907—9.] Япония усмиряет Корею (1907—1909) (1909: убит Ито, наместник)»⁶. Самоотверженную борьбу корейского народа против японских колонизаторов, в том числе и покушение на злейшего врага независимой Кореи — Ито Хиробуми, В. И. Ленин упоминал среди важнейших событий начала XX в.

Аннексия Кореи

Нанеся сильный удар по национально-освободительному движению в Корее, японские империалисты приняли меры к окончательному упрочению своего господства. Главное внимание они, как и прежде, уделяли подчинению государственного аппарата. В годы протектората под разными предлогами были уволены многие чиновники, не проявившие «лояльности» к колонизаторам. На их место, как правило, назначались японские служащие. В конце 1909 г. началась замена японцами корейских уездных начальников. Корейцев вытесняли даже с таких мелких должностей, как письмоводители в уездных управах.

В июле 1909 г. японские империалисты навязали корейскому правительству очередное «соглашение»: корейские суды полностью упразднились, их функции целиком передавались созданным в период протектората японским судам. Все судебное производство практически переводилось на японское законодательство. Генеральное резидентство присвоило право назначать должностных лиц в судах и тюрьмах.

В июне 1910 г. было подписано еще одно «соглашение», касавшееся корейской полиции. Ссылаясь на необходимость «укрепления финансов», колонизаторы распустили полицейский департамент и соответствующие провинциальные управления. Вместо них создали японский полицейский аппарат. Общее руководство полицией было возложено по совместительству на начальника японской жандармерии. Это был один из последних шагов на пути к окончательной ликвидации суверенного корейского государства. Корейское правительство, уже давно лишенное реальной власти, превратилось в простую ширму, прячась за которой японские империалисты готовились захватить Корею.

Проекты аннексии Кореи разрабатывались в японской столице весной 1909 г. В июле было принято соответствующее решение правительства и создан секретный «комитет по подготовке аннексии Кореи», в котором главную роль играл военный министр Тэраути Масатакэ. К концу ноября он подготовил конкретный план аннексии, в котором важное место занимала обработка общественного мнения Кореи, Японии и всего мира. Ставилась задача изобразить присоединение Кореи как осуществление воли самого корейского народа. Как это было и накануне протектората, на сцену вновь выпустили послушную колонизаторам агентуру из Ильчинхве.

В последних числах ноября находившийся в Японии лидер корейских коллаборационистов Сон Бёнджун направил в Сеул телеграмму, в которой требовал срочно поставить вопрос о присоединении Кореи к Японии. Председатель Ильчинхве Ли Ёнгу спешно собрал оказавшихся под рукой сторонников, и 4 декабря 1909 г. они направили петиции в адрес корейского императора, генерального резидента и главы корейского кабинета. Выступая якобы от имени миллионов членов Общества, они настаивали на необходимости полного слияния двух стран, откровенно высказывались за немедленное подчинение Кореи японскому императору. Одновременно было выпущено воззвание к корейскому народу, в котором его убеждали покорно перейти в японское подданство.

По-видимому, организаторы этой провокации не ожидали встретить серьезного отпора в стране, в которой, казалось, уничтожена всякая способность к сопротивлению. Однако они просчитались. В тот же день, когда были опубликованы петиции, в Сеуле состоялось совместное собрание членов Тэхан хёпхве и Ильчинхве. Все попытки Ли Ёнгу и его подручных склонить на свою сторону самую крупную национальную организацию закончились провалом. Члены Тэхан хёпхве выразили протест против предательской политики Ильчинхве и заявили о полном разрыве с ним.

На следующий день в городском театре был устроен многолюдный митинг, на котором произносились гневные речи в адрес составителей петиций. Были выработаны обращения к правительству и генеральному резиденту с просьбой наказать членов Ильчинхве, избраны депутаты, которые должны были вручить обращения и добиваться их осуществления. Вокруг театра собралось несколько тысяч жителей Сеула, поддерживавших все, что говорилось на митинге. В городе начался сбор средств для борьбы со сторонниками присоединения.

Еще один митинг состоялся 8 декабря. На нем было принято реше-

ние добиваться закрытия газеты «Кунмин синбо», издававшейся Ильчинхве и неизменно проводившей прояпонскую линию. Массовые собрания и митинги прошли в декабре в Сончхоне, Чхольсане, Ёнбёне (Северная Пхёнан), Чонджу (Чолла) и других городах. А 6 января 1910 г. в Сеуле собрались патриотически настроенные жители не только самой столицы, но и 40 близлежащих уездов. Это была одна из самых грандиозных манифестаций в защиту независимости Кореи. Ее участники заявили, что Ильчинхве — это организация предателей, не имеющая права выступать от имени корейского народа.

Для японской агентуры наступили черные дни. Несмотря на усиленную охрану, был публично избит Ли Ёнгу. Крестьяне одной из деревень пришли в столицу и пытались разрушить дом председателя Ильчинхве. Его заместитель едва спасся бегством из своего дома. Тяжело ранили премьера марионеточного правительства Ли Ваньёна. Из разных городов и деревень в Сеул стекались прятавшиеся от народного гнева члены Ильчинхве. Отделение этого общества в Пхеньяне пришлось закрыть, так как все его члены разбежались. Сотни людей заявляли о выходе из общества; оставшиеся требовали сместить Ли Ёнгу и его ближайшее окружение.

В связи с всеобщей кампанией протеста несколько оживились действия партизан. В декабре 1909 г. небольшой отряд напал на г. Кванджу (Кёнги). В Хванхэ отряды партизан вели бои у Ёнана и близ Пхёнсана. Одним из наиболее активных был отряд под командованием Кан Гидона. Еще 14 декабря газеты сообщали о его появлении вблизи Сеула. В начале января 1910 г. Кан Гидон действовал в Хванхэ у городов Хэджу и Пхёнсан, а затем его отряд перебрался в Канвон, там попал в засаду и был разбит. Ему на выручку пытался прийти отряд Хон Бомдо, располагавшийся в русском Приморье. Он повел наступление на Вонсан, но вынужден был отступить.

Небольшие отряды партизан действовали и в других местах — около Таяна (Чхунчхон), у Намяна (Кёнги), в горах Тхэбэксан (Кёнсан) и т. д. Особенно много их было в районе железной дороги Сеул — Ёйджу. Партизаны устраивали крушения, разрушали телеграфную и телефонную связь, громили жандармские посты. Японские купцы вынуждены были в середине декабря обратиться в пхеньянское жандармское управление с просьбой прислать дополнительные силы для охраны дороги, так как они не могли провозить свои товары.

По всей стране произошли выступления горожан и крестьянства. В Анджу (Пхёнан) 20 января 1910 г. городская беднота и торговцы разрушили здание налогового управления и уничтожили все документы. В той же провинции, в г. Сунчхоне, произошло настоящее восстание, в котором участвовало около 3,5 тыс. человек. Восставшие сожгли налоговое управление, почту, полицейские участки, дома проживавших в городе японцев. Когда из Пхеньяна прибыли карательные войска, большинство населения укрылось в соседних деревнях. Выступления против грабительских налогов произошли в Ёнбёне, Пакчхоне, Токчхоне, Сончхоне и других городах. В уездах Ёнампхо (Северная Пхёнан), Онджин (Хванхэ) и многих других вспыхнули восстания крестьян против захвата земель японскими колонизаторами.

Сам генеральный резидент Сонэ Араскэ вынужден был доложить в Токио, что «народ везде восстает против японцев, потому что он недоволен действиями нашего правительства».

Японские колонизаторы бросили все силы на подавление движения протеста. Войска и жандармерия преследовали партизан, участники восстаний подвергались жестоким репрессиям. Штаб-квартира общества

Ильчинхве, редакция его газеты, дома руководителей были взяты под усиленную охрану жандармерии и полиции. Сонэ Араскэ пригрозил суровыми карами тем организациям, которые будут «возбуждать» население.

Корейское марионеточное правительство поддерживало карательные меры японских властей. Вместе с тем оно поспешило отмежеваться от действий Ильчинхве и даже уволило в отставку 90 крупных чиновников — активистов этого общества.

Столкнувшись с таким энергичным сопротивлением, японские империалисты были вынуждены отступить. Сонэ Араскэ пришлось выступить с разъяснением, что Япония не собирается присоединять Корею. Позднее такие заявления сделало японское правительство. Однако было ясно, что это только временное отступление, за которым последует новый натиск на независимость Кореи. А пока продолжалась обработка общественного мнения: по-прежнему старались убедить весь мир, что корейский народ «стремится» к слиянию с Японией. В январе — марте 1910 г. японские власти получили 13 петиций, инспирированных самими колонизаторами и содержащих «просьбы» скорее присоединить Корею.

Весной 1910 г. начался последний этап подготовки к аннексии Кореи. С поста генерального резидента был уволен Сонэ Араскэ, казавшийся японским империалистам недостаточно «сильной личностью», способной усмирить непокорный корейский народ. На его место в конце мая назначили представителя крайне реакционных милитаристских кругов, бывшего военного министра Японии Тэраути Масатакэ. Прибыв в Корею, он продолжил линию своих предшественников — заигрывание с господствующим классом, который должен был стать опорой колониального режима. Видным сановникам пожаловали почетные японские титулы, уволенные в отставку получили солидное пособие и т. д.

Но главное внимание уделялось военному обеспечению готовившейся аннексии. Потрепанные в боях японские части заменялись новыми. Из Японии непрерывно прибывали пополнения, общая численность войск достигла 50 тыс. Увеличивались силы жандармерии. Летом 1910 г., по приблизительным данным русской печати, в Корею прибыло более 1,5 тыс. жандармов, прошедших специальное обучение для борьбы с партизанами. Самые серьезные меры принимались для охраны «спокойствия и порядка» в Сеуле. В городе и его окрестностях были собраны крупные военные силы, создано восемь новых полицейских участков, усилены караулы у правительственных зданий, банков и тюрем. Подобные же меры были приняты в других городах и на линиях железных дорог. В помощь войскам к берегам Кореи были стянуты военные корабли.

Вся эта карательная машина обрушилась на корейских патриотов. Многие партизаны погибли или были взяты в плен. Каждый день газеты сообщали о казнях бойцов отрядов «Ыйбён». Однако полностью подавить вооруженное сопротивление карателям не удалось. Бои продолжались. Одновременно колонизаторы усилили гонения на корейские политические и культурно-просветительские организации. Значительная их часть была распущена, а активные участники брошены в тюрьмы. Прогрессивные газеты закрывались или подвергались непомерным штрафам и конфискациям. В 1910 г. корейские газеты были конфискованы 26 раз.

Немногочисленные антияпонски настроенные деятели, оставшиеся в окружении бывшего императора Коджона, все еще не утратили надежду на заступничество великих держав. Еще в 1908 г. была сделана безуспешная попытка организовать бегство Коджона в Россию. В июне 1909 г. полиция схватила гонца, направленного им в Россию с просьбой о помощи. В декабре 1909 г. два представителя бывшего императора сно-

ва отправились в Гаагу, тщетно надеясь привлечь к Корее внимание очередной мирной конференции. В начале 1910 г. среди приближенных Коджона циркулировали слухи о возможной войне США с Японией, результатом которой будет освобождение Кореи. Слухи эти не подтвердились, и в мае 1910 г. Коджон тайком направил в Россию еще одного посланца — видного деятеля национально-освободительного движения Ли Гапа, которому поручалось установить контакты с русскими властями. Одновременно с призывами к державам защитить Корею неоднократно обращались корейские эмигрантские организации, действовавшие за рубежом.

Но, как и прежде, капиталистический мир остался глух к страданиям корейского народа. Представитель английского правительства заявил, что, если интересы Англии не будут ущемлены, она не станет препятствовать укреплению японских позиций в Корее. Политика США исходила из признания японского протектората над Кореей. Правительство этой страны готово было согласиться на полный захват Кореи Японией. Консулы Англии и США с одобрением относились к карательным мерам колонизаторов против национально-освободительного движения в Корее и со своей стороны всячески содействовали его поражению.

Захват Кореи Японией менее всего устраивал Россию. Он означал бы утверждение Японии, не скрывавшей своих экспансионистских планов, непосредственно у дальневосточных границ России. Кроме того, был бы нанесен ощутимый ущерб русским экономическим интересам в Корее⁷. Русская прогрессивная печать благожелательно освещала борьбу корейского народа за независимость. Однако царское правительство постоянно отступало перед нажимом Японии. По ее требованию создавались препятствия для деятельности корейских эмигрантских организаций, связанных с движением сопротивления в самой Корее, преследовались виднейшие их участники.

В 1909—1910 г. во время переговоров с Японией русская дипломатия пыталась противодействовать аннексии Кореи, добиваясь сохранения государственной самостоятельности этой страны. Однако такие попытки натолкнулись на решимость Японии любой ценой обеспечить захват Кореи. Длительные переговоры завершились 4 июля 1910 г. подписанием соглашения, по которому Россия обязалась не препятствовать аннексии Кореи, а Япония за это признавала «сферой специальных интересов» России Северную Маньчжурию и Монголию.

В. И. Ленин в конспекте книги О. Франке «Великие державы в Восточной Азии» записал: «В июле 1910... договор России и Японии: Япония получает свободу в Корее. [Несколько недель спустя аннексия Кореи.]»⁸. В другом месте, характеризуя русско-японский договор, В. И. Ленин отметил: «VII. 1910: Россия и Япония заключают договор: „обмен” Кореи на Монголию!»⁹.

Уверенные в невмешательстве других государств, японские империалисты приступили к окончательному захвату Кореи. В июне 1910 г. указом японского императора было создано Бюро колониальных дел, в ведение которого наряду с Тайванем и другими территориями передавалась и Корея. Это лишний раз подчеркивало колониалистские планы Японии. Чтобы придать аннексии видимость формальной правомочности, вновь прибегли к услугам японской агентуры. В июне 1910 г. в Корее была устроена комедия «плебисцита». Каждому уезду предлагалось избрать одного депутата, который выражал бы мнение жителей. Естественно, что в условиях военной оккупации «избранными» оказались прислужники колонизаторов, прежде всего члены Ильчипхве. Когда их привезли в Токио, они, конечно, в один голос высказались за слияние с

Японией. В японской и корейской прессе была развернута соответствующая кампания.

В июле 1910 г. правительство Японии утвердило окончательный текст договора об аннексии. Было решено оформить аннексию как добровольную уступку корейским императором всех верховных прав японскому императору. Весь июль и первую половину августа Тэраути Масатакэ употребил на ликвидацию в Корее остатков оппозиции колонизаторам. Наконец 13 августа он счел момент подходящим и, пригласив премьера Ли Вангёна, потребовал подписания договора об аннексии. Через пять дней марионеточное корейское правительство согласилось подписать договор. Против выступил только министр просвещения Ли Ёнстик, заявивший: «Я не могу подписать договор о национальном разрушении даже под угрозой казни». 22 августа состоялась церемония подписания; Тэраути Масатакэ собрал высших чиновников резидентства и всех находившихся в Корее японских генералов. На церемонии присутствовал и корейский император, которому предстояло отказаться от трона и отдать страну под илосемное иго. Когда он пытался было воспротивиться, специально приглашенные японские генералы начали угрожающе бряцать саблями. Трусливый император испугался и тотчас согласился подписать предложенный ему текст соглашения.

Так была совершена аннексия Кореи. В «Опыте сводки главных данных всемирной истории после 1870 года (Эгельгаф и другие источники)» В. И. Ленин отметил это событие следующей записью: «1910: Япония аннексирует Корею»¹⁰. По случаю аннексии в Токио были устроены грандиозные празднества, однако в самой Корее проводить какие-либо торжества побоялись. Более того, колонизаторы лишь 29 августа рискнули опубликовать текст договора. В Сеуле доски, на которых вывешивался этот текст, предусмотрительно располагали возле полицейских участков. Запрещены были громкие читки и обсуждения, полиция разгоняла группы более трех человек. Свирепствовала цензура, даже японские газеты, поместившие не совсем благоприятные отзывы об аннексии, были запрещены. Одновременно делались попытки заигрывать с населением, чтобы не допустить взрыва возмущения. В день опубликования договора из сеульских тюрем выпустили около 300 заключенных.

Корейский народ не признал аннексии. И хотя его силы были подорваны в предыдущей неравной борьбе, он ясно дал понять, что не собирается мириться с утратой независимости. Сразу же после того, как стало известно о подписании позорного договора, произошли крупные антияпонские выступления в нескольких уездах вблизи Сеула, в четырех городах провинции Кёнсан и в других местах. В Хамгён, Пхёнан, Кёнги активизировались сохранившиеся здесь небольшие партизанские отряды.

КОРЕЯ ПОСЛЕ АННЕКСИИ

Японский колониальный режим

Договор об аннексии, навязанный Корее 22 августа 1910 г., закрепил и юридически оформил позиции, которые империалистическая Япония захватила на полуострове до и в период протектората. Началась колониальная эксплуатация Кореи на новой основе.

После аннексии Корея была превращена в генерал-губернаторство. По рескрипту, подписанному микадо 29 августа 1910 г., генерал-губернатору передавалась законодательная и исполнительная власть, ему подчинялись оккупационные войска и военно-морские силы, дислоцированные у берегов Кореи. В его ведении находился весь аппарат колониального угнетения — жандармерия, полиция, суд и тюрьмы. Генерал-губернатор назначался из среды военных (в чине полного генерала) и подчинялся непосредственно японскому императору. Законы, приказы и предписания, изданные от имени генерал-губернатора, мог отменить только микадо.

Центральное место в экономической политике японских колонизаторов занимали аграрные мероприятия, прежде всего проведение земельного кадастра. В сентябре 1910 г. был опубликован «Приказ об обследовании земель». Огромное число корейских крестьян не смогло подтвердить (из-за неграмотности, отсутствия необходимых документов, незнания законов) прав на свои наделы; их земельные участки как «ничейные» перешли в собственность генерал-губернаторства. Многие крестьяне, не зная истинных целей учета земель и опасаясь увеличения налогов, либо не давали властям требуемых сведений, либо занижали размеры своих участков; в таких случаях все «скрытые» земли поступали в фонд генерал-губернаторства.

Пользуясь беспомощностью неграмотных крестьян и попустительством колониальных должностных лиц, корейские помещики оформляли крестьянские участки как свою собственность. Содействуя в этих махинациях феодальным элементам, японские колонизаторы стремились упрочить свои позиции в аннексированной Корее, создать внутреннюю опору.

Обследование выявило немало обрабатываемых земель, не зарегистрированных в соответствующих документах, и, следовательно, не облагавшихся налогами. В ходе переписи сумма земельного обложения неуклонно повышалась: за шесть лет (1912—1918) облагаемые налогами площади увеличились на 48%.

У десятков тысяч корейских крестьян были отняты фактические права на владение землей. К 1917 г., т. е. к тому времени, когда проведение земельного кадастра в основном было завершено, число семей, полно-

стью или частично утративших возможность обрабатывать собственные участки, составило 77,6% общего числа крестьянских дворов, а на долю земель, которые они обрабатывали на правах краткосрочной аренды, пришлось 53,2% всех пахотных площадей.

В процессе земельного кадастра произошло юридическое оформление прав на крупную земельную собственность; постепенно росла численность помещиков, и быстро расширялись находившиеся в их распоряжении обрабатываемые площади. Только с 1914 по 1917 г. было зарегистрировано свыше 26 тыс. новых помещичьих хозяйств (частично этот рост происходил за счет земель, приобретенных должностными лицами. Участвуя в проведении земельного кадастра, они нередко обманывали крестьян и присваивали себе обрабатываемые ими участки).

Поддержка, оказывавшаяся колонизаторами феодально-помещичьим элементом, консервация полуфеодальных отношений в аннексированной Корее не могли не тормозить развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Однако не во власти колонизаторов было пресечь этот процесс, так как стихийный рост товарно-денежных отношений (а этому в известной степени способствовал и земельный кадастр) приводил не только к разорению и обнищанию подавляющего большинства корейского крестьянства, но и к появлению в корейской деревне кулацкой прослойки. Впрочем, удельный вес кулацких хозяйств был еще сравнительно невелик; значительная, если не преобладающая часть хозяйств капиталистического типа принадлежала прибывшим в Корею японским переселенцам.

В ходе земельного кадастра аграрные отношения были в некоторой степени «модернизованы»: формы собственности на землю стали носить в какой-то мере капиталистический характер (окончательно утвердилось право личного владения землей). Объективно в сельском хозяйстве создались условия для роста капиталистических отношений. Земля стала предметом купли-продажи: без каких бы то ни было формальных ограничений землю можно было закладывать, сдавать в аренду и т. д. Однако японские колонизаторы видоизменили систему землевладения, исходя лишь из собственных интересов: они не могли и не хотели ломать средневековые земельные отношения в Корее, ибо такая же система продолжала господствовать и в Японии. Производственные отношения в области сельского хозяйства остались полуфеодальными; арендная система полностью не сбросила феодального обличья (к ней, как правило, прибегали безземельные крестьяне, а не предприниматели, то была аренда «из нужды»).

Проведение земельного кадастра при японском колониальном господстве не уничтожило основного социального противоречия между системой землевладения и формой землепользования. Отсюда брали свое начало и другие противоречия колониального корейского общества. Сохранение в корейской деревне феодальных пережитков позволило японским империалистам хищнически эксплуатировать многомиллионные массы крестьянства, поддерживать и укреплять союз с местными помещиками — верной и надежной опорой колониализма.

После аннексии Кореи политика японских империалистов была направлена и на то, чтобы превратить страну в источник продовольствия (риса, соевых бобов и т. д.) для метрополии. За 1911—1915 гг. вывоз риса из Кореи возрос более чем в 4 раза (с 544,1 тыс. до 2561,8 тыс. сок); если в 1911 г. количество вывезенного риса составляло только 4,7% общего объема сбора, то в 1915 г. эта доля увеличилась почти до 20%. Колонизаторы превратили Корею и в источник сырья для японской текстильной промышленности. На основе «первого плана поощрения хлоп-

ководства», принятого в 1912 г., колониальные власти ввели принудительное распределение семян и разведение американского хлопка, хотя такое занятие было крайне невыгодно для корейских крестьян. Этот сорт хлопка крестьяне не имели права использовать на нужды натурального хозяйства, равно как и сбывать на рынке. Всю полученную продукцию они обязаны были сдавать на заготовительные пункты. Хлопок, выращенный подневольным трудом, японские колонизаторы отправляли в метрополию или перерабатывали на месте на принадлежавших им прядильно-ткацких фабриках. Японские империалисты стремились если не заменить, то, во всяком случае, значительно сократить дорогостоящий импорт хлопка (главным образом из США) за счет ввоза почти дарового сырья из своей колонии.

Важными статьями вывоза из Кореи являлись нерудное сырье, продукты морских промыслов и лесного хозяйства. Вопрос о превращении Кореи в основной источник промышленного сырья встал со всей остротой в период первой мировой войны, когда резко увеличился спрос на военно-стратегическое сырье, а возможности импорта его из-за границы существенно сократились. Японские империалисты приложили все усилия к тому, чтобы поставить под контроль японских властей разработку природных богатств колонии, по мере возможности вытеснить американо-европейских конкурентов из горнодобывающей промышленности и форсировать добычу полезных ископаемых силами японских предпринимателей. Этим целям отвечал «Закон о горном деле в Корее», изданный генерал-губернаторством в декабре 1915 г. Еще до истечения первого десятилетия со дня аннексии Кореи эксплуатация ее природных богатств была почти полностью монополизирована японскими империалистами (доля японских предприятий в добыче полезных ископаемых составила в 1918 г. около 80%).

Не менее важное значение для Японии имела Корея и как рынок сбыта японских промышленных товаров — тканей, металлоизделий, керосина, жиров, масел, напитков и других товаров широкого потребления.

Наводняя корейский рынок дешевыми и низкосортными товарами, японские империалисты существенно тормозили развитие производительных сил в колонии и затрудняли развитие национальной промышленности.

Дополнительным (и безотказным) тормозом для роста промышленного производства и национального предпринимательства служили различные административные меры, проводившиеся японскими колониальными властями, в частности «Закон о компаниях», изданный в декабре 1910 г. Главное назначение его состояло в том, чтобы задержать развитие предприятий, которые принадлежали корейскому национальному капиталу. В период действия закона рост японских компаний происходил непрерывно и довольно быстро, в то время как развитие корейских предпринимательских объединений сопровождалось то кратковременными взлетами, то стремительными падениями, то (в лучшем случае) топтанием на месте, что в немалой степени было обусловлено крайней слабостью национальной буржуазии. Трудности ее роста были усугублены и приумножены административными мерами японских колонизаторов.

В условиях колониального режима японские должностные лица, иногда ссылаясь на положения, зафиксированные в «Законе о компаниях», а чаще не делая этого, чинили всевозможные препятствия развитию корейской национальной экономики. Они могли надолго положить под сукно заявку корейского предпринимателя на открытие какого-либо дела или же преднамеренно затягивали ответ и не выносили никакого реше-

ния до тех пор, пока аналогичная заявка на данный предмет не поступала от предпринимателя-японца. Такой же произвол должностные лица творили при распродаже пустующих и обрабатываемых земель, перешедших в собственность генерал-губернаторства. Обычно проформы ради о намечаемой распродаже заблаговременно оповещалось в официальном органе генерал-губернаторства, а также в объявлениях, расклеиваемых местными полицейскими и жандармскими участками. Объявления составлялись на японском языке, вследствие чего из числа возможных покупателей автоматически исключались довольно многочисленные представители состоятельных слоев корейского населения. Подобные ситуации повторялись и при распродаже участков для добычи полезных ископаемых, для рыбной ловли и других надобностей. Когда же открывались особенно выгодные перспективы, японские должностные лица, злоупотребляя своим служебным положением, в приватном порядке и заранее оповещали о предстоящей распродаже друзей или знакомых-соотечественников. Чиновники колониального аппарата могли умышленно задержать транспортировку грузов, принадлежавших корейским торговцам, банковские служащие — отказать в предоставлении ссуд корейским предпринимателям.

При каждом удобном случае должностные лица пользовались административными мерами, чтобы любым способом воспрепятствовать развитию в колонии национальной буржуазии. Произвол должностных лиц, осуществлявших колониальную политику в Корее, приводил к тому, что какому-либо японскому лоппену было проще сколотить состояние, нежели корейскому предпринимателю или торговцу средней руки расширить свое дело и увеличить капиталы. Повседневная практика колониальных властей, проводивших одновременно политику протекционизма по отношению к японским предпринимателям, сводила к минимуму либо вообще исключала возможность конкуренции с ними корейских деловых кругов.

Серьезные преграды, стоявшие на пути самостоятельного развития национального капитала, вынудили некоторых корейских предпринимателей искать обходные пути: движимые стремлением к получению прибылей, они шли на создание смешанных японо-корейских компаний (эти компании действовали преимущественно в таких отраслях экономики, как торговля, банковское дело, транспорт, газо- и электроснабжение). Так складывалось экономическое сотрудничество части корейской буржуазии с японскими империалистами, которое переросло впоследствии в прямое соглашательство в области политики.

Неодолимые препятствия, воздвигнутые на пути развития корейских капиталистических предприятий, фактическое устранение их конкуренции и одновременно жестокий колониальный гнет, открывший широкие возможности для эксплуатации корейского народа, — все это делало Корейский полуостров выгодной сферой приложения японских капиталов, избыток которых, хотя и незначительный, был исподволь накоплен империалистической Японией на предшествующих этапах закабаления Кореи и в процессе эксплуатации своих колоний.

Широким поприщем для прибыльного помещения капиталов явилось железнодорожное строительство. Оно производилось низкооплачиваемым принудительным трудом корейских крестьян. Постройка железных дорог (как государственных, так и частных) превратилась в дополнительное орудие угнетения многомиллионных масс корейского крестьянства. Она сопровождалась массовой экспроприацией земель и способствовала дальнейшему обнищанию и разорению корейского народа.

После аннексии страны характер железнодорожного строительства

существенно изменился как в количественном, так и в качественном отношении. Хотя в целом объем строительства по сравнению с периодом протектората несколько сократился (к 1910 г. протяженность государственных железных дорог составляла около 1085 км, а к 1919 г. она увеличилась приблизительно до 1855 км; протяженность частных железных дорог увеличилась с 32,8 км в 1910 г. до 342,1 км в 1919 г.), но были внесены серьезные коррективы в его целевую направленность. Если до аннексии основное назначение железных дорог состояло в том, чтобы способствовать распространению в Корее японских товаров, то после нее железнодорожные пути должны были содействовать превращению колонии в сферу приложения капиталов. Разумеется, и до и после аннексии железные дороги служили важными каналами для вывоза из Кореи сырья и продовольствия, сохраняя одновременно исключительно важное военно-стратегическое значение.

Осуществляя колониальную политику на Корейском полуострове, японские империалисты развивали там промышленное производство только в ограниченных масштабах и сугубо в своих интересах. Корейский полуостров постепенно покрывался сетью железных дорог; японские предприниматели могли без ограничений пользоваться капиталами колониальных банков и их отделений, разбросанных по всей Корее; в монопольном обладании колонизаторов оказались богатые ресурсы страны — ее горнорудное и сельскохозяйственное сырье. Значительное количество дешевой рабочей силы, источником которой служили обезземеленные корейские крестьяне и разорившиеся ремесленники, давало японским колонизаторам возможность вкладывать свои капиталы в разные отрасли промышленного производства и извлекать огромные прибыли, безжалостно эксплуатируя трудящиеся массы Кореи.

По данным на 1917 г., из 1358 промышленных предприятий, действовавших в Корее, японским капиталистам принадлежало 736 (или 54,2%). Эти предприятия, на которых было занято около 37 тыс. рабочих, располагали основной массой инвестированного капитала (33 660 тыс. иен, или почти 95%) и давали на 84 401 тыс. иен (свыше 90%) производимой продукции. В то же время в руках корейцев находилось только 605 (44,5%) предприятий с числом занятых около 10 тыс. Капитал корейских предприятий исчислялся суммой 188,3 тыс. иен (всего лишь 4,8% общей стоимости предпринимательского капитала в промышленности), а стоимость выпущенной ими продукции не превышала 8364 тыс. иен (8,4% всего объема промышленного производства). Таким образом, под управлением корейского капитала находилось абсолютное большинство мелких предприятий типа мастерских и в общем объеме промышленного производства корейский капитал играл крайне незначительную, подчиненную роль; рост промышленного производства происходил в основном за счет относительно крупных японских предприятий, отличавшихся по тем временам сравнительно высокой технической оснащенностью.

Значительную долю своих капиталов японские предприниматели вкладывали в добывающую промышленность. Развитие обрабатывающей промышленности ограничивалось в основном лишь теми отраслями, которые были заняты первичной обработкой минерального и сельскохозяйственного сырья.

Наибольшее развитие в колониальной Корее получила пищевая промышленность. К 1917 г. насчитывалось 488 предприятий пищевой промышленности, из них 319 (приблизительно 65,4%) находилось в собственности у японцев. В руках японских капиталистов было сосредоточено большинство рисоочистительных, мукомольных и винокуренных

предприятий, табачных фабрик и маслобоен, им принадлежало производство сахара, консервов и других пищевых продуктов. Значительную часть своих капиталов японские предприниматели направляли в текстильную промышленность. В годы первой мировой войны на базе местного сырья в довольно широких масштабах развернулось производство керамических и фарфоровых изделий, спичек и других товаров широкого потребления.

Промышленные предприятия имели, как правило, незавершенный производственный цикл, а размещение их диктовалось интересами и нуждами японского империализма: предприятия легкой промышленности сооружались главным образом в южной части полуострова, а тяжелой (преимущественно рудники) — создавались на севере. Для того чтобы удешевить и облегчить транспортировку сырья и полуфабрикатов в Японию, промышленные компании и отдельные предприниматели старались разместить важнейшие заводы и фабрики в прибрежных районах Кореи и в непосредственной близости от линий железных дорог, чем зачастую искусственно отрывали предприятия от источников сырья.

Промышленность в аннексированной Корее носила уродливый, односторонний, колониальный характер.

Освободительное движение корейского народа

После превращения Кореи в колонию японские империалисты поставили своей целью расправиться с сопротивлением корейского народа, задушить в нем национальное чувство, сделать корейцев безропотными рабами.

Аннексировав Корею, японские колонизаторы настойчиво проводили насильственную японизацию страны. Корейцы были объявлены подданными Японской империи, а официальным языком стал японский.

Особенно большое значение колониальные власти придавали перестройке в своих целях дела народного образования. В августе 1911 г. они ввели специальный закон, в зависимости от которого ставили будущие результаты колонизаторской политики в аннексированной стране. Введенная колонизаторами система образования сводилась к тому, чтобы через сеть общеобразовательных, промышленных и специальных школ готовить рабочих с элементарными техническими познаниями. Одновременно колонизаторы ставили под свой контроль все школы (как казенные, так и частные); вся система образования должна была служить задаче воспитания верноподданных Японской империи.

Колонизаторы приложили немало сил, чтобы ассимилировать корейский народ. Однако они не смогли задушить национальное достоинство корейского народа, искоренить в нем память о бывшей независимости страны. Несмотря на жестокие репрессии, японским империалистам не удалось подавить стремления народа к освобождению от иноземного ига и колониального закабаления.

«Всякий национальный гнет, — писал В. И. Ленин, — вызывает отпор в *широких массах* народа, а *тенденция* всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание»¹.

В 1910—1917 гг. национально-освободительное движение корейского народа не прекращалось, хотя и пошло временно на убыль, не набрав еще силу после разгрома в канун аннексии.

Корейские патриоты избирали самые разнообразные формы сопротивления, главной из которых была упорная вооруженная борьба партизанских отрядов. В результате применения колонизаторами крайне сви-

репых карательных мер, вследствие тяжелого урона, понесенного повстанцами в период протектората, деятельность партизан в годы, следовавшие за аннексией, не отличалась особой систематичностью и развивалась преимущественно в пограничных районах страны. Партизаны совершали смелые налеты на небольшие японские гарнизоны и правительственные учреждения, нападали на полицейские и жандармские посты, нарушали коммуникации, расправлялись с японскими чиновниками и предателями корейского народа, перешедшими на службу к колонизаторам.

Тон в вооруженном сопротивлении задавали феодально-монархические националисты, представленные бывшими офицерами разогнанной корейской армии и чиновниками упраздненного государственного аппарата. Например, среди руководителей самых крупных партизанских отрядов выделялся уже упоминавшийся Ли Бомюн, который до установления протектората занимал высокие посты в правительственном аппарате Кореи.

По оценочным данным, опубликованным газетой «Восточная заря» 18 сентября 1910 г., в партизанских отрядах, которые после аннексии действовали на территории Кореи и в прилегающих к ней районах Маньчжурии, насчитывалось около 17 тыс. повстанцев, из них 6 тыс. проводили операции в центральных провинциях Кореи (Хванхэ, Кёнги и Канвон), 3800 — в южных, 2400 — в северных провинциях (Пхёнан и Хамгён) и около 5 тыс. — преимущественно в районе Цзяньдао на территории, расположенной между реками Сунгари, Амнокканом и Туманганом.

Под напором намного превосходящих сил японских захватчиков, предпринимавших одну за другой карательные операции против партизан, при ограниченности корейской территории, которая не позволяла повстанцам свободно маневрировать своими силами, в 1911—1912 гг. значительное число партизанских отрядов было вынуждено перебазироваться в Маньчжурию (главным образом в Цзяньдао), в пограничные районы русского Приморья и Приамурского края.

Помимо карательных операций в борьбе с партизанами японские захватчики использовали и другие средства: угрозы, систему круговой поруки, разветвленную сеть тайных осведомителей и т. п. Особенно широко они применяли систему шпионажа. Под видом «патриотов» тайные агенты полиции и жандармерии проникали в среду антияпонски настроенных корейцев и выведывали планы операций. За поимку партизан или предоставление сведений об их местонахождении японским приспешникам выдавались большие вознаграждения. В первые годы после аннексии, пользуясь «услугами» своих агентов, японские карательные органы смогли арестовать и обезвредить многих руководителей партизанских отрядов. Газетные полосы того времени пестрели многочисленными сообщениями об арестах и убийствах партизанских командиров. Аналогичная информация содержалась и в донесениях русских дипломатов.

После начала первой мировой войны японские власти резко усилили карательные операции против повстанцев; в центральных и южных провинциях повстанческое движение было подавлено, а из северо-западных и северо-восточных районов партизанам пришлось отступить в Маньчжурию и на территорию России. Однако и за пределами страны деятельность партизан не всегда могла развиваться беспрепятственно.

1 июня 1911 г. был подписан «Русско-японский договор о взаимной выдаче преступников». Инициатива исходила от Японии, которая преследовала одну цель — пресечь антияпонское движение корейцев, обос-

новавшихся на территории России. Основываясь на реальных, а нередко и на вымышленных данных, японские дипломаты на русском Дальнем Востоке непрерывно бомбардировали органы царского правительства протестами по поводу политических преступлений, совершаемых «вредными элементами из числа подданных Японской империи». Как правило, царские власти не брали на себя труд проверить истинность предъявляемых обвинений и высылали корейских патриотов из пределов пограничной полосы. Эти меры сильно затрудняли формирование и обучение партизанских отрядов на территории России; число вооруженных выступлений из пограничных районов Приамурского и Приморского краев резко сократилось.

Корейские патриоты, действовавшие на территории Маньчжурии, испытывали свои трудности, носившие как объективный, так и субъективный характер. После аннексии страны на территории района Цзяньдао сосредоточились довольно крупные силы корейских партизан. Усилиями буржуазных националистов в нескольких пунктах были созданы военные школы, готовившие офицерские кадры для партизанских отрядов. Однако разрозненные выступления отрядов не стали массовым партизанским движением.

Одной из причин были серьезные разногласия по вопросу о методах и путях развития борьбы против японских захватчиков, наметившиеся в лагере буржуазных националистов, обосновавшихся в Маньчжурии. Радикально настроенные националисты («группа быстрого прогресса»), во главе которой стояли Ли Донхви (? — 1928) и Ли Гап, ратовали за немедленное развертывание вооруженных выступлений и за безотлагательную консолидацию людских и материальных ресурсов корейского населения Цзяньдао. Умеренные националисты («группа постепенного прогресса») во главе с Ан Чханхо (1878—1938) считали, что преждевременно начинать широкие действия, а следует сначала собрать силы. Раскол в лагере буржуазных националистов углублялся; среди участников корейского освободительного движения образовались две враждующие между собой группировки. Радикально настроенные националисты, руководимые Ли Донхви, избрали базой антияпонской борьбы Маньчжурию, а умеренные во главе с Ан Чханхо обосновались в США и Южном Китае (Шанхай).

После принятия китайским правительством основных статей «21 требования» и подписания в 1915 г. японо-китайского соглашения руководители антияпонского движения в Маньчжурии уже не могли рассчитывать на помощь и поддержку со стороны Китая, а добиться успеха собственными силами большинство из них не надеялось.

После аннексии не прекращалась заговорщическая деятельность корейских националистов (смещенных чиновников, представителей национальной буржуазии, испытывавшей притеснения японских властей).

В этой деятельности тесно переплетались и феодально-монархический национализм, носителями которого являлись убежденные сторонники старых порядков, и идеология нарождающейся национальной буржуазии, исповедовавшаяся предпринимательскими кругами и патриотически настроенной интеллигенцией. Хотя эти две группы придерживались разных взглядов на будущий социальный и политический строй корейского государства, ближайшая их цель состояла в том, чтобы свергнуть ненавистное иго японских империалистов. Они объединили на время свои усилия и для достижения своей цели избрали террористические методы.

Одним из самых нашумевших террористических актов, предпринятых после аннексии корейскими террористами, была неудавшаяся по-

пытка убить генерал-губернатора Тэраути Масатакэ. Центральной фигурой этого заговора являлся корейский патриот Ан Мёнгын, выходец из обедневшей дворянской семьи, двоюродный брат Ан Джунгына, застрелившего первого японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми. Осенью 1911 г., после того как заговор был заблаговременно раскрыт, по Корейскому полуострову прокатилась волна арестов; было схвачено около 700 человек. В руки жандармов попали и непосредственные участники заговора (их насчитывалось немного), и люди, бывшие на примете у колониальных властей как непоколебимые борцы за национальную независимость (таких среди арестованных оказалось абсолютное большинство). 105 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Многие воинствующие националисты убедились, что в пределах Кореи, где существовала широко разветвленная система сыска и шпионажа, заговорщическая деятельность как метод борьбы за независимость обречена на провал. Вот почему в первые годы после аннексии произошла массовая эмиграция тех участников освободительного движения, которые стояли за решительные меры борьбы против японских колонизаторов и намеревались продолжить эту борьбу в первую очередь на территории Маньчжурии.

Умеренные слои буржуазных националистов, как и в период протектората, отвергали насильственные методы борьбы и ограничивали свою антияпонскую деятельность просветительской работой. После аннексии условия для такой деятельности стали крайне трудными (у буржуазных националистов не осталось легальных политических организаций и печатных органов); она проводилась только в пределах, дозволенных законами и циркулярами колониальных властей,— в уцелевших частных школах (в 1910 г. их насчитывалось 1973, а в 1917 г.— только 868), на страницах единственного периодического журнала «Чхончхун» («Молодость») и в религиозных организациях различного толка.

В первое десятилетие японского господства наибольшим влиянием среди народных масс пользовалась религиозная секта Чхондогё. Проповедуемые ею идеалы социального равенства и национального освобождения встречали живейший отклик обездоленных масс, бившихся в тисках беспросветной нужды и задавленных разными формами феодального, капиталистического и иноземного гнета. Используя эту тягу к свободе и равенству, руководство Чхондогё, представленное выходцами из средних слоев и мелкобуржуазной интеллигенции, делало все от него зависящее, чтобы шире развернуть пропаганду в гуще населения и направить освободительное движение масс по легальному пути — по пути ненасильственных действий.

По существу, в том же направлении развивалась деятельность буржуазных националистов, подпавших под идеологическое влияние американских миссионеров. В ходе просветительской работы последние старались внедрить в сознание корейцев, обращенных в христианство², что Соединенные Штаты будто бы являются бескорыстным поборником корейской независимости, и стремились посеять среди этой части населения надежду на освобождение с помощью «заокеанских друзей».

После начала первой мировой войны многие буржуазные националисты (в особенности из числа эмигрантов), не предпринимая каких-либо конкретных действий в пользу движения за независимость (а в лучшем случае ограничиваясь петициями и обращениями к руководителям великих держав), терпеливо и пассивно ждали «благоприятного» стечения обстоятельств в международной жизни. Они, в частности, рассчитывали, что Япония потерпит поражение в войне и с Кореи автоматически

спадет колониальное иго. Только небольшая, радикально настроенная часть националистов-эмигрантов пыталась заложить и расширить базу для организации вооруженной борьбы против японских империалистов.

После аннексии ширилось и аграрное движение крестьянских масс, которое нередко принимало форму открытых выступлений против японских империалистов. Борьба крестьян против хищнического захвата их земель обострилась уже в процессе «земельной переписи» (с 1912 по 1918 г., когда проводился земельный кадастр, в Корею было зарегистрировано 33 937 арендных конфликтов), но особенно в период первой мировой войны. Выступая как против помещиков, так и против японских земельных компаний, крестьяне требовали возвращения отобранной у них земли, сжигали кабальные арендные договоры, долговые обязательства и прочие документы, отказывались платить непосильные налоги и возвращать долги, нападали на имения землевладельцев и на японские органы управления.

Вместе с постепенным развитием промышленности, с усилением колониальной эксплуатации ширилась и борьба молодого корейского пролетариата. Число конфликтов рабочих с заводчиками, фабрикантами, шахтовладельцами заметно возросло в годы первой мировой войны. Если за три предвоенных года (1912—1914) на промышленных предприятиях произошло 11 забастовок, в которых участвовало в общей сложности 2190 рабочих, то с 1915 по 1918 г. вспыхнуло 75 забастовок, а число их участников составило 9662. Правда, эти выступления носили еще неорганизованный, стихийный характер. Поднимаясь на борьбу за свои права, рабочие ограничивались сугубо экономическими требованиями. Тем не менее, поскольку подавляющее большинство охваченных забастовками предприятий принадлежало японскому капиталу, выступления корейских рабочих объективно носили национально-освободительный характер и являлись составной частью борьбы корейского народа за независимость.

В 1910—1918 гг. освободительную борьбу корейского народа отличало то, что все ее формы не переплетались между собой и не имели единого руководства. Единственной силой, которая могла бы взять на себя руководство освободительной борьбой, была в эти годы корейская национальная буржуазия. Но даже самые «воинствующие» ее представители, как правило, ограничивали свою антияпонскую деятельность организацией различных заговоров. Они боялись сделать своими союзниками трудящиеся слои корейского народа, а поэтому и не пытались опереться на выступления рабочего класса и крестьянства и тем более их координировать. В известной мере такая позиция антияпонски настроенных представителей корейской буржуазии объяснялась объективными трудностями, созданными свирепым колониальным режимом. Однако главная причина, обусловившая невозможность создать хотя бы подобие антияпонского союза при главенствующей роли национальной буржуазии, состояла в обострении внутренних социальных противоречий, в частности между корейскими предпринимателями и рабочим классом. Вот почему с 1910 по 1918 г. национально-освободительное движение оставалось фактически без руководства.

Корейская культура в конце XIX — начале XX в.

Конец XIX — начало XX в.— время широкого обновления всей культурной жизни Кореи. Его интенсивность во многом усиливалась благодаря деятельности патриотических просветительских организаций. Про-

свещение народа, внедрение новой науки и техники, укрепление национального духа рассматривались просветителями как средство преодоления отсталости, важнейшее условие сохранения независимости родины.

С конца XIX в. в Корее произошли значительные перемены в системе образования. На протяжении многих столетий в корейской школе главное внимание уделялось преподаванию китайской грамоты, обучению искусству писать сочинения в прозе и стихах на манер эссе китайских классиков. Однако с отменой отжившей системы экзаменов на должность (1894 г.) утратили свой смысл и старые корейские школы, оторванные от практических запросов жизни. Им на смену пришли более современные учебные заведения. Некоторые из них учреждались корейским правительством, однако большинство создавалось на частные средства.

Частным школам принадлежала особенно большая заслуга в деле распространения просвещения среди народа. Они ставили задачу приобщить народные массы к передовой культуре, сделать накопленные человечеством знания их достоянием. Поэтому в программы частных школ были введены такие предметы, как математика, физика, география, биология, агрономия, техника. Однако главным оставалось изучение родного языка и отечественной истории. Вся система обучения была направлена на воспитание у учащихся патриотических взглядов.

В конце XIX в. Корея впервые серьезно познакомилась с передовой по тем временам техникой. В производство, хотя и редко, внедрялись неизвестные ранее стайки и механизмы. В стране строились железные дороги, появились телеграф, телефон. В 1905 г. на севере Кореи соорудили первую электростанцию (мощностью всего 500 кВт). Эти предприятия в основном принадлежали японским капиталистам, однако работали на них корейские рабочие; в результате часть населения приобщалась к современной технике. Немалую роль играли просветительские организации, пропагандировавшие технические знания. Однако собственная научно-техническая мысль развивалась еще слабо. Сказывалась общая кризисная ситуация, которую переживала страна. Несмотря на участвовавшие контакты с внешним миром, передовые научные теории еще крайне недостаточно проникали в Корею. Вышли лишь две книги, рассказывавшие о научно-технических достижениях в других странах. Это анонимная «История возникновения вещей и явлений в мире» и книга Ю Гильджуна «Что я видел и слышал на Западе».

Некоторые успехи были достигнуты в корейской медицине. Врач Ли Джема (1837—1900) внес новшества в традиционную лечебную практику. Ли Джема считал, что лечение внутренних болезней человека необходимо вести с учетом его физической конституции и психического склада. Его труд «Основные начала долголетия человека в восточной медицине» ценен тем, что в нем впервые в корейской медицине сделана попытка рассматривать человека как совокупность душевных склонностей и привычек, возникших в результате воздействия среды, и особенностей структуры его организма.

Крушение традиционных устоев, поиски выхода из тяжелого положения, в котором оказалась страна, вызвали усиленный интерес к общественным наукам, особенно к истории. Просветительские организации старались пробудить в народе потребность к познанию самого себя, своей страны. «Разве можем мы,— говорил писатель и переводчик Ли Хэджо,— когда-нибудь изменить ту трагическую судьбу, которая выпала на нашу долю, если будем десятки и сотни раз читать и перечитывать китайские каноны или книги типа „Биографии Бисмарка“, не зная ничего о географии и истории собственной страны?»

Передовая корейская интеллигенция познакомила читателей с важнейшими памятниками истории Кореи. Придирчиво изучались изданные ранее труды, подвергались критике те из них, авторы которых преклонялись перед Китаем, что оскорбляло национальное чувство корейцев. В конце XIX в. группа ученых опубликовала «Ёдже чхварё» («Обозрение мира»), содержавшее сведения об истории, географии, экономике Кореи и других стран. В 1908 г. вышла в свет «Чынбо мунхон пиго» («Дополненная энциклопедия») — расширенный и уточненный вариант энциклопедии XVIII в. «Тонгук мунхон пиго», пополненный данными о развитии Кореи в XIX и начале XX в. Статьи по истории Кореи регулярно печатались в изданиях просветительских организаций.

Крупнейшим историком был Син Чхэхо (1879—1936). Выходец из провинциального дворянства, он получил разностороннее образование и был одним из лучших специалистов по истории и философии Кореи, Китая и Японии. Син Чхэхо не замыкался в кругу научных интересов и принимал активное участие в национально-освободительном движении, был одним из организаторов Синминхве. После аннексии Кореи он не прекращал борьбы против колонизаторов и погиб в японской тюрьме.

Среди трудов Син Чхэхо наиболее известны «История древней Кореи», «История культуры древней Кореи», «Наброски исследования по истории Кореи». В своих литературно-публицистических работах он воскрешал героические страницы прошлого, особенно из времен освободительных войн: «Сказание о Ли Чхунму» (Ли Сунсине.— *Авт.*), «Сказание об Ыльччи Мундоке», «Сказание о Чхве Дотхоне» и т. д.

Свои книги и статьи Син Чхэхо писал с позиций патриота и демократа, показывал в них самостоятельность исторического развития Кореи, резко высказывался против преклонения правящей верхушки перед Китаем. Он был близок к пониманию связи исторического процесса с материальными условиями жизни людей, придавал большое значение борьбе народных масс против угнетателей. Син Чхэхо высоко ценил движение за независимость, в том числе и действия отрядов «Ыйбён», считая их воплощением «национального духа».

Другим видным ученым того времени был Пак Ынстик (1859—1926), также происходивший из провинциальных дворян. В конце XIX — начале XX в. Пак Ынстик являлся непременным участником всех патриотических организаций, вел активную просветительскую деятельность. Когда Корея была аннексирована, он перебрался в Шанхай и стал одним из лидеров антияпонского движения в эмиграции. Пак Ынстик — автор «Истории Кореи», «Кровавой истории движения за независимость Кореи» и других трудов по истории. В них он выступал как горячий патриот, борец против колонизаторов и просветитель. Подчеркивая роль знаний в развитии общества, Пак Ынстик утверждал, что от их уровня зависит процветание или упадок нации.

Значительный рост национального самосознания вызвал повышенное внимание к родному языку. В печати и на собраниях велась широкая кампания за отказ от китайских иероглифов. Именно с конца XIX в. началось активное использование национального корейского алфавита (кунмун), созданного еще 450 лет назад. В 1894 г. правительственный «Кванбо» («Официальный вестник») впервые перешел на корейскую письменность. За ним последовали и другие газеты и журналы. В 1895 г. вышел указ, извещавший, что отныне все законы и постановления будут публиковаться на национальном алфавите с приложением того же текста, записанного иероглифами.

Пробудившийся интерес к родному языку породил новую для Кореи науку — языковедение. Одной из первых была книга Ли Бонуна «Прин-

ципы корейской письменности» (1897). Ее с полным правом можно назвать введением в грамматику современного корейского языка. Ли Бонун изложил основы национального алфавита и дал сведения о грамматических категориях корейского языка.

Его работа была продолжена рядом ученых. В 1908 г. Ю Гильджун опубликовал «Граматику корейского языка», в которой подробно рассматривались вопросы синтаксиса и морфологии. Одновременно вышел в свет «Начальный курс грамматики корейского языка» Ким Хисона, рассчитанный на учащихся.

Вершиной языкознания того времени были труды Чу Сигёна (1876—1914) — страстного борца за признание и развитие родного языка. Он проделал огромную работу по упорядочению и систематизации грамматики, унификации корейской письменности. В 1907 г. Чу Сигён опубликовал статью «Необходимость родного языка и родного письма». В этом же году вышла его «Фонетика корейского языка», а в 1910 г. — «Грамматика корейского языка». Чу Сигён активно участвовал в национально-освободительном движении. Борьбу за очищение корейского языка и использование всех его богатств он считал важным средством пробуждения национального самосознания.

Жизнь убедительно показывала несостоятельность конфуцианства, которое сковывало творческую мысль, ограничивало активность человека рамками учений древних философов.

Большая часть идеологов конфуцианства по-прежнему выступала против любых попыток критики традиций. Они стремились вновь изолировать Корею, призывали не допускать проникновения «иностранный ереси». Конфуцианские деятели проповедовали преклонение перед китайскими образцами и предлагали превратить Корею в «маленький Китай». Они были противниками реформаторского движения и, участвуя в национально-освободительном движении, боролись за сохранение старых порядков, особенно за восстановление абсолютной власти императора. Крупнейшим конфуцианским деятелем того времени был Чхве Икхён (1833—1906), ставший одним из руководителей отрядов «Ыйбён» и погибший в японских застенках.

Однако и среди ортодоксальных конфуцианцев появились такие, которые понимали необходимость перемен. Видный теоретик конфуцианства и активный борец против японских колонизаторов Лю Нинсок (1843—1917) считал возможным отказаться от некоторых устаревших концепций, предлагал пересмотреть схоластические, абстрактные определения категорий нравственности, сделать их более конкретными, исходя из реальных условий жизни человека, особенно его борьбы за национальную независимость. Признавая справедливость традиционной сословной системы, Лю Нинсок тем не менее призывал не замыкаться в рамках сословий: ученый помимо своих занятий должен интересоваться сельским хозяйством, ремеслом и торговлей; крестьяне, мастера и купцы — изучать военное дело и т. д. Взгляды Лю Нинсока и его сторонников, несомненно, испытали влияние идей просветителей.

В среде корейской интеллигенции делались попытки «исправить» конфуцианство, наполнить его новым содержанием; они вылились в «конфуцианское богоискательство», главным идеологом которого был Пак Ынстик. Критикуя современное ему конфуцианство за чрезмерную преданность монархии, неуважение к простому народу и оторванность от жизни, Пак Ынстик предлагал подчинить это учение запросам практики, сделать более простым и доступным для народа, вдохнуть в него дух демократизма. По мнению Пак Ынстика, была необходима реформация наподобие той, какую совершил М. Лютер. «Конфуцианское богоис-

кательство» отражало стремление приспособить старые формы идеологии к нуждам нарождавшейся корейской буржуазии.

В конце XIX — начале XX в. передовая интеллигенция Кореи имела некоторое представление об эволюционной теории Ч. Дарвина, о концепциях ряда европейских философов (как правило, в переводах с китайского): в издаваемых просветителями газетах и журналах оживленно обсуждались взгляды Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, Г. Спенсера, Ф. Ницше, Г. Гегеля, Л. Толстого и др. Читатели далеко не всегда могли разобраться в противоречивых воззрениях этих философов, их привлекали главным образом высказывания против феодальной реакции, против всего, что мешало буржуазному переустройству общества. У многих деятелей корейской культуры заимствованные из европейской философии идеи уживались с конфуцианскими взглядами на мир. В этом было своеобразие общественной мысли Кореи в переломный для нее момент — в конце XIX — начале XX в.

Неизмеримо возросло в это время значение литературы в жизни общества. Она стала агитатором в борьбе за политические права, просвещение и свободу родины.

В поисках произведений, воспевающих гражданскую доблесть, корейские просветители обратились к европейской литературе. Возник жанр переводной политической повести. В роли переводчиков выступали видные деятели просветительского движения. Так, драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» была переведена Пак Ынником и опубликована как «История образования швейцарского государства».

Верность подлиннику не входила в задачи переводчиков. Напротив, каждый из них старался оголить сюжетную линию произведения, дать ей свое толкование и максимально приблизить к корейской действительности. Поэтому первоначальное авторство многих переводных политических повестей трудно определить. Наиболее известные произведения этого жанра: «История гибели вьетнамского государства» (переводчик Син Чэххо), «Биография Вашингтона», «Повествование о французском императоре Наполеоне», «История независимости Америки», «Повесть о Петре Великом», «Новая история Франции», «Повести о венгерском герое Кошуте», «Биография Франклина», «История польских войн», «История борьбы Италии за независимость», «Рассказы о трех выдающихся героях Италии» и др. Сам перечень названий говорит о целенаправленном отборе произведений для перевода: их содержание — описание драматических, переломных событий в жизни государств, которые, так же как и Корея, боролись за свободу и независимость.

Непосредственные контакты Кореи с Западом, события в самой стране и особенно борьба против феодализма и колониальной экспансии не могли не сказаться на развитии художественной мысли, не поколебать прежних идеалов. Возникли такие условия, которые предъявляли к литературе иные, чем прежде, эстетические требования. В первом десятилетии XX в. зародился, успев завоевать признание и изжить себя вид прозы, сыгравший в конечном счете роль пролога к современной корейской реалистической литературе. «Синсосоль» («новая повесть») — так назывался этот вид прозы — в известной мере выражала новый круг идей, многие из которых были руководящими в просветительском движении.

Появление синсосоль означало перелом в развитии корейской художественной мысли. Конкретное изображение реальной жизни, создание образа современника стали смыслом исканий новых писателей, пришедших в литературу. Идеи корейского просветительства — обличение косности изживших себя традиций и устоев феодального общества, пропа-

ганда современного образования как средства обеспечения независимости Кореи — легли в основу всех произведений той поры. Литература утверждала новый идеал человека — идеал цельной личности, сильной знаниями, а не конфуцианскими добродетелями. Темы и сюжеты произведений новой прозы однотипны. Чаще всего рассказывалось о молодом человеке, эжезавшем учиться за границу. Юноша, твердо убежденный в том, что этим он выполняет долг перед предками и отсталой родиной, — таков непрменный герой синсосоль.

Многие из актуальных проблем эпохи — призыв к полезным делам на благо родины, проповедь брака, заключенного по любви, а не по воле родителей, как «первого условия эмансипации личности» — воплотила в себе повесть «Кровавые слезы» (1906). Она принадлежала перу Ли Инджика, основоположника новой прозы. Общепризнано, что его вторая повесть — «Голос дьявола» (1908) — по своим художественным достоинствам возвышается над всеми произведениями этого жанра. Ли Инджик ведет в ней взволнованный разговор с современником о жизненно важных для каждого корейца проблемах, особенно о пережитках феодализма в быту. Он во весь голос протестует против жестокой старой морали, допуская существование семьи, в которой рядом с женой живет наложница. Следующая повесть Ли Инджика — «Гора Чхиаксан» (1912) — затрагивала конфликт отцов и детей. Ее главный герой, почтенный конфуцианец, некогда запрещавший сыну изучать полезные науки, становится жертвой шантажа и обмана со стороны безграмотных колдунов и слуг.

В общей сложности за первое десятилетие XX в. в Корею было написано свыше 100 синсосоль. Особым вниманием пользовалась так называемая политическая повесть. Одной из первых была повесть Ли Инджика «Серебряный мир» (1908), разоблачавшая гнет чиновничьего деспотизма и беззаконие. Лучшим образцом политической беллетристики является повесть Ли Хэджо (1869—1927) «Колокол свободы» (1910). Ее сюжет весьма прост: несколько женщин собрались, чтобы вместе провести вечер и поговорить о наболевшем. Их устами автор высказывал все, что думал о социальных и этических проблемах времени, и, по существу, изложил требования устранить препятствия на пути буржуазного развития Кореи. Из других произведений Ли Хэджо наиболее известны повести «Снег на волосах» и «Кровь цветка» (1911), в которых рассказывается о положении женщины в семье и обществе. Традиционно содержание повести Чхве Чхансика (1881—1951) «Цвет осеннего месяца» — о любви юной четы, уехавшей учиться за границу.

В соответствии с требованиями времени претерпела изменения и поэзия. Старые ее жанры (сиджо и каса) отошли на задний план. Родились новые — чханга (песенный стих) и синси (новый, т. е. свободный, стих). К чханга подбирали западную музыку. Как правило, содержание этих песен составляли просветительские призывы к самоусовершенствованию и к борьбе за независимость родины. Наиболее популярными были «Песня борьбы», «Песня независимости», «Песня о родине», «Патриотическая песня» и т. д.

На базе новой литературы родилась и новая драматургия. В 1909 г. Ли Инджик инсценировал свою повесть «Серебряный мир» и повесть Ку Ёнхака «Слива под снегом», чем и положил начало новой драме.

Корейский театр становился более реалистическим, близким к драматическому театру в Европе. В 1909 г. возле Западных ворот в Сеуле было возведено первое театральное здание на 2 тыс. мест (Вонгакса), которое находилось в ведении императорского двора. На первых порах из-за консервативности столичной публики новая драма недолго продер-

жалась на сцене. И все же первый шаг к созданию современного реалистического театра был сделан.

Продолжалось развитие различных форм национальной музыкальной культуры. Особенно большое распространение получили уже упоминавшиеся пхансори. Наряду с лирическими темами в них все чаще звучали темы страдания народа, героической борьбы предков. На базе пхансори в конце XIX — начале XX в. зародилась корейская национальная опера — чхангык. Большую роль в ее становлении сыграл музыкальный ансамбль Хёмнюльса, выступавший в театре Вонгакса. С огромным воодушевлением воспринимались классические произведения «Сказание о Симчхон», «Сказание о Чхунхян», будившие в зрителях патриотические чувства. Одновременно произошло первое знакомство с европейской музыкальной культурой. Корейская интеллигенция получила возможность услышать произведения мировой классики. Уже в 1900 г. при дворе имелся военный духовой оркестр (50 музыкантов), выступавший с публичными концертами. В некоторых городских школах ввели уроки хорового пения; дети изучали основы современной музыкальной грамоты.

В корейской живописи в конце XIX — начале XX в. было меньше выдающихся имен, чем в XVIII в. Тенденции исследования социальной жизни в пейзажной и портретной живописи в XIX в. периодически прерывались, оживая в картинах лишь немногих представителей корейской живописи. Зато возродилась живопись «мунинхва» («живопись поэтов») — особое стилистическое направление, ставившее задачу добиться единства изображения и слова. Живописцы-поэты проповедовали наслаждение природой, но не живой, а в искусстве, так как считали последнюю более совершенной. Стихи мунинхва прилагались к свитку, передавая содержание картины и подчеркивая ее психологический настрой. Нередко каллиграфические надписи входили в композицию свитка.

Весьма показательно творчество известных художников — Нам Геу (1811—1888) и Ли Хённока. Первый из них всю жизнь аккуратно и бесстрастно рисовал бабочек — в полете, со сложенными крыльями и т. д.; второй изображал книги и книжные полки, он славился тем, что умел экономными приемами передать перспективу. Значительно отличалось от них творчество крупного корейского пейзажиста Ким Сучхоля (род. в 1819 г.). Его произведения глубоко индивидуальны. Сочетания светлого и темного тонов, расположенных в резком контрасте, составляют особенность его художественной манеры.

Одной из вершин реализма в корейской национальной живописи конца XIX в. является творчество Чан Сынопа (1843—1897). Эстетические искания художника были вызваны сложнейшим историческим периодом, который переживала тогда Корея. Его лучшие картины выражают духовную независимость человека, стремление к обновлению жизни. Изображая цветы, птиц и пейзажи, Чан Сыноп умел передать самые тонкие чувства и переживания человека. Стойкость и благородную чистоту прославляет выполненная им на десяти створках ширмы картина «Слива»: побитое ветром дерево сохраняет жизненные силы даже в лютый мороз; это — аллегорическое изображение жизни самого художника.

Смена стилистических тенденций в искусстве Кореи ощущалась и в творчестве Чан Сынопа. Так, движение скакунов в картине «Лошади» выполнено уже в манере, свойственной европейской живописи. Еще более близким к западному искусству было творчество художника Ан Джунсика (1861—1919).

Общий упадок ремесла в Корее, вызванный затяжным кризисом феодализма и усиленным ввозом иностранных товаров, сказался и на национальных художественных промыслах. Снизился уровень мастер-

ства, ухудшились качество и художественная выразительность ряда традиционных для Кореи изделий. Так, например, случилось со знаменитым корейским фарфором. В 1883 г. казенная фабрика Пунвон, являвшаяся главным его производителем, была продана частному лицу. Пытаясь модернизировать предприятие, новый хозяин нанял в Японии мастеров, приобрел там оборудование и соответственно изменил технологию. Однако фарфоровые изделия его фабрики в значительной мере утратили присущие им прежде художественные достоинства.

В конце XIX в. в Корее построили немало прекрасных зданий. Был реставрирован и значительно перестроен самый большой из сохранившихся до наших дней дворцовый ансамбль Кёнбоккун в Сеуле. Его возвели по старым чертежам на месте дворца, сгоревшего еще в годы Имджинской войны. Жемчужиной корейского зодчества этого периода считается центральное здание ансамбля — дворец Кымгонджон. Тонкий вкус проявили проектировщики в организации пространства: севернее дворца Кымгонджон было сооружено озеро лотосов и беседки. Самая интересная из них — Кёнхверу. В начале XX в. возведены еще два дворца — Токсугун в Сеуле и Пунёнгун в Пхеньяне, — повторившие по стилю дворец Кёнбоккун.

Первым европейским зданием в Корее была католическая церковь в Сеуле, построенная в готическом стиле. За ней последовали здания католической теологической школы в Ёнсане, англиканской церкви в Сеуле, английского консульства и др. В 1896 г. были возведены Арка независимости, которая копировала Триумфальную арку в Риме, и каменный павильон в стиле Ренессанса во дворце Токсоджон (1908—1910).

Аннексия Кореи в 1910 г. резко затормозила процесс развития и модернизации корейской культуры. Японские империалисты в самых пышных выражениях декларировали свою «цивилизаторскую миссию» в Корее. Однако на деле эта «миссия» сводилась к тому, чтобы удушить корейскую культуру, вытравить ее самобытный характер, заставить корейцев забыть свой язык, свою историю. Основы политики насильственной ассимиляции были заложены уже в первые годы после превращения Кореи в колонию японского империализма.

Со времени аннексии началась самая мрачная страница в истории корейской культуры, как и во всей истории Кореи. Но никакие гонения, никакие ухищрения колонизаторов не могли подавить национальную культуру, создававшуюся на протяжении многих веков и питавшуюся творчеством трудолюбивого и талантливого корейского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ В. И. Ленин, Доклад на II съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.,— Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 327—328.

² Кубо Токудзо (Тэндзуй), Чосэн си (История Кореи), Токио, 1905, стр. 2, 27. Подробнее см.: М. Н. Пак и Х. К. Юриков, Тенденции в изучении истории Кореи современными японскими историками,— в кн. «Современная историография стран зарубежного Востока (Октябрь и национально-освободительная борьба)», М., 1969, стр. 168—185.

³ Фукуда Ёсиносукэ, Сираги си (История Силла), Киото, 1913, стр. 2.

⁴ Сиратори Куракити, Хантоно кэнкюни кансуру итинино кансо (Некоторые соображения по изучению полуострова),— предисловие к книге: Цуда Сокичи, Чосэн рэкиси тири (Историческая география Кореи), т. I, 1913, стр. 4—5.

⁵ Инаба Ивакити, Чосэн бункаси кэнкю (Исследования по истории корейской культуры), Токио, 1925, стр. 2.

⁶ Там же, стр. 129.

⁷ Сидэхара Тайра, Чосэн сива (Беседы по истории Кореи), Токио, 1925, стр. 142.

⁸ Суэмацу Ясукадзу, Чосэнси-но сирубэ (На историческом пути Кореи), Сеул, 1936. Автор — известный в Японии исследователь корейской истории.

⁹ Там же, стр. 156—158.

¹⁰ «A Short History of Korea», Compiled by the Centre for East Asian Cultural Studies, Токуо-Нополу. С 1963 г. вышло несколько изданий.

¹¹ Сиката Хироси, Кюрайно Чосэн сякаино рэкиситэки сэйкаку (Об историческом характере старого корейского общества),— «Чосэн гакухо», 1951, № 1, 2. Цит. по: «Современная историография стран зарубежного Востока», М., 1969, стр. 179.

¹² Мисина Сээй, Хокусэн то Нансэн (Северная и Южная Корея), Киото, 1957, стр. 29.

¹³ Сб. «Чосэнси нюмон» («Введение в историю Кореи»), Токио, 1966, стр. 11.

¹⁴ Хатада Такаси, Чосэн си (История Кореи), Токио, 1951, стр. 5.

¹⁵ См., например: Пак Кёнсик, Кан Джэхён и др., Чосэнно рэкиси (История Кореи), Токио, 1957.

¹⁶ Начиная с первой, наиболее распространенной книги В. Гриффиса (W. E. Griffis, Corea the Hermit Nation, изд. 1, New York, 1882) для американской литературы характерно повторение ходячих концепций японских авторов.

¹⁷ Хальберту принадлежат двухтомная работа «The History of Korea», vol. I—II, Seoul, 1905, переизданная в 1962 г. в Лондоне, и книга «The Passing of Korea», New York, 1906.

¹⁸ Н. В. Hulbert, The Passing of Korea, стр. 192.

¹⁹ Там же, стр. 463.

²⁰ F. H. Harrington, God Mammon and the Japanese. Horace N. Allan and Korean-American Relations, 1884—1905, Madison, 1944.

²¹ M. F. Nelson, Korea and the Old Orders in Eastern Asia, New York, 1946.

²² G. MacCune, Harrison, Korean-American Relations, т. 1, The Initial Period of 1882—1886, 1951.

S. T. Palmer, Korean-American Relations, т. 2. The Period of Growing Influence (1887—1893), 1963.

²³ «Korean-American Relations», т. 1, стр. 7; т. 2, стр. 1.

²⁴ Там же, т. 1, стр. 17.

²⁵ Там же, т. 1, стр. 2.

²⁶ Там же, т. 2, стр. 7.

²⁷ Н. Сонгоу, *The Japanese Seizure of Korea: 1868—1910. A Study of Realism and Idealism in International Relations*, Philadelphia, 1960, стр. 492.

²⁸ Eugene Kim, Han Kyo Kim, *Korea and the Politics of Imperialism (1876—1910)*. Berkley and Los Angeles, 1967.

²⁹ «Чосон тхонса» («Общая история Кореи»). Русский перевод: «История Кореи», т. 1, М., 1960. В 1962 г. в КНДР вышло второе издание первого тома этого труда.

³⁰ «Чосонса кэё» («Очерки истории Кореи»), Пхеньян, 1957.

³¹ Ли Наён, Чосон минджок хэбан тхуджэнса (История национально-освободительного движения в Корее), Пхеньян, 1958; «Чосон кындэ хёнмён ундонса» («История революционного движения в Корее нового времени»), Пхеньян, 1961, и др.

³² Ли Джирин, Кочосон ёнгу (Исследование Древнего Чосона), Пхеньян, 1963.

³³ «Кочосонэ кванхан тхорон нонмунджип» («Сборник статей по дискуссии о Древнем Чосоне»). Пхеньян, 1963.

³⁴ См.: «Самгук сигыйн сахве кёндже кусонэ кванхан тхоронджип» («Дискуссия о социально-экономическом строе периода трех государств»), Пхеньян, 1958.

³⁵ См.: Пак Сихён, Лиджо чхогыйн чоидже (Земельная система в начале [правления] династии Ли),—«Хакви нонмунджип, сахве квахак пхён, че I джип» («Диссертации по общественным наукам»), вып. 1, Пхеньян, 1958; его же, Лиджо чоисе чедой соннип кваджон (Процесс утверждения поземельной налоговой системы при династии Ли),—«Хакви нонмунджип, сахве квахак пхён, че I джип», вып. I; его же, Чосон тходжи чедоса (История земельной системы в Корее), т. 1—2, Пхеньян, 1960—1961; Чон Соктам, Лиджо чхоги (14 сеги маль — 15 сеги маль) э иссосо понгонджок тходжи соу квангева нонминдырэ тэхан чхакхви чехёнтхэ (Отношения земельной собственности и формы эксплуатации крестьян в начальный период [правления] династии Ли — с конца XIV до конца XV в.),—«Ёкса нонмунджип» («Сборник статей по истории»), вып. 3, Пхеньян, 1959.

³⁶ Ким Со кхён, Чосон понгон сидэ нонминный кегып кусон (Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма), Пхеньян, 1957; его же, Янбаннон (О янбанах),—«Ёкса нонмунджип», вып. 3, Пхеньян, 1959.

³⁷ Ким Со кхён, Понгон чибэ кегыбыль пандэхан нонминдырый тхуджён (Корё пхён) [Борьба крестьян против господствующего класса феодалов (период Корё)], Пхеньян, 1960; коллектив авторов, Понгон чибэ кегыбыль пандэхан нонминдырый тхуджён, лиджо пхён (Борьба крестьян против господствующего класса феодалов, период династии Ли), Пхеньян, 1961.

³⁸ См.: Пак Сихён, Ким Со кхён, Хон Хию, Чан Гукчон, Ури нара понгон мальгий кёндже хёнпхен (Экономическое положение нашей страны в последний период феодализма), Пхеньян, 1963; Хо Джонхо, Чосон понгон мальгий соджакче ёнгу (Исследование арендной системы в Корее в последний период феодализма), Пхеньян, 1965; Сон Ёнджон, 18 сеги маль 19 сеги чхо хвангок чедорыль тхонхан чхакхви чехёнтхэ (Формы эксплуатации, основанные на системе хвангок в конце XVIII — начале XIX в.),—«Ёкса понмунджип», вып. 5, Пхеньян, 1961; Чон Соктам, Хо Джонхо, Хон Хию, Чосонэсо чабонджуыйджок квангей пальсэн (Зарождение капиталистических отношений в Корее), Пхеньян, 1970, и др.

³⁹ Сб. «Чосон понгон мальгий сонджин хакчадыль» («Передовые ученые Кореи последнего периода феодализма»), Пхеньян, 1965; Ким Гванджин, Чон Дасаный кёндже сасан (Экономические взгляды Чон Дасана), Пхеньян, 1962 и др.

⁴⁰ Ли Наён, 1880 нёндэ чхойй кэхва сасангва кэхвапхадый 1884 нён (капсин) чоибёнэ тэхэ [О реформаторских идеях начала 80-х годов и государственном перевороте 1884 г. (года капсин)],—«Ёкса нонмунджип», вып. 5; коллектив авторов, Ким Оккюн, Пхеньян, 1963, и др.

⁴¹ Среди произведений буржуазно-националистической историографии Южной Кореи наиболее известна многотомная «Хангук са» («История Кореи»), подготовленная в конце 50-х — начале 60-х годов на средства американского фонда Рокфеллера научным историческим обществом «Чиндан».

⁴² М. В. Воробьев, *Древняя Корея*, М., 1960.

⁴³ Ким Бусик, *Самгук саги* (Летописи Силла), М., 1959.

⁴⁴ Ю. В. Ванин, *Феодальная Корея в XIII—XIV вв.*, М., 1962; его же, *Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв.*, М., 1968; Г. Д. Тягай, *Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма*, М., 1971.

⁴⁵ Г. Д. Тягай, *Крестьянское восстание в Корее в 1893—1895 гг.*, М., 1953; его же, *Народное движение в Корее во второй половине XIX в.*, М., 1958.

⁴⁶ М. Хан, *Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората (1905—1910)*, М., 1961; Б. Д. Пак, *Освободительная борьба корейского народа накануне первой мировой войны*, М., 1967.

⁴⁷ Г. Д. Тягай, *Очерки истории Кореи во второй половине XIX века*, М., 1960; В. И. Шипаев, *Колониальное закабаление Кореи японским империализмом*, М., 1963.

Глава 1

¹ Несмотря на значительные успехи, достигнутые за послевоенные десятилетия корейскими археологами, полученные результаты пока недостаточны для решения ряда узловых проблем первобытной истории Кореи. Слабая изученность погребений затрудняет расовую и этническую характеристику древнего населения полуострова. Неясная стратиграфия затрудняет выделение ведущих культурных комплексов, в частности четкое разграничение памятников бронзового и железного веков.

² См., например: «Чосон тхонса» («История Кореи»), изд. 2, т. I, стр. 41.

³ «История Кореи» (пер. с кор.), т. I, М., 1960, стр. 47.

⁴ Введение этих законов, а также земледелия и скотоводства китайские источники I в. н. э. приписывают Киджа — легендарному основателю Древнего Чосона.

⁵ «Чосон тхонса», изд. 2, т. I, стр. 43.

Глава 2

¹ Здесь и далее даты приведены по корейскому лунному календарю.

² Этимологически «ноби» означало общее наименование рабов или подневольных людей мужского (но) и женского (би) пола. В качестве синонима употреблялось и слово «нобок», обозначавшее главным образом домашних слуг. Но термин «ноби» в течение долгого времени (вплоть до конца XIX в.) употреблялся в Корее для обозначения как рабов, так и крепостных, что в немалой степени затрудняет раскрытие его социально-экономического содержания в различные периоды истории. Первые упоминания о ноби и нобок в ранний период позволяют лишь судить об их подневольном положении и о том, что и на Корейском полуострове рабы появились в качестве самой ранней категории бесправного угнетаемого населения. Однако эти сведения не говорят о сколько-нибудь значительной роли рабовладельческого уклада в ранних государствах, где основную массу эксплуатируемых (судя по сохранившимся источникам) составляли лично свободные крестьяне (рядовые общинники). С разложением общинных отношений и развитием феодализма все большая часть таких крестьян попадала в категорию государственных или частновладельческих крепостных (также называвшихся «ноби»), которые имели индивидуальное хозяйство, но находились в полной личной зависимости от своих хозяев. Об этих процессах в общих чертах можно судить по материалам последующих глав данной книги.

³ Выдержки из этого сочинения известны по комментариям к тексту «Сань-го чжи».

⁴ Автор, однако, не уточняет своего понимания термина «государство» в строгом смысле этого слова.

⁵ При почти полном отсутствии в сохранившихся источниках (летописях) сведений социально-экономического характера, особенно документов, позволяющих судить о поземельных отношениях, наш вывод о существовании верховной государственной собственности на землю основан лишь на упоминаниях летописей о поземельных, подворных и подушевых повинностях населения (т. е. об основных формах государственной эксплуатации крестьянства) и о том, что государство (в лице вана) распоряжалось всей землей, передавая отдельным представителям знати (например, за военные и другие заслуги) кормовые округа (сигып) и другие земельные наделы. Мы полагаем, что верховная государственная собственность на землю служила правящему классу средством эксплуатации и экспроприации общинного (свободного) крестьянства, т. е. феодального закрепощения его. Огромная трудность в выяснении процесса развития феодальных отношений в Корее связана с отсутствием материалов, характеризующих внутренние процессы в крестьянской общине.

Глава 4

¹ Титулы аристократов в Корё были пяти степеней. Самый высший — «кон» (князь), затем «ху», «пэк», «ча», «нам».

² Ка д ж он — наследственные владения янбанов. Ёнопчон — земельные наделы для воинов. Военная повинность передавалась по наследству, поэтому такие наделы также были наследственными.

³ Остров Тхамна долгое время находился в вассальной зависимости от Корё, а в 1105 г. вошел в его состав.

Глава 5

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, — «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 220.

² Войска Корё подразделялись на «левую», «центральную» и «правую» армии.
³ К. Маркс, Хронологические выписки, — «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 223.

⁴ При обложении налогами городское население подразделялось в зависимости от размеров и состоятельности семей на «высшие», «средние» и «низшие» дворы.

⁵ Принято считать, что Сину — сын Синдона, усыновленный Конмином.

Глава 6

¹ В дальнейшем изложении равнозначно употребляется слово «Корея» (производное от «Корё»), которое на многих языках стало общепринятым названием страны.

² В течение всего срока траура по родителям (три года) чиновники должны были увольняться со службы и находиться дома.

³ Новый закон определил величину основной меры земельной площади — кёль. В зависимости от качества земли было установлено шесть разрядов кёль. Их размеры (в пхён): первый разряд — 2753, второй — 3247, третий — 3932, четвертый — 4724, пятый — 6897, шестой — 11 036.

В зависимости от качественных разрядов существовала большая разница в реальной земельной площади, составлявшей 1 кёль; для феодального же государства все они были одинаковы как площадь, с которой полагается поземельный налог-рента в размере 20 ту риса (или бобов на сухоходльных землях). При династии Ли кёль стал не только единицей измерения земельной площади, но и мерой урожая колосовых, а также единицей податного обложения. Эта единая система получила название «измерения в кёль и бу (кёльбу)». При измерении урожая (колосьев вместе со стеблем) один пучок, помещавшийся в горсти, назывался «пха»; 10 пха составляли 1 сок («сноп»); 10 сок — 1 пу, или бу («ноша»); 100 пу — 1 кёль («воз»). Одновременно и земельная площадь, с которой собиралось это количество урожая, стала называться «кёль».

⁴ Печати изготовлялись из меди и состояли из двух частей: одна из них давалась получателю, а другая оставалась у корейской стороны. Тексты пожалованных привилегий можно было прочесть, лишь сложив обе половины.

Глава 7

¹ После разоблачения Чэнь Вэй-цзин, избежав наказания, снова появился в Корее, где был схвачен при попытке перебежать к японцам и казнен.

² Так, перед началом наступления Ли Сунсин повесил на рее отрубленную голову одного из струсивших офицеров.

³ Имеются свидетельства, что Хан Юн (сын кусонского пуса), бежавший к чжурчженям, даже побуждал их вторгнуться в Корею.

⁴ Мупхо — налог тканью, взимавшийся с муда — женщин-шаманок.

⁵ Под «четырьмя совершенствами» подразумевались: цветущая слива, орхидея, хризантема и бамбук.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 13, стр. 139.

² В. И. Ленин, К. Маркс. — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 62.

³ Чон Дасан — наиболее употребимый псевдоним одного из самых выдающихся мыслителей феодальной Кореи — Чон Ягёна.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. 1, стр. 367—368.

⁵ Там же, стр. 367.

⁶ В источниках собственно налог и арендная плата часто одинаково называются налогом.

Глава 4

¹ В начале 90-х годов XIX в. приамурский генерал-губернатор Унтербергер сообщил в министерство иностранных дел, что эмиграция корейцев на русский Дальний Восток началась в 1860 г. К 1864 г. переселилось 1845 семей, т. е. всего около 9 тыс. человек. Они образовали 15 деревень в разных частях Южно-Уссурийского края.

² С развитием конфуцианства его догмы оформились как «пять житейских отношений», или «пять постоянств человеческой природы»; это были этические нормы отношений между монархом и подданными, родителями и детьми, старшими и младшими

братьями, мужем и женой и между друзьями. Отношения в семье считались прообразом отношений в государстве.

³ Фрегат «Паллада» в 1854 г. обследовал прибрежные воды Кореи; на его борту был И. А. Гончаров, описавший свои впечатления в книге «Фрегат „Паллада“».

⁴ «Копия с бумаги французского поверенного в делах в Пекине к Его Императорскому Высочеству князю Гуну от 2 июля 1866 г.»— АВПР (Архив внешней политики России), Главный архив, II—16, 1866—1868, д. 7, л. 36.

⁵ Под давлением европейских дипломатов американцы были вынуждены устроить суд над Дженкинсом, которого оправдали якобы за недостаточностью улик.

Глава 5

¹ В. И. Ленин, Китайская война,— Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 379.

² Проект отношения к генерал-губернатору Восточной Сибири от 24 (12) апреля 1876 г.— АВПР, Главный архив, I—1, 1871, № 181.

³ К. Маркс, Революция в Китае и Европе,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 100.

⁴ Капсин — название 1884 г. по старому корейскому календарю.

Глава 6

¹ Перевод заявления представителей тонхак ванскому цензору от 29 апреля 1893 г.— АВПР, Яп. стол, д. 4, л. 150.

² Кабо — в корейском календаре 1894 г.

Глава 7

¹ В. И. Ленин, Уроки кризиса,— Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 83.

² Национальная мужская прическа была символом мужества и совершеннолетия. Правом носить «шишки», т. е. подбирать в узел и завязывать волосы на макушке, пользовались только женатые мужчины. Поверх этой прически надевали национальный головной убор в виде сетки, а на него — шляпу.

³ В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение,— Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 262.

⁴ Копия секретной телеграммы поверенного в делах в Сеуле от 13 апреля 1901, ф. 560, оп. 28, ед. хр. 21, л. 145,— Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ).

⁵ Покотилов, Сеул, 5 мая 1896 г.— ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 4, лл. 65—66.

⁶ «Бюджет Кореи на 1898 г.»— ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 38, ед. хр. 771, лл. 34—38; «Корейская смета доходов и расходов на 1900 г.»— там же, лл. 99—103; «Корейский государственный бюджет на 1902 г.»— там же, лл. 115—125. См.: В. И. Шипаев, Колониальное закабаление Кореи японским империализмом, стр. 44.

⁷ Мексиканские доллары — валюта, распространенная на Дальнем Востоке в конце XIX в.

Глава 8

¹ В. И. Ленин, Самодержавие и пролетариат,— Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 135.

² В. И. Ленин, Тетради по империализму,— Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 492.

³ Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949), М., 1956, стр. 194.

⁴ В. И. Ленин, События на Балканах и в Персии,— Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 221.

⁵ Здесь не приняты в расчет погибшие и взятые в плен в разведке, на постое в деревнях и т. д. Поэтому общее число больше указанного выше.

⁶ В. И. Ленин, Тетради по империализму,— Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 493.

⁷ В 1909 г. из России в Корею было вывезено товаров на 7 млн. иен. В 1910 г. из Кореи в Россию привезено товаров более чем на 1156 тыс. иен (главным образом рис).

⁸ В. И. Ленин, Тетради по империализму,— Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 508.

⁹ Там же, стр. 669.

¹⁰ Там же, стр. 684.

Глава 9

¹ В. И. Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»,— Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 113.

² К концу 1919 г. насчитывалось более 277 тыс. последователей христианства корейской национальности.

СЛОВАРЬ КОРЕЙСКИХ ТЕРМИНОВ

- Амун** — ведомство, канцелярия, присутствие
Амун тунджон — ведомственная земля
Андон тохобу — Наместничество умиротворения восточных земель
Анхэкса — см. анчхальса
Анчхальса, анхэкса — чиновник, расследующий чрезвычайные дела
- Бу** — см. пу
- Ван, кунван** — титул правителя государства
Ванху — титул жены правителя государства
Вебу — правительственное ведомство в Пэкче
Вегван — провинциальное учреждение в Пэкче
Вегонджан — провинциальный ремесленник
Ви — охранный корпус
Виджон чхокса — движение под лозунгом «Защитим истину, изгоним ересь!»
- Виса чвапхён** — чиновный ранг в Пэкче
Вихвабу — Ведомство по делам чиновников в Силла
- Га, ка** — древняя аристократия
Ган — см. кан
Гун — см. кун
- До, то** — провинция
- Ёк** — почтовая станция
Ёкпунджон — служебный надел в начале Корё
Ёксаль — начальник округа в Когурё
Ён — полк
Ёнго — народное собрание у племени пудё
Ёнгэкпу — Ведомство внешних сношений (Силла)
Ёнджуин — чиновник, представлявший в провинциальном центре интересы уездных властей
- Ёпопчон** — наследственный надел воинов
Ёнса — мелкий чиновник
Ёнсую дап — крестьянский надел в Силла
Ёнхо — крестьянский «двор с дымовой трубой»
Ёныйджон — глава Ёйджонбу (см.)
Ёнъянви — «Корпус поднимающегося дракона»
Ёпчон — медная монета
Ёсу — предварительное авансирование ремесленников
- Ибан** — патент
Ибольчхан — чиновный ранг в Силла
Ибу — Ведомство чинов
Идجو — Палата чинов
Иджончхон — Ведомство по искоренению [беспорядков при взимании земельного, военного налогов и хвангок]
Иду — система записи корейских слов иероглифами
Исагым — титул правителя (вождя) в Силла
Ичхан — чиновный ранг в Силла

Ичхокчхан	— чиновный ранг в Силла
Йебу	— Ведомство церемоний
Йеджо	— Палата церемоний
Йеджакпу	— строительное ведомство в Силла
Йемун чхунчхугван	— Управление по составлению государевых бумаг и исторических сочинений
Йемунгван	— Управление по составлению государевых бумаг
Ка	— см. га
Каджон	— наследственное владение янбана («семейная земля»)
Каё	— песенная поэзия
Каккан	— высший чиновный ранг в Силла
Какча суседжи	— земля, владелец которой присваивал причитающийся с нее налог
Каму	— танец с песней
Камса, кванчхальса, тоджольджеса	— губернатор
Кан, ган, хан	— старейшина, вождь
Кансан	— крупный купец-монополист на р. Ханган («речной торговец»)
Капса	— воин-латник
Капхо	— см. кунпхо
Каса	— жанр корейской поэзии
Каягым	— музыкальный инструмент
Кваго	— экзамен па чин
Кваджон	— чиновный надел
Кваллёджон	— см. ногып
Кван, мин	— связка из 1 тыс. монет мун или чон (см.), 10 ян
Кванвон	— казенное угодье
Квандэ	— бродячий актер
Кванмо дап	— чиновный надел в Силла
Кванноби	— казенный ноби
Кванчхальса	— см. камса
Квоннон	— поощрение земледелия
Ке	— общество взаимопомощи; ремесленный цех
Кебан	— преступное сообщество, незаконная сделка (с чиновниками)
Кёль	— мера земельной площади (величина непостоянная); единица измерения урожая («воз»)
Кёльбу	— система измерения земли и урожая
Кёльми	— зерновой налог с земли
Кёльтуджон	— денежная надбавка к налогу с земли
Кёльчон	— денежный налог с земли
Кён	— мера земельной площади (величина непостоянная)
Кёнгонджан	— столичный ремесленник
Кёнджуин	— чиновник, представлявший в столице интересы провинциальных властей
Кёнсисо	— Столичное торговое ведомство
Кёнчхагван	— чиновник-ревизор
Кёнъёнчхон	— учреждение, занимавшееся личным образованием вана
Ки	— материальное начало в философии
Кобуксон	— «корабль-черепаха»
Когон	— батрак
Коджин	— большая крепость
Комёль	— чиновник-ревизор
Комуног	— музыкальный инструмент
Кон	— торговое объединение; высший аристократический титул («князь»)
Конбу	— Ведомство общественных работ
Конджан	— ремесленник
Конджанбу	— Управление казенного ремесла в Силла
Конджо	— Палата общественных работ
Конджон	— казенная земля
Конджу	— титул дочери вана
Конмун чохва, чохва	— бумажные деньги
Конин	— откупщик
Консари	— посев на суходольном поле
Консинджон	— надел «заслуженного сановника»
Конхэджон	— земля государственных учреждений

Конымджонси	— наградная земля
Косоган	— вождь племени, «правитель»
Кочхуга	— аристократический титул в Когурё
Кубунджон	— пенсионный надел
Кугёк	— государственная повинность
Кукхак	— Государственная школа
Кукчагам	— Ведомство конфуцианского образования и высшее учебное заведение в Корё
Кун, гун	— «князь»; округ; уезд; армия
Кунбанджон, кунджантхо	— дворцовая земля
Кунбён	— воин-лучник
Кунван	— см. ван
Кунвонджон	— дворцовая земля
Кунги	— военное повествование
Кунгигам	— Ведомство вооружения в Корё
Кунгиси	— Оружейное управление
Кунгук кимучо	— Высший военный совет (1894 г.)
Кунджа	— военный провиант
Кунджантхо	— см. кунбанджон
Кунджок	— воинский реестр
Кунджон	— военный надел
Кунджу	— правитель округа, уезда
Кундо	— «банда разбойников» (прозвище повстанцев в официальных бумагах)
Кунёк	— военная повинность
Кунмун, онмун, хангыль	— корейская национальная письменность
Кунпхо, капхо	— военный налог холстом
Кунсу	— правитель уезда
Кыкпён	— воин рукопашного боя
Кымдже	— запрет
Кын	— мера веса (около 600 г)
Кыпчон тогам	— Управление по распределению земли
Кыру кар	— вспашка по стерне
Кэкчу	— владелец постоянного двора; крупный купец
Кэхва ундон	— движение за реформы
Кюджангак	— придворная библиотека
Ли	— мера длины (около 0,4 км); деревня; мелкая лавка; идеальное начало в философии
Манни	— погоня за «нечестной выгодой»
Манниджи	— командующий войсками в Когурё
Манхо	— местный военачальник
Марипкан, нухаи	— титул правителя в Силла
Мё (кит. му)	— мера земельной площади ($1/16$ га)
Мён	— волость; край
Мёндо	— ножевидная монета
Мин	— см. кван
Минджон	— «народная (частновладельческая) земля»
Минхо	— крестьянин-общинник («крестьянский двор»)
Мок	— область; уезд
Мокса	— правитель мок (см.)
Морянми	— налог рисом
Мосоккван	— чиновник, реквизирующий зерно у населения
Мубан, собан	— военная бюрократия
Мудан	— шаманка
Мульчу	— собственник средств, вложенных в предприятие
Мульсари	— посев на орошаемой земле
Мун, чон	— медная монета
Мунбан	— Гражданская бюрократия
Муннихва	— вид живописи (живопись поэтов)
Мунхабу	— высший правительственный орган в Корё
Мупхо	— налог тканью с мудан (см.)
Муседжи	— необлагаемая налогом земля
Мучхон	— празднество поклонения Небу
Нам	— аристократический титул в Корё
Намбу, чонбу	— округ в Когурё
Намин	— член феодальной «партии» южан

Нанджон	— нарушение торговой монополии
Нобён	— воин-арбалетчик
Ноби, нобок	— раб; крепостной
Нобок	— см. ноби
Ногып, кваллэджон	— чиновный надел (жалованье)
Нодан	— отряд арбалетчиков
Нодон	— юный невольник
Ноккваджон	— земельное жалованье
Нонджан	— имение
Норон	— феодальная «партия стариков»
Нугакчон	— Палата водяных часов
Нухан	— см. марипкан
Нэпоп чвапхён	— чиновный ранг в Пэкче
Нэбу	— округ в Когурё; дворцовое управление в Пэкче
Нэджанджон	— владение вана
Нэду чвапхён	— чиновный ранг в Пэкче
Нэпхён	— столичный округ в Когурё
Нэса мунхасон	— Ведомство по делам правительственных учреждений
Нэсип чвапхён	— чиновный ранг в Пэкче
Нэсирён дап	— земля дворцового ведомства в Силла
Нэсон	— Совет по дворцовым делам в Силла
Нэсуса	— Ведомство дворцового имущества
Нэсусаджон	— земли Ведомства дворцового имущества
Ога чактхон	— система пятидворок
Одупхум	— разряд аристократии в Силла («пятиглавая степень»)
Оса	— тайный ревизор
Осибильчо	— скороспелый сорт риса
Падук	— корейские шашки
Пакса	— ученая степень («доктор»)
Пан	— округ в Пэкче; село; большая лавка
Паннап	— незаконный сбор зернового налога деньгами
Пёльгон	— чрезвычайная подать
Пёльсаджон	— особо пожалованная земля
Пёльсиви	— охранный отряд
Пёнбу	— Военное ведомство в Силла и Корё
Пёнгван чвапхён	— чиновный ранг в Пэкче
Пёнджак	— аренда-испольщина
Пёнджо	— Военная палата
Пёнма тотхонса	— командующий войсками
Пёнма чольтоса	— см. пёнса
Пёнмаса	— командующий местными войсками
Пёнса, пёнма чольтоса	— командующий местными войсками
Пибёнса	— Ведомство окраинных земель
Пигёк чинчхоннве	— снаряд разрывного действия
Пипха	— музыкальный инструмент
По	— мера длины (1,5 м)
Побусан	— странствующий торговец
Поин	— см. понджок
Понджок, поин	— военнообязанный (в резерве)
Пу, бу	— ведомство; уезд; община в Силла; единица измерения урожая («ноша»); секция невода
Пубён	— система военной повинности
Пувонсу	— военачальник
Пугин	— член феодальной «партии» северян
Пугок	— поселение людей «подлого» сословия
Пуёк	— трудовая повинность
Пукпу, хубу	— округ в Когурё
Пукпхёнгван	— подворье в Сеуле для приезжающих чжурчженей
Пукхак	— «учение с севера»
Пуса, тохо буса	— начальник округа
Пусан тэго	— богатый купец
Пуюн	— начальник крупного уезда
Пха	— единица измерения урожая («пучок»)
Пхаджинчхан	— чиновный ранг в Силла
Пхансори	— песенный сказ (вид драматического представления)
Пхён	— мера земельной площади (3,31 кв. м)
Пхёнджа	— аристократический титул в Когурё

Пхёнмин	— простолюдин
Пхиль	— единица измерения ткани (около 20 м)
Пхо	— ячейка последователей тонхак (см.); морская крепость; лопатовидная монета
Пходжа	— лавка
Пходжин	— порт
Пхосу	— «войска огневого боя»
Пхум	— ранг
Пхумгван	— сановник
Пхумджу	— Ведомство общих дел в Силла
Пхэджа	— аристократический титул в Когурё
Пхэсоль	— новелла
Пэк	— аристократический титул в Корё
Пэкчон	— мясник (категория «подлого» сословия)
Са	— волость
Сархэ	— вождь племени
Саганвон	— Канцелярия официальных предостережений
Сагон	— матрос; лодочник
Сагун	— четыре округа на северо-западе Кореи, основанные в XV в.
Саджа	— аристократический титул в Когурё
Саджон	— частная земля; монастырская земля; дарственная земля
Саджонбу	— Палата контроля в Силла
Садупхум	— разряд аристократии в Силла («четырёхглавая степень»)
Садэ	— вассалитет («служение старшему»)
Садэджуый	— преклонение перед великой страной
Сальсу	— «войска рукопашного боя»
Самасо	— объединение местных феодалов и конфуцианских ученых
Самбёльчхо	— три особых корпуса в Корё
Самгун чинмусо, Самгун ыйхынбу	— Управление войсками
Самгун ыйхынбу	— см. Самгун чинмусо
Самно	— старейшина деревенской общины
Самса	— Ведомство финансов в Корё; общее наименование трех канцелярий: Саганвон (см.), Сахонбу (см.), Хонмунгван (см.)
Самсубён	— три рода войск: сальсу (см.), сасу (см.), пхосу (см.)
Самсуми	— зерновой налог на содержание самсубён (см.)
Санга	— аристократический титул в Когурё
Сандэдын	— первый министр в Силла
Саноби	— частновладельческий ноби (см.)
Санпхёнчхан	— Управление по скупке и продаже зерна (склад)
Сансо тосон	— Ведомство по делам чиновников
Сансури	— система заложничества
Саныйвон, Саныйрём	— Управление по изготовлению одежды
Саныйрём	— см. Саныйвон
Саонвон	— Продовольственное ведомство (дворцовое)
Сапхёнбу	— Ведомство финансов
Сапхэ	— жалованная грамота
Сарим	— ученые-конфуцианцы
Сархэ	— вождь племени
Сасан	— частный купец
Сасу	— воин-лучник
Сахонбу	— Управление надзора за соблюдением законов
Сачхон	— частновладельческий чхонин (см.)
Сачхонван	— дух-покровитель государства»
Сазк совон	— конфуцианский «храм славы» с названием, присвоенным ваном
Се	— налог
Сесами	— рис, поставляемый на Цусиму
Си	— правительственная канцелярия
Сигып	— округ, переданный «в кормление»
Сиджо	— жанр корейской поэзии
Сиджон	— рыночное управление в Силла, торговое заведение, связанное с казной
Сиксильбон	— кормовое владение
Силлабан	— силлаское поселение в Китае

Симванбу	— Управление пограничными с Корё землями Северо-Восточного Китая
Сингон	— оброк с ноби (см.)
Сингунви	— воинское подразделение из земляков основателя династии Ли
Синджи	— см. чинджи
Синси	— современная поэзия («новый стих»)
Синсосоль	— современная проза («новая повесть»)
Синян ёкчхон	— янъин (см.), несущий повинности «подлого» сословия
Сирхак	— идейное течение «реальные науки»
Со	— община людей «подлого» сословия
Собан	— см. мубан
Собу, убу	— округ в Когурё
Совоп	— конфуцианский «храм славы»; писарь
Согам	— военачальник
Согён	— малая столица
Содан	— отряд столичных войск; местная конфуцианская школа
Содо	— см. Сото
Соин	— член феодальной западной «партии»
Сок, сом	— мера объёма (180 л); единица измерения урожая («сноп»)
Соктхубён	— катапультист
Сом	— см. сок
Сонбу	— Палата корабельных дел в Силла
Сонголь	— высший разряд аристократии в Силла («священная кость»)
Сонгонгам	— Строительное управление
Сонгюнгван	— Управление конфуцианского образования и высшая школа (с XV в.)
Сонджу	— начальник крепости
Сонин	— аристократический титул в Когурё
Сооль	— побочный сын янбана (см.)
Сори	— мелкий чиновник в канцелярии
Сорон	— феодальная «партия молодых»
Сосоль	— повесть
Сосу	— начальник уезда в Силла
Сото	— место, где совершались жертвоприношения у племен махан
Сохак	— католичество
Сохам	— музыкальный инструмент
Ссансон чхонгванбу	— Управление двух крепостей
Ссанъин	— см. янъин
Сугун	— флот
Сугун манхо	— начальник морской крепости
Сугун чольтоса	— см. суса
Сугун чхонджольджеса	— командующий морскими силами нескольких приморских крепостей
Сунчхальса	— командующий войсками провинции
Сурён	— начальник уезда
Суса, сугун чольтоса	— командующий флотом провинции
Сын	— аристократический титул в Когурё; мера веса, $\frac{1}{100}$ сок
Сынбу	— Ведомство сухопутных перевозок в Силла
Сынджонвон	— канцелярия вана
Тальсоль	— аристократический титул в Пэкче
Тамно, тара	— округ
Танбэкчон	— разновидность медной монеты
Тара	— см. тамно
То	— см. до
Тобёнмаса	— Высший государственный совет в Корё
Товонсу	— высшее воинское звание
Тога, того, того чуин	— монополист в торговле
Того	— см. тога
Того чуин	— см. тога
Тоджан	— управляющий
Тоджольджеса	— см. камса
Тодок	— наместник; начальник округа в Силла
Тодокпу	— наместничество; округ; провинция
Токсо чхульсинква	— экзамены на чин в Силла

Токсоль	— чиновный ранг в Пэкче
Токтэ	— горнопромышленник
Тон	— деревня
Тонбу	— округ в Когурё
Тонъин	— член феодальной восточной «партии»
Тонмэн	— народное собрание в Когурё
Тоннёнбу	— Управление по обеспечению спокойствия на Востоке
Тонпхёнган	— подворье в Сеуле для приезжающих японцев
Тонсиджон	— Ведомство управления рынком в Силла
Тонхак	— «восточное учение» (религия)
Топхёныйсаса	— Государственный совет
Тосо	— государственная печать
Тохавон, Тохвасо	— академия живописи
Тохвасо	— см. Тохавон
Тохобу	— уезд
Тохо буса	— см. пуса
Точхон	— монашеский патент
Ту	— мера веса, $\frac{1}{10}$ сок
Тунджон	— земля военного поселения
Турак	— площадь, на которой можно посеять 1 ту (см.) семян
Тхведоджи	— возвратная аренда
Тхобан, хянбан	— местный янбан
Тхон	— пятидворка
Тхохо	— местный (деревенский) богат
Тхусоккун	— воин-катапультист
Тхутхак	— переход крестьян под «покровительство» феодалов
Тхэпхёнган	— подворье в Сеуле для приезжающих китайцев
Тхэсу	— начальник округа в Силла
Тхэхак	— Высшая конфуцианская школа в Когурё
Тэби	— жена вана («великая княгиня»)
Тэвонгун	— «принц-регент»
Тэгам	— полководец
Тэган тэгам	— командующий войсками в Силла
Тэгун	— «великий князь»
Тэдан	— войсковое подразделение (отряд) в Силла
Тэдонми	— налог («заменный рис»)
Тэдохобу	— уезд
Тэдохобуса	— правитель тэдохобу (см.)
Тэдэро	— главный министр в Когурё
Тэин	— аристократ в Когурё («большой человек»)
Тэро	— аристократический титул в Когурё
Тэхам	— музыкальный инструмент
Убён	— всеобщая воинская повинность
Убу	— см. собу
Унджебён	— войска для штурма крепостных стен
Унджонга	— центральная улица
Утхэ	— аристократический титул в Когурё
Уыйджон	— заместитель ёныйджон (см.) («министр правой руки»)
Халлян	— мелкие помещики и зажиточные крестьяне («досужие простолюдины»)
Хан	— квартал
Хан	— см. кан
Ханси	— поэзия на китайском языке
Хансоль	— чиновный ранг в Пэкче
Хахо	— простолюдин («низший двор»)
Хвабэк	— собрание аристократии в Силла
Хваджон	— участок подсецкого земледелия («огневое поле»)
Хванбу	— см. нэбу
Хвангок, хванджа	— зерновая ссуда («возвратное зерно»)
Хванджа	— см. хвангок
Хваран	— объединение (учебная организация) аристократической молодежи в Силла; молодой человек из аристократической семьи
Хватхонгун	— войска с огненным оружием
Хвачха	— «огневая колесница»
Хён	— уезд
Хёнбу	— Ведомство наказаний
Хёнгам, хённён	— начальник уезда

Хёнджо	— Палата наказаний
Хённён	— см. хёнгам
Хо	— податной двор
Хобу	— Подворное (финансовое) ведомство
Хобунви	— «Корпус тигриной ловкости»
Ходжан	— хозяин дома
Ходжо	— Подворная палата
Ходжок	— богатая семья; подворный список
Хомин	— богач
Хондугун	— «армия красноголовых»
Хонмунгван	— Управление по конфуцианской канонической литературе
Хопходжон	— подворный налог
Хопхэ	— именная табличка
Ху	— аристократический титул в Корё
Хубу	— см. пукпу
Хугук	— княжество
Хуллён тогам	— учебный военный корпус в Сеуле
Хунгупха	— группировка старой («заслуженной») знати
Хэннан	— торговый ряд
Хэнсан	— бродячий торговец
Хян	— община людей «подлого» сословия
Хяiban	— см. тхобан
Хянгё	— местная казенная школа
Хяnnи	— провинциальный чиновник
Хянси	— местный рынок
Хянчхаль	— разновидность иду (см.)
Хяньяк	— местный союз (объединение) конфуцианцев
Ча	— аристократический титул в Корё
Чагён муседжи	— необлагаемая налогом земля, обрабатываемая самим владельцем
Чанвон	— имение
Чангун	— полководец
Чанджок	— подворный список
Чанджон	— податной человек (совершеннолетний)
Чанси	— рынок
Чангьясо	— Ведомство литейного дела
Чапкун, чапсэккун	— прислуживающие во время обрядов
Чапсэккун	— см. чапкун
Чапчхан	— чиновный ранг в Силла
Чачхун	— см. чхачхаун
Чвабо	— аристократический титул в Когурё
Чвабу	— см. тонбу
Чвапхён	— аристократический титул в Пэкче
Чвау ибанбу	— Палата наказания чиновников в Силла
Чваыйджон	— заместитель ёныйджон (см.) («министр левой руки»)
Чеон чеджо	— Управление по строительству дамб и плотин
Чеонса	— Ведомство дамб и плотин
Чиге	— приспособление для ношения тяжестей на спине
Чикчон	— должностной надел
Чикхальчи	— дворцовая земля
Чин	— крепость
Чинван	— вожьдь союза племен
Чингван чедо	— система совмещения чиновником административных и военных обязанностей
Чинголь	— высший разряд аристократии в Силла («истинная кость»)
Чинджи, синджи	— вожьдь племен
Чиндэ	— зерновая ссуда
Чинсан	— подношение вану
Чинхюль	— вспомоществование голодающим
Чинчхонджу, чхачхонджу	— староста крестьянской общины; вожьдь завоеванной общины
Чипкан	— глава чипкансо (см.)
Чипкансо	— орган крестьянского местного самоуправления (1894)
Чипсасон	— Исполнительный совет в Силла
Чипхёнджон	— Придворная академия
Чо	— ведомство; налог
Чобу	— Ведомство финансов в Силла

Чогё	— конфуцианская ученая степень («ассистент»)
Чоджисо	— Ведомство по производству бумаги
Чоджом	— гостиница в порту
Чоджон чвапхён	— чиновный ранг в Пэкче
Чок	— разбойник
Чокчхинви	— отряд, сформированный из дальних родственников вана
Чомчхон	— ремесленная деревня
Чон	— см. мун
Чопбён	— регулярные войска
Чонбо	— мера земельной площади (0,99 га)
Чонбу	— см. намбу
Чонвон, чонджан	— имение
Чонджан	— см. чонвон
Чонджон	— крестьянский надел
Чонджу	— хозяин земли
Чондонхэн чунсосон	— Управление восточного похода
Чопмин пёнджон тогам	— Управление по упорядочению земель и населения
Чоннам	— совершеннолетний мужчина
Чоннё	— совершеннолетняя женщина
Чонсиква	— чиновный надел в Корё
Чонхо	— арендатор
Чопхо	— ткань из китайской крапивы (рам)
Чосон тхонбо	— корейские медные деньги
Чохва	— см. комун чохва
Чочхон	— длинноствольное ружье
Чойй	— аристократический титул в Когурё
Чу	— область
Чубо	— аристократический титул в Когурё
Чуджин	— Главная крепость, ставка пёнса (см.)
Чунбан	— штаб военного дворянства
Чунган кэси	— пограничный рынок на р. Амноккан
Чунджон	— надел военного поселенца
Чунсансо	— Ведомство по производству украшений
Чунчхубу	— Главное военное управление
Чунхам	— музыкальный инструмент
Чунъин	— человек из среднего сословия
Чусу	— главный вождь племени
Чхальбанса	— чиновник — надзиратель почтовых станций
Чханбу	— Палата государственных запасов в Силла
Чханга	— жанр поэзии («песенный стих»)
Чхангык	— корейская национальная опера
Чхачхаун, чачхун	— титул вождя Силла; жрец в Силла
Чхачхонджу	— см. чинчхонджу
Чходжок	— повстанец («деревенский разбойник»)
Чхок	— мера длины (0,32 м)
Чхон	— деревня
Чхонгун	— шаман, ведавший жертвоприношениями у племени махан
Чхонджа	— император («сын Неба»)
Чхонджу	— деревенский староста
Чхонджу видап	— надел деревенского старосты
Чхондогё	— религиозная секта «Учение о небесном пути»
Чхонин	— человек «подлого» сословия
Чхоп	— наложища, «побочная» жена
Чхунджави	— «Корпус преданной помощи»
Чхунмуви	— «Корпус преданной силы»
Чхунчугван	— Управление по составлению исторических трудов
Чхэхва	— штраф за нарушение владельческих прав общины
Чэсан	— высший сановник
Ыйбён	— «Армия справедливости» (народное ополчение)
Ыйгымбу	— Ведомство расследования преступлений
Ыйджонбу	— Государственный совет
Ыйхынви	— «Корпус растущей правоты»
Ыйчхан	— ссудная канцелярия (склад)
Ынбён	— серебряная бутылка
Ынгёль	— скрытые кель (см.)
Ынсоль	— чиновный ранг в Пэкче
Ып	— уезд; уездный центр

Ыпкун	— старейшина деревенской общины; удельный князь
Ыпчан	— уездный начальник
Югиджон	— шестерка крупнейших торговых домов в Сеуле
Юктупхум	— разряд аристократии в Силла («шестиглавая степень»)
Юкчин	— шесть крепостей на севере Кореи, основанные в XV в.
Юхянсо	— объединение местных янбанов
Ян	— денежная единица, 100 чон; мера веса, $\frac{1}{16}$ кын
Янбан	— привилегированное дворянское сословие, состоявшее первоначально из гражданских (мунбан) и военных (мубан) чиновников
Янмин	— см. янъин
Янъин, ссанъин, янмин	— свободный крестьянин, простолюдин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абахай, Тайцзун 239, 240
Авалокитешвара 75, 103
Агуда 128
Адамс 375
Аджаге 106
Аджва 76
Алексеев К. 369
Аллен Х. 347, 436
Амин 239
Амитабха 75
Амугань 139
Ан Гён 252
Ан Джонбок 295
Ан Джунгын 413, 427
Ан Джунсик 434
Ан Мёнгын 427
Ан Минён 331
Ан У 153
Ан Хян 166, 215
Ан Чханхо 410, 426
Ансын, Подок 84, 91
Аппенцеллер Х. Д. 347
Ариябхарма 100
Асикага 155, 185, 217
Ахай 142
- Беллонет** 324
Бисмарк О. 429
Бишоп И. 360
Блэйн 347
Ботвик 370
Браун М. Л. 347, 370, 375
Брахма 103
Бриннер 369
Брюгге Б. 311
Будда 49, 103, 150, 168
Бунклер 347
- Вакидзака** 224
Ван 314
Ван Гон 99, 105—109, 113—115, 118, 119, 161
Ван Санак 79, 101
Ван Ян-мин 288
Ванин Ю. В. 437
Ваньин 56, 77
Вашингтон Д. 432
Вебер К. И. 365, 383
Вирутхэ (Ви Кутхэ), Кудэ, Кутхэ 53, 77
Виду 61
Вильямс 325
Виман, Ман 26
Витте С. Ю. 382
Вихон 101
- Вогак 359
Вольмёнса 101
Вон Гюн 223, 224, 233, 234
Вон Хо 227
Вон Юнпхаль 399
Вонджон (Корё) 140—143, 145, 148
Вонджон (Силла) 99
Вонсон, Ким Гёнсин 97
Вонхё 78, 100, 101
Воробьев М. В. 437
Вэй Юань 328
Вэнь-ди см. Ян Цзянь
- Гао Цзун 83, 84
Гегель Г. 432
Гилмор 347
Гончаров И. А. 440
Гото Сёдзиро 342
Григорий VI 311
Гриффис В. Е. 436
Гуань Цю-цзянь 46
Гун, Кун, Тхэджо-тэван 36, 44, 45, 47
Гун Цзы-чжэнь 328
Гунсунь Ду 53
Гютцлафф К. 311
- Давелу Ш. 311
Дарвин Ч. 432
Деннет Т. 327
Денни О. 347
Джеймс С. В. 324
Дженкинс Ф. 325, 326, 440
- Е Док** 297
Евон 101
Егу 139
Еджон 126, 168
Ехын 101
- Ё см. Пуё**
Ём 156, 157, 159
Ём Геян 332
Ём Хынбан 156
Ёмсачхи 40
Ён 55
Ён Гэсомун, Кэсомун 71, 72, 81, 83, 84
Ён Джонтохо 84
Ёнам см. Пак Чивон
Ёнгю 226
Ёнджо 261, 265, 275, 285, 286, 295, 305
Ёнмэ см. О. Гёнсок
Ённак см. Квангэтхо
Ённю 71
Ёнсан 207, 213, 214
Ёнчхан 237

Енчхэ 101
Есира 233, 234

Звегинцев А. 373

Им Гансу 100
Им Геён 226
Им Сонджу, Нонмун 288
Иманиси Рю 5
Имхэ 237
Ин Дан 152
Инаба Ивакити 4, 436
Инджо 238—240, 266
Инджон 127, 129
Индра 103
Иноуэ Каору 334, 344, 361, 364
Исабу 63
Ито Хиробуми 386, 388—390, 396, 403,
405, 412, 413, 427

Кан Гамчхан 123, 124
Кан Гидон 415
Кан Джансон 208
Кан Джо 122, 123
Кан Джэхён 436
Кан Мёнгиль 295
Кан Сонвон 399
Кан Хёмун 204
Кан Хиан 252
Кан Хибо 230
Кан Хиэль 230
Кан Химэн 242, 243
Кан Хоннип 238, 239
Като Киёмаса 220—222, 228, 233, 234
Квак Чэу 223, 226, 227
Квангэтхо, Ённак, Тамдок, Хотхэ 50, 57,
62, 67
Квансу 131
Кванхэ 237—239
Кви Сок 251
Квон Бу 166, 245
Квон Гын 245
Квон Дже 249
Квон Мунхэ 244
Квон Нюль 225, 228, 229, 234
Квон Самдык 297
Квон Сечхун 226
Квон Чхольсин 313
Квон Ыйхи 401
Ке 54
Кебэк 81
Кевон 101
Кейзерлинг 369
Кеннан Д. 6
Кёхун 131
Кёнджон 113, 285
Кёнсун 96
Кёнхвон 99, 105
Кёнъён 97
Ки Джонджин (Носа) 327, 331
Ки Чхоль 152, 153
Киджа, Ци Цзы 25, 26, 438
Ким 60, 61, 66, 77
Ким Бапгён 142, 143
Ким Бёндэ 329
Ким Бёнъён см. Ким Саккат
Ким Бо 131
Ким Бусик 129, 165, 437
Ким Гаджин 412

Ким Гванджин 87, 437
Ким Генно 228
Ким Гёнсин см. Вонсон
Ким Гёнсон 136
Ким Гису 341
Ким Говон 185
Ким Гониян 221
Ким Гочхиль 78
Ким Гухэ 64
Ким Гын 200
Ким Гэнам 354, 356, 361
Ким Гэхён 304
Ким Гюджин 319
Ким Дан 242
Ким Джечхоль 332
Ким Джинсу 227
Ким Джонджик, Чомпхильджэ 213, 245
Ким Джонсо 189, 202, 203
Ким Джонхи, Чхуса 313, 330
Ким Джоохо, Косанджа 330
Ким Джосун 305
Ким Джувон 97
Ким Джунмин 230
Ким Джуухва 402
Ким Докчхан 373
Ким Донён 226
Ким Дурян 297
Ким Дэмун 101
Ким Е 437
Ким Ильдон см. Ким Мактон
Ким Ильсон 213
Ким Ингём 296
Ким Инджун 140, 141
Ким Иимун 85, 88, 102
Ким Инсу 384
Ким Ир Сен 8
Ким Ирён 165
Ким Мактон, Ким Ильдон 205
Ким Маиджун, Сопхо 296, 297
Ким Мансу 227
Ким Мён 226
Ким Мён см. Минэ
Ким Мёнвон 221, 229
Ким Мудок 64
Ким Мурёк 64
Ким Мунсун 306
Ким Мунхён 354
Ким Ноджон 64
Ким Нянсан см. Сэндок
Ким Оккюн 9, 329, 340—343, 437
Ким Поммун 98
Ким Саён 307
Ким Саккат, Ким Бёпъён, Нанго 332
Ким Сами 132
Ким Сечхун 138
Ким Сик 212
Ким Симин 227
Ким Сисып, Мэвольдан 202, 246, 247, 250,
288
Ким Сокхён 9, 87, 437
Ким Сонъиль 218
Ким Сонъюн 400
Ким Соун 304
Ким Суджан 296
Ким Сукхын 123
Ким Суман 318
Ким Сумин 401, 404
Ким Суный 242
Ким Суро 61

Ким Сучхоль 434
Ким Сэн 102
Ким Тхонджон 143
Ким Хаджип 375
Ким Хангё 7, 437
Ким Хёвон 216
Ким Хёчхоль 306
Ким Хисон 431
Ким Хонджип 329, 363, 364
Ким Хондо 297, 298
Ким Хончхан 97, 98
Ким Хунджу 401
Ким Хэ 227
Ким Чиджон 97
Ким Чханси 306, 307, 309
Ким Чхирё 134
Ким Чхониль 226, 230
Ким Чхонтхэк 296
Ким Чхунчху см. Тхэджон-Мурёль
Ким Чхуный 104
Ким Ынсо 228, 233
Ким Юджин 7
Ким Юк 249, 268
Ким Юнху 138, 139
Ким Юсин 81, 88, 99
Кимы андонские 305, 306, 320, 329
Кипхаран 101
Кихвон 99
Ко 35
Ко Гёнмён 225, 226, 230
Ко Джонху 230
Ко Енсу 72
Ко Сугван 332
Кобаякава 228
Когугвон 46, 57
Коджон (Корё) 135, 140, 141
Коджон (Ли) 320, 334, 335, 341, 344, 346,
350, 351, 354, 364—366, 376, 377, 380,
381, 383, 384, 386, 388, 389, 395, 396,
400, 408, 409, 416, 417
Кои 53, 54
Коль (Кук) 55
Кольбран 370
Ком Моджам 84
Комура Дзютаро 364
Конаха 190
Кониси Юкинага 220—222, 228, 229,
232—235
Конмин 144, 149, 152, 153, 155, 156, 157,
168
Конрой Х. 7, 437
Конфуций 56
Конъян 161, 163, 164, 170
Косанджа см. Ким Джонхо
Кохын 77, 78
Кошут Л. 432
Ку Ёнхак 433
Куам см. Хан Бэккём
Кубо Токудзо 4, 436
Кудэ см. Вигутхэ
Кун см. Гун
Кунъе 99, 105, 106, 109
Курода Киётака 334, 344
Курода Нагамаса 220, 221, 227, 228
Кутхэ см. Вигутхэ
Кынчхого 54—56, 61
Кэбл Е. М. 324
Кэро 68, 69
Кэсомун см. Ён Гэсомун

Кюджэ см. Нам Бёнчхоль
Кюдджон 98

Левин М. Г. 20

Ленин В. И. 3, 11, 269, 333, 363, 366, 383,
397, 413, 417, 418, 436, 440

Ли 59

Ли династия 5, 90, 164, 171, 174—177,
180, 182, 184, 185, 187—190, 194, 195,
197, 203, 206, 207, 217, 236, 241, 243—
245, 249, 253, 276, 349, 439

Ли Банвон см. Тхэджон

Ли Банган 171, 175

Ли Бангва см. Чонджон

Ли Бансиль 153

Ли Банъик 296

Ли Бендо 44, 45

Ли Бёнму 396

Ли Бомюн 384, 398, 401, 425

Ли Бонун 430, 431

Ли Бу 131

Ли Бунсу 228

Ли Ванъен 390, 415, 418

Ли Вонхё 355

Ли Ганнён 400, 401

Ли Гап 410, 417, 426

Ли Гахван 305, 313

Ли Гваль 238

Ли Гван 130, 131

Ли Гвансон 284

Ли Гёнха 325

Ли Гонхо 384

Ли Гюбо 165, 169

Ли Гюгён, Оджу, Соун 330

Ли Даль 227

Ли Джагём 127—129

Ли Джаён 127

Ли Джам 230

Ли Джандэ 135

Ли Джансон 227

Ли Джачхун 152

Ли Джема 429

Ли Джеччо 309

Ли Джинсан, Ханджу 331

Ли Джирин 8, 437

Ли Джисун 132

Ли Джон 253

Ли Джонам 227

Ли Джонму 185

Ли Джонъин 230

Ли Джун (XV в.) 204

Ли Джун (XX в.) 406, 407, 410

Ли Джунгён 215

Ли Джунхван 295

Ли Джынок 203

Ли Джэвон 343

Ли Догу 304

Ли Донму 313

Ли Донхви 410—412, 426

Ли Донъин 329, 342

Ли Енгу 384, 414, 415

Ли Ёнсик 418

Ли Жун-сун 228, 229

Ли И, Юльгок 209—211, 215, 216, 247,
248, 250, 288

Ли Ик, Сонхо 290, 295, 313

Ли Иль 221, 228

Ли Индхва 285

Ли Инджик 433

Ли Инён 401
Ли Иним 156, 157, 159
Ли Инмун 298
Ли Инно 169
Ли Ип 240
Ли Манджу 190
Ли Манджун 296
Ли Мёнхо 204
Ли Мёнюн 318
Ли Монхак 232
Ли Муиджин 78
Ли Наён 336, 437
Ли Окки 223, 224
Ли Онджок, Хведжэ 245
Ли Пхильдже 322
Ли Санджва 252
Ли Санджэ 406
Ли Санно 165
Ли Сансоль 406
Ли Сантхэк 103
Ли Санхэ 220, 221
Ли Сион 228
Ли Сихап 204
Ли Сизэ 204, 205
Ли Сонге 152, 153, 155, 158—161, 163, 164, 170, 171, 187, 203, 253
Ли Сочхун 376
Ли Сугван, Чибон 248, 249
Ли Сунджи 242
Ли Сунсин, Ли Чхунму 217, 220, 223—225, 231, 234, 235, 261, 430, 439
Ли Сынхун 286, 287, 305
Ли Сэк 166
Ли Хаын (Тэвонгун) 320—325, 327—329, 334, 338, 358, 364
Ли Хваджусон 332
Ли Хван, Тхвеге 215, 247, 250, 288
Ли Хеннок 434
Ли Хиджо 306
Ли Хун-чжан 335, 344, 354
Ли Хэджо 429, 433
Ли Хэн 243
Ли Цзун-чэн 232
Ли Чхок см. Сунджон
Ли Чхоль 191
Ли Чхон 242
Ли Чхонгу 261
Ли Чхунму см. Ли Сунсин
Ли Ши-минь см. Тайцзун
Ли Ши-цзи 83
Ли Ыймин 131, 132
Ли Юнгён 217
Ли Янвон 221
Лим 156, 157, 159
Лим Бёнчхан 399
Лим Ган 127
Лим Гёнми 156
Лим Гонсан 87
Лим Дже 250
Лим Ён 141, 145
Лим Ккокчон 212, 213
Лим Сахан 306
Лим Юму 141
Линдсей Х. 311
Лоу Ф. 324, 326
Лоухан см. Рухан
Лубенцов А. Г. 360
Лю Гечхун 318
Лю Джагван 206

Лю Дэчи, Ыхонгю 327—329
Лю Нинсок 376, 401, 431
Лю Ок 208
Лю Пхэнно 225, 226
Лю Сонён 220, 221, 231
Лю Сунин 226, 227
Лю Хёвон 309
Лю Хёнвон, Панге 289, 290, 295
Лютер М. 431

Майтрейя 75
Маккюн Д. 436
Ман см. Виман
Манджок 132, 133
Манджушри 103
Манъи 130, 131
Мао Вэнь-лун 239, 240
Марананда 56
Маркс К. 11, 134, 137, 257, 275, 337, 438—440
Маруяма Сигэтоси 387
Мёнджон 125, 130
Мёллендорф П. Г. 339
Мёчхон 129, 130, 166
Мин 335, 338, 342, 358, 364
Мин Гынхо 400, 401
Мин Джонсик 399
Мин Ёнхван 410
Мин Ёнчхун 304
Мин Ёнъик 340
Мин Мёнсон 334, 338, 364
Минэ, Ким Мён 98
Миру 46
Мирьк 212
Мисипа Сёэй 6, 436
Миура Горо 364
Мичхон 46, 48
Мо Хангап 332
Мобан П.-Ф. 311
Мок 55
Мокчон 122
Монтескьё Ш. 432
Море Д. 346, 370
Му 82
Мун Икчом 164
Мунджон (Корё) 114, 115, 127, 165
Мунджон (Ли) 202
Мунджу 69
Мункэ 139
Мунму 84, 85, 95, 102
Мунсон 98
Муюн Вэй 46
Муюн Хван 46
Мэвольдан см. Ким Сисып
Мэгата Танэтаро 387, 393
Мэн Сасон 243, 250

Нагамори 406, 407
Найто 229
Нам Бёнгиль, Югильджэ 329, 330
Нам Бёнчхоль, Кюджэ 329, 330
Нам Бокхын 228
Нам Геу 434
Нам Гуман 285
Нам Нё 170
Нам Чхигын 212
Намгон 83
Намдан см. Хан Вонджин
Намёнгун 325

Намнэ 26
Намуль 61
Намсан 83
Намсэн 83
Нанго см. Ким Саккат
Наполеон I 432
Наполеон III 324, 325
Нахачу 153, 188
Нельсон М. Ф. 436
Николай II 398
Ниси 366
Нитангай 216
Ницше Ф. 432
Нищенский 369
Но Джунне 242
Но Енхи 142
Но Сасин 243
Нодзу Сигэтакэ 387
Нонмун см. Им Сонджу
Носа см. Ки Джонджин
Нульджи 61, 62
Нурхаци 190, 238, 239
Нюю 46

О Гёнскон, Енмэ 327—329, 341
О Дальдже 241
О Енсок 212
О Сечхан 341
О Ханджу 303
О Юнджун 341, 352
Обириу 47
Ода Нобунага 218
Ода Сёго 5
Оджу см. Ли Гюгён
Ок Пого 101
Олни 364
Ом Сеён 355
Омива 375
Онджо 52—54
Онсын см. Хондок
Опперт Э. 325

Пак 59, 60, 66, 77
Пак Б. Д. 437
Пак Ви 160, 170
Пак Ен 252
Пак Енгё 329, 343
Пак Енгю 115
Пак Енмун 302
Пак Енхё 329, 340, 342, 343
Пак Ингван 401
Пак Инно 251
Пак Иннян 169
Пак Квангю 306
Пак Кёнсик 436
Пак Кёнхэ 309
Пак Киджон 375
Пак Кипхун 309
Пак Кюсу, Хванджэ 319, 324, 328, 329
Пак М. Н. 436
Пак Мёнджо 303
Пак Пхэннён 244
Пак Садже 226
Пак Седан, Соре 288, 289, 295, 330
Пак Сихён 9, 437
Пак Со 136
Пак Тэха 399
Пак Хёгван 331
Пак Хёккосе, Хёккосе 58, 59

Пак Хомун 203
Пак Хон 223
Пак Хонджан 233
Пак Чега, Чходжон 278, 293—295, 298, 313
Пак Чегом 131
Пак Чесан 62
Пак Чесун 389
Пак Чивон, Енам 265, 271, 276, 277, 281, 292—295, 297, 313, 327—329
Пак Чин 227
Пак Чонбин 401
Пак Чонсин 305
Пак Чунвон 305
Пак Чхольсан 241
Пак Ынсик 407, 410, 430—432
Пак Юджон 332
Пальмер А. 312
Пальмер С. Т. 436
Панге см. Лю Хёнвон
Панманнё 104
Паркер П. 312
Пён Санбёк 297
Петр Великий 432
Пирю 52, 54
Поджан 72, 83—85
Подок см. Ансын
Покотиллов Д. Д. 371, 440
Поксин 82
Полк Д. 312
Поммин 85
Понмаре 104
Понсан 48
Попхын 63
Пратт Д. У. 312
Престон 323
Пу 26
Пуё, Ё 55
Пуё Юн 82, 84, 85
Пхун 82
Пхунсок см. Со Югу
Пхэджва 133
Пэ 59
Пэ Джунсон 142
Пэ Соль 234
Пэк 55
Пэк Иджон 166
Пэк Наксин 318
Пэк Намун 87
Пэк Ынбэ 332
Пэкхо см. Юн Хю

Роджерс Д. 326
Роз П. П. 324, 325
Розен 366
Рокфеллер 437
Россов П. 403
Рузвельт Т. 7
Руссо Ж. Ж. 432
Рухан, Лоухан 61

Са 55, 296
Садахам 65
Саджин 131
Сайго Такамури 333
Сакьямуни 75, 102, 103
Самантха 103
Самёндан см. Юджон
Саритай 137, 138

Седжо, Суян 182, 202—204, 213
Седжоц 171, 177—181, 183, 189—192, 195,
201, 202, 241—244, 252, 295
Си-цзун 101
Сидэхара Тайра 5, 436
Сидэхара Хироси 387
Сиката Хироси 5, 436
Сиктан 131
Силл 358, 364
Сильсон 62
Сим Сонсон 407
Сим Ыйгём 216
Симадзу Ёсихиро 234
Симню 56
Симчхон 296, 434
Син Ви, Чаха 332
Син Гансу 226
Син Гондже 243
Син Джэхё 332
Син Дольсок 399, 401, 404
Син Ил 221
Син Мапёп 332
Син Менъён 332
Син Сукчу 204, 244
Син Чхунъиль 238
Син Чхэхо 410, 430, 432
Син Юнбок 298
Синдон 155, 156, 439
Синму, Уджин 98
Сину 156, 161, 439
Синчхан 160, 161
Синьду 143
Сиратори Куракити 4, 436
Со Бёнхак 351
Со Гванбом 329, 340, 343
Со Гёндок, Хвадам 246, 247, 288
Со Годжон 243
Со Джэпхиль 343
Со Евон 226, 230
Со Енбо 303
Со Ёситомо 218
Со Ёсицуки 218
Со Хён 252
Со Хи 122
Со Югу, Пхунсок 330
Собольгон 58
Согё см. Пак Седан
Сок 60, 66, 77
Соль 59
Соль Джынсин 204
Сольго 76
Сольчхон 77, 100
Сомаси 40
Сомов 405
Сон 59, 69, 70
Сон Бёнджун 384, 414
Сон Бёнхи 361, 384
Сон Джинмён 265, 295
Сон Ёнджон 437
Сон Мунджу 139
Сон Саммун 202, 244, 250
Сон Санхён 220
Сон Сирёль, Уам 285, 288
Сон Суман 406
Сон Ханнок 332
Сон Хваджун 354, 356, 361
Сон Чхвихэн 282
Сон Чхон 130, 131
Сонакасити 42

Сонги 27
Сонджо 215, 221, 237, 262, 267
Сонджон 122, 182, 196, 199, 213
Сонхо см. Ли Ик
Сонъян 35
Сонэ Араскэ 405, 415, 416
Сопхо см. Ким Манджун
Сосан дэса см. Хюджон
Соун см. Ли Гюгён
Спенсер Г. 432
Стивенс Д. В. 387, 413
Стюард Д. 325
Су Дин-фан 81
Сугён 332
Сугимура 353
Сукчон 268, 285
Сунджо 301, 305
Сунджон, Ли Чхок 396, 403
Сундо 49
Сунсок 212
Сунь Ят-сен 343
Сусин 98
Суэмацу Ясукадзу 436
Суян см. Седжо
Сыма Цянь 25
Сьюард В. 325
Сэйтоку 76
Сэндок, Ким Нянсан 96, 97
Сюй Го-цюнь 356
Сюй Цзин 110, 168
Сюэ Жэнь-гуй 83, 84
Сяосюаньди 58

Та Джн 135
Тайцзун, Ли Ши-минь 72, 81
Тэйцзун см. Абахай
Тамджин 76
Тамджон 68
Тамдок см. Квангэтхо
Тамхон см. Хон Дэён
Тангу 139
Тангун 25
Танджон 202, 244
Таннэ 212
Тасан см. Чон Ягён
Телль В. 432
Тимур см. Чэн-цзун
Тогон-Тэмур см. Шунь-ди
Тобтоми Хидэёси 218, 220, 222, 229, 232,
233, 235, 352
Толстой Л. 432
Тонмён см. Чумон
Тонсан 190
Тонсон 69
Тончхон 49
Торим 69
Точхим 82
Тхвеге см. Ли Хван
Тхэджо-гэван см. Гун
Тхэджоц, Ли Банвон 163, 164, 170—172,
178, 187, 189, 196, 201, 202
Тхэджон-Мурёль, Ким Чхунчху 81, 96,
97, 102
Тыгогок 101
Тэ Джоён 94
Тэ Досу 122
Тэгон 97
Тэгухвасан 101
Тэмусин 43, 44

Тэрауги Масатакэ 414, 416, 418, 427
Тягай Г. Д. 437

У Гунчхик 306, 307
У Джонгю 263
У-ди 26
У Моюн 253
У Чжао-ю 343
Уам см. Сон Сирель
Убок 57
Убон 137
Уго 26, 27
Угэдэй 136
Уджин см. Синму
Укида Хилэи 229
Унтербергер 439
Урык 79
Уяшу 127

Фань Юй 39
Ферон 311, 325
Фиш Г. 324
Франке О. 417
Франклин Б. 432
Фу Цзянь 61
Фукуда Есиносукэ 4, 436
Фукудзава Юкити 340, 342, 371
Фулк Д. 344, 347
Фуг Л. 354

Ха Хандам 297
Хагок см. Чон Джели
Хальберт Х. Б. 6, 347, 436
Хан М. 437
Хан Бэккём, Куам 249
Хан Вонджин, Намдан 288
Хан Гюсоль 388
Хан Икхан 241
Хан Мёнхве 204
Хан Сонгын 325
Хан Сун 135
Хан Юн 439
Ханабуса Ёситада 338, 339
Ханджу см. Ли Джинсан
Харрингтон Ф. 436
Харрисон 436
Хасэгава Ёсимити 396, 403, 405
Хатада Такаси 6, 436
Хаяси Тадасу 396
Хвадам см. Со Гёндок
Хван Бису 330
Хван Боин 202
Хван Джиён, Хеам 330
Хван Джин 230
Хван Джипчун 253
Хван Син 233, 236
Хван Юнгиль 218
Хванджэ см. Пак Кюсу
Хведжэ см. Ли Онджок
Хеам см. Хван Джиён
Хегон 95—97
Хечхо 100
Хёккосе см. Пак Хёккосе
Хён 55
Хён Хангын 384
Хёнджон (Корё) 115, 122, 123
Хёнджон (Ли) 276
Хёнсук 208
Хёнтхэ 100

Хёсим 132
Хиган, Черюн 98
Хо Ви 401
Хо Гюн 250, 251
Хо Гыпха 332
Хо Джок 268
Хо Джонхо 437
Хо Джун 242, 243, 295
Хо Сэн 297
Ходжа 68
Хон Бёнвон 318
Хон Бомдо 402, 404, 405, 415
Хон Бонхан 296
Хоп Гехун 353, 354, 356
Хон Гённэ 306—310
Хон Гильдон 250
Хон Дэён, Тамхон 291, 292, 295
Хон Ёнрик 329, 340, 341, 343
Хон Мансон 295
Хон Нянхо 295
Хон Хию 437
Хонджон 312
Хондок, Онсын 97
Хоримото Рёдзо 338
Хосокава 227
Хотхэ см. Квангэтхо
Хубиллай 140, 143, 144, 145, 147
Хэ 55
Хыкчки Санджи 82
Хымдоль 97
Хынбу 296
Хынвон 97
Хындок 98
Хюджон, Сосан дэса 228

Ци Цзы см. Киджа
Цой см. Чхве
Пунугаарасити 42

Чаби 60
Чан Бого 98
Чан Гукчон 437
Чан Джиён 407
Чан Доккэ 226
Чан Сигён 286
Чан Сиук 286
Чан Сыноп 434
Чан Юн 230
Чансу 67, 68
Чанхон 286
Чаха см. Син Ви
Чвагарё 47, 48
Чебоксаров Н. Н. 20
Черюн см. Хиган
Чжу Си 247, 249, 288, 289
Чжу Юань-чжан 152
Чи Гвансу 137
Чи Ёнголь 285
Чибон см. Ли Сугван
Чиджын 63
Чин 55
Чингисхан, Чингис-хан 134—136
Чингон 97
Чингук 131
Чиндок 96
Чинсон 98
Чинхын 64, 66
Чо Бёнгап 353, 354
Чо Бёнрик 350, 352, 380

Чо Вон 123
Чо Гван 129
Чо Гванджо, Чонам 214, 245
Чо Джун 158, 160, 161, 163, 164, 170, 171
Чо Дыгин 227
Чо Ён 169
Чо Ильсин 151
Чо Мансок 310
Чо Минсу 159, 160
Чо Сок 253
Чо Хви 144, 145
Чо Хоик 228
Чо Хон 223, 226
Чо Ёндо 227
Чомпхильджэ см. Ким Джонджик
Чон 59
Чон Баль 220
Чон Баный 133
Чон Бонджун (XIX в.) 353, 354, 356, 361
Чон Бонджун (XX в.) 401
Чон Бонсу 239, 240
Чон Ёгын 249
Чон Дасан см. Чон Ягён
Чон Джеду, Хагок 289
Чон Джисан 169
Чон Джунбу 130
Чон Доджон 158, 163, 164, 166, 170, 171
Чон Дувон 287
Чон Иихон 227
Чон Монджу 158, 163, 164, 166
Чон Мунбу 228
Чон Нинджи 243, 244, 249
Чон Санги 295
Чон Сею 131
Чон Соктам 437
Чон Сон 297
Чон Унсан 261
Чон Чхо 242
Чон Чхок 243
Чон Чхоль 249
Чон Чхоник 164
Чон Югён 227
Чон Ягён, Тасан, Чон Дасан 272, 273, 275, 293, 298—300, 306, 312—315, 327, 329, 331, 437, 439
Чон Якчон 305
Чонам см. Чо Гванджо
Чонбоса 78
Чонджо 263, 276, 285—287, 292, 295, 305
Чонджон, Ли Бангва 171
Чу Докки 332
Чу Себун 215
Чу Сигён 431
Чукчиран 101
Чумон, Тонмён, Чхумён, Чхумо 35, 43, 44, 52, 53, 77, 169
Чун 26
Чунджон 214, 215
Чунчхон 49
Чха Досон 404
Чхадэ 47
Чханджори 48
Чхве 135, 140, 141, 314
Чхве Вон 226
Чхве Ган 227
Чхве Гёнхве 230
Чхве Джеу 319, 321, 322, 349, 351, 354
Чхве Догу 271
Чхве Дотхон 430

Чхве Ён 153, 155, 159—161
Чхве Ёюн 307
Чхве Ихён 399, 431
Чхве Мусон 164, 241
Чхве Седжин 244
Чхве Сихён 349—351, 353, 355, 356, 360
Чхве Сокчон 283
Чхве Сондаль 297
Чхве Тхан 145
Чхве У 135—138, 142
Чхве Хан (XIII в.) 139, 140
Чхве Хан (XV в.) 244
Чхве Ханги 331
Чхве Хыньвон 221
Чхве Хэсан 241
Чхве Чха 169
Чхве Чхансик 433
Чхве Чхивон 101
Чхве Чхунмён 138
Чхве Чхунхон 132, 133, 135
Чхве Ёй 140
Чхве Ю 153, 155
Чходжон см. Пак Чега
Чхоён 225, 228
Чхольчон 316, 323
Чхоэ 59
Чхумён — см. Чумон
Чхумо — см. Чумон
Чхундамса 101
Чхуннёль 144, 147, 149
Чхунсон 149, 151
Чхунсуг 150
Чхунхе 151
Чхунхян 296, 434
Чхуса см. Ким Джонхи
Чхэ Бон 332
Чхэ Джегон 313
Чхэ Сон 332
Чэлодай 140
Чэн-цзун, Тимур 147
Чэнь Вэй-цзин 229, 232, 233, 439

Шастан Ж. О. 311
Шиллер Ф. 432
Шипаев В. И. 367, 437, 440
Шлей В. С. 326
Шунь-ди, Тогон-Тэмур 152, 153
Шэн-цзун 123

Эгельгаф Г. 418
Элжан 97
Эмбер 311
Энгельс Ф. 438, 439, 440
Эно 99

Ыйджа 80, 82
Ыйджон 130
Ыйсан 100
Ыйчхон 164, 165
Ыль Пхасо 48
Ыль Туджи 44
Ыльччи Мундок 70, 71, 78, 430
Ыхонгю см. Лю Дэчхи

Ю Бан 122
Ю Гильджун 429, 431
Юань Ши-кай 343, 344, 346, 347, 352, 354, 356, 358

Югильджэ см. Нам Бёнгиль
Юджон, Самёндан 227
Юйвэнь Шу 71
Юльгок см. Ли И
Юн Вонхён 207, 214
Юн Гван 127, 128
Юн Джип 241
Юн Джын 285
Юн Дусо 297
Юн Дусу 220
Юн Ёнги 352
Юн Сибён 384
Юн Хю, Пэкхо 288, 289
Юн Ынбо 243
Юре см. Юри
Юри 52, 59, 60

Юри, Юре 60
Юриков Х. К. 436
Ян Гитхак 406, 410
Ян Гуан, Ян-ди 70, 71
Ян Гю 123
Ян Джехэ 310
Ян-ди см. Ян Гуан
Ян Доннок 227
Ян Манчхун 72
Ян Сансу 226, 230
Ян Сонджи 243
Ян Фан-хэн 232, 233
Ян Хонсу 325
Ян Цзянь, Вэнь-ди 70
Янгиль 99
Янджи 102

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аджу см. Асан
Азия 3, 5—7, 10, 15, 68, 86, 100, 136, 144,
164, 236, 322, 326, 327, 370, 397, 417,
436
Алмазные горы см. Кымгансан
Америка 15, 42, 395
Америка см. США
Амноккан, Большая река, Тэсв, Ялу 29,
34, 35, 44, 71, 73, 83, 84, 109, 121—
125, 128, 134, 135, 152, 153, 155, 159,
160, 188—190, 216, 228, 239, 266, 369,
370, 383, 425
Амур 188
Анак 74, 276, 284, 356
Анбён 64, 159, 222, 262, 274
Анбук см. Анджу
Англия 257, 311, 312, 322, 324, 328, 329,
333—335, 340, 341, 347, 363, 365, 366,
369—371, 375, 378, 381—383, 386, 394,
408, 417
Ангольпхо 224
Анджу, Анбук 109, 121, 122, 131, 137, 239,
268, 298, 303, 308, 359, 415
Андон 227, 376, 399
Андонский (Андуньский) округ 85
Аннап, Лолан 27, 29, 30, 32, 33, 36, 38—40,
46, 57, 67
Анси см. Кайпин
Ансон (провинция Кёнги) 285, 356
Ансон (провинция Канвон) 356
Ансу см. Кэчхон
Аный 122
Анюнджин 122
Асан, Аджу 131, 356
Асанская бухта 325, 326, 358
Африка 3, 322
Аютя 184
- Балканский п-ов 4, 440
Большая река см. Амноккан
Бохай, Пархэ, Чжэнь 86, 94
- Вангён см. Кёнджу
Вангомсон см. Пхеньян
Вандо 98
Вансанджу см. Чонджу
Вансян см. Пхеньян
Ванхомсон см. Пхеньян
Великое море см. Желтое море
Вивон 190
Вире 52—54
Вихвадо 160
Владивосток 384, 398
- Вольмидо 338
Вольчхульсан 284
Вонджу, Пугвон 91, 99, 134, 157, 399, 400
Вонсан, Гензан 264, 323, 336, 337, 345,
346, 350, 359, 360, 365—367, 369, 377,
386, 415
Восточное море см. Японское море
Вьетнам 342
Вэ см. Япония
Вэй 33, 41, 45, 46
- Гаага 395, 396, 417
Гавайские острова 376
Ганьсу 334
Гензан см. Вонсан
Германия 252, 335, 363, 366, 370, 374
Гирин, Улы 266
Гирин, провинция 23
Гоби 134
Гонконг 370
- Дайфан, Тэбан 30, 33, 39, 40, 46, 53, 55,
57, 67, 85
Дальний Восток 7, 15, 238, 310, 312, 317,
322, 323, 326, 333, 334, 347, 349, 363,
366, 370, 376, 382, 384, 398, 401, 413,
426, 439, 440
Джунгария 334
Динхай 93
Динцунь 16
Древний Чосон, Чаосянь, Чосон 8, 21,
22, 25—28, 30, 36, 58, 437, 438
Дунчжэнь 134, 135, 145
Дуньхуан 100
Дэнчжоу 93, 112
- Еан 227
Европа 136, 165, 261, 287, 291, 312, 322,
335, 341, 366, 371, 395, 440
Египет 342
Есанни 331
Етоумэй, Ятумэ 31
- Ёджу 131, 227, 284, 356
Ёдон см. Ляодун (крепость)
Ёён 190
Ёмпхо 186, 217
Ёнам, город 217
Ёнам, деревня 292
Ёнампхо 415
Ёнан 185, 227, 415
Ёнан см. Хамгён
Ёнволь 262
Ёнган 74, 241, 306

Енгван 282
Енголь 240
Енджин 350
Енджондо 325
Енджу 106, 128
Ендон 221
Ендынпхо 224
Ениль 133
Енин, Чхоинсон 138, 139, 221, 225
Еннам см. Кёнсан
Енпхён 293
Енпхёндо 274
Енсап 206, 227, 319, 373, 435
Енхын, Хваджу 109, 145, 222, 228
Енхындо 143
Енхэ 322
Енчхон 212, 220, 240, 308, 309, 376
Енъю, Сонсу 109
Енъян 399
Есан 130, 131, 206
Есоннен 228
Есу 223, 224
Еян см. Ляоян

Желтое море, Великое море 53
Жэхэ 323

Ики 146
Иксан, Кыммаджо 84, 91, 319
Имджинган, Пхэха 53, 67, 99, 221, 229
Имджон см. Тэхын
Имдун см. Линьтун
Имсилъ 206
Имчхон 232
Инджу 153
Индия 100, 103
Индокитай, полуостров 24
Индон 286, 400
Инкоу 317
Инчхон, Чемульпхо 320, 336, 338, 343,
345—347, 349, 350, 352—354, 359, 361,
366—370, 373, 374, 376, 378, 379, 383,
395, 408
Иран 100
Италия 335, 363, 432
Ичхон 130, 212, 236, 284, 386
Иып 361

Иечхон, Кянн 133, 212, 349

Кадокто 223—225, 234
Кайпин, Анси 72, 84
Калифорния 312
Канвон, Квандон 30, 39, 159, 174, 183,
200, 202, 205, 212, 227, 258, 262, 263,
277, 279, 280, 292, 302, 312, 322, 329,
346, 349, 352, 353, 356, 369, 372, 376,
378, 399—401, 403, 411, 415, 425
Канге 159, 189, 301, 349
Канджин 235, 253, 300, 313
Канджу см. Чинджу
Кандо см. Цзяньдао
Кандон 135
Каннын, Мёнджу, Хасоджу, уезд 90, 133,
157
Каннын, провинция 150
Кансо 74, 75
Канхва, бухта 334
Канхва, город 324, 325

Канхва, залив 143
Канхва, уезд 268
Канхвадо 138—142, 155, 228, 239, 240,
262, 302, 320, 323—326, 334, 335, 371,
400, 411
Капсан 189, 190, 265, 378, 402, 411
Капхён 32
Касан 131, 306—309
Кашгария 334
Кашмир 100
Каясан 130
Кваксан 239, 303, 306, 309
Квакчу 122, 123
Кванаксан 136, 137
Кванджу, Пэкче, Ханджу, Хансанджу,
Хансон (провинция Кёнги) 53, 54,
68, 90, 240, 290, 319, 356, 359, 397,
415
Кванджу, Муджинджу, Муджу (провин-
ция Чолла) 90, 99, 225, 230, 271, 286,
302, 392
Кванджу, Чхонджу (провинция Чхун-
чхон) 90, 136, 137, 329
Квандоп см. Канвон
Квансан см. Окчхон
Квансо см. Пхёнан
Квансонджин 326
Кванъян 322, 349
Квихва 122
Кёджу 107, 130, 131, 145
Кёдон 268, 276
Кёнвон 188, 189, 216, 266, 267, 293
Кёнги 32, 39, 64, 68, 107, 126, 131, 138, 139,
161, 174, 183, 191, 197, 202, 211, 212,
214, 225, 227, 228, 236, 242, 265, 276,
277, 279, 280, 284, 286, 293, 301, 302,
311, 313, 319, 322, 349, 356, 360, 378,
386, 400, 401, 411, 415, 418, 425
Кёнджу, Вангён, Кымсон, Тонгён 60, 62,
74, 76, 91, 102, 109, 117, 133, 141, 220,
227, 229, 392
Кённэрян 224
Кёнсан, Еннам 32, 64, 107, 116, 130—133,
142, 143, 150, 155, 157, 174, 183, 185,
191, 193, 197, 203, 212, 214, 215, 222—
227, 230, 233, 234, 236, 259, 265, 268,
279—281, 284, 286, 300—302, 305, 314,
316, 318, 319, 321, 322, 342, 346, 349,
350, 353, 355, 360, 372, 376—378, 394,
399—401, 415, 418
Кёнсон 188, 189, 205, 228, 360
Кёнхын 189, 323, 369, 402
Кибольпхо 81
Кильчу 128, 204, 205, 228
Кимсу 377
Кимхва 227
Кимхэ, Кымгван, Кымджу 32, 40, 91, 112,
142, 299, 377, 400
Китай 5, 16, 26—28, 34, 38, 39, 44—46, 49,
56, 57, 64, 67, 68, 70—73, 79, 91, 93,
98, 100, 101, 103, 106, 111, 112, 121,
127, 128, 134, 136, 138, 140, 144, 146—
148, 152, 153, 155, 159, 164, 165, 167,
169, 180, 185—187, 190, 193—195, 215,
218, 220, 222, 229, 231—236, 239—241,
244, 248, 254, 259—261, 266—268, 274,
285, 287, 288, 291—295, 297, 305, 306,
308, 310—314, 317, 320, 322—328, 333,
334, 337—347, 356, 358, 363, 366, 367,

376, 377, 380, 382—384, 392, 398, 401,
402, 410, 426, 430, 431, 440
Китайское море 15
Кихо 263
Киян см. Йечхон
КНДР (Корейская Народно-Демократи-
ческая Республика) 8, 9, 23, 27, 87,
275, 281, 306, 359, 396
КНР (Китайская Народная Республика)
67
Кобу 353, 354, 378
Когунсандо 311, 312
Когурё 9, 33, 35—38, 42—50, 52, 56—58,
60, 62—65, 67—72, 74, 75, 77—87, 90,
94, 99, 106, 109, 122
Когымдо 235
Кодже 143
Коджедо 143, 223—225, 233, 234
Коксан, Кокчу 75, 130, 305, 306, 313, 400
Кокчу см. Коксан
Кольманпхо 223
Комундо 341, 347
Конджу, Унджин, Унджу, Упчхонджу 69,
74, 81, 82, 85, 90, 97, 130, 206, 238,
319, 360, 361, 380
Корандо 143
Корейский полуостров 4, 15, 17, 23, 25,
28, 30, 31, 32, 38, 40, 42, 49, 50, 58—60,
64, 67, 73, 76, 78, 80, 83—86, 94, 99,
106, 121, 138, 145, 422, 423, 427, 438
Корейский пролив 224, 231
Корё — 99, 105—119, 121—153, 155—160,
164—170, 172, 183, 186, 188, 189, 196,
243, 245, 251, 253, 254, 438, 439
Корён 61, 223, 227, 400
Корхва 66
Косан 354
Косон 223, 224, 235, 322, 349
Кохинхина 324
Кохо 58
Кочхан 226, 229, 318
Коян 228
Кувольсан 212
Кугвон 97
Куджу см. Кусон
Кульхо 16, 32
Куманпхо 325
Кумипхо 227
Кунви 227
Кунмо 84
Куннэсон 44, 46, 73
Кунсан 18, 20, 368, 383
Куре 298, 304
Кусон, Куджу 122—124, 134, 136, 137, 139,
306
Кымган, Пэжкан 69, 73, 81, 82
Кымгансан, Алмазные горы 168, 227, 297
Кымган см. Кимхэ
Кымгу 354
Кымджу см. Кпмхэ
Кыммаджо см. Иксан
Кымо 234, 250
Кымпхо 212, 286
Кымсан 225, 226, 284
Кымсан см. Кымчхон
Кымсон см. Кёнджу
Кымхёнсон 64
Кымчхон, Кымсан, Кымян 228, 242, 292,
313, 319

Кымян см. Кымчхон
Кэгён см. Кэсон
Кэрён 220, 318
Кэсон, Кэгён, Сонак, Сондо 99, 106, 107,
111, 112, 120, 122—124, 129—135, 138,
139, 141, 143, 144, 148, 153, 166, 168,
169, 174, 195, 212, 221, 222, 228, 245,
259, 264, 267, 268, 273, 274, 301—304,
306, 352, 368, 374
Кэчхон, Ансу 109, 131, 302, 377
Кюсю 93, 146, 185, 218, 220

Лаочэн, Хэтуала 238
Линси 20
Линьтун, Имдун 27, 30, 36
Лолан, см. Аннан
Лондон 436
Ляо 121, 122
Ляодун, Едон, крепость 70—72
Ляодун, округ 36, 44—46, 53, 67, 71
Ляодун, полуостров 27, 72, 83, 85, 94,
145, 159, 188, 231, 238, 239, 363, 364
Ляонин 23
Ляоси 27, 70, 239
Ляохэ 26, 27, 45, 67, 68, 70, 72, 121
Ляоян, Еян 151

Магаён 168
Маджапахит 184
Маджил см. Тхэбон
Макао 311
Малайский архипелаг 15
Малая река см. Тунцзя
Манбонхап 26
Маннён 205
Маньчжурия 5, 17, 22, 24, 28, 32, 188, 238,
311, 312, 320, 349, 365, 366, 382, 417,
425—427
Марьянджин 311
Масан, гора 136, 137
Масан, Хапхо, город 143, 146, 223, 317,
366, 383
Мауллён 64
Мексика 312
Мёнджу см. Каннын, уезд
Мённян 235
Мёнхаксо см. Чхунсун
Мёнчхон 292
Мёхянсан 131, 228
Мильсон см. Мирян
Минчжоу 112
Мирьксан 130
Мирян, Мильсон 132, 143, 220
Мисиль 66
Мичхухоль 52
Мокпхо 368, 369, 378, 379, 392, 394
Мокчхон 356
Монголия 20, 24, 29, 135, 136, 138—141,
152, 258, 417
Монгымпхо 311
Моранбон 68
Морянбу см. Чомнянбу
Москва 365
Муан 354
Муджинджу см. Кванджу
Муджиндэ 302
Муджу см. Кванджу
Мунгён 220, 229, 322
Муный 319, 356

Мусан 189, 320, 402
 Мучхан 190
 Мушунь 35
 Мэнджу см. Мэнсан
 Мэнсан, Мэнджу 122

Нагасаки 326, 347
 Наджон 58
 Наджу 105, 123, 226, 285, 377, 399
 Накаяма, Чунсан 184
 Нактонган 17, 58, 60—62, 64, 73, 220, 227, 234
 Намбу, Чонбу 48
 Намвон 91, 226, 234, 260, 284, 355
 Намган 230
 Намгён см. Янджу
 Нампхо 392, 399
 Намхан 240
 Намхансан, Хансан 54, 56
 Намхэ 143, 235, 400
 Намхэдо 224
 Намян, Тансонпхо, Танхан 80, 93, 323, 415
 Нанджадо 266
 Нанчхон 349
 Напчхон 303
 Нара 75, 76, 89
 Нёнбукчин 189
 Нинъань, Ниньгута 266
 Ниньгута см. Нинъань
 Ниньоань 239
 Ноктундо 217
 Нонами 73
 Нонсан 360, 361
 Норянджин 224, 235
 Нунань 34
 Нынхан 239
 Нэбу, Хванбу 48
 Нэпхо, Чепхо 185, 186, 217

Окпхо 223
 Окчхон, Квансан 70, 223, 226
 Онджин, полуостров 112
 Онджин, уезд 191, 415
 Онсон 216, 322
 Онсу 140
 Онян 284
 Осака 366, 374
 Осанни 32
 Осиновка 16
 Охотское море 15

Пакчхон 131, 306—309, 415
 Памир 100
 Париж 324
 Пархэ см. Бохай
 Пекин 70, 144—147, 150, 152, 153, 187, 229, 286, 311, 312, 323, 324, 326, 346, 352, 440
 Персия 440
 Петербург 323, 365, 371
 Пёктон 189
 Пёнсан 284
 Пиан 227
 Пиин 181, 185
 Пирю 35
 Поджу см. Ыйджу
 Польша 252
 Помыйкусок 30, 32

Понсан 109, 122, 227, 236, 304
 Понпхибу 59
 Понхва 376
 Порён 399
 Порт-Артур 383, 413
 Посьет 398
 Потхонган 68
 Поын 262, 351—353
 Приамурский край 425, 426
 Приморский край, Приморье 15, 16, 18, 323, 376, 415, 425, 426
 Пуан 289, 319
 Пугвон см. Вонджу
 Пуджо 37
 Пуё, крепость 71, 83
 Пукпу, Хубу 48
 Пукхансан 64, 66
 Пукхансон 54, 57
 Пукчхон 153, 205, 265, 305, 397, 402
 Пурён, Сонмак 189, 323
 Пусан 17, 185, 186, 217, 218, 220, 224, 225, 229, 231, 232, 267, 320, 335—337, 345, 347, 349, 350, 359, 365—367, 369, 373, 374, 376, 392, 395
 Пхаджу 229
 Пхальгальсан 260
 Пхари 66
 Пхенъян, Вангомсон, Вансян, Ванхомсон, Согён 17, 26, 27, 30, 46, 57, 67, 68, 70, 71, 73, 83, 85, 109, 111, 117, 120, 122—124, 129—131, 135, 137, 145, 153, 165, 212, 221, 222, 227—229, 239, 253, 264, 267, 268, 273, 285, 306, 323, 324, 346, 359, 360, 368, 373, 374, 377, 380, 383, 386, 392, 397, 403, 410, 415, 435
 Пхенан, Квансо 18, 30, 73, 172, 174, 183, 185, 189, 190, 196, 202, 205, 212, 226, 227, 238, 259, 262, 265, 268, 271, 272, 280, 282, 285, 302—310, 328, 346, 349, 352, 353, 355, 371, 375, 377, 378, 385, 401, 410, 415, 418, 425
 Пхёнган 130
 Пхёнсан 239, 415
 Пхёнтхэк 207
 Пхёнчхан 157
 Пхёнчхон 376
 Пхёнъян 98
 Пхильджок 325
 Пхочхон 284
 Пхунги 215, 376
 Пхундок 268
 Пхунхэ см. Хванхэ, провинция
 Пхунчхон 322
 Пхэган см. Тэдонган
 Пхэйшуй см. Пхэсу
 Пхэсу, Пхэйшуй 26, 27
 Пхэха см. Имджинган
 Пэккан см. Кымган
 Пэкпинсан 84
 Пэксан 354, 355, 378
 Пэктусан 145, 295
 Пэкун 215
 Пэкче, город см. Кванджу (провинция Кёнги)
 Пэкче, государство 9, 33, 39, 42, 46, 50, 52—58, 60—62, 64, 65, 67—70, 72—75, 77, 78, 80—87, 109
 Пэкчхон 227, 228

Пэнхуледао 363
Пэчхон, Чхиян 57

Рим 435

Россия 3, 4, 252, 323, 333—335, 344, 347,
349, 351, 363—367, 369—371, 382—
386, 388, 397—399, 401, 402, 407, 410,
416, 417, 425, 426, 440
Рюкю 184, 333

Саби 69, 82

Сабольджу см. Санджу

Саджу см. Сочхон

Сакчу 307

Сакчу см. Чхунчхон, уезд

Сальсу см. Чхончхонган

Самга 223, 226

Самдын 285

Самко 354

Самнам 259

Самсу 265, 360, 402

Самчхок 68, 133

Самянджу см. Япсан

Санджу, Сабольджу 90, 97, 99, 106, 140,
220—222, 284, 318

Санмокто 155

Сарянбу 59

Сахалин 15, 334

Сачхон 230, 234, 235

Саядо см. Соядо

Северный край 107

Северо-Восточный край 107, 133, 150, 172

Северо-Западный край 107, 131, 172

Сеул, Хансон, Ханян 17, 53, 54, 68, 171,
174, 194, 203, 204, 210, 212, 214, 218,
221, 223, 225, 228, 229, 231, 236, 238,
240, 242, 245, 253, 259, 260, 264, 267,
268, 270, 271, 273, 279, 284, 285, 289,
293, 298, 301, 302, 304, 306—308, 310,
313, 317, 318, 320, 325, 329, 336, 338—
340, 342, 343, 346—352, 354, 358—361,
365, 366, 368—371, 373—381, 385,
387—389, 392, 395, 396, 399, 401, 406—
409, 411, 413—416, 418, 433, 435, 440

Сиама см. Таиланд

Сианьпин 45, 46, 67

Сибирь 24, 134, 312, 323, 440

Силла 4, 5, 9, 33, 42, 56, 58—67, 69, 70,
72—90, 92—107, 109, 114—116, 125,
166, 168, 244, 436

Сильджик 63

Симян см. Шэньян

Синге 212

Синнен 220

Синсон 71, 83

Синчхон 284, 298, 356

Синьцзин 35

Сирия 100

Собу, Убу 48

Собури 85

Совипхо 240

Совон см. Чхонджу

Согён см. Пхеньян

Сонак см. Кэсон

Сонаксан 168

Сонджин 306, 368

Сонджу см. Сончхон (провинция Кён-
сан)

Сонджу см. Сончхон (провинция Пхён-
нан)

Сонджу см. Тогвон

Сондо см. Кэсон

Сондольмок 325

Сонмак см. Пурён

Соннимдон 308, 309

Соно см. Енно

Сосан 229, 318, 400

Сонсу см. Енью

Сончхон, Сонджу (провинция Кёнсан)
130, 220, 221, 226, 229, 236, 342

Сончхон, Сонджу (провинция Пхёпан)
122, 123, 140, 239, 271, 272, 306, 308,
309, 349, 415

Сопхохан 20

Соса 234

Сосан 75

Сосу см. Туңцзя

Сосэнпхо см. Ульсан

Сохын 212, 284, 303

Сохэ см. Хванхэ, провинция

Сочхон, Саджу 116, 268, 356, 399

Сочхонская бухта 224

Соядо, Саядо 84

Соянган 277

СССР 16

Суан 262

Сувон 260, 270, 298, 302, 349, 397

Сукчхон, Тхондок 109

Сунан 227, 228

Сунгари 67, 68, 188, 425

Сунхын 157

Сунчхан 260

Сунчхон (провинция Пхёнан) 415

Сунчхон (провинция Чолла) 208, 234,
235, 319, 355, 361, 378, 399

Суцзы 238

Сучан 402

Сучхон 207

Суякчу см. Чхунчхон, уезд

США, Америка 6, 7, 312, 317, 322, 324—
327, 333, 335, 339—341, 346, 347, 350,
351, 358, 363—367, 369—371, 378,
381—383, 386—389, 408, 417, 421, 426,
427, 432

Сыппибу 59

Сюанью, Хентхо 27, 30, 31, 34—36, 44—
46, 67

Сюйчжоу 98

Табоктон 306, 307

Таиланд, Сиама 184

Тайвань 333, 363, 417

Тамян 225, 226, 399

Тандо 239

Танпхо 224

Тансон 226, 316, 318

Тансонпхо см. Намян

Танхан см. Намян

Танханпхо 224

Тапчхон 262, 305

Танян 415

Тибет 134

Тинхай см. Шанхай

Тихий океан 7, 218, 312, 333

Тогвон, Сонджу 349

Токио 336, 368, 396, 415, 417, 418

Токсан 56, 207, 226, 228, 318

Токчхон 415
Тонбу, Чвабу 48
Тонбук 263
Тонгён см. Кёнджу
Тонджу см. Чхорвон
Тоннэ 185, 220, 223, 320, 323, 337, 342
Тонсон 137
Торёппхо 125
Тосальсон 64
Туманган 16, 17, 188, 189, 216, 266, 369, 425
Тунцзя, Сосу, Малая река 34, 44
Тхампа см. Чеджудо
Тхонджин 228, 325
Тхонджу 123, 124
Тхондок см. Сукчхон
Тхонъён 223, 394
Тхосан 212
Тхохамсан 102, 103
Тхэбон, Маджин 99, 105—107, 109
Тхэбэксан 415
Тхэин 354, 399, 400
Тхэчхон 131, 307, 308
Тэбан см. Дайфан
Тэбудо 143
Тэгван 307
Тэгу 64, 220, 321, 368, 374, 392, 397
Тэдонган, Пхэган 17, 29, 67, 68, 73, 84, 85, 112, 124, 222, 228, 323, 324
Тэрёнган 131
Тэсонсан 68, 73
Тэсу см. Амноккан
Тэхын, Имджон 82, 232
Тэя см. Хёпчхон
Тяньцзинь 335, 340

Убан 289, 290
Убон 212
Убу см. Собу
Уе 190
Улыиндо 37, 63
Улы см. Гирин
Ульджин 133, 399
Ульсан, Сосэппхо, Чходжон 132, 186, 227, 229, 233—235, 318
Унджин см. Конджу
Унджу см. Конджу
Увмунсан 132, 133
Унсан 303, 304, 346, 370, 374, 379
Унчхон, река 39, 53
Унчхон см. Чханвон
Унчхонджу см. Конджу

Филиппины 388
Франция 252, 257, 312, 317, 322, 325, 335, 340, 342, 345, 350, 363, 365, 368, 370, 378, 432
Фучэ 238
Фэнхуанчэн 266

Хаман 61, 227, 318
Хамгён, Енан, Хамгиль 16, 18, 30, 32, 46, 64, 109, 127, 161, 172, 174, 183, 190, 203—205, 222, 228, 259, 262, 263, 265, 268, 274, 280, 300, 302—305, 307, 310, 318, 319, 322, 345, 346, 349, 352, 360, 369, 371, 374, 377, 378, 384—386, 400, 401, 411, 418, 425
Хамгиль см. Хамгён

Хамджу см. Хамхын
Хамхын 319
Хамхын, Хамджу 37, 128, 153, 204, 228, 319, 349
Хамчхан 349
Хамян 281
Ханган 17, 38, 52, 54, 57, 64, 68, 69, 73, 93, 171, 228, 234, 272, 311, 324, 326, 409
Хангибу 59
Ханджу см. Кванджу (провинция Кёнги)
Хансан см. Намхансан
Хансан 232
Хансанджу см. Кванджу (провинция Кёнги)
Хансандо 224, 231, 234
Хансон см. Кванджу (провинция Кёнги)
Хансон см. Сеул
Хансон см. Чэрён
Ханян см. Сеул
Хаппхо см. Масан, город
Хапчхон 133
Харбин 413
Хасоджу см. Каннын, уезд
Хваджу см. Ёнхын
Хванбу см. Нэбу
Хванджу 109, 310
Хвандо 46, 67, 73
Хваннё 131
Хвансанская равнина 81
Хвансон 356
Хванчхорён 64
Хванхэ, полуостров 17
Хванхэ, Пхунхэ, Сохэ, Хэсо, провинция 19, 30, 112, 115, 129, 130, 137, 140, 145, 146, 150, 174, 183, 185, 191, 202, 205, 212, 225, 227, 228, 236, 259, 262, 263, 274, 276, 277, 279, 284, 292, 300, 302, 304—307, 310, 311, 313, 322, 345, 346, 353, 356, 360, 369, 371, 377, 385, 393, 395, 400, 401, 410, 415, 425
Хварё см. Хуали
Хвасан 260
Хведок 319, 355, 356
Хвенчхон 157
Хверён 189, 216, 222, 228, 266, 267, 349, 402
Хвеян 377
Хёльгуджин 93
Хёльмон 297
Хёнпхун 223
Хёнтхо см. Сюаньту
Хёпчхон, Тэя 80, 223, 227
Хонам см. Чолла
Хонвон 153, 228
Хонджу 226, 232, 259, 312, 378, 399, 400
Хондо 143
Хончхон 356
Хорезм 137
Хосо см. Чхунчхон, провинция
Хоуянь 67
Хуайхэ 128
Хуали, Хварё 45
Хубу см. Пукпу
Хубэкче 99, 105, 106, 108, 114
Худжирён 402
Хунюнджин 216
Хучхан 320
Хыксандо 112
Хынсан 399

Хынхваджин 122—124
Хэджу 109, 115, 227, 356, 397, 415
Хэнджу 228
Хэсо см. Хванхэ, провинция
Хэтуала см. Лаочэн

Цанхай см. Чханхэ
Цзиань 44, 67, 74
Цзилин 52
Цзинь 55, 56, 67, 128, 134
Цзяньвань 72
Цзяньдао, Кандо 384, 398, 425, 426
Ци 25
Цусима 148, 160, 185, 259, 399

Чаган 73
Чаджу см. Часан
Чаёиндо 155
Чанансон 68, 73
Чанань 81, 93, 100
Чанги 303
Чандан 212, 268, 277
Чандэ 309
Чанхын 226, 284, 319
Чанчунь 34
Чангён 356, 393
Чаосянь см. Древний Чосон
Чарёиндо 369
Часан, Чаджу 124, 131, 138, 190, 262
Часон 190
Чвабу см. Тонбу
Чеджудо, Тхамна 130, 142, 143, 145, 151,
152, 157, 217, 301, 310, 319, 345, 349,
350, 352, 378, 438
Чемульпхо см. Инчхон
Чепхо см. Нэйпхо
Чечхон 359
Чжао 26
Чжифу см. Яньтай
Чжоцзюнь 70
Чжэнь см. Бохай
Чиксан 234, 236
Чиллён 355, 356
Чинбон см. Чэньфань
Чинви 135
Чинджу, Канджу, Чхонджу 90, 97, 106,
131, 133, 227, 229—231, 298, 318, 322,
328
Чиндо 142, 143, 235, 285
Чиндок 66
Чиннампхо 368, 369, 379
Чинпхо 155
Чинсан 225
Чинхэ 226
Чинчхон 131
Чире 226
Чоджиджин 326, 334
Чоксан, Ыйбёнсан 241
Чоксон 212, 284
Чокчинпхо 223
Чолла, Хонам 39, 107, 130, 131, 141—143,
150, 152, 155, 174, 183, 185, 193, 195,
197, 208, 209, 212, 217, 220, 222, 223,
225—230, 234, 240, 253, 258—260, 265,
268, 279, 280, 282, 284—286, 289, 295,
299—304, 311, 313, 317, 319, 322, 337,
349—356, 359—361, 369, 372, 373,
376—379, 386, 394, 399, 400, 410
Чоллёндо 234

Чомяннбу, Морянбу 59
Чонбу см. Намбу
Чонджу (провинция Пхёнан) 153, 155,
239, 306, 307, 309
Чонджу, Вансанджу (провинция Чолла)
90, 97, 99, 225, 234, 236, 349, 351, 354,
355, 415
Чонпхён 127, 251, 378
Чонсан 232, 399
Чонсон 189, 203, 216, 349
Чорён, перевал 220, 221
Чорен, уезд 322, 356
Чосон см. Древний Чосон
Чу 22
Чугён 81
Чуксан, Чукчу 99, 139, 236, 379
Чукчу см. Чуксан
Чунвон см. Чхунджу, уезд
Чунган 309
Чунганджин 190
Чуннён 221
Чунсан см. Накаяма
Чунхва 227
Чурю 82
Чуян см. Чхунчхон, уезд
Чханвон, Унчхон 185, 220, 223, 224, 226,
227, 229, 317
Чханнён 61, 64, 226, 227
Чхансо 143
Чхансон 143, 189
Чханхэ, Цанхай 26
Чхиаксан 433
Чхильпхо 317
Чхильчхон 234
Чхиян см. Пэчхон
Чходжон см. Ульсан
Чходо 17, 112
Чхойнсон см. Ёнин
Чхоллён 145
Чхольсан 239, 240, 308, 309, 415
Чхомсончхон 290
Чхонан 181, 284
Чхонджу, Совон 89, 91, 97, 226, 285, 319,
376, 377, 397
Чхонджу см. Кванджу (провинция Чхун-
чхон)
Чхонджу см. Чинджу
Чхондён см. Чэрён
Чхонпхун 300, 376
Чхонсан 356
Чхонхэджин 98
Чхончхонган, Сальсу 27, 44, 71, 122, 124,
131, 239, 240, 308, 309
Чхонъян 232
Чхорвон, Тонджу 99, 130, 322, 376
Чхунджу, Чунвон, уезд 91, 137, 212, 221,
236
Чхунджу, крепость 137, 139—141
Чхунджу см. Чхунчхон, уезд
Чхунсуи, Менхаксо 130
Чхунчхон, Хосо, провинция 39, 75, 139,
142, 174, 183, 185, 193, 197, 208, 211,
212, 222, 225, 226, 228, 230, 232—234,
240, 259, 262, 263, 279, 280, 284, 285,
292, 295, 302, 311, 317, 319, 322, 325,
329, 350—353, 355, 360, 361, 372, 373,
376—378, 386, 399—401, 411, 415
Чхунчхон, Сакчу, Суякчу, Чуян, Чхун-
джу, уезд 53, 90, 376

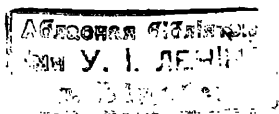
Чхупхун 220, 221
Чхэркуу 44
Чэньфань, Чинбон 27, 30
Чэрён, Хансон, Чхондон 84, 393, 395

Шанхай, Тинхай 93, 312, 325, 347, 426, 430
Шаньдун, провинция 71, 112
Шаньдунский полуостров 93
Шаньси 334
Шэньян, Симян 71, 151, 239

Ыйбёнсан см. Чоксан
Ыйджу, Поджу 122, 124, 128, 134—136, 153, 155, 222, 227, 239, 240, 253, 264—267, 287, 306, 308, 314, 338, 359, 360, 369, 370, 374, 375, 377, 385, 392, 415
Ыйрён 223, 227, 229
Ыйсан 291
Ыйсон 227
Ыллюл 393, 395
Ымсон 400
Ымчхук 276
Ынджин 206, 319, 377
Ынсон 189

Южная Корея 9, 25, 44, 437
Южно-Уссурийский край 439
Юльпхо 224

Ява 184
Ялу см. Амноккан
Янбу 59
Янгван 107, 130, 131, 135, 145, 150
Янджу, Намгён 109, 117, 143, 401
Янджу см. Янсан
Янсан, Самьянджу, Янджу 90, 220
Янсан, гора 58
Янсан, крепость 140
Янсо 263
Янсон 206
Янхваджин 339
Янхори 73
Янъян 292
Янь 26, 46, 67
Янтай, Чжифу 324
Япония, Вэ 4—7, 15, 17, 24, 30, 32, 38—40, 42, 55—57, 67—69, 73, 76—79, 81, 82, 89, 93, 98, 101, 104, 112, 143, 146—148, 150, 155, 165, 185, 186, 195, 218, 220, 222, 225, 229, 232—234, 236, 259, 261, 262, 267, 288, 296, 312, 317, 318, 320, 322, 324, 325, 327, 329, 333—337, 339—348, 354, 356, 358, 359, 361, 363—370, 372—375, 377, 378, 382—390, 392—399, 401, 403, 405, 408, 411—414, 416—422, 424, 425, 427, 430, 435, 436
Японские острова 6, 32, 42, 58
Японский архипелаг 15
Японское море, Восточное море 15, 33, 36
Ятумэ см. Етоумэй

409413

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

Часть первая

Древняя история и средние века

Глава 1.	
Первобытно-общинный строй. Проблемы древней истории	15
Естественно-географическая среда	15
Палеолит	16
Неолит	17
Период бронзы	21
Проблема Древнего Чосона	25
Ранний железный век	28
Культура Аннана	30
Глава 2.	
Зарождение феодальных отношений. Возникновение и развитие трех государств — Когурё, Пэкче и Силла	33
Корейские племена в первые века новой эры	33
Утверждение государства Когурё	42
Утверждение государства Пэкче	50
Утверждение государства Силла	58
Развитие трех государств и их взаимоотношения. Войны и внешние связи	67
Культура трех государств	73
Глава 3.	
Объединение Кореи в период раннего средневековья. Утверждение феодализма	80
Борьба против танских завоевателей и объединение страны под властью Силла	80
Социально-экономический и политический строй объединенного Силла	87
Развитие производительных сил в Силла	92
Развитие феодальных отношений. Ослабление централизованного государства	94
Культура Силла	99
Глава 4.	
Государство Корё в X—XII вв.	105
Создание единого централизованного государства Корё	105
Экономика Корё	109
Земельная система	113
Классовая структура	117
Феодальная эксплуатация	119
Войны с киданями	121
Начало ослабления Корё	125
Феодальные междоусобицы и крестьянские восстания в XII в.	128
Глава 5.	
Борьба корейского народа против монгольских завоевателей. Падение династии Корё	134
Корё накануне монгольских нашествий (1218—1231)	134
Вторжение монгольских завоевателей в 1231—1232 гг.	136

Борьба корейского народа против монгольских нашествий (1232—1259)	138
Восстание войск Самбёльчо	141
Отношения Корё с Юаньской империей	144
Социально-экономическое и политическое положение Корё в конце XIII — первой половине XIV в.	148
Крушение Юаньской империи. Разгром «армии красноголовых»	152
Обострение внутренних противоречий во второй половине XIV в.	155
Осуществление закона о чиновных наделах (кваджон). Установление новой династии	160
Культура Корё	164
Глава 6.	
Укрепление феодального государства в конце XIV—XV в.	170
Организация централизованного государственного управления	170
Положение сословий	176
Налоговая система	180
Внешняя политика Кореи в первой половине XV в.	184
Развитие производительных сил. Сельское хозяйство, ремесло, торговля	190
Изменения в земельных отношениях	196
Классовая борьба крестьян и междоусобные распри феодалов	201
Глава 7.	
Ослабление централизованного феодального государства (XVI — первая половина XVII в.). Борьба корейского народа против японских и маньчжурских нашествий	206
Социально-экономические изменения в Корее в XVI в.	206
Народные выступления против феодального гнета. Междоусобная борьба феодалов и появление «партий»	211
Внешнеполитическое положение Кореи во второй половине XVI в. Имджинская отечественная война корейского народа против японских захватчиков. Начальный этап	216
Операции корейского флота под командованием Ли Сунгина	218
Народная война против японских захватчиков	223
Корея в период мирных переговоров. Второе японское нашествие	225
Корея после Имджинской войны	229
Борьба против маньчжурских нашествий	236
Наука и общественная мысль в XV — первой половине XVII в. Зарождение сирхак	238
Литература и искусство	241

Часть вторая

Корея в новое время

Глава 1.	
Новые тенденции в социально-экономическом развитии Кореи (вторая половина XVII—XVIII в.)	257
Развитие сельского хозяйства, ремесла и промыслов	257
Внутренняя и внешняя торговля	264
Качественные изменения в экономике	269
Аграрные отношения и социальная структура	275
Формы феодальной эксплуатации	279
Глава 2.	
Рост социальных противоречий и идеологическая борьба в XVII—XVIII вв.	284
Крестьянские восстания. Политика «умиротворения» феодальных противоречий	284
Усиление идеологической борьбы. Расцвет сирхак	287
Наука. Литература. Искусство	295
Глава 3.	
Начало загнивания феодального общества в Корее (первая половина XIX в.)	299
Рост эксплуатации. Упадок экономики	299
Крестьянское восстание 1811—1812 гг.	304
Начало колониальной экспансии в Корее	310
Творчество Чон Дасана	312

Глава 4.	
Корея накануне вторжения иностранного капитала (60—70-е годы XIX в.) . . .	316
Дальнейшее ухудшение социально-экономического положения страны	316
Крестьянские восстания в 1862 г. Возникновение тонхак	318
Попытки укрепления феодального централизованного государства (правление тэвонгуна)	320
Борьба корейского народа против попыток капиталистических держав вторгнуться в Корею	322
Возникновение кэхва ундон	327
Культура Кореи в XIX в.	329
Глава 5	
Начало колониального закабаления Кореи. Подъем освободительной борьбы корейского народа (1876—1892)	333
Заключение Кореей неравноправных договоров	333
Корея после Канхваского договора. Национально-освободительная борьба корейского народа	336
Расширение кэхва ундон. Попытка переворота в 1884 г.	339
Колониальная экспансия капиталистических держав в Корею в 1885—1892 гг.	344
Глава 6.	
Крестьянская война 1893—1894 гг. «Реформы года кабо»	348
Положение в стране накануне восстания	348
Начало крестьянской войны	350
Наступление крестьянской армии в феврале—июле 1894 г.	353
Корея в период японо-китайской войны. Реформы 1894 г.	356
Разгром повстанческого движения	360
Глава 7.	
Колониальная экспансия капиталистических держав. Борьба корейского народа за независимость (1895—1903 гг.)	363
Политическая обстановка в стране	363
Закабаление Кореи японским империализмом и экспансия капиталистических держав	366
Новые черты социально-экономического развития Кореи	371
Антиимпериалистическая борьба корейского народа	376
Возникновение первых политических организаций. Культурно-просветительское движение	379
Глава 8.	
Национально-освободительное движение в 1904—1910 гг. Аннексия Кореи	382
Русско-японская война и Корея	382
Установление японского протектората над Кореей	386
Усиление экономической и политической экспансии японского империализма	390
Вооруженная борьба народных масс против японских колонизаторов	397
Деятельность патриотических организаций. Культурно-просветительское движение	406
Аннексия Кореи	413
Глава 9.	
Корея после аннексии	419
Японский колониальный режим	419
Освободительное движение корейского народа	424
Корейская культура в конце XIX—начале XX в.	428
Примечания	436
Словарь корейских терминов	441
Указатель имен	451
Указатель географических названий	460

ИСТОРИЯ КОРЕИ
(с древнейших времен до наших дней)

Том I

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Л. Модель*
Мл. редакторы *Н. В. Бершвили,*
Р. Г. Селиванова
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Н. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Л. И. Письман* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 23/XI—1972 г. Подписано к печати
30/VIII—1973 г. А-06918. Формат 70 × 108¹/₁₆.
Бум. № 1. Печ. л. 29,5. Усл. п. л. 41,3. Уч.-изд.
л. 42,82. Тираж 3000 экз. Изд. № 3035. Зак. № 1931.
Цена 3 р. 05 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16,